

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КУБАНИ

АНТИЧНОЕ
НАСЛЕДИЕ
КУБАНИ

Russian Academy of Sciences
Department
of History and Philology
Institute of Archaeology
Institute of Universal History

ANCIENT HERITAGE OF KUBAN

In three volumes

Edited by
G. M. Bongard-Levin,
V. D. Kuznetsov

Volume III

Moscow
Nauka
2010

Российская академия наук
Отделение
историко-филологических наук
Институт археологии
Институт всеобщей истории

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КУБАНИ

В трех томах

Под редакцией
академика
Г. М. Бонгард-Левина,
В. Д. Кузнецова

Том III

Москва
Наука
2010

Редакционная коллегия:

Алексеев А.Ю., д.и.н.

Бонгард-Левин Г.М., академик РАН

Бухарин М.Д., д.и.н.

Завойкин А.А., д.и.н.

Иванчик А.И., член-корреспондент РАН

Кокунько Г.В., НП «Историко-культурное наследие Кубани»

Кошеленко Г.А., член-корреспондент РАН

Кузнецов В.Д., д.и.н. (главный редактор)

Марченко И.И., к.и.н.

Мунчаев Р.М., член-корреспондент РАН

Пиотровский М.Б., член-корреспондент РАН

Румянцева Т.Д., генеральный директор Благотворительного фонда «Вольное Дело»

Рецензенты:

Карпов С.П., член-корреспондент РАН

Масленников А.А., д.и.н.

Молодин В.И., академик РАН

Научно-редакционная группа:

Бухарин М.Д., Лучишкина Н.П., Соломатина Е.И.

Художник

Эрман Э.А.

Античное наследие Кубани : В 3 т. / Отд-ние истор.-филол. наук РАН ;
Ин-т археологии РАН ; Ин-т всеобщ. истории РАН ; ред., сост. акад. РАН
Г.М. Бонгард-Левин, д-р ист. наук В.Д. Кузнецов. — М. : Наука, 2010 — . —
ISBN 978-5-02-036881-1.

Т. 3. — 2010. — 572 с. — ISBN 978-5-02-037389-1.

В монографии на основе комплексного междисциплинарного подхода освещены страницы древней истории Прикубанья: история отдельных этносов, экономическая история, история искусства, религии и культуры, история и состав музейных коллекций России, ближнего и дальнего зарубежья. Авторскому коллективу удалось представить уникальный специфический характер древней истории Прикубанья — взаимодействие нескольких древних цивилизаций — античной, иранской (скифо-сарматской) и местной кавказской — и показать роль и место Прикубанья в истории античного мира и Древнего Востока. Особенностью данного издания является опора на последние достижения науки о древности в области археологии, эпиграфики и истории.

Для специалистов историков, археологов, эпиграфистов, филологов и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-036881-1
ISBN 978-5-02-037389-1 (т. 3)

© Отделение историко-филологических наук РАН;
Институт археологии РАН;
Институт всеобщей истории РАН, 2010
© Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д., составление,
2010
© Эрман Э.А., художественное оформление, 2010
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть XIV

КРАСНОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК им. Е.Д. ФЕЛИЦЫНА..... 10

Глава 1. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д.Фелицына (Е.А. Хачатурова) 12

Глава 2. Мезмай (Н.Ф. Шевченко) 56

Глава 3. Таманский музейный комплекс (Э.Р. Устаева, Д.В. Журавлев)..... 64

Глава 4. Анапский археологический музей-заповедник (Е.М. Алексева, О.В. Галут, И.Н. Мельникова, Е.А. Хачатурова)..... 98

Глава 5. Темрюкский историко-археологический музей (Д.В. Журавлев, Л.А. Ильиных)..... 146

Глава 6. Новороссийский исторический музей-заповедник (А.А. Малышев, А.В. Шишлов)..... 158

Часть XV

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ..... 168

Глава 1. Древности скифской эпохи из Прикубанья (Л.К. Галанина, А.Ю. Алексеев)..... 170

Глава 2. Древности эллинические и местные (Е.В. Власова)..... 198

Глава 3. Глиптика (О.Я. Неверов) 264

Глава 4. Древности Прикубанья римской эпохи (И.П. Засецкая) 276

Часть XVI

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ..... 294

Глава 1. Памятники греческого и римского периодов (Д.В. Журавлев) 296

Глава 2. Памятники скифо-сарматского времени и раннего Средневековья из Прикубанья (К.Б. Фирсов) 328

Часть XVII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ им. А.С. ПУШКИНА..... 354

Глава 1. Античные древности Таманского полуострова (С.И. Финогенова) 356

Глава 2. Терракотовые статуэтки Азиатского Боспора (Т.А. Ильина)..... 380

Часть XVIII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ НАРОДОВ ВОСТОКА..... 392

Глава 1. Коллекция предскифского и скифского времени (В.Р. Эрлих) 394

Глава 2. Позднеэллинистический и римский периоды (Е.А. Беглова)..... 410

Часть XIX

ДРЕВНОСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КЕРЧЕНСКОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЗАПОВЕДНИКЕ (Н.В. Быковская)..... 424

Часть XX

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ (В.Р. Эрлих) 448

Часть XXI	
АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ (В.Р. Эрлих)	464
Часть XXII	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (Н.А. Бугрова, Д.В. Журавлев)	476
Часть XXIII	
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) (Ю.А. Виноградов)	492
Часть XXIV	
«МАЙКОПСКИЕ СОКРОВИЩА» В МУЗЕЯХ ГЕРМАНИИ И США (А.М. Лесков)	500
Библиография (В.А. Гаубов)	527
Сведения об авторах	568
Список принятых сокращений	569

CONTENTS

Part XIV	
KRASNODAR STATE HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MUSEUM OF E.D. FELITSYN	10
Chapter 1. Krasnodar State Historical and Archaeological Museum (E.A. Khachaturova)	12
Chapter 2. Mezmai (N.F. Schevchenko)	56
Chapter 3. Taman Museum (E.R. Ustaeva, D.V. Zhuravlev)	64
Chapter 4. Anapa Archaeological Museum (E.M. Alexeeva, O.V. Galut, I.N. Melnikova, E.A. Khachaturova)	98
Chapter 5. Temriuk Historical and Archaeological Museum (D.V. Zhuravlev, L.A. Ilinykh)	146
Chapter 6. Novorossiisk Historical Museum (A.A. Malyshev, A.V. Shishlov)	158
Part XV	
STATE HERMITAGE	168
Chapter 1. Antiquities of the Scythian Period from Kuban Region (E.K. Galanina, A.Yu. Alexeev)	170
Chapter 2. Hellenic and Local Antiquities (E.V. Vlasova)	198
Chapter 3. Glyptics (O.Ya. Neverov)	264
Chapter 4. Antiquities of the Roman Period in the Kuban Region (I.P. Zasetzkaya)	276
Part XVI	
STATE HISTORICAL MUSEUM	294
Chapter 1. Antiquities of Greek and Roman Periods (D.V. Zhuravlev)	296
Chapter 2. Antiquities of the Scytho-Sarmatian Period and Early Middle Ages from Kuban Region (K.B. Firsov)	328
Part XVII	
STATE PUSHKIN MUSEUM OF FINE ART	354
Chapter 1. Antiquities of Taman Peninsula (S.I. Finogenova)	356
Chapter 2. Terracotta Figurines of Asiatic Bosporos (T.A. Ilina)	380
Part XVIII	
STATE MUSEUM OF ORIENTAL ART	392
Chapter 1. Collection of Proto-Scythian and Scythian Periods (V.R. Erlich)	394
Chapter 2. Late Hellenistic and Roman Periods (E.A. Beglova)	410
Part XIX	
ANTIQUITIES OF TAMAN PENINSULA IN KERCH HISTORICAL MUSEUM (N.V. Bykovskaya)	424

Contents

Part XX

ADYGEA NATIONAL MUSEUM (*V.R. Erlich*) 448

Part XXI

ABKHASIA STATE MUSEUM (*V.R. Erlich*) 464

Part XXII

TATAR NATIONAL MUSEUM (*N.A. Bugrova, D.V. Zhuravlev*) 476

Part XXIII

PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND
ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMMER) (*Yu.A. Vinogradov*) 492

Part XXIV

"MAIKOP TREASURES" IN THE MUSEUMS OF GERMANY AND USA
(*A.M. Leskov*) 500

Bibliography (*V.A. Gaibov*) 527

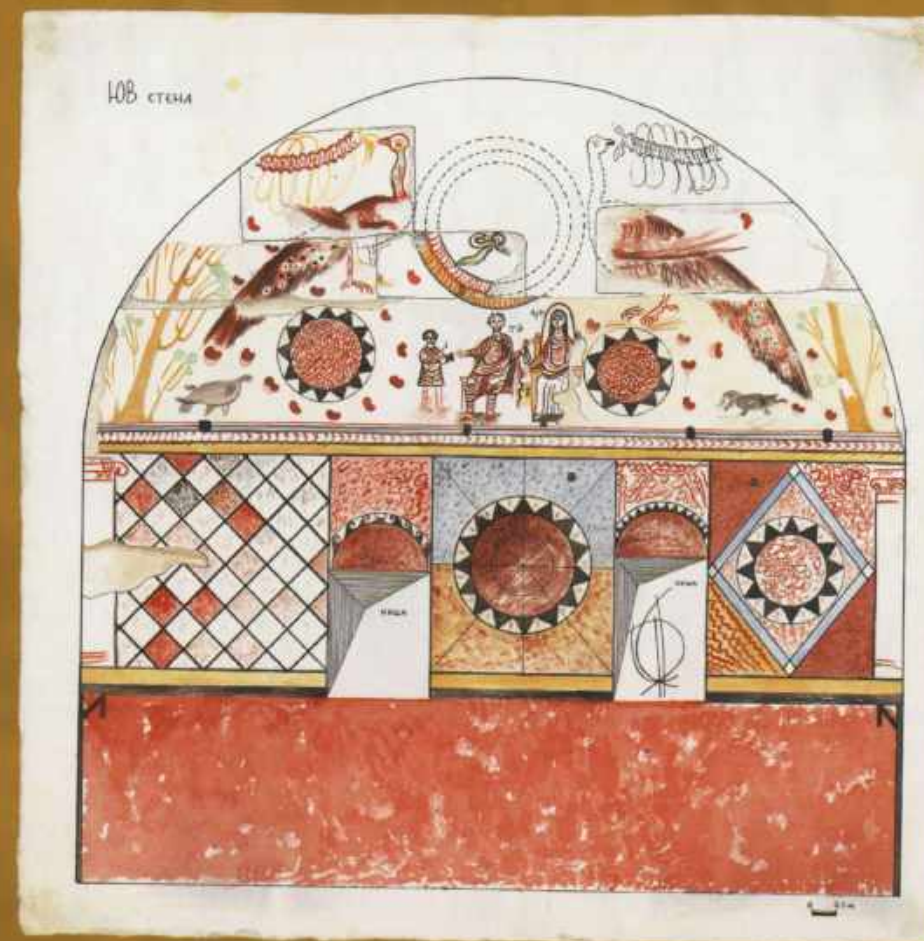
Contributors 568

Abbreviations 569

Часть XIV

КРАСНОДАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
им. Е. Д. ФЕЛИЦЫНА

КРАСНОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК им. Е. Д. ФЕЛИЦЫНА

Е. А. ХАЧАТУРОВА

Археологические фонды Краснодарского музея-заповедника насчитывают более 160 000 единиц хранения¹. Первые предметы и коллекции поступили в 1879–1892 гг. в созданный при Кубанском областном статистическом комитете музей благодаря собирательной деятельности Е. Д. Фелицына — секретаря комитета, который стал основателем музея². После назначения Фелицына в 1892 г. в Тифлис, пополнение коллекций приостановилось. С приходом в музей в 1907 г. К. Т. Живило, вокруг музея сформировалась группа энтузиастов, занимавшихся изучением Кубанского края, и вскоре появилась первая книга учета коллекций.

В 1911 г. на должность заведующего музеем был назначен отставной войсковой старшина И. Е. Гладкий, стала проводиться собирательская деятельность, экспозиция музея пополнялась новыми предметами. В архиве музея сохранились документы, свидетельствующие о напряженной работе И. Е. Гладкого по выявлению, сохранению и сбору предметов старины. Переписка, которую он вел с известными учеными — В. В. Шкорпил, Н. И. Веселовским, В. В. Соколовым и др., — показывает насколько массовыми были грабежи древних могильников и поселений, как они беспощадно разрушались. Уникальные находки, добытые при хищнических раскопках, перепродавались и вывозились на антикварные рынки, прежде всего — в Керчь.

В. В. Соколов в своем письме И. Е. Гладкому от 2 декабря 1913 г. писал: «Один таманский казак обратился ко мне с предложением купить у него большую каменную плиту с надписью... Плита, действительно большая, с рельефным изображением трех фигур и тремя строками надписи, но, к сожалению, надпись настолько сбита, что памятник эпиграфического интереса не имеет, а может только служить как образчик древнегреческих надгробий. Если хотите, приобрету. Раскопки гробокопателей уже начались и идут полным ходом, но мне хороших вещей не приносят, очевидно, все лучшее идет в Керчь... Жду, когда замерзнет море и прекратится сообщение с Керчью, тогда и нам что-то перепадет»³.

Судя по письмам, масштабы этой грабительской торговли были велики. Так, в письме от 31 декабря 1913 г. Шкорпил сообщал Гладкому: «Носятся слухи, что роскошные вещи, найденные на Таманском полуострове, были куплены торговцем Ермолаем Запорожским и проданы за границу... Из Тамани в последнее время казаки опять начали привозить древности, по типу их видно, что раскопки проводятся возле Тузлы и возле хутора Кротенко, где я копал в 1911 и в этом году»⁴. В этом же письме автор сообщает о продаже в Керчи из Майкопа 300 золотых и электровых монет Савромата II, Рескупорида II и Котиса III из клада, найденного в ст. Ханской близ Майкопа. Не менее значительными, как пишет Шкорпил в письме Гладкому, были находки в 1912 г. в ст. Благовещенской, где в кургане была найдена позолоченная серебряная чаша и много других вещей⁵. В письме 1913 г. он сообщал об экспроприации у таманских казаков золотых вещей, найденных в каком-то кургане. Шкорпил просил Гладкого: «Так как эти вещи представляют собой весьма ценный вклад в археологическую науку, я имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие доложить об этом Его Превосходительству г. Наказному атаману Кубанского войска и спросить у него разрешения на снаряжение строжайшего следствия по этому вопросу»⁶. Описываемые в письмах случаи борьбы с грабителями курганов и могильников, которых тогда называли «счастливчиками», были весьма драматичны.

Эта переписка помогает восстановить историю поступления в Кубанский музей отдельных предметов. Так, в письме от 20 января 1915 г. Соколов

писал: «Прилагаю Вам рисунок леканы, которую выкопали на участке Тищенко и которую можно купить за 6 рублей, я просил подождать с продажей, пока сношусь с Вами, может быть, Вы пожелаете приобрести для музея? Она была разбита, но в настоящее время склеена, так что повреждения еле заметны»⁷. Эта чернолаковая лекана была приобретена Гладким и хранится по настоящее время в музее.

По инициативе Гладкого, Шкорпила и других энтузиастов администрация Кубанской области издавала приказы об охране памятников, инструкции и опросные листы. Местные власти устраивали засады, облавы, обыски у грабителей, отбирали найденные древние предметы, которые «счастливики» пытались перевезти на антикварные рынки Керчи или продавали на местах перекупщикам. Отобранные у грабителей или купленные предметы поступали в Кубанский войсковой музей, в котором сложилась коллекция античных предметов, включающая керамику, украшения, бытовые и туалетные принадлежности, памятники эпиграфики и надгробия, терракотовые статуэтки.

Среди наиболее известных эпиграфических памятников — известняковая плита с надписью, опубликованная В.В. Латышевым в 1915 г.⁸ Эта плита-карниз была обнаружена и изъята атаманом ст. Вышестеблиевской у казака А.С. Потаманова. Найдена же она была его сыном летом 1914 г. в юрте ст. Запорожской и доставлена в ст. Вышестеблиевскую. После хлопот Соколова и Гладкого плита была перевезена в г. Екатеринодар в музей, где и хранится (рис. 1)⁹.

Созданию античной коллекции музея послужили и другие любители старины, дарившие музею небольшие частные коллекции или отдельные предметы. Большая часть их поступала с территории Таманского полуострова.

В 1911 г. урядники ст. Таманской передали в дар музею чернолаковые сетчатые и арибаллические лекифы, солонки, светильники, чаши, найденные на м. Тузла близ Тамани (рис. 2). В 1912 г. восемь сосудов и терракот, найденных на Тамани, были переданы в музей жителем г. Керчи (рис. 3). От атамана ст. Таманской также поступило несколько сосудов. В 1913 г. приставом ст. Таманской были подарены музею две великолепные чернофигурные вазы — ольпа и ойнохоя, а также краснофигурная пелика, которые и поныне являются украшением музейной коллекции (рис. 4). Среди дарителей выделяется личность Соколова, который подарил Кубанскому музею более сотни античных сосудов, украшений, оружия. В музейной экспозиции была его именная витрина.

Так, благодаря деятельности создателей музея, краеведов, жителей Кубани Кубанский войсковой музей стал обладателем немногочисленной, но выразительной коллекцией античных предметов. Среди них выделяются группа каменных надгробных стел и эпиграфические памятники. Известная посвятельная надпись КБН 1014¹⁰ Ксеноклида, сына Посия середины IV в до н.э., найденная на Таманском п-ве возле ст. Ахтанизовской в 1818 г., поступила в

Рис. 1. Плита-карниз. IV в. н.э.
Известняк. Ст. Вышестеблиевская.
1914 г. КБН 1112

Рис. 2. Лекиф чернолаковый арибаллический. IV в. до н.э. Глина. Тамань. До 1917 г.

Рис. 3. Сосуды краснолаковые. I–IV вв. н.э. Глина. Тамань. 1912 г.

войсковой музей, где сохранилась часть «В». Известняковая стела (нижняя часть) с изображением сидящей в кресле женщины, обращенной вправо, и двух фигурок служанок, стоящих перед ней и за креслом, с надписью «Рома, жена Дада, прощай»¹¹ была найдена в 1880 г. в районе городища Фанагории С.И. Веребрюсовым при раскопках второго кургана на участке Шапырева, датируется второй половиной I в. н.э. (рис. 5).

В 1888 г. в музей была передана найденная ранее близ Тамани мраморная плита¹² служившая надгробием с надписью «В добрый час! Эвфросин, сын Самбиона, он же Патир, и его жена Лимия. Прохожим привет. В 642 году и

Рис. 4. Сосуды (слева направо): ольпа чернофигурная; ойнохоя чернофигурная. Конец VI в. до н.э.; пелика краснофигурная. V в. до н.э. Глина. Тамань. 1913 г.

Рис. 5. Фрагмент надгробия. I в. н.э. Известняк. Таманский полуостров, близ Фанагории. 1880 г. КБН 998

Рис. 6. Фрагмент надгробия. Мрамор. I в. н.э. Тамань. 1888 г. КБН 1091

месяца Гиперберетея 12-го числа» (рис. 6). В 1910 г. на берегу Кизилташского лимана на «Батарейке» был найден обломок известняковой стелы¹³ со стихотворной надписью «Кпеефир, тебя, погибшего восемнадцатилетнего потомка Кабафакса, укрывает насыпанная земля», датируемый IV в. до н.э. (рис. 7).

Часть рельефных стел, хранящихся в музее, депаспортизированы, т.е. время их поступления и место находки неизвестны.

Около двухсот единиц насчитывает коллекция терракотовых статуэток; большая их часть поступили в музей до 1917 г. Часть терракот, найденных в тот же период, в 1924 г. были переданы из картинной галереи им. Ф.А. Коваленко. Коллекция довольно разнообразна, в ней представлены основные типы терракотовой пластики с конца VI в. до н.э. по I—III вв. н.э. Одной из наиболее ранних является небольшая статуэтка девушки в высоком головном уборе, так называемая кукла с подвесными конечностями и четко выделенной мускулатурой живота. Подвесные части утрачены, глина светло-желтого цвета, высота 6,2 см, датируется последней четвертью VI в. до н.э. — первой четвертью V в. до н.э. (КМ 6348/4)¹⁴.

Наиболее многочисленную группу составляют протомы женского божества — маски и полуфигуры, бытовавшие достаточно длительное время, с конца VI в. до н.э. до III в. до н.э. Среди них есть архаические родосско-ионийского типа, для которых характерна прямоугольная форма с округлым верхом, вытянутый овал лица, глаза миндалевидной формы, низкий лоб, прическа из двух рядов округлых локонов, крупный нос, высоко посаженное ухо, развер-

нутые в фас губы с приподнятыми уголками, покрывало — поверх невысокой стифаны (высота — 4,5 см.; рис. 8). Одна из протом несет на себе влияние аттического искусства, датируется V—IV вв. до н. э. и представляет собой фрагмент высотой 5 см, без верхней половины. Сохранились также несколько полуфигур богини со сложенными на груди руками, в головном уборе с покрывалом, спускающимся на плечи. Черты лица проработаны слабо, детали дополняются краской.

Популярный на Боспоре образ Кибелы также нашел отражение в коллекции терракот. Статуэтка изображает Кибелу сидящей со львом на коленях в кресле с подлокотниками, завершающимися львиными головками. Она одета в хитон с круглым вырезом и плащ, укрывающий ступни. Склеена из четырех фрагментов, утрачена голова. Высота 12,5 см, датируется III—I вв. до н.э. К поздним изображениям Кибелы римского времени, когда образ этой богини теряет многие присущие ему черты, относится статуэтка, где Кибела сидит на троне, придерживая левой рукой тимпан. Вместо льва под ногами богини — скамья. В правой (отбитой) руке, была, вероятно, чаша. Черты лица переданы обобщенно. На лице выделен крупный нос, острый подбородок. Высота 10,5 см.; датируется I—II вв. н.э. (рис. 9)¹⁵.

В той же коллекции находится и статуэтка крылатой богини Ники (рис. 10). Богиня изображена в движении, которое подчеркивают складки хитона, стан выпрямлен, правая рука приподнята, левая — опущена и слегка отведена назад, в левой руке — пальмовая ветвь. На голове высокая стифана, волосы уложены на затылке, черты лица правильные. Статуэтка полая, выполнялась в нескольких формах. Аттический тип. Высота 20,5 см. Датируется V—IV вв. до н.э.¹⁶ Из этой же коллекции происходят статуэтки и их фрагменты, изображающие, предположительно, Зевса, Аполлона, Гермеса, Диониса (рис. 11). Фрагмент статуэтки Эрота, в виде юноши, с плащом на правом плече, сливающимся с развернутыми крыльями (рис. 12). Известны маски Диониса, Силена и Сатира. Маска безбородого улыбающегося Диониса-Винограда (амисского происхождения или выполненная в привозной форме) близка маскам, найденным в Мирмекии, которые датируются II—I вв. до н.э.¹⁷ Волосы Диониса изображены в виде скопления ягод винограда, на голове высокий убор типа тюрбана. Поверх белой обмазки, покрывающей маску, сохранились следы красной, пурпурной и черной красок. Высота 11 см.

Рис. 7. Фрагмент стелы. IV в. до н.э.
Известняк. Кизилташский лиман.
1910 г. КБН 1113

Рис. 8. Протомы богини родосско-ионийского типа. Конец VI — начало V в. до н.э. Фрагмент. Глина. Таманский полуостров, до 1917 г.

Рис. 9. Кибела. Статуэтка. I—II вв. н.э. Глина. Таманский полуостров, дата поступления неизвестна

Рис. 10. Богиня Ника. Статуэтка. V—IV вв. до н.э. Глина. Тамань, до 1917 г.

Рис. 11. Голова мужского божества (Зевса?). Статуэтка. V—IV вв. до н.э. Глина. Место и дата поступления неизвестны

Рис. 12. Эрот. Статуэтка. IV—III вв. до н.э. Глина. Тамань, до 1917 г.

Древний демон, спутник Диониса Силен изображен на маске (рис. 13), высотой 8,5 см, также датирующейся II—I вв. до н.э. Возможно, Аполлон был представлен на фрагменте статуэтки (рис. 14). Обнаженный торс, справа на плечо спускается локон волос, плащ перекинут через слегка согнутую левую руку, правая опущена и поддерживает складки плаща. Статуэтка выполнена качественно, полая, сохранились следы заглазуровки. Высота — 10 см; датируется IV—III вв. до н.э. — близкими аналогиями являются статуэтки из Ольвии¹⁸.

В коллекции есть жанровые статуэтки, изображающие женщин и детей (рис. 15, 16). Расцвет этого, так называемого «танагрского стиля» прихо-

дится на конец IV—III в. до н.э. Статуэтки, подражающие танагрским, стали изготовлять на Боспоре. Одна из наиболее изящных (рис. 17) представляет собой задрапированную в плащ фигуру, полая без базы. Высота 14 см; датируется III—II вв. до н.э.¹⁹

Культу конного бога, подобного Фракийскому всаднику, посвящались статуэтки всадников. Такая статуэтка есть и в коллекции музея, где всадник изображен со щитом на спокойно стоящем коне (рис. 18). Высота статуэтки 12,7 см; датируется II—I вв. до н.э.²⁰

Статуэтки сидящей на троне богини, в образе которой соединились черты Деметры, Коры, Афродиты и Кибелы, характерны для позднего периода развития коропластики — I—III вв. н.э. В нашей коллекции их три. Богиня изображена в высоком башенном головном уборе с покрывалом поверх него, образующим подобие навеса (рис. 19). Лицо с крупным носом и острым подбородком, в ушах круглые серьги. Длинный хитон, укрывающий ступни, уложен в рельефные складки. Ноги покоятся на высокой подставке. Руки, согнутые в локтях, обычно держат культовые сосуды. Высота первой 18,5 см, второй 14,5 см, третьей 13,5 см²¹. Аналогии статуэткам есть в Пантикапее.

К группе марионеток и культовым фигуркам нашей коллекции можно отнести статуэтки с подвесными ногами²². Среди них наиболее интересна фигурка с бычьими рогами на голове, крупными округлыми ушами, вздернутым носом, вытянутым острым подбородком (рис. 20). Широкий полураскрытый в улыбке рот, хорошо промоделированы глаза, брови; руки приподняты, в правой руке — круглый предмет. Одевание в виде колокообразной рубахи подвязано поясом со свисающими вниз концами. По бокам рубахи — отверстия для подвешивания шнура, крепящего ноги и фалл. Имеются утраты. Высота — 25 м. Найдена на Таманском п-ве; датируется I—II вв. н.э.²³

Культовое значение, вероятно, имели терракотовые погремушки, две крышки которых — в нашей коллекции (рис. 21). На них изображены довольно уродливые рельефные детские фигурки с крыльями — изображения Эрота со скрещенными ногами, в правой руке — «факелы» и «спираль». Со-

Рис. 13. Силен. Маска. II—I вв. до н.э. Глина. Таманский полуостров, до 1917 г.

Рис. 14. Аполлон. Статуэтка. IV—III вв. до н.э. Фрагмент. Глина. Таманский полуостров, до 1917 г.

Рис. 15. Статуэтка женская. I в. до н.э. Глина. Тамань, до 1917 г.

Рис. 16. Сидящий мальчик. Статуэтка. III в. до н.э. Глина. Тамань, до 1917 г.

Рис. 17. Статуэтка женская. II в. до н.э. Глина. Тамань, до 1917 г.

Рис. 18. Всадник. Статуэтка. II—I вв. до н.э. Глина. Таманский полуостров, до 1917 г.

хранились полоски, нанесенные черной краской. Размеры: 14,5 × 7 см; датируется II—III вв. н.э. Д.В. Журавлев в одной из своих статей отметил, что большая часть находок подобных предметов была сделана на Боспоре²⁴. Он ссылается на мнение М.А. Романовской о боспорском производстве «погрешек» и их культовом назначении²⁵ и полагает, что эти предметы «могли служить в качестве своего рода апотропеев»²⁶.

В дореволюционный период в коллекцию Кубанского войскового музея поступили и отдельные бронзовые импортные сосуды, большая часть которых также была депаспортизирована. В 1912 г. у кладоискателей были отобраны в ст. Тульской несколько предметов, в том числе и бронзовый кувшин с устьем в виде трилистника, литой вертикальной ручкой без украшений, на плоском дне; датируется I в. н.э. Б.А. Раев относит его к типу 124 Эггерса (рис. 22)²⁷.

В эти же годы поступила цедилка бронзовая с широким отогнутым наружу венчиком, плоской литой ручкой с украшенным пальметкой атташем, завершающейся лебединой головкой. Ручка закреплена тремя заклепками, длина ручки — 17 см. Очевидно, этрусского производства; датируется V—IV вв. до н.э.²⁸ (рис. 23).

Литая бронзовая ручка в виде дельфина, принадлежала, вероятно, амфоре или кувшину с горизонтальным венчиком, располагалась на сосуде головой вверх. Длина — 15,5 см. I—II вв. н.э. (рис. 24)²⁹.

В 1914 г. приставом г. Майкопа был передан бронзовый таз, имевший две ручки (сохранилась одна) пластинчатые; в центре и на атташах — цилиндрические валики с утолщениями на концах, орнаментированные прочерченными желобками. Таз имел, вероятно, носик-слив, от которого сохранилось отверстие и след припоя, отверстия у ручек служили для крепления пластин украшения, имелся и кольцевой поддон, который был присоединен позже. Высота — 7 см, диаметр — 27 см. Таз бронзовый с утолщенным горизонтально срезанным венчиком, украшенный валиком и тремя желобками под венчиком. Сохранились венчик и верхняя часть стенок. Б.А. Раев датирует его I в. н.э. и

Рис. 19. Сидящая богиня. Статуэтка. I—III вв. н.э. Глина. Таманский полуостров, до 1917 г.

относит к типу 100—102 Эггера³⁰. В экспозиции Кубанского войскового музея находилась и бронзовая поножа, представлявшая собой бронзовую пластину, изогнутую по форме голени (длина — 38 см, ширина — 10 см; датируется IV в. до н.э.), а также шлем аттического типа с эллипсовидной тульей, плоским назатыльником, край которого отогнут наружу, края глазных дуг утолщены, расходятся в районе носа, ушные выемки сужены книзу. IV в. до н.э., диаметр 22,5 см, ширина — 15 см (рис. 25)³¹.

Керамические светильники большей своей частью поступали в музей с территории Таманского полуострова. О передаче светильников говорится и в переписке И.Е. Гладкого и В.В. Соколова. В начале 30-х годов XX в. они были включены в общую опись античных предметов, которая вошла в главную инвентарную книгу. Часть светильников этого же времени поступления, также происходившие с территории Таманского полуострова и оставшиеся незаписанными, вошли в другую опись. Среди них есть светильники, выполненные на гончарном круге, в форме и лепные. Из ранних ламп с открытым резервуаром имеется светильник аттического производства. Сверху он покрыт полоской лака по щитку, изнутри дно окрашено лаком, дно округлое, плоское, с небольшим коническим выступом в центре изнутри. Ручки нет, носик слегка выступает за тулово.

Высота лампы — 2 см, диаметр — 6,5 см³².

Глиняные лампы можно отнести к группе аттических «шаровидных» светильников с удлиненным носиком и ручкой-петелькой, датируемых второй половиной IV в. до н.э. — первой половиной III в. до н.э.; подобные лампы найдены в Пантикапее. К лампам с закрытым резервуаром относится

Рис. 20. Статуэтка ритуальная с подвесными ногами. I—III вв. н.э. Глина. Тамань, до 1917 г.

Рис. 21. Крышка погремушки. II—III вв. н.э. Глина. Тамань, до 1917 г.

Рис. 22. Кувшин с трехлиственным слайвом. I в. н.э. Бронза. Ст. Тульская. 1912 г.

светильник, который входит в группу полусферических, слегка уплощенных на невысоком поддоне, с желобком на щитке вдоль внешнего края (ручка утрачена). Высота — 2,5 см, диаметр щитка — 6,7 см.

К типу сделанных на гончарном круге и имеющих форму «кувшинчика» можно отнести более ранний светильник, датируемый концом II—I в. до н.э., он близок по типу к аналогичным изделиям из Пантикапея³³.

Лампа также «кувшинчиковой» формы с зеленой поливой — более поздняя, ее можно датировать временем не ранее IV в. н.э. (рис. 26). К лампам, выполненным в форме с округлым туловом и удлиненным рожком с поддоном яйцевидной формы, и плечиками, украшенными рельефным орнаментом, относятся светильники, которые датируются II—III вв. н.э. (рис. 27)³⁴.

К наиболее распространенным светильникам римского типа, выполненным в форме, с округлым туловом с возвышающейся ручкой-петелькой и небольшим носиком для фитиля, с орнаментом на щитке и отверстием для масла можно отнести лампу III в. н.э. (рис. 28)³⁵.

Среди предметов коллекции Кубанского войскового музея имеется так называемая «мегарская» чаша с глубоким туловом, колоколовидной формы на плоском донце; она покрыта неровным лаком красного цвета, местами переходящим в черный (рис. 29). Реставрирована. Глина светло-оранжевого цвета. Орнамент дан в невысоком рельефе, выполнен в двух зонах — в придонной части и над ней, венчик не орнаментирован. Орнаментированные участки разделены рельефным пояском из «жемчужин». Сверху расположен фриз из восьмилепестковых розеток, под ним придонная часть украшена чешуйчатым орнаментом. Донце не орнаментировано. Т.А. Самойлова относит такие чаши к малоазийским³⁶. С.Ю. Внуков, С.А. Коваленко считают их ионийскими и датируют рубежом II—I вв. до н.э.³⁷

Рис. 23. Ковш-цедилка. V—IV вв. до н.э. Бронза

Рис. 24. Ручка сосуда в виде дельфина. I—II вв. до н.э. Бронза. Место и дата поступления неизвестны

В составе коллекций, собранных в первые десятилетия существования музея, имеются чернолаковые и краснолаковые столовые сосуды, арибаллические и сетчатые лекифы, солонки, флаконы унгентарии, а также бусы, височные кольца, костяной гребень, ткацкие грузики, стеклянная посуда — кувшины,

Рис. 25. Шлем аттического типа. IV в. до н.э. Бронза. Место и дата поступления неизвестны (до 1917 г.)

Рис. 26. Светильник с зеленой поливой. IV в. н.э. Глина. Таманский полуостров, до 1917 г.

Рис. 27. Светильники. II–III вв. н.э. Глина. Таманский полуостров, до 1917 г.

бальзамарии, большей частью римского времени. Среди них — редкая в нашей коллекции расписная чернофигурная ваза, привезенная из Тамани и подаренная музеем в 1913 г. (рис. 30). Ойнохоя с яйцевидным туловом с узким горлом и устьем в виде трилистника с высокой изогнутой ручкой плоско-овальной в сечении. Ножка низкая, коническая; роспись располагается в широком прямоугольном клейме. Остальная поверхность покрыта блестящим лаком неровного цвета от черного до коричневого. Снизу и сверху рисунок ограничен линиями, проведенными пурпуром; нижняя линия охватывает тулово по окружности. На горле — полоса расположенных в шахматном порядке точек, соединенных зигзагообразной линией, более светлой по тону. Такой же орнамент, но без линии обрамляет клеймо с боков. У основания горла — палочный орнамент. На фоне клейма — виноградные лозы, фигуры опираются на полосу черного лака снизу клейма. В клейме — фигурка менады, повернувшейся спиной, голова вправо, покрывало перекинута через руки; левая рука приподнята над головой, правая упирается в бок, ноги даны вправо. На голове менады — повязка. Фигура сатира, наклонившегося к менаде, скрыта наполовину фигурой менады. В левой трети клейма — четверка лошадей, склонивших (две) и приподнявших головы (две) в профиль вправо. Детали рисунка даны резьбой, пурпуром (гривы, одно ухо лошадей, хвост сатира, пятна на одежде менады), белой краской — лицо, шея и руки менады, грозди на лозах. Высота 20,5 см; датируется концом VI — серединой V в. до н.э. Близкие нашей ойнохое вазы группы Леагра, датирующиеся рубежом VI и V до н.э. хранятся в ГМИИ³⁸.

Драматические события периода революции и Гражданской войны трагически отразились на судьбах сотрудников музея и его экспонатов. Из письма Гладкого известно, что в 1919 г. музей был разгромлен, витрины разбиты³⁹. Пострадал и художественный музей. На рынках города долго торговали антикварными вещами с ярлыками и номерами екатеринодарских музеев. В 1924 г. был арестован директор музея И.Е. Гладкий, и его дальнейшая судьба неизвестна.

Новый этап в истории комплектования археологической коллекции наступил в конце 1920-х годов. От сбора редких вещей и случайных поступ-

Рис. 28. Святильники. II—III вв. н.э.
Глина. Таманский полуостров, до
1917 г.

лений музей стал постепенно переходить к целенаправленному комплектованию фондов. В 1927 г. при строительстве Краснодарской электростанции разрушалось меотское городище (городище КРЭС). Была создана комиссия по наблюдению за работами на котловане. В состав комиссии вошли члены ОЛИКО (Общество любителей истории Кубанской области) — профессора М.В. Клачков, Н.А. Захаров, Г.Г. Григор, заведующий Кубанским научным музеем А.Ф. Лещенко, учитель истории краснодарской школы М.В. Покровский и сотрудник Кубанского музея Н.В. Анфимов. На городище были собраны фрагменты сероглиняной керамики (кувшинов, мисок), трехручные и двуручные чаши, несколько ручек с изображением стилизованных животных, лепные горшки, обломки амфор IV—III вв. до н.э., I в. до н.э. — I в. н.э., I—II вв. н.э., обломки пифоса, чернолаковой керамики, черепицы, глиняные рыболовные грузила, бронзовый античный перстень-печатка и глиняные антропоморфные культовые статуэтки, связанные с культом плодородия. С этого времени

Рис. 29. Чаши «мегарские». II—I вв. до н.э. Глина. Таманский полуостров, до 1917 г.

начинается краеведческая деятельность М.В. Покровского, тогда школьного учителя, затем преподавателя пединститута, в будущем доктора исторических наук. Вместе с членами школьного археологического кружка, среди которых был и Н.В. Анфимов, он обследовал уже известные археологические памятники, выявлял ранее неизвестные, следил за их сохранностью, доследовал разрушающиеся погребения, собирал подъемный материал. Так была создана большая коллекция

Рис. 30. Ойнохоя чернофигурная. Конец VI в. до н.э. Глина. Тамань, 1913 г.

Рис. 31. Пронизь-амулет с полуфигурой Гора. I в. н.э. Фаянс. Краснодар. Некрополь по ул. Почтовой. 1929 г.

подъемных материалов городищ и могильников среднего Прикубанья: городища № 1 ст. Елизаветинской, городища № 1 Елизавето-Марьинского, краснодарских городищ КРЭС, «Тюрьмы», «Сад Тротнера», «Панский Кут», городищ № 4, 5, 6 ст. Пашковской, городищ № 1, 2 и 3 ст. Старокорсунской, городища Васюринско-Воронежского. Материалы — более 5000 ед. — поступили в музей из Краснодарского пединститута и бывшего школьного музея. Большая часть городищ располагались вблизи Краснодара. Коллекция получила шифр КМ 2776 и была описана в 1938 г. В нее вошли терракотовые статуэтки, найденные на Елизаветинском городище, фрагменты амфорных ручек с клеймами с этого же городища. Одной из наиболее ранних коллекций этого периода являются материалы краснодарского могильника по ул. Почтовой, раскопанного в 1929 г. Покровским при участии Анфимова. Коллекция насчитывает 1505 единиц хранения⁴⁰. В ее составе бронзовые зеркала, браслеты, перстни, бусы, фаянсовые амулеты, височные кольца, стеклянные сосуды. Так, из этого могильника происходит пронизь-амулет дисковидной формы с петлей для подвешивания и полуфигурой Гора, выполненная из фаянса голубого цвета. Длина — 2,6 см; датируется I в. н.э. (рис. 31)⁴¹. Среди стеклянных сосудов есть бальзамарии и стаканы⁴².

С 1936 по 1977 г. самостоятельные археологические исследования на Кубани вел известный ученый Н.В. Анфимов — тогда уже профессор КубГУ, заслуженный деятель науки Адыгеи, почетный гражданин г. Краснодара. Коллекции, полученные им в ходе полевых исследований, стали основой археологического собрания краснодарского музея. С 1934 по 1955 г. Анфимов являлся научным и старшим научным сотрудником краснодарского музея. В течение 40 лет им были исследованы городища и могильники правобережья и левобережья Кубани в ее среднем течении, давшие множество предметов античной культуры, группы курганов в Тимашевском районе, городища по берегам р. Кирпили, а также Семибратнее городище и некрополь древней Тирамбы у пос. Пересыпь. Семибратнее городище исследовалось Анфимовым с 1938 г. по 1953 г. Городище располагается в низовьях реки Кубани, на левой ее террасе, в 11 км на запад от ст. Варениковской. Ученый открыл мощные

Рис. 32. Голова женской статуи. V–IV вв. до н.э. Мрамор. Фрагмент. Семибратнее городище. 1949 г.

каменные стены с башнями и ведущие к ним широкие каменные лестницы. Внутри города было раскопано монументальное каменное здание, построенное в конце IV — начале III в. до н.э. площадью 400 м², стены которого достигали толщины 1,7 м. Дом состоял из пяти комнат, внутреннего двора и колодца глубиной более 7 м. Исследовались участки городской территории вдоль восточной и северной границ города. Как показали раскопки, расцвет приходится на вторую половину V — первую половину III в. до н.э., жизнь в городе прекратилась на рубеже II–I вв. до н.э.⁴³

Коллекция предметов с Семибратнего городища насчитывает несколько тысяч единиц. В музее хранятся и материалы из архива Анфимова — дневники, отчеты, чертежи, фотографии, рисунки. Коллекция включает фрагменты тарной керамики, чернолаковой посуды, в том числе краснофигурных скифосов IV в. до н.э., фрагменты расписного краснофигурного кратера V в. до н.э., фрагмент головы женской мраморной статуи (рис. 32), верхнюю плиту зернотерки, железную пилу, котел с обугленными остатками проса, ступу, фрагменты керамики серой и красной глины, лепной посуды, пифосов. Весьма интересна и представительна группа терракотовых статуэток⁴⁴. Было найдено 29 фрагментов статуэток: фрагменты сидящей на троне богини, протомы-маски (рис. 33) и протомы — полуфигуры Деметры (рис. 34), фрагмент статуэтки Кибелы (рис. 35), головка мужская от марионетки (рис. 36), фрагмент статуэтки Геракла, актера, стоящей женщины, всадника, гермы и др.

Среди статуэток выделяется фрагмент большой статуэтки — сидящей на троне богини, сохранилась ее верхняя часть, найденная в 1951 г. Статуэтка датируется первой половиной V в. до н.э. (рис. 37). В 1951 г. в слое VI–V вв. до н.э. была найдена протома — маска Деметры ионийского происхождения, начала V в. до н.э. Интересны статуэтки Деметры с Корой на плече. Сохранились верхняя часть одной статуэтки и низ другой. Они датируются V и

Рис. 33. Протома богини. V в. до н.э. Фрагмент. Глина. Семибратнее городище. 1951 г.

Рис. 34. Протома-полуфигура Деметры. IV в. до н.э. Глина. Семибратнее городище. 1952 г.

Рис. 35. Богиня Кибела, сидящая на троне. III в. до н.э. Фрагмент статуэтки. Глина. Семибратнее городище. 1949 г.

Рис. 36. Голова мужская — гротеск. III в. до н.э. Глина. Семибратнее городище. 1950 г.

IV вв. до н.э. (рис. 38, 39). Аналогии статуэткам известны среди терракот Пантикапея, Фанагории, на Таманском п-ове⁴⁵.

В коллекции представлены материалы раскопок Анфимова 1947 г. некрополя у пос. Пересыпь (древней Тирамбы) и городища Патрей — украшения, утварь с акварельной росписью, чернолаковые и акварельные леканы, сероглиняная и красноглиняная керамика (рис. 40).

В 1944 г. при земляных работах на Таманском песчаном карьере около пос. Сенного на некрополе Кеп была найдено, а затем перевезено Н.В. Анфимовым и Ф.В. Навозовой в Краснодар рельефное надгробие в виде прямоугольной плиты с грубо обработанной тыльной стороной. Лицевая сторона украшена фронтоном с акротериями. В центре в высоком рельефе поколенное изображение воина, одетого в рубаху с длинными рукавами и в подпоясанном панцире, в плаще, закрепленном на плече застежкой, пола плаща перекинута через левую руку. Ноги воина облегают узкие штаны. Правой рукой он придерживает меч в ножнах, подвешенный к поясу. На голове шлемовидный

Рис. 37. Сидящая богиня. Первая половина V в. до н.э. Фрагмент статуэтки. Глина. Семибратнее городище. 1951 г.

Рис. 38. Богиня Деметра, несущая Кору. IV в. до н.э. Фрагмент статуэтки. Глина. Семибратнее городище. 1951 г.

Рис. 39. Богиня Деметра, несущая Кору. Конец V в. до н.э. Фрагмент статуэтки. Глина. Семибратнее городище. 1951 г.

Рис. 40. Пелика чернолаковая. III в. до н.э. Глина, Пос. Пересыпь, 1937 г.

головной убор. Надгробие датируется I в. до н.э. Высота — 1,02 м, ширина — 0,54 м, толщина — 0,20 м; материал — ракушечник. Н.И. Сокольский относил его к образцам синдской скульптуры, отличающимся от более ранних статуй и полуфигур⁴⁶.

В Краснодарском музее хранится серебряный наплечный фалар из Темрюкского музея, найденный в г. Темрюке в довоенное время (рис. 41). Фалар представляет собой круглую слабовыпуклую пластину, на обратной стороне которой две бронзовые петли крепления. Центральная часть пластины украшена многофигурной сценой в невысоком рельефе, ободок украшен фризом из треугольников, частью заполненных набивным пунктиром, частью — кружками в центре треугольников. Композиционным центром изображения на центральной части является фигура Афродиты Пандемос, сидящей на козле, слева перед ней Гермес в 3/4 вправо. Сверху над Афродитой — добрый гений, справа —

Ника с венком в руках, внизу — два козленка, между ними — лестница. Фон между фигурами заполнен астральными символами — семи- и восьмилучевые розетки (6 шт.), круглый диск (солнце) и месяц, обращенный рожками вниз. Богиня одета в хитон с вертикально расположенными складками, подвязанный поясом; на запястьях — браслеты, на голове — шапочка.левой рукой она поддерживает край гиматия, покрывающего голову и окутывающего всю фигуру. Гиматий уложен широкими складками. В правой приподнятой руке — блюдо с плодами; длина — 13,7 см, датируется второй половиной II—I вв. до н.э.⁴⁷

Рис. 41. Фалар наплечный. Вторая половина II—I вв. до н.э. Серебро, Темрюк, до 1941 г.

В ст. Ладожской в 1944 г. при исследовании камерного погребения грунтового могильника меотского городища Анфимов раскопал пять погребений, сопровождаемых большим числом предметов: сероглиняными сосудами, буролаковой миской, родосской клейменной амфорой, бронзовыми зеркалами, бусами, бронзовыми и золотыми браслетами, железными ножами, железными

Рис. 42. Ожерелье. III — начало IV вв. н.э. Золото. Ст. Воронежская, 1948 г.

Рис. 43. Серьги в виде фигурок баранов. II в. до н.э. Золото. Ст. Ладожская. 1944 г.

наконечниками копий и стрел. В одном из женских погребений у черепа лежали золотые серьги длиной 2,4–2,5 см, а на руках золотые проволочные браслеты. Золотые серьги, выполненные в виде полых фигурок козлов с рогами в виде колечек из витой проволоки, датированы II в. до н.э.⁴⁸ (рис. 43).

В 1948 г. на цитадели одного из меотских городищ ст. Воронежской Анфимовым было доследовано погребение конца III — начала IV в. н.э. Здесь были найдены золотая проволочная гривна длиной 33 см, изготовленная из перекрученного квадратного в сечении прута с замком в виде крючка и петли, крючок заканчивается конической кнопкой, и ожерелье, состоящее из двойной плетеной цепочки с надетыми на нее двумя полыми золотыми бусами, ук-

рашенными зернью, изнутри бусы заполнены массой серого цвета⁴⁹ (рис. 42). В погребении также были обнаружены бронзовая фибула, бронзовое зеркало, котел из тонкой листовой бронзы, железный крюк, топор, глиняная посуда, амфора, лепной горшок, миска и кувшины, один из которых с зооморфной ручкой. Котел бронзовый с округлым дном, центральная часть чуть выгнута, стенки расширяются, венчик отогнут наружу, под венчиком проходит опоясывающий его железный обруч, железные атташи прикреплены тремя заклепками к тулову котла. Высота — 23 см, диаметр венчика — 41 см, диаметр дна — 6 см. Подобные котлы Б.А. Раев относит к типу «Ровное», который появляется в середине II в. н.э. и существует до конца III в. н.э.; центры их изготовления — Закавказье, откуда они поступали в степи⁵⁰.

В 1950 г. в ст. Воронежской в разрушенном кургане Анфимовым были найдены два парных серебряных фалара (рис. 44) и крупная золотая полая бусина бочонковидной формы, украшенная орнаментом из зерни. Фалары круглые с невысоким рельефом; в центре помещены фигурки свернувшихся львов. Передние и задние лапы показаны рельефной косичкой, на голове и тулове — дуговидные полоски. По краю фаларов — четыре ряда шнурового орнамента. Диаметр — 15 см. Помимо этого были найдены глиняные целые и фрагментированные сосуды, железные удила, фрагменты стеклянного скифоса и фрагменты сковороды типа «Айлесфорд»⁵¹.

В 1949 г. в земляном склепе могильника городища № 2 ст. Владимирской среди других предметов был найден бронзовый кувшин-ойнохоя с плоским дном, имеющим следы обработки на токарном станке (рис. 45). Горло узкое с трехлиственным сливом; ручка литая, над краем сосуда возвышается скульптурно женская головка, нижний атташ украшен фигуркой крылатого сфинкса. Средняя часть ручки имеет растительный орнамент в виде цветочных лепестков. Высота 17,5 см, диаметр дна — 7,8 см, датируется первой половиной I в. н.э.⁵²

В 1951 г. в разрушенном кургане на р. Челбас (с-з «Искра») был найден бронзовый кувшин с плоским дном, округлым туловом и узким горлом. Венчик широкий, на венчике — носик-слив. Литая массивная ручка внизу имеет атташ в виде маски Силена. Верхняя часть ручки украшена скульптурной женской головкой. Высота — 17 см, диаметр дна — 7,8 см. Б.А. Раев относит его к типу 123 г. Эггерса и датирует концом I — началом II в. н.э.⁵³ В 1952 г. в ходе работ на Гирейском карьере был разрушен курган. Рабочие передали в музей бронзовый ковш с широкой ручкой с круглым отверстием на конце и клеймом мастера Люция Анзия Эпафродита, который работал

Рис. 44. Фалары с изображением львов. II–I вв. до н.э. Серебро. Ст. Воронежская. 1950 г.

Рис. 45. Кувшин с трехлистным сливом. Первая половина I в. н.э. Бронза. Ст. Владимирская. 1949 г.

в 55–85 гг. н.э.⁵⁴ (диаметр по венчику — 15 см и диаметр дна — 9,5 см; КМ 3826) (рис. 46) и бронзовый сарматский котел.

В 1955 г. в разрушенном кургане на р. Пхия при строительстве дороги было обнаружено погребение с бронзовым шлемом аттического типа с вырезами для глаз, ушей и тонким наносником и слегка отогнутым назатыльником. Датируется IV в. до н.э.⁵⁵ (рис. 47). В 1957 г. в музей поступила из Анапы статуя-полуфигура на постаменте, служившая надгробным памятником. Она изображает стоящую (поколенно) мужскую фигуру в хитоне и гиматии, левой рукой облокотившейся на подставку прямоугольной формы. Правая, согнутая

в локте, лежит на груди, опираясь на складки гиматии, голова утрачена. Высота 5 см; датируется IV–III вв. до н.э.

В том же 1957 г. на хуторе Батарейка (в четырех км к северо-западу от ст. Запорожской) местными жителями было найдено рельефное надгробие из известняка прямоугольной формы (рис. 48). Плита украшена узким карнизом и фронтоном с двумя акротериями по краям и одним посередине. Под фронтоном — рельеф, обрамленный антами. Слева — сидящая в кресле женщина, в длинном платье и наброшенном на голову покрывале, в торжественной позе, левая рука касается щеки; ноги опираются на скамью. Справа служанка с сосудом в руках. Под рельефом надпись «Апфия, жена Перисала, прощай». Конец I в. н.э. — первая половина II в. н.э. Высота — 0,84, ширина — 0,37–0,39⁵⁶.

Рис. 46. Ковш. Вторая половина I в. н.э. Бронза. Гирейский карьер. 1952 г.

Рис. 47. Шлем аттического типа. IV в. до н.э. Бронза. Район р. Пхия. 1955 г.

В 1965 г. на левой надпойменной террасе р. Кубани при сооружении плотины у аула Шенджий (Республика Адыгея) при строительных работах были разрушены три кургана, где были найдены: стеклянный бальзамарий с округлым туловом и невысоким цилиндрическим горлом (стекло светло-зеленого цвета, непрозрачное), фрагмент венчика чаши с ребристой окантовкой на венчике, фрагменты темно-фиолетового флакона, глиняные сосуды, а также верхняя часть бронзового кувшина с округлым туловом, высоким, расширяющимся к устью горлом с трилистным устьем (ручка и нижняя часть тулова не сохранились), и фрагменты бронзового ковша (длина ручки — 21 см). Кувшин датируется I в. н.э., ковш — первой половиной I в. н.э.⁵⁷

Среди найденных в ауле Шенджий предметов был и фрагмент глазурованного скифоса с рельефным фризом (рис. 49). Сохранилась лишь половина сосуда, склеенная из трех фрагментов. Диаметр по венчику — 12 см, диаметр дна — 7 см, высота — 9,8 см. Глазурь внутри и снаружи местами сбита и вторично прокалена. Кубок полусферической формы, восходящей к металлическим образцам. Ручки — кольцевидные, снабжены снизу завитком и характерным узором сверху. Он выполнен из хорошо отмученной глины с мелкими темными включениями,

обжиг неровный. Рельефные украшения, ручки и поддон выполнялись отдельно, а затем крепились. Изнутри и снаружи кубок покрыт желто-коричневой глазурью, которая на белых алебастровых рельефных фигурах приобретает более яркий зеленоватый тон. В верхней части сосуда под венчиком — два пояса резных линий — под ними поясок из ов. Центральный рельефный фриз представляет собой сюжеты дионисийского круга — силенов и менад с различными предметами в руках. Из восьми сохранились пять фигур. По обеим сторонам ручек, вероятно, были размещены силены, в центре — по две фигуры менад. Силены изображены с музыкальными инструментами — тригоном и двойной флейтой, один из них кроме тригона в опущенной руке держит кувшин. Менада слева склонилась над алтарем, в левой руке держит блюдо с фруктами. Центром производства скифосов этого типа являлся Пергам (Малая Азия); датируется I в. до н.э. — I в. н.э.

В 1965 г. из станицы Тамань в музей поступила небольшая коллекция, происхождение которой неизвестно. Среди предметов — сероглиняная пелика, покрытая темно-серым графитным лаком, украшенная рельефным декором в технике «мегарских» чаш (рис. 50). Высота пелики — 20 см, диаметр дна — 12,5 см. Отбиты обе ручки и часть горла, склеена из четырех фрагментов. Венчик отогнут горизонтально; горло невысокое цилиндрическое. Тулово биконическое, дно на широком желобчатом и кольцевом поддоне. Ручки плоские в сечении, у нижнего крепления ручки — два круглых налета. Изображения сгруппированы по нескольким горизонтальным поясам. Верхний ряд состоит из ов, второй — из женских фигурок, повернутых в 3/4 вправо, ноги — в профиль, голова — влево, одеты в хитон и пеплос. Всего изображено 40 фигур, расположенных неровно. Третий ряд — «катушки» или бусины цилиндрической формы, нижний состоит из чередующихся листьев аканфа, папируса и ростков «папоротника» с загнутыми вершинами — так называемые «посоховидные побеги». На дне — восьмилепестковая розетка и четыре расположенных крестообразно пальмовых ветви. Рельеф декора — низкий. Сосуды такого типа известны в Пергаме⁵⁸, датируется II в. до н.э.

Рис. 48. Стела-надгробие. Конец
I в. н.э. — первая половина II в. н.э.
Известняк. Ст. Запорожская. 1957 г.
КБН 1022

Рис. 49. Скифос глазурованный.
I в. до н.э. — I в. н.э. Фрагмент.
Глина. Аул Шенджий. 1965 г.

Рис. 50. Пелика с рельефным
орнаментом. II в. до н.э. Глина.
Тамань. 1965 г.

В 1967 г. из разрушенного кургана западнее Славянска-на-Кубани были доставлены в музей части сосуда (таза, как считал Анфимов; кипяtilьника, по определению Раева) — две бронзовых ножки в виде львиных лап, завершающихся сверху фигурками сидящих сфинксов с распротертыми крыльями, две бронзовых ручки, атташи которых имеют форму кистей рук (пальцы чуть расставлены) и фигурка Эрота (высота — 11,5 см), играющего на свирели (утрачена). Крылья у Эрота приподняты, на голове — венок, на плечах плащ. Фигурка полая, односторонняя, со следами припоя с обратной стороны. датируется II—I вв. до н.э.⁵⁹ (рис. 51).

Из кургана в г. Кореновске, разрушенного в 1967 г., происходят два круглых серебряных позолоченных фалара, выполненных в высоком рельефе (рис. 52). В центре одного — изображение мужского лица, обрамленного длинными волосами, с пышными усами и бородой. Лицо окружено рельефным ложновитым валиком, край орнаментирован чеканными полуваликами и кружками, а также растительным орнаментом; в бортике четыре отверстия с серебряными заклепками. На другом фаларе — мужское безбородое лицо с короткими прядями волос. По краю — горизонтально расположенные листья папируса. Диаметр первого 15 см, второго 14,5 см; датируются первой половиной I в. до н.э.⁶⁰ Фалары лежали в бронзовом ведре с железной ручкой, которое Б.А. Раев относит к типу «Баргфельд» (тип 21 по г. Эггерсу, периода А — наиболее распространенного во второй половине I в. до н.э.), и датирует I в. до н.э. — I в. н.э.⁶¹

В 1967 г. при строительстве оросительных сооружений в ст. Ивановской был снесен курган и разрушено погребение, где были найдены четыре фрагментированных бронзовых котла, обломки амфор и сероглиняных сосудов, золотой наконечник ритона в виде львиной головы, а также золотые нашивные бляшки с головой Медузы, в виде бабочек, с женской головкой в профиль, в виде фигурок стоящего Геракла, опирающегося левой рукой на палицу, покрытую шкурой льва, лошадиных голов (рис. 53). Обивкой деревянного сосуда служила прямоугольная бляшка с изображением женской фигуры, так называемой змееной богини, в высоком головном уборе-башенной короне,

Рис. 51. Эрот, играющий на свирели. II–I вв. до н.э. Статуэтка (фрагмент декора сосуда). Бронза. г. Славянск-на-Кубани. 1967 г.

Рис. 52. Фалары. Первая половина I в. до н.э. Серебро, позолота. Кореновск. 1967 г.

в хитоне со складками. Из-за плеч богини поднимаются головки львиных грифонов с рогами и гребнем. В левой руке она держит за волосы бородатую голову, складки хитона снизу завершаются головками орлиноголовых грифонов и птиц. Бляшки диаметром 4,1 см с изображением змееной богини найдены также в кургане Куль-Оба⁶²; датируются IV в. до н.э.⁶³

Из разрушенного в 1968 г. кургана в ст. Сергиевской происходят парные круглые, выпуклые серебряные фалары диаметром 5,3 см, по краю которых нанесен точечный орнамент, а в центре — четырехлепестковые розетки, окруженные двумя ложновитыми валиками, пространство между лепестками заполнено пуансоном, на краю — два отверстия с заклепками, на обороте — железная игла⁶⁴ (рис. 54). Там же был найден бронзовый шлем типа «Монтефартино В» с полусферической тульей и навершием с усеченно-конической кнопкой, с углублением в центре, арочным орнаментом. Край тульи орнаментирован, как и назатыльник, украшенный ломанной линией, кружками и точками и сложным орнаментом; нащечники утрачены. Высота 19 см, тулья — 20 × 20,2 см⁶⁵; датируется II в. до н.э.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов и в последующие десятилетия в крае осуществлялись крупные строительные проекты — строительство Краснодарского водохранилища, оросительных систем, культурных пастбищ. Большое число археологических памятников — городищ, грунтовых могильников, курганов — оказались под угрозой полного уничтожения. Чтобы спасти их, в крае работали десятки археологических экспедиций из разных регионов России. В их числе сотрудники Краснодарского музея-заповедника, Кубанского университета, Волгоградского университета, Института археологии РАН, Института истории материальной культуры (С-Петербург) и др. Благодаря этим исследованиям в музей поступили материалы степной части Прикубанья — курганных могильников у ст. Новотитаровской, Динской, Новомышастовской, Ивановской, Раздольной, Пластуновской, Батуриной, Новокорсунской, Красноармейской, хуторов Верхнего Прикубанья и Закубанья — Абинского, Северского, Лабинского, Мостовского, Успенского,

Рис. 53. Бляшки нашивные.
IV в. до н.э. Золото. Ст. Ивановская.
1967 г.

Курганинского и др. районов, а также грунтовых могильников хутора Лени-на, ст. Старокорсунской, хутора Прикубанского и др.

В 1973 г. в одном из курганов у хут. Бойко-Понура Е.А. Ярковой было раскопано впускное погребение воина. Там были найдены золотые украшения — проволоочная гривна в полтора оборота, бляшки с изображением орлиноголового грифона (рис. 55), фибула в виде «герakлова узла», две пластины с растительным орнаментом от разрубленной чаши, золотой браслет, золотые пронизки и X-образные пластины, сероглиняный одноручный сосуд, железный наконечник копья, втульчатые наконечники стрел, железные удила с крестообразными псалиями. Особо выделим железный кельтский шлем с полусферической тульей, узким козырьком, широким назатыльником, украшенным рельефной гирляндой с четырьмя головками в шлемах по краям на-

Рис. 54. Фалары. II в. до н.э.
Серебро. Ст. Сергиевская. 1968 г.

Рис. 55. Бляшки нашивные в виде фантастических животных. Середина II в. до н.э. Золото. Хут. Бойко-Понура. 1973 г.

затыльника и в центре (рис. 56). Два нащечника с округлым нижним краем, в центре — рельефное изображение бычьей головы, по периметру окованы бронзовой проволокой. Высота — 12 см, 24 × 19,7 см. Комплекс погребения датируется серединой II в. до н.э.⁶⁶ Близких аналогий шлему нет. Как отмечает И.И. Марченко, «шлем из Бойко-Понуры занимает промежуточное положение между шлемами типа “калотт (*kalotte*)” и железными шлемами I в. до н.э. — восточнокельтскими и типа “порт” (*port*)»⁶⁷. Наиболее близок нашему шлему шлем из Кимешт, датируемый III—II вв. до н.э.⁶⁸

В том же 1973 г. Анфимовым и Ярковой был раскопан курган в ст. Динской. В двух впускных сарматских погребениях в кургане эпохи бронзы, женском и мужском, были найдены следующие предметы: в женском — золотые украшения (пластинчатый и проволочный браслеты, двухвитковая гривна с изображением головок животного на концах (рис. 57), шлемовидные серьги, украшенные сканью и зернью и цепочками с дисками на концах (рис. 58) (длина — 5,3; 4,6 см)⁶⁹ бронзовое зеркало, лепной горшок, флакон, бусы из стекла, сердолика, янтаря, агата, гешира); в мужском — овальная фибула с крупной сердоликовой вставкой в центре и пятью более мелкими по краю (две вставки утрачены) и узором из скани и зерни между ними, датируется концом II — началом I в. до н.э. (рис. 59).

Рис. 56. Шлем. Середина II в. до н.э. Железо. Хут. Бойко-Понура. 1973 г.

В 1974 г. из ст. Новоджерелиевской, где также был разрушен курган, в музей был привезен комплекс, состоящий из трех бронзовых сарматских котлов, серебряного килика, серебряной гладкой чаши с округлым дном, бронзовой сковороды типа «Айлесфорд», «мегарской» чаши, бронзового сарматского зеркала, стеклянного скифоса, бронзового колокольчика. Редкой была находка навершия железного жезла в виде длинного стержня с шарнирной крестовиной, концы которой оканчиваются протомами оленей с ветвистыми рогами. Центральная часть стержня — стилизованное мировое дерево. Высота — 61,5 см.⁷⁰ Там же были найдены три крупных серебряных фалара и восемь — меньшего размера. Два малых фалара украшены головками львов (рис. 60). Комплекс датируется второй половиной II—I в. до н.э.⁷¹

Рис. 57. Гривна двухвитковая.
Конец II — начало I в. до н.э. Золото.
Ст. Динская. 1973 г.

Из раскопок А.М. Ждановского грунтового могильника аула Ленинахабль (1975 г.) происходит одноручная чаша на невысоком поддоне (рис. 61). Вертикально расположенная ручка нижним концом крепится на тулове, верхний, приподнятый над чашей, опирается свободно на внутренний край. На верхней части ручки гравирующая тамга. Высота — 7,1 см; диаметр — 8,9 см; датируется II в. н.э.⁷²

В ст. Васюринской во время раскопок кургана № 4 в 1976 г. экспедицией под руководством Н.В. Анфимова и Л.А. Булавы в насыпи была найдена пластина-обкладка ритона усеченно конической формы (рис. 62). В центре она украшена стилизованными оленьими рогами, каждый завиток которых представляет головку

грифона; по верхнему и нижнему краю — по два ряда пуансона, между которыми ряд из волутообразных фигур⁷³. Дата — IV в. до н.э. (диаметр по верху — 10,5 см, диаметр по низу — 8,5 см).

В 1976 г. Ждановский раскопал курганный могильник близ аула Начерзий. В кургане № 3а (погребение 3) была найдена бляшка (длина — 4,9 см) с изображением сцены терзания: кошачий хищник, изображенный в профиль, с головой анфас напал сверху на кабана с подогнутыми ногами (рис. 63). Бляшка выполнена в технике штамповки по матрице; детали переданы рельефом. По краям пробиты отверстия для пришивания⁷⁴, датируется IV в. до н.э.

Коллекция ювелирных украшений из золота и серебра в 70–80-е годы XX в. пополнялась находками из курганных и грунтовых могильников степного Прикубанья и Правобережья Кубани. Так, из кургана в хут. Элитном Красноармейского района происходит золотая шейная гривна (размер — 14,0 × 13,5 см), выполненная из шести рядов трубочек, скрепленных четырьмя обоймами (рис. 64). На концах пластины изобра-

Рис. 58. Серьги шлемовидные.
Конец II — начало I в. до н.э. Золото.
Ст. Динская. 1973 г.

Рис. 59. Фибула-брошь. Конец II — начало I в. до н.э. Золото, сердолик. Ст. Динская, 1973 г.

Рис. 60. Фалары с изображениями львов. Вторая половина II в. до н.э. — середина I в. до н.э. Серебро. Ст. Новоджерелневская, 1974 г.

жены стилизованные волчьи головы. Она относится к типу так называемых «многовитковых гривен на шарнирах». Гривны этого типа имеются в составе Сибирской коллекции Петра Великого, но большинство их найдено на территории Азиатского Боспора и Северном Кавказе. Датируются III—II вв. до н.э. Там же были найдены золотой браслет (проволочный в два оборота, на концах — стилизованные змеиные головки), круглый медальон с петлей для подвешивания с рельефным штампованным изображением мужского лица, обрамленного зигзагообразной линией по краю, фибула-брошь круглая полусферической формы, украшенная филигранным орнаментом и сердоликовой вставкой в центре. Здесь же были найдены железный меч, бронзовый котел, бронзовые сосуды, в том числе сковородка типа «Айлесфорд», стеклянный скифос, литой с полусферическим туловом, на коническом кольцевом поддоне, ручки с дуговидной перемычкой (высота — 7,8 см, диаметр венчика — 10,4 см; датируется концом II — началом I в. до н.э.)⁷⁵.

Рис. 61. Чаша одноручная. II в. н.э. Серебро. Аул Ленишахаль. 1975 г.

Рис. 62. Пластина-обкладка ритона. IV в. до н.э. Золото. Ст. Васюринска. 1976 г.

Из погребения № 2 кургана у ст. Раздольной происходят серьги (длина — 6,2 см) в виде головок баранов с дисковидными подвесками на цепочках, украшенными спиральным сканным орнаментом (раскопки А.А. Нехаева 1977 г.; датируются II—I вв. до н.э.)⁷⁶ (рис. 65). В 1978 г. раскопки Нехаевым курганов у ст. Раздольной были продолжены. В кургане № 7 (погребение 13) была найдена фибула-брошь (диаметр — 3,8 см), представляющая собой вырезанную из золотого листа ажурную основу, припаянную на круглую раму из золотого дрота с орнаментом из рубчатой проволоки в виде перемежающихся пальметт и цветов лотоса, а также розетт из трех каплевидных лепестков с шариком зерни посередине (одна розетта из шести и шарик зерни от другой утеряны в древности)⁷⁶ (рис. 66). В центре щитка припаяна розетта из девяти длинных лепестков, вырезанная из золотого листа. С оборота припаяна петля для крепления бронзового двуугольного аппарата и приемник для игл⁷⁷. В этом же погребении был обнаружен железный меч (длина — 54 см) с дуговидным навершием и прямым перекрестьем (рис. 67). Плоская рукоять, расширяющаяся посередине, обмотана шнуром. Меч находился в деревянных ножнах, обложенных с одной стороны золотой орнаментированной пластиной. И.И. Марченко выделяет среди мечей с серповидным навершием и прямым перекрестием два подтипа и относит меч из х. Верхнего в подтип 1 — с дуговидным навершием и прямым перекрестием, куда входят также мечи из курганов у ст. Раздольной (раскопки А.А. Нехаева 1978—1979 гг.), х. Бураковского (раскопки В.А. Тарабанова 1983 г.) и др. и датирует их III—II вв. до н.э.⁷⁸

В том же 1978 г. Нехаевым была исследована группа курганов у х. Верхний Динского района. В погребении № 2 кургана № 4 был раскопан серебряный уздечный набор из пяти фаларов круглой и одного овальной формы на бронзовой основе, обтянутых серебряными с позолотой пластинами и железными петлями на обратной стороне. Они украшены рельефными изображениями головы Медузы Горгоны (диаметр — 7,2 см), богини Ники с трофеем (длина — 12,5 см), две — с лепестковыми розетками и спиральями вокруг (диаметр — 7,5 см) и две с такими же розетками в центре и парами волют вокруг них (диаметр — 7,5 см) (рис. 68). Датируются второй четвертью III — первой четвертью II в. до н.э.⁷⁹ В.И. Мордвинцева относит фалары к первой половине II в. до н.э.⁸⁰

Рис. 63. Бляха с изображением сцены терзания. IV в. до н.э. Золото. Хут. Начерзий. 1976 г.

Рис. 64. Гривна. Конец II — начало I в. до н.э. Золото. Хут. Элитный, 70—80-е годы XX в.

Рис. 65. Серьги в виде головок баранов. II—I вв. до н.э. Золото. Ст. Раздольная. 1977 г.

Рис. 66. Фибула-брошь ажурная. III—II вв. до н.э. Золото. Ст. Раздольная. 1978 г.

В 1979 г. в х. Песчаном Тбилисского района А.М. Ждановский исследовал курганы, в одном из которых было найдено впускное женское погребение с богатым погребальным инвентарем. Сохранились золотые нити, вероятно, золототканой накидки головного убора. На черепе лежала овальная фибула-брошь, в центре которой вставка из крупного овального сердолика — инталия

Рис. 67. Меч в ножнах. III—II вв. до н.э. Железо, золото. Ст. Раздольная. 1978 г.

Рис. 68. Фалары. Вторая четверть III — первая четверть II в. до н.э. Серебро. Хут. Верхний. 1978 г.

Рис. 69. Фibuла-брошь. Середина I в. до н.э. Золото, сердолик, алмадин, агат, гранаты. Хут. Песчаный. 1979 г.

Рис. 70. Ожерелье. Середина I в. до н.э. Золото, гранаты, хризопраз, горный хрусталь, халцедон, алмадин. Хут. Песчаный. 1979 г.

с изображением богини Ники с факелом в руке (рис. 69). Вокруг инталии размещены 10 овальных лоточков для цветных камней (алмадинов), два из которых утрачены. Между ними 10 полусфер, украшенных зернью и сканью. На обороте броши — двойная железная игла. Реконструировавший костюм погребенной Ждановский считает, что фибула крепила на голове умершей златотканую накидку. Размер $6 \times 4,5$ см. Исследователь датирует брошь серединой I в. до н.э., ссылаясь на определение О.Я. Неверова, который датирует ее 80-ми годами до н.э. Среди аналогий — медальон-фибула эпохи Августа из ст. Титаровской, медальон из ст. Ахтанизовской I в. до н.э.⁸¹

На груди погребенной находилось драгоценное ожерелье из золота, гранатов, хризопразов, горного хрусталя, халцедона, алмадина. Ожерелье состоит из 44 бус, выполненных из золота и цветных камней (рис. 70). Все элементы соединены между собой золотыми проволочками; центр ожерелья составляют три ромбические коробочки, украшенные по краю зернью, в центр которых вставлялся камень в оправе. В центральную бусину вставлен овальный камень алмадин, в двух соседних — неправильной округлой и

Рис. 71. Бляшки нашивные. Середина I в. до н.э. Золото. Хут. Песчаный, 1979 г.

Рис. 72. Бусы. Середина I в. до н.э. Золото. Хут. Песчаный. 1979 г.

Рис. 73. Чаша. Середина I в. до н.э.
Серебро. Хут. Песчаный. 1979 г.

Рис. 74. Чаша. Середина I в. до н.э.
Серебро. Хут. Песчаный. 1979 г.

Рис. 75. Ложка. Середина I в. до н.э.
Серебро. Хут. Песчаный. 1979 г.

многогранной формы. С четырех сторон центральной ромбической коробочки припаяны по две круглых золотых коробочки, украшенных зернью. За тремя центральными ромбическими бусами прикреплены по одной бусине в виде головки рыси с раскрытой пастью, шейки рысей завершаются треугольниками из зерни. За головками рысей следуют округлые бусины из агата, гранатов в золотой оправе, затем золотые бусы, украшенные зернью, разделенные ко-

Рис. 76. Фигурки лошадок —
украшения обуви. Середина I в. до н.э.
Золото. Хут. Песчаный. 1979 г.

Рис. 77. Котел. Середина I в. до н.э.
Бронза. Хут. Песчаный. 1979 г.

лечками с напаянной зернью, бусы из хризопраза, золотые бочонковидные, из агата завершаются двумя петлями, с щитками имеющими вставки из агата (длина 32 см; датируется I в. до н.э.⁸²

В погребении также были найдены наборы золотых бус округлой формы, гладкие золотые цепочки с бусинами на концах, множество золотых нашивных бляшек, украшавших рукава, ворот и подол одежды разнообразных форм: круглые, треугольные, Т-образные, два золотых браслета с несомкнутыми концами, браслеты из золотых бусин (рис. 71, 72), чередующихся пастовыми бусинами, серебряные чаши полусферической формы (диаметр — 12,2, 11 см; высота — 3, 4,1 см; рис. 73, 74), ложка серебряная с тонкой прямоугольной в сечении ручкой, завершающейся головкой волка (длина — 16,2 см; рис. 75). В ногах погребенной лежали золотые полые фигурки миниатюрных лошадок с подвесками, прикрепленными к головкам, украшавшие туфли (рис. 76). В погребении находился железный жезл с навершием в виде стилизованного

Рис. 78. Котел. Середина I в. до н.э.
Бронза. Хут. Песчаный. 1979 г.

древа и четырех соединенных между собой спирально свитыми кончиками рогов протом оленей (высота — 64 см), два бронзовых сарматских котла (рис. 77, 78), один — меньший, с носиком-сливом, вертикальной петлеобразной ручкой и головкой быка на краю котла (высота — 15 см, диаметр — 10,5 см). Другой котел — литой, тулово яйцевидной формы, поддон — воронковидный. В верхней трети тулова по лицевой стороне — шнуровой орнамент, в нижней трети — сварочный шов. К верхнему краю прикреплены две вертикальные ручки арочной формы с конусовидным выступом в верхней части и двумя загнутыми отростками по бокам. Между ручками к верхнему краю прикреплена стоящая стилизованная фигурка оленя. Под ручками литой тамгообразный знак (высота — 38 см, диаметр — 26 см). В погребении были найдены бронзовое зеркало, глиняный сосуд, обрывок очажной цепи, бронзовая крышка сосуда из тонкого листа, покрытого изнутри полудой с двумя отверстиями в центре. На крышке сохранился бронзовый литой стержень для крепления в шарнире. Атташ

Рис. 79. Фibuла-брошь. Вторая четверть I в. до н.э. Золото, сардоникс. Ст. Брюховецкая. 1978 г.

Рис. 80. Бляха в виде пантеры. III в. до н.э. Золото, железо. Пос. Водный. 1984 г.

стержня имеет форму трилистника. По мнению Раева, «форма атташа напоминает атташи ведер периода позднего Латена, которые производились в мастерских Северной Италии в начале I в. до н.э.»⁸³

Фibuла-брошь овальной формы, датирующаяся второй четвертью I в. до н.э., происходит из погребения 13 кургана 3 (ст. Брюховецкая; раскопки В.С. Бочкарева 1978 г.) (рис. 79). Брошь украшена овальной вставкой из сардоникса и орнаментом из двойных спиралей, выполненных сканью и зернью. На инталии — изображение Артемиды Люциферы с жезлом. По своим стилистическим особенностям и технике исполнения она близка инталии на броши из х. Песчаного. Диаметр броши 4,5 см⁸⁴. Из разрушенного в 1981 г. кургана у пос. Водного происходит бляха (длина — 5 см) в виде фигуры пантеры в профиль влево, с подогнутыми ногами, полуоткрытой пастью. Железная основа планкирована золотой фольгой⁸⁵; датируется III в. до н.э. (рис. 80).

В 1980—1981 гг. велись интенсивные исследования правого берега Краснодарского водохранилища, где у хутора Ленина близ г. Краснодара были раскопаны грунтовые могильники. Среди огромного числа предметов в музей поступили стеклянные сосуды — скифосы, амфориск, бальзамарии, чаши, украшения — бусы, височные кольца, бляшки, подвески, серьги, перстни, туалетные принадлежности — бронзовые зеркала, бронзовая посуда, амфоры, красноглиняная и сероглиняная керамика. Амфориск с веретенообразным туловом, высокими вертикальными ручками, стекло синего цвета, полосато-фестончатый орнамент выполнен из голубого стекла, изготовлен в технике песчаного сердечника (высота 14,2 см., диаметр тулова — 4,3 см.); могильник городища № 1 х. Ленина, погребение 306 (раскопки И.И. Марченко, 1981 г.); датируется I—II вв. н.э.⁸⁶

Бронзовое двуручное ведро (ситула) без дна, расширяется к устью, с широким горизонтальным венчиком и двумя подвижными ручками прямоугольного сечения, концы которых завершаются профилированными головками. Атташи возвышаются над краями, под ними растительный орнамент — виноградные лозы с листьями и гроздьями. Раев⁸⁷ датирует ситулу II—I вв. до н.э.

Рис. 81. Ожерелье. IV в. до н.э.
Золото. г. Сочи. 1981 г.

Высота сохранившейся части — 32 см, диаметр венчика — 28 см (могилище городища № 2 х. Ленина, раскопки 1981 г.).

Среди бус — пронизи в виде лежащих львов из египетского фаянса, амфоровидные подвески в виде виноградной грозди, в виде скарабеев, а также стеклянные округлые и цилиндрические, с мозаичным орнаментом. В 1981 г. из г. Сочи как случайная находка в Краснодарский музей поступило ожерелье, состоящее из 14 рифленых пронизок, 4 округлых полых бусин, украшенных зернью, 4 шарообразных и 10 конических подвесок в виде так называемых буковых орешков (рис. 81). Длина 21 см; датируется IV в. до н.э. Аналогии — детали ожерелья из кургана Большая Близница на Таманском п-ове, датирующиеся 330—300 гг. до н.э., Павловского кургана на Керченском п-ове, из гробницы в Киме на побережье Малой Азии, датирующиеся также 330—300 гг. до н.э., из окрестностей Фессалоник — 300 г. до н.э.⁸⁸

Рис. 82. Фибула-брошь. Первая половина I в. до н.э. Золото, стекло.
Краснодар. ОПХ «Рассвет». 1982 г.

Рис. 83. Пластина-обкладка с изображением змеевидного грифона. Первая половина I в. до н.э. Золото.
Краснодар, ОПХ «Рассвет». 1982 г.

Рис. 84. Бляшки нашивные. Первая половина I в. до н.э. Золото. Краснодар. ОПХ «Рассвет», 1982 г.

Из кургана на окраине г. Краснодара (погребение 19; раскопки Н.В. Волкова в 1982 г.), происходит золотая овальная фибула-брошь (рис. 82). Основа щитка овальной формы вырезана из золотого листа. По краю напаян рубчатый дрот; в центре, под прямым углом к пластине щитка напаяно гнездо для вставки из широкой золотой пластины. Край пластины вырезан в форме треугольников с рельефной серединкой. Треугольники обрамлены кусочками напаянной проволоки в виде ов. Ниже зубчатого края напаян орнамент из проволоки. Гнездо обрамлено кольцом из рубчатой проволоки. В гнезде в древности была закреплена вставка на основе из скрепля-

Рис. 85. Шлем. II в. до н.э. Бронза. Ст. Красноармейская. 1982 г.

Рис. 86. Фибула-брошь. Первая половина I в. до н.э. Золото, сердолик. Ст. Михайловская. 1982 г.

Рис. 87. Бусина-пронизка с личинами. IV—III вв. до н.э. Стекло. Ст. Михайловская. 1982 г.

ющей пасты. Вокруг гнезда и у края броши напаян орнамент из S-видных завитков рубчатой проволоки — «бегущая волна». В образованных завитками кольцах имеются выпуклости, прочеканенные с оборота. Щиток поврежден, на его краю пробиты два отверстия — возможно, следы вторичного употребления. На обороте припаян приемник фибулы двугольного аппарата (размер — 5,5 × 4,4 см). Там же были найдены золотая пластина-обкладка с чеканным изображением змеевидного грифона первой половины I в. до н.э.⁸⁹ (длина — 15,4; ширина — 6,3 см; рис. 83) и бронзовое ведро (ситула) с расширяющимися кверху стенками (сохранилась верхняя часть тулова и часть дна). Дно плоское, чуть вогнуто в центре, изготовлено отдельно и затем припаяно к тулову, украшено под венчиком переплетающимися лентами, ниже — «набегающая волна», две подвижные ручки с профилированными головками, сохранилась верхняя часть атташей, снизу украшенных гравированным орнаментом в виде пальметки. Там же были найдены золотые крестовидные и круглые в виде розеток бляшки (рис. 84), бронзовое зеркало, миска и горшок глиняные, железный меч, нож, наконечники стрел. Раев⁹⁰ датирует ситулу II—I вв. до н.э.⁹¹, И.И. Марченко — первой половиной I в. до н.э.⁹²

В 1982 г. при раскопках кургана на землях колхоза им. Мичурина Красноармейского района (погребение 14) был найден бронзовый шлем кованный с полусферической тульей, с навершием (рис. 85). Кнопка цилиндрическая без верха, край тульи отогнут наружу, впереди разрез листа соединен с помощью четырех заклепок, снизу тульи — рельефный валик. Высота — 16 см., 25 × 18 см. По мнению автора раскопок, А.З. Аптекарева, шлем является грубой копией шлемов группы Монтефортино; ближе всего он к шлемам Монтефортино В; этому не противоречит и дата погребения II в. до н.э.⁹³ В 1982 г. в ст. Михайловской Курганинского района (в кургане № 2, погребении № 14) было раскопано богатое погребение с золотой гривной, с небольшой золотой овальной фибулой-брошью (рис. 86), бронзовой патерой, бронзовым котлом и др. Бронзовая патера (диаметр 24 см) с изображением сфинкса в медальоне на дне, представляет собой чашу с округло сужающимися стенками, горизонтальным венчиком, под ним и на дне — линии, нарезанные на токарном станке, в центральном медальоне, обозначенном двумя рядами точек и косых насечек, выгравирован крылатый сфинкс в профиль вправо и голова оленя под ним. На дне позже припаяны три фигурных литых подставки; дата — первая половина I в. до н.э.⁹⁴

В кургане № 3 (погребение 9) этого же могильника была найдена бусина-пронизка (длина — 2,5 см, диаметр — 2 см) в виде цилиндра с широким сквозным каналом, глухого темно-синего стекла, украшенная с четырех сторон изображениями человеческих лиц (рис. 87). По верхнему и нижнему краю — ряд белых рельефных шариков, между личинами — вертикальные рельефные полосы, создающие иллюзию еще четырех, вероятно, зооморфных личин⁹⁵. Датируется IV—III вв. до н.э.

В 1984 г. в г. Тимашевске, в кургане 1 (впускное погребение 17; раскопки В.Н. Каминского), были найдены височные сегментовидные подвески со сканным орнаментом с пятью и четырьмя цепочками, с круглыми дисками на концах, украшенными точечным орнаментом по краю. По деталям орнамента и дисковидным привескам В.Н. Каминский сближает их с украшениями из ст. Калининской и Раздольной. Из комплекса этого погребения происходит чернолаковая эллинистическая чашечка II в. до н.э., что позволило автору датировать погребение этим временем. Длина — 5 см⁹⁶ (рис. 88).

Рис. 88. Подвески височные. II—I вв. до н.э. Золото. г. Тимашевск. 1984 г.

Рис. 89. Фибула-брошь. Вторая четверть I в. до н.э. Золото, камень. Ст. Ново-Корсунская. 1985 г.

Рис. 90. Подвеска. Вторая четверть I в. до н.э. Золото, халцедон. Ст. Ново-Корсунская. 1985 г.

Рис. 91. Бусина. Вторая четверть I в. до н.э. Золото, халцедон. Ст. Ново-Корсунская. 1985 г.

Рис. 92. Бусина-пронизь. Вторая четверть I в. до н.э. Золото, стекло. Ст. Ново-Корсунская. 1985 г.

В 1985 г. в кургане 2 (погребение 6) ст. Новокорсунской А.В. Кондрашевым были найдены бронзовый сарматский котел, бронзовое зеркало с валиком по краю, глиняные сосуды, а также золотые украшения, нашивные бляшки, пронизи и подвеска. Фибула-брошь прямоугольной формы, где почти всю площадь щитка занимает вставка из черного камня в гнезде с зубчатым краем, у основания вставки — жемчужный орнамент, на обороте железная игла (длина — 3,2 см, ширина — 2,5 см; рис. 89). Подвеска, основу которой составляет халцедоновая бусина. В верхней части на подвеску надет колпачок конусовидной формы, свернутый из золотого листа. По нижнему и верхнему краям колпачка, между двумя рядами когда-то крученой, но сильно потертой проволоки, напаян орнамент «косичка». К нижнему ряду примыкает полоса

Рис. 93. Лекиф чернофигурный.
Конец VI — начало V в. до н.э. Глина.
Ст. Тамань, м. Тузла, 1990-е годы

«бегущей волны» с шариками зерни в завитках (длина 3,7 см; рис. 90). Халцедоновая бусина бочковидной формы, на которую с обоих концов надеты свернутые из золотого листа колпачки, орнаментированные напаянной «косичкой» по краю (длина — 2 см, диаметр — 1,1 см; рис. 91). Восьмигранная бусина-пронизь зелено-го прозрачного стекла с золотыми колпачками на обоих концах, украшенными орнаментом «косичка». Внутренние края колпачков вырезаны зигзагом и дополнены напаянными овами из проволоки. Длина — 2,3 см, диаметр — 1,1 см. Комплекс датируется второй четвертью I в. до н.э. (рис. 92)⁹⁷.

В конце 1980-х—1990-е годы и в начале первого десятилетия XXI в. были продолжены масштабные работы по изучению археологических памятников Кубани. Продолжались исследования степной полосы правобережья Кубани, междуречья Кубани и Лабы, меотских городищ и могильников, античных памятников Тамани.

Античная коллекция Краснодарского музея продолжала пополняться новыми находками. Это материалы Ново-Кубанской экспедиции 1985 г. Н.Ф. Шевченко, кургана в ст. Михайловской (раскопки В.Н. Каминского), Елизаветинского могильника, исследуемого И.Н. Анфимовым в 1986 г., могильника Старокорсунского городища № 3 (раскопки А.В. Кондрашева), курганов х. Пролетарского (раскопки Н.Ф. Шевченко), курганов близ ст. Владимирской (раскопки В.Н. Каминского), многолетних раскопок городища и могильника Старокорсунского № 2 и др. в

1990-е годы (экспедиции Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко), многолетних раскопок А.В. Кондрашевым грунтового античного могильника Тузла (древней Корокондамы), курганов ст. Воронцовской Б.А. Раева, грунтового могильника Елизаветинского № 2, Анфимова, грунтового и курганного могильника Екатериновский-1 В.В. Бочкового, курганов в Динском и Выселковском районах (раскопки И.В. Цокур и А.В. Кондрашева), грунтового могильника х. Прикубанского (раскопки И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис), грунтового могильника пос. Мезмай (раскопки Н.Ф. Шевченко). Результатом этих работ стали новые предметы античной коллекции Краснодарского музея-заповедника — золотые ювелирные украшения, бронзовая и стеклянная посуда, большая коллекция амфор, насчитывающая более двухсот единиц, чернолаковые сосуды, в том числе чернофигурные (лекиф конца VI — начала V в. до н.э. (Мастер петуха), могильник Тузла; рис. 93), красноглиняная боспорская керамика — кувшины, миски, кувшины с горизонтальными ручками, бронзовые зеркала, в том числе так называемые «ольвийские», каменные антропоморфные надгробия, каменные якоря и многое другое. Так, в 1998 г. в кургане 3, погребение 1 Б.А. Раевым и Е.И. Беспалым были найдены два золотых браслета, датирующихся первой половиной I в. до н.э., выполненных из прямоугольных пластин, соединенных между собой при помощи шарниров и украшенных тремя рядами сканного геометрического орнамента (рис. 94)⁹⁸. Аналогии браслетам есть среди богатых погребений варварской знати на Нижнем Дону (Кобяково, Тузлуки, Хохлач). Браслеты из Воронцовской отличаются

Рис. 94. Браслеты. Первая половина I в. до н.э. Золото. Ст. Воронцовская 1998 г.

особенностями ювелирных деталей, характерных для прикубанских фибул-брошей.

В одном из погребений могильника пос. Мезмай, исследуемого в течение последних лет Н.Ф. Шевченко, был найден богатый инвентарь, содержащий предметы вооружения, доспеха, ритуальные принадлежности, а также золотые украшения, в том числе — фибула в форме «восьмерки» или «Герakлоva узла», хорошо известной формы среди кубанских древностей. Такие украшения были найдены в комплексах из х. Бойко-Понура первой половины II в. до н.э., Карстового — третьей четверти II в. до н.э., случайной находки у ст. Старокорсунской. И.И. Марченко выделил их в тип V и датировал первой половиной II в. до н.э.⁹⁹ М.Ю. Трейстер отнес фибулы этого типа к подгруппе восьмерковидных фибул группы ажурных брошей и изучил ареал их распространения среди эллинистических украшений III—II вв. до н.э.¹⁰⁰

Краснодарский музей, история которого насчитывает 128 лет, обладает одной из самых больших на юге России археологических коллекций широкого хронологического диапазона. Многочисленные археологические экспедиции, работающие в крае, продолжают пополнять его фонды. Античная коллекция Краснодарского музея является основой для создания полноценных исторических экспозиций и выставок, публикаций каталогов, научных статей, монографий.

¹ За годы своего существования Краснодарский музей несколько раз преобразовывался и менял свое название. С 1908 по 1920 г. он назывался Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей; с 1921 по 1924 г. вошел в состав Кубано-Черноморского областного музея, представляющего собой объединение

трех музеев. В 1924 г. он выходит из объединения и получает название Кубанский научный музей, с 1936 г. именуется Историко-краеведческим музеем г. Краснодара. В 1943 г. его переименовывают в Краснодарский краевой историко-краеведческий музей, в 1977 г. — в Краснодарский государственный историко-археологи-

ческий музей-заповедник; в 1992 г. музеем присваивается имя его основателя Е.Д. Феліцына.

² Юрченко Т.В. К вопросу по истории формирования этнографической коллекции Краснодарского музея-заповедника // Музеи в современных условиях: Материалы Северо-Кавказской научно-практической кон-

ференции по проблемам музейного дела. Краснодар, 1995. С. 87–88.

³ Цит. по: Хачатурова Е.А. Античные коллекции Кубанского войскового музея // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. С. 56.

⁴ Хачатурова Е.А. Письма В.В. Шкорпила — директора Керченского музея древностей в архиве Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника // Проблемы археологии и истории Боспора: К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996. С. 98.

⁵ Слобченко О.Г. Давнее плодотворное сотрудничество // Проблемы археологии и истории Боспора: К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996. С. 96.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Хачатурова. Письма В.В. Шкорпила... С. 57.

⁸ КБН. № 1112. С. 647.

⁹ В письме от 29 декабря 1914 г. В.В. Шкорпил дает свои дополнения надписи и перевод: «С добрым счастьем. В 630 году и месяце Лое при царе Рескупориде снова была воздвигнута эта крепость от основания попечением архитектора Евтиха. Надпись эта улыба начертана рукою Баппа, сына Ульпияева. Победа, да будет городу и радость!» Далее В.В. Шкорпил продолжает: «В 630 году Боспорской эры (338 году по РХ) царствовал на Боспоре последний Рескупорид VI, со смертью которого в 341 году окончился ряд боспорских царей. Надпись весьма интересна тем, что свидетельствует о том, что в это время Боспорскому царству приходилось отбиваться от врагов, которые надвигались от него с востока. Было бы весьма желательно и важно установить точно место, где плита была найдена, чтобы можно было приблизительно указать, где находилось укрепление, о котором говорится в надписи. Я лично отношусь с недоверием к показанию Павла Потаманова и уверен, что плита найдена в ближайших окрестностях ст. Вышестеблиевской, где-нибудь на берегу Цукурского или Кизилташского лимана. Когда будете посылать копию надписи В.В. Латышеву, приложите хорошую фотографию и эстампаж, чтобы можно было с большей уве-

ренностью высказать предположение о пропавших буквах, в особенности в последней строке, в правильном восстановлении которой я не вполне уверен». См.: Хачатурова. Письма В.В. Шкорпила... С. 99–100.

¹⁰ КБН 1014.

¹¹ КБН 998.

¹² КБН 1091.

¹³ КБН 1113.

¹⁴ Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев // Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987. С. 118.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Силантьева Т.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. М., 1974. Вып. Г1-11: Терракоты Северного Причерноморья. С. 18, табл. 8, 1.

¹⁷ Пругло В.И. Статуэтки из Мермекия // САИ. М., 1974. Вып. Г1-11: Терракоты Северного Причерноморья. С. 96, табл. 44, 1–3, 5.

¹⁸ Леви Е.И. Терракоты из Ольвии // САИ. М., 1974. Вып. Г1-11: Терракоты Северного Причерноморья. С. 34, табл. 12, 3.

¹⁹ Там же. С. 36, табл. 24, 5.

²⁰ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // САИ. М., 1974. Вып. Г1-11: Терракоты Северного Причерноморья. С. 21, табл. 29, 3.

²¹ Силантьева Т.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. М., 1974. Вып. Г1-11: Терракоты Северного Причерноморья. С. 34, табл. 48, 3, 6.

²² Марченко И.Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // САИ. Вып. Г1-11: Терракоты Северного Причерноморья. С. 38–46; Журавлев Д.В., Ильина Т.А. Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002. С. 67–68. Кат. 243–245.

²³ Хачатурова. Терракотовые статуэтки... С. 114. Кат. 117.

²⁴ Журавлев Д.В. Терракотовая погремушка из могильника Бальбек IV // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII: *Bosporos Studies*, vol. VII. С. 273–287.

²⁵ См.: Романовская М.А. Две терракоты из Ново-Отрадного // САИ. 1974. № 1. С. 169, рис. 2.

²⁶ Журавлев. Терракотовая погремушка... С. 276.

²⁷ Кротошкин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27, № 771.

²⁸ При датировке Б.А. Раев ссылается на: S. Tassinari. *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au musée des antiquités nationales*. Paris, 1975. N 36. (Suppl. «Gallia»; XXIX).

²⁹ L'or des amazones: Peuples nomades entre Asie et Europe. VI siècle av. J.-C. — IV siècle apr. J.-C. Paris, 2001. P. 257. Cat. 309.

³⁰ Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I–III вв. н.э. на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. С. 203; H.J. Eggers. *Der gotische Import im freien Germanien*. Hamburg, 1951. Beil. 38.

³¹ На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского М., 2002. С. 133, 627; 132, 626; Рабинович Б.З. Скифские шлемы // Труды отдела истории первобытной культуры ГЭ. Л., 1941. С. 145, табл. XXI, 1; *The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*. Tokyo, 1991. P. 123, fig. 155.

³² Забелина В.С. Античные глиняные светильники из Пантикапея // Археология и искусство Боспора. М., 1992. С. 302, табл. III, 3. (СГЭ; Вып. 10).

³³ Там же. С. 306, табл. I, 7.

³⁴ Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. М., 1988. С. 29–30, табл. IX, 1; XII, 3; VIII, 1.

³⁵ Там же С. 37, табл. XIII, 2.

³⁶ Самойлова Т.Л. Рельефная керамика эллинистического времени из Тире // Северное Причерноморье: (материалы по археологии). Киев, 1984. С. 123, рис. 218.

³⁷ Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. Ч. I. С. 69. Рис. 5/2.

³⁸ Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика. М., 1985. С. 14–15, 28, 29.

³⁹ Корсакова Н.А. Екатеринодарская картинная галерея и Войсковой музей: К вопросу о сотрудничестве в начале XX века // Древности Кубани. Краснодар, 1998. С. 50–51.

⁴⁰ Анфимов И.Н., Анфимов Н.В. Археологические памятники г. Красно-

- дара // Кубанский краевед. Краснодар, 1992. Вып. 3. С. 29–46.
- ⁴¹ L'or des amazones. P. 255. 302.
- ⁴² Кротошкин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27. Кат. № 871 а, б, г, е; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья. Краснодар, 2003. С. 126–127. Кат. 43–54; Анфимов И.Н., Анфимов Н.В. Археологические памятники г. Краснодара. С. 40–41.
- ⁴³ Анфимов Н.В. Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. 1941, № 7. С. 258–267, табл. VII; Он же. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 238–244; Он же. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 99–111; Он же. Синдика в VI–IV вв. до н.э. // Труды Краснодарского пединститута. Краснодар, 1963. С. 181–196, табл. XXXVIII; Он же. Терракотовые статуэтки Семибратнего городища // Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987. С. 177–198.
- ⁴⁴ Анфимов Н.В. Терракотовые статуэтки Семибратнего городища. С. 177–198.
- ⁴⁵ Там же. С. 177–198.
- ⁴⁶ Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1967. Вып. 100. С. 198.
- ⁴⁷ L'or des amazones. P. 156–157. Cat. 157.
- ⁴⁸ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 182–183.
- ⁴⁹ Он же. Позднесарматское погребение из Прикубанья // АИБ. 1952. Вып. 1. С. 205; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 255–256.
- ⁵⁰ Раев Б.А. Римские импортные изделия... С. 8.
- ⁵¹ Анфимов Н.В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 80; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 181, 208; Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987. С. 124, рис. 52; Кат. 134.
- ⁵² Кротошкин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27. № 749; Анфимов Н.В. Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье: (II в. до н.э. – II–III вв. н.э.) // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 2. С. 234; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 156, № 226; Mysterious Kuban = Таинственная Кубань: Каталог выставки. Загреб, 1990. P. 94. № 167.
- ⁵³ Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958. Рис. на с. 70; Кротошкин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе... № 756; Анфимов Н.В. Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье. С. 234.
- ⁵⁴ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // Liber Archaeologicae: сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар; Ростов-на-Дону, 2006. С. 52, рис. 5.
- ⁵⁵ Анфимов Н.В. Погребение IV в. до н.э. у реки Пхии // Изв. Абхазского института языка, литературы и истории. Тбилиси, 1981. Т. X. С. 103–109.
- ⁵⁶ КБН. С. 590. № 1022.
- ⁵⁷ Кротошкин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе... № 772, 893 а, в, б; Анфимов Н.В. Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье. С. 234–235; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды. С. 123, рис. 30, 1, 2, 3.
- ⁵⁸ Горончаровский В.А. Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре // СА. 1983. № 2. С. 68–69.
- ⁵⁹ Анфимов Н.В. Импорт бронзовой италийской посуды в Прикубанье. С. 232–233; На краю ойкумены. С. 135, 632.
- ⁶⁰ Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 198–199; Марченко И.И. 1996. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 79–80; L'or des amazones. С. 156.
- ⁶¹ Паспорт Б.А. Раева на предмет от 1 марта 1984 г., архив отдела археологии КГИАМЗ. Папка № 1.
- ⁶² Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торговля. Л., 1986. Кат. № 2–4, б, 7, 19, 24.
- ⁶³ Анфимов. Древнее золото Кубани. С. 127–129; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 101, 111, Кат. № 81
- ⁶⁴ Он же. Древнее золото Кубани. С. 204; Марченко И.И. Сираки Кубани: (По материалам курганных погребений Нижней Кубани. Краснодар, 1996) С. 79, рис. 114/2.
- ⁶⁵ Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 68.
- ⁶⁶ Там же. С. 67–68; Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 126–127, рис. 41.
- ⁶⁷ Марченко. Сираки Кубани. С. 67.
- ⁶⁸ Там же. С. 67–68.
- ⁶⁹ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 132, рис. 58; Кат. № 167.
- ⁷⁰ Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени. С. 184.
- ⁷¹ Там же. С. 183–190.
- ⁷² Ждановский А.М., Тарабанов В.А. Раскопки могильника в ауле Ленинахабль // АО 1975 года. М., 1976. С. 121.
- ⁷³ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 175; L'or des amazones. P. 96, Cat. 42.
- ⁷⁴ Ждановский А.М.. Курганный могильник близ аула Начерзий // АО 1976 года. М., 1977. С. 97; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 99. Кат. № 80. Рис. 54; L'or des amazones. P. 94, Cat. 37.
- ⁷⁵ Анфимов И.Н. Погребальный комплекс II века до н.э. у х. Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 190–197; Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени. С. 184; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 180–181; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды... С. 20.
- ⁷⁶ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 180, 201; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 111, рис. 38, Кат. № 81, 82.
- ⁷⁷ Марченко И.И. Сираки Кубани. Комплекс 356, рис. 63; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 128, № 142; The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. М., 1991. P. 74, fig. 52.
- ⁷⁸ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 127; Шедевры древнего ис-

- куства Кубани. С. 127, рис. 54. Кат. № 162; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 51–52, рис. 63, 14; L'or des amazones. С. 161, № 165.
- ⁷⁹ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 123, рис. 5, Кат. № 132; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 79, рис. 58, 4.
- ⁸⁰ Мордвинцева В.И. Классификация фаларов конской упряжи III в. до н.э. — начала II в. н.э. и типы парадного конского снаряжения у сарматов // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар, 1998. С. 58.
- ⁸¹ Ждановский А.М. Новые памятники кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 105, рис. 35; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 49, Кат. № 173; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 204.
- ⁸² Ждановский А.М. Новые памятники кочевников... С. 105–106.
- ⁸³ Паспорт Б.А. Раева на предмет от 1 марта 1984 г., архив отдела археологии КГИАМЗ, папка № 1.
- ⁸⁴ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 127; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 48, Кат. № 144; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 29–30; L'or des amazones. С. 149, № 141.
- ⁸⁵ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 127, рис. 54, Кат. № 138; L'or des amazones. Р. 94, № 38.
- ⁸⁶ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 187, Кат. № 227; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекланные сосуды... С. 128, № 60, рис. 16, 60.
- ⁸⁷ Паспорт Б.А. Раева на предмет от 1 марта 1984 г., архив отдела археологии КГИАМЗ, папка № 1.
- ⁸⁸ Mustrious Kuban. Р. 87, Кат. № 62; На краю ойкумены. С. 137, № 638; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Кат. 30, 53, 106, 123.
- ⁸⁹ Волкодав Н.В. Курган эпохи бронзы. С. 6; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 53, 128, рис. 113, 12.
- ⁹⁰ Паспорт Б.А. Раева на предмет от 1 марта 1984 г., архив отдела археологии КГИАМЗ, папка № 1.
- ⁹¹ Волкодав Н.В. Курган эпохи бронзы. С. 6.
- ⁹² Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 37.
- ⁹³ Аптекарев А.Э. Шлем подражание из Прикубанья // Древности Кубани: Материалы к семинару. Краснодар, 1986. С. 7–8; Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 68–69.
- ⁹⁴ Каминский В.Н., Каминская И.В., Пьянков А.В. Богатое сарматское погребение из кургана № 2 у ст. Михайловской в Закубанье // СА 1985. № 4. С. 228–234; Mustrious Kuban. С. 91, № 22; На краю ойкумены. С. 132, № 623.
- ⁹⁵ L'or des amazones. Р. 101, Кат. 63.
- ⁹⁶ Каминский В.Н. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Древности Кубани: Материалы к семинару. Краснодар, 1986. С. 25–26; Он же. Сарматские погребения из Тимашевского кургана в степном Прикубанье // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 94–101, рис. 28–30; Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987. С. 136, № 168; На краю ойкумены. С. 136, № 633, 634.
- ⁹⁷ Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 30, рис. 99, 1–7; Шедевры древнего искусства Кубани. С. 145–146, № 175, 176, 189–191; табл. XXXIII; Марченко И.И. Сираки Кубани. Комплекс 127. Рис. 99, 100.
- ⁹⁸ Raev V.A., Vespalyi E.L. The «Vorontsovski 3» Kurgan, Krasnodar Region // ADALYA. 1998. III. P. 129–148, fig. 10, 32.
- ⁹⁹ Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 30–31.
- ¹⁰⁰ Treister M. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria: (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road. Kamakura, 2002. VIII. P. 29–71.

В КГИАМЗ хранятся находки, полученные во время охранно-спасательных работ на грунтовом могильнике Мезмай 1 в южной части Апшеронского района Краснодарского края Приазовской экспедицией музея в 2005 г.¹

Особый интерес представляет погребение № 3 (рис. 1)². Здесь были найдены многочисленная бронзовая, стеклянная и керамическая посуда, украшения из золота, уникальный биметаллический треножник в виде миррового дерева, бронзовое зеркало с антропоморфной рукоятью. Особенно богатым и разнообразным является набор предметов вооружения: железная кольчуга, два бронзовых шлема, четыре меча, двенадцать копий и дротиков, боевой топор.

Бронзовые шлемы относятся к распространенной категории защитного вооружения; найденные образцы можно разделить на две группы. К первой относятся импортные шлемы, ко второй — шлемы местного производства, в той или иной степени копирующие античные оригиналы. Наиболее полно сохранился бронзовый шлем, определяемый как аттический тип с козырьком (рис. 2). В отечественной литературе данный тип иногда определяется как псевдоаттический³. Время широкого распространения подобных шлемов приходится на период с конца IV до первой половины II в. до н.э.⁴ На территории Северного Кавказа полные аналогии не известны, однако в Новолабинском подкурганном комплексе открыты нащечники, характерные для шлемов этого образца⁵.

Серия бронзовых кованых шлемов, склепанных из двух половинок, происходит с территории Закубанья из комплексов III—I вв. до н.э. Все они считаются изделиями местных мастеров⁶. Мезмайский «рогатый» шлем почти идентичен шлему из Даховской⁷. Единственным отличием служит отсутствие прочеканенных глаз (рис. 3). Возможно, шлемы являются изделиями одного мастера. Второй клепаный мезмайский шлем не имеет прямых аналогий (рис. 4), однако технология изготовления, способ соединения половинок через валики вдоль сагиттального сечения и прочеканенный орнамент позволяют уверенно отнести его к группе местных шлемов. Особенность этого шлема — наличие назатыльника; все же остальные шлемы данной группы имеют горизонтальный срез основания. Большинство античных переделанных шлемов тоже лишены назатыльников и нащечников, что объясняется способами ведения боя у причерноморских варваров⁸. Мезмайские находки показывают неоднозначность этих выводов, так как на обоих шлемах в античной традиции выполнены нащечники.

Исключительно редкой находкой на территории степного Прикубанья является боевой топор с секировидным лезвием и коротким молоточковидным обухом (рис. 5). Ширина лезвия 7,7 см. Подобные топоры известны на территории Абхазии; они датируются весьма широко — IV—II вв. до н.э.⁹ В отличие от закавказских образцов этого вида оружия мезмайский топор имеет короткую шейку. Эксклюзивность оружия подчеркивает бронзовая оплетка рукояти.

Очень интересна золотая фибула-брошь овальной формы (рис. 6). В высокий центральный каст вставлена крупная бусина из горного хрусталя; вставка удерживается листообразными выступами. Плоскость фибулы покрыта филигранным орнаментом, образующим два концентрических пояса. Размеры 4,9 × 6 см. По форме, размерам и оформлению каста фибула близка брошам, выделенным в тип II вариант 3 по классификации И.И. Марченко¹⁰.

Необходимо упомянуть о золотой бляхе прямоугольной формы (рис. 7). Размеры 4 × 2,9 см. В центре — агатовая вставка, удерживаемая треуголь-

Рис. 1. Каменный ящик.
II—I вв. до н.э. Могильник Мезмай 1,
погр. 3

ными выступами; плоскость украшена филигранным орнаментом в виде бегущей волны; край обрамлен тонкой витой провололочкой. Бляха крепилась посредством пяти круглых отверстий для пришивания — по углам и на одной из длинных сторон. Полные аналогии пока найти не удалось. Судя по расположению на ножнах короткого меча, бляха могла служить украшением оружия.

Заслуживают особого внимания две подвески. Подвеска № 1 (рис. 8) — боченковидная халцедоновая бусина, оправленная с торцов и в центре в обоймы, изготовленные из тонкого золотого листа с петельками для подвешивания; обоймы покрыты филигранным орнаментом. Длина 3,3 см. Подобные подвески, как правило, с двумя торцевыми обоймами, распространены в

Рис. 2. Шлем. Конец IV — первая половина II в. до н.э. Бронза. Могильник Мезмай 1, погр. 3

Рис. 3. Шлем. III—I вв. до н.э. Бронза. Могильник Мезмай 1

Рис. 4. Шлем. III—I вв. до н.э. Бронза. Могильник Мезмай 1

комплексах I — первой половины III в. н.э.¹¹ Близкая по оформлению подвеска, но без ушек, происходит из погребения 2/6 у ст. Новокорсунской¹². Комплекс датируется концом I в. до н.э. Халцедоновая бусина с торцевыми обоймами найдена в погребении II—I вв. до н.э. у оз. Четук¹³.

Подвеска № 2 — подвеска-медальон (рис. 9), изготовлена из золотой синопской монеты. Диаметр 1,8 см. Сквозное отверстие для крепления кольца неровное и грубо запаянное. На аверсе изображена голова Афины в шлеме вправо, на реверсе — Ника с венком, звезда и следы монограммы. Монета относится к посмертной чеканке Александра III Македонского и датируется 275—250 гг. до н.э.¹⁴

Укажем на треножник биметаллический в виде мирового дерева (рис. 10). Высота около 1,40 м.

Первоначально состоял из базы в виде вертикального стержня, раскованного на три выгнутые ножки и навершия. Навершие включало железную крестовину с фигурками оленей, лировидными насадками и шумящими подвесками, а также древовидную вершину. При положении в могилу треножник был согнут и, возможно, намеренно поврежден. Сохранность железной части

Рис. 5. Топор железный с бронзовой оплеткой рукояти. IV–II вв. до н.э. Могильник Мезмай 1, погр. 3

очень плохая, и в настоящее время отреставрирована только крестовина с фигурами оленей. Фигурки биметаллические, укреплены на концах пластин. Грудная и задняя часть оленя, а также голова с рогами отлиты из бронзы, туловище и шея железные. Под ногами каждого оленя к пластине подвешивалась пара железных шумящих подвесок. Судя по прослеженным деталям, треножник относится к категории составных, т.е. отдельно крепятся пластины крестовины, и во втулку вставляется крона.

Треножник сопоставим с ранней группой ритуальных жезлов и треножников в виде миррового дерева. Все они составные, с фигурками оленей в наверхшии и выраженной кроной. Наибольшее сходство прослеживается с треножником из разрушенного погребения в могильнике Мезмай 1¹⁵. Предварительная датировка группы укладывается в пределы I в. до н.э. В отличие от остальных экземпляров треножник из погребения № 3 биметаллический с довольно сложной техникой исполнения и может считаться наиболее ранним.

В целом тип могильного сооружения, зафиксированный в погребении № 3 Мезмайского некрополя, не имеет прямых аналогий на синхронных памятниках Северо-Западного Кавказа. Тем не менее детали погребальной конструкции, такие, как каменный ящик, выкладка, забутовка камнями, находят

Рис. 6. Фибула. Золото, горный хрусталь. Могильник Мезмай 1, погр. 3

Рис. 7. Бляха. Золото, агат. Могильник Мезмай 1, погр. 3

Рис. 8. Подвеска из халцедоновой бусины в золотых обоймах. II—I вв. до н.э. Могильник Мезмай 1, погр. 3

параллели и в синхронных захоронениях, и в памятниках более раннего времени. Использование каменных ящиков известно в могильниках западного варианта кобанской культуры¹⁶. Погребения в каменных ящиках характерны для причерноморской группы памятников, датирующихся VI—I вв. до н.э.¹⁷ Здесь встречаются каменные наземные конструкции в виде обкладок на уровне древнего горизонта или башенок¹⁸. Каменные обкладки могильных ям известны и в могильнике Ясенова поляна¹⁹. Ближайшим по времени и месту расположения является могильник у ст. Бесленевской, включающий подкурганые захоронения в каменных ящиках²⁰. Конские захоронения и жертвоприношения лошадей типичны для меотских некрополей, особенно на территории Закубанья. Наряду с лошадьми было широко распространено положение крупного рогатого скота.

Необычным обрядом является вымостка дна каменного ящика углями, выжженными на стороне. Подобное очищение огнем не отмечено в погребальной обрядности на территории Северо-Западного Кавказа. Как правило, следы огненного ритуала прослеживаются в святилищах²¹.

Рис. 9. Подвеска-медальон из золотой монеты. 275–250 гг. до н.э. Могильник Мезмай 1, погр. 3

Рис. 10. Фрагмент треножника биметаллического. I в. до н.э. Могильник Мезмай 1, погр. 3

Исследованные погребения относятся к эпохе позднего эллинизма и не выходят за пределы второй половины II в. до н.э., однако собранный подъемный материал позволяет предполагать наличие в некрополе комплексов римского времени. Культурную принадлежность открытых погребений вряд ли можно определять однозначно, но предварительно их допустимо отнести к кругу меотских древностей Северо-Западного Кавказа. Наличие большого количества оружия и отсутствие женских захоронений позволяет определять данный могильник как дружинный некрополь.

Среди памятников раннего железного века, весьма богатых и разнообразных на территории Прикубанья, Мезмайский некрополь представляет особый научный интерес. Он расположен в зоне перевалов, соединяющих степные районы Закубанья с побережьем Черного моря, откуда открываются пути в Малую Азию. К.Ф. Смирнов, предполагая возможность прямых контактов между малоазийскими центрами и меотскими племенами среднего Прикубанья, минуя Боспорское царство, назвал этот путь «меото-колхидской дорогой»²². Прямые подтверждения этой гипотезы отсутствовали, так как высокогорные районы в южной части Краснодарского края археологически пока исследованы очень слабо. Тем не менее в долинах рек Белая, Лаба и вдоль их притоков найдено большое количество вещей, которые можно отнести к античным импортам²³, но они являются случайными находками или происходят из разрушенных комплексов. Поэтому открытие и исследование могильника Мезмай 1 позволяет получить научную информацию, значимость которой трудно переоценить.

- ¹ Памятник расположен на северном склоне Кавказского хребта недалеко от окраины пос. Мезмай (высота от уровня моря около 850 м). В связи с тем, что могильник расположен в горном лесу, в стороне от населенных пунктов, он давно подвергается грабительским раскопкам. К настоящему времени шурфами разрушено около 100 древних захоронений. Только при осмотре отвалов были собраны фрагменты оружия, конской упряжи, детали ритуального жезла и части бронзовых шлемов.
- ² Могила представляла собой сложную трехуровневую конструкцию глубиной до 3 м. На нижнем уровне располагался ящик, сложенный из поставленных на ребро известняковых плит. Ящик был перекрыт огромной доломитовой плитой и заложен камнями до глубины 1 м от поверхности. На этом уровне были зафиксированы следы жертвоприношения, керамическая посуда и крестообразно расположенные скелеты четырех ввезданных лошадей.
- ³ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). М., 2001. Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. Табл. 102.
- ⁴ Antike Helme: Handbuch mit Katalog: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikemuseums Berlin. Mainz, 1988. S. 173.
- ⁵ Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону, 2006. С. 52, табл. 6, 8; С. 58, табл. 12, 7; Раев Б.А. Нащечники псевдоаттических шлемов из Прикубанья // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006. С. 159.
- ⁶ См.: Эрлих В.Р. Об одной разновидности шлемов из Закубанья // РА. 1996. № 3. С. 179.
- ⁷ Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // Труды отдела истории первобытной культуры. Л., 1941. Т. I. С. 179, табл. X.
- ⁸ Сударев Н.И. К вопросу об античных шлемах, подвергшихся переделке // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990. С. 104, сл.
- ⁹ Воронов Ю.Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев, 1975. С. 222.
- ¹⁰ Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 29; Raev B.A. New Finds of Alanian Graves with Import Goods in the Krasnodar Region // ADALYA: Research Institute on Mediterranean Civilizations. 1998. № 11. Fig. 2.
- ¹¹ Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного музея. Симферополь, 2006. С. 17.
- ¹² Марченко И.И. Сираки Кубани. С. 319, рис. 99, 3.
- ¹³ Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985. Кат. № 438. С. 131.
- ¹⁴ Определение монеты проводил А.З. Аптекарев, которому автор приносит искреннюю благодарность.
- ¹⁵ Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. № 3. Рис. 1, 5.
- ¹⁶ Козенкова В.И. Кобанская культура: Западный вариант // САИ. 1989. Вып. В2-6.
- ¹⁷ Малышев А.А. К вопросу о причерноморской локальной группе меотской культуры // БС. 1995. Вып. 6. С. 151.
- ¹⁸ Дмитриев А.В., Малышев А.А. Могильник VI–II вв. до н.э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1999. С. 25. Т. 5.
- ¹⁹ Дитлер П.А. Могильники в районе поселка Колосовка на р. Фарс // СМАА. Майкоп, 1961. Т. II. С. 137.
- ²⁰ ОАК за 1895 г. С. 29.
- ²¹ Беглова Е.А. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // OPUS 3. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 89.
- ²² Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. С. 22.
- ²³ Анфимов И.Н. Новые находки бронзовых античных шлемов IV–III вв. до н.э. // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981; Дитлер П.Н. Аттический шлем из ст. Темнолесской // СА. 1964. № 1. С. 315.

ТАМАНСКИЙ МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС

Э. Р. УСТАЕВА, Д. В. ЖУРАВЛЕВ

Одним из крупнейших собраний античных древностей с Таманского полуострова является Таманский музей. К настоящему времени коллекция археологических материалов насчитывает около 9000 единиц хранения как основного, так и научно-вспомогательного фонда.

Еще в конце 1921 г. в ст. Тамань был основан археологический музей, который назывался Археологическая опытная станция и музей¹. Организатором и первым заведующим был С. Г. Остроумов. Сотрудники музея занимались пополнением археологических коллекций, участвовали в археологических раскопках на Таманском городище, а также в районе казачьей Покровской церкви, вели учет и охрану археологических памятников Таманского полуострова, занимались разработкой и составлением археологической карты; среди задач музея также значилась «запись впечатлений кладоискателей с оттенением их кладоискательской психики»². Сотрудникам музея удалось спасти саркофаг, выполненный из паросского розового мрамора IV в. до н.э., который с момента своего открытия в одном из курганов Лысой горы (1916)³ находился на открытом воздухе⁴. В настоящее время Таманский саркофаг украшает экспозицию Государственного исторического музея⁵.

После Великой Отечественной войны музей не восстанавливался, и в 1968 г. все сохранившиеся от прежнего музея древности были перевезены в Краснодарский историко-археологический музей, где они и находятся по настоящее время. Идея воссоздания археологического музея на базе городища Гермонасса-Тмутаракань, в 1970-х годах принадлежала А. К. Коровиной, начальнику Гермонасской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, и зав. от делом культуры Темрюкского района М. И. Лют. Первым сотрудникам археологического музея пришлось начинать с нуля и проделать огромную работу по формированию и сбору археологических коллекций. Часть предметов для будущей экспозиции были переданы в 1975–1976 гг. А. К. Коровиной⁶.

Археологический музей, открытый в мае 1977 г., был небольшим. Вся экспозиция помещалась в одной комнате. В новом музее практически все — от реставрации памятников до витрин и этикетажа — было выполнено одним человеком — В. Н. Розовым. Первыми экспонатами стали случайные археологические находки: монеты, надгробия, терракотовые статуэтки, амфоры, сосуды и другие предметы, найденные жителями ст. Тамань в 1975–1979 гг. при рытье траншей, выгребных ям, погребов на принадлежащих им приусадебных участках.

В 1970–1980-х годах многие археологические памятники в округе ст. Тамань подвергались плантажной распашке и разрушению. Так, в мае 1977 г. на юго-восточной окраине ст. Тамань была обнаружена мраморная мужская головка от небольшой скульптуры (рис. 1). Вероятнее всего, головка принадлежит небольшой скульптурной статуе Аполлона конца IV–III в. до н.э. Культ этого бога был наиболее почитаем на Боспоре в целом и в Гермонассе, в частности⁷.

В 1978 г. в Тамани случайно при земляных работах был найден акротерий, выполненный, возможно, из пентелийского мрамора (рис. 2), некогда украшавший верхнюю часть надгробной стелы IV в. до н.э. Сохранившаяся высота надгробия 60 см, ширина 45 см, толщина 15 см. На лицевой стороне акротерия — композиция из декоративных элементов, в основе которой находились три аканфовых листа: два крупных, симметрично расположенных по бокам, и меньший — в центральной части. Листья аканфа имеют зубчатые края, которые оживлены врезными линиями. Из середины основания поднимаются два изогнутых ствола, увенчанные аканфовыми листьями, с ответвлениями в виде

Рис. 1. Артемида (?), Аполлон и Тихе. Скульптурные головки. Конец IV–III в. до н.э. Мрамор. Случайные находки (Юбилейный-1, Тамань)

двойных волют и стеблей с цветами. Над волютами поднимаются пальметты, по шесть с каждой стороны. В центральной части акротерия, между средними листьями пальметты, помещен тонкий стебелек цветка, заканчивающийся вверху изображением розетки. Аналогиями этому рельефу могут быть, в частности, стела Гераклеотов с Дипилонского некрополя⁸ и мраморное надгробие Акис⁹ из Афин.

История этого замечательного памятника весьма интересна. Еще без утрат верхней части листьев он был опубликован в 1941 г. Ю. Марти. По его информации, эта часть надгробного памятника, «перевезенная в Таманский краеведческий музей», была обнаружена в 1939 г. при земляных работах в окрестностях ст. Сенной¹⁰. Таким образом, в период Великой Отечественной войны памятник был утрачен, но случайно был обнаружен вторично спустя три десятка лет.

В конце 1978 г. Краснодарский государственный краеведческий музей получил статус заповедника, и археологический музей Тамани вошел в его состав как Таманский отдел. Отправной точкой к систематическому поступлению коллекций стало создание в 1982 г. при Таманском отделе археологического отряда под руководством О.В. Богословского.

В кратчайшие сроки, благодаря стараниям сотрудников музея и частных лиц, помощи других музеев и археологических экспедиций, работающих на памятниках Таманского полуострова, была скомплектована музейная коллекция. Одними из первых поступлений в фонды музея стали коллекции из раскопок Н.И. Сокольского, с территории Фонталовского полуострова, Кеп,

Патрейского городища и Таманского толоса. Некоторые из этих памятников были переданы в музей Н.П. Сорокиной и Э.Я. Николаевой. Среди поступивших в Таманский музей коллекций можно указать на ряд важнейших находок. Так, в музей были переданы фрагменты архаической керамики из раскопок Кеп 1972–1973 гг., терракотовая статуэтка раба с lanternой, краснолаковая чашечка с обуглившимся виноградом из раскопок Батарейки II¹¹, два парных светильника из Патрея (раскопки 1968 г.) и др.

Из раскопок Н.И. Сокольского в Кепях в 1967 г. происходит терракотовая статуэтка раба с лампой, высотой 20,5 см (рис. 3). Фрагмент этой терракоты обнаружен в слоях II–I вв. до н.э. Долгое время она считалась изображением «отдыхающего рыбака»¹². Статуэтка из Кеп представляет собой присевшего человека, рядом с которым стоит не «пирамидальная, перевернутая дном вверх» корзина, а фонарь-lanterna. Трактовка этого персонажа как рыбака, однако, ошибочна — в действительности это раб, присевший с фонарем в ожидании своего хозяина¹³. Подобные изображения были широко распространены в римском мире. Так, например, известны флаконы для масла

Рис. 2. Акротерий. IV в. до н.э.
Мрамор. Из довоенного Таманского музея

из Геркуланума и Элдборо в Британии¹⁴, где изображен именно lanternarius. Известны и терракотовые фигурки подобных персонажей¹⁵.

Из раскопок Кеп в 1973 г. происходит чернолаковый аттический канфар в технике West Slope, датирующийся 270–260 гг. до н.э. (рис. 4). Под венчиком канфара — надпись желтовато-красной глиной: ΕΡΜΟΥ¹⁶. Этот сосуд (высота 12 см, диаметр венчика 8,4 см) относится к группе Dikeras. Близкие по форме сосуды известны не только на территории Греции¹⁷ — они получили широкое распространение и в Северном Причерноморье¹⁸.

Среди находок римского времени большой интерес представляют два парных краснолаковых светильника I–II вв. н.э. в виде головы Силена (рис. 5), с большим выпуклым лбом, выпуклыми надбровными дугами, большими глазами¹⁹. Глубокая складка пересекает лоб при переходе к носу, который чуть сдвинут вправо. Ручка светильника выполнена в виде раковины или пальметты и имеет круглое отверстие в центре (возможно, для подвешивания светильника?). Размеры светильников: длина 13,1 см, ширина 7 см, высота 4,6 см. Подобные светильники известны, в частности, с территории современной Болгарии, и, вероятно, являются изделиями причерноморского производства²⁰.

Другая интересная находка — фигурный сосуд в виде головы Диониса (рис. 6), датирующийся II — первой половиной III в. н.э. (диаметр дна 3,6 см, диаметр горла 4,8 см, высота 8 см). Этот сосуд был найден на поселении, получившем название «Водопроводное», в 4,5 км к северу от центра ст. Вышестеблиевская²¹. Сосуд лепной, лишь лицо Диониса оттиснуто в форме. Тулово сосуда представляет голову молодого Диониса с венком из листьев плюща. Сосуд имеет короткое цилиндрическое горло со слегка отогнутым краем. Близкие по форме сосуды, изготовленные из стекла, известны и из других памятников Таманского полуострова, например, из некрополя Кеп²².

Рис. 3. Раб с lanternой. Статуэтка. II–I вв. до н.э. Терракота. Кепы, 1967 г.

Рис. 4. Канфар аттический чернолаковый в технике West Slope. 270–260 гг. до н.э. Кепы, 1973 г.

Рис. 5. Светильники парные краснолаковые с изображением головы Сидена. II в. н.э. Патрей

Первые крупные коллекции поступили в Таманский музей в 1980-х годах. Охранно-спасательные работы курганного некрополя на территории *ст. Старотитаровской* в 1982 г. и *пос. Черноморского* в 1985–1987 гг. пополнили коллекцию музея аттической чернолаковой керамикой, представленной краснофигурным кратером, киликами, канфарами, арибаллом, аском, рыбными блюдами, лекифами, солонками и т.п.

Из поступивших материалов в первую очередь следует выделить аттический краснофигурный кратер (рис. 7) с изображением сцены комоса²³. Кратер относится к группе поздних кратеров 360–350 гг. до н.э. Дионисийские сюжеты, в том числе и изображение праздничного шествия — комоса, были широко распространены в аттической чернофигурной и краснофигурной вазописи²⁴.

Рис. 6. Сосуд фигурный в виде головы Диониса. II–III вв. н.э. Поселение «Водопроводное»

Из коллекции аттической импортной керамики, открытой в кургане у *ст. Старотитаровской* в 1982 г., происходят и сосуды туалетного назначения, в частности чернолаковый арибалл (рис. 8) и краснофигурный аск. Арибалл датируется началом IV в. до н.э. и представляет собой одноручный сосуд с туловом яйцевидной формы на широком кольцевом поддоне. Плечики сосуда переходят в очень узкое горло, заканчивающееся широким венчиком с загнутым краем. Высота 9,5 см, диаметр дна 5,1 см, диаметр тулова 7,4 см²⁵.

Краснофигурный аск (рис. 9), датирующийся 380–330 гг. до н.э., имеет широкое низкое вместилище биконической формы, верх которого в центре украшен расписным умбонидным выступом. С одной стороны прикреплено узкое раструбообразное горло с отогнутым наружу краем. Ручка крепится к боковой части тулова и плавным полукругом соединяется с горлом сосуда. Высота 4 см, диаметр тулова 10 см, диаметр дна 8,5 см²⁶.

Два чернолаковых килика представлены разными формами. Один относится к 350–325 гг. до н.э. (рис. 8)²⁷. Другой килик (430–400 гг. до н.э.) был найден во время раскопок кургана № 2 в *ст. Старотитаровской* (рис. 8). Это тип килика в виде плоской чаши, с очень тонкими стенками, на круглом низком кольцевом поддоне, с почти горизонтальными ручкам, приподнятыми вверх. Внутренняя часть дна сосуда украшена штампованным орнаментом²⁸. Здесь же отметим,

Рис. 7. Кратер краснофигурный.
Аттика, 360–350 гг. до н.э. Курган
у ст. Старотитаровской, 1982 г.

Рис. 8. Сосуды чернолаковые.
V–IV вв. до н.э. Из курганов
у ст. Старотитаровской и пос.
Черноморский, 1985–1987 гг.

что золотые серьги — одна в виде виноградной грозди, другая с изображением льва — из склепов кургана № 1 пос. Черноморского были переданы в золотую кладовую Краснодарского музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

В 1982 г. во время полевых осенних работ на винограднике совхоза «Юбилейный» был найден мраморный рельеф с изображением воина (рис. 10),

который поступил в собрание Таманского музея. Впоследствии на этом месте экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством Е.А. Савостиной велись планомерные раскопки античных усадеб *Юбилейное I* и *Юбилейное II*, где были открыты и другие памятники, получившие широкую известность²⁹.

Рельеф, хранящийся в Таманском музее, выполнен из цельного куска мрамора, имеет прямоугольную форму и представляет собой изображение юного воина в наступательной позе, обращенного вправо. Высота рельефа 144 см, ширина 133 см. Фигура юноши дана в развороте по диагонали: левая полу-согнутая нога выдвинута вперед, правая отставлена назад, торс изображен в трехчетвертном повороте. Голова воина с короткими волосами, переданными легкими прядями, показана в профиль. В левой руке юноша держит круглый аргосский щит, как в надгробиях Силаниона³⁰, Лисаса³¹ и Аристонавта³². Правая рука, с мечом, отведена к бедру. Меч не сохранился, но, судя по

Рис. 10. Рельеф с изображением воина. IV в. до н.э.
Мрамор. Юбилейный-1,
случайная находка, 1982 г.

Рис. 9. Аск краснофигурный.
380–330 гг. до н.э. Курган у ст.
Старотитаровской, 1982 г.

Рис. 11. Акротерий. IV в. до н.э.
Известняк. Ст. Тамань, 1984 г.

высверленному гнезду, в котором он крепился, он был сделан отдельно и принадлежал к разновидности мечей типа ксифоса. На плечи обнаженного юноши наброшен короткий плащ, скрепленный спереди круглой фибулой. Сзади, на спине, плащ спускается складками. Рельеф в древности был разбит на четыре фрагмента. Этот рельеф, по мнению Савостиной, может быть датирован временем не ранее третьей четверти IV в. до н.э.³³

В 1983 г. с территории поселения Юбилейное 1 в музей поступила женская мраморная головка от небольшой скульптуры, датирующейся I в. до н.э. — I в. н.э. (рис. 1). Головка изваяна из одного куска белого мрамора, прекрасно сохранилась, хотя и есть повреждения — сколот кончик носа, имеются сколы на губах и правой щеке. Сохранившаяся высота головки составляет 18 см. Античный скульптор изобразил юную девушку, с наклоном головы влево. Волосы разделены на прямой пробор и волнистыми линиями обрамляют невысокий лоб. С левой стороны часть волос спадает, вероятно, на грудь. В мочках ушей имеются высверленные отверстия, в которые вставлялись серьги. Тип

скульптуры близок головке из Пантикапея, которую М.М. Кобылина интерпретировала как изображение Артемиды и отнесла ее к римской копии начала I в. н.э.³⁴

В 1984 г. в ст. Тамань был случайно найден известняковый акротерий IV в. до н.э., размерами 63 × 47 × 14 см (рис. 11). На акротерии имеется рельефное изображение пальметты и волют на листе аканфа. Акротерий выполнен из известняковой плиты в виде полукружия. Основанием акротерия служит невысокая горизонтальная подставка с врезными линиями. Близкие по стилю известняковые надгробия получили широкое распространение на Азиатском Боспоре³⁵.

Надгробие с надписью (рис. 12)³⁶ было открыто на некрополе поселения Тамань 4 или Западно-Лысово³⁷. Памятник представляет собой верхнюю часть надгробной стелы, увенчанной профилированным карнизом, выносная плита которого украшена «сухариками». Под карнизом надгробия — архитрав, на его фасциях сохранилась надпись в две строки, которые С.Р. Тохтаев прочитал как «Аспасия, [дочь] Исхорион[а, жена] Посейдония» и отнес его к рубежу V–IV вв. до н.э.³⁸ По своим параметрам и архитектурной форме стела близка к надгробному рельефу с несохранившейся надписью из Пантикапея³⁹.

Эти памятники, открытые случайно или в ходе археологических исследований, проведенных ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством А.К. Коровиной, С.И. Финогеновой и Е.А. Савостиной, а также Тмутараканской археологической экспедиции КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына под руководством О.В. Богословского, поступившие в фонды Таманского музейного комплекса, являются важными источниками для изучения античного периода истории Таманского полуострова.

В 1980-х годах старое здание археологического музея подверглось реконструкции. Новая археологическая экспозиция, открытая после реконструкции 1988 г., была выполнена ленинградскими архитекторами В.А. Гавриловым и З. Хохоевой.

С 1990-х годов наступает второй этап в формировании коллекций музея. Благодаря деятельности Управления по охране памятников Краснодарского края, а также Отдела культуры Темрюкского района между руководством Государственного Эрмитажа, Института археологии РАН, Института истории материальной культуры и Таманским музеем была достигнута договоренность о ежегодной передаче коллекций с исследуемых археологических памятников, расположенных на территории Таманского полуострова. Небольшими коллекциями стали поступать материалы из Гермонассы, Тирамбы, кургана Межлиманного (работы ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством Коровиной). Из Института археологии РАН в фонды музея была передана часть коллекций из раскопок Фанагории, Патрея, Красноармейского поселения, Батареек, Кеп и других памятников. Материалы передавались А.П. Абрамовым, Ю.В. Горловым, в.С. Долгоруковым (рис. 13), А.А. Завойкиным, М.В. Калашниковым, В.Д. Кузнецовым, Э.Я. Николаевой, Я.М. Паромовым, Б.Г. Петерсом.

В дальнейшем, с конца 1990-х годов коллекции стали поступать в музей систематически и формироваться по археологическим памятникам: Гермонасса, Фанагория, Кепы, Ильичевское городище, Патрей, поселения Волна-1, Волна-4, Артющенко-1, Артющенко-2, Вышестеблиевская-11, Береговой-1, Береговой-4, Балка Хреева (некрополь и поселение). Особого внимания заслуживают коллекции, поступившие и продолжающие поступать в ходе

Рис. 12. Надгробие Аспасии.
Рубеж V–IV вв. до н.э. Мрамор.
Тамань, некрополь

Рис. 13. Тарелка краснолаковая со штампованным орнаментом. III–II вв. до н.э. Восточный некрополь Фанагории

разведочных и охранно-спасательных работ на памятниках — поселениях и курганных некрополях, которые попали в зону строительства железной дороги, и объектов нефтеналивного терминала, строящегося на территории пос. Волна. Охранно-спасательные работы проводились экспедицией Краснодарского государственного университета под руководством И.И. Марченко, Комитетом по охране памятников Краснодарского края, ГУП «Наследие Кубани», под руководством А.В. Дмитриева, В.Г. Житникова, а также НП ИТЦ «Кубань-юг» и ИА РАН под руководством Н.И. Сударева.

Самая большая коллекция археологических материалов происходит из охранно-спасательных работ берегового участка городища *Гермонасса-Тмутаракань*. Вся коллекция из раскопок на этом памятнике формировалась и формируется благодаря работам Гермонасской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством А.К. Коровиной, С.И. Финогеновой и экспедиции КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына под руководством О.В. Богословского и И.Н. Богословской, а впоследствии — Э.Р. Устаевой.

Среди памятников античного времени из раскопок Гермонассы отметим большую коллекцию архитектурных деталей. Из них особенно интересна найденная в средневековом слое, во вторичном использовании в кладке, капитель колонны ионийского ордера, представляющая собой известняковый блок, украшенный двумя волютами (рис. 14). Размеры: длина 79 см, ширина 43 см, высота 32 см. Этот памятник монументальной архитектуры, по мнению его издателя, относится к первой четверти V в. до н.э.⁴⁰ Коровина предполагает, что эта находка говорит о существовании в Гермонассе храма Аполлона, возведенного первыми поселенцами⁴¹. Впрочем, А.В. Буйских убедительно

разведочных и охранно-спасательных работ на памятниках — поселениях и курганных некрополях, которые попали в зону строительства железной дороги, и объектов нефтеналивного терминала, строящегося на территории пос. Волна. Охранно-спасательные работы проводились экспедицией Краснодарского государственного университета под руководством И.И. Марченко, Комитетом по охране памятников Краснодарского края, ГУП «Наследие Кубани», под руководством А.В. Дмитриева, В.Г. Житникова, а также НП ИТЦ «Кубань-юг» и ИА РАН под руководством Н.И. Сударева.

Рис. 14. Капитель ионийского ордера. V в. до н.э. Мрамор. Гермонасса

доказала, что эта капитель должна датироваться временем не ранее второй — третьей четвертей IV в. до н.э.⁴²

Из поступлений последних лет отметим находку в 2000 г. постамента с посвящением Афродите (рис. 15). Это прямоугольный блок известняка размерами $22,3 \times 12,3 \times 15,2$ см, с выступающим профилированным основанием и таким же профилированным карнизом сверху⁴³. На передней стенке высечено трехстрочное посвящение: «Гераклеец Гераклеод Афродите». На верхней площадке имеется углубление с невысоким бортиком для установки плитки, соответствующей по размерам углублению, слегка возвышающейся над бортиком. Плитка крепилась к нижнему основанию с помощью бронзовых стержней, вставленных в просверленные отверстия. Сверху — овальное углубление для установки скульптуры Афродиты. Согласно особенностям шрифта надписи (две верхние строчки которой написаны на дорическом диалекте, а нижняя — на ионийском), ее можно отнести к 60-м годам IV в. до н.э.

Культ Афродиты, как известно, получил широкое распространение на азиатской стороне Боспора. С.Р. Тохтасьев, сделав сопоставление этой посвяжительной надписи Афродите из Гермонассы с ранее известными надписями, датированными правлением Левкона, сына Сатира⁴⁴, пришел к выводу, что «на сегодняшний день это наиболее древнее свидетельство культа Афродиты в Гермонассе». Конструктивные особенности постамента указывают на его установку в храме, выстроенном в честь богини, который находился в святилище, обнесенном портиками и различными постройками культового назначения⁴⁵. Аналогичные постаменты и крепеж с помощью металлических стержней известны, в частности, в Херсонесе⁴⁶.

Интересна находка 2003 г. эпитафического памятника с Тамани — верхней части надгробия, выполненного из керченского известняка⁴⁷ (рис. 16). Размеры: $72 \times 67 \times 14$ см. Оно представляет собой прямоугольной формы

Рис. 15. Постамент под небольшую скульптуру с посвяжительной надписью. IV в. до н.э. Мрамор. Гермонасса. 2000 г.

Рис. 16. Верхняя часть надгробия с надписью. Середина IV в. до н.э. Известняк. Ст. Тамань, случайная находка 2003 г.

Рис. 17. Надгробие Диодота.
Середина I в. до н.э. Мрамор.
Северо-Зеленское поселение,
1988 г.

плиту, верхняя часть которой выполнена в виде фронтона, украшенного пальметтой, и карниза античного храма⁴⁸. Сохранилась трехстрочная надпись: «Питогейтон (сын) Гераклида... Электра». На надгробии сохранились следы красной краски. Датируется памятник IV в. до н.э.

В 1988 г. в музей поступило мраморное надгробие с рельефом и надписью критянина Диодота середины I в. до н.э. (рис. 17)⁴⁹, обнаруженное случайно при вспашке поля у подножия горы Зеленского⁵⁰ (высота 60 см, ширина 42–44 см, толщина 8,2 см). Надгробие выполнено из мелкозернистого серовато-белого мрамора. Рельеф изображает фронтально стоящих женщину и мужчину. По словам Т.В. Блаватской, «художественный уровень исполнения рельефа свидетельствует о незаурядном профессионализме его мастера. Тщательной отделкой деталей ваятель ответил реалистическим тенденциям боспорского искусства своего времени»⁵¹. Под рельефом выполнена эпитафия: «Диодот, сын Энея, прощай. Именем я Диодот, отца Энея, родом критянин,

век свой проживший в высшей степени добропорядочно во всем. Я возвещаю, что этот памятник вечного почитания сооружен любовью милого сына Парала. Из-за меня, что терзаешь себя, о госпожа Лисимахия? И ведь милостливый Аид и в подземном мире я благоденствую». Т.В. Блаватская отмечала, что «эпитафия Диодота важна как первое сообщение о приезде критянина на Боспор...». Изображение Диодота с луком и горитом на рельефе напоминает о критских лучниках. В то же время этим оружием пользовались и сами жители Боспора⁵². В эпитафии нет и намека на военные подвиги Диодота, зато подчеркнута его добропорядочность «во всем». Диодот, сын Энея, уроженец Крита, вероятно, мог быть и врачом, инженером-строителем, учителем или военным преподавателем, род занятий которого и определил его приезд на Боспор вместе с семьей, причем на долгое время⁵³.

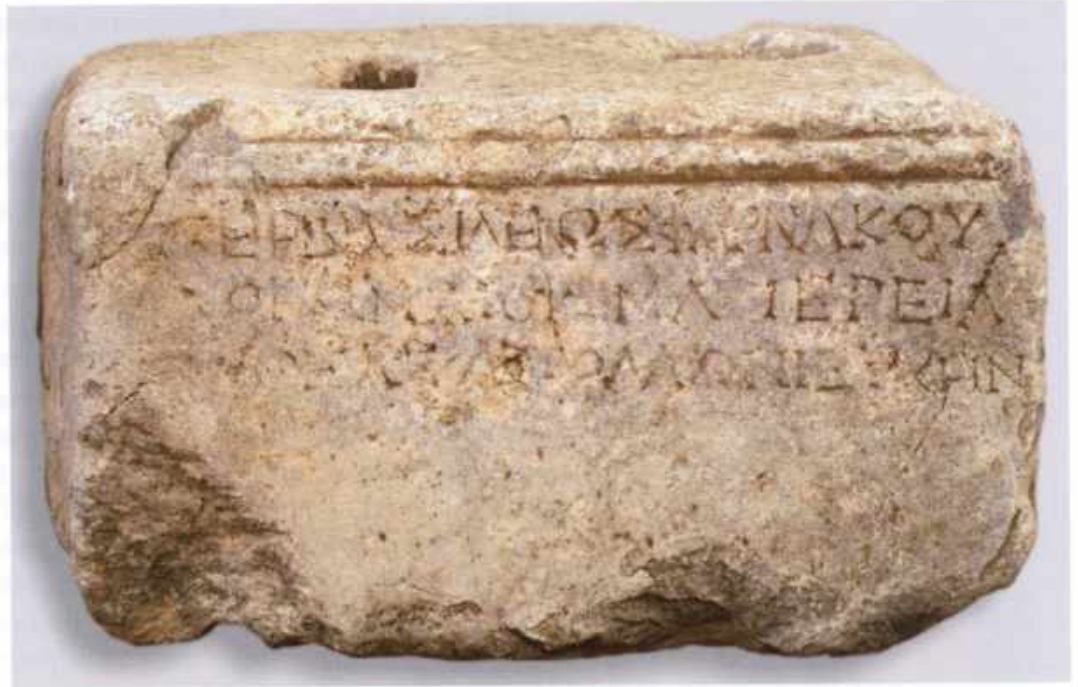
Замечательным эпиграфическим памятником является надпись на постаменте под статую с упоминанием имени Пифодориды, вдовы боспорского царя Полемона I (рис. 18). Размеры: длина 56 см, высота 28 см, толщина 20 см. Передняя часть мраморного постамента изображает эдикулу, или наос, сильно углубленный в камень и по бокам обрамленный полуколонками дорического ордера. Постамент в верхней части имеет скос, имитирующий черепичную крышу. Выше помещена надпись со следами уничтожения в виде насечек. Надпись: «Пифодорида Ливию... свою благодетельницу (поставила)»⁵⁴. На верхней плоскости блока сохранились углубления для ног бронзовой статуи. Пифодорида благодарит римскую императрицу Ливию и в знак благодарности ставит ей памятник за назначение ее правительницей Боспора.

Среди случайных находок, поступивших в музей осенью 2003 г., следует упомянуть найденный в Тамани мраморный постамент под статую Аполлона с посвянительной надписью⁵⁵ (рис. 19). Постамент представляет собой мраморный блок размерами 25 × 42 × 36 см. На верхней части постамента высечены углубления для крепления статуи, одно из них круглой формы, второе в форме стопы правой ноги. Памятник относится ко второй половине I в. до н.э., начальному этапу правления Фарнака II на Боспоре.

Рис. 18. Надпись Пифодориды в честь Ливии. I в. до н.э. Мрамор. Гермонасса. 1983 г.

Рис. 19. Постамент с посвящением Аполлону. Вторая половина I в. до н.э. Мрамор. Тамань, случайная находка 2003 г.

На лицевой стороне постамента надпись: «За царя Фарнака | друга римлян Ма, жрица | богини, Аполлону по обету (поставила)». Таким образом, к ранее известным четырем посвячительным надписям, говорящим о существовании культа Аполлона в Гермонассе⁵⁶, в коллекцию музея поступила пятая надпись. Аналогии в написании букв рассматриваемого памятника, датируемого временем Фарнака II⁵⁷, можно проследить, например, в эпитафии Гликании, супруги Асандра⁵⁸, и недавно найденной в Фанагории эпитафии Гипсикратии, жены (или наложницы) Митридата Евпатора⁵⁹.

Из раскопок античных слоев Гермонассы, проводимых ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством Финогеновой фонды музея пополнились образцами архаической керамики — восточноионийской, клазоменской, хиосской и аттической VI—V вв. до н.э.⁶⁰, терракотовыми статуэтками и другими материалами. В итоге ежегодные исследования средневековых и античных

Рис. 20. Зеркало. V—IV вв до н.э. Бронза. Окрестности Тамани, случайная находка 1999 г.

Рис. 21. Светильник. V—VI вв. Бронза. Гермонасса, 1984 г.

слоев городища Гермонасса-Тмутаракань к настоящему времени дали самые лучшие античные находки, украшающие экспозицию Таманского музея.

Периодически в коллекцию музея поступают и случайные находки — например, бронзовое зеркало V–IV вв. до н.э. из окрестностей Тамани (рис. 20), переданное в музей в 1999 г.

Не менее значительна и интересна коллекция материалов раннесредневекового времени. Прекрасным образцом бронзового осветительного прибора является найденный в 1984 г. светильник V–VI вв. с ажурной ручкой в виде семичастного листа (рис. 21). Размеры: высота 3,5 см, длина 16,3 см. Местом производства таких светильников считается Восточное Средиземноморье, а их находки представлены в ряде собраний⁶¹. В Северном Причерноморье подобный светильник происходит из Херсонеса⁶². Тамань дала прекрасную коллекцию средневековых гирек и разновесов⁶³. Прекрасно исполнена надгробная скульптура VIII–X вв. с иудейскими символами — изображением меноры, пальмовой ветви и трубного рога. Образцами

ранневизантийской архитектуры V в. являются находки мраморных капителей и рельефа с изображением ангела, держащего плат⁶⁴.

Особо интересен фрагмент верхней части известняковой плиты с рельефом, в центре которого находится сохранившееся по пояс изображение ангела с крыльями и нимбом вокруг головы, слева — часть изображения палаты, который держит обеими руками ангел. Длина 39,5 см, ширина 24,5 см, толщина 8 см. По определению А.В. Банк, рельеф относится к V–VI вв.⁶⁵ и является архитектурным украшением раннехристианского храма. Сохранился только фрагмент рельефа, поверхность сбита. Размеры рельефа: длина 39,5 см, ширина 24,5 см, толщина 8 см. Эти памятники, найденные в Тамани, свидетельствуют не только о культурных и торговых связях с Византией в V–VI вв., но и о том, что в это время данная территория являлась византийской провинцией⁶⁶. Строительная надпись византийского императора Юстиниана I, датированная 533 г.⁶⁷, обнаруженная в начале XIX в. при сооружении Фанагорийской крепости в Тамани, подтверждает этот факт.

Большое значение для формирования коллекций по античным городам и некрополям для экспозиции музея имеют материалы из раскопок столицы Азиатского Боспора — города *Фанагории*. Фанагорийское собрание представлено коллекциями чернолаковой и краснолаковой керамики, надгробными и почитательными памятниками, украшениями, изделиями из стекла, оружием, терракотовыми статуэтками и др. В фондах музея хранятся материалы из раскопок В.Д. Кузнецова, В.С. Долгорукова, А.А. Завойкина, Т.Г. Шавыриной, Н.И. Сударева и других исследователей городища и его некрополя.

Из Фанагории происходит замечательная эпиграфическая коллекция. Наиболее важные памятники были обнаружены экспедицией Института археологии

Рис. 22. Постамент под статую Савромата с почитательной надписью Менестрата. Вторая половина II — начало III в. н.э. Мрамор. Фанагория. 2004 г.

Рис. 23. Надпись о посвящении царем Аспургом статуи Эрота Афродите Урании. I в. н.э. Мрамор. Фанагория. 2005 г.

Рис. 24. Надгробие жены Митридата VI Евпатора Гипсикратии. 63 г. до н.э. Мрамор. Фанагория. 2005 г.

РАН в последние годы при проведении подводных исследований. Среди них находится мраморный постамент под статую боспорского царя Савромата II (рис. 22)⁶⁸. На внешней стороне постамента имеется десятистрочная надпись с посвящением статуи царю Савромату от его главного постельничего Менестрата. Ниже надписи — изображение жертвенного быка на веревке. В верхней части постамента можно видеть углубления в виде двух стоп под статую царя⁶⁹. Второй замечательной надписью является посвящение Аспурга (рис. 23). Это мраморный блок прямоугольной формы, на внешней стороне которого имеется надпись из четырех строк посвящения Аспургом статуи

Рис. 25. Оружие. VI в. до н.э.
Железо. Некрополь Фанагории,
погр. 470

Эрота Афродите Урании, владычице Апатура. Размеры: высота 55 см, ширина 84 см, толщина 57 см. Кроме того, в 2005 г. в музей поступили последние уникальные эпиграфические находки: строительная надпись о восстановлении разрушенного военными действиями портика в 220 г. н.э., а также надгробие Гипсикратии, жены царя Митридата Евпатора, относящееся к 63 г. до н.э. (рис. 24)⁷⁰.

В собрании Таманского музейного комплекса хранятся также предметы вооружения, которые относятся к категории довольно редких находок. Так, из раскопок на некрополе Фанагории (погребение 470, последняя четверть VI в. до н.э.) происходит меч-акинак с антенновидным навершием и сердцевидным перекрестием на рукояти, длиной 39,5 см (рис. 25)⁷¹. Здесь же был обнаружен и железный наконечник копья. Длина копья 47 см, диаметр втулки 2,5 см.

Значительна коллекция античной керамики из Фанагории. Отметим, например, аттический чернофигурный килик типа С, относящийся к 525–500 гг. до н.э. Изнутри в центре килик украшен изображением Медузы Горгоны, высунувшей язык (рис. 26)⁷². Другой чернофигурный килик относится к 500–480 гг. до н.э.⁷³ (рис. 27). Прекрасным образцом эллинистической керамики является лагинос с белой облицовкой и росписью (рис. 28). Размеры: высота 20,5 см, диаметр 18 см, высота ручки 12 см. Это одноручный кувшин с узкой шейкой и горлом, плечики резко переходят в боковые стенки, на низком кольцевом поддоне. Лагинос покрыт светлым ангобом, по ангобу роспись жидким разбавленным лаком: изображение атрибутов дионисийского культа и музыкальных инструментов. Подобные лагиносы были широко распространены по всему античному миру, их производство большинство исследователей связывают с Пергамом⁷⁴, хотя некоторые продолжают говорить об Александрии⁷⁵. Встречаются они и на территории Северного Причерноморья⁷⁶. На Таманском полуострове наиболее близкая аналогия — лагинос из кургана № 18 Кепского некрополя, датируемый серединой II — началом I в. до н.э.⁷⁷

Посуда римского времени представлена большим количеством краснолаковых сосудов, среди которых привлекают внимание тарелки понтийской сигиллаты с клеймами в виде отпечатка ступни — *planta pedis* (рис. 29)⁷⁸.

Среди терракотовых статуэток выделяется фигурка лежащего кабана, датирующаяся I–II вв. н.э. (рис. 30). Размеры: длина 18 см, высота 5,5 см. Поверхность этой оттиснутой в форме статуэтки покрыта красным лаком. В нижней части терракоты имеются четыре сквозных отверстия. На морде кабана тоже имеется сквозное отверстие. Прямых аналогий этой статуэтке нам неизвестно⁷⁹, но она удивительно напоминает произведения торевтики IV в. до н.э., в частности, широко известное серебряное с золотыми вставками навершие в виде фигурки лежащего кабана из Уляпского курганного могильни-

Рис. 26. Килик с изображением медузы Горгоны. 525–500 гг. до н.э. Фанагория

Рис. 27. Килик. 500–480 гг. до н.э. Фанагория

ка⁸⁰. Образ кабана или вепря, как известно, играл большую роль в культовой жизни греческих полисов⁸¹.

Из Фанагории также известны и памятники глиптики. Так, из раскопок Восточного некрополя Фанагории в 2003 г. под руководством Сударева происходит сердоликовая гемма I–II вв. овальной формы с резным изображением креветки (рис. 31). Размеры геммы 0,7 × 0,5 см.

Раскопками А.Б. Колесникова на поселении *Приморский-1* в 1992 г. были открыты 17 уникальных изделий из дерева, прекрасно сохранившихся и относящихся к первой четверти IV в. до н.э. Особого внимания как памятник искусства резьбы по дереву заслуживает деревянный двусторонний гребень 10 × 9 см (рис. 32). Гребень прямоугольной формы, двусторонний, изготовлен из грушевого дерева. С одной стороны – крупные зубцы, с другой – мелкие. На гребне с обеих сторон имеются вырезанные по

Рис. 28. Лагинос расписной. Середина II – начало I в. до н.э. (Пергам). Фанагория

Рис. 29. Тарелка краснолаковая с клеймом в виде ступни. Фанагория

Рис. 30. Кабан. Статуэтка. I—II вв. н.э. Терракота. Фанагория. 2003 г.

дереву изображения. На одной стороне — погрудное изображение Геракла с палицей в правой руке, изображение собаки и орнамент в виде пальметт, с другой — в нижней части гребня — голова Гермеса с крыльями за спиной.

Уникальная коллекция терракотовых статуэток и других предметов отправления культа элевсинских божеств происходит из раскопок на памятнике *Береговой-4* — сельском святилище (автор раскопок А.А. Завойкин). Среди них упомянем терракотовую статуэтку с изображением сидящей в кресле богини Деметры в калафе (рис. 33). Высота статуэтки 15 см. Руки богини сложены на коленях. Статуэтка, датированная IV в. до н.э., оттиснута в форме полая внутри. Подобные статуэтки неоднократно находили в посвященных Деметре святилищах⁸². Другая статуэтка, высотой 11,5 см, изображает сидящую в кресле дочь Деметры — Кору-Персефону. Руки сложены на коленях. На голове — стефана и покрывало⁸³. Подобные статуэтки также датируются IV в. до н.э. и происходят из ряда боспорских памятников⁸⁴.

С 1990-х годов в музей регулярно поступают находки из раскопок *Патрея*, исследования которого осуществляет А.П. Абрамов. Среди материалов, относящихся к античному периоду существования Патрейского городища, есть терракотовые статуэтки, предметы вооружения⁸⁵, надписи⁸⁶, значительная керамическая коллекция, включающая керамическую тару, расписную, чернолаковую керамику, большая коллекция нумизматического материала. Замечательным памятником глиптики является гранатовая гемма размерами 1,1 × 0,95 см (рис. 34), на которой вырезано изображение богини Артемиды, культ которой был распространен среди греческого населения Таманского полуострова. На вставке имеется профильное изображение Артемиды, за плечами которой — изображение лука и стрел.

Среди терракотовых статуэток V в. до н.э. большой интерес представляет лепная терракотовая статуэтка свернувшейся клубком собаки (рис. 35). Глина статуэтки светлая, с большим количеством слюды, обжиг хороший. Размеры: высота 2—6 см, ширина 2 см. Статуэтки собак, которых античная мифология связывала с культом Асклепия⁸⁷ и других богов⁸⁸ встречаются в Северном Причерноморье довольно редко⁸⁹.

Рис. 31. Гемма с изображением креветки. I—II вв. н.э. Сердолик. Фанагория, 2003 г.

Рис. 32. Гребень. Первая четверть IV в. до н.э. Дерево. Поселение у пос. Приморский, 1992 г.

Из раскопок в Патрее происходит также протома с изображением Деметры (рис. 36), представляющая терракотовое погрудное изображение богини. На голове Деметры — стефана и покрывало, руки согнуты в локтях, левой рукой богиня держит покрывало. На левом плече — крупное круглое украшение. Размеры: общая высота 22 см, ширина 16,5 см. Статуэтка может быть датирована IV в. до н.э.

На городском некрополе был найден чернофигурный лекиф V в. до н.э. (рис. 37)⁹⁰, украшенный росписью с изображением трех вертикально расположенных пальметт. Каждая пальметта обрамлена линией, нанесенной белой краской, листья пальметт разделены процарапанными линиями. Размеры: высота 11,4 см, диаметр плечиков 4,4 см, диаметр венчика 3 см.

Рис. 33. Деметра и Кора. Статуэтки. IV в. до н.э. Терракота. Святилище на поселении Береговой-4

Более 500 предметов поступило в коллекцию музея из раскопок *Ильичевской крепости* и поселения вокруг нее. Это собрание уникально, поскольку представляет собой значительную выборку предметов материальной культуры гарнизона и жителей пограничной крепости, разрушенной тюркютами в 576 г. После этого разрушения крепость не восстанавливалась, и до наших дней дошли закрытые комплексы, относящиеся к периоду разгрома. В состав коллекции входят позднеантичные краснолаковые сосуды V–VI вв. понтийского производства, а также миски фокейской группы (*Late Roman C*) с христианскими символами (рис. 38)⁹¹, разнообразные по форме светильники, изделия из стекла⁹², кости, металла (рис. 39)⁹³, многочисленные амфоры и другие керамические сосуды (рис. 40)⁹⁴. Среди предметов вооружения, происходящих с Ильичевского городища, стоит упомянуть пластинчатый шлем⁹⁵. Интересно, что почти полной аналогией этому шлему является экземпляр из катакомбы на Госпитальной улице в Керчи из раскопок Ю.А. Кулаковского⁹⁶.

Из Ильичевки происходит группа осветительных приборов различных типов: обычные масляные светильники, глиняные и стеклянные лампадки,

Рис. 34. Гемма с изображением Артемиды. Гранат. Патрей, 1990-е годы

Рис. 35. Фигурка свернувшейся клубком собаки. V в. до н.э. Терракота. Патрей

Рис. 36. Протома Деметры с круглым украшением на левом плече. IV в. до н.э. Терракота. Патрей

которые подвешивались на специальных металлических креплениях (рис. 41), а также светильники на высокой ножке (рис. 42). Среди осветительных приборов выделяется находка светильника с сюжетным изображением на щитке (рис. 43): две колонны с опирающейся на них полукруглой аркой, а под ними — перевернутый треугольник, заполненный точками⁹⁷. Подобные светильники происходят также из многих других пунктов Средиземноморья и Причерноморья и датируются V–VI вв. н.э.⁹⁸ Согласно В.Н. Залесской, здесь представлено стилизованное изображение купола усыпальницы святого мученика (т.е. христианский мартирей) в сочетании с крещальней, что может символизировать второе рождение, получаемое неопитом через таинство Крещения⁹⁹.

Специальное исследование этой группы светильников из Херсонеса было предпринято Д.Ю. Коробковым¹⁰⁰. По мнению М.И. Золотарева и Д.Ю. Коробкова, под аркой различается не алтарная часть храма, а особая ниша в его стене, куда традиционно помещались почитаемые святыни и реликвии¹⁰¹. В пользу этого свидетельствует изображение так называемой «раковины» («акротерия», «многолепестковой розетки»), представляющее плоскостную версию полукупола (конхи), каким обычно завершалась подобная ниша (эдикула). Ниже конхи на некоторых светильниках этого типа можно видеть сетку из перекрещенных линий — таким способом передается изображение запертых дверей¹⁰². В иудейском искусстве известно довольно много близких изображений¹⁰³. Таким образом, нельзя исключить, что подобные светильники использовались местной иудейской общиной, сведения о существовании которой, например, в Фанагории, дошли до нас из других источников¹⁰⁴.

Рис. 37. Лекиф чернофигурный.
V в. до н.э. Патрей

Напомним об известняковых надгробиях салтовского времени с изображением иудейской символики, в больших количествах находимых на Таманском полуострове: в Гермонассе, Фанагории, поселении Вышестеблиевская-11¹⁰⁵ и др. Среди этих изображений преобладает изображение семисвечника-меноры¹⁰⁶.

Среди терракотовых статуэток из Ильичевки интерес вызывает антефикс с изображением Диониса (рис. 44)¹⁰⁷. Одной из наиболее поздних находок является украшение конской сбруи (рис. 45), относящееся к VIII–X в.¹⁰⁸

Прекрасными образцами аттической чернолаковой керамики IV–III вв. до н.э., открытыми при прокладке водопровода на территории хут. Белого, пополнилась коллекция музея в 1991 г. Это канфары, лекифы, рыбное блюдо, а также амфоры. Вероятнее всего, рабочие наткнулись на земляной склеп разрушенного кургана. Наиболее интересна группа однотипных краснофигурных лекифов второй четверти IV в. до н.э. (рис. 46). Сосуды имеют приземистую форму, на кольцевом поддоне, высокое горло, переходящее в венчик в виде раструба. По тулову лекифов — роспись в виде пальметты¹⁰⁹.

Коллекция из более чем 1500 предметов стала итогом охранно-спасательных работ, проводимых экспедицией Кубанского университета под руководством И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис, В.В. Бочкового при исследовании курганных групп, грунтовых могильников и поселений. В ходе этих работ были открыты материалы как эпохи ранней и средней бронзы, так Античности и раннего Средневековья. Это и терракотовые статуэтки, восходящие по манере исполнения к танагрским, и большая серия украшений (перстни, бусы, поясные накладки, серьги, фибулы — рис. 47, 48), и сосуды из стекла и керамики и многие другие изделия античных мастеров¹¹⁰.

Очень интересна группа терракотовых статуэток III–II вв. до н.э. боспорского производства, но восходящих к танагрским оригиналам. Среди них статуэтка стоящей женщины (высота 19 см), закутанной в гиматий (рис. 49)¹¹¹. Статуэтка изображает пожилую женщину с одутловатыми чертами лица, голова немного развернута влево. Волосы на голове разделены пробором по

Рис. 38. Клеймо — изображение Христа в образе человека-рыбы. Ильичевская крепость

Рис. 39. Крест-энколпион. Сирия, VI в. н.э. Ильичевская крепость

Рис. 41. Лампадка. V–VI вв. н.э.
Глина. Ильичевская крепость

середине и убраны в плоский узел (пряди волос очерчены стекой). Правая рука согнута в локте, кисть спрятана в складках гиматия, левая рука опущена, придерживает край одеяния. На одежде сохранились следы росписи черной краской. Терракота изготовлена из коричневой глины в форме, задняя сторона плоская с прямоугольным отверстием. По манере исполнения она близка крупному фрагменту терракоты, изображавшей фигуру женщины из мастерской коропласта на акрополе Пантикапея, открытой в 1953 г.¹¹² Вероятнее всего, найденная терракота, происходящая из одного из погребений фанагорийского курганного некрополя, также была изготовлена в мастерской Пантикапея как подражание образцам танагрских статуэток III в. до н.э.

Другая псевдотанагрская терракотовая статуэтка (высота 14 см) представляет сидящую девушку, играющую на триганоне (рис. 50)¹¹³. Она также боспорского производства и происходит из комплекса первой половины II в. до н.э.¹¹⁴ Голова девушки развернута вправо, немного наклонена вперед, волосы уложены «венчиком» на затылке высоким плоским узлом. Полные губы тронуты улыбкой. Правая рука согнута, кисть — на музыкальном инструменте. Одеяние — хитон, в частых складках, из-под его края выступают ступни. Складки хитона подработаны стекой. Основание статуэтки оформлено в виде постамента. Терракота выполнена из светло-оранжевой глины в форме. Задняя сторона статуэтки гладкая, имеет круглое отверстие. На терракоте сохранились следы раскраски: хитон — черной краской, триганон — красной. Ближайшей аналогией является терракота из музейного собрания, найденная на поселение Артющенко-1, раскопки которого были начаты в 1998 г. ИИМК под руководством Ю.А. Виноградова¹¹⁵. Кроме того, близкая терракота происходит и из кургана № 17(18) Кепского некрополя¹¹⁶.

Интересна серия краснолаковых сосудов. Среди них выделяется канфар (рис. 51), относящийся к I — началу II в., высота 4,9 см, диаметр 9,6 см, диаметр дна 4,2 см. Сосуд изготовлен из тонко отмученного теста, глина светло-охристая. Лак тусклый, придонная часть покрыта неаккуратно. Стенки в придонной части округленные, в месте перехода в бортик — острое ребро.

Рис. 40. Ойнохья с изображением пальмовой ветви и льва. VI в. н.э.
Ильичевская крепость

Рис. 42. Светильник на высокой ножке. V–VI вв. н.э.
Ильичевская крепость

Рис. 43. Светильник с иудейской символикой. V–VI вв. н.э.
Глина. Ильичевская крепость

Рис. 44. Протома с изображением молодого Диониса. III в. н.э.
Терракота. Юго-западная часть Ильичевского поселения

Рис. 45. Украшение конской сбруи. VIII–X вв. н.э.
Случайная находка у Ильичевской крепости

Бортик высокий, слегка вогнутый, край заострен. Ручки-петельки крепятся к бортику, в сечении полуовальные. Этот сосуд принадлежит к понтийской сигиллате, производимой в центрах Причерноморья¹¹⁷. Прототипом этой формы, судя по всему, были италийские тонкостенные сосуды, так называемая керамика *pareti sottili*¹¹⁸.

В коллекции также представлены краснолаковые кувшины, один из которых имеет биконическое тулово и цилиндрическое горло с отогнутым краем (рис. 52). Размеры: высота 5,2 см, диаметр тулова 13,4 см, диаметр горла 4,5 см, диаметр дна 5 см. Глина желто-коричневая с примесью слюды. Поверхность кувшина, за исключением поддона, ровно покрыта красным лаком. Датируются аналогичные формы концом I – первой половиной II в. н.э. Вероятно, этот кувшин был также изготовлен в мастерских, где производилась понтийская сигиллата.

Из этих же раскопок происходит надпись – посвящение Афродите Урании, владычице Апатура. Размеры: длина 35 см, ширина 17 см, толщина 13 см. Это фрагмент мраморной плиты, украшенной по верхнему краю узким карнизом и под ним овами. Обломан справа, слева и снизу. Верхняя поверхность по сравнению с лицевой обработана более грубо. На лицевой поверхности, под орнаментальным поясом фрагментарно сохранилась двухстрочная надпись:

[Афродите Урании] влады[чице Апат]ура
[при царе Савро]мате, сыне вели[кого]
[царя-----].

Надпись может быть посвятительной или строительной и относится к концу I–II в. н.э.¹¹⁹

Среди находок имеется большое количество античных ювелирных украшений – перстни, бусы, поясные накладки, серьги, фибулы. Особого внимания заслуживает массивный бронзовый перстень «птолемеевского типа» (2,95 × 2,6 см), с щитком, украшенным рельефным изображением женской головы в профиль (рис. 53). Все поле щитка занимает женская голова, повер-

Рис. 46. Лекифы с росписью в виде пальметт. IV в. до н.э. Хутор Белый

нутая влево, с прической «Melopenfrisur» — в виде тугих локонов, собранных сзади в пучок, а впереди украшенных диадемой, ленты которой спадают с пучка волос. Четкими линиями резца переданы прямой широкий нос и выразительный большой рот, голова поднята кверху. Одутловатые тяжелые черты лица свидетельствуют о пожилом возрасте. Несомненно, на перстне изображена жена Птолемея II Арсиноя II¹²⁰. Перстень происходит из комплекса второй четверти III в. до н.э.¹²¹ В коллекции Эрмитажа имеются несколько подобных перстней из Северного Причерноморья¹²², в коллекцию ГМИИ

Рис. 47. Бусы

Рис. 48. Бусы

Рис. 49. Стоящая женщина.
Статуэтка. III–II вв. до н.э.
Терракота

Рис. 50. Женщина, играющая на
триганоне. Статуэтка. Первая
половина II в. до н.э. Терракота

им. А.С. Пушкина аналогичный перстень поступил из раскопок некрополя Фанагории в 1965 г.¹²³

Работами экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С.Л. Соловьева в 1996–1999 гг. и экспедицией Комитета по охране памятников и ГУП «Наследие Кубани», НП ИТЦ «Кубань-юг» Краснодарского края под руководством В.Г. Житникова в 2001–2002 гг., а также в 2006 г. при охранно-спасательных работах Н.И. Сударева в зоне строительства объектов нефтеналивного терминала на поселении «Волна-1» или Северо-Зеленское были открыты и поступили в фонды более 1015 пред-

Рис. 51. Канфары краснолаковые.
I – начало II в. н.э.

Рис. 52. Кувшины краснолаковые.
Конец I – первая половина II в. н.э.

метов античного и раннесредневекового времени. Из этого числа особо выделяется раннеархаическая керамика первой половины VI в. до н.э.¹²⁴, амфоры и амфорные клейма Фасоса, Гераклеи, Синопы, Родоса¹²⁵, обширный нумизматический материал, терракота, изделия из кости и металла, бусы¹²⁶ и т.п.

Из раскопок В.Г. Житникова в 2002 г. происходит сердоликовая гемма позднеллинистического времени размерами 0,9 × 0,8 см. На гемме выгравировано изображение идущего бога Диониса, держащего в правой руке виноградную гроздь, левой рукой поддерживающего плащ (рис. 54). На голове

Рис. 53. Перстень с изображением
Арсинои II. III в. до н.э. Бронза

Рис. 54. Гемма с изображением
Диониса. IV в. до н.э. Сердолик.
Поселение «Волна-1», 2002 г.

бога венки из плюща. Аналогичное изображение Диониса присутствует, например, на одной из краснофигурных ваз из Апулии 340–330 гг. до н.э.¹²⁷

Благодаря экспедициям ИИМК из С.-Петербурга под руководством Е.Я. Рогова, Ю.А. Виноградова и С.В. Кашаева с территории раскопок поселений и некрополя Артющенко-1¹²⁸, Артющенко-2¹²⁹ и Вышестеблиевская-11¹³⁰ археологические коллекции фондов музея пополнились прекрасными образцами привозной и местной терракоты¹³¹, бронзовыми зеркалами, украшениями из металла, алабастрами из финикийского стекла, оружием¹³², разнообразной керамикой¹³³, предметами быта¹³⁴, архитектурными деталями¹³⁵, датируемыми позднеархаическим и классическим временем.

Разумеется, в нашем коротком очерке мы не смогли отразить все богатства коллекций античного времени, представленных в фондах. Отметим лишь, что, несмотря на свою молодость, Таманский музейный комплекс обладает крупной коллекцией, представляющей собой важный источник для изучения истории и культуры азиатской части Боспора в эпоху Античности и раннего Средневековья.

¹ О первых годах Таманского музея см.: Григор Г.Г. Музеи Кубано-Черноморской области и краеведение // Просвещение. 1924. № 7. С. 24–31; Остроумов А.Г. Археологическая станция и музей Таманского полуострова: 24 год // ТС. 1998. Вып. 1. С. 3–6.

² Остроумов А.Г. Археологическая станция... С. 4.

³ Соколов В.В. Курганы «Лысой горы» близ Тамани и находки в них // ИТУАК. Симферополь, 1919. Вып. 56. С. 61.

⁴ По воспоминаниям жителей ст. Тамань В. Буллах, П.П. Глинько и др., в период Великой Отечественной войны в помещениях археологической станции-музея располагался госпиталь советских солдат. Солдаты из любопытства решили посмотреть, что находится внутри саркофага, стали сдвигать крышку. От недостатка сил солдаты не удержали крышку, и она, упав, разбилась на многочисленные фрагменты. Осенью 1942 г. ст. Тамань была оккупирована немецкими войсками, которые, обнаружив в музее саркофаг с разбитой крышкой, собрали все фрагменты и упаковали в ящики. При отступлении фашистских войск из Тамани в конце сентября 1943 г. саркофаг был транспортирован в Керчь.

⁵ Пятышева Н.В. Таманский саркофаг. М., 1949. Подробнее об этом см.: часть XVI, гл. 1.

⁶ См.: Устаева Э.Р. А как все это начиналось // 25 лет Дому-музею М.Ю. Лермонтова. Тамань, 2001. С. 52–60; Она же. Музейщики — это «последние святые на Руси» // Таманец. 2001. Май.

⁷ КБН 1037–1039, 1044; Коровина А.К. Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. С. 14.

⁸ Conze A. Die attischen Grabreliefs. Wien, 1906. Bd. III. S. 327, Nr. 1536.

⁹ Idem. Die attischen Grabreliefs. Wien, 1893. Bd. I. Taf. LXII, Nr. 275.

¹⁰ Марти Ю. Неопубликованные археологические памятники Керченского Историко-археологического музея им. А.С. Пушкина // ВДИ. 1941. № 1. С. 199–200.

¹¹ Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. Рис. 42, 1.

¹² Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. С. 14. Табл. 8. (САИ. Вып. Г1-11).

¹³ Подробнее о светильниках в Северном Причерноморье см.: Журавлев Д.В. Об одном виде осветительных приборов: светильники в Северном Причерноморье? // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 162–171.

¹⁴ Eckardt H. Illuminating Roman Britain: Monographies Instrumentum. Montagnac, 2002. 23. P. 260, fig. 124, 978.

¹⁵ См., например: Lucherne Romane: Breve storia dell'illuminazione nell'antica

Roma. 25 marzo — 22 giugno 1997. Bologna, 1997. P. 35.

¹⁶ Morgan C. A Catalogue of Attic Pottery in the Collection of the Taman Museum // ТС. 1999. Вып. 2. P. 31–32, pl. 10.

¹⁷ Rotroff S.J. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material: The Athenian Agora. Princeton, 1997. Vol. XXIX. P. 74–77. См. также: Eadem. Attic West Slope Vase Painting // Hesperia. 1991. № 1.

¹⁸ Eadem. Hellenistic Pottery... P. 74–75.

¹⁹ Стручалина Р.А. Светильники в форме головы Силена из Патрея // АМА. Саратов, 1977. С. 144–147, рис. 1–2.

²⁰ Милчев А., Пеков Д. Новое открытие находки от Михайловград (Монтана) // Археология (София). 1965. Т. 7, кн. 3. С. 43–45, рис. 1.

²¹ Николаева Э.Я. Поселение Водопроводное на Таманском полуострове // КСИА. 1973. Вып. 133. Рис. 43а; Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности: (Фигурные сосуды из собрания ГИМ). М., 1997. С. 55, рис. 40.

²² Сорокина Н.П. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп // СА. 1968. № 4. С. 181; Она же. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. Саратов, 1977. С. 115–144, рис. 5.

²³ Сохранилась половина кратера, высота 31 см., верхняя часть горловины

- 35 см. Опубликовано: *Morgan C. A Catalogue*. P. 28–29, pl. 7.
- ²⁴ *Carpenter Th.H.* Dionysian Imagery in Archaic Greek Art: Its Development in Black-figure Vase Painting. Oxf., 1986; *Idem.* Dionysian Imagery in Fifth-Century Athens. Oxf., 1997; *Hamdorf F.W.* Dionysos/Bacchus: Kult und Wandlungen des Weingottes. München, 1986; *Isler-Kerényi C.* Dionysos nella Grecia arcaica: Il contributo delle immagini. Pisa; Roma, 2001; *Eadem.* Dionysos in Archaic Greece: An Understanding Through Images. Leiden; Boston, 2007; Любков и Эрос в античной культуре: Каталог выставки в ГИМ. М., 2006. Кат. № 60–73.
- ²⁵ *Morgan C. A Catalogue*. P. 37–38, pl. 15. Аналогичные сосуды хорошо известны. См., например: *Sparkers B.A.* Quidam and the Talcott Class // *Antike Kunst*. 1977. 20. P. 13–14, A7–A13; Pl. 7, 2, 3.
- ²⁶ *Morgan C. A Catalogue*. P. 36–37, pl. 14. Аналогичные сосуды: *Massei L.* Gli askoi a figure rosse nei corredi funerari delle necropoli di Spina. Milan, 1978. P. 48, pl. XIX.
- ²⁷ Диаметр венчика 12 см; диаметр горла 9 см; диаметр дна 6 см. *Morgan C. A Catalogue*. P. 36, Cat. 74. См. аналогичные сосуды: *Sparkes B.A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC // *The Athenian Agora*. Princeton, 1972. XII. № 704.
- ²⁸ Высота килика 5,6 см, диаметр устья 18 см, диаметр дна 10,5 см. Публикацию см.: *Morgan C. A Catalogue*. P. 38–39, pl. 16. Аналогии: *Sparkes B.A., Talcott L.* Black and Plain Pottery... P. 102–105.
- ²⁹ *Savostina E.* Trouvaille de reliefs antiques dans un etablissement agricole du Bosphore Cimmerien (Taman) // *RA*. 1987. 1; *Савостина Е.А.* Исследование хоры Азиатского Боспора: усадьбы «Юбилейное» на Тамани // *ТС* 1998. Вып. 1. С. 30–36, рис. 1; Она же. Стела с двумя воинами: археологический аспект // Таманский рельеф. М., 1999. С. 26–36, рис. 1, II.
- ³⁰ *Conze A.* Die attischen Grabreliefs. III. Nr. 1150; *Clairmont Chr.W.* Classical Attic Tombstones. Kilchberg, 1993. 1.361.
- ³¹ *Conze A.* Die attischen Grabreliefs. Nr. 1148; *Clairmont Chr.W.* Classical Attic Tombstones. 1.194.
- ³² *Clairmont Chr.W.* Classical Attic Tombstones. 1.460.
- ³³ *Савостина Е.А.* Стела с двумя воинами... С. 28.
- ³⁴ *Кобылина М.М.* Новые находки скульптуры в Пантикапее // *МИА*. 1962. № 103. С. 187–188, рис. 4.
- ³⁵ *Марченко И.Д.* Акротерий из Фанагории // *Труды ГМИИ*. М., 1960. С. 103, сл.; *Коровина А.К.* Акротерий из Тирамбы // *История и культура античного мира*. М., 1977. С. 83–86, рис. 1–2.
- ³⁶ Сохранилась половина надгробной стелы шириной 75 см, высотой 43 см, толщиной 13 см.
- ³⁷ О памятнике см.: *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // *БС*. 1993. Вып. 2. С. 56, 80.
- ³⁸ *Тохтасьев Р.С.* Надписи Таманского музея // *ТС*. 2002. Вып. 4. С. 81–83.
- ³⁹ *Грач Н.А.* Фрагмент стелы V в. до н.э. из Пантикапея // *ТГЭ*. 1972. Т. XIII. С. 56–61; *Давыдова Л.И.* Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. — III в. н.э.: Каталог выставки. Л., 1990. Кат. № 10.
- ⁴⁰ *Арзаманов Г.Ф.* Архаическая капитель из Тамани // *ВДИ*. 1989. № 4.
- ⁴¹ *Коровина А.К.* Гермонасса... С. 43, рис. 19.
- ⁴² *Буйских А.В.* Новая капитель из Пантикапея: (к проблеме развития архитектуры ионического ордера на Боспоре // *БИ*. 2007. Вып. XVI. С. 165–166.
- ⁴³ *Финогенова С.И., Тохтасьев С.Р.* Новые данные о культе Афродиты в Гермонассе // *Hyperboreus*. Petropoli, 2003. Vol. 9, fasc. 1; *Финогенова С.И.* Очерки истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // *ДБ*. 2005. Вып. 8. С. 428–429, рис. 6, 1.
- ⁴⁴ *Финогенова С.И., Тохтасьев С.Р.* Новые данные... С. 86.
- ⁴⁵ КБН. 1045; *Коровина А.К.* Гермонасса... С. 13–14; *Харко Л.П.* Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской // *СА*. 1941. № VII. С. 81–93; *Финогенова С.И.* Очерки истории... С. 429.
- ⁴⁶ *Трейстер М.Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // *ХС*. 1999. Вып. X. С. 138–139, рис. 13.
- ⁴⁷ Надгробие было открыто в ст. Тамань по ул. К. Либкнехта при расширении и увеличении размеров старого подвального помещения, на глубине 2–2,30 м, среди керамического амфорного материала IV в. до н.э.
- ⁴⁸ *Агафонов А.В.* Стела Питогейтона из собрания Таманского археологического музея // *ВДИ*. 2006. № 3. С. 44–46.
- ⁴⁹ *Блаватская Т.В.* Критянин Диодот в Боспорском царстве // *История и культура древнего мира*. М., 1996.
- ⁵⁰ О работах в этом районе: *Блаватский В.Д.* Пятый год работы в Синдике // *КСИИМК*. 1959. Вып. 74. С. 41–47; *Соловьев С.А.* Хора Гермонассы: итоги исследований // *ТС*. 2002. Вып. 4. С. 48–51; *Соловьев С.А., Бутягин А.М.* Архаические комплексы поселения Вола 1 в окрестностях Гермонассы // *ТС*. 2002. Вып. 4. С. 67–80.
- ⁵¹ *Блаватская Т.В.* Критянин Диодот... С. 4.
- ⁵² КБН 260, 262.
- ⁵³ *Блаватская Т.В.* Критянин Диодот... С. 13.
- ⁵⁴ *Болтунова А.И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // *ВДИ*. 1989. № 1. С. 86–92; *Коровина А.К.* Гермонасса... С. 68–69, рис. 35.
- ⁵⁵ Постамент под статую Аполлона с посвячительной надписью был открыт по ул. Лебедева, 19 (территория городища Гермонасса-Тмутаракань, на которой расположены частные строения) при прокладке водопровода на глубине 1 м. см.: *Павличенко Н.А.* Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора, из Гермонассы // *БФ*. 2007. Ч. II. С. 304–306.
- ⁵⁶ КБН 1037–1039, 1044.
- ⁵⁷ КБН 28–29.
- ⁵⁸ КБН 913.
- ⁵⁹ *Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Археологические исследования последних лет в Фанагории // *Тр. Отделения историко-филологических наук*. М., 2006. Ч. 2. С. 245–246; *Кузнецов В.Д.* Новые надписи из Фанагории // *ВДИ*. 2007. № 1. С. 227–243.
- ⁶⁰ *Финогенова С.И.* Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // *ДБ*. 2006. Вып. IX. С. 338–354, табл. 1–4.

- ⁶¹ Bailey D. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. L., 1996. IV: Lamps of Metal and Stone, and Lampstands. Pl. 80, Q3797; Залеская В.С. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв.: Каталог коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2006. С. 124, Кат. № 222.
- ⁶² Византийский Херсон: Каталог выставки. М., 1991. С. 50, рис. 39.
- ⁶³ Шалобудов В.Н., Устаева Э.Р. Средневековые гирьки с Таманского городища // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 275–277.
- ⁶⁴ Фрагмент рельефа поступил из музея средней школы № 9 ст. Тамань 15.VIII.1974.
- ⁶⁵ См.: Коровина А.К. Гермонасса... С. 93–94, рис. 49.
- ⁶⁶ Блаватский В.Д. Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 226.
- ⁶⁷ Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892–1894 гг. // МАР. СПб., 1895. № 17. С. 56.
- ⁶⁸ Размеры: высота 134 см, ширина 50 см, толщина 44 см. Размеры верхней площадки: 54 × 51 см, размеры основания нижней площадки постаменты 75 × 65 см.
- ⁶⁹ Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1. С. 155–172.
- ⁷⁰ Он же. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–243.
- ⁷¹ Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города») // ДБ. 2004. Suppl. I. С. 58–60, табл. LXI–LXXI; Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 113–114.
- ⁷² Morgan C. A Catalogue. С. 30, pl. 9b. Аналогичные сосуды: Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery... N 403.
- ⁷³ Morgan C. A Catalogue. P. 29–30, Pl. 8. Из раскопок В.С. Долгорукова (1980 г.), поступил в музей в 1993 г.
- ⁷⁴ Schäfer J. Hellenistische Keramik aus Pergamon // RF. B., 1968. Bd. 2, Taf. 45, F11; Rotroff S.I. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and related Material: The Athenian Agora. Vol. XXXIX. Princeton, 1997. P. 226–229. N 1503–1552; Χατζηδακής Π.Ι. Ὀψόλοικα σκεύη ἀπὸ τῆ Δήλο // Ἐλισθημονική Συνάντηση για τὴν Ἑλληνιστικὴ Κεραμική. Αθήνα, 2000. Πιν. 69α.
- ⁷⁵ Античные памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 2001. С. 57.
- ⁷⁶ ОАК за 1906 г. С. 90, рис. 108 а, б; Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, рис. 88; Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57, рис. 14а; Цветаева Г.А. К вопросу о торговых связях Пантикапея (по материалам привозной расписной керамики из раскопок Пантикапея 1945–1949 гг.) // МИА. 1957. № 56. С. 195, табл. 6, 5–7; Antike Gefäße: Staatliche Kunstsammlungen. Kassel, 1990. S. 284, Nr. 211; Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. С. 53, рис. 1, 8. (Тр. ГИМ; Вып. 102); Грач Н.Л. Некрополь Нимфея: СПб., 1999. Табл. 67, 7; 102, 9; Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства. М., 1999, рис. 208; Древний город Нимфей: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 1999. С. 56–57. Кат. № 121. См. также: Vozkova A. A Pontic Group of the Hellenistic Age: (a Survey Based on Examples from the Bulgarian Black Sea Coast) // Archaeologia Bulgarica. 1997. 2. P. 13, fig. 2.
- ⁷⁷ Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. С. 19–21, рис. 7, 9. (Тр. ГИМ; Вып. 159).
- ⁷⁸ Подробнее об этих клеймах см.: Журавлев Д.В. К вопросу о клеймах *planta pedis* на римской керамике // АΝΑΧΑΡΣΙΣ: Памяти Юрия Германовича Виноградова. С. 90–99. (ХС. 2001; Вып. XI).
- ⁷⁹ Терракотовые статуэтки в виде фигурки кабана известны, но они имеют иную форму. См., например: Грач Н.Л. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница // Терракотовые статуэтки: Подонье и Таманский полуостров. М., 1974. Табл. 43, 8. (САИ; Вып. Г1-11). Изображения свиней значительно более многочисленны: Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки: Пантикапей. М., 1974. Ч. III. С. 17, табл. 4, 6; Леви Е.И. Терракоты из Ольвии // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. Табл. 15, 8; 28, 10. (САИ; Вып. Г1-11); и др. Фигурные сосуды в виде морды кабана известны, например, из Ольвии: Сорокина Н.П. Религия и коропластика... С. 23–25, Кат. № 2; Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археология. Київ, 2007. № 1, рис. 2, 3.
- ⁸⁰ Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987. С. 35, рис. XXIII. Кат. № 8.
- ⁸¹ Сорокина Н.П. Религия и коропластика... С. 23–25.
- ⁸² Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки из Пантикапея и Фанагории. М., 1961. Табл. VI, 4; Марченко И.Д. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // Терракотовые статуэтки: Подонье и Таманский полуостров. М., 1974. Ч. IV. Табл. 40, 1; С. 34. № 22. (САИ; Вып. Г1-11).
- ⁸³ Завойкин А.А. ΘΘε: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // ДБ. 2003. Вып. 6. Рис. III, 2; Он же. Две любопытные особенности культа «богини, сидящей на троне» // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. С. 563–567.
- ⁸⁴ Денисова В.И. Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981. С. 36, табл. VI б.
- ⁸⁵ Сударев Н.И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // БС. 1994. Вып. 4. Табл. 3, б, в; 4, а, б.
- ⁸⁶ Смирнова Н.В. Новые надписи из Горгиппии и Патрея // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 228–229, рис. 4–5.
- ⁸⁷ Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья

- рья (VI—I вв. до н.э.). Киев, 1982. С. 138–139. О роли собак в культовой практике см.: Молева Н.В. Собака в религиозных представлениях боспорян // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 60–62; Завойкин А.А. О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10: Сб. научных трудов к 60-летию проф. Е.А. Молева. С. 42–54 (с подробной библиографией).
- ⁸⁸ Завойкин А.А. О строительной жертве... С. 42–54. А.А. Завойкин приходит к выводу, что находки терракотовых изображений собак могут быть связаны в том числе и с хтоническими культами.
- ⁸⁹ Терракоты с изображением собаки: Копейкина Л.В. Комплекс архаических терракот с Березани // ВДИ. 1977. № 3. С. 92–104; Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. Табл. 57, 5 (Неаполь Скифский). (САИ; Вып. Г1-11); Денисова В.И. Коропластика Боспора... С. 108, 120, табл. XII з. Кат. М-109; Завойкин А.А. О строительной жертве... рис. 1, 2.
- ⁹⁰ Сударев Н.И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1... Табл. 4, в. Аналогичные сосуды происходят и из других боспорских некрополей: Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 29–31, рис. 9, 2; Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. 1959. № 69. С. 174, рис. 32, 1 и др.
- ⁹¹ Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами из Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156; Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округа // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII вв. М., 2003. Табл. 61, 10–41. (Археология).
- ⁹² Николаева Э.Я. Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 50–57.
- ⁹³ Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище... Табл. 61, 62–72; 62, 54–69 и др.
- ⁹⁴ Николаева Э.Я. Пифосы Ильичевского городища (V–VI вв. н.э.) // КСИА. 1983. Вып. 174; Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 2000. Вып. 3; Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище... Табл. 61–63.
- ⁹⁵ Николаева Э.Я. Находки оружия на Ильичевском городище // ПАК. М., 1986. С. 183–186, рис. 1, 1.
- ⁹⁶ Arendt W. Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. 1932. Bd. IV (XIII). Heft 3; Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи: (предварительная информация) // БИ. 2003. Вып. III. С. 204–221.
- ⁹⁷ Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище... Табл. 63, 22.
- ⁹⁸ Bernhard M. Lampki starozytne. Warszawa, 1955. S. 187–188, rys. 56; Menzel H. Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz, 1956. S. 99, Abb. 72, 3; Scorpan C. Descoperiri arheologice diverse de la Sacidava // Pontica. Constanza, 1978. T. XI. P. 159, pl. III, 12; Bailey D. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. L., 1988. III: Roman Provincial Lamps. Pl. 122. Q3309, Q3310. P. 415; Журавлев Д.В. Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского периода из Херсонеса // ПИФК. 2007. Вып. XVII.
- ⁹⁹ Залеская В.Н. Два раннесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА. 1988. № 4. С. 234; Она же. Христиане на Востоке: Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке: Каталог выставки в ГЭ. СПб., 1998. С. 27.
- ¹⁰⁰ Коробков Д.Ю. Вновь об иудейских сюжетах античных светильников // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь; Srasow, 2001. С. 149–157.
- ¹⁰¹ Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. К пониманию сюжета нескольких позднеантичных светильников // Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект: (Тезисы докладов международной конференции). Севастополь, 1997. С. 34.
- ¹⁰² Согласно мнению Э. Лапп, вся конструкция может быть интерпретирована как символическое изображение синагоги, передаваемое через ее святая святых — скинию Завета (Lapp E. Zwei spätantike Jüdische Tonlampen aus Klein Asien // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1991. Jahr. 34. S. 158; Коробков Д.Ю. Вновь об иудейских сюжетах... С. 152–153; см. также: Sassman V. Sacral and Religious Life in the Holy Land in the Roman and Byzantine Periods as Illustrated on Oil Lamps // Lichnological News. Geneva, 2003. P. 228 (с подробной библиографией).
- ¹⁰³ Hachlili R. The Niche and the Ark in Ancient Synagogues // Bulletin of the American School of Oriental Research. 1976. N 223. P. 43–53.
- ¹⁰⁴ Данышин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59–72.
- ¹⁰⁵ См., например: Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Новые Боспорские надгробия // БФ. 2001. Ч. 1. С. 170–172.
- ¹⁰⁶ Из новейших исследований меноры: Hachlili R. The Menorah, the Ancient Seven-armed Candelabrum: Origin, Form and Significance: Suppl. to the Journal for the Study of Judaism. Leiden; Boston; Köln, 2001.
- ¹⁰⁷ Устаева Э.Р. Археологические раскопки у поселка Ильич // ТС. 1998. Вып. 1. С. 80, рис. 2.
- ¹⁰⁸ Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище... Табл. 61, 1.
- ¹⁰⁹ Размеры сосудов: 1) высота 7,4 см, диаметр венчика 2,8 см, диаметр тулова 4,1 см, диаметр дна 3,1 см; 2) высота 7,2 см, диаметр венчика 2,7 см, диаметр тулова 3,8 см, диаметр дна 3 см; 3) высота 7,5 см, диаметр венчика 2,9 см, диаметр тулова 4,1 см, диаметр дна 3,2 см; 4) высота 7,3 см, диаметр венчика 2,4 см, диаметр тулова 3,6 см, диаметр дна 2,9 см; 5) высота 7,8 см, диаметр венчика 2,4 см, диаметр тулова 4 см, диаметр дна 3,3 см. Морган К. Каталог аттической керамики... С. 46–48, рис. 22–26.
- ¹¹⁰ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганного некрополя у поселения «Виноградное 7» в окрестностях Фанагории // БФ. 2007. Ч. 1. С. 229–236.

- ¹¹¹ Там же, рис. 2, 2.
- ¹¹² Кобылина М.М. Мастерская коропласта в Пантикапее // СА. 1958. № XXVIII, рис. 2, 3, 4; 3; Ильина Т.А. Псевдотанагрские статуэтки из Пантикапея (в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина) // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 152–176, табл. II, 8.
- ¹¹³ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения..., рис. 2, 1.
- ¹¹⁴ Там же. С. 234.
- ¹¹⁵ Vinogradov Yu.A., Lebedeva E.V. Excavations at the Classical-Period Settlement of Artyushchenko-1 (Bugazskoye) on the Taman Peninsula // Hyperboreus. 2005. Vol. 11, fasc. 2.
- ¹¹⁶ Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп..., рис. 13, 4.
- ¹¹⁷ Журавлев Д.В. Понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // ХС. 2005. Вып. XIV: Памяти М.И. Золотарева. С. 141–168; Он же. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 366–448.
- ¹¹⁸ Журавлев Д.В. О происхождении понтийской сигиллаты // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006. С. 165–169. Об итальянской тонкостенной керамике см.: Marabini Moevs M.T. The Roman Thin Walled Pottery from Cosa (1948–1954) // Memoirs of the American Academy in Rome. 1973. Vol. XXXII; Ricci A. Ceramica a pareti sottili // Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1985. II: Ceramica fine Romana nel
- Vasino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero), Atlante delle forme ceramiche. P. 231–356.
- ¹¹⁹ Тохтасьев С.Р. Надписи Таманского музея // ТС. 2002. Вып. 4. С. 85–89, рис. 3.
- ¹²⁰ Marshall F.H. Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. L., 1907. P. 200, N 1267.
- ¹²¹ Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения... С. 235.
- ¹²² Античная художественная бронза: Каталог выставки. Л., 1973, № 99, 100; Неверов О.Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1976. Вып. XVII. С. 166, 168.
- ¹²³ Коровина А.К. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 137–146, рис. 4, 1.
- ¹²⁴ Соловьев С.А., Бутягин А.М. Арханческие комплексы... С. 67–80.
- ¹²⁵ Они же. Комплексная научно-исследовательская программа «Синдский остров»: краткие итоги кампаний 1996–1997 гг. // ТС. 1998. Вып. 1, рис. 3.
- ¹²⁶ Новоселова Н.Ю. Подвеска-маска из раскопок поселения Волна 1 // ТС. 2002. Вып. 4. С. 129–133.
- ¹²⁷ Dionysos and his Circle, Ancient through Modern. The Art of South Italy: Vases from Magna Graecia. Harvard, 1979. P. 155. N 62.
- ¹²⁸ Виноградов Ю.А. Арханческие комплексы поселения Артющенко I // ТС. 2002. Вып. 4. С. 61–66.
- ¹²⁹ Кашаев С.В. Некрополь около поселения Артющенко-2 // БЧ. 2004. Вып. V. С. 184–190; Он же. Некрополь поселения Артющенко-2 (работы 2004 г.) // БЧ. 2005. Вып. VI. С. 136–140; Он же. Погребальный обряд некрополя Артющенко-2 // БФ. 2007. Ч. I. С. 211–217.
- ¹³⁰ Vinogradov Ju.A., Rogov E.Ja., Stähler K., Fornasier J. Archäologische Untersuchungen auf der Taman'-Halbinsel, Rußland // Eurasia antiqua. 2001. Bd. 7. S. 169–185; Rogov E.Ja., Kashaev S.V., Fornazier J. Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблиевская-11 на юге Таманского полуострова // БИ. 2005. Вып. VIII. С. 177–217; Цинько А.С. Терракотовые статуэтки сельского поселения Вышестеблиевская-11 // БФ. 2007. Ч. I. С. 217–220.
- ¹³¹ Виноградов Ю.А. Терракотовые статуэтки поселения Артющенко I // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005; Новикова А.Н. Изображение силена из Артющенко-1 // БФ. 2007. Ч. I. С. 207–210.
- ¹³² Грицик Е.В. Находки предметов вооружения на поселении Вышестеблиевская-11 // БЧ. 2004. Вып. V. С. 104–108.
- ¹³³ Кашаев С.В. Фигурный носик сосуда из раскопок поселения Вышестеблиевская-11 // БЧ. 2006. Вып. VII. С. 176–179.
- ¹³⁴ Кашаев С.В., Цинько А.С. Оттиски на пирамидальных грузилах поселения Вышестеблиевская-11 // БЧ. 2007. Вып. VIII. С. 178–182.
- ¹³⁵ Кашаев С.В. Античная архитектурная деталь с Таманского полуострова // БФ. 2002. Ч. I. С. 256–258; Он же. Закладная плита с тамгой из Вышестеблиевской Батарейки // БФ. 2004. Ч. I. С. 185–191.

АНАПСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Е. М. АЛЕКСЕЕВА, О. В. ГАЛУТ,
И. Н. МЕЛЬНИКОВА, Е. А. ХАЧАТУРОВА

Анапский археологический музей — один из самых молодых музеев-заповедников археологического профиля в России. Он был создан на базе исследования одного памятника — античного города Горгиппии (совр. Анапа).

История музея начинается с 1909 г. Н. В. Веселовский, который имел в Анапе дачу, в 1880—1890-е годы провел исследования в окрестностях Анапы и передал городу свою личную коллекцию антиков. Это позволило открыть Музей древностей, в котором в числе других находок экспонировался склеп-героон, до сих пор сохранившийся в городском парке и имеющий полное право на первый инвентарный номер в коллекции Анапского музея. Разграбленный в древности, этот склеп с дромосом и полуциркульным сводом из тщательно подогнанных больших плит белого известняка был открыт Веселовским в 1908 г. и перенесен из кургана в ст. Анапскую.

Роспись по штукатурке проста и выражает идею героона, окруженного каменной стеной; голубая краска на своде имитирует небо. Поле белых орфостатов и более узких квадров над низкой полоской темной панели от голубого свода отделяет орнаментальная полоса (снизу вверх: гладкие белая и коричневатая-серая полосы, лесбийский киматий на красном фоне, узкая серая полоска, широкий фриз сине-бело-красного меандра, сухарный карниз на желтом фоне, полоса ов и, наконец, узкая красная полоска). Имитацию облицовки каменной стены оградой плитами светлого мрамора венчают копьобразные шпили балясин, нарисованные черным. На момент открытия штукатурка с фреской сохранилась только на правой стене от входа и в некоторых местах свода. Роспись скопировал М. В. Фармаковский (рис. 1). Склеп был издан М. И. Ростовцевым, на основании анализа росписи он датирован эпохой раннего эллинизма подобно росписям склепа Васюриной горы и домов Делоса с имитацией орфостатного членения стен и орнаментального оформления фризов¹. К сожалению, фрески склепа сейчас полностью утрачены.

Выставка древностей из собрания Веселовского экспонировалась в помещении городского Курортного зала. Музей древностей просуществовал до гражданской войны, а в 1932 г. был возрожден стараниями археолога и краеведа Г. Ф. Чайковского. В годы немецкой оккупации (1942—1943 гг.) коллекции музея были утеряны. В 1970—1980-е годы некоторые предметы коллекции (надгробия, архитектурные детали) были подняты со дна моря при работах на причалах и вновь переданы музею.

Из старых коллекций в лапидарии Анапского музея экспонируется громадный мраморный блок антаблемента коринфского ордера — фриз и архитрав в одном камне, утративший часть рельефного орнамента (рис. 2). Он найден в 20 км от Анапы вместе с другим идентичным камнем лучшей сохранности, который сейчас находится в ГИМ. Фриз покрыт тонким растительным орнаментом из розеток, побегов, листьев и цветов аканта, придававших нарядность монументальному зданию. По верху фриза четвертной вал прорезан ионийскими овами, снизу кима, орнаментированная лесбийским киматием. Архитрав расчленен на две фасции, нижняя украшена валиком, моделированным плетенкой. Две фасции архитрава и узкий фриз облегчают пропорции антаблемента и, по мнению И. Р. Пичикяна, указывают на его принадлежность к коринфскому ордеру². Датировка антаблемента первыми веками нашей эры была предложена Н. П. Сорокиной³, затем Пичикян ее уточнил — I—II вв. н.э.

Для римской эпохи характерно разнообразие архитектурных решений, поэтому блоки могли относиться к портику, венчать портал пропицей или

Боковая стена Анапского расписного склепа (съ инварели М. В. Фармановского).

С. И. Прозоров-Горюк, Спб.

Рис. 1. Фреска склепа из станицы Анапской 1909 г. Акварель М.В. Фармаковского

украшать фасад храма. На основании этих камней и происходящих из Анапы коринфских капителей колонн Пичикиян предложил реконструкцию постройки с шестиколонным портиком высотой около 9 м от стилобата до конька крыши при длине фасада по архитраву 13,5 м. По мнению И.А. Крюковой и Г.Ф. Арзаманова, рассматривавших особенности ордерной архитектуры Горгиппии, архитрав относится к сложному ордеру, в каноне которого для укрупнения членения допускался архитрав с двумя фасциями и увеличенной кимой, так как композитная капитель сложного ордера была значительно массивнее коринфской. Эти авторы справедливо отметили, что членение архитрава на две фасции встречается с середины II в., и это наблюдение вполне согласуется с расцветом строительства Горгиппии именно во II в. н.э.⁴

В 1954–1956 гг. в фонды музея стали поступать первые археологические комплексы — находки из погребений некрополя Горгиппии. С 1960 г. началось систематическое исследование Горгиппии Анапской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством И.Т. Кругликовой, а с 1973 по 2001 г. — Е.М. Алексеевой. Работы проводились на территории античного города, его некрополя, а в 1970–1980 гг. и на территории хоры Горгиппии. В раскопках ежегодно принимали участие сотрудники музея. Все находки были переданы в Анапский музей.

В 1975 г. экспедиция ИА АН СССР исследовала в центре Анапы комплекс склепов III в. н.э. с фресками и высокохудожественными предметами.

Эта находка была отмечена ЮНЕСКО в числе выдающихся открытий 1975 г. Комплекс предметов из склепов постановлением Совета Министров РСФСР был передан Государственному Историческому музею Москвы, но в связи со сложностью экспонирования фресок, спиленных экспедицией со стен склепа со слоем камня (вес экспоната более 4 тонн), решение о постоянном месте хранения комплекса склепов было пересмотрено и находки переданы Краснодарскому музею. Великолепные находки из склепов 1975 г., большой раскоп в центре Анапы с хорошо сохранившимися кварталами древнего города и обилие экспонатов из многолетних исследований экспедиции, — все это позволило создать в 1977 г. на основании решения Совета Министров РСФСР специализированный археологический музей-заповедник с экспозицией как под открытым небом, так и в музейном здании.

На выделенном для музейного показа квартале Анапы (в северо-восточном углу городища) начались работы по консервации и реставрации. В ИА РАН Алексеевой разработан проект реконструкции участка, на котором экспонируются объекты античного города пяти строительных периодов — с V в. до н.э. по III в. н.э. Для осуществления этих работ на базе научных разработок Химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева была создана реставрационная мастерская, которая теперь имеет уникальный опыт реставрации античных руин в условиях сырого морского климата с резкими перепадами температур. Так Музей древностей Анапы превратился в археологический музей-заповедник на памятнике федерального значения.

Анапский археологический музей-заповедник является филиалом Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника. С 1984 г. фонды Анапского музея вошли в фонды Краснодарского музея с общей централизованной системой учета. Некоторые предметы экспонируются попеременно в обоих музеях, участвуют в зарубежных и российских

Рис. 2. Антаблемент коринфского ордера. II в. н.э. Мрамор

Рис. 3. Декреты царя Аспурга.
I в. н.э. Мрамор

выставках. Объем коллекций Анапского музея приближается к 30 тысячам единиц хранения (ок. 14 000 — предметы археологии, ок. 12 000 — нумизматика, ок. 500 — спецхранение предметов из золота и серебра).

Коллекция греческой эпиграфики насчитывает около 100 фрагментов надписей (эпитафий, почетных, строительных надписей, проксений, манускриптов — отпускных рабам, списков имен членов различных фиасов с указанием магистратур общегосударственного, полисного ранга и синодального характера). Это надгробия, архитектурные фрагменты, обломки мраморных плит с текстами; все они, происходящие из культурного слоя Горгииппии и ее некрополя, были найдены при археологических раскопках и случайно в хозяйственных разрытиях современного города. Среди них особо отметим два обломка мраморной плиты с текстом рескриптов боспорского царя Аспурга об изменении прав наследования и снижении для города вывозных пошлин на основные сельскохозяйственные культуры (рис. 3; размер 0,68 × 0,8 × 0,14 см). Надпись издана Т.В. Блаватской⁵. Это единственный на Боспоре документ, определяющий размер налогового обложения

полиса в пользу центральной власти и свидетельствующий о системе пропорционального обложения сельскохозяйственной продукции при учете колебания урожая (1/11 с вина, пшеницы, ячменя и 1/20 с проса). В первые века нашей эры пропорциональное обложение (десятиной) существовало в Афинах, Карфагене, царстве Селевкидов, в городах Малой Азии⁶.

Архитектурные фрагменты от монументальных зданий Горгииппии, хранящиеся в Анапском музее, принадлежат трем архитектурным ордерам; они выполнены из известняка и мрамора. Как и фрагменты эпиграфики, они большей частью являются случайными находками. Среди них — пышные коринфские капители из мрамора, части антаблементов из ракушечника, барабаны колонн, известняковая симма в виде головы льва, скромные капители внутреннего ордера, ионийская капитель с волютами, различные камни с пазами и врезками.

Рис. 4. Кассета от культовой постройки с ликом Медузы Горгоны.
II—III вв. н.э. Мрамор

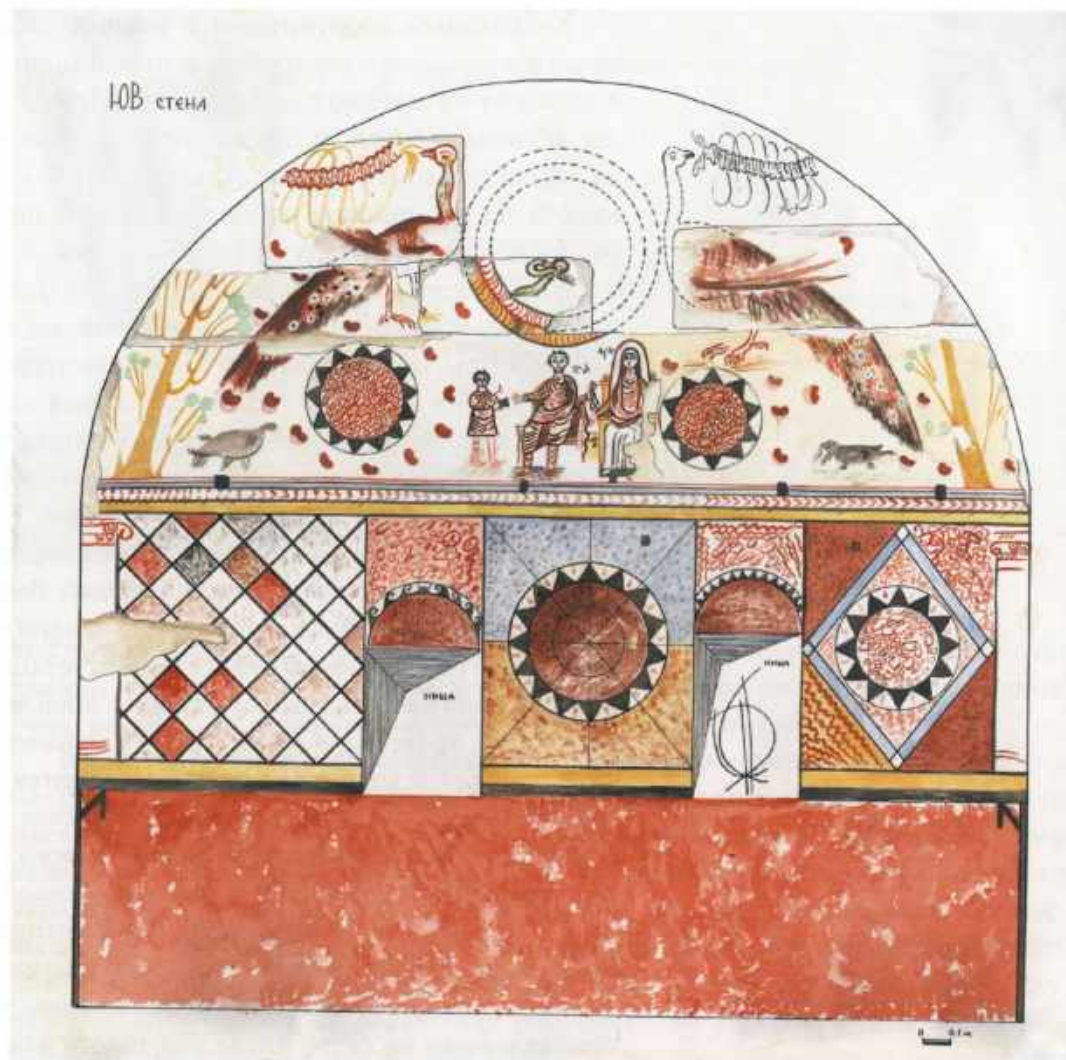

Уникальным сооружением в масштабах всего Северного Причерноморья является культовая постройка, которой принадлежат шесть мраморных кассет в обрамлении глубоко врезанных ов. Между собой кассеты разделяют гирлянды, обвитые лентой, и гладкие полосы рамок по обе стороны гирлянд. Одна из кассет найдена в центре Анапы (рис. 4; сохранившаяся длина камня 72 см, высота 41 см, ширина изобразительного поля 30 см). На ней представлена рельефная голова Медузы Горгоны в фас с круглым лицом, полными губами и развевающимися волосами; под подбородком завязаны змейки. Зрачок передан двумя высверленными углублениями конической формы с перемычкой между ними. Такая трактовка глаз характерна для античного искусства второй половины II и III в. н.э.⁷ Камень с двумя кассетами в одном горизонтальном ряду от того же здания выкатил сель в предгорьях Кавказа вблизи Анапы, от третьей кассеты на нем сохранились только обрамляющие овы; на верхнем торце камень имеет пиррон (рис. 5; длина 1,35 м, высота 66 см). На одной кассете этого блока изображена голова бородатого рогатого Пана или Фавна в фас. В центр второй помещена голова безбородого мужского персонажа с широким лицом в обрамлении волос, предположительно молодого Сатира. На этом блоке со сдвоенными кассетами отчетливо видна горизонтальная криватура. Еще одна кассета того же здания с иной версией образа Горгоны, найденная на Кубани, хранится в Эрмитаже. И наконец, еще один камень этой постройки, также происходящий с Кубани, хранится в лапидарии Краснодарского музея. На нем имеются фрагменты двух кассет, расположенных одна под другой. В центре верхней изображена голова с короткими кудрявыми волосами в плоском головном уборе типа петаса, над головой справа — крыло. Кассеты изданы Е.А. Савостиной; персонаж, изображенный на верхней кассете краснодарского блока, определен ею как Гермес Кадмилос (лик на нижней кассете этого камня утрачан)⁸. Савостина предположила, что культовая постройка, которой принадлежали кассеты, имела вид толоса или апсиды. Диаметр круга, который могли обрамлять кассеты, равен 4,3 м (обмер произведен по одинаково хорошо сохранившейся точке на внутренней поверхности кассет). По длине круга в одном ряду могли разместиться 24 кассеты. Горизонтальность криватуры камней и отсутствие кассет трапецевидной формы исключают их использование

Рис. 5. Блок с двумя кассетами с ликами Пана и Сатира от культовой постройки. II–III вв. н.э. Мрамор

Рис. 6. Роспись юго-восточной стены (напротив входа). Склеп I. III в. н.э. Зарисовка Е.М. Алексеевой в момент раскопок, 1975 г.

в купольном перекрытии. Само здание при круглом внутреннем оформлении снаружи могло быть прямоугольным, а углы его забутованы камнем подобно, например, одной из построек Нимфея⁹. Персонажи, представленные на сохранившихся кассетах, по мнению Савостиной, могут быть связаны с культом Диониса, а присутствие Горгоны среди фигур дионисийского цикла указывает на хтоническую сущность главного персонажа, возможно, Диониса Сабазия. Его крупное изображение могло размещаться рядом с блоком из Краснодарского музея, так как на этом камне непрерывный фриз из ов объединяет два вертикальных ряда кассет.

Наиболее значительным из монументальных сооружений, открытых на горгишпийском некрополе, является ограбленный в древности склеп с фресковой росписью (находка 1975 г.). По сохранности фресок, разнообразию декора, обилию сюжетов и философии представленных картин ему нет равного в Северном Причерноморье¹⁰. В настоящее время его роспись — единственные найденные на территории России фрески античной эпохи.

Склеп с коротким дромосом и полуциркульным сводом был сложен из громадных тесаных блоков известняка и впущен в рыхлые скальные породы до пяты свода. Погребальная камера ($3,95 \times 3,42 = 13,5$ кв. м, высота 3,5 м) целиком была покрыта тонким слоем штукатурки и расписана в технике фрески (55 кв. м, в том числе и поле красного цоколя).

Рис. 7. Роспись северо-восточной стены (левая от входа). Склеп I. III в. н.э. Фиксация в момент раскопок, 1975 г.

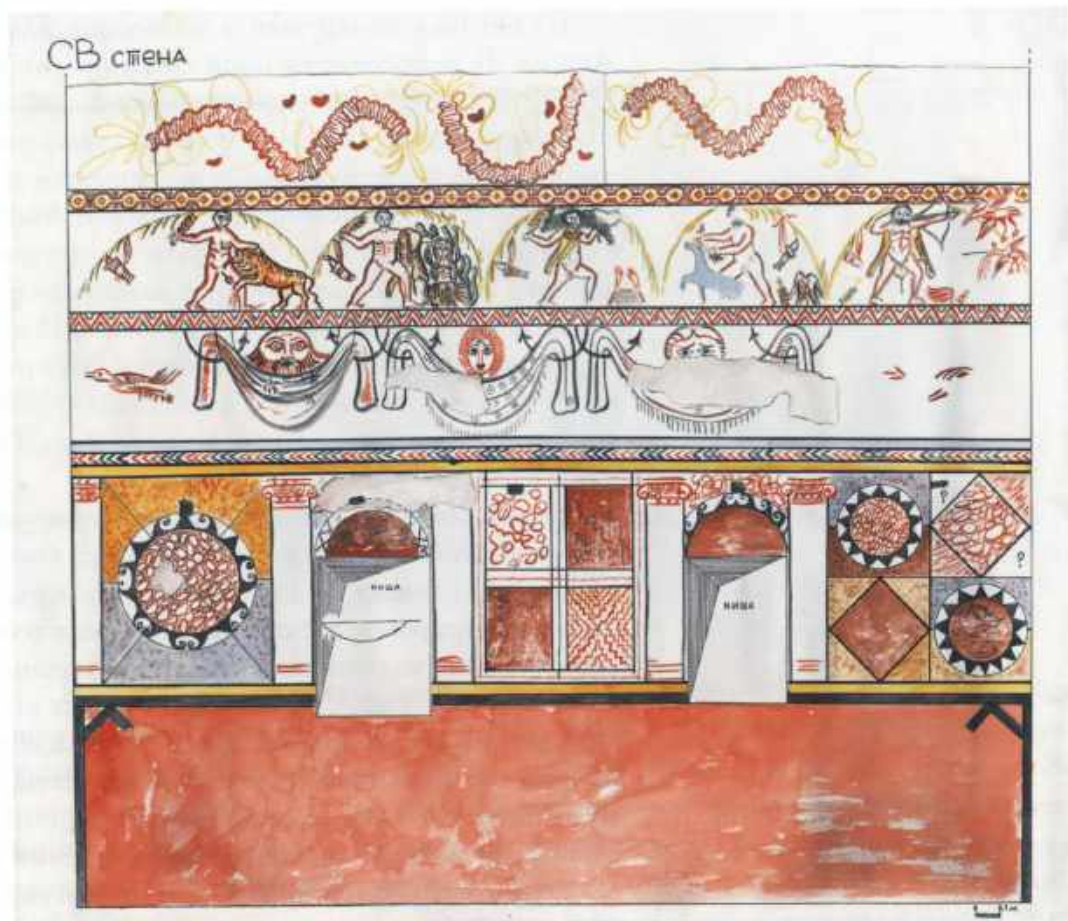
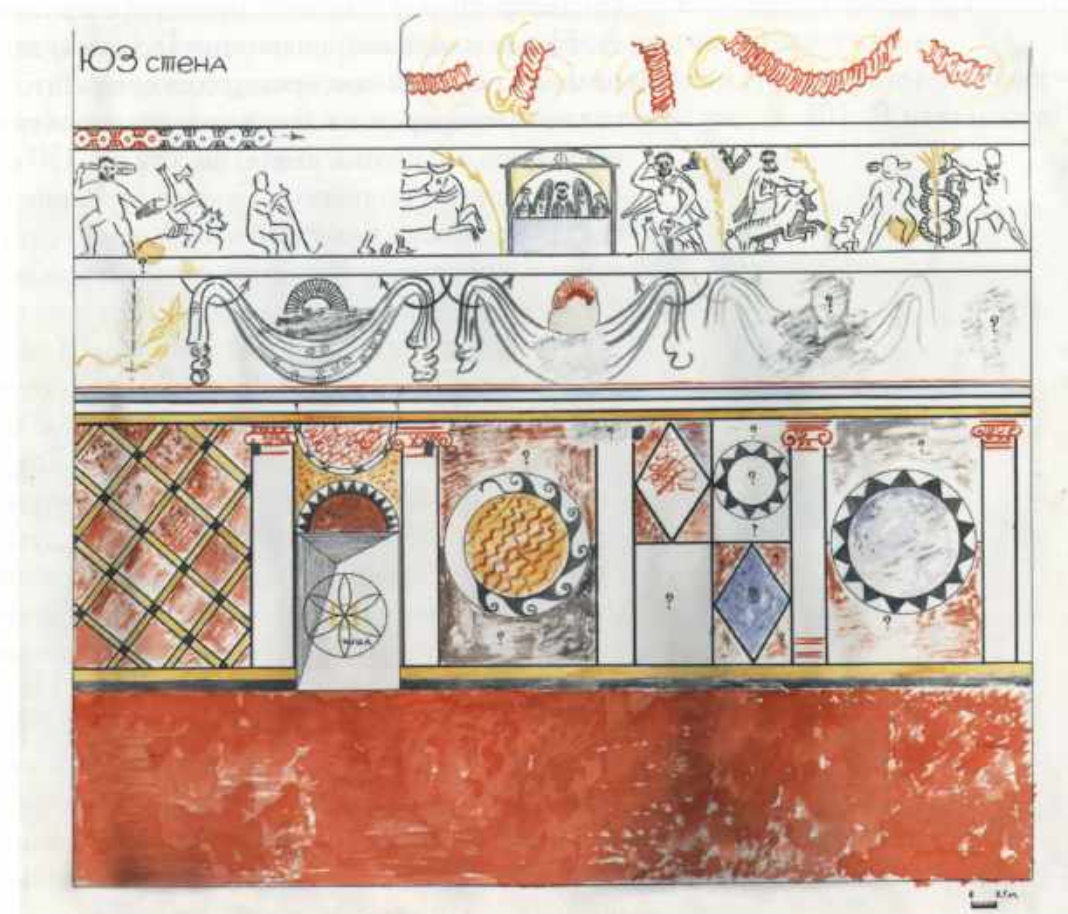

Рис. 8. Роспись юго-западной стены (право от входа). Склеп I. III в. н.э. Фиксация в момент раскопок, 1975 г.

Склеп был обнаружен в котловане для девятиэтажного дома в центре Анапы. В непосредственной близости от него раскопаны вырубленные в скале еще один склеп и монументальная гробница, перекрытая громадной каменной плитой. Все три погребальных сооружения являлись усыпальницами одной знатной семьи и в древности находились под одной курганной насыпью (сnivelирована современной Анапой). Во время раскопок склепы на высоту 1,5 м от пола заливали грунтовые воды. После фиксации раскопанного комплекса экспедиция разобрала склеп с росписью на блоки, затем спилила фрески с тонким слоем камня. Их покрывал плотный слой кальцинированных высолов, смешанных с грунтом. До сих пор спилов находятся на реставрации и по мере освобождения от засоления, которое удаляется вручную, передаются Анапскому музею. В настоящее время в музей поступили 8 спилов.

Чтобы понять место описываемых ниже отреставрированных спилов, обозначим общую схему росписи снизу вверх (рис. 6–8): красный цоколь опоясывал камеру (высота 80 см); над ним на всех стенах склепа — поле с орнаментами мраморировок в системе различных геометрических фигур, разделенное живописными колоннами и глубокими нишами для погребальной утвари (высота 85–98 см); выше, вдоль двух боковых стен — пояс с изображением развешенных на крюках драпировок, в изгибах которых нарисованы маски (высота 45 см); над ним, также вдоль боковых стен, — пояс с двенадцатью «каноническими» подвигами Геракла (высота 45 см; в роспись правой от входа стены включен семейный портрет с полуфигурами пяти персонажей); выше, вдоль боковых стен, — пояс со стилизованными гирляндами на белом фоне с розово-красными лепестками и желто-зелеными трилистниками, плавно переходящий на белый свод, покрытый такими же лепестками. В центр свода в широкий круг (диаметр 80 см) с каймой мраморировок помещена шестилепестковая розетка. Пояса с масками, подвигами Геракла и гирляндами разделяли между собой полосы с чередой повторяющихся орнаментов. На торцовых стенах склепа над полем мраморировок находились люнеты с сюжетными сценами (одна над дверью, другая напротив входа; высота ок. 150 см).

Из фриза с подвигами Геракла отреставрированы два длинных спила фресок. На одном из них слева изображен Геракл в борьбе с амазонкой, правее — сцена с очищением Авгиевых конюшен; далее на том же камне начало третьей сцены (Геракл с критским быком), но это изображение переходит на следующий еще неотреставрированный спил (рис. 9). Амазонка сидит верхом на гиппокампе. Туловище фантастического существа с торчащими ушами, короткими рогами и гривой, с похожим на клюв носом и крупным глазом окрашено в голубовато-серый цвет и обведено красным контуром. Движение этого тяжелого на вид чудища в противоположную от Геракла сторону передано с большой экспрессией. Амазонка, опрокинута назад, одета в короткое платье, руки подняты вверх, в правой — двулезвийная секира, под грудью у нее, возможно, щит. Тело и одежда амазонки обозначены красными контурами; черты лица и густые волосы нарисованы черным. Геракл стоит сзади гиппокампа и тянет на себя амазонку за волосы. На нем развешивается львиная шкура, завязанная на груди лапами зверя; правой рукой из-за спины он замахнулся палицей. Сцена обрамлена полукругом из желтой ветки оливы. Контур тела Геракла, желтой палицы и складки львиной шкуры желтого цвета обведены красными линиями. Лицо Геракла с черными бородой и волосами, с большими глазами повреждено. Мощная фигура его полна экспрессии, но непропорциональна.

Рис. 9. Спил фрески: Геракл в стране амазонок и расчистка авгиевых конюшен (после реставрации). Склеп I. 1975 г.

На следующей картине того же спила обнаженный Геракл изображен без шкуры, спокойно сидящим с заступом. Фигура его нарисована красным контуром; лицо с черными бородой и волосами также испещрено утратами. За спиной Геракла по типу орнамента мраморировок красными линиями, желтыми и голубыми мазками изображена текущая вода, которая в соответствии с сюжетом мифа омывала конюшни. Перед Гераклом на оливковой ветви, обрамляющей картину, висит лук в горите (серый горит, контуры красные). Лук в горите и палица за редким исключением присутствуют во всех сценах с Гераклом. Сценой с амазонкой начиналось повествование о геракловых подвигах около люнеты напротив входа на правой от входа стене склепа.

Еще один отреставрированный спил с подвигами Геракла замыкал повествование фриза на той же правой от входа стене (рис. 9, 10). В начале спила

Рис. 10. Спил фрески: Геракл в стране амазонок и расчистка авгиевых конюшен (после реставрации). Склеп I. 1975 г.

виден фрагмент сюжета с Цербером (стражем царства смерти, Аида) — левая рука Геракла со свисающей с нее львиной шкурой; сюжет переходит на соседний слева блок (сейчас находящийся в реставрации). В центре спила — сцена в саду Гесперид. Геракл стоит справа от растения в виде пучка желтых «разлетающихся» веток, на котором, следуя сюжету мифа, растут золотые яблоки бессмертия и вечной молодости (здесь два), охраняемые нимфами Гесперидами в саду богов на крайнем западе. Правая рука героя держит ветку с одним стилизованным плодом. Низ растения обвивает восьмеркой дракон, который изображен в облике змея голубовато-серого цвета с чешуей, обозначенной черными зигзагами. Лик этого существа выразителен: крупный черный глаз с белым мазком, короткий нос, из раскрытой пасти торчит раздвоенный язык, красные мазки на морде, свисающий серый ус. Контуры тела Геракла, мускулы и львиная шкура, экспрессия движения, — все предано в манере, идентичной рисунку в сюжете с амазонкой. Сохранившийся в этой сцене лик Геракла выразителен. Крупные глаза смотрят на чудовище, кудрявые борода и волосы нарисованы черным, черты лица — черными и красными сдвоенными линиями. Атрибуты также при нем: палица стоит у левой ноги героя, лук, по-видимому, без горита, вытянут поперек левого бедра. Сцена замыкала весь цикл повествования, она примыкала к люнете и располагалась непосредственно у двери склепа. Это единственная из всех сцен фриза, оставленная без обрамления оливковой ветвью. К сожалению, нельзя сказать, было ли что-то еще изображено правее этой сцены (непосредственно у самой двери), так как фреска на этом месте утрачена.

Появление сцен с Гераклом на стенах анапского склепа объясняется положением в обществе знатной семьи, владевшей усыпальницами. Мы полагаем, что они принадлежали семье одного из главных чиновников, назначавшихся центральной властью и имевшего родственные связи с царским домом. На одном из золотых перстней из скального склепа изображена царская тамга, а правящая в это время на Боспоре династия вела генеалогию от Геракла. Однако сюжет с Гераклом имеет также глубокий философский подтекст. Во II в. н.э. (склеп датируется II — первой половиной III в.) интерес к теме подвигов Геракла, чрезвычайно популярных в изобразительном искусстве архаики, возродился, что нашло отражение, в частности, в оформлении мраморных саркофагов (Малая Азия, Рим, в Северном Причерноморье Херсонес)¹¹. В это время вырабатывается единая иконография двенадцати «канонических» подвигов Геракла. На саркофагах сцены обычно обрамляют архитектурные арки (в анапском склепе — изогнутая полукругом ветвь оливы). Повествование на саркофагах, как и в анапском склепе, ведется слева направо, традиционно начинаясь эпизодом борьбы Геракла со львом, заканчиваясь сценами извлечения Кербера из Аида или добывания яблок бессмертия в садах Гесперид. В ранних подвигах на службе у Эврисфея Геракл изображался юным и безбородым (в анапском склепе этому соответствуют сцены со львом и лернейской гидрой), затем, проживая жизнь, он становится зрелым бородатым мужем (в анапском склепе, начиная с эпизода с эриманфским вепрем).

Мы полагаем, что миф о Геракле в анапском склепе использован для раскрытия концепции смерти и представлений о посмертной судьбе. В первые века нашей эры тема посмертного бытия широко представлена в различных вариациях на рельефных сценах каменных надгробий. Подвиги Геракла в контексте склепа — метафора, символ череды благих дел и совершенной человеческой жизни, что давало погребенным в склепе надежду на реинкарнацию. Идея каждого подвига — преодоление смерти, которую олицетворяют побеж-

даемые героем чудовища, в каждом из которых скрывается образ одного из богов, несущего смерть. Среди мифологических персонажей Геракл имел статус смертного, но, пройдя полный цикл деяний, определенных ему Эврисфеем, он достиг апофеоза (обожествления). «Канон двенадцати подвигов» — мифологическая судьба героя, ставшего божеством. Миф о Геракле — модель прожитой доблестно и духовно человеческой жизни. В анапском склепе фриз с подвигами Геракла между сюжетами с критским быком и конями Диомеда разорван семейным портретом пяти персонажей. Подобным образом на некоторых саркофагах со скульптурными сценами «гераклова цикла» у одной из фигур Геракла (помещавшейся обычно в середине повествования) появляются портретные черты¹². Мраморные саркофаги с прекрасным исполнением скульптур, подобно анапской гробнице, могли принадлежать только лицам, занимавшим выдающееся положение в обществе. Прожитая достойно жизнь давала моральное право отождествлять себя с Гераклом и, подобно ему, быть удостоенным бессмертия. Фриз с подвигами Геракла мог отражать и спасительную функцию мифологического персонажа, его воскрешающую силу. Она, вероятно, была направлена на всю знатную семью, изображенную на коллективном портрете. За подвигом с Кербером стоит победа Геракла над царем преисподней — Аидом, т.е. над смертью. Яблоки, добытые в садах Гесперид, несут бессмертие. В анапском склепе эти два самых важных свидетельства победы над смертью подведены к двери склепа, как бы гарантируя выход из него и новую жизнь пяти персонажам, лики которых включены в повествование о Геракловых деяниях. Духовная сила образа Геракла и его спасительные функции оказались созвучны идеям распространявшегося в первые века нашей эры христианства¹³.

Из фриза с нарисованными драпировками и масками расчищен один спил фрески (рис. 11). Подобно двум описанным выше этот камень также располагался на правой стене от входа (под сценой с Гераклом в Авгиевых конюшнях). Роспись выполнена черными контурными линиями на белом фоне. Крюки, на которых развешена ткань, изображены в виде дугообразно изогнутых черных стрелок. Ткань украшена орнаментом из розеток; концы полотнища оформлены в виде стилизованных воланов. В широком изгибе драпировки нарисована маска, но лик ее смазан в момент нанесения росписи. Сохранились пышные волнистые волосы, брови и верхние веки. На каждой боковой стене в склепе располагалось по три подобных изображения (среди них маски Сатира и театральная, две еще закрыты выколами). Маски в данном контексте можно рассматривать как символ хтоничности и знак превращений, о которых прямо над ними повествует фриз с Гераклом. Семантика этого фриза вновь напоминает саркофаги первых веков нашей эры с рельефами «гераклова цикла». Так, украшенный чрезвычайно сложными архитектурными профилями и множеством сцен мраморный саркофаг из Веллетри многократно демонстрирует фасад сцены античного театра, а вместе с ней и концепцию жизни как игры и череды бесконечных превращений¹⁴. Апофеоз (главная идея большинства сюжетов, связанных с погребальным культом, будь то надгробия, саркофаги или росписи) — превращение смертного в бессмертного. Маски в этом действе — символы превращений.

Из люнеты напротив входа пока отреставрирован только один спил фрески (рис. 12). На нем на белом фоне с красными лепестками и зелеными трилистниками представлена верхняя часть фигуры сидящего мужчины и кудрявая голова маленькой фигурки юноши (писаря, стоящего около мужского персонажа с диптихом и стилем в руках). Правее мужчины — высокая

Рис.11. Спил фрески: пояс драпировок и масок (фрагмент после реставрации). Склеп I. 1975 г.

спинка кресла с выступом и голубое покрывало, спускающееся с головы сидящей женщины (ее изображение переходит на другие блоки и еще не расширено). Мужчина одет в хитон с длинными рукавами, с его левого плеча спускается гиматий. Правая рука вытянута в сторону писаря (жест произносящего речь?); левая согнута в локте и слегка приподнята, в ней зажаты два свитка (матримониальный символ). Изображение передано красными и дублирующими их черными линиями. Бородатое мужское лицо с кудрявыми волосами и крупными глазами очень выразительно, ему приданы портретные черты. Выразительно и лицо юного писаря. Глаза и нос юноши переданы непрерывной линией, подобно манере изображения лиц на мозаичных стеклянных бусах первых веков нашей эры, поступавших в Северное Причерноморье из Египта¹⁵. Правее головы мужского персонажа прочерчено граффити «ПА», около женской головы — граффити «МН». Женская фигура выше мужской. Ее торжественная поза, кресло с высокой спинкой с выступами, скамеечка под ногами и длинные одежды идентичны изображениям верховного женского божества (Богини-матери, Кибелы), например, в корoplastике Северного Причерноморья (см. рис. 45)¹⁶. Портретные мужские бородатые лица на люнете напротив входа и в центре семейного портрета принадлежат двум разным персонажам. Очевидно, главой знатного рода следует считать мужчину, помеченного граффити «ПА» на люнете напротив входа, на центральном месте в системе всей росписи склепа. В семейном портрете своя иерархия: главный персонаж среди пяти полуфигур — бородатый мужчина в центре, он выше других (двух женщин и двух юношей). Если пяти персонажам семейного портрета через подвиги Геракла предназначено возрождение, то картина в центре люнеты повествует об апофеотических превращениях главы рода и главного владельца усыпальниц. Над головами сидящей пары на фрагменте фрески видно начало широкого круга (диаметр ок. 80 см) с двойной каймой волнистого орнамента. Внутри круга, внизу, к кайме примыкает изображение завязанной узлом змеи (рис. 6). К сожалению, камни, занятые этим кругом, были уничтожены строительством еще до начала исследования склепа. Возможно, в центре круга располагался горгонейон подобно тем горгонейонам, которые описаны Ростовцевым и определены им как апотропеи в синхронных анапскому пантикапейских склепах¹⁷. Внутри круга на центральном месте напротив входа должен был располагаться главный символ сюжета всей росписи. Таким символом мог быть лик Медузы Горгоны в ее хтонической ипостаси, но

Рис. 12. Спил фрески: пояс драпировок и масок (фрагмент после реставрации). Склеп I. 1975 г.

Рис. 13. Спил фрески: фрагмент пояса с гирляндами (фрагмент после реставрации). Склеп I. 1975 г.

Рис. 14. Спил фрески: фрагмент поля с мраморировками (фрагмент после реставрации). Склеп I. 1975 г.

Рис. 15. Парадное оружие. Комплекс III в. до н.э. Инкрустация бирюзой и гранатами. Склеп II. 1975 г.

не в роли простого апотропея. В центре главной композиции Медуза, которая в соответствии с сюжетом мифа в момент гибели порождает Хрисаора и Пегаса, должна олицетворять безначальность и бесконечность. Правда, нарисованный клубок змей слишком велик, чтобы над ним мог полноценно разместиться крупный лик. В целом на люнете напротив входа представлена наиболее сложная композиция космологического содержания, а публикуемый спил фрески лишь маленький фрагмент сюжета на тему трехъярусного мироустройства (космоса).

Над полосой с подвигами Геракла на белом фоне с бутонами и лепестками, переходящем на свод, нарисованы стилизованные гирлянды с бантами на концах. Они изображают длинные мешки или сетки, которые наполняли лепестками, после чего концы, стянув лентами, завязывали. Подобные гирлянды и стилизованные лепестки обычны в росписях боспорских склепов цветочного и смешанного инкрустационно-цветочного стиля (к последнему и относится анапский склеп). Они представлены на расписном саркофаге 1900 г. конца I в., в керченских склепах I в. н.э. (1895 г.), первой половины II в. (1875 г.), двойном склепе не ранее середины II в. (1873 г.), конца II в. (1872 г., так называемом Стасовском)¹⁸. Из пояса с гирляндами Анапского склепа отреставрирован один камень (рис. 13).

Поле мраморировок разделено нарисованными колоннами с ионийскими капителями, украшенными овами, и крестами расчленено на прямоугольники, ромбы и круги. Каждую геометрическую фигуру украшает пестрый узор; вариации мазков и их окраска бесконечны. Роспись склепа подчинена соляриной символике; в ней изобилуют круги в обрамлении лучей (рис. 14) и крестов;

Рис. 16. Венок с Афродитой Уранией на щитке. Золото. Склеп II. 1975 г.

нарисованная желтым розетта украшает одну из ниш в стене, наиболее крупная розетта венчает свод. Росписи в инкрустационном стиле, имитирующие облицовку стен пестрым камнем, покрывали стены многих открытых на рубеже XIX и XX вв. боспорских склепов. Как и в анапском склепе 1975 г., мраморировки керченских склепов заключены в ромбы, прямоугольники и круги, последние нередко также обрамляют лучи-треугольники¹⁹. Наиболее ранний из них склеп 1832 г. (склеп Пигмеев позднего эллинизма), схема росписи которого восходит к первому помпеянскому стилю. Склепы 1872 г., 1884 г., склеп в усадьбе Фельдштейна и открытый Стасовым датированы Ростовцевым II в.

Характеризуя технику росписи анапского склепа, следует отметить, что перед нанесением фресок по сырой штукатурке была сделана разметка циркулем кругов и острым инструментом орнаментальных полос и геометрических фигур, от которой остались бороздки на штукатурке. Роспись, очевидно, была исполнена не одним мастером — выразительные лики Геракла, масок и лица владельцев усыпальницы дисгармонируют с примитивной манерой исполнения фигур. Размашистый стиль росписи обусловлен скоростью работы, необходимой для нанесения краски на тонкий подкрасочный грунт, пока он еще не просох. В росписи использовано не менее шести красочных пигментов.

Отметим наиболее яркие находки из скального склепа и монументальной скальной гробницы, составляющих вместе со склепом с фресковой росписью

Рис. 17. Украшение конской сбруи. Бронза, золото, агат. Склеп II. 1975 г.

Рис. 18. Украшение конской сбруи. Бронза, золото, бирюза. Склеп II. 1975 г.

Рис. 19. Гривна. Золото, Склеп II. 1975 г.

Рис. 20. Браслет со вставками. Золото, стекло, бирюза. Склеп II. 1975 г.

единый комплекс из трех погребальных сооружений. Среди находок в орнаментированном саркофаге с мужским погребением выделим парадное оружие — железный меч с коротким клинком в деревянных ножнах (рис. 15, длина 35 см). Лицевая поверхность деревянной рукояти и ножен обтянута золотым листом, инкрустирована бирюзой и гранатами. На рукоятке один под другим размещены три орла, на ножнах девять раз повторен мотив терзания зайца орлом, на верхнем щитке ножен изображен павлин. Фигурки отштампованы в высоком рельефе, штампом образованы и гнезда для инкрустации. Древесина на обратной стороне ручки кинжала и ножен окрашена в красный цвет. Венок из тонкого золотого листа состоит из ленты, 12 листьев и центрального щитка с высоким штампованным изображением (рис. 16, длина 63,5 см). Тонкими шпильками листья закреплены в ленте, они имеют по три зубца и покрыты штампованными прожилками. Центральный щиток венка украшает погрудное изображение Афродиты с Эротом за левым плечом. Сзади правого плеча — жезл, символ власти, позволяющий видеть в женском образе Афродиту Уранию (Небесную), покровительницу Боспорского царства. На шее богини ожерелье с подвесками. В этот же саркофаг были положены дорогие украшения конской сбруи — полусферические бронзовые бляхи с петлей на обратной стороне, обтянутые золотым листом. На одной штампом оттиснута голова льва с инкрустацией глаз агатами (рис. 17, диаметр 3,8 см), другая инкрустирована бирюзой, ее края и гнезда с камнями окружены сканью (рис. 18, диаметр 3,4 см). В саркофаг положены личные украшения усопшего: золотая гривна с застежкой в виде крючка и петли, свитая из двух кусков толстой проволоки, образующих в центре «гераклов узел» (рис. 19, диаметр 17,8 см); литой золотой браслет с замком, инкрустированный бирюзой, дополненный сканью и центральным щитком в виде коробочки на шарнирном соединении со вставкой из прозрачного зеленого стекла (рис. 20, диаметр 8,6 см); ожерелье из 20 полых золотых бусин бочковидной формы, дополненных сканью (рис. 21, длина 30 см) и два литых золотых перстня. Один из них украшен резным италийским камнем *николло*. Гемма воспроизводит голову Пана с вы-

Рис. 21. Бусы. Золото. Склеп II. 1975 г.

сокими рожками в профиль, вправо. Светлый слой камня прорезан таким образом, что на голубоватом фоне выделяется четкое темное изображение, ниже лица вырезана сигма (рис. 22, диаметр 2,9 см). Более массивный перстень украшен высоким трехслойным резным сардониксом. Нижний слой камня почти черный, средний — белый, верхний — коричневый. На камне вырезана фигурка стоящего мальчика (Бонус Эвентус, Добрый гений). В вытянутой левой руке юноши — чаша, в опущенной правой — колосья; юноша обнажен, волосы опущены на плечи (рис. 23, диаметр 3,4 см). Этому же погребенному принадлежит золотая одночленная лучковая подвязная фибула из толстой проволоки с художественной обмоткой дужки (рис. 24, длина 6,2 см). Она относится к пятому варианту указанного типа по А.К. Амброзу²⁰. Учтенные им подобные фибулы из бронзы многочисленны и происходят из комплексов II—III вв. н.э. В том же саркофаге найдена золотая ременная пряжка с откидным язычком, выполненная в инкрустационном стиле (рис. 25, длина

6,3 см). Концы дужки заканчиваются волютами. В рамку вставлена пластина, крепившаяся к ремню гвоздиком. Ее украшает пластина с бирюзовыми вставками и сканью. Камни оправлены в пластинчатые обоймы, к которым припаяны ребристые проволочки. Вероятно, в саркофаг была помещена деревянная шкатулка, украшенная резьбой. Ей могут принадлежать четыре прямоугольные пластинчатые рамки с изображением двух птиц с перевитыми шеями внутри каждой. Птицы и рамки вырезаны из тонкого золотого листа. Скорее всего они обтягивали резьбу с низким рельефом. Птицы имеют длинные гибкие шеи водоплавающих и мощные когтистые лапы хищных пернатых (рис. 26, длина 7 см). Мужскому погребению в склепе принадлежат лицевые накладные пластины из толстого листа золота — нагубник с «ложным» отверстием и два наглазника, обведенные валиком (рис. 27, длина 10,6 см и 6,1 см). В соседнем саркофаге с парным женским погребением также найдены золотые лицевые пластины (рис. 28) — пара нагубников с ложной прорезью (длина 7,5 см), две пары наглазников с рельефными ресницами и зрачком (длина 4,2 см) и две пары нагрудников (диаметром 5,1 см).

На полу склепа также обнаружены ценные и художественные предметы, большая часть которых была сосредоточена около орнаментированного саркофага. Среди них великолепный уникальный набор из бронзы, украшенный выемчатыми эмалями — курильница (рис. 29, высота 19 см) и три стригила (рис. 30, высота около 16,7 см). Шестигранное тулово курильницы припаяно к открытому снизу шестигранному основанию и закрыто припаянной сверху шестигранной пластиной с откидывающейся на шарнире круглой крышкой. К верхней пластине припаяны фигурные литые ручки с отверстиями, в которые вставлены кольца для подвижного соединения с пластинами дужки для подвешивания; внутрь курильницы помещен тиглек для благовоний. Грани тулова и подставки, верхняя пластина и крышка, а также пластины дужки, — все украшено цветными узорами на синем фоне, подчеркнутыми бронзовыми перегородками. Узор состоит из стилизованного плюща, кругов, волют, спиралей, растительных побегов. Стекло орнаментов окраше-

Рис. 22. Перстень с геммой на николло (голова Пана). Золото. Склеп II. 1975 г.

Рис. 23. Перстень с резным сардониксом (Бонус Эвентус). Золото. Склеп II. 1975 г.

Рис. 24. Фибула. Золото. Склеп II. 1975 г.

но медью, коррозировано, поэтому имеет то зеленый, то красный цвета. В той же технике выполнена орнаментация прорезных рукоятей трех стригилей. Их украшает мотив бегущей волны, лоза, стилизованный растительный узор внутри овалов. Набор происходит из западноримских (галльских?). Рядом с этими предметами найдена не менее великолепная полихромная стеклянная фиала (рис. 31, диаметр 16,4 см). Она выполнена в технике «Goldenbandglas», которая наряду с мозаичной и «миллефиоре» распространяется начиная с конца I в. до н.э. Эта техника подражала дорогим сосудам из драгоценных камней. В технике «Goldenbandglas» чаще делали алабастры, пиксиды, флаконы, бусы, реже чаши — плоские или на ножке. Их объединяет устойчивая цветовая гамма и характерная изогнутость полос. Сравнительно небольшое количество этих сосудов само по себе подтверждает их высокую цену. Крупный сосуд, подобный описываемому, — большая редкость. Сосуды в технике «Goldenbandglas» выпускали мастерские, имевшие многовековую традицию стекольного ремесла. Такие мастерские были в Александрии, городах Сирии и Италии. В Риме и его ближайших окрестностях найдено множество обломков великолепного стекла раннеимператорского времени, среди которых значительное место занимают осколки сосудов в технике «Goldenbandglas». Постоянство цветовой гаммы, скорее, свидетельствует о существовании одного центра, специализировавшегося на данной продукции. Для горгиппийской фиалы использовано прозрачное стекло:

Рис. 25. Пряжка с инкрустацией. Золото, бронза. Склеп II. 1975 г.

Рис. 26. Обкладки резного изображения (на шкатулке?). Золото. Склеп II. 1975 г.

Рис. 27. Нагубник и наглазники из мужского погребения. Золото. Склеп II. 1975 г.

Рис. 28. Нагубники, наглазники и нагрудники из парного женского погребения. Золото. Склеп II. 1975 г.

бесцветное, лиловое (цвет марганца), синее (кобальт), зеленое, сизо-зеленое (почти бирюзовое) и глухое белое. Между двумя слоями бесцветного прозрачного стекла помещена тонкая золотая фольга, которая в горячем состоянии растрескалась, придав эффект мозаичности. Ленты зеленого и синего стекла во многих местах также трехслойны — в середине каждой находится тонкая прослойка белого стекла, что придает изделию яркость. Лиловое стекло прокладки не имеет. Его окружает белая лента. Вместе они как бы организуют правильность изгибов всех полос (по типу металлических перегородок в перегородчатых эмалях, направляющих изгибы полихромной массы). В вопросе о технике исполнения подобных сосудов у исследователей нет единого мнения. Отколовшийся край описываемого экземпляра помог точнее представить процесс изготовления. Роскошная горгиппийская фиала прошла несколько стадий, включая прессование в форме, несколько подогревов для спекания цветных полос, уложенных по определенной схеме с помощью лилово-белой разметки. На завершающем этапе тыльная сторона вынутой из формы фиалы прошла обработку на токарном станке, отчего на поверхности возникли тончайшие круговые линии. Следы лент видны по мельчайшим трещинкам, образовавшимся со временем от внутренней коррозии. Край фиалы дополнительно оплавлен²¹. На полу склепа найдены два закрытых бронзовых светильника италийского или западнопровинциального производства. Ручка одного заканчивается головой утки с переданным оперением, другого — головой гуся (рис. 32, 33; длина корпуса 16,3 и 15,4 см). Среди предметов на полу склепа отметим две серебряные ложки, конец ручки десертной завершён копытцем (рис. 34, длина 18,4 и 10,7 см).

В монументальной скальной гробнице в непосредственной близости к двум описываемым склепам найден перстень из цельного золота (рис. 35, 900-я проба, вес 30,71 гр.). Он украшен высоким резным *николло*. Верхний тонкий белый матовый слой камня прорезан до подстилающего его синевато-темного прозрачного слоя. На гемме изображена стоящая, повернутая влево Афина. Она одета в длинный хитон с высоко подпоясанной апоптигмой, на голове — шлем с высоким гребнем. Правая рука опирается о длинное копьё, к которому снизу прислонен овальный щит. Тип Афины восходит

Рис. 29. Курильница с цветными выемчатами эмалями. Бронза. Склеп II. 1975 г.

Рис. 30. Стригили с цветными эмалями на рукоятках. Бронза. Склеп II. 1975 г.

Рис. 31. Фиала полихромная. Стекло. Склеп II. 1975 г.

к знаменитой Афине Парфенос Фидия. Подобные фигурки Афины широко распространены на геммах I—III вв. н.э. Положение правой руки на верхней части копья и грубое исполнение щита характерно для гемм II—III вв. Форма перстня имеет параллели среди перстней позднеримского времени, перстни из цельного золота наиболее характерны также для этого периода²². Перстень примечателен сарматским знаком под вытянутой левой рукой богини, он достаточно грубо вырезан на готовом перстне, очевидно, на Боспоре. Знак относится к разряду тамг, определяемых как личные знаки боспорских царей²³. Известно, что члены царствующей на Боспоре сарматской династии имели однотипные личные знаки, которые различались между собой мелкими деталями. Знак анапского перстня полной аналогии среди известных не имеет, что не исключает принадлежность обладателя перстня обширному царствующему семейству. В стратегически важном и крупном центре, каким была Горгиппия, этот человек мог занимать одну из главных магистратур, а перстень служить его печатью. Неординарность описанного комплекса склепов делают реальным такое предположение. Склепы содержали много раритетных для семьи вещей, датируемых I в. до н.э. — I в. н.э. В то же время, наиболее позднюю дату среди них имеют золотая фибула, колесовидные железные псалии с крестовидными перекрестиями и длинный двулезвийный меч сарматского типа, характерные для комплексов II—III вв. (в данном случае, до гибели города в пожаре 240 г.).

В склепах, открытых в 1975 г., стояли каменные саркофаги с каменными крышками — три в склепе с фресками и два в скальном. Каждый саркофаг представляет собой ящик, выпиленный из глыбы ракушечника. Один саркофаг из скального склепа был украшен розетками, поверхность его заглажена и профилирована (длина 2,5 м, высота 0,9 м). На прямоугольном поле, выделенном в центре лицевой стороны, процарапан и обведен красным сармат-

ский знак. Этот саркофаг был закрыт толстой плитой ракушечника, соединявшейся с ним железной скрепой со свинцовыми пломбами на концах; другие саркофаги украшений не имели. Саркофаги стояли на брусообразных известняковых камнях. Подобные «простые» каменные саркофаги встречены и в других монументальных гробницах горгиппийского некрополя первых веков нашей эры. Все они содержали богатый погребальный инвентарь и большей частью были ограблены в древности. Массивные саркофаги из местного ракушечника с тяжелыми крышками использовали в первые века нашей эры и на некрополе Пантикапея²⁴. На горгиппийском некрополе на три таких саркофага нанесена размашистая надпись красной краской: ΠΡΑΣΕΙΜΟΣ — «продающийся».

Надгробия горгиппийского некрополя давно утратили связь с конкретными захоронениями и происходят из культурного слоя античного некрополя и современной Анапы. Среди них мраморные многоярусные надгробия с эпитафиями и более примитивные безымянные как статуарные, так и простые антропоморфные из ракушечника. Семантика многоярусных стел Боспора, получивших распространение в I—II вв. н.э., подробно изучена Савостиной²⁵. Обычно это вытянутые камни, нередко увенчанные акротериями, с распределенными по вертикали двумя—тремя рельефными картинами. На Боспоре известно менее полсотни этих надгробий, большинство происходит из Пантикапея и лишь по несколько встречено в других крупных городах царства — Фанагории, Гермонассе, Горгиппии. В Горгиппии наиболее яркой в этой серии памятников является мраморная стела с тремя рельефами, найденная в насыпи земляного вала анапской крепости (рис. 36; Высота 1,28, ширина 0,43, толщина 0,13 м); она была издана А.И. Болтуновой²⁶. Венчающая часть стелы утрачена, но от ее крепления сохранились пазы на верхней плоскости камня. В верхнем ярусе в прямоугольном углублении в высоком рельефе представлена сцена загробной трапезы: мужчина на ложе перед столом с различными сосудами, рядом юноша с собакой. Под рельефом надпись середины I в. н.э.: «Гликарион, сын Пофиска, прощай» (Γλυκαρίων Ποθίσκου, χαίρε). Ниже такое же углубление с рельефом: конный всадник влево в плаще, на его левом боку лук в горите. Перед всадником — юноша в длинных одеждах, облокотившийся на колонку. Между этими персонажами

Рис. 32. Святильник с головой утки. Бронза. Склеп II. 1975 г.

Рис. 33. Святильник с головой гуся. Бронза. Склеп II. 1975 г.

Рис. 34. Ложки. Серебро. Склеп II. 1975 г.

Рис. 35. Перстень с геммой на николло: Афина Парфенос и сарматская тамга. Золото. Комплекс III в. н.э. Гробница. 1978 г.

помещена маленькая фигурка слуги. Под рельефом надпись конца I — начала II в.: «Гедия, жена Агафуса, прощай. Гликарion (?)» (Hδὺν γυνὴ Ἀγατοῦ, χαῖρε. Γλυκαρίων?). Надпись испорчена нижним рельефом, вырезанным позже двух верхних. Нижний рельеф размещен в меньшем углублении, надписи не имеет. На нем изображена сидящая в кресле женщина; рядом маленькая фигурка служанки с сосудом в руках. Среди сюжетов на надгробиях сцена заgrabной трапезы особенно популярна, в многоярусных надгробиях ее помещали обычно на верхнем рельефе, как символ апофеоза, итога пути умершего²⁷.

В культурном слое городища было найдено мраморное стилизованное антропоморфное надгробие с акротерием, тремя ярусами рельефных изображений и надписью II в. н.э.: «Талон, сын Пота, и мать Гедин, прощайте». На нижней грани камня прямоугольное углубление для крепления к постаменту; обратная сторона обработана в виде ласточкина хвоста (рис. 37; высота 44 см). В верхнем ярусе изображена женщина, сидящая в кресле в позе печали, к ней подъезжает всадник в плаще поверх кольчуги, с луком в горите с левой стороны фигуры. Сюжет известен по боспорским известняковым стелам II в. н.э.²⁸ Изображение кольчуг и находки их частей — редкое явление в Причерноморье. В Горгиппии фрагменты свернутых железных кольчуг были найдены в подвалах горгиппийских домов в слое пожара 240 г. н.э., а также в монументальной гробнице первых веков нашей эры²⁹. В среднем ярусе антропоморфного надгробия размещена женская фигура в хитоне с большим перевязанным пучком растений (сноп колосьев?) — жест подношения направлен к выемке на надгробном камне, в которой первоначально крепился какой-то предмет для совершения обрядового действия. Это мог быть сосуд для возлияний, курильница, светильник, фигурка божества или маска. В нижнем ярусе представлена геральдическая композиция: два коня в упряжи и на привязи по обе стороны тонкого ствола (тирса?) головами друг к другу. Геральдические позы животных популярны в погребальной символике Боспора во II—III вв. н.э.³⁰ Антропоморфная стела из Горгиппии отличается четким исполнением деталей: черт лица, прядей волос, складок одежды у персонажей, конской упряжи, лошадиных морд, резных деталей кресла. Подобное мраморное антропоморфное надгробие (не ранее середины I в. н.э.) с двумя рельефами в нишах, одна под другой, было найдено в Керчи³¹.

В культурном слое горгиппийского некрополя найдено уникальное антропоморфное надгробие из известняка в виде объемной спеленутой фигуры, подобно набальзамированной мумии (рис. 38; высота 66 см, ширина 31 см)³². Верхнее пеленание оформлено круглым вырезом на груди. Среднее полотнище облегает голову и шею и уходит под верхнее; на груди и голове оно окрашено черной краской. Нижнее пеленание выступает из-под среднего вокруг лица, оставляя свободными только глаза, рот и нос. Рот и нижнее полотнище окрашены в красный цвет. На лице проработаны крутые нависающие надбровные дуги, нос изображен в виде расширяющегося книзу длинного треугольника, к нему почти примыкает верхняя губа. Глаза обозначены выпуклыми дисками, опоясанными рельефными кругами век. Пухлые щеки приближены к губам и носу. Спереди, сзади и по бокам надгробие тщательно заглажено. Нижняя часть надгробия (15 см), заглублявшаяся в землю, грубо оббита и не обработана. Плоские антропоморфные надгробия с вычлененной головой, но без раскраски и проработки деталей использовались на Боспоре³³, в том числе и Горгиппии. Описываемое надгробие выделяется из группы известных антропоморфов четкой передачей при помощи рельефов и раскраски

сложной системы пеленания усопшего, возможно, его набальзамированной мумии. В Северном Причерноморье в I в. н.э. были в ходу подвески, привезенные из Египта, изображающие канопу, — сосуд для бальзамирования внутренних органов покойника в виде спеленутой мумии³⁴. Бальзамирование усопших было известно населению северопричерноморских степей. Геродот (IV. 71), например, сообщает о бальзамировании скифских вождей.

Большую группу в коллекции музея составляют надгробия с изображениями полуфигур мужчин и женщин в одеждах греческого образца. Широкие лица выразительны и, возможно, передают этнический тип населения. Выполнены они грубо из пористого ракушечника. На одних стелах фигуры помещены в нишах, другие надгробия являются статуарными. Например, статуарное надгробие найдено на территории старого анапского аэродрома, где в древности располагались курганы или некрополь сельского поселения в системе горгиппийской хоры (рис. 39, высота 83 см). На других — полуфигуры в нишах прямоугольных плит занимают целиком лицевую поверхность камня. Изображения мужские и женские; у женщин с головы спускается покрывало, правая рука под ним поднята к груди (рис. 40, высота 82 см). Головы мужчин не покрыты, волосы переданы схематично, в левой руке многих фигур зажат

Рис. 36. Надгробие трехъярусное. I в. н.э. Мрамор

цилиндрический предмет — мы полагаем, матримониальный символ (рис. 41, высота 80 см). На этих надгробиях, очевидно, стремились передать индивидуальность лиц. Первые находки таких надгробий на горгиппийском некрополе были изданы Н.И. Сокольским³⁵. К сожалению, хронология этих памятников до сих пор не разработана.

В нумизматической коллекции музея — монеты боспорской чеканки, реже монеты понтийских центров (Амиса, Амастрии, Синоп). К числу уникальных можно отнести золотые статеры Савромата II, серебряные подражания римским денариям IV в. н.э., бронзовый сестерций Савромата II из серии с «каноническими» подвигами Геракла на реверсе. Раскопки горгиппийских домов, особенно на территории археологического заповедника, дали десятки и сотни монет из каждого дома и даже отдельного подвала. Монеты из кладов в нумизматической коллекции музея также занимают значительное место, их не менее 10, происходящих как из самой Анапы, ее окрестностей, так и с Таманского полуострова. Хронологический диапазон кладов ограничен рамками I—II вв. до н.э. — 70-х годов IV в. н.э., количество экземпляров варьирует от небольшой горстки монет до полутора тысяч и более. Клады Анапского музея были опубликованы Д.Б. Шеловым³⁶, Ю.С. Крушкол³⁷, Н.Д. Нестеренко³⁸, А.И. Саловым³⁹, Н.А. Фроловой⁴⁰.

Предметы из стекла в коллекции Анапского музея происходят преимущественно из горгиппийского некрополя. Находки наиболее ранних из них связаны с погребениями первых греческих поселенцев и датируются V в. до н.э. Это полихромные алабастры, фигурные пронизи из египетского фаянса, глазчатые бусины из стекольных мастерских сирийско-финикийского побережья и Египта. Алабастры с ушками для подвешивания сформованы методом навивки размягченной стекляннной массы на песчанистый сердечник. Обычно такие флаконы обвивали цветными нитями глухого стекла, которые затем смещали острым инструментом в незастывшем состоянии до получения фестонобразного узора.

Рис. 37. Надгробие с эпитафией.
II в. н.э. Мрамор

Рыхлый сердечник высверливали; при этом внутренняя поверхность сосудов оставалась шероховатой от прилипших к ней песчинок. Подобные сосуды выпускали мастерские Сирии, Финикии, Египта — региона, где и зародилось стеклоделие⁴¹. Из могил некрополя раннего греческого поселения происходят несколько таких флаконов, выполненных из глухого стекла белого, сургучно-красного и темно-синего цвета (рис. 42; высота 11,5 см).

В коллекции стекла Анапского музея есть несколько сосудов, выполненных в сложной технике «миллефиоре», зародившейся в эпоху позднего эллинизма, высоко ценившихся в древности. Одна чашечка происходит из могилы рубежа тысячелетий (рис. 43, высота 4,4 см). Она изготовлена в форме прессования, ленточный поддон присоединен отдельно. Чашка спаяна из мелких орнаментированных кусочков стекла неправильной пятиугольной формы, каждый из которых является пластинкой, отсеченной от стеклянного стержня с полихромным узором в поперечном сечении. Для изготовления чашки использованы отрезки трех стержней, каждый со своим узором. Сосуды в технике «миллефиоре» выпускались в I в. до н.э. — I в. н.э. мастерами Александрии, Сидона, Тира, Рима, Галлии. Для их изготовления пользовались глиняной формой, изготовленной по восковой модели. Форму подогревали и выкладывали в ней задуманным образом отрезки прутиков. Температура для спекания была ниже, чем для литья в форму — не выше 700°. Внутренняя коррозия со временем разделила составляющие сосуд пластинки⁴².

Рис. 38. Надгробие антропоморфное (гуманоид). Ракушечник

Рис. 39. Надгробие мужское статуарное. Ракушечник

Основная масса стеклянной посуды из Горгиппии относится к первым векам нашей эры, когда была освоена в стеклоделии техника свободного дутья, что позволило сделать массовой продукцией этого ремесла. С использованием формы изготовлены полусферические фиалы с ребристым туловом. В могилах горгиппийского некрополя найдены такие фиалы из прозрачного бесцветного, кобальтово-синего, янтарно-желтого и лилового стекла (рис. 44, высота 6 см). В специальной литературе подобные чаши получили название «Zarte Rippen-schalen» или «Fadenbandglas». Исследователи учли свыше 500 экземпляров этих сосудов, провели их картографирование. Датированные из учтенных относятся ко второй—третьей четвертям I в., их считают продукцией североиталийских мастерских⁴³.

Раскопки городища дали осколки сотен сосудов самых разнообразных форм, поступавших в город со всех концов Римской империи; некоторые изделия первой половины III в. выполнены в собственной мастерской в подражание привозным формам. В домах пользовались кувшинами, блюдами, фиалами, стаканами, мисочками (рис. 45). Среди флаконов отметим сосудик из сизовато-зеленого стекла с рельефным орнаментом, выдутый в форме (рис. 46, высота 7 см)⁴⁴. Над поддоном размещен пояс с гирляндами и шишками (?). Средний пояс разделен колонками с базами и капителями на шесть прямоугольных панелей; в центр каждой помещено изображение сосуда (канфар, гидрия, кувшин, ойнохоя). На плечиках размещены арки с бутонами (или виноградной кистью) в центре каждой. Рельефы нечеткие, гор-

Рис. 40. Надгробие женское.
Ракушечник

ло оформлено по типу унгентария. Фигурные флаконы в виде виноградной грозди, рыбы, финика, раковины, головы Диониса, двуликой головы и полностью аналогичные описываемому известны как на Востоке, так и в западных провинциях раннего императорского периода (в Помпеях, Аквилее, Каранисе, Дура-Европос); во второй половине I — начале II в. н.э. их выпускали сидонские мастерские⁴⁵. Аналогичные анапскому экземпляру флаконы различаются только комбинацией элементов орнамента, что можно объяснить заменой стандартных секций матриц. Среди кувшинов отметим экземпляр из прозрачного розоватого стекла (рис. 47, высота 22 см). Он относится к типу легких изящных кувшинов на поддоне с туловом яйцевидной формы. Высокое горло заканчивается широким уплощенным венчиком с загнутым внутрь краем. Лентообразная ручка слегка профилирована и образует петлю над венцом. Кувшины подобной формы выполнены в технике свободного дутья, обычно из бесцветного прозрачного стекла. На Боспоре их находки часты в районе Пантикапея, где они датируются концом I — началом II в. и относятся к продукции Восточного Средиземноморья либо местного боспорского стеклоделания⁴⁶.

Коллекцию золотых предметов Анапского музея составляют преимущественно украшения из раскопок гор-гипсийского некрополя: перстни (в том числе со вставками из полудрагоценных камней с геммами разного качества и стеклянными литиками с оттиснутыми изоб-

ражениями), серьги, амулетницы, бусины, медальоны, нашивные бляшки (гладкие и со штампованным орнаментом), пучки тончайших нитей, а также украшения конской сбруи, парадное оружие и некоторые предметы погребального культа — венки, наглазники, нагубники, нагрудники, индикации с монет. Особо отметим набор золотых предметов из детского погребения⁴⁷. В нем были найдены: маленькая пружинная фибула с завитком на конце пластинчатого приемника (рис. 48; длина 2,08 см), датирующая комплекс I в. н.э.⁴⁸; два ножных браслета со взаимно перевязанными концами (рис. 51; диаметр 4,5 см); две серьги с замками в виде петельки и крючка — гладкопроволочная и витая (рис. 49, 50; диаметр 1,7 и 2 см); цилиндрическая амулетница, украшенная ребристыми проволочками и зернью (рис. 52, длина 2,4 см); перстенок с гладкой шинкой и маленькой гранатовой вставкой (рис. 53, диаметр 1,4 см); ажурный перстень с каплевидным гранатом, сделанный из другого украшения, вероятно, браслета (рис. 54, диаметр 1,4 см). Формы серег, ножных браслетов и амулетницы из этого захоронения повторяют формы массовых украшений из бронзы, популярных в Северном Причерноморье в I в. до н.э. — II в. н.э.⁴⁹ В этом же погребении найден круглый медальон из толстого золотого листа с отштампованным в высоком рельефе погрудным изображением богини синкретического культа Афродиты-Артемиды с двумя эротами за плечами. На шее богини ожерелье с подвесками, под ним — складки хитона, у правого плеча — жезл, под грудью стилизовано изогнуты два животных, похожих на лису или собаку, что и позволяет связывать изображение с культом Артемиды. На край диска напаяна ребристая проволока, сзади припаяно плоское ушко (рис. 55, диаметр диска

Рис. 41. Надгробие мужское. Ракушечник

Рис. 42. Алабастр полихромный. V в. до н.э. Глухое стекло

4,5 см). В погребениях горгиппийского некрополя было обнаружено несколько круглых медальонов с подобным изображением; звери присутствуют только на двух, жезл располагается как у правого плеча богини, так и внизу слева; два медальона сделаны из серебра, остальные из золота (рис. 56, диаметр 4,3 см)⁵⁰. Анапские медальоны найдены в могилах I–II вв. н.э. Подобные украшения с близкой трактовкой образа женского божества встречаются в некрополях I–II вв. Ольвии, Херсонеса, Западного Крыма, Пантикапея и Прикубанья; подробная сводка этих находок составлена Л.К. Галаниной, опубликовавшей брошь из впускного погребения Курджипского кургана⁵¹.

Среди золотых экспонатов Анапского музея отметим еще медальон из детского погребения I в. н.э. с двумя припаянными петлями и тисненым изображением лица в обрамлении пышных волос, разделенных прямым пробором (рис. 57, диаметр 2,7 см). Лик на медальоне, очевидно, передает образ Диониса или Медузы Горгоны. Подобное изображение украшает, например, небольшой горгонейон из склепа I в. до н.э. — I в. н.э. на некрополе Нимфея⁵².

В погребении II в. н.э. с богатым погребальным инвентарем происходит полый золотой перстень с геммой на аметисте: голова Аполлона в профиль (рис. 58, диаметр 2,4 см). Бог изображен с повязкой или венком в волосах, с гордыми чертами лица; за плечом лук — символ серебряного лука, из которого бог по традиции посылал карающие стрелы в ослушников воли Зевса. Анапской гемме близка трактовка образа Аполлона из собрания Софийского музея: также в профиль с подобными волнами волос на плечах и в венке, на камне (сардер) в железном перстне, однако, гемма из Болгарии (I в. н.э.) изображает бога с иным атрибутом — с лирой спереди⁵³.

Частью погребального обряда было наложение на голову покойника венка и лицевых пластин (наглазников, нагубника). В первые века нашей эры этот обычай получил широкое распространение на горгиппийском некрополе. Пластины выполнялись из фольги или тонкого золотого листа, на них штамповались прожилки листьев (чаще трехлопастных), прорись рта, зрачки, ресницы и веки глаз (рис. 59, 60). В венках листья крепились на золотую или серебряную ленту с крючком и петлей на концах; в центр венков из богатых захоронений помещался щиток с тем или иным изображением (как в анапском склепе 1975 г.). Лицевые пластины выполняли роль апотропеев, оберегая живых от мертвых. Венки, возможно, являлись знаком отличия, дарованным умершему еще при жизни.

Наиболее обширна в Анапском музее коллекция керамики. Ее формируют как пышные вазы (с чернофигурной и краснофигурной росписью, рельефным орнаментом и фигурные), так и популярные в быту сервировочные и кухонные сосуды, терракотовые статуэтки, разнообразные светильники, десятки амфор VI в. до н.э. — III в. н.э., которые привозились из разных центров Понта и Средиземноморья, а также амфоры боспорского производства.

Рис. 43. Чаша. I в. до н.э. – I в. н.э.
Стекло, техника «миллефиоре»

Рис. 44. Фиала. I в. н.э. Прозрачное
лиловое стекло

Среди ранних находок выделяется комплекс столовой посуды с предметами последней четверти VI–V в. до н.э., происходящий из слоя пожара на полу жилища первых греческих переселенцев⁵⁴. В нем как наиболее раннюю находку отметим редчайшую для Северного Причерноморья столовую амфору из Клазомен (Иония) из тонкой сероватой (действие пожара ?) глины с мелкими блестками, с чернофигурной росписью (рис. 61, высота 36 см). На одной ее стороне изображены две стоящие сирены, на другой – сидящий

Рис. 45. Сосуды. I в. н.э. Стекло

сфинкс и стоящая перед ним сирена. Между фигурами помещены бутоны лотоса, с двух сторон горла — пальметты с завитками волют. Донную часть опоясывают широкие полосы черного с металлическим отливом лака и лучистый орнамент. На плечиках — палочный орнамент. Роспись дополнена пурпуром и белилами. Амфора изготовлена около середины VI в. до н.э. Клазоменская амфора более тяжелых пропорций с изображением сирены найдена в Ольвии с материалом третьей четверти VI в. до н.э.⁵⁵ Сирены и петухи представлены на чернофигурной клазоменской гидрии из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина, происходящей из ст. Таманской (издатели датируют ее также третьей четвертью VI в. до н.э.⁵⁶).

В том же комплексе была обнаружена еще одна фрагментарная столовая амфора с чернофигурной росписью (рис. 62, высота 28 см). Ее горло опоясывает двойной ряд соединенных плетенкой пальметок и стилизованных цветов лотоса. На плечиках палочный орнамент. Под ручками цветы лотоса, вокруг них пальметты с волютами. У ножки лучевой орнамент, над ним тонкие полосы лака. В центре одной стороны амфоры изображен обнаженный танцующий сатир (движение вправо, голова в полоборота назад, вместо кистей рук копыта). Слева от него стоящая (женская ?) фигура в длинных одеждах. На противоположной стороне сосуда также размещалась фигурная сцена, но она утрачена, за исключением двух маленьких фрагментов. Детали переданы резбой, пурпуром, белилами. Роспись в манере «отставленных локтей» характерна для конца VI в. до н.э. Подобные столовые амфоры с разнообразными сюжетами росписи составляют обширную группу в эрмитажной коллекции,

Рис. 46. Флакон с рельефным орнаментом. Вторая половина I — начало II в. н.э. Стекло

Рис. 47. Кувшин. Конец I — начало II в. н.э. Стекло

Рис. 48. Фибула. I в. н.э. Золото

Рис. 49. Серьга. I в. н.э. Золото

Рис. 50. Серьга. I в. н.э. Золото

Рис. 51. Браслеты ножные. I в. н.э. Золото

они многочисленны во многих музеях мира и известны в западной научной литературе под термином *песк-амфора*. В Северном Причерноморье подобные столовые амфоры были найдены при раскопках архаического некрополя Ольвии. Исследователи относят их к продукции Аттики и датируют ок. 510—500 гг. до н.э.; встречаются экземпляры, подписанные мастерами⁵⁷.

Вместе с двумя столовыми амфорами найден фрагментарный чернофигурный килик с изображением пасущегося оленя (козла?), помещенного между двух глаз-апотропеев; на теле животного едва заметны светлые пятна, на дне внутри сосуда — медальон с горгонейоном, исполненный лаком сургучного цвета. Чаша соединена с подставкой валиком, край подставки и полоса в зоне ручек с изображением глаз и животного оставлены в цвете глины; лак имеет металлический оттенок (рис. 63 высота 9,5 см). Этот сосуд также находит аналогии в аттической керамике последней четверти VI в. до н.э.⁵⁸

Концом V в. до н.э. датируется краснофигурный кратер, использованный для погребения праха умершего на территории некрополя раннего греческого полиса в Анапе (рис. 65, высота 32 см). На лицевой стороне кратера размещены два сцена с музыкальными инструментами (флейтой и кифарой) и две танцующие менады — одна с тамбурином, другая с пальмовой ветвью. С другой стороны вазы воспроизведены трое юношей в гиматиях, два из них опираются на посохи. Роспись дополнена пальметтами под ручками кратера и полосами орнамента — меандром и оливковой ветвью. Подобные кратеры с росписью на дионисийские сюжеты известны в собраниях многих музеев мира, они расписаны мастерами Аттики и Южной Италии⁵⁹.

К эпохе эллинизма относятся краснофигурная пелика и чернолаковый светильник. Пелика найдена в могиле горгипийского некрополя. Она сделана из аттической глины, покрыта тусклым черным лаком с металлическим отливом. На одной стороне тулова изображена голова амазонки на фоне головы коня, лицо амазонки густо окрашено белилами; на другой стороне — фигуры двух юношей в гиматиях, между их головами размещен щит. По краю венчика и в полосках на плечиках сосуда — орнамент из ов, нанесенных размашисто (рис. 64, высота 20 см). Роспись исполнена мазками. Голо-

Рис. 52. Амулетница. I в. н.э. Золото, скань, зернь

Рис. 53. Перстень со вставкой. I в. н.э. Золото, гранат

Рис. 54. Перстень из отрезка браслета. I в. н.э. Золото, гранат, скань

ва амазонки занимает большую часть композиции. У нее плоский невысокий лоб, переходящий в длинный нос, поджатые губы и небольшой подбородок. Поверх белой краски лаком обозначены округлая бровь и глаз со зрачком. Плохо заметны тонкие завитки на прядях волос. Толстой черной линией обозначены волосы, отделяющие лицо от головного убора — алопекиса. Он сплюснут, но оживлен линиями складок и орнаментом в виде точек. Голова коня и упряжь изображены еще более схематично размашистыми и небрежными линиями. Голова коня непропорционально мала в сравнении с головой амазонки. Сосуд опубликован Г.А. Цветаевой⁶⁰.

Среди краснофигурных ваз, поступавших на Боспор из Аттики, одними из массовых были пелики. В.Д. Блаватский полагал, что они изготавливались специально для вывоза на Боспор, так как многие из них украшены сюжетами из эллинских мифов, повествующих о легендарных обитателях Северного Причерноморья (в частности амазонках, как на анапском экземпляре)⁶¹. Найденные на Боспоре пелики, эволюционируя, изготавливались на протяжении столетий. Ранние унаследовали стиль росписи V в. до н.э.: насыщенность сцен персонажами, обилие деталей и тонкость исполнения. Рисунки большей части боспорских пелик обладают типичными особенностями беглого стиля, широкое применение в них нашла белая краска. Описываемая пелика относится к группе поздних: небрежная роспись конца IV — начала III в. до н.э.⁶² Аналогичные головы амазонки и коня украшают краснофигурную пелику IV в. до н.э. из керченского склепа (1908), орнаментация керченской пелики исполнена более искусно⁶³.

Среди столовой посуды эпохи эллинизма в музее хранятся сосуды с так называемым орнаментом «мегарского» типа — фиалы, канфары. Рельефный орнамент (растительный, геометрический) оттискивался в формах, сосуды покрыты лаком сургучного цвета, либо черным с металлическим блеском (рис. 66). Сосуды найдены в горгиппийских домах II в. до н.э., привезены преимущественно из малоазийских центров⁶⁴.

В одном из помещений горгиппийского дома II в. до н.э., раскопанного на территории археологического заповедника, была найдена статуэтка из глины розового цвета, покрытая черным лаком с металлическим блеском, изображающая женщину с лицом негроидного типа, стоящую на прямоугольной подставке с корзиной на голове (рис. 67, высота 18 см). И.Т. Кругликова полагала, что это гротескное изображение рабыни⁶⁵. Верхнее платье на женщине облегает торс, завязано на левом плече, опоясывает талию и вновь завязано на левом боку, под ним складки хитона, на ногах сандалии. Корзина стоит на голове с

Рис. 55. Медальон со штампованным изображением синкретического божества Афродиты-Артемиды. I в. н.э. Золото

Рис. 56. Медальон с изображением Афродиты Урании. I в. н.э. Золото

Рис. 57. Медальон с ликом Медузы Горгоны (?). I в. н.э. Золото

курчавыми волосами и поддерживается обеими руками, под тяжестью ноши женщина пригнулась. Фигурка являлась основанием светильника, сделанного в виде корзины. На верхнем шестиугольном щитке светильника отштампованы в рельефе изображения плодов, рыбы (?) и кисти винограда. В центральное отверстие на щитке наливали масло, в трех других горели фитили. Судя по качеству лака, светильник изготовлен не ранее конца III в. до н.э.

Вместе с чернолаковым светильником была найдена часть фигурной вазы в виде сидящего в кресле мужчины. Босые ноги массивны и бесформенны, на левой руке всего четыре пальца, в ней сосуд с высоким горлом и округлым туловом. Правая рука и голова не сохранились. Мужчина одет в хитон, через левое плечо перекинут плащ, другой его конец лежит на коленях. Плащ сделан в виде накладного глиняного валика. За спиной полый воронкообразный прилеп со сквозным отверстием. Ноги, кисть левой руки и шея окрашены красной краской. Исполнение очень грубое, лепка от руки из светлой зеленовато-коричневой глины (рис. 68, высота 15,5 см)⁶⁶. Фигура не имеет прямых аналогий. Кругликова, опубликовавшая эту находку, считает ее ритуальным предметом. Среди терракот фигуры сидящих мужчин редки, некоторые из них по типу головных уборов интерпретируются как кабиры с сосудами на коленях⁶⁷. Изображения сосудов, похожих на тот, что держит в руке описываемый персонаж, имеются, например, в руках скифа на золотой бляшке из Куль-Обы, в руке

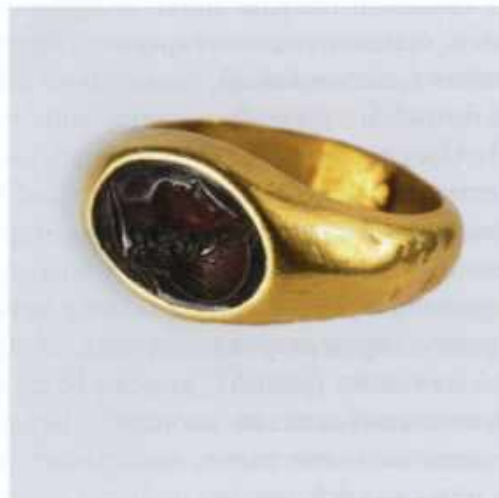

Рис. 58. Перстень с геммой — Аполлон с луком за спиной. I в. н.э. Золото, аметист

Рис. 59. Накладные лицевые пластины — наглазники, нагубник. I в. н.э. Золото

Рис. 60. Венок. I в. н.э. Золотая фольга

сидящей в кресле богини на ритоне из прикубанского кургана у дер. Мерджаны, в руках стоящего перед богиней мужчины на золотой пластине из кургана Карагадеуашх. Ростовцев считал эти сосуды ритуальными⁶⁸.

Из того же дома происходит керамическая форма для оттиска терракотового изображения сидящей в кресле богини (рис. 69, высота 21,1 см)⁶⁹. Она сделана из хорошо отмученной розовой глины. Богиня сидит в кресле с высокой спинкой, имеющей сверху раздвоенные выступы. На шее богини гривна или повязка, на плечи из-под высокого калафа спускаются длинные волосы, хитон с рукавами до локтей высоко подпоясан под грудью. Левое плечо и рука покрыты плащом, ниспадающим на колени. В правой руке фиала. Судя по состоянию формы, в древности она не использовалась. Оттиска из нее получить не удалось, так как она имеет несколько «замков», которые могли образоваться при обжиге. Терракоты, изображающие сидящие женские фигуры, чрезвычайно многочисленны в Северном Причерноморье; привозные и местные они восходят к стандартным прототипам VI в. до н.э.⁷⁰ На ранних фигурках сидящая богиня изображалась в статической позе без атрибутов, что затрудняло ее определение и давало основание многим исследователям видеть в ней Великую богиню-мать. Находки подобных фигурок в святилищах Деметры позволяют отождествлять изображение с главной богиней земледелия, что также подтверждается наличием парных фигурок богинь (Деметры и ее дочери Коры)⁷¹. Состав комплекса, в котором была найдена форма, и высокий пояс на хитоне позволяют отнести форму к эпохе эллинизма.

Краснолаковая посуда, характерная для первых веков нашей эры и многочисленная в раскопках поздней Горгииппии, начинает поступать в город с I в. до н.э. Сосуды I в. до н.э. — I в. н.э. отличаются хорошим качеством лака, четкостью тонких профильков и орнаментов. Среди них отметим лагинос с двумя оленями, пасущимися среди цветов лотоса из погребения горгииппийского некрополя (рис. 70, высота 25,7 см). Сосуд отличается стройными линиями и изяществом формы. Фигуры оленей и растения даны в высоком рельефе, изображение реалистичное, проработаны мелкие детали. Лагинос сделан из розоватой глины и покрыт темно-красным густым блестящим лаком. В отечественной и зарубежной литературе лагиносам римского времени посвящена только одна специальная работа Е.К. Соколовой, написанная на материале эрмитажной коллекции из Пантикапея. Анапский лагинос относится к выделенной ею группе импортных лагиносов с рельефным орнаментом. Он подобен двум лучшим экземплярам эрмитажной коллекции, отнесенным к

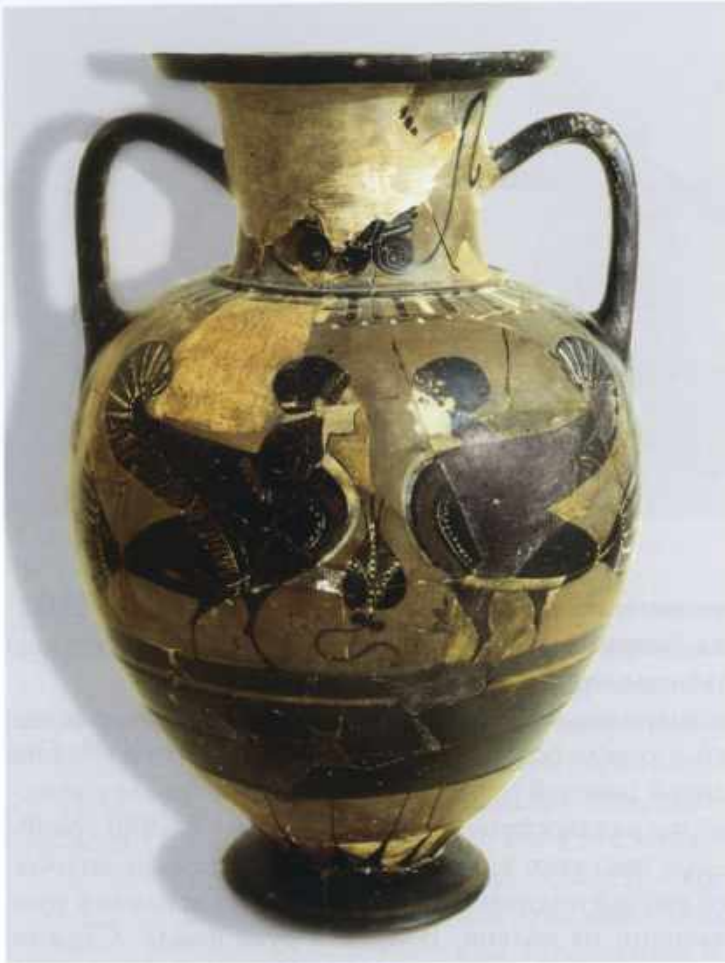

Рис. 61. Амфора столовая черnofигурная из Клазомен. VI в. до н.э.

Рис. 62. Амфора столовая черnofигурная из Аттики. Конец VI в. до н.э.

Рис. 63. Килик черnofигурный. Аттика, последняя четверть VI в. до н.э.

продукции Пергама (один из них украшен плющом, другой — двумя цаплями, изогнувшимися к змее)⁷². Подобной формы лагиносы были найдены в погребении I в. н.э. в Истрии и в могиле с сожжением в Италии (эпоха Августа)⁷³. Пантикапейский лагинос с цаплями датирован Гайдукевичем I в. н.э.⁷⁴, Соколова отнесла его I в. до н.э. — I в. н.э.

Группа краснолаковой керамики II—III вв. из Горгиипии грубовата и не отличается большим разнообразием форм. Сосуды покрыты тонким лаком, нередко с металлическим отливом, четкость форм утрачена. Из поздней краснолаковой посуды выделим фрагментарный фигурный сосуд в виде лошади, найденный в слое пожара 240 г. внутри хозяйственного помещения при домашней винодельне одного из домов, раскопанных на территории археологического заповедника (рис. 71, высота 21,2 см)⁷⁵. Он изготовлен в двусторонней форме, ручка сосуда и часть головы лошади утрачены, тонкий лак пострадал в пожаре. На спине животного короткое горло для заполнения сосуда жидкостью, слив, видимо, находился около носа. Животное изображено тяжелым, непропорциональным, выделены копыта, проработана густая грива. Под брюхом с одной стороны по сырой глине перед лаковым покрытием нанесено имя мас-

Рис. 64. Пелика краснофигурная. Конец IV — начало III в. до н.э.

Рис. 65. Кратер краснофигурный италийский. V в. до н.э. Использован в качестве погребальной урны

тера — Симон (SIMON). Сорокина опубликовала фигурные сосуды античной эпохи различных форм, в том числе и зооморфных, из собрания ГИМ, считая их культовыми⁷⁶.

В первые века нашей эры в Горгиппии получила распространение сероглиняная посуда местного изготовления (лепная и сделанная на гончарном круге, с лощением и без него) — горшки, кувшины, миски, светильники. Среди этих изделий примечательны кувшины и небольшие горшочки с зооморфными ручкам (рис. 72, сделан на гончарном круге, высота 11 см, слой пожара 240 г.). Их находят как в домах, так и в составе погребального инвентаря. В археологической литературе неоднократно рассматривался вопрос о керамике с зооморфными ручками первых веков нашей эры, происходящих главным образом с территории Северного Кавказа и Восточного Крыма. После первой обстоятельной публикации на эту тему⁷⁷ утвердилось мнение о безусловной принадлежности такой керамики сарматам, и этот материал стал привлекаться для аргументации сарматских влияний на различные памятники античной культуры⁷⁸. Со времени первых публикаций на эту тему конкретизировались наши представления о культуре многих местных племен, окружавших античный мир Причерноморья. Стало ясно, что керамика с зооморфными руч-

ками в первые века нашей эры получила распространение на памятниках местного населения на широкой территории, и в каждой области такие сосуды имеют свои специфические черты. Они местные по форме, глине и способам обработки, но их нет на исконно сарматской территории (в Поволжье и Приуралье)⁷⁹. Следовательно, независимо от того, чем вызвано распространение зооморфных форм в керамике, при решении этнических проблем они должны использоваться с большой осторожностью.

Рис. 66. Канфар с орнаментом в мегарском стиле. II в. до н.э.

В детском погребении I в. н.э. с золотым медальоном с изображением синкретического женского божества Афродиты-Артемиды (рис. 55, комплекс описан выше) найдены два плоскодонных гуттуса с рожком, широким горлом и двумя петлеобразными ручками (рис. 73, высота 8,5 см). Лицевая сторона сосудиков выполнена в виде женской полуфигуры в хитоне; раструб горла выглядит высоким головным убором — калафом. Сосуды сделаны из двух половин, оттиснутых в форме, из тонкой хорошо отмученной глины, обратная сторона не моделирована, швы сглажены стекой. Изображение нечеткое, как бы приготовленное под раскраску, но следов светлого грунта для росписи на поверхности нет. Гуттусы (чернолаковые и простые глиняные) обычны для погребального инвентаря детских захоронений. Среди

случайных находок на Тамани можно указать на два сосудика высотой 10 и 11 см, датированных издателями эпохой эллинизма, на лицевой стороне которых также оттиснуто погрудное изображение женского божества, повторяющее образ Деметры или Богини-матери на протомах⁸⁰. Подобный гуттус высотой 11,4 см в виде бюста богини из собрания П.О. Бурачкова (коллекция ГИМ) был издан Сорокиной⁸¹.

Вместе с гуттусами в детской могиле I в. н.э. обнаружена керамическая маска юного Диониса (рис. 74, высота 17 см) с волосами, трактованными в виде винограда. Вместо глаз на маске — круглые отверстия, рот полуоткрыт. Маска из тонкой бежевой глины оттиснута в форме и обожжена. Находки гипсовых и глиняных масок, передающих образы Силена, Сатира, Медузы Горгоны, и трагических театральных масок нередко в богатых погребениях некрополей Боспора⁸², известны они и в Горгиипии⁸³.

Рис. 67. Светильник чернолаковый. Конец III в. до н.э.

Рис. 68. Ритуальный лепной сосуд из дома. II в. до н.э.

Обширная коллекция терракот из Горгиипии насчитывает сотни экземпляров. Среди них фигурки практически всех популярных богов, статуэтки бытового жанра. Большинство происходит из домов и культурного слоя города, в могилах терракоты единичны. Среди последних отметим, например, группу Афродиты с Эротом около гермы Приапа (рис. 75, высота 23,8 см)⁸⁴. Она найдена в могиле с достаточно богатым инвентарем вместе с двумя дорогими стеклянными сосудами (фиалой с ребристым туловом из синего стекла и чашечкой, орнаментированной в технике «миллефиоре»), а также фибулой типа «авцисса», датирующей комплекс первой половиной I в. н.э. Афродита сидит на скале, трактованной округлым рельефом. Левое плечо и нижняя часть туловища закутаны в покрывало, из-под которого выступает левая ступня. Торс богини обнажен, на груди круглый медальон; на шее повязка, на правом плече и на ноге — браслеты. На голове Афродиты стефана, из-под которой выступают разделенные прямым пробором пряди волос; длинные локоны спускаются на плечи. За правым плечом богини — обнаженный крылатый Эрот, стоящий на выступе скалы. Его правая рука под раскрытым крылом поднята к виску, на голове низкая шапочка и круглое украшение или пучок волос.левой рукой Афродита опирается о герму Приапа; кисть руки непропорционально большая, исполнена грубо. Фаллическая герма закутана в плащ и увенчана бородатой головой с круглым украшением надо лбом. Лица трех персонажей исполнены реалистично. Статуэтка сделана из двух половин, оттиснутых в форме, полая внутри. Сзади не моделирована, показан только пучок волос на затылке. На спине круглое отверстие для продуха при обжиге, глина бежевато-коричневого оттенка с мельчайшими блестками и белыми включениями. В древности статуэтка была раскрашена (на голове Афродиты сохранилась желтая грунтовка под роспись). При тщательной проработке некоторых деталей исполнение в целом грубое: голова Афродиты велика, примитивно исполнены ее руки, на ноге бороздками прочерчено по сырой глине не менее восьми пальцев. Образ

Рис. 69. Керамическая форма для оттиска терракотовой фигурки (сидящая в кресле богиня) из дома. II в. до н.э.

Рис. 70. Лагиннос краснолаковый с накладным орнаментом (пасущиеся олени). Пергам, I в. до н.э. — I в. н.э.

Рис. 71. Сосуд фигурный краснолаковый в виде лошади. Слой пожара 240 г. н.э.

Рис. 72. Сосуд сероглиняный лощеный с зооморфной ручкой. Слой пожара 240 г. н.э.

Рис. 73. Гуттусы из детского погребения. I в. н.э. Глина

Рис. 74. Маска юного Диониса. Детское погребение I в. н.э. Глина

Афродиты, сидящей на скале, исполнялся коропластами в различных композициях, начиная с эпохи раннего эллинизма⁸⁵. Диспропорции в изображении, неловкая передача сидячей позы, грубость отдельных деталей, — все это, как и сопровождающие находки из погребения, позволяют отнести терракотовую группу к рубежу нашей эры — первой половине I в. н.э.

Не менее популярным был образ Афродиты Анадиомены — богини, выходящей из морской пены и отжимающей волосы. Такая терракота Афродиты с дельфином у левой ноги была найдена в дромосе каменного склепа, который использовался с IV в. до н.э. по III в. н.э.; терракота фрагментарна, отсутствует голова (рис. 76, высота 17 см). Руки богини подняты вверх к волосам, по правому боку спускается покрывало, на груди круглый медальон. Аналогичная трактовка образа Афродиты популярна на Боспоре⁸⁶.

Рис. 75. Афродита с Эротом около гермы Приапа. Погребение I в. н.э. Терракота

Рис. 76. Афродиты Анадиомены с Дельфином. Статуэтка. I в. н.э. Терракота

Рис. 77. Юноша, опирающийся на колонку. Погребение I в. до н.э. Терракота

Из могилы горгипсийского некрополя происходит фигурка, относящаяся к широко распространенному на Боспоре типу терракот, — обнаженный юноша стоит на полой овальной подставке, опираясь на колонку с профилированным низом (в иных репликах: на алтарь или герм), левая нога расслаблена, лицо широкое, голова не покрыта. Через полусогнутые локти рук за спиной перекинут плащ. Мускулатура тела не проработана, в пропорциях очевидны нарушения (рис. 77, высота 16 см). Глина статуэтки местная — светло-оранжевая, тонкая, с большим количеством мелких блесков, темных и красноватых включений. Статуэтка найдена вместе с низкой бисера, сделанного из тянутой стеклянной трубочки (техника характерна для эпохи позднего эллинизма и первых веков нашей эры). Аналогичная фигурка была обнаружена еще в одной горгипсийской могиле I в. до н.э.⁸⁷ Три фигурки юношей с плащом в близкой композиции, но в зеркальном исполнении, также из Горгипсии, датированы Кругликовой I в. до н.э. и отнесены к местным⁸⁸. Поза юноши около колонки иногда трактуется как поза печали, особенно если сюжет представлен на надгробных стелах; при этом рассматривается семантика самой колонки как некоего символа разделения двух миров, космической оси, подобно колонне или дереву в сценах с геральдическим размещением коней и других персонажей (это, возможно, объясняет находки таких терракот на некрополе⁸⁹).

За пределами городища обнаружен сброс votивных предметов, видимо, из располагавшегося поблизости святилища; в музей поступило свыше ста фрагментов протом — погрудных изображений богинь плодородия Деметры и ее дочери Коры-Персефоны, а также части сосудов с посвященными граффити кругу персонажей, связанных с этим культом. Не удивительно, что в городе, вывозившем в больших количествах хлеб, покровители земледелия пользовались большой популярностью. Открытие места поклонения свидетельствует об официальном характере в городе культа богинь плодородия. Находка датируется IV—II вв. до н.э., на рубеже тысячелетий место святилища занял некрополь. Среди терракотовых протом выделяется уникальный крупный экземпляр, представляющий Деметру в спадающем с головы по-

Рис. 78. Протома Деметры-Коры. Эллинизм. Терракота

Рис. 79. Отдыхающий Геракл. IV–III вв. до н.э. Терракота

Рис. 80. Мужчина в одежде местного образца. Статуэтка. Слой пожара. 240 г. н.э. Терракота

крывале, с символами около груди (стебельки растений), в парадном одеянии с длинной кистеобразной серьгой местного образца (рис. 78, высота 27 см). Все типы протом, найденных в горгипийском святилище, имеют средиземноморские прототипы VI–V вв. до н.э. и относятся к распространенным в Северном Причерноморье образам⁹⁰.

Из помещения IV–III вв. до н.э. происходит фрагментарная крупная терракота, изображающая отдыхающего Геракла (рис. 79, длина 37,5 см). Он полулежит, опираясь на левую руку. Фигура размещалась на подставке, от которой сохранился след вдоль левой ноги. Подобные изображения Геракла известны в Херсонесе, иконография образа предполагает в правой руке канфар⁹¹. В горгипийском склепе (1975 г.) с фресками, повествующими о подвигах Геракла, найден фрагмент скульптуры — рука, держащая канфар. Иная реплика сюжета с отдыхающим Гераклом обнаружена в Ольвии (III в. до н.э., крупная терракота) — возлежащий Геракл опирается на голову льва⁹².

В слое пожара 240 г. н.э. была найдена часть терракотовой фигуры стоящего на плоской подставке мужчины в одежде местного образца — в короткой рубашке (или кафтане) с оторочкой и поясом, в шароварах и грубой обуви (рис. 80, высота 21 см). Грудь в треугольном вырезе окрашена красной краской, кафтан на груди сохранил следы черной краски. Подобную одежду, проработанную более детально, можно видеть на ранних произведениях торевтики, изображающих скифов⁹³, общий облик которой, видимо, веками не менялся.

Изделия из бронзы в коллекции Анапского музея составляют обширную и разнообразную группу предметов утилитарного назначения и культовой направленности. Это кувшины, пиксиды, светильники, курильницы, инструменты для тонких работ, гири и детали весов, ключи, замковые пластины, шкатулки, стрелы, стригили, предметы конской сбруи, части мебели, гвозди, статуэтки, украшения и предметы туалета (перстни, фибулы, браслеты, броши, серьги, бусы, пряжки, зеркала, «копоушки»). Кувшины, пиксиды и зеркала могут быть украшены гравировкой; детали мебели, сливы и ручки

Рис. 81. Бюст богини Изиды. Слои пожара 240 г. н.э. Бронза

Рис. 82. Фигурка Гермеса. I в. н.э. Бронза

Рис. 83. Фигурка Юпитера. I в. н.э. Бронза

Рис. 84. Фигурка Геракла. I в. н.э. Бронза

Рис. 85. Эрот. Статуэтка. I в. н.э. Бронза

кувшинов нередко дополнены фигурными изображениями; фибулы-броши, инвентарь палестрита, курильницы расцвечены эмалями. Среди этого разнообразия отметим несколько предметов.

В слое пожара дома, сгоревшего в последнем городском пожаре 240 г. н.э., найден бронзовый бюст богини в хитоне с плащом в виде валика на левом плече (рис. 81, высота 9,1 см). Пряди волос разделены прямым пробором, зачесаны назад и собраны в пучок на затылке. Над волосами прикреплен полумесяц и три колоса или пера (их концы отломаны). Подставка-шар соединена

с лицевой стороной бюста и покоится на плоском круге. Снизу до шеи фигурка полая, спина ниже плеч срезана. Подобный головной убор характерен для изображений египетских богов Исиды и Беса. находка издана Кругликовой⁹⁴. Она предположила, что культ Исиды проник в Горгипсию с моряками из Александрии Египетской, товары которой встречаются в Горгипсии на протяжении веков, и назвала ближайшей аналогией горгиппийской Изиде статуэтку из пантикапейского склепа 1817 г., определенную П. Дюбрюксом Дианой; она также подробно рассмотрела прическу богини, найдя ей параллели на римских монетах первой четверти III в. н.э.

Отметим также фигурку обнаженного Гермеса (Меркурия) из перемещенного культурного слоя первых веков нашей эры на городище (рис. 82, высота 6,5 см). В руках бога кадуцей (средоточие волшебной силы), на голове маленькая дорожная шапочка — петас, на правом плече плащ. Сохранность предмета плохая: поверхность коррозирована, утрачены ступни ног и кисть правой руки, в которой часто изображали еще один атрибут бога — кошель. Бронзовые фигурки Гермеса-Меркурия в петасе с плащом, кошельком и кадуцеем в первые века нашей эры пользовались популярностью во многих центрах античного мира⁹⁵. Из Горгиппии происходит еще одна статуэтка Гермеса, но в лучшем исполнении и хорошей сохранности⁹⁶. В культурном слое Горгиппии найдены миниатюрные бронзовые статуэтки Юпитера (рис. 83, высота 9,5 см), Геракла (рис. 84, высота 11 см) и крылатого Эроса (рис. 85, высота 14,5 см). По типу все бронзовые статуэтки из Горгиппии близки многочисленным бронзовым изображениям, изготовлявшимся в италийских мастерских с I в. до н.э., ставшим популярными в западно-римских провинциях со II в. н.э. Горгиппийские фигурки близки мелким бронзам из Танаиса, где они найдены в комплексах первой половины III в.⁹⁷ Интересен бронзовый цилиндрический сосуд на подставке с ножками и краном в виде мужской головы (Диониса?) из помещения, сгоревшего в 240 г. Через открытый рот при повороте вставленного в голову стержня выливалась вода или вино (рис. 86, размер: 3,8 × 3,9 см). Такой сосуд могли использовать подобно самовару, ставя на жаровню и подкладывая снизу угли. Бронзовые сосуды, соединенные с жаровнями, известны в Помпеях⁹⁸.

Отметим маленькую бронзовую фигурку орла из погребения горгиппийского некрополя (высота 4,5 см). Птица гордо стоит на плоской подставке со сложенными крыльями, на которых слегка обозначено оперение. Возможно, изделие являлось частью какого-то более крупного предмета или служило амулетом. Других изображений орлов в Горгипсии неизвестно. Между тем, римский орел — символ Юпитера, военной мощи и знак римских легионов — известен в Причерноморье на некоторых вещах первых веков нашей эры там, где стояли римские легионы⁹⁹.

В коллекции Анапского музея заслуживают внимания и некоторые скульптурные изваяния. В слое пожара III—II вв. до н.э. была найдена фигура Тихе (богини Судьбы и Случая) из мрамора или мраморовидного известняка (камень пострадал в огне). Богиня величественно сидит в кресле с высокой спинкой. Над пышной прической — калаф, рукав хитона с прорезями скреплен украшениями, с правого плеча спускается покрывало, слева к плечу тянется рог Амалфеи (рис. 87, высота 43 см)¹⁰⁰. В конце эллинистической эпохи богиня изображается с атрибутами Великой матери — с фиалой и в калафе¹⁰¹. Этот синкретизм культа нашел отражение и в Горгипсии, где описываемое каменное изваяние Тихе найдено вместе с терракотовой фигуркой Великой матери, формой для оттиска других таких же фигурок, статуэткой беременной женщины, глиняными птицами культового назначения и глиняной формой для

Рис. 86. Кран сосуда в виде головы Диониса (?). Слой пожара 240 г. н.э. Бронза

Рис. 87. Богиня Судьбы (Тихе) с рогом Амалфеи. Эллинизм. Мрамор

Рис. 88. Горгона в облике юной девы. Сырцовая гробница, рубежа V–IV вв. до н.э., пос. Уташ. Слоновая кость

оттиска терракотового изображения сидящего перед чаном Силена. Тихе приписывали функции богини-предсказательницы. Павсаний (II. 20. 3; IX. 39. 4) сообщает, что в храмах ей посвящали игральные кости. В Горгиппии также вместе с мраморным изображением богини обнаружен набор игровых костей, среди которых одна с граффити «дарю». Близкое описываемому изваяние Тихе в той же традиционной позе величественно сидящих богинь хранится в Ватикане (Тихе Антиохийская, эпохи эллинизма)¹⁰².

В завале камней мешаного культурного слоя городища находилась мраморная фигура закутанного в гиматий стоящего бородатого мужчины с волосами до плеч (высота 26 см). Отсутствие атрибутов не позволяет, к сожалению, отождествить это изображение ни с одним из известных персонажей.

Среди находок в окрестностях Анапы отметим пластины из слоновой кости из ограбленного в древности сырцового склепа рубежа V–IV вв. до н.э., раскопанного на поле с высокими курганными насыпями около пос. Уташ¹⁰³. От пышного погребального инвентаря в гробнице уцелело несколько золотых нашивных бляшек. Костяными пластинами был инкрустирован деревянный саркофаг или погребальное ложе. Среди них — разнообразные резные и точеные орнаменты, фигуры животных, лики персонажей. Пластины покрыты тончайшей гравировкой, некоторые окрашены сыпучими голубой и красной красками. Костяные фрагменты передают миф о Персее, обезглавившем Медузу Горгону, единственную смертную из трех сестер Горгон. От этого сюжета сохранилось изображение поверженной на скалы и обезглавленной Медузы и одной из ее сестер Горгон, представленной в облике крылатой юной девы в короткой подпоясанной одежде, осторожно карабкающейся по скалам (рис. 88, высота 11,8 см). Тончайшей гравировкой переданы пряди коротких

волос, пальцы руки, черты лица, оперение крыльев, складки одежды, неровности стилизованной скалы. Архаическая трактовка Горгон в виде страшилищ с высунутыми языками и змеями вместо волос (такой рисует голову Горгоны Гомер и чернофигурные росписи на античных вазах) в период классики уступила место образам прекрасных и сильных дев¹⁰⁴.

Художественные изделия из слоновой кости в Северном Причерноморье единичны. Например, великолепная пластина из слоновой кости с гравировкой из курганов Куль-Обы и Большой Близницы¹⁰⁵ или уташская находка — уникальны. Разрушенный комплекс уташской гробницы датируется рубежом V—IV вв. до н.э. по аналогиям для уцелевших золотых нашивных бляшек и конструкций погребального сооружения во II, IV и V Семибратних курганах, относимых к середине и второй половине V в. до н.э., а также в VI кургане, некоторые находки из него датируются началом IV в. до н.э.¹⁰⁶

Таким образом, коллекция Анапского музея содержит разнообразные материалы, характеризующие все стороны жизни одного из наиболее крупных городов Боспора — Горгиппии. В ее составе немало уникальных предметов.

¹ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914 (далее: АДЖ). С. 83; Атлас. СПб., 1913. Табл. XXVII, 1; XXIX—XXXI (на таблицах Атласа АДЖ изображены две полосы ов вместо одной из них с лесбийским киматием по тексту описания); Bulard M. Peintures murales et mosaïques de Délos. P., 1908.

² Пичикян И.Р. Боспорские антаблемнты первых веков нашей эры // СА. 1975. № 1. С. 186, рис. 10, а, б; Он же. О методике реконструкций античных фасадов по архитектурным фрагментам // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 78, рис. 5; Он же. Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 243, рис. 92.

³ Сорокина Н.П. Архитектура античных государств Северного Причерноморья // ВИА. 1973. Т. II. С. 377.

⁴ Крюкова И.А., Арзаманов Г.Ф. Специфика ордерной композиции в архитектуре первых веков нашей эры (на примере находок из Горгиппии) // СА. 1988. № 2. С. 84.

⁵ Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197; Она же. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28.

⁶ Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899. С. 35, 43.

⁷ Воцинина А.И. Античное искусство. М., 1962, рис. 130; Blümel C. Antike Kunstwerke. В., 1953. Bd. 26.

⁸ Кобылина М.М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 12; Савостина Е.А. Об архитектурных фрагментах из Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1980. [Т.] 1. С. 69.

⁹ Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 19.

¹⁰ Alekseeva E.M. Les Fresques du IIIe s. de n.è. provenant d'un tombeau de l'antique Gorgippia (Royaume du Bosphore) // La peinture funeraire antique. IV siècle av. J.-C. — IV siècle apr. J.-C. P., 2001. P. 189—193.

¹¹ Robert C. Die antiken Sarkophag-Reliefs. В., 1904. № 120, 126, Taf. XXXIII—XXXV; Wiegartz R. Kleinasiatische Saulensarkophage: Untersuchungen zum Sarkophagtypus und zu den figurlichen Darstellungen. В., 1965; Акимова Л.И. Трансформация греческих мифов в позднеантичном искусстве (цикл «Подвиги Геракла») // СГМИИ. 1991. Вып. 9. С. 10—15.

¹² Robert C. Die antiken Sarkophag-Reliefs. № 101, 103, 107, 110; Акимова Л.И. Трансформация греческих мифов... С. 12.

¹³ Pfister F. Herakles and Christus // ARW. 1937. 34. S. 42—60; Акимова Л.И. Трансформация греческих мифов... С. 30.

¹⁴ Lawrence M. The Velletri Sarcophagus // AJA. 1965. 69. P. 69, pl. 45—54.

¹⁵ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1982. Вып. Г1-12. Табл. 48, 27—47, 53.

¹⁶ Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 101—108.

¹⁷ АДЖ. С. 236, 243, 275; Атлас. Табл. LXV, 2; LXXI, 1.

¹⁸ АДЖ. С. 226, 241, 291, 344, 377, 389; Атлас. Табл. LVII, LXIII—LXV, LXXIII—LXXVI.

¹⁹ АДЖ. С. 265, 291, 345, 374; Атлас. Табл. LXIX, LXXII, LXXIV, LXXV, LXXVIII, LXXIX.

²⁰ Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30. С. 51, табл. 9, 12.

²¹ Ising C. Roman Glass from Dating Finds. Croningen; Djakarta, 1957. P. 23—24; Fremersdorf F. Alexandrische Bundglas aus seiner Grabummauerung in Köln // Germania. 1932. 16. S. 284—285; Купина Н.З. Группа полихромных стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея // СА. 1970. № 3; Она же. Античное стекло в собрании Эрмитажа. Гос. Эрмитаж, 1997. Кат. № 95—97; Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгиппии. М., 2007. С. 54.

²² Алексеева Е.М. Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии // ПАК. М., 1986. С. 118; Marshall F.H. Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the Departments of

- antiquities, British Museum. London. 1907. Pl. XXXI. № 495, 804, 1169, 1174; Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. München; Hannover. 1968–1971. Bd. III. Taf. 6, № 45; Bd. IV, № 777.
- ²³ Шелов Д.Б. Тамга Римиталка // КАМ. М., 1966. С. 268; Соломо-ник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев., 1959. С. 22–24.
- ²⁴ АДЖ. С. 377, рис. 67.
- ²⁵ Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора: семантика, структура // СГМИИ. 1992. Вып. 10: Археология и искусство Боспора. С. 357.
- ²⁶ Болтунова А.И. Надписи Боспора: (заметки и публикации) // ВДИ. 1959. № 4. С. 96, рис. 5; КБН 1197.
- ²⁷ В идейно-художественной системе стел взаимосвязаны все элементы. Ими пользовались как символами для объяснения сюжета. Сюжеты разных частей многоярусных стел могут быть рассмотрены с разных точек зрения и каждому из них посвящена обширная литература. Так, сцена загробного пира трактуется исследователями как изобразительная формула апофеоза героизированного умершего, который обрел блаженство в вечном и неизменном загробном мире (вечный пир символизирует жизнь без конца). Фигуры всадников на надгробиях нередко трактуются как метафора перехода в бессмертие, как образ пути в вечность. Соединение частей в многоярусных надгробиях не случайно и диктуется семантическим фоном семьи — положение, которое занимал представляемый стелой персонаж, определяло выбор сюжета и место размещения его на стеле. Маленькие фигурки людей изображают слуг, облик бородатого мужчины подчеркивает его зрелый возраст. См.: Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора... С. 360, 368, примеч. 14, 19.
- ²⁸ К—W. № 670, 703.
- ²⁹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. Табл. 107, 11.
- ³⁰ АДЖ. Атлас. Табл. LXXX, 1; LXXXII, 1 (росписи керченских склепов: павлины в склепе пигмеев, пантеры в склепе 1872 г., лошади в склепе Анфестерия); а также козляки на люнете анапского склепа 1975 г. Сцены с геральдическими композициями трактуются как сим-волика космоса (мироустройства по философии древних). В этой символике дерево или тирс между животными воспринимаются как ось, разделяющая два мира. См.: Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора... С. 369.
- ³¹ KW. № 763. Т. 55; КБН 496.
- ³² Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1982. [Т.] II. С. 106, рис. 60.
- ³³ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э. М., 1970. С. 138–139.
- ³⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г1–12. С. 36, табл. 6, 4. Тип 27.
- ³⁵ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре // КАМ. М., 1966. С. 247; Он же. Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 187.
- ³⁶ Шелов Д.Б. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. Т. I. С. 208.
- ³⁷ Крушкoл Ю.С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. № 4. С. 61; Зограф А.Н. Античные монеты Северного Причерноморья // МИА. 1951. № 16.
- ³⁸ Нестеренко Н.Д. Клады Горгиппии // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 85; Он же. Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 74.
- ³⁹ Салов А.И. Археологические находки в Анапе // СА. 1962. № 2. С. 215.
- ⁴⁰ Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет III в. до н.э. — 238 г. н.э. из древней Горгиппии (Анапа. 1987) // ВДИ. 1996. № 2. С. 44.
- ⁴¹ Кунина Н.Э. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. С. 29; Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 56, табл. 17.
- ⁴² Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Краснодар. 1982. [Т.] II: Материалы Анапской археологической экспедиции. С. 75.
- ⁴³ Pfeffer W. von, Haevernick T.E. Zarte Rippenschalen // Saalzburger Jahrbuch. Bd. 17. S. 76–88; Кунина Н.Э. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор // ТГЭ. 1984. Вып. XXIV. С. 152.
- ⁴⁴ Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгиппии. М., 2007. С. 79, табл. 63, 2; рис. 20.
- ⁴⁵ Morin-Jean. La verrerie en Gaul sous l'empire Romain. P., 1913. P. 153, ff.; Isings C. Roman Glass from Dating Finds. Djakarta, 1957. Form. 98; Кунина Н.Э. Античное стекло в собрании Эрмитажа. Кат. № 132–152.
- ⁴⁶ Кунина Н.Э., Сорокина Н.П. Стеклые бальзамарии Боспора // ТГЭ. 1972. Вып. XIII. С. 161, рис. 8, 7, 11; Кунина Н.Э. Античное стекло в собрании Эрмитажа. Кат. № 253–256.
- ⁴⁷ Alekseyeva E.M. Gorgippia: A Bosporan Polis in Ancient Sindike // Expedition. 1994. Vol. 36. № 2–3. S. 50–53.
- ⁴⁸ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1–30. Табл. 5, 16.
- ⁴⁹ Браслеты: Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96. С. 163, рис. 32; Книпович Т.Н. Танаис. М.; Л., 1949. С. 60, рис. 17, ф; Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98. С. 31, табл. XXXVIII, 4, а; Арсеньева Т.М. Могильник у деревни Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970. С. 138, табл. 8, 4; 13, 15. Серьги: Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 137, табл. XXXI, 1, 3, 5; Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 19, рис. 13, б.
- ⁵⁰ Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 21, 84, рис. 14, 48; Крушликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. Краснодар, 1982. [Т.] II. С. 126, рис. 6, 2.
- ⁵¹ Галанина Л.К. Впускное погребение I в. н.э. Курджипского кургана // СА. 1973. № 2. С. 54, рис. 1, 10; Гущина И.И. Изображение женского божества на бляшках из погребений Бельбекской долины Крыма // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы. М., 1978. С. 25, рис. 1, 3; 3, 4.

- ⁵² Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. Табл. 46, 12.
- ⁵³ Димитрова-Милчева А. Античные геммы и камни от национальных археологических музеев в София. София, 1980. С. 44, № 52.
- ⁵⁴ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. Табл. 65; 67, 1; 68, 1; 69; 70, 4, 5; Она же. Анапа: Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. — III в. н.э.) // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 11.
- ⁵⁵ Копейкина Л.В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике: (по материалам раскопок на о. Березань) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 13.
- ⁵⁶ Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М., 1985. Табл. 14 (24).
- ⁵⁷ Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже: Каталог. Л., 1983. С. 67—79; Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 52; Кат. № 50; Boardman J. Athenian Black Figure Vases. L., 1974. No. 283.
- ⁵⁸ Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Кат. № 37; Вальдгауер О.Ф. Императорский Эрмитаж: Краткое описание собрания античных расписных ваз. СПб., 1914. № 216.
- ⁵⁹ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 45, 53; Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. № 53, 54.
- ⁶⁰ Цветаева Г.А. Расписная керамика из Горгиппии: (по материалам раскопок 1960—1972 гг.) // Горгиппия. [Т.] I. С. 86—88.
- ⁶¹ Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 270—272; Фармаковский Б.В. Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн. СПб., 1902. № 201; Collignon M. Catalogue des vases peints du Musée national d'Athènes. P., 1902—1908. P. 597.
- ⁶² Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 18. С. 160.
- ⁶³ АДЖ. Атлас. Табл. XXVIII, 9.
- ⁶⁴ Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 94.
- ⁶⁵ Салов А.И. Археологические находки в Анапе. С. 217, рис. 3; Кругликова И.Т. О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 1962. № 2. С. 221; Она же. Анапа 2500 лет. Геленджик, 2007. С. 55. Описываемый чернолаковый светильник найден в 1958 г. при случайных земляных работах на месте будущего большого раскопа, превращенного позднее в археологический заповедник «Горгиппия» в северо-восточной части городища, обнаружен среди закаленных огнем оранжевых сырцовых кирпичей, скопление которых было истолковано как гончарная печь. Раскопки 1977 г. выявили на этом месте подвал дома со слоем пожара внутри него, где гончарной печи не место (городской «керамик» с гончарными печами был открыт в 1989 г. на юго-западном краю городища).
- ⁶⁶ Кругликова И.Т. О гончарной мастерской Горгиппии. С. 221, рис. 4.
- ⁶⁷ Winter F. Die Typen der figurlichen Terracotten. В., 1903. Bd. I. S. 179, Abb. 1.
- ⁶⁸ Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49. С. 10, табл. II, 1, 7; X, 1; XI, 1.
- ⁶⁹ Кругликова И.Т. О гончарной мастерской Горгиппии. С. 222, рис. 1.
- ⁷⁰ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 171, рис. 24, 1 (Тиритака, эллинизм); Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 27—32.
- ⁷¹ Дремсизова Ц. Терракоты из некрополя на Аполония // Аполония. София, 1963. С. 277, табл. 138, 803; Завойкин А.А. 00ε: двойственность и троица на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // ДБ. М., 2003. Вып. 6. С. 106—107, 118, рис. III, 2.
- ⁷² Соколова Е.К. Краснолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея // ТГЭ. 1984. Т. XXIV, 6. С. 128—130, табл. I, 6, 7.
- ⁷³ Alexandrescu P. Necropola tumulara Sapaturi, 1955—1961 // Histria. Bucuresti, 1966. Vol. 2. P. 221, № 1; Van Buren A.W. New Items from Rome // AJA. 1937. 41. P. 491, fig. 8.
- ⁷⁴ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. Л., 1949. С. 388—389.
- ⁷⁵ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. Табл. 143.
- ⁷⁶ Сорокина Н.П. Религия и короластика в античности // Тр. ГИМ. М., 1991. Вып. 91.
- ⁷⁷ Скалон К.М. Изображения животных на керамике сарматского периода / Государственный Эрмитаж. Л., 1941. С. 173. (ТГЭ; Т. I).
- ⁷⁸ Кастанаян Е.Г. Сарматские сосуды из Тиритаки // СА. 1951. № XV. С. 248; Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. № XV. С. 176; Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69. С. 210; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. 1963. Вып. VI. С. 190, 209.
- ⁷⁹ Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2. С. 69—84.
- ⁸⁰ Цветаева Г.А. Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1968. № 1. С. 138; Она же. Охранные раскопки в Анапе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 107; Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев // Тайны терракоты: Памятники культуры Кубани. Краснодар, 1987. С. 124—125, 151, Кат. № 51—52.
- ⁸¹ Сорокина Н.П. Религия и короластика в античности. С. 76, табл. IV, 4.
- ⁸² Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ. М., 1969. Вып. Г1—17. Табл. 48.
- ⁸³ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. Табл. 184, 48; 198, 179.
- ⁸⁴ Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 78, рис. 44.
- ⁸⁵ Например: Силантьева Л.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. 1974. Вып. Г1-11. С. 11—12, табл. 25—26; Завойкин А.А. Афродита на святилище Деметры и Коры // БФ: скральный смысл региона, памятни-

- ков, находок. СПб., 2007. С. 179, 181. Рис. 1, 2.
- ⁸⁶ Кобылина М.М. Терракоты Северного Причерноморья // САИ. 1970. Вып. Г1-11, ч. 2. Табл. 23, 3.
- ⁸⁷ Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии. С. 30, рис. 18.
- ⁸⁸ Кругликова И.Т. Терракоты из Горгиппии // САИ. 1974. Г1-11. С. 45, табл. 55, 10.
- ⁸⁹ Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора... С. 362, 369.
- ⁹⁰ Цветаева Г.А. Новые данные об античном святилище в Горгиппии; Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. С. 32, 44; Она же. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—I вв. до н.э.). Киев, 1983.
- ⁹¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. Табл. 175; Щеглов А.Н. Геррак отдыхает // Херсонес Таврически: Ремесло и культура. Киев, 1974. С. 51.
- ⁹² Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. С. 141–142.
- ⁹³ Например, гребень из кургана Солоха: Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987. Кат № 34; гривна кургана Куль-Обы: Schiltz V. Les Scythes et les nomades des steppes. P., 1994. P. 102, 103, 120.
- ⁹⁴ Кругликова И.Т. Бронзовый бюст Изиды из Горгиппии // КСИА. 1971. Вып. 128. 1971. С. 93, рис. 38.
- ⁹⁵ Boucher St., Tassinari S. Bronzes antiques. Lyon, 1976. № 129, 130, 137, 138.
- ⁹⁶ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. Табл. 176.
- ⁹⁷ Арсеньева Т.М. Новые находки итальянских и западноримских изделий из Танаиса // Проблемы античной культуры. М. 1986. С. 129.
- ⁹⁸ Кругликова И.Т. Анапа 2500 лет. С. 50.
- ⁹⁹ Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979. С. 41–42, 79.
- ¹⁰⁰ Алексеева Е.М. Культы Горгиппии // СА. 1986. № 4, рис. 7.
- ¹⁰¹ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // САИ. 1974. Вып. Г1-11, ч. 1. С. 17.
- ¹⁰² Collignon M. Histoire de la Sculpture Grecque. P., 1897. T. 2. Fig. 253.
- ¹⁰³ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. С. 30–33, табл. 50.
- ¹⁰⁴ RE. Vol. VII. S. 1650.
- ¹⁰⁵ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Ленинград; Прага, 1966. Табл. 257–262, 301–303.
- ¹⁰⁶ Герцигер Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 72–76; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 92.

ТЕМРЮКСКИЙ ИСТОРИКО- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Д. В. ЖУРАВЛЕВ, Л. А. ИЛЬИНЫХ

Темрюкский историко-археологический музей — один из старейших музеев Краснодарского края — был создан в 1920 г. Инициаторами его организации были учителя города во главе с краеведом и исследователем Таманского полуострова С.Ф. Войцеховским. Первоначально музей назывался естественно-педагогическим, а с 1924 г. получил статус краеведческого.

Уже в начале 1930-х годов фонды музея насчитывали около 15 тыс. экспонатов, и археологическое собрание было наиболее значительным среди всех коллекций. Документация тех лет не сохранилась, но была опубликована краткая информация А.С. Башкирова о фондах музея: «В музее Темрюка была изучена с составлением подробной описи, инвентаря и карточного каталога археологическая коллекция античной поры: керамика (75 №№), бронза (6 №№), скульптура (4 №№), монеты (141 №№). Среди коллекции есть памятники весьма интересные...»¹.

В 1931 г. музей возглавил ученик С.Ф. Войцеховского, энтузиаст краеведения Б.Л. Касьянов, который руководил музеем до начала 1950-х годов.

Музей и его коллекции сильно пострадали во время оккупации города в годы Великой Отечественной войны. Была разграблена коллекция античной керамики и бронзы, но сразу же после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков осенью 1943 г. началось восстановление музея. Многие жители, и особенно учитель В.А. Шмелев, вернули в музей вещи, которые им удалось спасти от разграбления, спрятав в своих домах. В мае 1945 г. музей распахнул свои двери для посетителей, и с этого момента начинается формирование археологических коллекций. В 1979 г. Темрюкский историко-археологический музей на правах филиала вошел в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицины.

Рис. 1. Здание аптеки, переданное Темрюкскому музею. Почтовая открытка начала XX в.

Рис. 2. Надгробие Гокона. I в. н.э.
Известняк. Кепы

Рис. 3. Надпись Савромата I. Конец
I — начало II в. н.э. Мрамор.
Фанагория

а в 1983 г. Темрюкскому музею было передано старейшее здание в городе — помещение аптеки конца XIX в. (рис. 1).

В собрании музея хранится довольно богатая и лапидарная коллекция. Один из наиболее интересных памятников — так называемая «стела Гокона»² (рис. 2). Этот памятник был случайно найден на территории некрополя Кеп. Надгробие изготовлено из мелкозернистого известняка и имеет высоту 1,36 м со втулкой (втулка 0,23 м), ширину 0,51–0,55 м и толщину 0,13–0,15 м. Этот памятник вошел также в КБН под № 1012³.

Мраморная надпись Савромата I (высота 0,14–0,203 м, длина 0,37–0,41 м, толщина 0,08 м) (рис. 3) была найдена у юго-западной границы городища Фанагории и поступила в музей в 1971 г. Текст надписи был издан Т.В. Блаватской: «Происходящий от предков царей великий царь Тиберий Юлий Савромат, сын царя Рескупорида, друг кесарей и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник Августов и благодетель отечества и основатель [отечества]...»⁴. Боспорский царь Савромат I (93/94–123/4 гг. н.э.), очевидно, возвещает о возведении им каких-то монументальных сооружений в Фанагории.

Еще один эпиграфический памятник представляет собой известняковую стелу с изображением стоящей в рост женщины в хитоне, закутанной с головой в покрывало. Рядом с ней — фигура служанки. Высота надгробия с шипом 0,58 м, ширина внизу 42 см, толщина 0,15 м. Точное место находки неизвестно. Под барельефом выбита надпись, которую В.П. Яйленко переводит: «Так вот поставил Сатирион многооплаканную супругу Майю»⁵. По его мнению, надгробие может датироваться в пределах последней трети III — первой половины II в. до н.э. и является одной из наиболее ранних эпитафий, известных на Азиатском Боспоре.

Следует указать на известняковую стелу (рис. 4), в верхней части которой изображение женщины в хитоне, сидящей в кресле с подлокотниками в виде фигурок сфинксов (высота памятника 1,06 м, ширина 0,73 м, толщина 0,21 м). По сторонам кресла — небольшие фигурки служанок, одна из них держит в руках полотенце, а вторая — ларец. От нижнего рельефа сохранилось лишь два фрагментарных изображения, одно, очевидно, мужское. Трехстрочная надпись, выбитая между двумя изображениями, была так переведена первым издателем этого памятника В.П. Яйленко: «Клеопрата, жена Гая, прохо-

жим [шлет] привет»⁶. По мнению В.П. Яйленко, по шрифту надпись близка по времени надписям Савромата I (93–123 гг.) и Котиса II (123–132 гг.).

В 1961 г. в Кечах был найден важный эпиграфический памятник⁷. Стела (61 × 52 см) имеет прямоугольную форму; на ней изображен всадник на низкорослом коне (рис. 5). У всадника справа приторочены длинное копье, лук и колчан со стрелами; между ногами коня — собака. Надпись в три строки «Царица Динамия [поставила изображение] Матиана, [сына] Заидара, памяти ради»⁸. К настоящему моменту известно всего 8 эпиграфических памятников, поставленных от имени этой боспорской царицы.

В лапидарной коллекции Темрюкского музея хранится целая серия различных акротериев. Большинство акротериев известняковые, за исключением одного мраморного, который имеет размеры 102 × 46 см и поступил из пос. Сенной в 1971 г. (рис. 6). В нижней части памятника надпись — ΜΕΝΙΠΠΟΥ.

В 1926 г. на территории «Пересыпного городища» был обнаружен акротерий⁹ (рис. 7) (некоторые исследователи отождествляли городище с греческим городом Тирамбой¹⁰). Другой акротерий (рис. 8) также с изображением листьев аканфа и тремя розетками в нижней части (66 × 45 см) поступил в музей в 1930 г.

Группа боспорских известняковых надгробий первых веков нашей эры включает в себя несколько памятников без надписей. Среди них — стела с изображением юноши (110 × 47 см), найденная в 1951 г. в пос. Сенной (рис. 9) и надгробие юноши, стоящего у колонки (место находки неизвестно) (рис. 10).

В музее хранятся два памятника синдской скульптуры IV–III вв. до н.э. Первый — надгробный памятник — представляет собой полуфигурное изображение женщины в длинном гиматии (рис. 11). Высота скульптуры 65,5 см.

Рис. 4. Надгробие Kleopatry. Конец I – II в. н.э. Известняк.

Рис. 5. Надгробие Mатиана. I в. до н.э. Известняк. Кепы

Рис. 6. Акротерий. Мрамор. Фанагория

Рис. 7. Акротерий. Известняк. Городище у пос. Пересьпь

Рис. 8. Акротерий. Известняк.

Эта случайная находка поступила в музей в 1952 г.¹¹ Голова синдского надгробия (высота 19,5 см), происходит из пос. Ильич (рис. 12). Задняя часть головы сильно обтесана. К этим памятникам примыкает надгробие с изображением заgrabной трапезы, обнаруженное в районе Ахтанизовского лимана (108 × 52 см). Точную локализацию установить невозможно: в этом районе

Рис. 9. Надгробие. Известняк. Фанагория

Рис. 10. Надгробие. Известняк

Рис. 11. «Синдское» надгробие.
Ракушечник

Рис. 12. «Синдское» надгробие.
Известняк

скульптурные изображения синдского типа известны и в крепости у Ахтанизовского лимана, раскопанной Н.И. Сокольским¹², и из фундамента часовни на вершине горы Бориса и Глеба¹³.

Боспорские антропоморфные надгробия представлены в собрании Темрюкского музея одним памятником, обнаруженным в районе Сенной в 1968 г.

Рис. 13. Надгробие антропоморфное.
Ракушечник. Пос. Сенной

Рис. 14. Надгробие иудейское с
изображением меноры.
Известняк

Рис. 15. Пелика краснофигурная.
IV в. до н.э.

Рис. 16. Пелика краснофигурная.
IV в. до н.э.

(рис. 13). Размеры надгробия 66×37 см¹⁴. Раннесредневековое надгробие (рис. 14) с изображением семисвечника-меноры (73×40 см), паспорта не имеет. Подобные надгробия обнаружены в Фанагории, Гермонассе и других памятниках¹⁵.

В Темрюкском музее хранится небольшая, но весьма интересная коллекция расписной керамики. Среди них выделяются аттические краснофигур-

Рис. 17. Ойнохоя краснофигурная. IV в. до н.э. Кепы

Рис. 18. Ойнохоя чернофигурная. 500—480 гг. до н.э.

ные сосуды «керченского» стиля, в первую очередь пелики. Еще в 1926 г. А.С. Башкиров видел в Темрюке пелику с изображением конной амазонки и эрота со щитом в руке¹⁶. К сожалению, в настоящее время этот сосуд в фондах музея не числится, и он, очевидно, пропал в годы Великой Отечественной войны. То же, видимо, можно сказать и об опубликованной В.Д. Блаватским клазоменской гидрии с изображением на плечах четырех следующих одна за другой сирен, а на тулове — двух петухов, обращенных друг к другу¹⁷.

Одна из пелик Темрюкского музея поступила в 1963 г. с паспортом «найдена на Боспоре (Таманский полуостров)» (рис. 15). Высота сосуда 27 см, диаметр тулова 16,8 см, диаметр поддона 11,5 см. Верхняя часть сосуда сколота. На лицевой стороне пелики изображен бой конной амазонки с греком; на оборотной — две фигуры юношей в гиматиях, лицом друг к другу. Сосуд может датироваться 330—320 гг. до н.э. и относится к продукции мастерской Грифонов¹⁸.

Вторая пелика происходит, согласно списку, из «комплекса случайных находок в километре от кургана Большая Близница» в 1952 г. (рис. 16). Высота сосуда 26,5 см, диаметр тулова 16,5 см, диаметр поддона 9,5 см. Венчик пелики утрачен. На лицевой стороне — изображение протомы коня, амазонки и грифона в профиль влево. На оборотной стороне изображены две фигуры в гиматиях, обращенные лицами друг к другу. Сосуд датируется 320—300 гг. до н.э. и, по мнению И.В. Шталь, является работой неизвестного ранее мастера, названного «мастером Темрюкской пелики 72/1»¹⁹. Из этого же комплекса происходит обломок верхней части другой пелики (высота 12 см, диаметр горла 9 см). На лицевой стороне — протомы амазонки, коня, грифона в профиль вправо. На оборотной стороне сохранилась верхняя часть двух фигур юношей в гиматиях, обращенных лицами друг к другу. Сосуд, по мнению И.В. Шталь, является продукцией мастерской Грифонов и относится к 330—320 гг. до н.э.²⁰

Рис. 19. Керамика краснолаковая.
I в. до н.э. — II в. н.э.

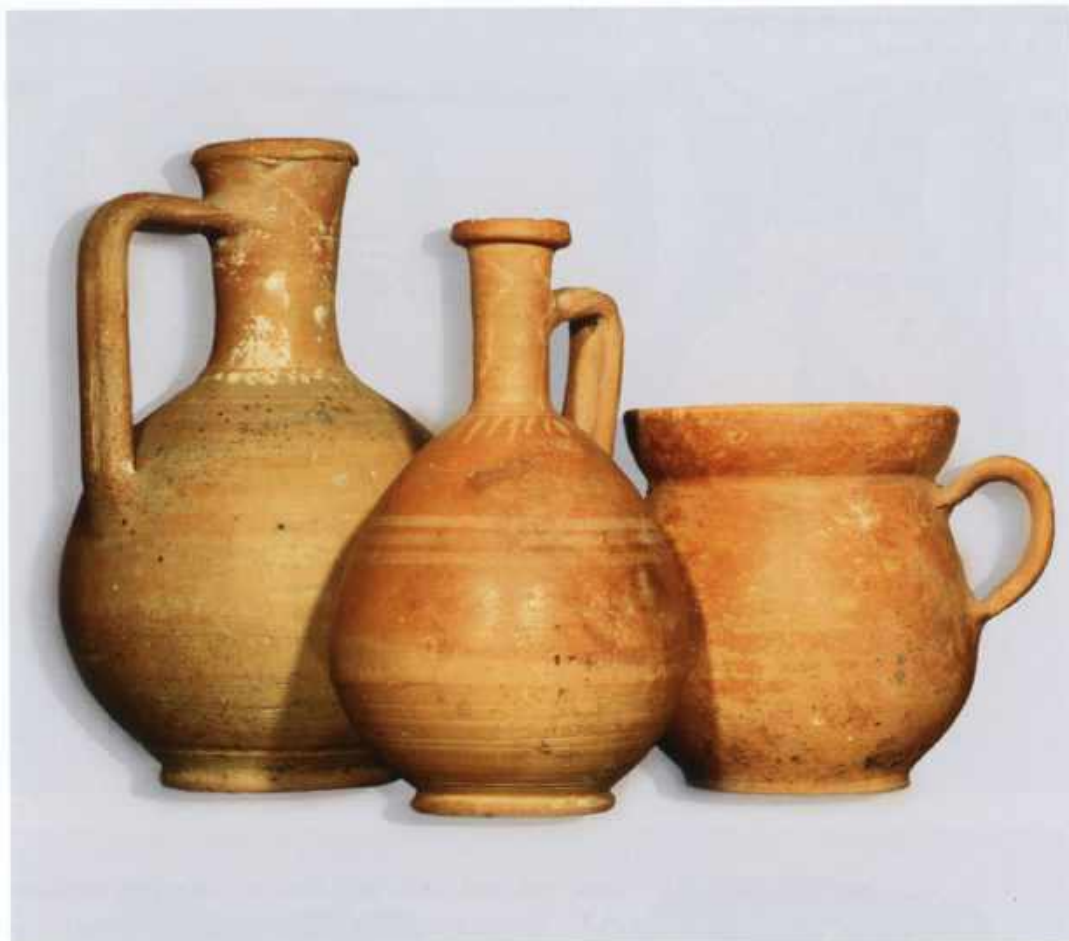

Рис. 20. Светильник. II—I вв. до н.э.
Глина. Пересыпь

Рис. 21. Светильник трехрожковый.
I в. до н.э. — I в. н.э.

В фондах музея хранится нижняя часть краснофигурной ойнохой с изображением мальчика, присевшего на корточки, в профиль вправо (рис. 17). Сосуд был найден в Керах в 1962 г. Высота сосуда 5 см, диаметр тулова 4,2 см, диаметр поддона 3,5 см. Сосуд, по мнению И.В. Шталь, является изделием «мастера толстого мальчика» и датируется второй четвертью IV в. до н.э.²¹

Рис. 22. Статуэтка. Поздний эллинизм. Терракота. Фанагория

Рис. 23. Статуэтка. Терракота. Фанагория или Кепы

Рис. 24. Амфориск. V в. до н.э. Стекло

Среди более ранних по времени сосудов конца VI в. до н.э. необходимо упомянуть чернофигурную ойнохою с изображением греческих воинов (рис. 18) (высота 22,1 см, ТKM 779). Сосуд поступил в музей в 1959 г., но точное место находки неизвестно.

В музее хранится довольно большое количество античной керамики разного времени: чернолаковой, краснолаковой, кухонной гончарной и лепной. Вся керамика архаического, классического и эллинистического времени вошла в публикацию К. Морган и К. Арафата²². Среди краснолаковых сосудов специальный интерес представляют два кувшина (высота 15,4 см и 19,2 см), украшенные орнаментом, выполненным белой краской (рис. 19). Оба сосуда происходят из неизвестного собрания и поступили в музей в 1945 г. Кувшины подобного облика известны, в частности, из некрополя Пантикапея и Ново-Отрадного²³. В целом орнаментация краснолаковых сосудов белой краской получила широкое распространение в I в. до н.э. — начале I в. н.э.²⁴ Из других краснолаковых сосудов упомянем кружку II в. н.э. с отогнутым наружу венчиком (высота 10,5 см). Она происходит из комплекса предметов, обнаруженных в 1991 г. у Кучугур.

Среди коллекции античных светильников выделяются два экземпляра. Первый — позднеэллинистический светильник (рис. 20), изготовленный в Эфесе²⁵. Размеры светильника 12 × 5,5 см; он был найден в 1961 г. в районе пос. Пересыпь. Плечи отсиснутого в форме светильника украшены овами, на рожке сохранилось рельефное изображение букrania. В Северном Причерноморье во II—I вв. до н.э. эфесские светильники преобладали среди импортной продукции²⁶. Второй светильник (рис. 21) трехрожковый (8,3 × 5,4 см) от-

носятся к I в. до н.э., возможно, первым векам нашей эры. Точное место находки неизвестно (поступил в 1954 г.). Несколько близких по форме и глине светильников происходят из Фанагории. Многорожковые светильники — типичная продукция боспорских мастерских I в. до н.э.²⁷ Светильники этого типа изначально производились скорее всего в Пантикапее, а на Азиатском Боспоре могли появиться как локальные имитации, изготовленные из местной глины.

Из терракотовых статуэток музея упомянем два экземпляра. Первая статуэтка представляет собой пару, сидящую на ложе (рис. 22). Оба персонажа одеты в длинные гиматии и остроконечные высокие головные уборы. Эта статуэтка (высота 11,8 см) поступила в музей в 1962 г. из Фанагории. Датировать ее можно позднеэллинистическим временем. Вторая терракотовая статуэтка (высота 11,6 см) представляет собой изображение обнаженной фигурки девушки (рис. 23); сбоку от нее на невысоком стуле стоит кувшин. Эта статуэтка поступила в 1961 г. из пос. Сенной, и, видимо, происходит из некрополя либо Фанагории, либо Кеп.

Наиболее интересным стеклянным сосудом в собрании Темрюкского музея является амфориск (рис. 24), изготовленный в технике «сердечника» (место находки неизвестно). Подобные сосуды изготавливались в V в. до н.э. в Восточном Средиземноморье. Их находки известны в Северном Причерноморье, в том числе и в некрополях городов Таманского полуострова — Гермонассы и Кеп, а также в Тузлинском²⁸.

Таким образом, античная коллекция Темрюкского музея, хотя сравнительно невелика, но содержит ряд важных и интересных памятников, хорошо известных специалистам и существенных для изучения античного наследия, истории и культуры Азиатского Боспора.

¹ Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Труды этнографо-археологического музея I Московского государственного университета. 1927. № 3. С. 3.

² Шляев Б.А. Стела Гокона // ВДИ. 1955. № 2. С. 175—180.

³ КБН. Альбом иллюстраций. СПб., 2004. Рис. 382.

⁴ Блаватская Т.В. Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 92—97. Мы признательны Н.В. Павличенко на указание публикаций надписей Темрюкского музея.

⁵ Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 209—213, рис. 16, 4.

⁶ Там же. С. 214—216, рис. 1в, 5.

⁷ В публикации В.П. Яйленко (Там же. С. 220) указано, что находка беспаспортная.

⁸ Там же. С. 220—224, рис. 11.

⁹ Башкиров А.С. Археологическое обследование... С. 6, рис. 5.

¹⁰ АГСП. С. 87. Ср.: Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // ДБ. 1998. Вып. 1. С. 237—249.

¹¹ Подробнее о синдской скульптуре: Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре // КАМ. М., 1966. С. 243—258; Он же. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86—96.

¹² Он же. Новые памятники...

¹³ Он же. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // СА. 1957. № 1. С. 244—246.

¹⁴ О боспорских антропоморфных изваяниях см.: Иванова А.П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. № XIII. С. 239—254; Молева Н.В. О происхождении боспорских надгробных изваяний // СА. 1991. № 2. С. 71—75.

¹⁵ См., например: Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Новые боспорские надгробия // БФ. СПб., 2001. Ч. 1. С. 170—172.

¹⁶ Башкиров А.С. Археологическое обследование... С. 3, рис. 3.

¹⁷ Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 259, рис. на с. 260 (внизу).

¹⁸ Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой живописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ: (пелики, IV в. до н.э., керченский стиль). М., 2000. № 91. С. 59—60, 172.

¹⁹ Там же. № 111. С. 68, 182.

²⁰ Там же. № 126. С. 74, 191.

²¹ Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой живописи по музеям Российской Федерации и стран СНГ: (леканы, аски, лекифы, ойнохой, IV в. до н.э., керченский стиль). М., 2004. № 6. С. 96, 229.

²² Morgan C., Arafat K. Imported Fine Pottery of the Archaic-Early Hellenistic Periods in the Collection of the Temryuk Museum: (Taman Peninsula) // North Pontic Archaeology: New Discoveries and Studies. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 365-397.

²³ Соколова Е.К. Краснолаковые лагноты римского времени из некрополя Пантикапея (собрание Эрмитажа) // ТГЭ. XXIV. 1984. С. 130—134, табл. II. См. также: Арсеньева Т.М.

- Могильник у деревни Ново-Отрадное // МИА. 1970. № 155: Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. Табл. 14, 7.
- ²⁴ Журавлев Д.В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007. С. 285–287.
- ²⁵ Об эфесских светильниках см.: Howland R.H. Greek Lamps and Their Survivals. The Athenian Agora. Princeton, 1958. Vol. IV. P. 166–170; Bailey D. Catalogue of the Lamps in the British Museum, London. L., 1975. I: Greek, Hellenistic and Early Roman Pottery Lamps. P. 88–112.
- ²⁶ Вальдгауер О. Императорский Эрмитаж: Античные светильники. СПб., 1914. Табл. VIII, 92, 94, 96; Арсеньева Т.М. Светильники Танаиса. М. 1988. Табл. 4; Chrzanowski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow. Roma, 1998. N 12. P. 47.
- ²⁷ Журавлев Д.В. Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 131–149; Он же. О керамическом производстве Боспора в позднеэллинистическое время // Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. 2005. № 1. С. 235–254; Zhuravlev D., Zhuravleva N. Bosporan Late Hellenistic Multinozzled Lamps // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. Oxf., 2002. P. 1–12.
- ²⁸ Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов V в. до н.э. на Таманском полуострове // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 76–88; Кунина Н.З. Стеклянные сосуды из некрополей Таманского полуострова в Эрмитаже // ТС. СПб., 2002. Вып. 4. С. 112–116; о технике сердечника см.: Grose D.F. Early Ancient Glass. N.Y., 1998. Fig. 4; Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. С. 26–29.

НОВОРОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

А.А. МАЛЫШЕВ, А.В. ШИШЛОВ

В 1916 г. по инициативе Черноморского вице-губернатора Л.А. Сенько-Поповского в Новороссийске был создан Музей природы и истории Черноморского побережья Кавказа. Основу его фондов составили предметы старины, собиравшиеся и хранившиеся в городской публичной библиотеке с 1894 г., а также коллекция по палеонтологии и геологии первого хранителя музея Г.Н. Сорохтина¹. В 40-е годы XX в. музей стал крупным научно-просветительским центром, его фонды насчитывали более 7 тыс. единиц хранения². В этот период пополнение археологических коллекций музея шло путем покупок или благодаря безвозмездным передачам. Среди них имеются античные монеты из собрания знаменитого керченского коллекционера И.А. Терлецкого; среди немногочисленных экспонатов, чудом уцелевших в годы Великой Отечественной войны, — серебряная чаша с изображением сцен кентавромахии (рис. 1)³. К сожалению, в годы войны большая часть коллекций музея была безвозвратно утрачена, и формирование современных фондов шло в последние полвека. В отличие от довоенного собрания археологическая коллекция создана и продолжает пополняться благодаря систематическим археологическим исследованиям.

Основа современной античной коллекции была заложена многолетними исследованиями античного культурного слоя Раевского городища, которые были начаты в 1954 г. экспедицией Института археологии под руководством В.Д. Блаватского⁴, а в дальнейшем Н.А. Онайко⁵. Большой вклад в формирование античной коллекции был сделан А.В. Дмитриевым, на протяжении ряда лет руководившим отделом археологии музея. Благодаря многолетнему научному сотрудничеству Института археологии и Новороссийского государственного исторического музея-заповедника (НИМЗ) был изучен целый ряд некрополей и поселений античного времени⁶. История региона в античную эпоху отражена в археологической экспозиции, наиболее ценные экспонаты представлены в Золотой кладовой музея.

В последние годы в археологические фонды музея регулярно поступают коллекции из античных памятников, расположенных на Таманском полуострове, исследования которых проводит экспедиция НИМЗ. Коллекции укомплектованы в основном на материалах систематических археологических исследований, и их хранение организовано по комплексам конкретных археологических памятников. Объективное представление о значимости собрания античных древностей НИМЗ можно получить, сгруппировав их по характеру материалов.

В составе эпиграфической коллекции музея 18 фрагментов надписей⁷, которые, по всей видимости, были переданы в музей еще в 1920-е годы Н.И. Веселовским, жившим тогда в Анапе. Среди новых поступлений отметим надгробие римского времени, происходящее из окрестностей Тамани (рис. 2). Оно представляет собой стелу из известняка размером 55 × 104 × 18 см. Верхняя часть, украшенная рельефом, частично утрачена. Сохранилась нижняя часть композиции. В центре изображение двух сидящих друг против друга фигур в длинных одеяниях. Левая фигура явно крупнее — это, очевидно, божество. Передние ножки трона богато украшены. Правая фигура меньших

Рис. 1. Чаша, украшенная изображением сцены кентавромахии. Серебро. Лазоревское

Рис. 2. Надгробие Асклепиада и его дочерей. II в. н.э. Известняк. Окрестности Тамани

размеров изображает умершего, кресло выполнено без особых излишеств. За умершим вырезана совсем небольшая по размеру фигурка, по-видимому, стоящего слуги. Он держит в руках какой-то ритуальный предмет удлиненной формы. Основное пространство надгробия занято пятистрочной надписью. Между строками по две разделительные линии. Текст: «Асклепиад, сын Энея, и дочери Колия и Геликониада, прощайте». Датируется памятник в пределах II в. н.э.⁸

Помимо широко известного дипинто из раскопок поселения в Широкой Балке⁹ музей располагает довольно значительной по объему (более 200 экз.) и своеобразной по своему тематическому охвату коллекцией граффити, большая часть которых датируется I в. до н.э. — первой половиной III в. н.э.¹⁰

Коллекция античной керамики позволяет проследить развитие посуды на протяжении длительного исторического периода — с VI в. до н.э. по IV в. н.э. Собрание античной амфорной тары включает 45 целых форм, которые охватывают различные периоды античной истории. В ней представлены изделия различных центров Средиземноморья и Причерноморья. Значительная часть этих амфор была поднята со дна в разных районах Черного моря (остров Змеиный, в районе мыса Утриш, Цемесская бухта) и передана рыбаками в дар музею. В частности, в экспозиции НИМЗ находится редкий экземпляр амфоры круга Клазомен архаического времени (первая половина VI в. до н.э.) (рис. 3), обнаруженный на морском дне неподалеку от Феодосии¹¹. Раскопки ряда памятников в

окрестностях Новороссийска позволили собрать представительную амфорную коллекцию (рис. 4).

Античную художественную керамику обычно отличает покрытие черным или красным лаком. Наиболее интересные образцы чернофигурной расписной керамики происходят из раскопок архаического поселения Торик (рис. 5)¹². Небольшая коллекция чернолаковой посуды, среди которой имеется и расписная керамика, сохранилась с довоенных времен. Эта керамика происходит, по всей видимости, из расположенной поблизости Анапы (древней Горгииппии).

Собрание наиболее ранних образцов (II в. до н.э.) штампованной (рельефной) керамики, состоящее из «мегарских» чаш, в коллекции музея невелико. Более значительна коллекция краснолаковой посуды из некрополей римского времени (ок. 170 экз.). В ней представлены в основном типичные для Причерноморья формы понтийской сигиллаты¹³, которые, как и вся штампованная керамика, подражали формам и орнаментации посуды, изготовленной из благородных металлов. Наиболее поздние образцы краснолаковой керамики, украшенные элементами раннехристианской символики, — позднеимперского и ранневизантийского времени — происходят из погребальных комплексов могильника Дюрсо¹⁴.

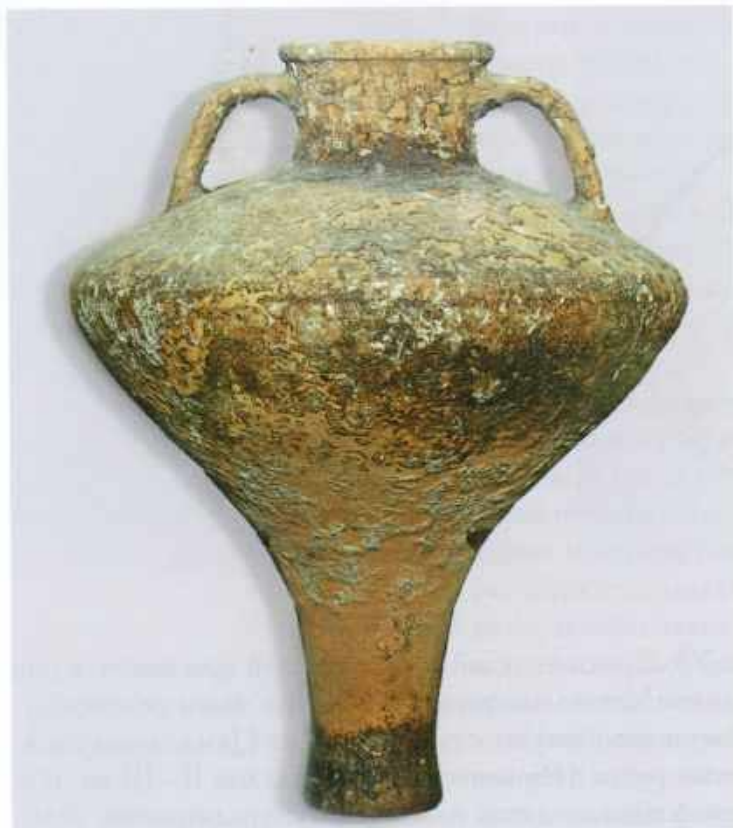

Рис. 3. Амфора «клазоменского круга». VI в. до н.э. Обнаружена в море у Феодосии

Рис. 4. Амфоры. Античные памятники в окрестностях Новороссийска

Имеется в античном собрании музея и небольшая коллекция античных терракот. Она состоит из фонда депаспортизованных предметов (довоенный фонд), среди которых протомы Деметры и Диониса, театральная маска, а также терракотовые статуэтки, обнаруженные на памятниках юго-восточной периферии Боспора (поселения Владимировка и Мысхако, Раевское городище): статуэтка Мена-Аттиса с собакой¹⁵, изображения женских божеств, например, Афродиты Апатуры¹⁶.

Рис. 5. Керамика чернофигурная. Вторая половина VI в. до н.э. Пос. Торик

В коллекции античных ламп материалы архаического времени представлены светильниками из античного поселения Торик¹⁷, но более поздние материалы (в основном римского времени) связаны с депаспортизованным фондом довоенного музея.

Рис. 6. Чаша литая. Рубеж нашей эры. Стекло. Цемесская долина

Обширно собрание стеклянной посуды – более 200 форм, ее образуют находки из Мысхакского, Широкобалкинского, Цемдолинского и Южно-

Рис. 7. Медальон. II в. до н.э. (?).
Золото. Окрестности Новороссийска

Рис. 8. Фibuла-брошь ромбической
формы. I в. до н.э. Золото. Мысхако

Рис. 9. Серьга. I в. н.э. Золото.
Мысхако

Рис. 10. Перстень с геммой
с изображением Гигиен. I в. н.э.
Золото, гранат. Южная Озерейка

Рис. 11. Перстень с геммой
с изображением Тихе-Фортуны,
державшей рог изобилия. Боспорская
мастерская, I в. н.э. Золото, гранат.
Цемесская долина

озерейкинского некрополей¹⁸. Среди изделий рубежа нашей эры имеется ряд чаш, изготовленных в технике литья: канфары, массивные чаши полусферической формы (рис. 6). Внешнюю поверхность двух чаш из Цемдолины украшают массивные поперечные ребра (Rippenchale)¹⁹. Изделия II–III вв. н.э. изготовлены в технике «свободного» дутья или в форму: традиционно велико количество разнообразных косметических флаконов, стеклянных мисочек и кувшинов. Наиболее позднюю группу образуют стеклянные сосуды, украшенные каплями цветного стекла середины IV–V в. из Восточного Средиземноморья²⁰.

Коллекция античных ювелирных изделий разнообразна; здесь хранятся материалы разных периодов античной истории; среди них как типичные изделия античных ювелиров, так и изделия, выполненные мастерами, отдаленно знакомыми с античными изобразительными традициями. Наиболее яркий

Рис. 14. Юноша с атрибутами Геракла. Статуэтка. I в. до н.э. Бронза. Мысхако

Рис. 15. Фалар со сценой, связанной с дionyсийским культом. I в. до н.э. Латунь, позолота. Цемесская долина

дит из научных раскопок, значительно (более 50 экз.). Изображения на античных геммах типичны для своего периода: архаического и классического времени — анималистические, для эллинистической эпохи — изображения египетских эллинистических правителей и божеств (например, крылатой Ники), для римского времени (27 экз.) — изображения римских божеств (Юпитера, Тихе-Фортуны, Гигиен, Эрота с луком) (рис. 10), символов (меч в ножнах, скрещенные руки), священных животных (орла, дельфина, льва). Геммы римского времени выполнены, как правило, на сердолике, реже на гранате, агате или на стекле, иногда в подражание сардониксу — на многослойном стекле (рис. 11). Отчетливо выделяется продукция боспорских мастерских, для которых характерен схематизм изображения.

Разнообразна музейная коллекция античных бронз. Бронзовый шлем аттического типа был обнаружен при строительстве железной дороги под Туапсе и передан в музей еще в октябре 1917 г.²³ Из некрополя аборигенного (керкетто-торетского) населения в Цемесской долине происходит бронзовое зеркало «ольвийского» типа. Навершие ручки зеркала украшено головкой барана (рис. 12)²⁴.

С историей находки в 1898 г. бронзового бюста Динамии на землях имения И.П. Кулешевича в развалинах античного здания в Широкой Балке²⁵ связан комплекс предметов (бронзовая ручка с маской Силена (рис. 13), бронзовые цилиндры (пиксида?), навершие канделябра, подставка под светильник). Долгое время они хранились в фондах Государственного Эрмитажа (НМ7079/1–7), а затем были переданы на постоянное хранение в фонды НИМЭ. Археологическое исследование этого комплекса Н.А. Онайко привело к открытию бронзового женского бюста-гири²⁶.

Коллекция античных художественных бронз существенно пополнилась в первой половине 90-х годов XX в., когда были проведены широкомасштабные исследования Мысхаковского археологического комплекса и некрополя в Цемесской долине. В частности, на Мысхаковском поселении были найдены деталь небольшой скульптурной композиции или декора (шкатулки?) в виде фигурки орла, статуэтка сидящего Юпитера и скульптурное изображение юноши с атрибутами Геракла²⁷ (рис. 14). В одном из аристократических захоронений Цемдолинского могильника был обнаружен комплекс бронзовых предметов — винный сервиз (патера, ойнохоя, ковш), а также комплект латунных фаларов с позолотой; в центре изображенной на них композиции — восседающий на пантере Эрот. Они изготовлены из медальонов, украшавших некогда дно бронзовых сосудов (рис. 15)²⁸.

Особое значение имеет коллекция свинцовых деталей (штоков) античных якорей, обнаруженных при подводных работах в Цемесской (в районе Шесхариса) и в Анапской бухтах, а также при подводных археологических исследованиях под руководством А.В. Кондрашева возле мыса Утриш и Тузла (рис. 16)²⁹.

Нумизматическая часть античной коллекции состоит из боспорских и римских монет разного достоинства и насчитыва-

Рис. 16. Штоки античных якорей из дерева. IV в. до н.э. — III в. н.э. Свинец. Шесхарис

ваит около 150 экземпляров. Наиболее ранняя — серебряная пантикапейская монета первой половины V в. до н.э.: лицевая сторона — голова льва впрямь, оборотная сторона — «quadratum incusum»³⁰. Монета обнаружена при исследовании погребального комплекса на горе Зеленой (Таманский полуостров) (рис. 17). Наиболее значительные нумизматические находки связаны с исследованиями Раевского городища и Мысхакского археологического комплекса. Особенностью этого района юго-восточной периферии Боспора является, по наблюдениям целого ряда исследователей, обилие находок «варварских» подражаний римским денариям³¹. Имеющиеся в фондах монеты обнаружены в культурных слоях Раевского городища, в погребениях могильника Дюрсо; одна монета передана в музей из поселка Южная Озерейка. В составе нумизматической коллекции НИМЗ хранится один клад (II в. до н.э.), обнаруженный в долине р. Куматырь (157 ед.)³².

Рис. 17. Серебряная пантикапейская монета. Первая половина V в. до н.э. Серебро. Погребальный комплекс на горе Зеленой

- ¹ С 1921 по 1930 г. сначала хранителем, а затем заведующим музея был Г.Ф. Чайковский — автор целого ряда статей о древностях Анапы и Новороссийска.
- ² Сейчас в археологических фондах НИМЗ хранится свыше 20 тыс. предметов, причем почти половина этих коллекций связана с античной эпохой.
- ³ Фармаковский Б.В. Серебряная украшенная рельефами чашка Новороссийского музея // ИРАИМК. 1921. Т. I, № 19. С. 193.
- ⁴ Блаватский В.Д. Исследование Равеского городища в 1954 году // КСИИМК. 1959. Вып. 77.
- ⁵ Общественность города Новороссийска высоко оценила вклад Надежды Анисимовны Онайко в изучение древней истории этого региона: одна из улиц города названа в ее честь.
- ⁶ Об исследованиях на территории региона, расположенного в античную эпоху на юго-востоке Боспорского государства, см. главу А.А. Малышева в этом издании.
- ⁷ Болтунова А.И. Из эпиграфических коллекций Новороссийского историко-краеведческого музея // ВДИ. 1979. № 2. С. 78.
- ⁸ Авторы глубоко признательны канд. ист. наук Н.В. Завойкиной за квалифицированную помощь в прочтении надписи и датировке надгробия.
- ⁹ Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. 1975. № 1.
- ¹⁰ Малышев А.А. Граффити на керамических сосудах как исторический источник: (на материалах юго-восточной периферии Боспора VI в. до н.э. — III в. н.э.) // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 547—562.
- ¹¹ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Саратов, 2003. Табл. 33, 5. С. 55.
- ¹² Онайко Н.А. Архаический Торик — античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. Рис. XIX—XXII; Она же. Юго-восточная окраина Боспора // АГСП. Табл. LI, II, 12.
- ¹³ Hayes J.W. Sigillate orientali // Enciclopedia dell'arte antica: Classica e orientale. Roma, 1985. Tav. XXIII.
- ¹⁴ Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V—IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV—XIII века. М., 2003. Табл. 81, 28—36.
- ¹⁵ Шишлов А.В. Терракотовая статуэтка Атгиса из некрополя Мысхако // Аргонавт: Черноморский исторический журнал. 2005. № 1. С. 52—54.
- ¹⁶ Онайко Н.А. Юго-восточная окраина Боспора. Табл. L, 7; Вяжкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Мысхако — форпост Боспора на юго-востоке // ПИФК. 1999. Вып. 10. Рис. 11.
- ¹⁷ Онайко Н.А. Архаический Торик... Рис. XXVII, XXVIII.
- ¹⁸ Опубликованы материалы Цемдолинского некрополя и некрополя в Южной Озерейке: Малышев А.А. К вопросу о хронологии Цемдолинского могильника: (стекло, краснолаковая и сероглиняная керамика) // Исторические записки: Исследования и материалы. Новороссийск, 1999. Вып. 3. С. 70—88; Шишлов А.В. Могильник античного времени у с. Южная Озерейка // Там же.
- ¹⁹ Малышев А.А. В стране аспургинан // Родина. 2001. № 5. С. 5—8; Ising C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta. 1957. P. 18—19, Form 3a.
- ²⁰ Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо... Табл. 81, 1—12; Малышев А.А. Погребения эпохи Великого переселения народов в Цемесской долине // Историко-археологический альманах... 1995. Вып. 1. Рис. 1.
- ²¹ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. — IV в. н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо... Табл. 80, 1—12.
- ²² Неверов О.Я. Металлические перстни и печати // АГСП. Табл. CLX, CLXI.
- ²³ Фармаковский Б.В. Серебряная украшенная рельефами чаша... С. 193.
- ²⁴ Онайко Н.А. Архаические памятники в районе Новороссийска и Геленджика // АО 1972 г. М., 1973. С. 143—144.
- ²⁵ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. Т. 25. С. 2.
- ²⁶ Онайко Н.А. Бронзовый бюст-гиря из раскопок античного поселения в Широкой Балке // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 73.
- ²⁷ Трейстер М.Ю., Дмитриев А.А., Малышев А.А. Уникальная бронзовая статуэтка эллинистического правителя из раскопок поселения Мысхако под Новороссийском // РА. 1997. № 4. С. 218—219, рис. 27; Малышев А.А. На юго-восточных рубежах Боспора // Наука в России. 1999. № 5. С. 85—91.
- ²⁸ Malyshev A.A., Treister M.Yu. A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age // Expedition. 1994. Vol. 36, N 2—3.
- ²⁹ Кондрашев А.В. О свинцовых штоках античных якорей // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и докл. Краснодар, 2005. С. 133, рис. 1.
- ³⁰ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI—V вв. до н.э. М., 1956. Табл. 1, 4—7.
- ³¹ Малышев А.А. Монеты «неизвестного народа» // Нумизматический альманах. 2001. № 2.
- ³² Вторая половина хранится в Анапском краеведческом музее. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Античные монеты на юге России — по материалам Краснодарского края. М., 2002. С. 210—220, табл. XXVI.

Часть XV

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ДРЕВНОСТИ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

Л. К. ГАЛАНИНА, А. Ю. АЛЕКСЕЕВ

Первые коллекции погребальных древностей местных «варварских» племен скифской эпохи с территории Прикубанья поступили в Эрмитаж во второй половине XIX в. и в настоящее время хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири¹.

Начало собранию положил комплекс чрезвычайно интересных находок, случайно обнаруженный в 1876 г. местным жителем Кириаком Спиро в кургане (?) у д. *Мерджаны*, расположенной недалеко от Анапы². Поскольку раскопки были произведены незаконно (что, впрочем, не помешало впоследствии Императорской Археологической комиссии вознаградить находчика четырьмястами рублей), то все вещи после расследования, предпринятого начальником Кубанской области, были у Спиро отобраны, отосланы сначала в Керченский музей, а затем в Археологическую комиссию, откуда в 1877 г. и были переданы в Эрмитаж. По рассказу Спиро, в лесу им была обнаружена гробница с парным захоронением, сопровождавшимся некоторыми вещами — двумя бронзовыми сфероконическими коваными шлемами³, золотым браслетом, золотыми бляшками, подвеской, фрагментированными бронзовым и серебряным сосудами и др. Самой интересной находкой, безусловно, являются части золотого ритона с изображениями женщины с сосудом в руках, сидящей на троне, и подъезжающего к ней всадника, держащего в руке питьевой рог (рис. 1). Эта находка привлекла внимание М.И. Ростовцева, опубликовавшего ее в своей известной статье «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре» и датировавшего концом IV—III в. до н.э.⁴ Впоследствии мерджанский ритон неоднократно воспроизводился в книгах, альбомах и каталогах временных выставок Эрмитажа как характерный пример местного кубанского искусства раннеэллинистической эпохи⁵. Анализировалась и содержательная сторона данной сцены, при этом обычно подчеркивалось особое значение таких элементов, как кол с конским черепом (указывающий на обряд конского жертвоприношения и хтонический характер персонажей), дерево с семью ветвями без листьев (образ мирового дерева) и др. Отмечены также связь сцены с сюжетом священного брака и близость композиции к аналогичным сценам на древних памятниках Евразии от Алтая до Фракии, включая боспорские терракоты, изображающие сидящих на троне богинь, и боспорские надгробия первых веков н.э.⁶

В последнем исследовании этого памятника, предпринятом Ю.А. Виноградовым, было установлено, что мерджанская гробница датируется, скорее всего, более поздним временем, чем обычно принято считать, а именно II в. до н.э.⁷ Этническая принадлежность данного погребения остается неясной⁸, поэтому нередко этого вопроса или не касаются вовсе, или приписывают погребение синдам⁹, а женское божество называют верховной синдо-меотской богиней¹⁰.

В 1886, 1888 гг. в нижнем течении Кубани недалеко от станицы Крымской Е.Д. Фелицыным был раскопан курган *Карагодеуашх*, под десятиметровой насыпью которого была обнаружена большая каменная гробница, состоявшая из нескольких помещений, внутренние стены которых были оштукатурены и покрыты фресковой росписью¹¹. В первой от входа камере было совершено захоронение женщины, лежавшей в деревянном саркофаге и облаченной в парадный убор, от которого сохранилось множество золотых нашивных бляшек, по расположению которых можно представить себе некоторые детали ее одежды. Высокий остроконечный головной убор украшали золотые бляшки с головой Медузы Горгоны и треугольная пластина с рельефным изображением культовой сцены — приобщение к Верховной богине (рис. 2). Шею погребен-

Рис. 1. Пластина от питьевого рога.
II в. до н.э. Золото. Мерджаны.
1876 г.

ной обвивали низки из сердоликовых, гешировых, стеклянных и костяных бус (рис. 3). На запястьях были надеты золотые браслеты с фигурами гиппокампов (морских коней) на концах (рис. 4). В руке она держала бронзовое греческое зеркало с крышкой (рис. 5). В этом же помещении находились остатки колесницы.

В четвертой камере было обнаружено погребение мужчины-воина с золотой гривной (рис. 6), в сопровождении разнообразных предметов вооружения, бронзовой, серебряной и глиняной посуды. Умерший «царь» — возможно, правитель какого-то местного племени¹² — был погребен в костюме скифского типа, расшитом золотыми бляшками. В воинском оснащении вождя преобладало оружие скифского типа: железные наконечники копий,

железный меч с золоченой рукоятью, каменный точильный брусок в золотой оправе, бронзовые трехлопастные наконечники стрел, хранившиеся в колчане и горите. К сожалению, горит сохранился в виде незначительных фрагментов серебряной золоченой накладки (рис. 7). Тем не менее именно он является едва ли не самой интересной находкой в кургане. Один из авторов публикации этого памятника, В.К. Мальмберг, основываясь на находке золотой накладки на горит из Чертомлыкского кургана, предложил свою реконструкцию размещения фрагментов. Но лишь почти через сто лет, после раскопок в 1977–1978 гг. М. Андроникосом в Северной Греции под Вергиной (территория античной Македонии, область древней столицы Эги) Большого кургана, под насыпью которого были обнаружены гробницы членов македонской царской династии, удалось как подтвердить эту реконструкцию в целом, так и уточнить ее детали¹³. В гробнице II, которая приписывается современными исследователями или царю Флиппу II, отцу Александра Македонского (был убит в 336 г. до н.э.), или, что намного вероятнее, Филиппу III Арридею, сводному брату Александра (был убит в 317/316 г. до н.э.), была обнаружена полностью сохранившаяся золотая накладка на горит, оттиснутая с той же матрицы (или матриц), что и карагодеуашская¹⁴. В связи с этим исследователи предполагают, что горит мог оказаться в царской македонской гробнице или в качестве военного трофея одного из скифо-македонских столкновений, или в качестве дипломатического дара боспорского владыки¹⁵.

Сюжет изображений на македонском горите не является совершенно ясным и до сих пор порождает споры. Так, например, относительно версии, что здесь изображены сцены взятия города, которым могла быть Троя (пожалуй, наиболее привлекательная гипотеза), у ряда исследователей есть определенные сомнения, базирующиеся на невозможности надежной идентификации всех персонажей¹⁶. Предприняты попытки расшифровать эти изображения и на скифо-иранской эпической почве, в частности, как сюжет о противостоянии братьев¹⁷.

Помещения карагодеуашского склепа изобиловали утварью, привезенной из различных античных центров. Многочисленны глиняные изделия — амфоры для вина и оливкового масла, светильники, чернолаковая посуда, представленная кувшинчиком, солонкой, блюдцем, большим рыбным блюдом (рис. 8). Разнообразен ассортимент металлической посуды: изяществом форм и богатством отделки отличаются серебряные черпак и ситечко

(рис. 9) для процеживания вина, килики на высоких ножках, чаша и кубок, предназначенные для обрядовых церемоний и трапез. Чрезвычайный интерес представляют ритоны — сосуды в форме рога животных (рис. 10), один из которых украшен тончайшей гравировкой со сценой инвеституры, где, по М.И. Ростовцеву, «царская власть дается конному царю конным же богом» (рис. 11)¹⁸.

Присутствие античного импорта среди вещей, обнаруженных в кургане Карагодеуашх, говорит в том числе и о значительной эллинизации быта местной правящей верхушки, контролировавшей торговые операции с ближайшими греческими центрами на Тамани — Фанагорией, Гермонассой, Горгиппией.

По совокупности материалов, включающих амфорную тару Херсонеса и предметы торевтики, курган Карагодеуашх датируется приблизительно третьей четвертью IV в. до н.э.¹⁹

Ровно через сто лет после раскопок Е.Д. Фелицына, в 1988 г., было предпринято доисследование кургана, в результате которого авторам раскопок удалось не только существенно уточнить историю строительства и конструкцию погребального сооружения, но и открыть не исследованную ранее гробницу с захоронением 12 коней, снаряжение которых состояло из железных удила, железных и бронзовых двудырчатых псалиев, бронзовых полусферических бляшек и зооморфных украшений²⁰.

В 1895 г. местные крестьяне начали разрывать курган у станции Курджипской, расположенной в 22 км к югу от Майкопа. В следующем, 1896 г. к раскопкам по разрешению Археологической комиссии приступил краевед-любитель, преподаватель Екатеринодарской гимназии В.М. Сысоев, материалы исследований которого в 1898 г. поступили в Эрмитаж²¹.

В Курджипском кургане было обнаружено два погребения, одно из которых относилось к концу IV в. до н.э., другое — к I в. н.э. Наибольший интерес представляет древнейшее захоронение, содержащее останки представителей местной родоплеменной знати: трех воинов и одной женщины, погребенных с богатым сопроводительным инвентарем, включающим предметы вооружения, разнообразные украшения, бытовую и культовую посуду. Особо можно отметить бронзовый таз с двумя рельефными изображениями под ручками (рис. 12, 13). Из золотых украшений, принадлежавших знатной женщине, обращают на себя внимание детали поясных застёжек, которые относятся к редкому типу греческих ювелирных изделий (рис. 14). Чрезвычайно интересны античные печати, хранившиеся в бронзовой шкатулке. Это прежде всего халцедоновая гемма (рис. 15) в форме скарабеоида со слегка выпуклой спинкой и продольным каналом для шнурка или дужки. Камень молочного цвета с легкой желтизной. На плоской лицевой поверхности вырезан припавший на передние лапы грифон, обращенный вправо. Под ногами грифона прямой линией обозначен горизонт. Замечательное по качеству резьбы изделие принадлежит школе Дексамена²². Тонкостью исполнения отличается женская золотая гривна в виде пластинчатого, слегка выпуклого снаружи обруча (рис. 16)²³. Ее концы завершаются головками антилоп, чеканенными из той же пластины. Рога, приподнимающиеся над головками, сделаны из припаянной профилированной крученой проволоки, гладкой у основания рогов и рубчатой на концах. Глаза и длинные уши животных рельефные, ноздри намечены углублениями, слегка горбатый нос моделирован в виде трех валиков. Шерсть передана гравировкой. В целом реалистически трактованные изображения довольно точно воспроизводят характерные видовые признаки антилопы-сайги.

Рис. 2. Пластина треугольная от головного убора. IV в. до н.э. Золото. Карагодеуашх. 1886, 1888 гг.

Рис. 3. Ожерелье. IV в. до н.э.
Стекло. Карагодеуашх

Рис. 4. Браслет с гипокампами.
IV в. до н.э. Золото. Карагодеуашх

Рис. 5. Зеркало с крышкой.
IV в. до н.э. Бронза. Карагодеуашх

Рис. 6. Гривна со львами,
терзающими кабанов. IV в. до н.э.
Золото. Карагодеуашх

Рис. 7. Фрагменты горига.
IV в. до н.э. Серебро, золото.
Карагодеуашх

Одна из наиболее известных находок в Курджипском кургане это небольшой золотой колпачок в виде усеченного конуса со слегка выпуклыми стенками и отверстием в центре плоской вершины (рис. 18). На боках развернута дважды повторенная сцена, уникальная для памятников торевтики скифской эпохи и имеющая особое значение для реконструкции местных культов и обрядов, — два воина в «скифской» одежде, являющиеся то ли участниками какого-то воинского ритуала, атрибутами которого выступают копье, меч и отсеченная голова врага, то ли эпическими героями²⁴.

В 1895 г. у станицы *Махосhevской* казаками были случайно обнаружены вещи, относящиеся к раннескифской эпохе: два бронзовых шаровидных прорезных навершия с фигуркой оленя наверху и цилиндрической втулкой,

Рис. 8. Посуда чернолаковая.
IV в. до н.э. Глина. Карагодеуашх

фрагменты еще одного бронзового биконического навершия с треугольными прорезями на железном стержне, элементы «предскифской» конской узда — бронзовые псалии «новочеркасского» типа и бронзовые двукольчатые удила. Если данная находка является единым археологическим комплексом, то она, видимо, может быть признана одним из древнейших памятников на Северном Кавказе с характерными элементами археологической раннескифской культуры (в данном случае — бронзовыми навершиями)²⁵.

В 1890-е годы на Кубани начинается «эпоха» раскопок члена Императорской Археологической комиссии, профессора Санкт-Петербургского университета Н.И. Веселовского. Первые материалы его исследований на Северо-Западном Кавказе поступают в Эрмитаж после 1895 г., когда у станции

Рис. 9. Черпак и ситечко.
IV в. до н.э. Серебро. Карагодеуашх

Рис. 10. Ритон с двумя фризами: пантеры, терзающие оленя; утки, ловящие рыб. Серебро. Карагодеуашх

Бесленевской Н.И. Веселовским было раскопано 29 курганов²⁶. Поводом к раскопкам послужило, судя по всему, приобретение известным коллекционером древностей из Ростова-на-Дону Ф.С. Романовичем каких-то вещей из грабительских раскопок этих курганов (в частности, Н.И. Веселовский упоминает в этой связи курган № 10). Материал по большей части относится к эллинистическому времени, хотя часть находок принадлежит как более поздней, так и более ранней эпохе. Во всяком случае, в одном из курганов (№ 27) были обнаружены характерные раннескифские бронзовые втульчатые наконечники стрел²⁷. Одной из наиболее интересных, эффектных и при этом загадочных находок является сильно вытянутый, усеченный, полый, с ажурными стенками конус, состоящий из трех фризов с изображениями в верхней части грифонов и растительного орнамента, в средней части пальметок и цветов, в нижней — двух пар грифонов и растительного орнамента; пальметки при этом

Рис. 11. Ритон со сценой инвеституры. Прорисовка второго фриза (рис. М.В. Фармаковского). Карагодеуашх

Рис. 12. Таз. Бронза.
Курджипский курган. 1896 г.

декорированы вставками гранатов (рис. 17). Этот предмет, обычно датирующийся концом IV—III в. до н.э. (вполне вероятно и более поздняя дата), был найден в кургане № 17, но за пределами каменных гробниц²⁸.

К 1895 г. относится и исследование так называемого Мазепинского кургана в станице Крымской, в котором были найдены остатки чешуйчатого панциря, наконечники стрел, бронзовые наконечники копий и фрагментированный бронзовый шлем «кубанского» типа²⁹. Тогда же Н.И. Веселовским были приобретены у А.Е. Калианиди вещи из раскопок Нестерова в станице Крымской³⁰.

В 1897 г. Н.И. Веселовский раскопал в 12 км от станицы *Костромской* пять курганов, входивших в состав группы «Разменные курганы»³¹. Наиболее высокий из них (№ 1), получивший в археологической литературе название *Костромской*, достигал в высоту около 5,5 м³². В процессе его раскопок были выявлены остатки деревянной гробницы, сооруженной на насыпи небольшого кургана эпохи бронзы. Снаружи за стенами гробницы лежали скелеты двадцати двух лошадей, у некоторых из них имелись железные и бронзовые удила. Внутри гробницы найдены части скифского наборного панциря, состоявшего из железных и бронзовых пластинок, четыре железных наконечника копья, два кожаных колчана с бронзовыми наконечниками стрел, причем один колчан был украшен мелкими голубыми и белыми бусинами. Н.И. Веселовский обнаружил также каменную жертвенную плиту, раздавленные глиняные сосуды и якобы круглый железный щит, на котором находилась крупная золотая бляха в виде фигуры оленя, лежащего с подогнутыми под туловище ногами, заслуженно считающаяся классическим произведением раннескифского искусства (рис. 19). При

Рис. 13. Таз: детали с изображением Телефа в плаще, вскочившего на жертвенник; Агамемнона, опирающегося на посох.
Бронза. Курджипский курган

Рис. 14. Пряжки поясные в трех деталях. Золото, эмаль. Курджипский курган

этом традиционно полагают, что бляха-олень и подобные ей находки служили украшением центральной части щита³³. Тем не менее известный археологический контекст, а также некоторые изображения на каменных скифских архаических изваяниях позволяют в настоящее время уверенно предположить, что они, скорее, украшали лицевую часть кожанно-деревянного горита скифского типа³⁴. Во всяком случае, в отношении костромского оленя вызывает настороженность как совершенная уникальность круглого железного щита, так и то, что он был якобы в столь плохой сохранности, что не удалось взять «даже малого кусочка», а также то, что на рисунке в рукописном отчете Н.И. Веселовского олень показан лежащим мордой влево, т.е. оборотной стороной вверх, а в опубликованном в ОАК отчете — уже перевернут вправо; помимо прочего, на том месте, где помещался олень, были как будто бы найдены следы кожи.

Но наибольшую известность среди кавказских скифских коллекций Эрмитажа имеют материалы курганов, раскопанных в 1903–1904 гг. у станицы Келермесской сначала горным техником Д.Г. Шульцем (рис. 20) — четыре кургана раннескифского времени, а затем Н.И. Веселовским (рис. 21) — два кургана. К сожалению, имеющаяся в нашем распоряжении архивная документация по этим раскопкам отличается крайней лаконичностью и запутанностью. Особенно это касается материалов исследований Шульца, отчеты в Археологическую комиссию, письма и прошения которого не позволяют в настоящее время совершенно надежно привязать те или иные находки к определенным курганам.

Келермесский курганный могильник начал функционировать еще в эпоху бронзы, в раннескифское же время в его северной части было сооружено несколько скифских «царских» курганов, а в центральной части возник одновременный скифскому грунтовый «меотский» некрополь, часть погребений которого была впущена в небольшие курганы эпохи бронзы³⁵. В 1983–1990 гг. Келермесская экспедиция Государственного Эрмитажа, возглавляемая сначала Л.К. Галаниной, а с 1984 г. А.Ю. Алексеевым (в 1989, 1990 гг. работы производились совместно с Гиагинской археологической экспедицией

Рис. 15. Гемма. Халцедон. Курджипский курган

Рис. 16. Гривна. Золото, эмаль. Курджипский курган

Рис. 17. Конус ажурный со вставками. Золото, гранаты. Ст. Бесленевская (курган № 17). 1895 г.

Рис. 18. Колпачок. Золото. Курджипский курган

Рис. 19. Пластина-олень. Золото. Ст. Костромская (Первый Разменный курган). 1897 г.

Института археологии АН СССР во главе с Т.М. Кузнецовой) произвела повторные раскопки нескольких ранее копавшихся раннескифских курганов с целью получения более достоверных сведений о погребальном обряде этих археологических памятников. Так, было, в частности, установлено, что курган № 2 Веселовского (№ 31 по современной нумерации) был сооружен на месте двух скрытых курганов эпохи бронзы; при этом в действительности погребальное сооружение конструктивно отличалось от того, как оно было представлено в отчете Н.И. Веселовского³⁶. Раскопки кургана № 24, отождествляемого или с курганом № 3, или с курганом № 4 Шульца, также позволили уточнить некоторые детали погребального обряда и добавили в келермесскую коллекцию ряд новых находок (детали конской сбруи, бронзовые наконечники стрел, золотые нашивные бляшки, керамику).

Несмотря на то что за последние десятилетия корпус источников по раннескифской археологии Северного Кавказа обогатился такими неординарными и информативными памятниками, как курганы могильников Красное Знамя, Новозаведенное II, Нартан, значение Келермесских курганов ничуть не уменьшилось, прежде всего благодаря уникальной коллекции предметов ближневосточной тюреттики. Келермесские курганы продолжают оставаться одним из самых ценных источников по эпохе скифской архаики, поскольку уверенно могут быть связаны с переднеазиатским этапом истории скифов VII в. до н.э. При этом обычно считается, что практически в каждом из шести раскопанных Д.Г. Шульцем и Н.И. Веселовским скифских курганов были найдены парадные и драгоценные предметы, так или иначе связанные с ближневосточной ремесленной ювелирной традицией. На самом деле подавляющее большинство подобных находок связано исключительно с относительно более поздними курганами, раскопанными Шульцем.

Вплоть до настоящего времени важнейшим основанием относительной хронологии Келермесского могильника является выделение Л.К. Галаниной на основании сравнительного анализа предметов конской узды «старшей» (два кургана, раскопанные Н.И. Веселовским) и «младшей» (четыре

Рис. 20. Д.Г. Шульц. 1910-е годы

кургана, раскопанные Д. Шульцем) групп³⁷. Топография могильника (параллельное существование двух небольших «цепочек» скифских курганов) при этом указывает на то, что курганы «старшей» и «младшей» групп могли быть разделены довольно значительным промежутком времени.

В настоящее время из шести курганов, раскопанных в начале XX в. Д. Шульцем и Н.И. Веселовским, могут быть так или иначе идентифицированы лишь пять, да и то, учитывая крайнюю запутанность отчетов Шульца, не всегда вполне уверенно. Загадкой остается местонахождение самого богатого и известного келермесского захоронения в кургане № 1 Шульца (именно в нем были найдены парадный меч, секира, золотые диадемы, бронзовый шлем и др.), которое могло относиться к группе «меотских» и быть впускным в курган эпохи бронзы, так же как и в пяти других курганах этого могильника³⁸. При этом особый интерес для скифологии представляет уникальная бляха-пантера (рис. 22)³⁹, найденная в этом погребении и принадлежащая к лучшим произведениям звериного стиля раннескифской эпохи. Изображение хищника, украшавшего, видимо, лицевую сторону горита, выполнено в традициях скифского искусства, но с включением древневосточных художественных элементов, что проявляется в применении техники перегородчатой инкрустации для выделения уха и глаза зверя. Преобладающее тут скифское начало сказывается в характерной

позе хищника, в обобщенной свето-теневой моделировке форм тела, а также в зооморфной стилизации деталей — длинный хвост и мощные лапы зверя заполнены фигурками свернувшихся кольцом кошачьих хищников. У пантеры

Рис. 21. Н.И. Веселовский на археологических раскопках. 1910-е годы

к тому же глаз и ноздря по-скифски условно обозначены кружками. Однако в трактовке оскаленной зубастой пасти проявляется натуралистическая тенденция, свойственная переднеазиатской стилистике. Особенно показательна манера декорировки уха зверя, орнаментированного вставками красной пасты в традиционной для древневосточной торевтики технике. И хотя ближневосточные привнесения несколько нарушают скифский стереотип передачи мотива кошачьего хищника, именно эти незначительные отступления от классического канона придают облику келермесской пантеры определенную индивидуальность и своеобразие.

Высокорельефное изображение кошачьего хищника выполнено в технике выколотки с прочеканенными деталями (пасть, фигурки на хвосте, глаз и т.д.). Кованые каплевидные уши припаяны к голове хищника, заднее ухо гладкое, переднее помещено в специально сделанное за глазом углубление и украшено в технике перегородчатой инкрустации вставками из янтаря. Глаз сделан в виде круглого углубленного гнезда, инкрустированного белой и сероватой пастой. На месте зрачка выпуклая черная вставка из гематита (кровоавик). Хвост и лапы зверя орнаментированы рельефными фигурками свернувшихся кольцом кошачьих хищников. На обороте пластины напаяны две полукруглые петли, выкованные из круглого в сечении дрота.

Келермесские курганы выделяются среди других погребальных памятников раннескифской эпохи величиной земляных насыпей, достигавших в высоту 4–5 м, и обширными могилами площадью около 40 кв. м. Многие могилы оказались довольно просторными и глубокими для того, чтобы вместить и самих покойных, и богато убранных лошадей (до 24 особей в одном из курганов), и щедрые комплекты погребальных приношений. При этом некоторые курганы, видимо, все же являлись не погребальными памятниками, а своеобразными святилищами или кенотафами. Это, например, относится к кургану № 23 (№ 2 Шульца) с мощными остатками кострищ и отсутствием собственно могилы⁴⁰, возможно, к кургану № 29, где кони и вещи были погребены на уровне древнего горизонта, а человеческое захоронение отсутствовало (второй тип келермесских памятников по Л.К. Галаниной)⁴¹.

Выразительность и необычность погребального инвентаря, сопровождавшего усопших, позволяют говорить не только об их высоком социальном статусе, но и о былом участии знатных воинов в знаменитых скифских походах в Переднюю Азию. В этом отношении показательны обилие и состав древневосточного импорта, представленного в Келермесских курганах разнообразными золотыми изделиями⁴². Одни из них относятся к категории вещей, характерных для обихода переднеазиатских правителей. Таковы, например, золотые наконечники в виде львиной головки, служившие украшением сиденья табурета ассиро-вавилонского типа (рис. 23). К деталям древневосточной мебели принадлежат золотые украшения «подлокотников трона», орнаментированные вставками красного янтаря в технике перегородчатой инкрустации и чеканными плодами граната или мака, львиными и бараньими головами (рис. 24). Несовместимость дворцовой мебели с кочевым образом жизни более чем очевидна. Поэтому остается предположить, что эти необычные для скифской культуры вещи были либо военными трофеями скифских вождей, либо подарками восточных владык.

Очень близка по технике и стилю декорировки к подлокотникам бронзовая колчанная застежка, обтянутая золотом, с головками баранов на концах и вставками янтаря, функционально являвшаяся при этом типично скифским предметом (рис. 24). Также вполне скифской по использованным в декоре

Рис. 22. Бляха. Пантера.
Золото, гематит, янтарь. Келермес

Рис. 23. Львиные головки — детали
мебельной отделки. Золото. Келермес

Рис. 24. Ручки трона. Золото, янтарь;
застежка кожаная. Золото, бронза,
янтарь. Келермес

образам — оленю с подогнутыми ногами и пантере — является большая золотая пластина — накладка на колчан или горит (рис. 25).

Другой пример представляет парадный меч в золотых ножнах с портупейными деталями, отличающийся высоким уровнем чеканки и гравировки многофигурных композиций, выполненных в эклектической художественной манере, построенной на соединении в их декоре переднеазиатских и скифских сюжетно-стилистических форм (рис. 26, 27). Доминирующее место занимают древневосточные персонажи — причудливые крылатые божества, стоящие по сторонам священного «древа жизни», а также шествующие друг за другом и стреляющие из луков фантастические звери. У чудовищ львиные тела с головами козлов, грифонов, быка и барана, а вместо крыльев — зубастые рыбы. Дробное, графичное изображение тел этих мифических монстров, принцип стилизации деревьев и набор орнаментальных мотивов характерны для урартского дворцового искусства. Мастер, видимо, уроженец Урарту, работая в привычной для него манере, постарался учесть и запросы своего заказчика. На боковой лопасти золотых ножен он поместил фигуру оленя, лежащего с поджатыми под туловище ногами, которая явно скопирована со скифского оригинала. Бросается в глаза контраст между обобщенной трактовкой фигуры скифского оленя и вычурной «ковровой» орнаментацией тел фантастических существ.

Высокий социальный ранг погребенных в Келермесских курганах подчеркивают и три уникальные, необычные для скифской культуры золотые диадемы. Несмотря на разницу в декоративном оформлении, все они восходят к типу традиционных для Древнего Востока ленточных диадем с солярными эмблемами в виде розеток. Тщательностью изготовления отличается диадема с каплевидными подвесками, розетками на ленте со следами бирюзовой пасты в лепестках и изящной протомой грифона в центре. Это украшение

Рис. 25. Накладка на колчан/горит. Золото. Келермес

Рис. 26. Меч с портупейными деталями. Железо, золото. Келермес,

Рис. 27. Меч. Деталь — лопасти с фигурой лежащего оленя. Железо, золото. Келермес

Рис. 28. Диадема с грифоном. Золото, эмаль. Келермес

Рис. 29. Диадема. Деталь с головкой грифона. Золото, эмаль. Келермес

выполнено в традициях восточногреческого искусства малоазийскими мастерами (рис. 28, 29)⁴³.

Уникальным произведением греко-ближневосточного искусства является серебряное дисковидное зеркало, оборотная сторона которого покрыта электровыми пластинками, сплошь заполненными изображениями, сделанными с помощью стила в технике металлопластики (рис. 30). В центре диска сохранились остатки сломанной еще в древности ручки, обрамленной в основании розеткой. Главным персонажем многофигурной композиции выступает крылатая женская фигура с пантерами в руках — обычными спутниками малоазийской богини Кибелы, владычицы зверей и людей. В других секторах зеркала представлены фантастические сфинксы и грифоны, а также львы, медведь, лиса, пантера, баран.

Рис. 30. Зеркало. Серебро, электр.
Келермес

Рис. 31. Чаша двойная. Золото.
Келермес

Рис. 32. Чаша внутренняя
(вид снаружи). Золото. Келермес

Рис. 33. Чаша внутренняя
(вид изнутри). Золото. Келермес

В иконографии антропоморфных и зооморфных образов, способе передачи шерсти мелкими насечками и в других стилистических приемах проступают черты, свойственные как восточнореческому, так и ближневосточному искусству. Между тем тип самого зеркала и отдельные изобразительные мотивы — сидящая пантера с кольчатыми лапами, баран с поджатыми под туловище ногами — явно скифского происхождения. По-видимому, декорировку келермесского зеркала в 670—640-х годах до н.э. выполнил малоазийский мастер специально по скифскому заказу, чем и объясняется присутствие в орнаментике зеркала отдельных фигур, имитирующих мотивы скифского искусства.

Рис. 34. Псаали. Бронза. Ульские курганы

Рис. 35. Псаalia с зооморфными изображениями. Фрагмент. Бронза. Ульские курганы

Интересен составной культовый сосуд, состоящий из двух золотых фиал, вставлявшихся одна внутрь другой (рис. 31–33). Внутренняя полусферическая фиала орнаментирована снаружи тремя рядами чеканных изображений. Вверху представлена вереница бегущих страусов — популярных персонажей ассирийского искусства и особенно произведений ассирийской глиптики XII–VII вв. до н.э.⁴⁴ Под ними разворачиваются сцены борьбы зверей, где волк преследует козу, а лев терзает козла. Ниже показаны лежащие олени, козлы и тур, а на дне сосуда помещена розетка — символ животворящего солнца.

Рис. 36. Колокольчик от конской узды. Бронза. Ульские курганы

Рис. 37. Навершье. Бронза. Ульский курган № 2

Рис. 38. Котел с ручкой, завершающейся головкой козла. Бронза. Келермесские курганы

Сухая натуралистическая трактовка тел животных, у которых нарочито подчеркнуты ребра, шерсть, мускулы и другие анатомические детали, выдает руку мастера — носителя ассирийской художественной манеры. Подбор сюжетов для украшения золотой фиалы может указывать на то, что художник ориентировался на вкусы скифов. Однако чисто скифские элементы здесь все же отсутствуют. Даже такой классический образ, как лежащий олень, представлен словно со снятой шкурой, в так называемой скелетной манере.

По предположению В.А. Киселя, ассирийский мастер мог изготовить специально на заказ только внутреннюю чашу, тогда как для внешней была приспособлена старая урартская. Подобные сосуды с двойными стенками могли использоваться кочевниками в качестве культовых чаш для употребления в горячем виде напитка, приготовленного из конопляно-молочной смеси⁴⁵.

Абсолютная хронология Келермесского могильника во многом строится как на датах ближневосточных изделий, найденных в курганах Келермеса и в близких им по времени памятниках, так и на современных данных радиоуглеродной хронологии⁴⁶. Тем

не менее в настоящее время мы имеем дело с весьма пестрой и неупорядоченной картиной представлений исследователей о хронологии Келермеса, помещающих эти курганы в интервал от первой половины VII в. до н.э. до начала VI в. до н.э., но преимущественно во вторую половину столетия⁴⁷. Ключевыми в обеих группах являются курган № 24 (№ 3 или № 4 Шульца) и курган № 31 (№ 2 Веселовского). Последний является древнейшим на Келермесском могильнике, при этом он значительно старше кургана № 24 (№ 3 или № 4 Шульца), близкого по времени кургану № 16 могильника Новозаведенное II на Ставрополье, датированного приблизительно 600 г. до н.э.⁴⁸

Рис. 39. Котел с рельефными изображениями козлов на тулове. Бронза. Келермесские курганы

Рис. 40. Панцирь с изображением Медузы Горгоны. Бронза. Елизаветинские курганы

В курганах № 1 и № 2 Веселовского («старшая» группа), в отличие от четырех курганов Шульца («младшая» группа), не обнаружено безусловных изделий ближневосточных торевтов, поэтому вовсе не исключено, что курганы «старшей» группы (прежде всего это относится к кургану № 2 Веселовского) могли быть сооружены еще до начала переднеазиатских походов скифов, т.е. ранее начала 670-х годов до н.э. (при этом в согласии с данными радиоуглеродной хронологии это может быть и VIII в. до н.э.), тогда как «младшие» курганы — в середине или второй половине VII в. до н.э.⁴⁹

К тому же приблизительно времени, вероятно, относится погребение (№ 3) из кургана, раскопанного Н.И. Веселовским у станицы Некрасовской в 1908 г., откуда происходят девять двулопастных бронзовых наконечников стрел⁵⁰.

В целом несколько более поздними являются Ульские курганы, располагавшиеся на восточной окраине Ульского аула (современное название аул Уляп). Девять из них были раскопаны Н.И. Веселовским в 1898, 1908–1909 гг.⁵¹ Ульские древности поступили в Эрмитаж из ГАИМК и РАИМК в 1924 и 1926 гг.

Весь этот курганный комплекс функционировал на протяжении VI–V вв. до н.э.⁵² Исключением является курган № 1 1910 г., раскопанный Н.И. Веселовским на территории аула Уляп и не входивший в основную группу Ульских курганов, которая располагалась к востоку от аула. Этот курган, под насыпью которого была обнаружена большая могильная яма (4×4 м), к югу от которой были найдены останки приблизительно семи взнузданных лошадей, по типу уздечных принадлежностей (бронзовые и железные удила, железные псалии, подвески и пронизи), близок по времени Келермесским курганам и относится к раннескифскому времени⁵³.

Рис. 41. Два шлема кубанского типа. Бронза. Келермесские курганы

Рис. 42. Амфора панафинейская (сторона А). Глина. Елизаветинские курганы

Рис. 43. Амфора панафинейская (сторона В). Глина. Елизаветинские курганы

Особо выделяется в Ульской группе 15-метровый курган, раскопанный Н.И. Веселовским в 1898 г. Курган представлял собой гигантское святилище⁵⁴, в котором было совершено массовое конское жертвоприношение, насчитывающее более 400 лошадей, снабженных железными удилами и бронзовыми нагрудными колокольчиками. В центре святилища находился каменный жертвенник. Обнаружены также разнообразные жертвенные приношения — античный чернолаковый сосуд, фрагмент терракотовой статуэтки⁵⁵, части скифского чешуйчатого панциря, набранного из бронзовых пластинок, и другие предметы, характерные для скифской культуры.

Основную массу находок в Ульских курганах составляют детали уздечных наборов — бронзовые и железные удила, бронзовые, серебряные и железные псалии, бронзовые наременные бляшки, а также бронзовые сбруйные колокольчики (рис. 34–36). Были найдены также глиняные сосуды, золотые бляшки в виде фигур оленей и пантер и бронзовые навершия, выполненные в скифском зверином стиле. Одной из наиболее интересных и выразительных находок является пара бронзовых наверший из кургана № 2 1909 г., знакомящих нас с особенностями скифского звериного стиля позднеархаического времени (рис. 37)⁵⁶.

Навершие, оформленное в виде профильной головы хищной птицы, отличается высоким мастерством стилизации. Следует отметить уравновешенность всех декоративных элементов и энергичную ритмику пластичных форм этого предмета. Варьирующие по размерам дополнительные орлиные головки с глазами-кружками и клювами, закрученными в спираль, воспринимаются как насыщенный движением орнаментальный узор. В контрасте с ними реалистично изображен лежащий козел с едва заметной птичьей головкой под мордой. По-видимому, под греческим влиянием почти натуралистически выполнен огромный птичий глаз — явный апотропей. Надо думать, что бронзовое навершие играло роль могучего оберега, своим видом и звоном колокольчиков устрашавшего злых духов.

Тесное соседство, а иногда и совместное проживание меотов Прикубанья и других коренных обитателей Северного Кавказа с ираноязычными кочев-

никами наложили отпечаток на облик местных культур. Сильному воздействию подверглась раннемеотская культура уже с VII—VI вв. до н.э. В меотской среде отмечается прочное укоренение обычая погребения местной знати в подкурганных могилах в сопровождении конских захоронений и вещей преимущественно скифского типа. С этого же периода на Кубани распространяется искусство скифского звериного стиля.

Мощное скифское влияние не помешало местному населению сохранить прежний образ жизни, своеобразные обычаи и традиционные черты своей культуры. Вместе с тем в раннескифский период особенно активизировалась деятельность мастеров, связанных с металлургией. Продолжая древние производственные традиции, уходящие корнями еще в эпоху поздней бронзы, опытные ремесленники отливали из бронзы самые разнообразные предметы скифского типа: от мелких изделий до громадных скифских котлов (рис. 38, 39). Вероятно, на Северо-Западном Кавказе и, скорее всего, в Закубанье функционировала оружейная мастерская, выпускавшая древнейшие скифские металлические шлемы с лицевым вырезом, отлитые из высококачественной бронзы (рис. 41). Эти и другие археологические материалы позволяют рассматривать Северо-Западный Кавказ в качестве одного из ведущих очагов раннескифской культуры на территории Юго-Восточной Европы.

Оседание в Прикубанье отдельных скифских групп в период переднеазиатских походов обусловило смешанный этнокультурный состав местного населения, включавшего помимо кавказцев ираноязычные кочевые и, возможно, оседлые племена. Прочно обосновавшиеся в этом регионе скифы продолжали играть далеко не последнюю роль в меотском мире вплоть до VI—V вв. до н.э.

Возможно, эллинизированным скифо-меотам принадлежали богатейшие *Елизаветинские курганы*, расположенные на юго-восточной окраине станицы Елизаветинской в 19 км от Краснодара⁵⁷. По соседству с курганным могильником, насчитывающим около тридцати погребальных насыпей, находилось Елизаветинское городище, являвшееся античной торговой факторией и крупным центром Прикубанья. Весь найденный материал (около 3500 предметов) поступил сначала в Археологическую комиссию, а в 1924 и 1926 гг. был передан из ГАИМК и РАИМК на хранение в Эрмитаж.

Рис. 44. Бляшка-апликация в виде львиноголового грифона. Золото. Елизаветинские курганы

Рис. 45—46. Бляшки-апликации в виде лошадей. Золото. Елизаветинские курганы

Рис. 47–48. Бляшки-розетки.
Золото. Елизаветинские курганы

Рис. 49. Бляшка-пальметка.
Золото. Елизаветинские курганы

Елизаветинские курганы принадлежат к числу самых выдающихся «царских» усыпальниц IV в. до н.э., открытых в бассейне р. Кубани к настоящему времени. Благодаря грандиозности могильных сооружений, пышности погребального обряда, богатству и разнообразию погребальных приношений эти памятники сразу же привлекли к себе внимание археологов и историков.

В 1912–1915 и 1917 гг. Н.И. Веселовский раскопал на Елизаветинском могильнике шесть самых высоких курганов IV в. до н.э., содержащих захоронения в каменных склепах греческого типа, находившихся внутри обширных могил. Погребения знатных особ сопровождались принесением человеческих жертв из числа слуг и других зависимых лиц, а также массовыми конскими жертвоприношениями. Так, в одном из Елизаветинских курганов обнаружено 200 конских скелетов. Причем, так же как и в Келермесских курганах, жертвенные кони были взнузданы и погребены внутри могил и на верхнем обресе погребальных ям. Сохранились остатки золотых украшений в виде нашивных аппликаций от одежды погребенных, височных подвесок, гривны (шейного обреча), ожерелий, перстней и колец.

Рис. 50–52. Бляшки с изображением головы Медузы Горгоны и человеческого лица. Золото. Елизаветинские курганы

Рис. 53. Бордюр с частью крылатой фигуры. Фрагмент. Золото. Елизаветинские курганы

Рис. 54. Бляшка со змееной богиней. Золото. Елизаветинские курганы

Среди вещей, помещенных в могилах, преобладают предметы вооружения. Это длинные железные меотские мечи без металлического перекрестия, железные наконечники копий и стрел, которые в V–IV вв. до н.э. пришли на смену скифским акинакам, бронзовым наконечникам стрел и другим видам скифского вооружения. Защитные доспехи представлены в основном античным импортом. Таков, например, бронзовый кованый шлем коринфского типа и уникальный бронзовый нагрудник от греческого панциря-кирасы из кургана № 6 1914 г. (рис. 40)⁵⁸. В нижней части нагрудной пластины изображена голова Медузы, выполненная в высоком рельефе. Волосы чудовища трактованы спиральными завитками и обрамлены четырьмя парами змей, между верхними змеями помещены стилизованный цветок наподобие лото-видной пальметки. В углах растянутого рта Медузы по паре клыков. На шее ожерелье со стреловидными подвесками, в ушах пирамидальные серьги. В нижней части нагрудника под локонами Медузы приклепаны две бронзовые пластинки — завесы, к которым, по-видимому, крепились длинные бронзовые пластины, защищавшие низ живота воина. Предметам с изображением Медузы приписывалось в древности апотропеическое, защитное значение.

Рис. 55. Бляшка — голова Афины в шлеме. Золото. Елизаветинские курганы

Рис. 56. Бляшка — Ника. Золото. Елизаветинские курганы

Рис. 57. Псалий с пластиной в виде трех голов фантастических зверей с фрагментом удила. Железо, бронза. Елизаветинские курганы

Рис. 58. Псалий с зооморфным изображением. Бронза. Елизаветинские курганы

Рис. 59. Пластина от псалия с двумя фигурами оленей. Бронза. Елизаветинские курганы

Глиняная посуда в Елизаветинских курганах включала наряду с лепными горшками местной работы греческие амфоры, импортированные из Гераклеи, Фасоса и Афин⁵⁹. Значительный интерес представляет панафинейская амфора конца V в. до н.э. из Елизаветинского кургана № 4 (Южного) 1913 г. с чернофигурными изображениями: на одной стороне (А) богини Афины, на другой (В) — сцены кулачного боя (рис. 42, 43)⁶⁰. Это призовой сосуд, обычно наполнявшийся оливковым маслом и преподносившийся в качестве награды победителям в спортивных или музыкальных состязаниях, происходивших на всенародном афинском празднике Великие Панафинеи.

Горло, завершающееся воронкообразным венчиком, украшено двумя фризами, один заполнен пальметками с цветами лотоса, другой — язычками. На цилиндрической ножке с кольцевидным основанием пальчатый орнамент. В центральной части сосуда на стороне А изображена Афина Паллада в шлеме с высоким гребнем, держащая в правой руке копье, а в левой — щит, украшенный головой Медузы. На груди богини — эгида с головами змей. Поверх длинного хитона накинут плащ. Руки, ноги, лицо Афины, пальметки на хитоне, звезды на рукаве сделаны белой краской с процарапанными деталями. На складках плаща, эгиде и гребне щита — пурпур. По обе стороны от Паллады на колоннах с дорийскими капителями стоят два петуха. Детали их голов и крыльев процарапаны, а перья хвостов окрашены пурпуром. Вдоль левой колонны надпись $\text{TON AΘENEΘEN AΘΛON}$ — «награда из Афин».

На стороне В представлена сцена кулачного боя. Сразившиеся бойцы обнажены, на их запястьях ремни. Поверженный атлет, подняв левую руку, просит о пощаде. За его спиной стоит очередной боец, эфедр, готовый сразиться с победителем. В его правой руке зажат наручный ремень. За ходом схватки наблюдает судья в длинном плаще, с пурпурным венком на голове и жезлом в руке.

Подобно большинству богатых погребальных усыпальниц скифской эпохи курганы близ станицы Елизаветинской подверглись почти опустошительному

ограблению в древности. По-видимому, грабителей интересовало в первую очередь золото. Поэтому до нас дошли лишь незначительные остатки золотых украшений от одежд — витая проволочная гривна, перстень скарабеоид в золотой оправе, фрагменты серег и разнообразные нашивные пластинчатые бляшки с зооморфными и антропоморфными мотивами. Тематический репертуар зооморфных бляшек и аппликаций с растительным орнаментом разнообразен, например львиноголовый грифон, лошадь, розетки, пальметки и т.д. (рис. 44–49)⁶¹.

На бляшках с антропоморфными изображениями фигурируют различные персонажи: скифская змееногая богиня, Медуза Горгона, Афина и Ника (рис. 50–56).

Наиболее интересную группу находок в Елизаветинских курганах составляют бронзовые детали уздечных наборов. Вершиной творческих возможностей местных мастеров являются зооморфные орнаментированные псалли (рис. 57–59), налобные и нащечные бляшки, в которых изначальная скифская основа скрестилась с элементами греко-персидской и кобанской изобразительных систем. В результате этого сплава в Прикубанье родилось достаточно своеобразное искусство так называемого меото-скифского звериного стиля.

Елизаветинские находки дают наиболее яркое представление о стилистических особенностях меото-скифского звериного стиля IV в. до н.э. Отличительными чертами этих художественных вещей являются графичность сильно стилизованных зооморфных образов, обилие дополнительных звериных мотивов, вкомпанованных в основную фигуру, изысканная декоративность ажурных композиций.

На примере описанных выше Келермесских, Ульских, Елизаветинских и других богатых курганов Кубани можно видеть, что греческий фактор и присутствие скифов оказали сильное воздействие на социальное и экономическое развитие, а также на идеологию местных прикубанских племен.

¹ В данном случае условные хронологические рамки скифской эпохи установлены в пределах VII–IV/III вв. до н.э. При этом следует иметь в виду, что достоверное археологическое присутствие собственно скифов на территории Прикубанья фиксируется преимущественно для эпохи архаики (*Махорты С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 74). Этническая идентификация более поздних памятников, характеризующихся в том числе и признаками скифской материальной культуры, не всегда возможна, и поэтому применительно к ним скорее следует говорить о скифо-меотских древностях. Это нашло отражение и в названии отдельных периодов или этапов истории Прикубанья в раннем железном веке, когда термин «меото-скифский» применяют для характеристики местной культуры даже VII в. до н.э. (Шедевры древнего искусства

Кубани: Каталог выставки / ред. А.М. Лесков, В.Л. Лапушнян. М., 1987; *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006. С. 17, сл.).

Неопределенность поздней границы эпохи объясняется как трудностью установления точной хронологии ряда комплексов, так и некоторой размытостью, протяженностью во времени перехода от скифского к сарматскому времени на данной территории, хотя древнейшие сарматские (сиракские) памятники известны уже для IV в. до н.э. (*Марченко И.И.* Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 113, сл.).

² О древних вещах, найденных греком Кирьяко Спириным близ сел. Мерджаны Кубанской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1877. № 6; ОАК за 1877 г. СПб., 1880. С. XXIV, XXV.

³ Анализ шлемов см.: *Алексинский Д.П.* Античные сфероконические шлемы в собрании Эрмитажа // СГЭ. СПб., 2008. Вып. 66; в этой же работе есть ссылка на архивный документ, из которого следует, что гробница была якобы обнаружена «на ровном месте».

⁴ *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре: Дополнение // ИАК. СПб., 1913. Вып. 49. С. 133, сл.; *Виноградов Ю.А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // ТС. СПб., 1998. Вып. 1. С. 62–68 с литературой.

⁵ *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966. Табл. 331; *Zwei Gesichter der Eremitage: Die Skythen und ihr Gold.* Bonn, 1997. Bd. I: Die grossen Sammlungen VI: Katalog. Kat. 20;

- «Подарства за коня...»: Лошадь в мировой культуре: Произведения из собрания Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 2006. Кат. 25.
- ⁶ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 113–114 с литературой; *Виноградов Ю.А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны. С. 64.
- ⁷ *Виноградов Ю.А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны. С. 66.
- ⁸ *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* М., 1989. С. 233. (Археология СССР).
- ⁹ *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 222; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 136. Отличие одежд от скифских, особенно у всадника с плащом, отмечал и М.И. Артамонов (Сокровища скифских курганов. С. 77).
- ¹⁰ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. С. 111.
- ¹¹ Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1886. № 16; *Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В.* Курган Карагодеуашх // *МАР.* СПб., 1894. № 13; *Фармаковский Б.В.* Новейшая датировка Карагодеуашского кургана // *ИТУАК.* 1913. № 50.
- ¹² Помимо «синдской» версии (см., например: *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. С. 222) высказывалось предположение, что это могли быть фатен: *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 46.
- ¹³ Александр Великий: Путь на Восток: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2007. Кат. 67.
- ¹⁴ *Schiltz V.* Deux gorytes identiques en Macédoine et dans le Kouban // *Revue archéologique.* 1979. Fasc. 2; *Манцевич А.П.* К открытию царской гробницы в Македонии в 1977 г. // *СГЭ.* Л., 1979. Вып. 44. Помимо этого известна отдельная небольшая бляшка в виде фигуры женщины, обнимающей статую богини (с верхнего фриза изображений), оттиснутая с той же матрицы, что и оба горита: *Content Derek J.* Gold and Silver Auction. New York, 1992. Part II: Taisei Gallery/ 5th November 1992. № 166; *Treister M.* The Workshop of the Gorytos and Scabbard Overlays // *Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine.* New York, 1999.
- ¹⁵ *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003. С. 240 слл.; *Schiltz V.* Les Scythes et les nomades des steppes. 8 siècle J.-C. — 1 siècle après J.-C. Paris, 1994. P. 203–207; *Treister M.* The Workshop..., с литературой.
- ¹⁶ *Андроникос М.* Царские гробницы в Вергине: (Из истории раскопок) // *ВДИ.* 1990. № 1; *Schiltz V.* Les Scythes ... P. 206, 207.
- ¹⁷ *Stähler K.* Zum Gorytreilief aus dem sog. Philippsgrab in Vergina // *Zur graeco-skythischen Kunst: Archäologisches Kolloquium Münster 1995 / Hrsg. Klaus Stähler; EIKON: Beiträge zur antiken Bildersprache.* Münster, 1997. Bd. 4.
- ¹⁸ Сопоставление мерджанского и карагодеуашского ритонов: *Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти. С. 138; анализ изображений в контексте скифской мифологии: *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- ¹⁹ *Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 411–413; *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии ... С. 247.
- ²⁰ *Сатеев О.И., Ульянова О.А.* Работы Карагодеуашского отряда в 1988–1989 гг. // *КСИА.* М., 1993. Вып. 210. С. 85–89.
- ²¹ ОАК за 1896 г. СПб., 1898; *Галанина Л.К.* Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980.
- ²² *Гриневич К.Э.* Курджипская гемма 1896 года // *Гермес.* 1916. Октябрь. № 15/16 (181/182). С. 313–315.
- ²³ *Галанина Л.К.* О датировке и происхождении золотой гривны из Курджипского кургана в Прикубанье // *СГЭ.* 1973. Вып. 36. С. 29–33.
- ²⁴ *Галанина Л.К.* Курджипский курган ... С. 46. О так называемых больших «ворворках» см.: *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии ... С. 214–218 с литературой. Л.А. Булава (*Булава Л.А.* К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана // *СА.* 1987. № 1. С. 254–257) отметила в характере изображений на колпачке определенное фракийское влияние (в иконографии, в присутствии однолезвийных мечей) и дополнила интерпретацию сюжета, ссылаясь на исследование Э.А. Грантовского (*Грантовский Э.А.* О некоторых материалах по общественному строю скифов: «Родственники» и «друзья» // *Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье.* М., 1981), версиями «о судебных поединках, об обычаях аристократических поединков в мирное время, о решении исхода военного конфликта единоборством полководцев».
- ²⁵ Эрмитаж, коллекция № 2496. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л.* К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н.э. из Предкавказья // *АСГЭ.* Л., 1983. Вып. 23. С. 50, 51; В литературе отмечалась сомнительность махошевской находки в части ее комплексности (*Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР: (новочеркасский клад 1939 г.) // *СА.* 1953. № XVIII. С. 62; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. С. 22). Действительно, архивные материалы позволяют с уверенностью констатировать лишь обнаружение недалеко друг от друга на вершин, псалий и удила сначала при раскопке, а затем при последующем обследовании места находки (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1895. № 109).
- ²⁶ Перечень раскопанных проф. Н.И. Веселовским в 1895 г. курганов в Кубанской области и найденных в них древностей // *ОАК за 1895 г.* СПб., 1897. С. 129, слл.
- ²⁷ Эрмитаж, инв. № 2519/28–33.
- ²⁸ Эрмитаж, инв. № 2519/6; ОАК за 1895 г. С. 132, рис. 316; *Her Rijk der Scythen: Catalogus.* Amsterdam, 1993. Cat. 92.
- ²⁹ В Эрмитаж из Археологической комиссии поступили фрагменты шлема (*Галанина Л.К.* Шлемы кубанского типа: (вопросы хронологии и происхождения) // *Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения.* Л., 1985. С. 178, № 5, рис. 1, 5) и бронзового пластинчатого браслета (коллекция, инв. № 2520/21, 22).
- ³⁰ Эрмитаж, коллекция, инв. № 2520; Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1895. № 93.

- ³¹ ОАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 11–15.
- ³² Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1896. № 204; Ольховский В.С. Первый Разменный курган у станицы Костромской // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1995. № 1. С. 85–98.
- ³³ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. С. 20; Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968. С. 110; Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М., 1993. С. 189; Следует заметить, что для некоторых аналогичных блях (олений из Куль-Обы и Тапиосент-мартона, рыбы из Феттерсфельде-Виташково) в свое время Н.И. Веселовским, М.И. Ростовцевым, М. Эбертом, Н. Феттихом предполагались и другие версии – украшения панциря, горита, конского оголовья (Алексеев А.Ю. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996. С. 130; Nawroth M. Der Goldfund von Vetersfelde: vom Schwarzen Meer in die Lausitz // Im Zeichen des Goldenen Greifen: Königs Gräber der Skythen. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 318–327; Kemenczei T. Denkmäler Skythisch Gerägter Eliten im Donau-Theiss-Gebiet // Im Zeichen des Goldenen Greifen. S. 313), позднее уже редко принимавшиеся во внимание.
- ³⁴ Алексеев А.Ю. О так называемых «нащитных эмблемах»... С. 130–134; Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005. Ил. 65 (на горите изображен олень), 80 (на горите – пантера).
- ³⁵ Галанина Л.К. К вопросу о взаимоотношениях скифов с меотами: (по данным новых раскопок Келермесского могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–164; Подробно историю раскопок курганов см.: Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. 1.
- ³⁶ Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М. Келермес: (1990 г. – курган № 31) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 71–85. (МАР; № 3).
- ³⁷ Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы: (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 24. С. 52, 53.
- ³⁸ Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Л., 1990. Вып. 30. С. 47.
- ³⁹ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... Табл. 22–24.
- ⁴⁰ В этом кургане, по сведениям Шульца, местными крестьянами были обнаружены два бронзовых котла, а самим Шульцем – три небольших золотых предмета (Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1904. № 9. Л. 31, 32, 48). При современном доисследовании кургана в 1986 г. был найден двухлопастный бронзовый втульчатый наконечник стрелы.
- ⁴¹ Эрлих В.Р. Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени: (к постановке проблемы) // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2. С. 115–119.
- ⁴² Кисель В.А. Шедевры ювелиров древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
- ⁴³ Там же. С. 52 и сл.
- ⁴⁴ Аналогии см.: Кисель В.А. Шедевры ювелиров Древнего Востока. С. 68, рис. 70, 71.
- ⁴⁵ Кисель В.А. «Огненный» напиток скифов // Сборник научных трудов в честь А.В. Виноградова. СПб., 2007. С. 110–114.
- ⁴⁶ Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / ред. Г.И. Зайцева, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеев, К.В. Чугунов, Е.М. Скотт. СПб., 2005. С. 146–148.
- ⁴⁷ Г. Коссак отнес ранние курганы Келермеса ко второму этапу раннескифской культуры (первая половина VII в. до н.э.), а поздние – к третьему (вторая половина VII в.): Kossack G. Von den Anfängen des Skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987. Приблизительно той же хронологии придерживается И.Н. Медведская: Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. № 3. Началом VI в. до н.э. датируют эти древности В.А. Кореньяко и Т.М. Кузнецова (Кореньяко В.А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990; Кузнецова Т.М. Скифы в период архаики // Юбилейные международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Железноводск, 1998), а Л.К. Галанина и А.Ю. Алексеев – около 660–620 гг. до н.э. (Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 51; Галанина Л.К. Келермесские курганы... С. 192). В настоящее время А.Ю. Алексеев допускает, что два «старших» келермесских кургана могут датироваться временем ранее 670-х годов до н.э., не исключая при этом и VIII в. до н.э.: Алексеев А.Ю. «Старшие» келермесские курганы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. II. С. 9.
- ⁴⁸ Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 240, 241.
- ⁴⁹ Для поздней группы курганов в данном случае можно предположить два варианта хронологии: либо они были сооружены после гипотетического возвращения в Предкавказье поколения скифов царя Бартатуа/Прототия приблизительно в середине VII в. до н.э., либо после возвращения скифов царя Мадия, сына Прототия, в конце VII в.: Alexeev A. Die Kurgane von Kelermes in ihrem historischen Kontext // Reiternomadische Eliten der eurasischen Steppe: Der Skythenkongress [Berlin, 2007]. S. 33, 34.
- ⁵⁰ Эрмитаж, коллекция, инв. № 2503. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 1908. № 60.
- ⁵¹ ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 30, 31; ОАК за 1908 г. СПб., 1912. С. 118–119; ОАК за 1909 г. СПб., 1913. С. 32, слл.
- ⁵² Галанина Л.К., Лесков А.М. Ульские курганы как исторический источник // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тез. докл. СПб., 1996; Эрлих В.Р. Относительная и абсолютная хронология Ульских курганов // ТС: Греки и варвары на

- Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н.э.). СПб., 2000. С. 77–78; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии ... С. 157.
- ⁵³ Галанина Л.К. Ульский курган: (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. СПб., 1999. Вып. 34. С. 58–67. В этом же кургане было найдено и второе погребение, которое, судя по удилам и псалям, датируется первыми веками н. э.
- ⁵⁴ Балонов Ф.Р. Святилище скифской эпохи в Адыгее: (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С. 38 и сл.
- ⁵⁵ Ксенофонтова И.В. Античные импорты Тенгинского могильника и Ульских курганов // ТС: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н.э.). СПб., 2000. С. 81, 82; Она же. Античные импорты из Ульских курганов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века: Резюме докладов XI международной научной конференции 31 мая — 5 июня 2003 г. Ростов-на-Дону, 2003.
- ⁵⁶ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Табл. 58; Этим наверхиям близки аналогичные предметы из кургана 10 (1982 г.) второй половины VI — начала V в. до н.э.: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. Кат. 69, 70.
- ⁵⁷ ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 148–157.
- ⁵⁸ ОАК за 1913–1915 гг. С. 155; Веселовский Н.И. Нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. Пг., 1918. Вып. 65. С. 2; Черненко Е.В. Скифский доспех ... С. 50–53, рис. 28.
- ⁵⁹ Фасосская неклеменная амфора и гераклейская с клеймом АΡΙΣΤ/ΠΠΟΞ из кургана № 4 (Южного) 1913 г. датируются 90-ми годами IV в. до н.э.: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. С. 177–179.
- ⁶⁰ ОАК за 1913–1915 гг. С. 152, рис. 234; Пиотровский А.И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. Т. 3; Beazly J.D. Attic Black-figure Vase-painters. Oxford, 1956. No 2. P. 411; Галанина Л.К. Панафинейская амфора — награда атлету в Афинах. Л., 1962; Olympism in Antiquity. Lausanne, 1998. III: Olympic Museum. P. 68. Кат. 78.
- ⁶¹ Галанина Л.К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. СПб., 2003. Вып. 36. С. 89–99.

- Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н.э.). СПб., 2000. С. 77–78; Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии ... С. 157.
- ⁵³ Галанина Л.К. Ульский курган: (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. СПб., 1999. Вып. 34. С. 58–67. В этом же кургане было найдено и второе погребение, которое, судя по удилам и псалям, датируется первыми веками н. э.
- ⁵⁴ Балонов Ф.Р. Святилище скифской эпохи в Адыгее: (интерпретация курганов на р. Уль) // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987. С. 38 и сл.
- ⁵⁵ Ксенофонтова И.В. Античные импорты Тенгинского могильника и Ульских курганов // ТС: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н.э.). СПб., 2000. С. 81, 82; Она же. Античные импорты из Ульских курганов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века: Резюме докладов XI международной научной конференции 31 мая – 5 июня 2003 г. Ростов-на-Дону, 2003.
- ⁵⁶ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Табл. 58; Этим на верхним близки аналогичные предметы из кургана 10 (1982 г.) второй половины VI – начала V в. до н.э.: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. Кат. 69, 70.
- ⁵⁷ ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 148–157.
- ⁵⁸ ОАК за 1913–1915 гг. С. 155; Веселовский Н.И. Нагрудник с изображением головы Медузы // ИАК. Пг., 1918. Вып. 65. С. 2; Черненко Е.В. Скифский доспех ... С. 50–53, рис. 28.
- ⁵⁹ Фасосская неклеменная амфора и гераклейская с клеймом АΡΙΣΤ/ΠΠΟΣ из кургана № 4 (Южного) 1913 г. датируются 90-ми годами IV в. до н.э.: Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. С. 177–179.
- ⁶⁰ ОАК за 1913–1915 гг. С. 152, рис. 234; Пиотровский А.И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // ИРАИМК. 1924. Т. 3; Beazly J.D. Attic Black-figure Vase-painters. Oxford, 1956. No 2. P. 411; Галанина Л.К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962; Olympism in Antiquity. Lausanne, 1998. III: Olympic Museum. P. 68. Кат. 78.
- ⁶¹ Галанина Л.К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. СПб., 2003. Вып. 36. С. 89–99.

ДРЕВНОСТИ ЭЛЛИНСКИЕ И МЕСТНЫЕ

Е. В. ВЛАСОВА

В Отделе античного мира Государственного Эрмитажа хранятся разнообразные античные древности из Прикубанского региона. Среди них предметы, найденные на Таманском полуострове — в Фанагории, Горгиппии, Гермонассе, а также вещи из знаменитых курганов: Семибратних, Васюринской горы, Большой Близницы и Малой Близницы, Артюховского, так называемого Ахтанизовского клада и курганов фанагорийского некрополя с фигурными сосудами.

Античные древности Таманского полуострова, были первыми среди поступивших в Эрмитаж из Прикубанья. После присоединения полуострова к России в 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору в регионе началось интенсивное строительство, для которого требовался камень. И камень добывали, ломая сохранившиеся древние постройки и проводя раскопки курганов. Можно сказать, что люди, проводившие эти работы, и стали первооткрывателями таманских древностей. В 1790-х — начале 1800-х годов проводились раскопки курганов в окрестностях ст. Сенной, т.е. в некрополе античной Фанагории, под руководством генерала инженерных войск Ван дер Вейде. Почти все ценные находки были похищены солдатами, но к Ван дер Вейде попал золотой браслет с головками змей на концах. В 1800 г. этот браслет был поднесен генералом А.И. Корсаковым императору Павлу I, а в 1854 г. был передан на хранение в I отделение Эрмитажа¹.

В 1804 г. на Таманском полуострове на берегу Ахтанизовского лимана были найдены две поврежденные статуи и пьедестал для них с посвятельной надписью боспорской царицы Комосарии². Эти находки, а также несколько других надписей³ увидел в Тамани хранитель Эрмитажа Е.Е. Кёлер и посвятил им специальное исследование⁴. Пьедестал и несколько надписей, найденных в Тамани и близ Темрюка, в 1851 г. поступили в Эрмитаж⁵, что было связано с постройкой здания Нового Эрмитажа и создания экспозиции боспорских древностей⁶. Тогда же поступили в музей обломки мраморных плит с надписями, найденными в 1841 г. в Горгиппии⁷. Каменные плиты, обнаруженные в Фанагории, Горгиппии, Гермонассе, продолжали поступать в Эрмитаж и в дальнейшем; коллекцию пополнили также фрагменты надписей, приобретенные Н.И. Веселовским в Анапе у табачного торговца Сатира Хамалоглы⁸.

При добыче камня в окрестностях ст. Тамань под руководством военного инженера Я.Л. Парокья в 1817–1818 гг. были открыты курганы некрополя Гермонассы (из них два в 1817 г.⁹, а два других в 1818 г.¹⁰), погребальные сооружения и инвентарь которых свидетельствуют об их греческом характере¹¹. О находках, сделанных в этих погребальных сооружениях, сообщили великому князю Николаю Павловичу, который распорядился передать их в Императорскую Публичную библиотеку, откуда в 1831 г. они поступили в Эрмитаж¹².

Из кургана 1817 г. в музей попали золотые перстень и фибула, а также обломок чернолаковой чаши с граффио. Из находок 1818 г. в Отделе античного мира хранятся обломки чернолакового блюда, резной камень с изображением Диониса и менады, фрагменты мраморного алабастра и серебряные изделия: стригиль¹³, черпак, ситечко¹⁴, две чаши-курильницы на высоких ножках¹⁵, пиксида с крышкой (рис. 1) и килик (рис. 2). У пиксиды (высота 15 см, диаметр дна 6,8 см; инв. № Т.1818.9) профилированная нижняя часть украшена рядом точек и резным позолоченным пояском лесбийского киматия; на стенках — гирлянда из листьев плюща между рядами точек; на дне — четыре концентрических круга и надпись ΔΔΔΔ †, которая, как считают,

Рис. 1. Пиксида. III в. до н.э.
Серебро

Рис. 2. Килик. III в. до н.э.
Серебро

обозначает стоимость или вес; ее крышка имеет высокое фигурное навершие-ручку и украшена тремя поясками с резным рисунком в виде волн между рядами точек¹⁶. Килик (высота 4,7 см; диаметр 10,5 см; инв. № Т.1818.5) на низкой профилированной подставке украшен на внутренней стороне гравированным позолоченным орнаментом: в центре — розетка, по краю — пояс из стилизованных листьев с двумя перехватами, окаймленный нитями жемчужника¹⁷. Считается, что килик и пиксида изготовлены в Восточном Средиземноморье в первой половине III в. до н.э.¹⁸

В 1839, 1841–1843, 1845–1847 гг. раскопки курганов близ Тамани, близ ст. Сенной и ст. Ахтанизовской производили Д.В. Карейша, атаман Г.К. Матвеев и генерал-майор Перовский¹⁹, и несколько находок оттуда поступили в Эрмитаж. Среди них — терракотовые статуэтки I в. н.э. в виде Геракла и всадника²⁰, стеклянный канфар, гипсовые медальоны в виде головы Медузы, фрагменты двух серебряных блях.

В 1852 г. граф Л.А. Перовский поручил директору Керченского музея древностей К.Р. Бегичеву исследовать курганы на Таманском полуострове. Раскопки проводились на Тузле, близ ст. Сенной, близ Тамани, на месте, где была старая турецкая крепость, и в селении Фонтан (совр. ст. Фонталовская)²¹.

В одном из курганов некрополя Фанагории была открыта гробница из сырцового кирпича, внутри обшитая досками, в которой в деревянном саркофаге в вытянутой позе на спине, головой на восток лежала женщина. В головной убор погребенной входили золотые спиралевидные подвески²² и бляшки с головой Медузы и профильным изображением женской головки, на руках были два серебряных браслета с львиными головками на концах. При ней были найдены два краснофигурных лекифа и четыре аттических фигурных сосуда первой половины IV в. до н.э., изображающих богиню с кроталами (рис. 3), Диониса и двух менад (рис. 4). Фигурные сосуды совмещают в себе терракотовые статуэтки и вазы.

Фигурный сосуд-статуэтка в виде крылатой женской фигуры (высота 21,5 см; инв. № Т.1852.50) изображает богиню с распростертыми голубовато-серыми крыльями, только что спустившуюся с неба на землю для совершения ритуального танца у алтаря. Одежды развеваются, голова, обрамленная

тяжелыми локонами, в венке и калафе чуть вскинута вверх. В руках богиня держит кроталы. Фигура богини и алтарь тесно расположены на низкой подставке. Фигура выполнена в пастельных тонах, слегка оживленных красной и желтой красками. Тыльная сторона оформлена в виде чернолакового лекифа, горло которого возвышается над головой богини²³.

Фигурный сосуд в виде Диониса (высота 24,5 см; инв. № Т.1852.51) имеет круглую базу. Петлевидная ручка, венчик и пластически не обработанная тыльная сторона сосуда покрыты черным лаком. Впереди на низком прямоугольном пьедестале обнаженная фигура юного Диониса, переданная фронтально. Подчеркнуты широкие плечи, мощный торс. Дионис опирается на левую ногу; правая отставлена в сторону. У левой ноги — голова льва с открытой пастью, которая является сливным отверстием сосуда. У Диониса — овальное лицо с правильными чертами. Волосы, разделенные на пряди, прикрывая виски и уши, спадают локонами на плечи. На голове пурпурная диадема и повязка из лент (*ταυρία*) с узлом посередине и бантами на висках; концы лент спускаются на плечи. Сзади фигура прикрыта плащом, край которого закрывает левую руку от локтя до кисти и свисает тяжелыми складками вниз. В правой опущенной вниз руке Дионис держит край плаща и ойнохою с желобчатым туловом. Тело Диониса покрыто белой обмазкой. Краски сохранились частично: волосы — светло-коричневые, глаза и пьедестал — голубые, база сосуда, диадема, ленты, ойнохоя — пурпурные²⁴.

Диониса сопровождают две менады (высота 16 см; инв. № Т.1852.52 и высота 16,5 см; инв. № Т.1852.53). Каждая стоит, опираясь на левую ногу, правая нога выдвинута вперед. Руки слегка отведены назад и упираются в бедра. На менаде — длинный хитон, подпоясанный на талии, и нагрудное украшение из лент (*ταυρία τῶν μαστῶν*) с тремя медальонами на груди и

Рис. 3. Фигурный сосуд: богиня с кроталами. IV в. до н.э. Глина

Рис. 4. Фигурные сосуды: Дионис, Менады. IV в. до н.э. Глина

Рис. 5. Фигурный сосуд: сфинкс.
Начало IV в. до н.э. Глина

Рис. 6. Фигурный сосуд: Афродита.
Начало IV в. до н.э. Глина

Рис. 7. Фигурный сосуд: сирена.
Начало IV в. до н.э. Глина

Рис. 8. Фигурный сосуд: птица.
Начало IV в. до н.э. Глина

плечах. Голова слегка наклонена; овальное лицо — с правильными чертами. Волосы, закрывая виски, падают на плечи. На шее — ожерелье, на голове — венок из плюща. Над головой возвышается трехлопастный венчик (в виде лепестка клевера), как бы образующий головной убор. Фигура покрыта белой обмазкой. Краски сохранились частично: волосы, губы, ожерелье — пурпурные, глаза, брови — черные. От венчика идет петлевидная ручка, которая другим концом крепится к тыльной части сосуда. Тыльная сторона сосуда, ручка и венчик, внутри и снаружи, покрыты коричневым лаком²⁵.

Аналогичный погребальный комплекс был открыт в 1869 г. членом Императорской Археологической комиссии бароном В.Г. Тизенгаузенем. В гробнице из сырцового кирпича, перекрытой деревянными брусьями, лежала в вытянутом положении на спине женщина головой на восток²⁶. В составе погребального инвентаря — краснофигурная и чернолаковая керамика, бронзовое зеркало, а также фигурные сосуды и терракотовые статуэтки. Терракотовые статуэтки разнообразны: танцовщицы с покрывалом и танцовщица, закутанная в плащ, две стоящие женские фигуры и опирающаяся на колонну женщина, юноша в плаще с собакой, Афродита с Эротом, Деметра с Корой, Аполлон. Полагают, что они изготовлены в аттической мастерской в конце V в. до н.э.²⁷

Краснофигурная керамика представлена шестью маленькими сосудами (гидрия, ойнохоя, 4 лекифа), которые разные исследователи датируют концом V — первой четвертью IV в. до н.э.²⁸ Фигурных сосудов — шесть; все они имеют полихромную окраску. Один представляет танцующего крылатого демона (инв. № Фа.1869.10), в котором видели Бореада²⁹, другой — стоящую женщину в хитоне и гиматии с перевязью на груди и ларчиком в левой руке (Фа.1869.11), которая, как предполагают, была связана с элевсинским культом³⁰. Эти сосуды повреждены, и внимание исследователей изначально привлекли к себе хорошо сохранившиеся сосуды: сфинкс (рис. 5), Афродита (рис. 6) и сирена (рис. 7)³¹.

Не обращали внимания даже на мало поврежденный фигурный сосуд-статуэтку в виде птицы (рис. 8; высота 10,5 см; инв. № Фа.1869.12). Он имеет яркую окраску. Тело птицы — белое, крылья в верхней части — желтые, а в нижней — голубые. Головка покрыта желтыми, темно-красными и голубыми

перышками, глаза — черные. Грудь птицы и подставка покрыты розовой краской с голубой каймой. Над головкой возвышается узкое горло сосуда, покрытое черным лаком³². Было высказано предположение, что птица — попугай³³, но на него она явно не похожа.

Другой фигурный сосуд-статуэтка представляет сирену (рис. 7; высота 16,2 см; № Фа.1869.8)³⁴, которая стоит прямо с развернутыми крыльями, а хвост ее развернут вбок. Лицо, тело, значительная часть хвоста и верхняя часть крыльев имеют белое покрытие. В нижней части крыльев — голубые и белые полосы. Вверху крылья покрыты позолотой, на крыльях — позолоченные розетки. Хвост частично покрыт розовой и желтой красками. Голова, увенчанная стефаной с рельефными позолоченными розетками на розовом фоне, слегка наклонена вниз. Волосы, покрытые позолотой, падают на плечи. В руках — кроталы, прижатые к груди. Сирена окружена голубыми волнами, которые рельефно выступают впереди двумя рядами. База сосуда — круглая, профилированная, белая. Венчик и тонкая ручка покрыты черным лаком. Задняя сторона покрыта краснофигурным орнаментом: волютообразные стебли, пальметки.

Фигурный сосуд-статуэтка (высота 17 см; инв. № Фа.1869.9) создан в виде полуфигуры Афродиты в раковине (рис. 6)³⁵. Богиня любви и красоты, по преданию, родилась из пены морской и приплыла в раковине на остров Киферу, где был воздвигнут ее первый храм. Мастер представил Афродиту на утренней заре, освещенную первыми лучами солнца. Прекрасное тело богини, переливающееся нежными розоватыми бликами, выступает из перламутровых створок раскрывшейся раковины, плывущей по голубым волнам. Пышный головной убор, золотые ожерелье и серьги придают образу царственную наружность и торжественность.

Фигурный сосуд-статуэтка в виде сидящего сфинкса (высота 21,5 см; инв. № Фа.1869.7) — шедевр классического греческого искусства (рис. 5)³⁶. Его форма объединяет парфюмерный сосуд лекиф и статуэтку сфинкса, фантастического существа с телом льва, крыльями птицы и женской головкой в роскошном головном уборе и с пышными вьющимися локонами. Сосуд сохранил первоначальную яркую окраску. Белое, будто полированное, тело сфинкса выделяется на розовом фоне подставки и стенок сосуда, и серо-голубых крыльев. На лице — румянец, алые губы, темно-синие глаза, черные ресницы; на макушке — бежевое пятно-пальметка; на волосах, розетках диадемы, ожерелье — позолота. По-видимому, такая цветовая гамма в древности применялась для тонирования мраморных и хрисоэлефантинных статуй. На горле сосуда — краснофигурный фриз из удлиненных ов, которые называют «сухариками», на плечиках — краснофигурная гирлянда из миртовых листьев, и между листиками — рельефные, покрытые позолотой ягодки (рис. 9)³⁷. Обратная сторона сосуда над крыльями также покрыта краснофигурным орнаментом (рис. 10). Между лап впереди и с правой стороны — орнаментальная роспись желтой краской на розовом фоне. В орнаменте использованы пальметки, цветки, бутоны, изогнутые линии с волютами и спиралевидными завитками. Вдохновенный мастер делал эту роспись без расчета, свободной рукой, и поэтому ее парные детали не являются абсолютно симметричными и точно совпадающими; иногда они не симметричны, а параллельны, как овы в нижней части обратной стороны сосуда. Сфинкс воспринимается как живой. Если смотреть на него с разных сторон, то выражение его лица меняется от властного до грустного. Это удивительное существо из эрмитажного собрания многих приводило в восхищение и оставалось у них в сердце навсегда.

Рис. 9. Фигурный сосуд: сфинкс (вид сверху). Начало IV в. до н.э. Глина

Рис. 10. Фигурный сосуд: сфинкс (вид сзади). Начало IV в. до н.э. Глина

Увидев таманского сфинкса, И.С. Тургенев влюбился в него и с тех пор называл его «мой сфинкс». Он сообщил о нем своим друзьям и часто мысленно к нему возвращался, и хотел писать о нем³⁸.

Сосуды из этого погребального комплекса датируют по-разному: от конца V до III в. до н.э. По-видимому, они изготовлены в первой четверти IV в. до н.э. в аттической мастерской.

Исследователи отмечают сходство погребений 1852 и 1869 гг. по типу гробниц, погребальному обряду и погребальному инвентарю. Предполагают, что в этих погребениях были захоронены жрицы культа, близкого к элевсинскому, которые, может быть, были связаны со святилищем на Майской горе рядом с Фанагорией, где почитались несколько божеств³⁹.

В курганах этого региона были найдены инталии работы одного из величайших резчиков V — начала IV в. до н.э. — хиосского мастера Дексамена⁴⁰. На одной из них, найденной в 1864 г. в Фанагории (1,8 × 1,3 см; яшма, золотая оправа; инв. № Т.1864.2), изображены цапля и кузнечик и вырезано имя мастера — Δεξαμενός (рис. 11). «Дексамен, как и свойственно ионийцу, страстно влюбленный в красоту мира, раз выбрав объект изображения, внимательно изучал его, создавая интереснейшие вариации одной темы. Изображение стоящей цапли на гемме из Фанагории поражает сочетанием естественности движения птицы и выразительностью плавных линий, вторящих овалу инталии»⁴¹. Инталия с изображением кузнечика работы Дексамена найдена в кургане Малая Близница⁴².

Инталии других мастеров, хранящиеся в Эрмитаже, были найдены в Горгиппии в 1881–1882 гг.⁴³ и в Семибратних курганах. На горном хрустале в золотой оправе из Семибратнего кургана № 6 изображена свинья (рис. 12; 2,1 × 1,7 см; инв. № СБр.VI.7), на халцедоне из Семибратнего кургана № 3 — медведь⁴⁴. В Семибратних курганах также были найдены золотые перстни, на овальном щитке одного из которых изображена пантера, терзающая оленя (рис. 13; длина 1,6 см; инв. № СБр.VI.8); он датируется третьей четвертью V в. до н.э.⁴⁵

Семибратние курганы находятся в южной части Прикубанья. Согласно местной легенде, их называют Семибратними потому, что в них были похоронены семь братьев. Раскопки Семибратних курганов произвел в 1875,

Рис. 11. Инталия: стоящая цапля и кузнечик. V в. до н.э. Яшма, золото

Рис. 12. Инталия: свинья. V в. до н.э. Горный хрусталь, золото

Рис. 13. Перстень: пантера, терзающая оленя. V в. до н.э. Золото

1876, 1878 гг. В.Г. Тизенгаузен⁴⁶. Находки из курганов поступали в ИАК, а откуда передавались в Императорский Эрмитаж. По своей величине курганы были названы Большими и Малыми: Больших — семь, Малых — пятнадцать. Высота самого большого — 15 м. Для этих курганов характерны сырцовые гробницы с деревянным перекрытием. Такая гробница располагалась в центре кургана и состояла из двух или нескольких отделений. В кургане № 1 была каменная гробница. Все погребения в курганах — индивидуальные. Погребенные лежали в саркофагах, покрытых покрывалами. В курганах № 4, 6 найдены фрагменты тканей: шерсти, репса, льна. Орнамент на ткани был, в основном, нанесен росписью; на одном изделии он был выполнен в

Рис. 14. Ожерелье с подвесками. V в. до н.э. Золото

Рис. 15. Бляшка: голова барана. Золото

Рис. 16. Бляшка: голова быка. Золото

Рис. 17. Бляшка: сова. Золото

Рис. 18. Бляшка: протома крылатого кабана. Золото

Рис. 19. Бляшка: голова Ахелоя. Золото

Рис. 20. Бляшка: голова в шлеме с мордой льва на затылке. Золото

гобеленной технике. Предполагают, что изделия из тканей были изготовлены на Боспоре.

Погребенные имели золотые украшения. Например, в кургане № 2 на шее погребенного была гладкая золотая гривна. Там было найдено множество золотых цилиндрических пронизей; полагали, что ниткой с нанизанными цилиндрами можно было обвить шею 10 раз. Среди находок — ожерелье из реберчатых бус и зерновидных подвесок (рис. 14; длина 27,5 см; инв. № СБр. II.27)⁴⁷; оно могло быть изготовлено в середине V в. до н.э. в одной из мастерских на Таманском полуострове.

Золотыми бляшками была украшена одежда погребенного. В бляшках сочетались варварские и греческие мотивы и образы. Есть изображения животных и персонажей греческой религии и культуры. Эти украшения имеют свои стилистические особенности. Найдено около 300 различных золотых бляшек: голова барана (рис. 15; 3,2 × 2,8 см; инв. № СБр. II.1)⁴⁸, голова быка (рис. 16; 3 × 2,8 см; инв. № СБр. II.10)⁴⁹, сова (рис. 17; 3,4 × 2 см; инв. № СБр. II.2)⁵⁰, протома крылатого кабана (рис. 18; 3,8 × 4,6 см; инв. № СБр. II.3)⁵¹, стоящий крылатый лев с хвостом в виде головы хищной птицы

Рис. 21. Бляшка: голова Медузы Горгоны. Золото

Рис. 22. Бляшка: петух. Золото

и с повернутой назад головой, лежащий козел, лежащий олень, голова Ахелоя (рис. 19; $3,4 \times 3$ см; инв. № СБр. II.5)⁵², голова в шлеме с мордой льва на затылке (рис. 20; высота 3,5 см; инв. № СБр. II.6)⁵³, розетка, вихревая розетка, мужская фигура с согнутыми коленями и плодами в руках, голова Медузы Горгоны (рис. 21; $2,4 \times 2,4$ см; инв. № СБр. II.15)⁵⁴, голова человека в профиль с повязкой и ожерельем, цветок лотоса — пальметка, пальметки, сфинкс, барс, прыгающий лев, петух в профиль (рис. 22; диаметр 2,6 см; инв. № СБр. II.22)⁵⁵, профильная протома быка.

Погребальный инвентарь был размещен в изголовье погребенного или в специальном отсеке гробницы. В его составе — оружие и доспехи, керамические сосуды аттического и местного производства, изделия из бронзы, изготовленные в Этрурии, Великой Греции, а также уникальные сосуды из золота и серебра различного происхождения: фиала и серебряные килики, вероятно, изготовленные аттическими мастерами, ахеменидский серебря-

Рис. 23. Фиала: головы силенов. 460–450 гг. до н.э. Серебро

ный ритон и золотые рога для питья, возможно, выполненные в Кубанском регионе. Серебряная фиала из Семибратнего кургана № 2, изготовленная в 460–450 гг. до н.э., украшена внутри бордюром из рельефных головок силенов (рис. 23; диаметр 21,5 см; инв. № СБр. II.31). На серебряном килике с позолотой начала 460-х годов до н.э. из того же кургана изображен эпизод мифа о Беллерофонте (рис. 24; диаметр чаши 14 см; инв. № СБр. II.32). В центре чаши в медальоне изображен на стремительно летящем Пегасе обнаженный Беллерофонт, который обернулся назад, чтобы поразить Химеру. Над медальоном, по кругу чаши, представлены шесть воинов в греческой одежде и с греческим оружием.

Рис. 24. Килик: Беллерофонт.
460-е годы до н.э. Серебро, золото

Из Семибратнего кургана № 4 происходит серебряный килик, изготовленный около 470 г. до н.э. (рис. 25; диаметр 11,5 см; высота 6,7 см; инв. № СБр.IV.15)⁵⁶. На внутренней поверхности в центре — медальон, где нанесено гравированное, покрытое позолотой изображение Ники. Богиня победы с распростертыми крыльями сидит на табурете с резными ножками.левой рукой она опирается на табурет, в вытянутой и слегка опущенной правой руке держит чашу. Голова и ноги изображены в профиль, верхняя часть фигуры и крылья — в фас. Аналогичный по технике изготовления серебряный килик найден в насыпи одного из Малых Семибратних курганов (рис. 26; диаметр чаши 14,5 см; инв. № М.СБр.34); он датируется 470—460 гг. до н.э. В центральном медальоне изображены Дионис и Менада. Вокруг медальона помещены шесть чередующихся фигур силенов и менад.

Серебряный килик из Семибратнего кургана № 6 отличается от упомянутых выше формой чаши, техникой позолоты и стилем изображений (рис. 27; диаметр чаши 11,8 см; инв. № СБр.VI.11). Центральное изображение на внутренней поверхности обрамлено лавровым венком, поясом из пальметок и цветов лотоса и плющевой ветвью. В центральном медальоне — две женские фигуры и одна мужская. Некоторые исследователи полагают, что здесь изображены вернувшийся домой Одиссей, сидящая на

скале грустная Пенелопа и нянька Эвриклея⁵⁷. Килик датируется 440–430 гг. до н.э.

Ахеменидский серебряный ритон V в. до н.э. с наконечником в виде крылатого козла происходит из Семибратнего кургана № 4 (рис. 28; длина 63 см; наибольший диаметр 14 см; инв. № СБр.IV.3)⁵⁸. Золотые рога для

Рис. 25. Килик: Ника.
Ок. 470 г. до н.э. Серебро

Рис. 26. Килик: Дионис и Менада.
470–460 гг. до н.э. Серебро

питья, изготовленные в середине – третьей четверти V в. до н.э., найдены в курганах № 2 и 4. Из кургана № 2 происходят фрагменты рога для питья с наконечником в виде головы льва. В кургане № 4 найдены фрагменты аналогичного сосуда, а также сосуды с наконечниками в виде головы барана (рис. 29; длина 23,5 см, диаметр 6,7 см; инв. № СБр.IV.2) и полуфигуры собаки (рис. 30; длина 27 см, диаметр 5,7–5,9 см; инв. № СБр.IV.1). Все рога для питья имеют одинаковую конструкцию.

Рог, упомянутый последним, состоит из трех частей: верхней – в виде короткого слегка изогнутого усеченного конуса, средней – в виде изогнутого усеченного конуса с четырьмя отверстиями для крепления у верхнего края, наконечника – в виде полуфигуры лежащей собаки. Верхняя часть орнаментирована лепестками лотоса, средняя – двойными и тройными ромбами. Голова животного лежит на вытянутых передних лапах. На обеих лапах 7 пальцев. Наконечник литой, глаза гравированы. На край сосуда напаяно узкое кольцо с орнаментом из ов; на стыке средней и верхней частей – узкое кольцо с руб-

чатыми краями; на стыке наконечника и средней части — узкое кольцо с орнаментом из ов и кольцо из рубчатой проволоки; полоска рубчатой проволоки напаяна на шею собаки. Соединение наконечника и средней части скреплено золотым шплинтом: его шляпка находится на спине собаки, а края загнуты на брюхе животного. Орнамент (лепестки лотоса и ромбы) нанесен «металлическим карандашом», причем мастер не делал предварительной разметки, поэтому размеры лепестков и ромбов варьируют, и отдельные элементы орнамента (ромбы) накладываются друг на друга. Декор из ов, вероятно, был получен путем прокатки по золотому листу колеса с нанесенным орнаментом.

Такие сосуды представляют собой не целые формы, а лишь нижние части рогов для питья. Стволы их, сделанные из рога или дерева, не сохранились. Края же этих сосудов, по мнению М.И. Ростовцева⁵⁹, были украшены найденными в этих же курганах треугольными золотыми пластинами, изображения на которых выполнены в технике басмы. В Семибратнем кургане № 4 таких пластин найдено пять: две — с изображением орла, терзающего зайца

Рис. 27. Килик: три фигуры, Серебро, золото. 440–430 гг. до н.э.

Рис. 28. Ритон. V в. до н.э. Серебро

Рис. 29. Рог для питья: голова барана. V в. до н.э. Золото

Рис. 30. Рог для питья: собака. V в. до н.э. Золото

(рис. 31; 10,3 × 8,3 см; инв. № СБр.IV.6), и по одной — с изображением сенмурва (рис. 32; 8,0 × 8,5 см; № СБр.IV.8), льва, терзающего оленя, и крылатого барса, терзающего козла (рис. 33; 9,8 × 9,5 см; № СБр.IV.5). Пластина, аналогичная последней, найдена в кургане № 2. Верхний край всех пластин загнут, а по периметру их имеются отверстия для гвоздей (на некоторых пластинах гвозди сохранились).

Конструкция сосудов из Семибратних курганов, их одинаковые пропорции и размеры, применение одинаковых технических приемов позволяют предполагать их происхождение из одного центра, который находился в Кубанском регионе (в бассейне р. Кубани). Там же, по-видимому, в середине V в. до н.э. были изготовлены рога для питья из «Майкопского клада»⁶⁰, рог для питья с наконечником в виде головы льва из Уляпского кургана № 4⁶¹ и подвеска в виде головы льва из Уляпского кургана № 1. Там же, вероятно, было изготовлено ожерелье из Семибратнего кургана № 2 (рис. 14).

В зверином стиле выполнены детали конской упряжи V–IV вв. до н.э. из Семибратних курганов, а также из Тузлинского некрополя и кургана Большая Близица. Тузлинский некрополь находится в северо-западном углу Таманского полуострова, у мыса Тузла на берегу Керченского пролива⁶². Его начал раскапывать в 1852 г. К.Р. Бегичев, благодаря которому найдены прекрасные образцы звериного стиля⁶³. Находки из разных курганов позволяют проследить развитие звериного стиля в этом регионе. Наиболее ранние вещи — из Семибратних курганов № 2, 4, 5 (середина — третья четверть V в. до н.э.), за ними следуют предметы «извилистого» силуэта из Тузлинского некрополя (последняя треть V в. до н.э.), затем — изделия из Семибратнего кургана № 3 (первая четверть IV в. до н.э.), псалии из Большой Близицы (вторая половина IV в. до н.э.).

Обычно на деталях упряжи изображается не сцена терзания, а одиночное животное в профиль — реальное и фантастическое. Иногда тело его перекручено посередине как S. Иногда шея развернута назад (на 180°), так что голова находится посередине туловища, а рога переданы фронтально и разделены на две симметричные части (рис. 34; 6,6 × 6,0 см; инв. № СБр.IV.49. Семибратний курган № 4). Часто животное изображается не целиком, а только его протомы или отдельные части тела: голова, лапа, копыто, коготь, клюв, ухо, рога. От конской упряжи из Семибратних курганов дошли обломки железных удил и бронзовые детали: налобники, нащечники, бляшки, пряжки, псалии. Среди налобников есть пластинчатые, налобники — стержни, налобники в виде головок оленей (рис. 35; высота 6 см; инв. № СБр.II.56. Семибратний курган № 2), фантастической птицы, S-видного льва. Есть пряжки в виде утки и большая бляха: лежащий в профиль лев, в хребет которого вцепилась фронтально изображенная пантера. Среди бляшек — лежащий олень, лежащий лось, голова птицы (рис. 36; 9,4 × 5,4 см; инв. № СБр.II.55. Семибратний курган № 2), голова кабана, голова оленя, голова лося, лапа, ухо (рис. 37; длина 4,4 см; инв. № М.СБр. 50 (лапы) + 8,0 см; инв. № М.СБр.51 (ухо) + 6,6 см; инв. № М.СБр.53 (2 головы оленя) + 6,5 см; инв. № М.СБр.54 (голова лося) + 3,9 см; инв. № МСБр.56 (голова лося). Малые Семибратние курганы). Среди двудырчатых псалий есть прямые, Г-образные, S-видные. Иногда животное на них изображено целиком, как, например, S-видный лев; иногда один конец псалия — лапа, копыто или без украшений, другой — профильное изображение птицы (рис. 38; длина стержня 11,8 см; высота пластины 9 см; инв. № СБр.III.20. Семибратний курган № 3), протомы или головы животного и фронтальное изображение головы животного (рис. 39; длина стержней 10,1 см; высота пластин 8,3 и 8,0 см; инв. № Т.1852.64; Тузлинский некрополь)⁶⁴, а также соединение фронтального и бокового изображений головы (рис. 39; длина стержня 11,8 см; высота пластины 10,8 см; инв. № Т.1852.63; Тузлинский некрополь)⁶⁵ и фронтальное изображение головы животного в рамке (рис. 40; длина стержней 12,8 см; длина пластин 5,2 и 4,3 см; инв. № ББ.77. Большая Близница)⁶⁶.

Изображения животных с «перекрученным» S-видным туловищем происходят преимущественно из Кубанского региона. Это изображения оди-

Рис. 31. Пластина: орёл, терзающий зайца. V в. до н.э. Золото

Рис. 32. Пластина: сенмурв. V в. до н.э. Золото

Рис. 33. Пластина: крылатый барс, терзающий козла. V в. до н.э. Золото

Рис. 34. Бляшка: олень.
V–IV вв. до н.э. Бронза

Рис. 35. Налобник: голова оленя.
V–IV вв. до н.э. Бронза

Рис. 36. Бляха: голова птицы.
V–IV вв. до н.э. Бронза

ночных зверей. Такие изображения более характерны для азиатского пояса степей (курган Иссык в Казахстане, алтайские и тувинские курганы, Сибирская коллекция Петра I), причем на них представлены не только одиночные животные, реальные и фантастические, но и сцены терзания.

В зверином стиле используется пальметка, полупальметка, волюты, овы — орнаментальные детали, характерные для греков. Пальметка есть на голове (рис. 36) или хвосте (рис. 38) птиц в бронзовых изделиях. Рога оленя (рис. 34) похожи на две полупальметки из шести лепестков; посередине них — два симметричных дугообразных коротких отростка, концы которых свернуты в волюты. Волюты есть на бляшке-ухе (рис. 37), пальметка —

Рис. 37. Бляшки (лапы, ухо, 2 головы оленя, 2 головы лося). Бронза

Рис. 38. Псаллий. Бронза

между рогами лося (рис. 37). Золотую пластину (рис. 31) украшают ряд из овалов и пальметка, опирающаяся на волюты; у птицы — пальметка-хвост и полупальметка на спине; пальметка из трех лепестков примыкает к овам. На другой золотой пластине (рис. 33) — сверху ряд из овалов, полупальметка на спине крылатого барса, под ногами животных — редуцированная трехлепестковая пальметка, обрамленная внизу волютами. На одной бляшке крылья кабана переданы в виде пальметок (рис. 18), на другой — две волюты между профильными изображениями головы и морды льва (рис. 20).

В составе погребального инвентаря Семибратних курганов есть вещи V — первой четверти IV в. до н.э. Среди них есть отдельные предметы, изготовленные в первой половине V в. до н.э. в различных мастерских; по большей части, это золотые, серебряные и бронзовые изделия высокого качества. Но для определения даты кургана нужно рассматривать все вещи из комплекса в целом, опираясь на более поздние из них. Семибратние курганы начали сооружаться в середине V в. до н.э., когда на Боспоре правили Археанактиды (480—438 гг. до н.э.). Самые поздние из них появились в первой четверти IV в. до н.э. во время правления на Боспоре Левкона I (389/8—349/8 гг. до н.э.) из династии Спартокидов.

По-видимому, все погребенные в курганах происходили из одного рода, но принадлежали разным поколениям. Эти курганы можно рассматривать как единый погребальный комплекс. Большинство исследователей считает, что они принадлежали синдам. В них были похоронены представители высшей синдской аристократии.

Синдика охватывала Таманский полуостров и часть Черноморского побережья до Геленджика и простиралась от Керченского пролива и Черного моря на восток до левобережья Кубани. В синдских землях на берегу моря греки основали город Синдская гавань (Σινδικὸς λιμήν). По сведениям древних авторов, во главе синдских племен стояли цари. У синдов уже в середине V в. до н.э. было свое государство, и от имени народа синдов чеканились монеты. По-видимому, отношения между синдами и греками, между синдскими царями и правителями Боспора (Археанактидами, Спартокидами) были добрыми. Предполагают, что земельные владения боспорских правителей находились в азиатской части Боспора — на северо-западной оконечности Таманского полуострова, т.е. совсем недалеко от столицы Боспорского царства — Пантикапея и рядом с синдскими землями. Там же находились и культовые места. Считают, что синды были союзниками Археанактидов в сдерживании скифского натиска. На европейской стороне Боспора отдельные курганы приписывают представителям синдской знати. Там были распространены имена собственные, повторяющие этноним «синд»: Σίνδος, Σίνδοκος, Σίνδεος.

Первоначально самостоятельные боспорские полисы в V в. до н.э. стали объединяться. Это объединение проходило как насильственным, так и добровольным путем. В IV в. до н.э. под власть боспорских правителей попало и негреческое население, жившее в азиатской части Боспора (синды, тореты, дандарии, псессы), и это отразилось в титулатуре боспорских правителей. Синды потеряли свою независимость, а их собственный правитель перестал именоваться царем. Предполагают, что последний синдский царь с чисто греческим именем Гекатей (Ἐκαταῖος) был похоронен в Семибратнем кургане № 3. Синдская Гавань была переименована в Горгиппию в честь Горгиппа, брата Левкона I, который помог урегулировать тяжелую ситуацию, сложившуюся в Синдике.

Рис. 39. Псалии. Бронза

Существует также мнение, что Семибратние курганы были сооружены скифами. Скифы постоянно на Таманском полуострове не жили. Здесь, по сообщению Геродота, они размещались на зимовку, переходя из Крыма через Керченский пролив (Herod. IV. 28). Полагают, что синдский царский дом был связан через династический брак с династией царских скифов, о чем свидетельствует скифское имя сына синдского царя Гекатея — Октамасад. Очевидно, у скифов и синдов были исходными основные категории материальной культуры. Основным видом вооружения у синдов было оружие скифского типа, но с греческими элементами в защитном доспехе. Оформление конского оголовья из Семибратних курганов, а также из Тузлинского некрополя и кургана Большая Близница имеет свои региональные стилистические особенности.

Скифская культура, несомненно, оказала влияние на синдов. По масштабу погребальных сооружений, богатству и составу инвентаря Семибратние курганы можно сравнить с «царскими» скифскими курганами IV в. до н.э., но

Рис. 40. Псалии. Бронза

«царские» скифские захоронения, синхронные Семибратним курганам, не известны. Поэтому значение Семибратних курганов выходит далеко за рамки региона Таманского полуострова и Прикубанья. Учитывая близость синдского и скифского мира, а также постоянные взаимоотношения синдов с греками, Семибратние курганы можно рассматривать как важнейший памятник истории и культуры синдов, греков и скифов.

Семибратние курганы — археологический памятник Прикубанья классического периода. Вещи архаического периода также найдены в этом регионе. Среди них — амфора с изображением козлов⁶⁷ и фигурный сосуд из египетского фаянса в виде обезьяны с дете-

нышем⁶⁸, обнаруженные в 1913 г. Шкорпилом при раскопках земляных гробниц на мысе Тузла, а также глиняная ойнохоя⁶⁹, бронзовая секира⁷⁰, бляшка в виде двух львиц в геральдической позе⁷¹, стрелы⁷², случайно найденные в 1913 г. казаком Ф. Бурло в могиле на западном берегу Цукурского лимана и приобретенные Императорской Археологической комиссией.

На высоком удлиненном хребте близ Цукурского лимана у ст. Выше-стеблиевской⁷³ находятся два кургана, названных по своему размеру Большая и Малая Близница, или Два брата. По решению Императорской Археологической комиссии в 1864 г. раскопки Большой Близницы начал член ИАК И.Е. Забелин. Продолжили раскопки курганов в 1864–1865, 1868 гг. директор Керченского музея древностей (1853–1878 гг.) А.Е. Люценко и член ИАК барон В.Г. Тизенгаузен, в 1881–1883 гг. — директор Керченского музея древностей (1879–1884 гг.) С.И. Веребрюсов, в 1884–1885 гг. — директор Керченского музея древностей (1884–1891 гг.) Ф.И. Гросс⁷⁴. В 1907 г. курганы осматривал директор Керченского музея древностей (1901–1918 гг.) В.В. Шкорпил и в насыпи Малой Близницы нашел несколько обломков керамики и открыл конское погребение⁷⁵; он также вел работы на Малой Близнице в 1915 г.⁷⁶

В Большой Близнице окружностью 340 м и высотой 15 м были открыты три каменных склепа с уступчатым сводом, два каменных ящика, один из которых был покрыт каменными плитами, другой — деревянными брусьями, а также жженная могила, остатки тризны с жертвенниками и алтарем.

Ограбленный склеп II был украшен стеной росписью; в его погребальной камере на своде была изображена в фас женская голова с цветами в волосах, серьгами с дисками и пирамидальными подвесками в ушах, которую считают изображением богини Деметры или ее дочери Персефоны, именуемой также Корой⁷⁷. М.И. Ростовцев датировал склепы II и I концом IV в. до н.э.⁷⁸

В склепе I стоял украшенный резной слоновой костью и стеклянными вставками кипарисовый саркофаг в виде храма с колонками и пилястрами, близкий саркофагу из Павловского кургана на Керченском полуострове⁷⁹. В нем покоилась женщина в богатом ритуальном уборе⁸⁰. На ее голове была стленгида из листового золота (рис. 41; 17,2 × 3,0 см; инв. № ББ.30), датируемая последней третью IV в. до н.э.⁸¹ Стленгида орнаментирована рельефными волнистыми прядями волос и украшена на концах профильными изображениями сидящей крылатой Ники.

Над стленгидой был золотой калаф (рис. 42; диаметр 21,5–26,0 см, высота 10,0 см; инв. № ББ.29)⁸². Этот головной убор, состоящий из 13 соединенных между собой пластинок, украшен по верхнему краю поясом ов, по нижнему — меандром и розетками, инкрустированными синей эмалью. В центральной его части изображены молодые безбородые варвары и грифоны: четыре сцены борьбы, две одиночные фигуры варваров, три одиночных изображения грифонов. Одни исследователи воспринимают варваров как скифов или аримаспов, считая что для изображения был использован миф о добыче золота, которое стерегут грифоны⁸³, другие — как амазонок, изображения которых популярны в вазовой росписи⁸⁴. По мнению одних специалистов, калаф изготовлен в первой половине IV в. до н.э. и «выполнен в традициях греческого ювелирного искусства эпохи поздней классики, вероятно, боспорским мастером»⁸⁵, другие относят его изготовление к 330–300 гг. до н.э.⁸⁶ Этот головной убор имеет форму корзины, которая служила символом плодородия, изобилия, и назван *καλαθος* («корзина» по-гречески). В калафе изображались Деметра, Артемида Эфесская, Ника и другие божества.

Рис. 41. Стаенгида. IV в. до н.э.
Золото

Этот головной убор есть на головах nereид, представленных на двух золотых височных подвесках из этого же погребения⁸⁷, и на головах персонажей золотых бляшек.

На нашивных бляшках (рис. 43; высота 5,3 и 3,6 см; инв. № ББ.51, 52) танцовщица в калафе, придерживая руками полы короткого хитона, движется на носках, исполняя, как полагают, танец *калатискос*⁸⁸. У движущейся на носках танцовщицы на других бляшках сомкнутые над головой руки закрывают головной убор и видны только края развивающейся над головой накидки (рис. 44; высота 4,9 см; инв. № ББ.50)⁸⁹; полагают, что она исполняет персидский танец *бкласма*, как варвар на серьгах, найденных в Большой Близнице в каменном ящике с деревянным перекрытием (рис. 45; высота 5,0 см; инв. № ББ.192)⁹⁰, как варвары на перстне из Павловского кургана⁹¹ и как Бореад на сосуде из некрополя Фанагории⁹².

Височная подвеска состоит из диска, с которого спускаются цепочки и подвески (рис. 46; диаметр диска 7,2 см; инв. № ББ.31). На лицевой стороне диска в технике басмы выполнен рельеф, изображающий nereиду, сидящую на гиппокампе. На ее голове калаф⁹³ с наброшенным покрывалом. Одной рукой она обхватывает гиппокампа за шею, в другой руке держит предметы вооружения: на одной подвеске — панцирь, на другой — кнemiды. Внешний край диска оформлен в виде бордюра с поясом пальметок в технике скани, обрамленного с двух сторон рубчатой и гладкой проволокой. По краю нижней половины диска прикреплены чередующиеся двухслойные шестилепестковые розетки и умбоны. От них свисает гирлянда из плетеных цепочек, подвесок, которые называют амфоровидными или зерновидными, двухслойных розеток, умбонов, листочков плюща, заполненных зеленой эмалью. Полагают, что на подвесках изображена nereида Фетида, везущая своему сыну Ахиллу оружие, выкованное Гефестом. Nereiда, везущая на морском чудовище оружие Ахиллу, изображена и на перстне из Гомолиона в Фессалии, который датируют серединой IV в. до н.э.⁹⁴

По конструкции и технике исполнения подвески аналогичны подвескам из кургана Куль-Оба. «Вероятнее всего, обе пары были сделаны в одной мастерской, одними и теми же мастерами»⁹⁵. Большинство исследователей датируют кульобские подвески первой половиной IV в. до н.э., а подвески из Большой Близницы — второй половиной IV в. до н.э., даже — последней третью IV в. до н.э.⁹⁶ О месте их изготовления мнения расходятся, но все признают, что они изготовлены греческими мастерами.

Рис. 42. Калаф. IV в. до н.э.
Золото

Среди украшений из этого погребения есть и другие, выполненные в микротехнике: серьги с диском и ладьевидной подвеской, два ожерелья, возможно, сделанные в той же мастерской, что и височные подвески, и многослойные розетки.

Серьги состоят из диска и ладьевидной подвески⁹⁷, с которой свисают плетеные цепи с амфоровидными подвесками и розетками (рис. 47; диаметр диска 1,8 см; инв. № ББ.32)⁹⁸. От края диска к центру идут две окружности из двойных гранул, окружность гладкая и две окружности из витой проволоки. В центре диска — цветок с цилиндрической сердцевинкой и двумя слоями лепестков, обрамленных вокруг волютами из витой проволоки. К диску присоединена ладьевидная подвеска, поверхность которой украшена зернью, жемчужником, гладкой проволокой, верх — пальметками, четырехлепестковой розеткой, простыми волютами, низ — шестилепестковыми розетками, от которых свисают плетеные цепочки, зерновидные подвески, гладкие и украшенные зернью, штриховыми поясками и «перьями», розетки, диски. Сравнивая эти серьги с серьгами, близкими им по конструкции и технике исполнения, найденными в другом погребении Большой Близицы и в других погребальных памятниках Северного Причерноморья (Куль-Обе, Феодосии), а также с серьгами из других регионов (Дервени, Мадита, Трапезунда, Крита,

Рис. 43. Бляшка: танцовщица в калафе, IV в. до н.э. Золото

Рис. 44. Бляшка: танцовщица, IV в. до н.э. Золото

Малой Азии), ученые датируют их третьей четвертью⁹⁹ или последней третью¹⁰⁰, или последней четвертью IV в. до н.э.¹⁰¹

Одно ожерелье¹⁰² (рис. 48; 37,8 × 6,0 см; инв. № ББ.34) представляет собой сплетенную из цепочек двойного переплетения тесьму с аграфами в виде львиных голов и полоски, обрамленной по краю рубчатými, гладкими и плетеными линиями и украшенную пальметкой и волютообразными линиями. К нижнему краю тесьмы прикреплены чередующиеся двойные розетки и умбоны, от которых свисают плетеные цепочки с тремя рядами различно орнаментированных зерновидных подвесок. Мелкие подвески верхнего ряда украшены синей и белой эмалью, подвески среднего ряда — полосками со штриховкой, «перьями» с зернью. В нижнем ряду чередуются два вида крупных подвесок: на одних — «перья» с зернью, на других — «перья» с зернью, полоски со штриховкой и поясok филиграни. Самое близкое данной вещи по характеру изготовления — ожерелье из кургана Куль-Оба, изготовленное в первой половине IV в. до н.э.¹⁰³ Ожерелье из Большой Близницы изготовлено позже. Его датируют третьей четвертью IV в. до н.э.¹⁰⁴ и 330—300 гг. до н.э.¹⁰⁵ Для Северного Причерноморья такие вещи считают привозными, но место их изготовления «определить трудно, а подчас невозможно», так как «в эпоху поздней классики и раннего эллинизма ювелирное искусство было универсальным благодаря широким контактам... В связи с тем, что золотых дел мастера кочевали по всей ойкумене античного мира, взаимовлияния были неизбежны»¹⁰⁶.

Другое ожерелье (рис. 49; длина 33 см; инв. № ББ.33)¹⁰⁷ представляет собой образец развития предыдущего: изменяется оформление аграфов и подвесок. У него — аналогичная тесьма, но аграфы, аналогичные по форме аграфам первого, украшены не львиными головками, а пальметками, и на полоске — поясok из ов, пальметка, розетка. От нижнего края тесьмы, на котором помещены чередующиеся двойные розетки и миниатюрные прото-мы пегасов, свисают на коротких плетеных цепочках три ряда трехлопастных подвесок — мелких, средних, крупных. По мнению Л.Э. Стефани, в трехлопастных подвесках следует видеть стилизованные орешки бука¹⁰⁸. Время из-

Рис. 45. Серьги с пирамидкой.
IV в. до н.э. Золото

Рис. 46. Височная подвеска: nereida
на гиппокампе. IV в. до н.э. Золото

Рис. 47. Серьги с ладьей.
IV в. до н.э. Золото

Рис. 48. Ожерелье. IV в. до н.э.
Золото

готовления ожерелья определяют как рубеж IV—III вв. до н.э.¹⁰⁹ и как 330—300 гг. до н.э.¹¹⁰ Кроме Большой Близницы ожерелья такого типа найдены в Фессалии, Кимах, Коринфе, Южной Италии, Северном Причерноморье (Херсонесе, Пантикапее, Павловском кургане на Керченском полуострове) и в кургане Карагодеуаш в Прикубанье. Есть ожерелья, происхождение которых точно неизвестно. Местом производства таких ожерелий одни считают македонские мастерские, другие — ионийские¹¹¹. И.И. Саверкина предположила, что эти изделия могли изготавливать и в мастерских Северного Причерноморья «работающие там греческие мастера»¹¹².

Розетки из семи слоев (рис. 50; диаметр 2,0 см; инв. № ББ.41), по-видимому, крепились к одежде за три золотые полоски на оборотной стороне. Их слои, состоящие из лепестков, листьев плюща с синей и зеленой эмалью, стебельков с кружками, шестилепестковых розеток с зернью в центре, наизаны на центральную трубочку, увенчанную покрытым зернью куполом. Розетки такого типа происходят из Греции, Малой Азии, Северного Причерноморья, но украшения из Большой Близницы — самые сложные по технике изготовления. Их датируют 330—300 гг. до н.э.¹¹³ Найдены также и другие с покрытым зернью куполом золотые розетки, в слоях которых использованы широкие лепестки, стебельки с кружками, у которых отверстие в центре и рубчатые края (рис. 51; диаметр 2,3 см; инв. № ББ.42). Своим видом они перекликаются с розетками последней трети IV в. до н.э. из Мадита, детали которых выполнены в другой технике¹¹⁴.

На квадратных нашивных бляшках изображена в фас голова Геракла (рис. 52; 5,8 см; инв. № ББ.44), женская голова в фас (рис. 53; 5,8 см; инв.

Рис. 49. Ожерелье. IV в. до н.э.
Золото

Рис. 30. Розетки многослойные.
IV в. до н.э. Золото

Рис. 31. Розетки многослойные.
IV в. до н.э. Золото

№ ББ.45) и женская голова, повернутая на три четверти (рис. 54; 5,8 см; инв. № ББ.46). Вдоль края всех этих бляшек — пояс из ов. Геракл изображен в венке и с палицей¹¹⁵. На шее женских персонажей — ожерелье из крупных бус, в ушах — серьги с диском и пирамидальными подвесками, т.е. серьги такого же типа, как найденные в самом кургане и как изображенные на росписи в склепе II. На одной голове — колосья пшеницы и покрывало, на другой — венок, и рядом с ней изображен факел. Изображению головы с колосьями близко изображение головы с цветами на потолке склепа II. Считают, что на бляшках представлены Деметра и Персефона, но на какой бляшке кто, до сих пор существуют разные мнения¹¹⁶, как и нет точного ответа на вопрос, чья голова изображена на потолке в склепе II.

Среди бляшек есть круглые в виде розетки из 14 лепестков (рис. 55; диаметр 4,9 см; инв. № ББ.48)¹¹⁷, головы Медузы Горгоны в фас (рис. 56; диаметр 4,6 см; инв. № ББ.47)¹¹⁸, головы Гелиоса в фас, головы Афины в фас, протомы Пегаса в профиль¹¹⁹. Есть большие и маленькие бляшки в виде полуфигуры женщины в калафе с крыльями вместо рук и пальметкой с листьями аканфа в нижней части (рис. 57; высота 5,3 см; инв. № ББ.49)¹²⁰. Подобные мифические существа из слоновой кости украшали деревянный саркофаг из склепа III Большой Близицы, но у них есть и крылья, и руки¹²¹. Изображения этих персонажей найдены и в других курганах¹²². В их нижней части бывают не только растительные побеги, но и змеи, волюты, головы чудовищ, а в верхней части — головы грифонов и руки, одна из которых за волосы держит бородатую мужскую голову. На диадеме из Куль-Обы нижние конечности превращаются в изогнутые линии с волютами и полуфигуры морских чудовищ, а вместо женской — крылатая мужская бородатая полуфигура в калафе. При изображении этих божеств происходило смешение греческих представлений о божествах животного и растительного мира и местных религиозных представлений, что отразил Геродот, рассказывая легенду о родоначальниках скифов — змееногой богине и Геракле (Herod. IV. 9–10).

На руках погребенной были золотые браслеты из листового золота с медным сердечником с фигурами прыгающих гривастых львиц на концах (рис. 58; диаметр 7,3 см; инв. № ББ.35, 36)¹²³. По мнению Д.А. Мачинского, «полульвы-полульвицы на браслете — это своеобразное воплощение греческим мастером в традициях “звериных” образов варварского Причерноморья представления об “амазоническом”, андрогенном начале, видимо, присущем культу женского божества Большой Близицы (как и ряду великих малоазийских богинь)»¹²⁴. Браслеты датируют второй половиной¹²⁵, третьей четвертью¹²⁶, последней третью¹²⁷, концом IV в. до н.э.¹²⁸ Пальцы левой руки украшали 4 золотых перстня. Два из них представляют собой имитации каменных гемм-

Рис. 52. Бляшка: Геракл. IV в. до н.э. Золото

Рис. 53. Бляшка: Деметра. IV в. до н.э. Золото

Рис. 54. Бляшка: Кора. IV в. до н.э. Золото

Рис. 55. Бляшка: розетка. IV в. до н.э. Золото

Рис. 56. Бляшка: голова Медузы Горгоны. IV в. до н.э. Золото

Рис. 57. Бляшка: полуфигура женщины с крыльями. IV в. до н.э. Золото

печатей с подвижной дужкой¹²⁹. Один из них сделан в виде фигуры сидящего льва; на овальном щитке — гравированное изображение статуарной фигуры Артемиды (рис. 59; длина 2,4 см; инв. № ББ.37)¹³⁰. Другой представляет собой скарабея с резьбой на щитке: Афродита с миртовой ветвью в одной руке, другой опирается на колонку; склонившийся у ног богини Эрот, завязывает ей сандалии (рис. 60; длина 2,3 см; инв. № ББ.40)¹³¹. Изделия этого типа были найдены в Трёхбратних курганах на Керченском полуострове¹³² и в кургане Денисова Могила близ Орджоникидзе (Владикавказ)¹³³. На двух других перстнях изображена Афродита, играющая с маленьким Эротом, и дева-цикада с кифарой, мотив которой, «возможно, восходит к стихам Анакреонта»¹³⁴.

В склепе I была найдена аттическая краснофигурная пелика, которую датируют 350—340 гг. до н.э.¹³⁵ (высота 40,5 см; инв. № ББ.67). На одной стороне изображены Дионис, Менада, Сатир (рис. 61), на другой — Геракл, убивающий кентавра, посягнувшего на девушку (рис. 61). Последнее изображение В.Ф. Гайдукевич связывал с мифом о спасении Гераклом Афродиты от напавших на нее гигантов¹³⁶. Согласно другому мнению, Геракл спасает свою супругу Деяниру от кентавра Несса¹³⁷.

В погребальный инвентарь входили и детали конской сбруи, среди которых бронзовые фалары с изображением битвы греков с амазонками¹³⁸ (рис. 62; диаметр 9,4 см; инв. № ББ.80) и псалии с одним концом в виде согнутой ноги лошади с копытом и другим — в виде головы оленя в рамке (рис. 40)¹³⁹. Такие вещи не характерны для греческого погребения, особенно женского, как и предметы вооружения, найденные в каменном склепе III в мужском погребении.

Из склепа III до нас дошло несколько обломков деревянного саркофага, украшенного пластинками из слоновой кости с гравированными изображени-

Рис. 58. Браслеты: львицы. IV в. до н.э. Золото

Рис. 59. Перстень: лев — Артемида. IV в. до н.э. Золото

Рис. 60. Перстень: скарабей — Афродита и Эрот. IV в. до н.э. Золото

ями, среди которых мужские обнаженные фигуры, женские крылатые существа в калафе и с завитками и пальметкой в нижней части фигуры, фрагменты животных и птиц, орнаментальные детали. Аналогии им находят в различных местах¹⁴⁰. На погребенном были бронзовые позолоченные кнемиды, бронзовый панцирь, золотой оливковый венок¹⁴¹ и бронзовый позолоченный шлем фракийского типа, в котором «скрещиваются черты аттического типа с признаками новой формы. По-видимому, это объясняется переходным характером этого экземпляра»¹⁴². При погребенном были железные копья, меч, кинжал, наконечники стрел и копий. На пальцах — два золотых перстня: один — гладкий, другой — «с изображением ритона с грифоном на конце, такого же, как найденный в Семибратнем кургане»¹⁴³. Одежда погребенного была расшита золотыми бляшками: голова Медузы, голова Афины, голова сатира, крылатая

Рис. 61. Пелика: Дионис, Менада, Сатир; Геракл, кентавр Несс, Деянира. 350–340 гг. до н.э. Глина

женская фигура с завитками и пальметкой в нижней части и калафом на голове. В склепе была найдена чернолаковая пелика с каннелированным туловом второй половины IV в. до н.э.

В каменном ящике с покрытием из каменных плит¹⁴⁴ находилась женщина в богатом погребальном уборе. На ней были калаф, стленгида и золотые серьги, два ожерелья и пектораль, браслет, перстни. Полагают, что основа калафа была сделана из кожи, на которую с помощью гвоздик крепились украшенная овами золотая лента и золотые фигурки летящей Ники, обнаженных сатиров и менад в длинной одежде. Две менады изображены сидящими на бегущих пантере и грифоне, остальные — в иступленном танце с тирсом или ножом, головой или ногой ягненка в руках¹⁴⁵. Аналогичного типа бляшки в виде пляшущих менад, которые также украшали женские головные уборы, найдены в скифских курганах: Рыжановском, Деевом, Гаймановой Могиле, Денисовой Могиле¹⁴⁶. Скифы, вероятно, перенесли отдельные элементы греческого культа Диониса в собственный культ плодородия, и «женщины, погребенные в головных уборах с вакхическими фигурами по аналогии с Большой Близницей, были служительницами... синкретического скифо-эллинистического культа», т.е. жрицами скифского культа плодородия¹⁴⁷.

На стленгиде — пять рядов умбонов, и с боков к ней крепятся треугольные пластины с таким же орнаментом; выполненные в микротехнике серьги состоят из диска, ладьевидной и зерновидных подвесок; зерновидные подвески есть и в ожерелье, основа которого состоит из бус¹⁴⁸. В другом ожерелье бусины чередуются с головками сатиров, Силены, Гелиоса и барана, с фигурками лягушки и пчелы, а также с изображениями шишки и астрагала. На ажурном фризе пекторали (рис. 63; диаметр 18,4 см; инв. № ББ.115)¹⁴⁹ изображены овцы и козы, собаки и зайцы; края фриза оформлены в виде закрученного жгута с рубчатой проволокой, к которому примыкает ряд ов; на концах пекторали — тесьма из цепочек двойного переплетения, к которой крепятся львиные головки и полосы с орнаментом из волют и ов. У спиралевидного браслета на концах — рельефные изображения лежащего льва и пальмет-

Рис. 62. Фалар: битва греков и амазонки. IV в. до н.э. Бронза

ки¹⁵⁰. Среди перстней есть два с жуковиной из халцедона и золотой перстень с изображением сидящей на табурете женщины, которая играет с собачкой (рис. 64; длина 2,4 см; инв. № ББ.124)¹⁵¹.

В этой могиле были миниатюрные глиняные и бронзовые сосуды, бронзовое зеркало с изображением двух борющихся эротов (рис. 65; диаметр 9,1 см; инв. № ББ.137)¹⁵², амулет из египетского фаянса в виде головы Бэса (рис. 66; высота 7,8 см; инв. № ББ.190)¹⁵³, две маленькие костяные фигурки и терракотовые статуэтки, изготовленные в Аттике в IV в. до н.э.¹⁵⁴, которые трактуются исследователями по-разному. В статуэтках видят Афродиту (рис. 67; высота 25,5 см; инв. № ББ.182), Деметру (рис. 68; высота 18,9 см; инв. № ББ.177), Кору (рис. 69; высота 14 см; инв. № ББ.184), Геракла, стоящего с амфорой и палицей (рис. 70; высота 11,4 см; инв.

№ ББ.170) и сидящего с дубинкой и тимпаном (рис. 71; высота 12,6 см; инв. № ББ.171), Силена, сидящего (рис. 72; высота 11,2 см; инв. № ББ.178) и стоящего с младенцем и виноградной гроздью (рис. 73; высота 11,1 см; инв. № ББ.167), сидящих дароносиц (рис. 74; высота 7,8 см; 7,0 см; 7,8 см; 7,7 см; инв. № ББ.179, 180, 181, 201), борцов (рис. 75; высота 11,8 см; инв. № ББ.168), актеров в различных ролях (рис. 76; высота 7,9; 8,8; 8,7; 8,7 и 10,4 см; инв. № ББ.162–166). Есть две возлежащие на ложе фигуры (рис. 77; длина 11,8 см; инв. № ББ.174), педагог с ребенком (рис. 78; высота 14,1 см; инв. № ББ.173) и кабан (рис. 79; высота 6,2 см; инв. № ББ.185). А.А. Передольская весь комплекс терракот связала с элевсинским культом Деметры и Кору¹⁵⁵, П. Александреску — с культом Деметры связал только две фигуры, а большинство исследователей — с хтоническим культом Диониса¹⁵⁶. Г.И. Соколов отметил «шарж и гротеск» в статуэтках и предположил, что они могли украшать фронтоны деревянного саркофага; по его мнению, «смысл всего комплекса... охватывает... широкий круг чисто жизненных проблем и проникнут критическим, но философским отношением скульптора к сложным реалиям мира. Такое отношение мастера к действительности, общий трагический тонус всей композиции и отдельных образов навеяны, вероятно, смертью похороненной в склепе женщины»¹⁵⁷.

В каменном ящике, покрытом деревянными брусками¹⁵⁸, также были найдены терракотовые статуэтки. Это фигурки Аполлона-Кифареда и сидящей женщины с дарами на блюде (рис. 74; высота 7,7 см; инв. № ББ.201), аналогичной статуэткам дароносиц из уже упомянутого погребения (рис. 74), а также танцующий юноша (рис. 80, высота 14,8 см; инв. № ББ.203), сидящий на земле обнаженный мальчик (высота 10,3 см; инв. № ББ.204) и актеры в женской роли с маской на лице (высота 9,9 и 9,5 см; инв. № ББ.205, 206). Кроме терракот в составе погребального инвентаря были бронзовое зеркало, костяное веретено, чернолаковые и краснофигурные сосуды.

В деревянном саркофаге, украшенном пластинками из слоновой кости, лежала женщина. На ней были золотые серьги (рис. 45)¹⁵⁹, оливковый венок¹⁶⁰,

Рис. 63. Пектораль. IV в. до н.э.
Золото

Рис. 64. Перстень: женщина играет
с собачкой. IV в. до н.э. Золото

Рис. 65. Зеркало: Эроты. IV в. до н.э.
Бронза

Рис. 66. Амулет: голова Бэса.
IV в. до н.э. Фаянс

ожерелье, браслеты. Серьги состоят из диска, с которого свисают по бокам четыре зерновидные подвески (две из них на цепочках двойного переплетения), а в центре — фигурка танцующего варвара и пирамидка с наконечником из двух шариков. Грани пирамидки украшают танцующие фигурки двух сатиров и менады и листья аканфа. Временем изготовления серег считают

последнюю треть IV в. до н.э. Серьги такого типа были найдены и в других регионах эллинского мира¹⁶¹. Как уже было отмечено, серьги с дисками и пирамидальными подвесками изображены в росписи склепа II.

Ожерелье (рис. 81; длина 28,0 см; инв. № ББ.193) состоит из низки чередующихся гладких и филигранных бус с аграфами в виде палицы, орнаментированной овами и завитками с волютами. Под бусинами помещены двухслойные розетки и зерновидные подвески двух видов. Ожерелье датируют 330—300 гг. до н.э. и предполагают, что оно было изготовлено с ожерельем из склепа I в одной мастерской¹⁶². Браслеты из листового золота с медным сердечником состоят из обручей, перевитых проволокой, и фигур прыгающих баранов на концах (рис. 82; диаметр 6,8 см; инв. № ББ.194, 195)¹⁶³; их датируют концом¹⁶⁴ и последней третью IV в. до н.э.¹⁶⁵

В кургане были открыты две обложенные сырцовыми кирпичами прямоугольные площадки и жертвенники. Там сжигались животные, происходила тризна и разбивались сосуды. При раскопках одного такого сооружения были найдены фрагменты краснофигурного рыбного блюда с изображением Европы, окруженной nereидами и эротами, фрагмент терракотовой статуэтки старика с кошельком в руке (рис. 83; высота 8 см; инв. № ББ.91) и терракотовая статуэтка актера в роли молодой женщины, прикрывающей лицо плащом (рис. 84; высота 8,9 см; инв. № ББ.92), при раскопках другого — сосуд с рельефным изображением Европы на быке, и два фрагментированных краснофигурных рыбных блюда с изображением Европы на быке, Посейдона, Тритона, nereиды.

Была открыта и жженная гробница. Судя по остаткам погребального инвентаря, кремирована была женщина. В гробнице найдены бронзовое зеркало и изделия из золота: фрагменты оливкового венка, фрагментированный перстень-скарабей с изображением оленя, миниатюрная фигурка танцующей женщины в калафе (рис. 85; высота 3,2 см; инв. № ББ.15) и фрагмент такой же, которые, возможно, украшали височные подвески, бляшки в виде головы Медузы, розеток, треугольников и др., а также золотые филигранные бусы последней четверти IV в. до н.э.¹⁶⁶ Оттуда же происходит золотая монета Александра Македонского с головой Афины в коринфском шлеме на аверсе и Никой с надписью ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ на реверсе, датируемая последним десятилетием IV в. до н.э.¹⁶⁷

Погребение с кремацией было и в гробнице, расположенной в центре кургана Малая Близница. До нас дошли только поврежденные остатки богатого погребального убранства¹⁶⁸: фрагменты золотого оливкового венка и массивной гривны со змеиными головками на концах, золотой спиралевидный браслет с головками змей на концах, золотые пластины в форме бабочки и прямоугольные с изображением кентавра и nereиды со щитом на гиппокампе (рис. 86—88; длина 8,8 см, 4,9 × 4,2 см, 5,0 × 4,2 см; инв. № Мал.Б.9 + Мал.Б.12 + Мал.Б.13), фрагментированные золотые пластины с женскими головками и головками негров, с пальметками и цветами лотоса, золотые круглые бляшки с головой Медузы в фас (рис. 89; диаметр 4,7 см, 1,5 см; инв. № Мал.Б.10, 11) и бляхи-розетки, бляхи с изображением сфинкса, золотая накладка на серебряной основе с изображением головы Афины в фас (рис. 90; высота 12,7 см; инв. № Мал.Б.6), каменный оселок в золотой оправе с орнаментом из ов, пальметок, розеток, цветков лотоса, треугольников и извилистых линий с волютами¹⁶⁹, золотой наконечник в виде львиной головки, три серебряные бусины, фрагментированная бронзовая рукоятка с головой собаки, а также перстень-скарабеоид из пережженного камня на под-

Рис. 67. Терракота: женская фигура. IV в. до н.э. Глина

Рис. 68. Терракота: женская фигура. IV в. до н.э. Глина

Рис. 69. Терракота: женская фигура. IV в. до н.э. Глина

Рис. 70. Геракл, стоящий с амфорой и палицей. IV в. до н.э. Глина

Рис. 71. Геракл, сидящий с дубинкой и тимпаном. IV в. до н.э. Глина

Рис. 72. Силен сидящий. IV в. до н.э. Глина

вижной золотой дужке с изображением кузнечика (рис. 91; 2,6 × 2,3 см; инв. № Мал.Б.7). О.Я. Неверов считает, что перстень изготовлен в V в. до н.э. в мастерской Дексамена¹⁷⁰.

В Малой Близнице были открыты три детские гробницы со скромным погребальным инвентарем в виде миниатюрных сосудов. В насыпи Малой Близницы было найдено несколько обломков краснофигурной и чернолаковой керамики и было открыто погребение пяти лошадей с конской сбруей, в составе которой были бронзовые и серебряные пластинки «в виде больших розеток со стеклышками в костяной оправе в середине в виде больших кружков, голов Медузы разной величины и пр.», а у двух лошадей на шее найдены бусы: у одной — «из синего “финикийского” стекла с белыми глазками», у другой —

Рис. 73. Силен с младенцем и виноградной гроздью. IV в. до н.э. Глина

Рис. 74. Дароносицы. IV в. до н.э. Глина

костяные¹⁷¹. До Эрмитажа дошли только бронзовая пластина в виде головы Медузы, свинцовая бляшка с изображением лица в фас, низки из костяных бус и пастовых синих бус с белыми колечками (рис. 92; диаметр бусины 1,6 см; инв. № Мал.Б.28).

Рис. 75. Два борца. IV в. до н.э. Глина

По мнению М.И. Ростовцева, центральное погребение Малой Близницы относится к концу III в. до н.э.; оно значительно моложе Большой Близницы, время которой «десятилетия конца IV в. до н.э.»¹⁷². Ю.А. Виноградов, анализируя погребальный инвентарь, сначала высказал мнение, что центральное погребение было совершено около середины IV в. до н.э. и что по отношению к Большой Близнице «именно Малая Близница является старшей»¹⁷³. Позже он уточнил датировку погребальных комплексов Малой Близни-

Рис. 76. Актеры. IV в. до н.э. Глина

Рис. 77. Две фигуры на ложе. IV в. до н.э. Глина

Рис. 78. Педагог с ребенком. IV в. до н.э. Глина

цы: центральный комплекс относится к первой половине — середине IV в. до н.э., три детских погребения — к середине — третьей четверти IV в. до н.э.¹⁷⁴ М. Пфроммер рассматривает только комплексы Большой Близницы и датирует их последней третью IV — серединой III в. н.э.¹⁷⁵ По-видимому, комплексы Большой и Малой Близниц следует отнести ко второй половине IV — рубежу IV—III вв. до н.э. Более точный ответ о датировке курганов, вероятно, дала бы публикация каталога всех находок.

Рис. 79. Кабан. IV в. до н.э. Глина

Погребения Большой и Малой Близниц принадлежат, как считает большинство исследователей, членам одного рода или семейства, которые были связаны с культом какого-то божества. Одни связывают погребенных с элевсинским культом и рассматривают женские захоронения как погребения жриц Деметры¹⁷⁶, другие находят связь с хтоническим культом Диониса¹⁷⁷, с Аф-

Рис. 80. Терракоты: танцующий юноша, сидящий мальчик, актеры в женской роли. IV в. до н.э. Глина

Рис. 81. Ожерелье. IV в. до н.э.
Золото

родитой¹⁷⁸, с местным божеством и «амазонской» темой¹⁷⁹. По-видимому, точно ответить на этот вопрос мы не сможем, ведь в этом памятнике соединены греческие и местные черты и традиции. Боспор демонстрирует смешение греческого и «варварского» во всем: как в политическом устройстве, так и в культуре, искусстве, религии и погребальном обряде.

Деревянные саркофаги, к сожалению, редко сохраняются целиком, и обычно при раскопках находят только их обломки, как было и в кургане Большая Близница. Исключением стал кедровый саркофаг из некрополя Горгиппии (рис. 93; 2,22 × 1,08 × 1,31 м; инв. № Пп.1882.45)¹⁸⁰. Он происходит из женского погребения, открытого В.Г. Тизенгаузенем в 1882 г. в склепе с полуцилиндрическим сводом в кургане у ст. Благовещенской. Распад потолка склепа повредил крышку и дно саркофага, но его остов, раскраска и на-

Рис. 82. Браслеты: бараны. IV в. до н.э. Золото

Рис. 83. Старик с кошельком в руке. IV в. до н.э. Глина

Рис. 84. Актёр в роли молодой женщины. IV в. до н.э. Глина

Рис. 85. Фигурка танцующей женщины. IV в. до н.э. Золото

кладные детали остались в целости. Стенки саркофага состоят из трех досок, средняя из которых покрыта красной краской. Он украшен резными поясами из ов, лесбийским киматием, жемчужником, растительным орнаментом и покрытыми позолотой резными накладными фигурками воинов, а также nereid на гиппокампах, везущих оружие Ахиллу, т.е. изображениями тех же персонажей, что на височных подвесках из Большой Близницы. Саркофаг датируют началом — первой половиной¹⁸¹ или серединой¹⁸² III в. до н.э. Есть два мнения о месте изготовления саркофага: Афины и Боспор¹⁸³.

Из расписного склепа Васюринской горы происходят несколько обломков саркофага, который относят к концу IV—III в. до н.э.¹⁸⁴ Естественный холм Васюринская гора¹⁸⁵ находится в 15 км к юго-востоку от Тамани, в 4 км от поселка Приморский, и тянется параллельно Таманскому заливу и Цукурскому лиману¹⁸⁶, несколько ближе к последнему, чем к первому. С него хорошо видны Большая и Малая Близницы. Он имеет асимметричную форму: очень вытянут на запад, а вершина его находится на восточной стороне. Холм называли по-разному: Ассодаг, Кирпина гора, Круглая гора или Васюринская гора; последнее название фигурирует в научных исследованиях, но иногда его пишут неточно: Васюрина гора. В настоящее время топоним «Васюринская гора» не используется. Местное население называет гору «Чирковой», что, очевидно, связано с тем, что в конце XIX в. гора и земли вокруг нее были проданы некоему Черкову.

Доминирующее положение этой возвышенности всегда привлекало людей. В древности, начиная с III в. до н.э., она неоднократно служила местом для погребений. На горе находились пять курганов: на самой высокой точке — большой курган высотой 10,65 м, диаметр 34 м, западнее — два средних и два малых. В 1868—1872 гг. на Васюринской горе проводили раскопки В.Г. Тизенгаузен и А.Е. Люценко.

В большом кургане был открыт каменный склеп с полуциркульным сводом. Он состоял из камеры и дромоса, покрытых росписью. Склепы такой конструкции появляются на рубеже IV—III вв. до н.э.¹⁸⁷ Ростовцев датировал склеп III в. до н.э.¹⁸⁸ К входу в дромос вела каменная лестница из семи ступеней, по обе стороны от которой высились высокие каменные стены. К верхней их части примыкали каменные ящики, где находились четыре погребения

Рис. 86. Пластина: бабочка. Золото

Рис. 87. Пластина: кентавр. Золото

лошадей. На оштукатуренных стенах дромоса имелась роспись: пять рядов из узких и широких квадров, ионийский сухарный карниз, львиные головы и балюстры, на двух из которых птицы; на стенах склепа — разноцветные полосы, орнамент, балюстры, три птицы. По свидетельству Тизенгаузена и Люценко, на своде представлено «нечто похожее на балдахин с кистями и бахромой»¹⁸⁹. Судя по рисункам Фармаковского, на своде изображен прямоугольный коричневый ковер с красными кистями на углах; в центре него находится еще один прямоугольный голубой ковер, окаймленный бахромой в виде башенок на длинных краях и в виде зубцов — на коротких.

По мнению Ростовцева, в основе оформления Васюринского склепа лежит имитация героона, где умерший трактовался как герой. То есть воспроизведено как бы реальное наземное святилище, но оно находится в подземном мире, откуда нет возврата: темный бордюр ограждает небо (*голубое поле чепрака*) от умершего, воплощая собой невозможность возвращения в реальный мир, а роспись стен склепа представляет собой изображение стены-ограды, на которой сидят ласточки — вестники смерти.

Рис. 88. Пластина: nereida со щитом на гиппокампе. Золото

Рис. 89. Бляшка: голова Медузы. Золото

Рис. 90. Накладка голова Афины.
Золото, серебро

Рис. 91. Перстень-скарабеоид:
кузнечик. Камень, золото

Аналогии росписи Е.В. Ернштедт находил на Делосе, в окрестностях Александрии и Македонской Фракии и полагал, что изображение на своде склепа «восходит к тем коврам, которыми крылись погребальные катаfalки колесниц в Малой Азии и беседки на погребальных лодках, перевозивших по Нилу тело покойного в Египте, как древнем, так и эллинистическом»¹⁹⁰. Л.И. Давыдова обратила внимание на то, что аналогичный мотив украшает потолок этрусской гробницы № 5512 некрополя Монтероцци недалеко от Тарквиний, которая датируется первой половиной II в. до н. э.¹⁹¹ По ее мнению, близость росписи двух гробниц должна «привлечь внимание... к продолжению поисков возможных контактов Этрурии и Боспора», но при этом «было бы неверно говорить о прямом воздействии одного памятника на другой. Скорее, мы должны искать общий для них источник вдохновения. Возможно, это была Македония»¹⁹². Однако подобные изображения не имеют прототипов в Македонии. Они уникальны для расписных гробниц и Боспора, и Этрурии. О взаимовлиянии искусства этих регионов говорить не приходится. Этрусские вещи, найденные на Боспоре, единичны. Вещи боспорского производства из Этрурии не известны. Очевидно, подобный мотив и на Боспор, и в Этрурию привнесен извне. Можно предположить, что в основе росписи на своде Васюринского склепа и на потолке гробницы некрополя Монтероцци лежит изображение персидского чепрака¹⁹³.

Сходство изображений в Васюринском склепе и этрусской гробнице объясняется, вероятно, тем, что за основу росписи взяты реальные вещи, изготовленные в одном из центров бывшей Ахеменидской империи. Возможно, эти вещи попали в руки владельцев случайно. Но вполне допустимо, что персидские ковры были распространенным предметом импорта, но до нашего времени они не дошли, за исключением ковра из Пазырыкского кургана № 5¹⁹⁴.

Вполне естественно, что боспоряне и этруски, взяв за основу росписи чуждую для своей культуры вещь, в погребальном контексте могли трактовать ее по-своему в соответствии с собственной моделью мира. При этом следует отметить, что вещи в быту и вещи в гробнице — это не одно и то же; они принадлежат разным уровням бытия. В не соприкасающихся между собой культурах (в данном случае этрусской и боспорской) сходные мифологемы и их визуальные воплощения могли складываться конвергентно; обычно это характерно для сюжетов, отражающих общечеловеческие универсалии, такие как, например, смерть.

В склепе были найдены уже упомянутые фрагменты деревянного саркофага, стол и скамейка для погребальной трапезы¹⁹⁵. Среди находок имеются две ручки с клеймами третьей четверти III в. до н.э., по-видимому, принадлежавшие одной родосской амфоре, обломки чернолаковой пиксиды начала III в. до н.э. и чернолаковая лекана с росписью, изготовленная позже. «Разница между датой пиксиды и датой леканы никак не может превышать двух-трех десятков лет»¹⁹⁶. Склеп большого кургана, по-видимому, использовался для погребений неоднократно. По археологическому материалу можно предположить, что в рас-

Рис. 92. Бусы. Паста

писном склепе было как минимум два костяка — мужчины и женщины, так как в составе погребального инвентаря упомянуто оружие, принадлежавшее, по всей вероятности, мужчине, и лекана, которая могла принадлежать женщине.

В 1869 г. были открыты четыре конских захоронения. В двух из них найдены налобники с головой грифона, псалии в виде дуги с двумя круглыми петлями в середине и шарами на концах, кольца, полуовальные бляхи и другие предметы небольшого размера, а также бронзовые фрагментированные пластины с орнаментом из кругов и точечных линий, которые Ростовцев считал обивкой нашейника, налобником, нащечником или наглазником¹⁹⁷. Е.А. Беглова полагает, что все они являются фрагментами нагрудника и изготовлены в той же мастерской, где и находка из Тенгинского могильника в Усть-Лабинском районе Краснодарского края¹⁹⁸.

Сравнение деталей конской упряжи с находками из других комплексов¹⁹⁹ позволяет датировать два конских захоронения, в которых найдены налобники с головой грифона и псалии, началом III в. до н.э., т.е. временем сооружения склепа.

В одной из конских могил найдены более поздние по времени овальный и шесть круглых фаларов с плоскими ободками и вставками из стекла (рис. 94; 16,5 × 11,8 см; диаметр 6,7 см; инв. № Вас.15), посеребренные бронзовые кольца с зажимами для ремней. По-видимому, это связано с тем, что при вторичном использовании склепа использовали также и конскую могилу.

Средние курганы имели конусообразную форму с несколько сплюснутой вершиной. Склеп среднего кургана № 1 по своей конструкции очень похож на склеп большого кургана, но он меньших размеров и не имеет росписи. Он был ограблен. В склепе найдены обломки мраморных столов, глиняного желобчатого сосуда и две известняковые плиты от жертвенника, которые до Эрмитажа не дошли. С юго-восточной стороны в склеп вела лестница, а сверху, с двух сторон от лестницы, располагались гробницы лошадей: две каменные

Рис. 93. Саркофаг. Дерево

Рис. 94. Фалары: овальный и круглые. Бронза, стекло, позолота

(разграбленные) и одна земляная (нетронутая). В одной из них, рядом с конским костяком, находилась колесница в обломках, которая имела железный остов и бронзовые украшения.

До нас дошли только некоторые бронзовые украшения колесницы: две фигуры стоящих женщин в калафе (рис. 95; высота 18,8 см; инв. № Вас.71), один целый акротерий и два полуакротерия (рис. 96; высота 19,1, 16,9 и 19,8 см; инв. № Вас.72, 73)²⁰⁰, фрагменты двух драконов со змеиным туловищем и рыбьим хвостом (рис. 96, 97; длина фрагментов 14,5, 9,0, 11,2, 15,8 и 11,1 см; инв. № Вас.74). Морды драконов вызывают ассоциации с мордами драконов на концах спиралевидных браслетов и колец конца III в. до н.э. и первой половины II в. до н.э.²⁰¹

Рис. 95. Женщина в калафе.
Бронза

Как отмечал Ростовцев, по сохранившимся остаткам реконструировать колесницу трудно. Он полагал, что она принадлежала к типу ионийской беговой или военной колесницы, и на основании стилистического анализа ее украшений датировал колесницу первой половиной III в. до н.э.

Там же найдены детали конской упряжи «чисто греческого типа, почти без всяких следов влияния варварской местной обстановки», которые Ростовцев датировал временем не позднее второй половины III в. до н.э. Среди них — рельефный, покрытый бронзой железный медальон с женским бюстом в фас и фрагмент исполненной в той же технике овальной бляхи с изображением орла, несущего Ганимеда, а также четыре железных фалара с серебряной обкладкой, следами позолоты и петлей на оборотной стороне. На фаларах (рис. 98; диаметр 5,2 см; инв. № Вас.69) — большая и маленькая розетки со вставками из граната и синего стекла и волнообразным орнаментом. Полагают, что фалары такого стиля изготавливались в Северном Причерноморье и Прикубанье в III—II вв. до н.э.²⁰²

Концы удила украшены полуфигурами тритонесс (рис. 99; длина 4,6 и 6,0 см; инв. № Вас.68). Железный стержень обтянут серебряным листом, есть следы позолоты. У тритонесс правая рука поднята с круглым предметом (осьминогом?), левая упирается в бок. Ниже живота тело переходит в листья и чешуйчатый хвост, который обкручивает спиралью стержень. Среди изображений тритонесс как в вазописи, так и на металлических изделиях²⁰³ прямых аналогий нет. Ростовцев считал, что по стилю тритонессам из Васюринской горы наиболее близко изображение Сциллы на рельефе, украшающем бронзовое зеркало из Артюховского кургана. Этот рельеф IV в. до н.э. первоначально украшал другой предмет, возможно, зеркало большего диаметра; позже он украсил зеркало из Артюховского кургана²⁰⁴. Среди находок — одна большая и четыре маленькие круглые золотые бляхи с вихревой розеткой, серебряный наносник с изображением крылатого льва (рис. 100; высота 8,2 см; инв. № Вас.67), четыре бронзовых массивных колокольчика.

Кроме склепа в среднем кургане № 1 местные жители случайно открыли не тронутую грабителями плитовую гробницу с большим количеством золотых вещей, которые они сами принесли Люценко, чтобы их приобрели для Эрмитажа. За это Александр II велел выплатить им 1000 рублей.

Среди находок — обломки лаврового венка, спиральный браслет в три оборота в виде змеи²⁰⁵ (рис. 101; высота 11,3 см; инв. № Вас.29), фрагменты диадемы, бусы, фрагментированное ожерелье с урновидными подвесками (рис. 102; длина 7,0 см; инв. № Вас.26) и фрагмент ожерелья в виде двойной пальметки с двумя гранатами (рис. 103; длина 3,8 см; инв. № Вас.27),

Рис. 96. Акротерий, два полуакротерия, морда дракона. Бронза

Рис. 97. Морда и хвост дракона. Бронза

а также серьга с подвеской в виде лебедя (рис. 104; длина 6,4 см; инв. № Вас.28) и фрагмент другой такой же, янтарная бусина в золотой сетке (рис. 105; диаметр 1,9 см; инв. № Вас.31), гладкие бляшки с ушками.

Следует выделить псевдоскарабей из сердолика в виде лежащего льва с интальей в виде бодающегося у дерева быка (рис. 106; длина 2,8 см; инв. № Вас.30). Группа львиных псевдоскарабеев относится к периоду раннего эллинизма. Все найденные при раскопках печати и амулеты этого типа происходят с Боспора. Предполагают, что существует связь между этой группой и монетами царя Фракии Лисимаха. По-видимому, львиный скарабей из Васюринской горы, прежде чем попасть в могилу, долго использовался. Первоначально он имел «перекидную ручку, как и все другие изделия этой группы», а позднее был вставлен в неподвижную золотую оправу²⁰⁶.

Рис. 98. Фалары. Железо, серебро, гранат, стекло

Рис. 99. Концы удила с полуфигурами тритонесс. Железо, серебро

Ростовцев датировал эту гробницу первыми десятилетиями III в. до н.э.²⁰⁷ По мнению Максимовой, ее следует отнести к более позднему времени «на том основании, что некоторые из найденных там вещей, например, золотые серьги... явно перекликаются с серьгами из Артюховского кургана»²⁰⁸.

Другая гробница, открытая в среднем кургане № 1, представляла собой каменный ящик с крышкой, сложенный из тесаных плит известняка. Юноша, захороненный в саркофаге, ориентированный головой на восток, был «богато вышитой золотой парчовой одежде, от которой уцелели только золотые нити»²⁰⁹. Вокруг черепа, на груди, возле рук найдены стеклянный цилиндр, два клыка из кости и остатки костяного амулета в золотой оправе, а также амулеты в виде фалла (рис. 107; высота 1,4 см; инв. № Вас.48) и кисти руки, сложенной в кукиш (рис. 108; высота 1,8 см; инв. № Вас.49) из сердолика в золотой оправе. Миниатюрная скульптура в виде фалла и кисти руки с пальцами, сложенными в кукиш, имеет аналогии и датируется

Рис. 100. Наносник: крылатый лев. Серебро

Рис. 101. Браслет-змея. Золото

Рис. 102. Ожерелье. Золото

III в. до н.э.²¹⁰ Среди находок — разнообразные золотые бляшки: круглые, в виде орла (рис. 109; высота 6,2 см; инв. № Вас.53), головы льва (рис. 110; диаметр 1,6 см; инв. № Вас.54), с шестиконечной звездой (рис. 111; диаметр 3,1 см; инв. № Вас.55), в виде женской головы в фас (рис. 112; диаметр 1,5 см; инв. № Вас.57), лепестков (рис. 113; длина 1,3 см; инв. № Вас.59).

Открытая в этом же кургане детская гробница представляла собой своеобразный каменный ящик: боковыми стенками служили четыре базы от колонн из известняка, прислоненные ребрами друг к другу, покрытые сверху плитами. Найденные в гробнице вещи (два глиняных кувшинчика, терракотовая статуэтка в виде всадника, три медных монеты) хранятся не в Эрмитаже. У подножия кургана обнаружили следы костра и обгоревшую керамику без росписи. В насыпи кургана были найдены обломки скульптур.

Рис. 103. Фрагмент украшения с гранатами. Золото

Рис. 104. Серьга с подвеской — лебедем. Золото

Рис. 105. Янтарь в золотой сетке

Рис. 106. Псевдоскарабей-лев с инталий: бык. Сердолик, золото

Рис. 107. Амулет: фалл. Сердолик, золото

Рис. 108. Амулет: кисть руки. Сердолик, золото

Рис. 109. Бляшки: орел. Золото

Рис. 110. Бляшки: голова льва. Золото

Рис. 111. Круглые бляшки с шестиконечной звездой. Золото

Рис. 112. Бляшки: женская голова в фас. Золото

В Эрмитаже хранится только сжатая кисть левой руки и обломок головы. Известно, что четыре обломка когда-то находились в Царском кургане в Керчи. Ростовцев полагал, что статуи стояли на базах перед входом в камеру или в самой камере.

В среднем кургане № 2, как и в среднем кургане № 1, обнаружены остатки костра с обломками обожженной керамики. В насыпи нашли раздробленный на части бронзовый котел с четырьмя массивными ручками из литой бронзы с изображением головы Силена, который был наполнен землей и обломками амфор. Рядом находились четыре свинцовые квадратные гири. Из этих вещей в Эрмитаж попали только три бронзовые ручки и обломки двух ручек родосских амфор 180–150 гг. до н.э.

В 1872 г. ближе к центру насыпи открыта земляная гробница с костями лошади без инвентаря и ограбленная центральная гробница среднего кургана № 2. С восточной стороны близ центральной гробницы обнаружены следы костра. Это могло бы навести на мысль о кремации, но, по сообщению Люценко, никаких следов человеческих костей найдено не было. В огне побывали золотые и костяные украшения, остатки оружия, кольчуги. В Эрмитаж

поступили пронизи-трубочки, нашивки, гранат в золотой оправе, костяные украшения, а также фрагменты кольчуги.

Малые курганы Васюринской горы фактически пропали для науки, так как никакой документации, связанной с раскопками, нет.

Находки из Васюринской горы свидетельствуют, что она служила как место для захоронений в III—II вв. до н.э. Каменные склепы большого и среднего кургана № 1 использовались для погребений неоднократно. В курганах были погребения лошадей. В насыпях курганов были впускные погребения. Обнаружены также остатки тризны, сырцовые площадки с битой обожженной керамикой, кострище.

По мнению Ростовцева, основанному на свидетельстве Диодора (Diod. 2. 43. 7) и археологических памятниках, в конце IV — начале III в. до н.э. сарматские племена перешли Дон, вторглись в Скифию и вытеснили скифов из южнорусских степей в Крым²¹¹. Тогда же изменилась конструкция погребальных сооружений: появились склепы с полуциркульным сводом. Два таких склепа и были сооружены в курганах Васюринской горы.

Можно согласиться с мнением Ю.А. Виноградова, что в конце IV — первой половине III в. до н.э. «все памятники Таманского полуострова, несмотря на ряд новых черт в обрядности и инвентаре, в целом продолжают синдо-меотскую погребальную традицию»²¹².

К этому времени относят погребальные сооружения Зеленского кургана²¹³. Этот курган высотой 4,45 м и окружностью 193 м был сооружен на холме высотой 135 м, который расположен в 7,5 км к юго-западу от Тамани. У подножия холма находился хутор станичного атамана Зеленского, от которого холм и получил название «Зеленская гора». С холма видны Керченский пролив и Цукурский лиман, Большая и Малая Близницы и Васюринская гора. В кургане в 1866 г. велись хищнические раскопки, но задолго до этого, возможно, еще в древности, был разграблен каменный склеп такой же конструкции, как и склепы Большой Близницы²¹⁴. В 1911 г. грабительские раскопки в центре кургана произвели таманские казаки, раскрыв каменную гробницу и место тризны. Доставшиеся грабителям золотой статер Александра Македонского²¹⁵, фрагмент золотого дубового венка²¹⁶ (рис. 114; длина 14,0 см; инв. № Зел.1), разбитые чернолаковая каннелированная гидрия с накладными рельефными позолоченными ветками и краснофигурная амфора

Рис. 113. Бляшки-лепестки. Золото

Рис. 114. Фрагмент дубового венка. Золото

Рис. 115. Фигурка сирены. Золото

с изображением амазономахин²¹⁷ стараниями Шкорпила были приобретены у грабителей и переданы в Эрмитаж. Фрагмент того же золотого дубового венка, находившийся сначала в коллекции М. де Массоно, сейчас хранится в Национальном музее американского искусства²¹⁸. Гробницу датируют последним десятилетием IV в. до н.э.²¹⁹

В 1912 г. директор Керченского музея древностей сам провел раскопки. В насыпи кургана были найдены обломки различных сосудов, среди которых фрагменты панафинейской амфоры: верхняя часть с профильным изображением головы Афины и маленький обломок с тремя буквами, одна из которых сохранилась частично. По этим буквам Шкорпил восстановил имя афинского архонта Неайхма [Νέαι]χμο[ς] 320/19 г.²²⁰; по этим буквам восстанавливают и другие имена: Демоген, архонт 317/16 г., и Демоклид, архонт 316/15 г.²²¹ Была также обнаружена куча из обломков амфор и черепиц с клеймами²²².

Шкорпил раскопал каменную плитовую гробницу, погребение лошади, каменный ящик и земляной склеп с деревянным перекрытием.

В небольшой гробнице из плит керченского известняка (2,18 × 0,545 × 0,58 м)²²³, которую относят к первой трети III в. до н.э.²²⁴, было погребение мужчины, прямо лежащего на спине головой на восток. На его голове был золотой лавровый венок с маленьким геракловым узлом²²⁵, который датируют первой четвертью III в. до н.э.²²⁶ На груди погребенного нашли янтарную и лигнитовую бусины и золотой диск-медальон, украшенный эмалью и вставками из граната, в центре которого гранат с изображением Сатира в доспехах Геракла²²⁷, выполненным «в характерной для восточных районов эллинистического мира технике» в конце IV — начале III в. до н.э.²²⁸ или первой трети III в. до н.э.²²⁹ В составе погребального инвентаря имелись чернолаковая каннелированная пелика с накладными позолоченными глиняными гирляндами на горле начала III в. до н.э.²³⁰, железный стригиль, железные копья, железные и костяные стрелы, железные наконечники дротиков, нож.

Недалеко от каменной гробницы располагалось конское погребение, где были совершенно разрушенные железные удила, бронзовая пряжка, серебряный налобник, две круглые серебряные бляхи с шестиконечными звездами, серебряный конус и, как предполагают по остаткам, розовая попона²³¹.

В каменном ящике (0,59 × 0,57 × 1,78 м) были железные стрелы, клинок ножа, обломки бронзовой пластины (обивка щита?), алабастр, гладкие золотые бусины и тонкие золотые полоски, кости двух лошадей²³².

В камере земляного склепа (4,01 × 1,98 × 1,32 м) с покрытием из толстых бревен, сооруженного не позднее начала III в. до н.э.²³³, стояла чернолаковая гидрия²³⁴, заполненная жжеными костями и вещами: статером Александра Великого²³⁵, обломками золотого лаврового венка и золотой тесьмы с шаровидными подвесками от ожерелья, золотыми бусами, железным перстнем, обтянутым листовым золотом и играющей на двойной флейте фигуркой сирены, которая крепилась к серьге²³⁶ (рис. 115; высота 3,4 см; инв. № Зел.28). У стены размещались бронзовые таз²³⁷ и ойнохоя²³⁸, возможно, местного производства²³⁹, а также серебряные черпак²⁴⁰ (рис. 116; длина 25,7 см; инв. № Зел.41), ситечко²⁴¹ и сосуды²⁴², среди которых круглодонный сосуд с шаровидным туловом без ручек²⁴³, фиала с каннелированным туловом²⁴⁴, килик²⁴⁵, ситула с крышкой²⁴⁶ (рис. 116; высота 16,9 см; инв. № Зел.34), лекиф с широким венчиком и близким к шаровидному туловом на низком поддоне²⁴⁷ (рис. 116; высота 7,7 см; инв. № Зел.39), сосуд на высокой ножке без ручек²⁴⁸, круглодонный сосуд грушевидной формы с узким горлом и отверстием

в форме плющевого листа в средней части тулова²⁴⁹ (рис. 117; высота 13,9 см; инв. № Зел.40). На дне последнего — большая и малая восьмилепестковые розетки; над каннелюрами в нижней части тулова — позолоченный орнамент: плетенка между двумя «жемчужными» нитями, аканфовая ветвь, «жемчужная» нить. Серебряные вещи датировали концом IV в. до н.э.²⁵⁰ и последней четвертью IV в. до н.э., полагая, что ситечко и ситула изготовлены в Восточном Средиземноморье, а сосуд с шаровидным туловом на Боспоре²⁵¹.

Недавно был снова поставлен вопрос о датировке и происхождении некоторых серебряных изделий из Зеленского кургана²⁵². Лекиф датируют рубежом V—IV вв. до н.э. и находят ему аналогии в Северной Греции²⁵³; килику находят аналогии в погребальных комплексах Македонии и других регионов конца IV в. до н.э.²⁵⁴, параллели ситечку — в вещах третьей четверти — середины IV в. до н.э. из Македонии, Иллирии, Фракии²⁵⁵, параллель орнаменту на дне грушевидного сосуда — во Фракии²⁵⁶. Появилась гипотеза о происхождении серебряных изделий из Зеленского кургана из македонских мастерских²⁵⁷. Но это предположение, по-видимому, останется только предположением. Когда упоминались эллинистические золотые ювелирные изделия, было отмечено, что аналогичные изделия изготавливались в мастерских различных регионов, и трудно установить точное место их производства. То же самое касается и серебряных изделий. Эллинистический период — время смешения в культуре всего и везде, и время создания подобного в различных регионах.

Полагают, что погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют о том, что в Зеленском кургане расположены погребальные сооружения богатого местного семейства²⁵⁸. Погребальные сооружения датируются последним десятилетием IV — первой третью III в. до н.э.²⁵⁹ или концом IV — началом III в. до н.э.²⁶⁰

В 1878—1880 гг. Н.П. Кондаков, В.Г. Тизенгаузен, С.И. Верebrюсов исследовали курганный могильник Кеп. Они проводили раскопки курганов между хутором сотника Артюхова и горой Цимбалы. Самым известным

Рис. 116. Ситула, лекиф, черпак. IV в. до н.э. Серебро

Рис. 117. Сосуд грушевидный. IV в. до н.э. Серебро

стал курган, получивший название Артюховского²⁶¹. Согласно плану раскопок, составленному Ф.И. Гроссом, он имел высоту 6,4 м и окружность около 141 м²⁶².

Были открыты 8 погребальных сооружений разных типов: каменный ящик из тесаных плит с земляным полом (гробницы I, IV, VIII), каменный склеп с полусферическим сводом (гробницы II и VII), небольшая погребальная камера из каменных плит с двумя нишами (гробница III), земляные прямоугольные гробницы (гробницы V и VI). Гробницы ориентированы на восток. В них находились одиночные и парные погребения с труположением на спине. Погребенные лежали на земле. Они были в парадном облачении и имели разнообразный погребальный инвентарь, о чем свидетельствуют неграбленные гробницы I–III²⁶³. Гробницы IV–VIII были разграблены. В гробнице IV на одной из плит, покрывавшей крышу, было рельефное изображение мужской фигуры в фас, сохранился только его рисунок²⁶⁴. В гробнице V²⁶⁵ были найдены три золотых листочка, медная пряжка, медная игла и медная монета третьей четверти III в. до н.э.²⁶⁶ Этих вещей в Эрмитаже нет, как нет и вещей (стеклянного сосуда, двух медных монет и двух медных браслетов) из детской гробницы VI, которую относят к концу I в. до н.э.²⁶⁷, и находок (двух каменных плит с рельефами и обломка, вероятно, «мегарской» чаши) из гробницы VIII²⁶⁸.

В Эрмитаже хранятся вещи из гробницы VII, которая использовалась, как полагает М.И. Максимова, для захоронений дважды: в середине II в. до н.э. и в начале I в. н.э.²⁶⁹ Оттуда происходят фрагменты двух золотых венков с листьями сельдерея конца I в. до н.э., золотая серьга с гранатом, бронзовое зеркало I в. до н.э. — I в. н.э., глиняный бальзамарий конца I в. до н.э. — первой половины I в. н.э., два глиняных светильника местного производства начала I в. н.э., краснолаковый кувшин первых десятилетий I в. н.э., глиняный тонкостенный кувшин I в. н.э., чернолаковое блюдо, видимо, изготовленное в малоазийской мастерской не ранее II в. до н.э., краснолаковая чаша, вероятно, местного изготовления и «мегарская» чаша середины II в. до н.э.

В неграбленных гробницах I–III были обнаружены разнообразные находки.

Гробница I²⁷⁰ из плит белого известняка, устроенная на материке без каменного пола, сложена из четырех продольных и двух поперечных плит, поставленных на ребро (размеры 2 × 0,71 м); в гробнице — погребение женщины, у ног которой за перегородкой из цельной плоской черепицы находилась домашняя посуда. У погребенной была низка из золотых и сердоликовых бус, несколько ожерелий из золота, камней и стеклянных деталей, одно из которых с окончаниями в виде золотых бычьих голов состояло из золотых и гранатовых бус в филигранных оправках²⁷¹, другое представляло собой золотую плетенку с изумрудом, гранатами, стеклянными бусинами и золотыми головками рысей²⁷² (рис. 118; длина 45 см; инв. № Арт.6). Среди украшений имелись также золотая гривна с львиными головками на концах, золотой медальон с изображением Афродиты и Эрота, серьги с подвесками в виде эротов, булавка с медальоном и кисточкой из золотых цепочек с камнями²⁷³ (рис. 119; длина 7,7 см; инв. № Арт.7), круглые золотые бляшки с женской головкой в фас, змеевидные браслеты, золотые перстни, в жуковине одного из них изображение цветка, выполненное в технике перегородчатой стеклянной мозаики (рис. 120; высота 1,5 см; инв. № Арт.13). Голову женщины украшала усыпанная гранатами золотая диадема (рис. 121; диаметр 21 см; инв. № Арт.1) с геракловым узлом, в центре которого золотой орел с Ганимедом. К нижней части диадемы прикреплены сердечки и кружочки из гранатов в

Рис. 118. Ожерелье. Золото, камни

золотой оправе, с которых свисают шесть кистей из золотых цепочек с гранатовыми бусинами²⁷⁴. В гробнице найдены одна золотая серьга с розеткой, серебряное веретено, бронзовое зеркало, серебряный черпак и серебряные сосуды, среди которых был флакон яйцевидной формы с конической крышкой, пиксида, фрагментированный тимиаатерий и канфар с ручками в виде петель с пластинами (рис. 122; высота 8,3 см; инв. № Арт.17); по форме последнему близок стеклянный канфар из ст. Ахтанизовской, который датируют серединой II в. до н.э. и местом изготовления которого считают Восточное Среди-

Рис. 119. Булавка. Золото, камни

Рис. 120. Перстень. Золото, стеклянная мозаика

Рис. 121. Диадема. Золото, гранаты

земноморье²⁷⁵. За перегородкой были найдены железные детали двух разрушившихся от времени шкатулок и глиняные сосуды, среди них чаши, тарелки, унгентарии и чернолаковая амфора с рельефным орнаментом, изготовленная, как предполагает М.И. Максимова, в Малой Азии.

В гробнице II²⁷⁶ было парное погребение мужчины и женщины. На голове женщины были золотой лавровый венок, золотая стленгида с гранатами и стеклянными вставками, булавка того же типа, как булавка из гробницы I, статер Лисимаха и серьги в виде диска с розеткой, увенчанного головным убором Исиды, и с подвесками в виде голубей (рис. 123; высота 6,2 см; инв. № Арт.40), при изготовлении которых использовались золото, гранаты и

Рис. 122. Канфары. Серебро

Рис. 123. Серьги с птицей.
Золото, гранаты, стекловидная
масса

стекловидная масса²⁷⁷. На шее были золотая гривна и ожерелья, на груди — золотой медальон с рельефным изображением Афродиты и Эроса и круглые бляшки с тисненым орнаментом из электра, на руках — золотые змеевидные и витые браслеты и семь разнообразных золотых перстней (с халцедоном, с гранатом, на котором вырезана женская фигура, с жуковиной в форме сандали, в виде свернувшейся в спираль змеи, в виде колечка, с железными вставками в жуковине и с камеей из сардоника: Эрот ловит бабочку Психею). В женском погребении находились серебряный канфар с ручками в виде гераклова узла и с рельефным растительным орнаментом и плетенкой на тулове и лесбийским киматием на поддоне²⁷⁸ (рис. 121; высота 6,2 см, инв. № Арт.61), серебряные чаши, пиксида с орнаментом, позолотой и гранатом на крышке²⁷⁹, кувшинчик с ручкой в виде гераклова узла, черпаки²⁸⁰, пряжка с рельефным изображением, вероятно, Афродиты Апатуры²⁸¹, ложка, два веретена, глиняные сосуды (тарелка, кувшин с витой ручкой, лагинос, унгвентарии, чернолаковые чашка, пиксида, две расписные амфоры и лагинос стиля «западного склона»), железные стригили, бронзовые светильник, футляр из трубочек и зеркало, крышка которого украшена рельеф-

ным изображением морского чудовища Сциллы, которая борется с юношей — спутником Одиссея (рис. 124; диаметр 21 см; инв. № Арт.75). Рельеф, вероятно, был изготовлен еще в IV в. до н.э. и первоначально предназначался для другого изделия, большего по размеру, чем зеркало²⁸².

В гробнице III²⁸³ были погребены мужчина и женщина, в изголовье которых находились небольшие полукруглые ниши. На головах погребенных были золотые венки с цветком выюнка в центре: из листьев маслины — у женщины, из листьев и плодов маслины — у мужчины. На левой руке мужчины был железный перстень, в ногах — покрытая черной глазурью гидрия с ручкой в виде фигуры итифаллического божества Приапа, возможно, боспорского изготовления, чернолаковый стамнос с конической крышкой, вертикальными ручками и реберчатым туловом, изготовленный, вероятно, в Малой Азии, крышка леканы с росписью, видимо, малоазийского происхождения, железный нож с остатками деревянной рукоятки и железный стригиль. На шее женщины было золотое ожерелье в виде мелкой цепочки с пронизиями из лилового стекла на концах и застежками в виде голов рогатых львов, в пасть которых вставлены петля и крючок. Ожерелья этого популярного в эпоху эллинизма типа были у женщин из I и II гробниц. На шее погребенной была также низка из каменных и стеклянных бус, а низка из мелких сердоликовых и стеклянных бус была на ее левой руке, на пальцах которой были золотой перстень с изображением Геракла²⁸⁴ и железный перстень. В ушах женщины — золотые кольчатые серьги с фигуркой эрота, аналогичные которым были найдены на Европейском Боспоре в гробнице первой половины III в. до н.э., на груди — 4 круглые золотые бляшки с орнаментом, в ногах — серебряный унгвентарий²⁸⁵, бронзовые чаша, ухвертка, колечко, фрагментированное зеркало, подобные которому найдены в других местах Прикубанья и, как предполагают, были меотского происхождения и бытовали в III—I вв. до н.э.²⁸⁶ Там же стояли чернолаковая чаша, алебастровая вазочка с бугорками и рельефными поясками, глиняные

Рис. 124. Зеркало: Сцилла. Бронза

Рис. 125. Украшение ложки. Бронза

лагинос, унгентарий, кувшинчик, фрагменты костяного веретена и половина створчатой раковины с остатками румян. В нише у головы женщины стоял серебряный канфар с ручками, завязанными в гераклов узел, украшенный богатым орнаментом: линейным, растительным, плетенкой, лесбийским киматием (рис. 122; высота 7,3 см; инв. № Арт.106); он близок по стилю канфару из гробницы II и, как предполагают, был изготовлен с ним в одной мастерской, вероятно, в Пергаме²⁸⁷.

Над гробницей были обнаружены бронзовые детали сломанной и сожженной деревянной κλίτη, возможно, использованной для доставки умершего в гробницу. Это обкладки ножек, скобы и плоская изогнутая литая пластина с рельефными изображениями на лицевой стороне, которая украшала боковую обрез изголовья (рис. 125; длина 30 см; инв. № Арт.129). На краях пластины помещены медальоны с рельефными бюстами крылатых юношей. В центре пластины — полулежащий на плаще Гермафродит, над головой и у ног которого два эрота играют на музыкальных инструментах. По мнению М.И. Максимовой, эти три фигуры заимствованы из знаменитой в древности живописной композиции, «известной нам по многочисленным античным камням и инталиям». Тип, к которому относится артюховская κλίτη, появился в эпоху эллинизма и сохранялся до II—III вв. н.э.; артюховской κλίτη ближе изделия II—I вв. до н.э.²⁸⁸

Сначала дата неграбленных гробниц кургана различными исследователями определялась от третьей четверти III в. до н.э. до 100 г. до н.э., на что оказывали влияние датировки отдельных найденных там вещей (от III в. до н.э. до I в. н.э.). Изучая материалы Артюховского кургана, М.И. Максимова датировала I—III гробницы 140—125 гг. до н.э.²⁸⁹ М. Пфроммер, анализируя погребальный инвентарь, датировал гробницу I первой половиной II в. до н.э.²⁹⁰, гробницу II — третьей четвертью II в. до н.э.²⁹¹, гробницу III — серединой II в. до н.э. или немного более поздним временем²⁹².

В Артюховском кургане захоранивали членов состоятельных семей, вероятно, связанных с городом Кепы, в течение длительного периода. Особеннос-

тью его погребального инвентаря является отсутствие саркофагов, оружия, конских погребений и конского снаряжения, местных сюжетов в греческой трактовке и преобладание в погребальном инвентаре греческих вещей, что «свидетельствует о том, что боспорское общество середины II в. до н.э. вступило на путь слияния местных и эллинических культурных элементов»²⁹³.

К эллинистической эпохе относится и Буерова могила — курган (высота 13 м, окружность 277 м), сооруженный на холме, продолжающем на восток гряду естественных возвышенностей, на которых находятся курганы Васюринской горы, Большая Близница и Малая Близница. Раскопки проводил в 1870—1871 гг. И.Е. Забелин, а в 1885 г. продолжил Н.П. Кондаков²⁹⁴. К сожалению, сделанные в кургане находки почти не публиковались²⁹⁵. В центре кургана был открыт сооруженный из известняковых плит склеп с уступчатым сводом, обвалившимся еще до раскопок. В ограбленном склепе находились только остатки деревянного саркофага, гвозди, бляшки и обломки вещей. К западу от этого кургана был раскопан небольшой курган, где была земляная гробница с кремацией; в ней тоже были только фрагменты вещей. Находки из склепа и земляной гробницы в музей не попали, как и найденное на жженом точке и в двух небольших гробницах с кремацией, расположенных в западной части большого кургана. В Эрмитаже оказались только находки из плитовой гробницы и конского погребения в южной части этого кургана. Известняковые плиты, покрывавшие гробницу, упали внутрь ее и повредили все, что в ней находилось. Поэтому погребальный инвентарь дошел до нас во фрагментированном виде. Согласно отчету, погребенный лежал головой на восток, и на его голове был золотой лавровый венок с круглой пластиной впереди, «на которой изображен Гелиос на четырехконной колеснице». В гробнице было «еще два подобных же венка» и «золотое широкое ожерелье в виде свившейся двухголовой змеи»²⁹⁶. Из выше перечисленного в Эрмитаже хранятся только пять листьев и две ветки от погребальных венков. Из других золотых изделий, найденных в гробнице, в музей попали бляшка с женской головой в профиль, гривна из полых трубочек с головками оленя на концах. Около скелета лежали покрытые золотыми накладками железная пластина и пять железных мечей; сохранились только обломки мечей, пластина и фрагменты накладок. В гробнице также были обломки панциря, железного щита, шесть копий, наконечники стрел и фрагменты шлема, из которых до нас дошли несколько наконечников стрел и фрагменты шлема²⁹⁷. Из серебряных изделий сохранились поврежденные сосуды и их обломки, из бронзовых вещей — зеркало, фрагменты сосудов, пряжка, фрагмент стригиля. Есть также глиняный сосуд, точильный камень, стеклянная бусина и скарабеоид из яшмы. Из конского погребения происходят два псалия, ромбовидный налобник, круглые бляхи с розеткой, четырехугольные бляхи, ворворки, пряжки, кольца и три шаровидные бусины из пасты. Бронзовая основа этих вещей покрыта серебряным листом.

М.И. Ростовцев, сравнивая погребальный инвентарь с находками из других курганов, датировал Буерову могилу III—II вв. до н.э.²⁹⁸ М.И. Максимова, сравнивая серебряную чашу из Буеровой могилы с чашами из Артюховского кургана и Ахтаниховского клада, определяет время их изготовления серединой — второй половиной II в. до н.э.²⁹⁹, а появление Буеровой могилы относит ко времени Митридата VI³⁰⁰. По мнению Ю.А. Виноградова, Буерова могила сооружена позднее комплексов Большой Близницы и Васюринской горы; взяв за основу датировку М.И. Ростовцева, он полагает, что «Буерова могила относится скорее ко II, нежели к III в. до н.э.»³⁰¹.

Рис. 126. Медальон: Медуза Горгона.
I в. до н.э. Серебро

В 1900 г. на Таманском полуострове близ ст. Ахтанизовской при добыче песка местный житель Яков Лупиков случайно открыл плитовую гробницу, в которой оказались золотые и серебряные вещи. Узнав об этом, другие жители мешками уносили землю для просеивания, чтобы также найти драгоценные изделия. Находки из этого погребального комплекса получили название «Ахтанизовский клад». Значительную часть вещей скупил купец Цыгоев, от которого их получил керченский коллекционер И.А. Терлецкий; у последнего их приобрела ИАК и передала в Эрмитаж. Часть находок у Лупикова и его односельчан приобрел и переслал в ИАК директор Керченского музея древностей (1891–1901) К.Е. Думберг, который получил открытый лист на 1900 г. для раскопок в районе Ахтанизовской станицы и всего Темрюкского района³⁰².

Среди золотых изделий — фрагментированный лавровый венок с геракловым узлом начала II в. до н.э.³⁰³, три гривны с концами в виде голов оленя, кабана и козерога с процарапанными на обороте одной головы буквами, бусина с зернью, трубочки-пронизи, пронизки-розетки, фибулы со вставками из сердолика с вырезанной на нем женской фигурой и горного хрусталя, бляшки в виде орла, пальметки, розетки, круглые бляшки со звездой и круглые с выпуклой серединой, точильный камень в золотой оправе. Из «Ахтанизовского клада» происходят изготовленный в середине II в. до н.э. в Восточном Средиземноморье стеклянный канфар³⁰⁴ и серебряные чаша³⁰⁵ и кубок с надписью по краю³⁰⁶, идентичные подобным изделиям из Артюховского кургана³⁰⁷ и Буеровой могилы³⁰⁸. Серебряные сосуды таких форм, по мнению М.И. Максимовой, бытовали в середине — второй половине II в. до н.э.³⁰⁹

Из серебра изготовлены и бляхи, среди которых выделяется большой круглый серебряный медальон с рельефным изображением головы Медузы Горгоны (рис. 126; диаметр 17,5 см; инв. № Ахт.18). Он изготовлен в I в. до н.э. в Восточном Средиземноморье³¹⁰. Это самая поздняя вещь из Ахтанизовского погребения. Изображение выполнено в технике горельефа. В волосах Медузы две змеи, хвосты которых завязаны узлом под подбородком. На узком плоском бортике медальона — гравированный узор в виде венка из стилизованных листьев, перехваченных с четырех сторон позолоченными полосками с сетчатым орнаментом. Позолочены также зрачки глаз, локоны волос и змеи. На бортике сохранились шипы-заклепки для крепления к основе. По одному мнению, медальон украшал внутреннюю часть чаши или блюда³¹¹; по мнению других, он был нагрудным украшением конской упряжи³¹².

К конской упряжи принадлежали также и другие серебряные бляхи с головой медузы: круглая и овальная, где голова Медузы с пучком молний; они крепились к бронзовой основе. К бронзовой основе крепились и бляхи с розеткой, с вихревой розеткой и бутонами, а также круглые бляхи с крестообразным рельефом с выступающей сердцевинкой, между концами которого рельефные розетки; крестообразный рельеф трактуют как «орнамент из птичьих лап»³¹³. В состав конской упряжи входили и два больших круглых фалара.

Из бронзовых изделий сохранились зеркало, остатки панциря и шлем конической или колоколовидной формы с волютами³¹⁴. Аналогичный шлем, найденный в дер. Мерджаны, датируется не позже конца III в. до н.э.; там же были обнаружены золотые бляшки в виде розеток и бусы, подобные ахтанизовским³¹⁵. По своей форме нащечники ахтанизовского шлема совпадают с нащечниками шлема из Буеровой могилы³¹⁶. Золотые ахтанизовские гривны с головками животных «близки к гривне, найденной в одной из анапских гробниц III–II вв. до н.э.» и к гривне из Буеровой могилы³¹⁷.

Вещи из «Ахтанизовского клада» датируются концом III в. до н.э. — I в. до н.э.³¹⁸ Такой широкий хронологический диапазон, по-видимому, связан с тем, что, вследствие обстоятельств появления этих вещей, нельзя быть абсолютно уверенным в их происхождении из одного места; это можно также объяснить и неоднократным использованием погребального сооружения, как это было, например, в Васюринской горе.

М.И. Ростовцев, сравнивая ахтанизовский погребальный инвентарь с находками из других погребальных комплексов, датирует погребение временем не позже I в. до н.э.³¹⁹ М. Пфроммер относит погребение к первой половине II в. до н.э.³²⁰ Другие исследователи, сравнивая находки из Ахтанизовского погребения с вещами из Артюховского кургана, датируют «Ахтанизовский клад» третьей четвертью II в. до н.э.³²¹

Значительная часть археологических находок античной эпохи из Прикубанья поступила в Эрмитаж после 1917 г. В 1960 г. в Отдел античного мира были переданы вещи из ИА АН СССР, найденные в 1931, 1938 и 1940 гг. на Тамани при раскопках погребальных памятников, которые проводили Н.И. Репников, В.Ф. Гайдукевич³²², А.Г. Остроумов. Среди этих поступлений — разнообразные глиняные сосуды, бронзовые и железные изделия (браслеты, наконечники стрел, наконечники копий, мечи), кости животных. Последним поступлением в Отдел античного мира стал свинцовый якорный шток с деревянным сердечником и следами бледно-розовой огнеупорной обмазки; этот шток III в. до н.э. был обнаружен в 1981 г. Таманской подводно-археологической экспедицией под руководством Д.Ф. Кравченко в Керченском проливе на рифе Тутаева.

Коллекция Эрмитажа демонстрирует все своеобразие культуры античного Прикубанья. В Отделе античного мира представлены находки из археологических комплексов от эпохи архаики до римского времени, но преобладают вещи классического и эллинистического периодов. Среди них — изделия местных мастерских и вещи, изготовленные в различных регионах античного мира: Греции, Малой Азии, Италии, Этрурии. Есть изделия стилистически как чисто античные и варварские, так и предметы греко-варварского стиля, в котором соединились, смешались черты античной и варварской культур и традиций. Среди находок из Прикубанья есть подлинные шедевры.

¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. II-1822. Д. 38. Л. 2; Оп. I-1854. Д. 18. Л. 1–4; Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999. С. 132; Он же. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. Т. 13, отд. 1. С. 73; Clarke E.D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. P., 1812. Vol. 1. P. 529–530; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX века). СПб., 2002. С. 562–564.

² КБН 1015 (инв. № Т.1804.1); Тохтасьев С.Р. Вотив царицы Комоса-

рии // ПАВ. 1994. № 8. С. 81–84; Розанова Н.П. Посвятительная надпись Санергу и Астаре: Памятник царице Комосарии // ВДИ. 1949. № 2. С. 86–89; Тункина И.В. Русская наука... С. 570–572.

³ КБН 1043, 1045, 1046, 1049.

⁴ Köhler H.K.E. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. SPb., 1805; Келер Е.Е. Рассуждение о памятнике царице Комосарии // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно / изд. Григорием Спасским. М., 1850. С. 99–132.

⁵ КБН 1036 (инв. № Т.1828.1), 1039 (инв. № Т. 1), 1043 (инв.

№ Т.1805.2), 1045 (инв. № Т.2), 1049 (инв. № Т.1805.2).

⁶ Власова Е.В. Древности Боспора Киммерийского в Новом Эрмитаже // Новый Эрмитаж: 150 лет со дня создания. СПб., 2003. С. 77–82.

⁷ КБН 1125, 1207–1211, 1218 (инв. № Гп. 14–19, 31).

⁸ КБН 972, 975, 976, 979, 985, 1025, 1051, 1114, 1115, 1117, 1123, 1124, 1130, 1132–1136, 1138, 1139, 1141, 1147, 1151–1155, 1157–1178, 1182, 1185, 1186, 1200–1202, 1204, 1205, 1214, 1226–1229; Власова Е.В. Античные эпиграфические памятники в Эрмитаже // Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 2003. С. 32–33.

- ⁹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 287.
- ¹⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. I-1831. Д. 14/1. Л. 2, 22–26; Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1885. Д. 59. Л. 251; Тункина И.В. Русская наука... С. 572–573.
- ¹¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. I-1831. Д. 14/1. Л. 23–24, 26–29; Латышев В.В. Неизданная рукопись Дюбрюкса «Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 гг.» // ЗООИД. 1889. Т. 15, отд. 1. С. 148; Тункина И.В. Русская наука... С. 572–576.
- ¹² АГЭ. Ф. 1. Оп. I-1831. Д. 14/1. Л. 1, 20–21; Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1-1885. Д. 59. Л. 251; Тункина И.В. Русская наука... С. 572–576.
- ¹³ ДБК. I. Табл. XXXI, 2; ABC. Pl. XXXI, 2; Arte y olimpismo: Exposicion (1999–2000, Palma etc.); Catalogo: Fundacion «la Caixa». Barcelona, 1999. P. 92–93. № 32 с.
- ¹⁴ ДБК. I. Табл. XXXI, 4; ABC. Pl. XXXI, 4.
- ¹⁵ ДБК. I. Табл. XXXVIII, 4; ABC. Pl. XXXVIII, 4.
- ¹⁶ ДБК. I. Табл. XXXVII, 3; ABC. Pl. XXXVII, 3; Античное художественное серебро: Каталог выставки. Л., 1985. С. 24–25. Кат. № 19; Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage. J. Paul Getty Museum. Los Angeles, 2007. Frontispis. P. VII; 174, Cat. N 77 (далее: GBS).
- ¹⁷ Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху: Каталог. М., 1983. Кат. № 390. Античное художественное серебро... С. 24, кат. № 20; GBS. P. 172–173, Cat. N 76.
- ¹⁸ Античное художественное серебро... С. 24.
- ¹⁹ Архив ИИМК. Ф. 63. Д. 5. Л. 102–104; АГЭ. Ф. 1. Оп. I-1848. Д. 8. Л. 3–5; Гёрц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. 2-е изд. СПб., 1898. С. 17–28, 32–36; Тункина И.В. Русская наука... С. 578–579.
- ²⁰ Кобылина М.М. Терракотные статуэтки из Фанагории // САИ. М., 1974. Вып. Г1-11. С. 27, № 76; С. 28, № 80.
- ²¹ Гёрц К.К. Исторический обзор... С. 85–89; Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926. С. 20–21, 64; Паромов Я.М. Фанагорийские курганы с полихромными сосудами // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 396, 400–403.
- ²² Силантьева П.Ф. Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. Л., 1976. Т. XVII. С. 127, рис. 3в.
- ²³ ДБК. I. Табл. LXX, 1, 2; ABC. Pl. LXX, 1, 2; Winter F. Die Typen der figürlichen Terrakotten. Berlin; Stuttgart, 1903. II. S. 141, Nr 6; S. 185, Nr 6; Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. Bonn, 1969. S. 37, N 96; Gratch N.L. Monuments of Ancient Greek Art from the Black Sea // ΜΟΥΣΕΙΟ ΕΡΜΙΤΑΖ: ΜΝΗΜΕΙΑ ΑΡΧΑΙΑΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΤΕΧΝΗΣ ΑΠΟ ΤΟΝ ΕΥΞΕΙΝΟ ΠΟΝΤΟ. ΡΕΜΠΡΑΝΤ. ΡΩΣΟΙ ΖΩΓΡΑΦΟΙ ΤΟΥ 18ου και 19ου ΑΙΩΝΑ. Athens, 1989. P. 82–83, № 17; Паромов Я.М. Фанагорийские курганы... С. 401; GBS. P. 155, Cat. N 61.
- ²⁴ ДБК. I. Табл. LXX, 7, 8; ABC. Pl. LXX, 7, 8; Winter F. Die Typen... S. 246. Nr 6; Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 346; Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1931. S. 241, ff.; Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. S. 18, Nr 42; Культура и искусство... Кат. № 388; Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности. М., 1997. Табл. I; рис. 13; Паромов Я.М. Фанагорийские курганы... С. 401.
- ²⁵ ДБК. I. Табл. LXX, 3–6; ABC. Pl. LXX, 3–6; Winter F. Die Typen... S. 156. Nr 7; S. 168, Nr 4; Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. S. 11, Nr 20, 21; Культура и искусство... Кат. № 386, 387; Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности. Табл. I; рис. 16; Паромов Я.М. Фанагорийские курганы... С. 401.
- ²⁶ ОАК за 1869 г. С. V–VII; ОАК за 1870–1871 гг. Табл. I; II, 1–5; III, 1–2; Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // ЗРАИМК. Пб., 1921. Вып. 1. С. 1–5, 41–44; Паромов Я.М. Фанагорийские курганы... С. 396–400, 402–403.
- ²⁷ Кобылина М.М. Терракотные статуэтки... С. 23–24, № 21–28, 30–31; другую литературу приводит Я.М. Паромов (Фанагорийские курганы... С. 399).
- ²⁸ Мнения исследователей приводит Я.М. Паромов (Фанагорийские курганы... С. 399).
- ²⁹ ОАК за 1870–1871 гг. С. 6; Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы... С. 4, примеч. 9; с. 41, 43.
- ³⁰ ОАК за 1870–1871 гг. С. 7, 165, табл. II, 4; Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы... С. 4, 41, 43.
- ³¹ Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы...; Передольская А.А. Фанагорийские фигурные вазы. Л., 1936; Кобылина М.М. Терракотные статуэтки... С. 24–25, № 32–34.
- ³² Передольская А.А. Фанагорийские фигурные вазы. С. 11; Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. S. 89, Nr 357. Ср.: Ibid. S. 89, Nr 356.
- ³³ ОАК за 1870–1871 гг. С. 6; Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы... С. 4, примеч. 7; с. 43.
- ³⁴ Winter F. Die Typen... S. 228. Nr 6; Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы... С. 20–28, табл. II; Передольская А.А. Фанагорийские фигурные вазы. С. 10–11, 13; Соколов Г.И. Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973. С. 59. № 45; Античная коропластика: Каталог выставки. Л., 1976. С. 30, № 85; Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. S. 56–57, Nr 155; Паромов Я.М. Фанагорийские курганы... С. 397–398. Ср.: Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. S. 57–58, Nr 156–159.
- ³⁵ Winter F. Die Typen... S. 203, Nr. 3; Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы... С. 6–19, табл. III; Передольская А.А. Фанагорийские фигурные вазы. С. 7, 9–10; Соколов Г.И. Античное Причерноморье... С. 58, № 43; Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство древней Греции и Рима в собрании Эрмитажа. Л., 1975. Табл. 58; Античная коропластика... С. 30, № 86; Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. S. 3–4, Nr. 1; Taf. 1; Паромов Я.М. Фанагорийские курганы... С. 396–397. Ср.: Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. S. 4, Taf. 2.

- ³⁶ Winter F. Die Typen... S. 229; Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы... С. 29–40, табл. I, II, IV; Передольская А.А. Фанагорийские фигурные вазы. С. 6, 9; Gaidukevič V.F. Das Bosphoranische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 293, Abb. 86; Соколов Г.И. Античное Причерноморье... С. 60, № 47; Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство... Табл. 59; Античная коропластика... С. 30, № 84; Trumpf-Lyritzaki M. Griechische Figurenvasen. S. 58–59, Nr. 160. Taf. 22a–b; ΜΟΥΣΕΙΟ ΕΡΜΙΤΑΖ... Ρ. 80–81, Ν 16; Паромов Я.М. Фанагорийские курганы... С. 397.
- ³⁷ Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы... С. 29.
- ³⁸ См.: Neverov O. I.S. Tourguéniev et l'art antique // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran: Tourguéniev et l'art. Ρ., 1995. Ν 19. Ρ. 11–12.
- ³⁹ Там же. С. 402–403.
- ⁴⁰ Неверов О.Я. Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 51–61.
- ⁴¹ Он же. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. С. 32, 85, кат. № 19; GBS. Ρ. 144, Cat. Ν 49.
- ⁴² Он же. Античные инталии... С. 87, кат. № 25.
- ⁴³ Там же. С. 91, кат. № 44; С. 93–94, кат. № 54.
- ⁴⁴ Там же. С. 84, кат. № 17; С. 92, кат. № 47.
- ⁴⁵ Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи арханки, классики и эллинизма из Северного Причерноморья // Античная торевтика. Л., 1986. С. 19–20.
- ⁴⁶ Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1.1874 г. Д. 11. Л. 4–5; 1875 г. Д. 3. Л. 1–90; ОАК за 1875 г. С. IV–XV; ОАК за 1876 г. С. III–VIII, 5, 115, 118, 122–127, 129–138, 147–149, 219; табл. I, 15; II, 2–9, 15–22; III, 1–36; IV; ОАК за 1877 г. С. 6–28, табл. I, 1–4; II; ОАК за 1878–1879 гг. С. VII–VIII, 120–134, табл. IV–V; ОАК за 1880 г. С. 95–97, табл. IV, 11–18; ОАК за 1881 г. С. 5–11, табл. I, 1–4; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 351–363; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 47–50 (далее: БЦ); Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 174–187; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966. С. 36–39; Силантьева Л.Ф. Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // ГЭ: Тез. докл. научн. сессии. Л., 1967. С. 46–48; Piotrowsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. L., 1986. Ρ. 7, 61–63, pl. 68–69, 72–90, 93–95, 97–98, 100, 106–108, 110–111, 117 (далее: Scythian Art); Vlasova E.V. Die Sieben-Brüder-Kurgane // Zwei Gesichter der Eremitage: Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997. Bd. I. S. 81–92; Бутягин А.М. Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курган: историко-культурные исследования и реконструкция. СПб., 1996. С. 44–45; Безруков А.В. Семибратние курганы: (к проблеме хронологии и этнической интерпретации) // VI Чтения памяти В.Д. Блаватского: Тез. докладов. М., 1999. С. 12–13; Власова Е.В. Семибратние курганы // БФ. 2001. Ч. II. С. 127–132; Vlasova E.V. Les kourganes des Sept-Frères et les Sindes // Études et Travaux. Warsaw, 2005. XX. Ρ. 276–296. В последней статье есть сноски на все вышедшие до 2005 г. издания о Семибратних курганах и сделанных в них находках, поэтому в данной статье даются сноски на издания после 2005 г.; Vlasova E.V. Seven Brothers Kurgans // GBS. Ρ. 211–213, 213–223, Cat. Ν 109–125.
- ⁴⁷ GBS. Ρ. 216, Cat. Ν 116.
- ⁴⁸ Ibid. Ρ. 213, Cat. Ν 109.
- ⁴⁹ Ibid. Ρ. 215, Cat. Ν 113.
- ⁵⁰ Ibid. Ρ. 213, Cat. Ν 110.
- ⁵¹ Ibid. Ρ. 214, Cat. Ν 111.
- ⁵² Ibid. Ρ. 214, Cat. Ν 112. Другие видят в ней голову Силена или Пана.
- ⁵³ Одни видят в ней голову Афины, другие – Геракла.
- ⁵⁴ GBS. Ρ. 215, Cat. Ν 114.
- ⁵⁵ Ibid. Ρ. 216, Cat. Ν 115.
- ⁵⁶ Ibid. Ρ. 219, Cat. Ν 119.
- ⁵⁷ Неверов О.Я. Культура и искусство античного мира: Эрмитаж: Очерк-путеводитель. Л., 1981. С. 38–39, ил. IV; С. 104.
- ⁵⁸ Иран в Эрмитаже: Формирование коллекций: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 28–29, кат. № 4; Александр Великий: Путь на Восток: Каталог выставки. СПб., 2007. С. 279, кат. № 315. М.И. Артамонов называет наконечник «передней частью крылатого козла» (Сокровища скифских курганов... С. 37) и «протомой козерога» (Там же. С. 101, 108, см.: Фронтиспис; Табл. 117, 119).
- ⁵⁹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 355.
- ⁶⁰ Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. B., 1970. Bd. I. S. 59–60, Farbtaf. VIII, 1; Taf. 31, 35, 36, 1–5.
- ⁶¹ Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987. С. 104, № 100.
- ⁶² Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1886 г. Д. 7; 1913 г. Д. 350; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957. В книге дана история раскопок некрополя, указаны места хранения находок, даны ссылки на архивные материалы и литературу.
- ⁶³ Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху. Кат. № 358–362; Scythian Art. Pl. 275–283.
- ⁶⁴ Scythian Art. Pl. 276; GBS. Ρ. 164, Cat. Ν 69.
- ⁶⁵ Scythian Art. Pl. 279.
- ⁶⁶ Артамонов М.И. Сокровища... С. 79, рис. 151; Scythian Art. Pl. 217; GBS. Ρ. 281, Cat. Ν 172.
- ⁶⁷ Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. Табл. I; Культура и искусство... Кат. № 357.
- ⁶⁸ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 29, рис. 16.
- ⁶⁹ Прушевская Е.О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 32–48, табл. III.
- ⁷⁰ Там же. С. 53–54, рис. 11; Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1964. Табл. 21, 2; Культура и искусство... Кат. № 356.
- ⁷¹ Прушевская Е.О. Родосская ваза... С. 48, рис. 6а, в; Культура и искусство... Кат. № 355; Артамонов М.И. Сокровища... С. 15, рис. 14; Scythian Art. Pl. 2.
- ⁷² Прушевская Е.О. Родосская ваза... С. 56–58, рис. 17, 18.
- ⁷³ Название селения в различных изданиях дается по-разному: «деревня Стеблеевка» (ОАК за 1864 г. С. IV); «селение Стеблеевка» (ОАК за 1865 г. С. III); «Старо-Стеблеевская станица» (ОАК за 1882–1888 гг. С. XVI); «Стеблеевская

- станция» (Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914. С. 10 (далее: АДЖ)); «станция Вышестеблиевская» (БЦ. С. 284; *Kalashnik Y.P. Great Bliznitsa Kurgan // GBS. P. 269*); «д. Стеблиевка» (Артамонов М.И. Сокровища... С. 89).
- ⁷⁴ Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1864 г. Д. 9, 14; 1865 г. Д. 9; 1868 г. Д. 8. Л. 53, 56 об.; Д. 41. Л. 3, 7, 24–31, 47, 48, 73, 74, 77; 1881 г. Д. 7. Л. 1–49; 1882 г. Д. 7. Л. 1–66; 1883 г. Д. 3; 1884 г. Д. 14. Л. 1–14; Д. 47. Л. 24–29; 1885 г. Д. 10. Л. 1–37; Архив ИИМК. Р. 1. 1881 г. Арх. 568. Л. 21, 23; Арх. 569. Л. 4; Стефани Л.Э. Гробница жрицы Деметры. СПб., 1873; АДЖ. С. 10–29 (приведена литература), рис. 1–5; табл. IV–XI, 1; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 371–375; БЦ. С. 284–293; Артамонов М.И. Сокровища... С. 68–74, 89 (приведена литература), рис. 142–153; табл. 266, 267, 271, 279–315; Рис. XII, XV–XVII, XIX, XXIII; 142–153; Культура и искусство... Кат. № 375–385; *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks // Istanbuler Forschungen. Tübingen, 1990. Bd. 37. S. 269–274. FK 127–133; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи V–IV веков до н.э. СПб., 1995. С. 180–195, 267–271 (далее: ГЗ); GBS. P. 269–281.*
- ⁷⁵ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1907 году // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 45–47.
- ⁷⁶ ОАК за 1913–1915 гг. С. 146–148. Находки не хранятся в Эрмитаже.
- ⁷⁷ АДЖ. С. 16, рис. 4; С. 18–19, табл. VII, 2; VIII; Эрнштедт Е.В. Монументальная живопись Северного Причерноморья: (общий обзор памятников живописи) // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 255, рис. 5; Артамонов М.И. Сокровища... Рис. XVI, XXIII; GBS. P. 270, fig. 17.
- ⁷⁸ АДЖ. С. 20.
- ⁷⁹ Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ. М., 1969. Вып. Г1-17. С. 37–39, табл. 20, № 1–3, 5; Он же. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 115.
- ⁸⁰ Стефани Л.Э. Гробница жрицы Деметры.
- ⁸¹ ОАК за 1865 г. Табл. I, 4–5; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 307; ГЗ. С. 185, кат. № 119.
- ⁸² ОАК за 1865 г. С. 21–34, табл. I, 1–3; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 284–285, 291–294; Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство... Табл. 64; *Scythian Art. Pl. 236–238; ГЗ. С. 268, кат. № 203 (каталожная карточка написана Ю.П. Калашником).*
- ⁸³ БЦ. С. 287; Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство... Кат. № 64.
- ⁸⁴ Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 136–138.
- ⁸⁵ Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство... Кат. № 64.
- ⁸⁶ ГЗ. С. 268, кат. № 203 (каталожная карточка написана Ю.П. Калашником).
- ⁸⁷ ОАК за 1865 г. С. 41–48, табл. II, 1–2; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 296, 300; *Scythian Art. Pl. 251; ГЗ. С. 186–187, кат. № 120; С. 267, кат. 202 (каталожная карточка написана Ю.П. Калашником); Минасян Р.С. О первоначальном облике золотых подвесок с изображением головы Афины из кургана Куль-Оба // СГЭ. СПб., 1999. Вып. LVIII. С. 36–38, рис. 2–3; GBS. P. 271, Cat. N 161.*
- ⁸⁸ Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 267; ГЗ. С. 271, кат. № 206 (каталожная карточка написана И.И. Саверкиной).
- ⁸⁹ Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 266; ГЗ. С. 271, кат. № 208 (каталожная карточка написана И.И. Саверкиной).
- ⁹⁰ Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 309; ГЗ. С. 181, кат. № 116.
- ⁹¹ Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 274, 275; ГЗ. С. 171, кат. № 108.
- ⁹² См. примеч. 29.
- ⁹³ Д. Уильямс и Д. Огден называют головной убор «полос» (ГЗ. С. 186, кат. № 120).
- ⁹⁴ *Deppert-Lipitz B. Griechischer Goldschmuck: Kulturgeschichte der Antiker Welt. Mainz, 1985. Bd. 27. Taf. XVI.*
- ⁹⁵ Минасян Р.С. О первоначальном облике... С. 39.
- ⁹⁶ ГЗ, кат. № 87, 120, 198, 202; Александр Великий: Путь на Восток. С. 90, кат. № 27.
- ⁹⁷ М.И. Артамонов назвал подвеску «калачиком» (Сокровища... С. 69).
- ⁹⁸ ОАК за 1865 г. Табл. II, 3; *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... Taf. 27, 31, N 13. Перепутаны иллюстрации и номера; ГЗ, кат. № 122; Александр Великий: Путь на Восток. С. 91, кат. № 29; GBS. P. 272, Cat. N 162.*
- ⁹⁹ *Deppert-Lipitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 183; GBS. P. 272, Cat. N 162.*
- ¹⁰⁰ ГЗ. С. 190, кат. № 122.
- ¹⁰¹ *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... Taf. 31, N 13.*
- ¹⁰² ОАК за 1865 г. Табл. II, 4; *Ruxer M.S. Historja Naszyjnika Greckiego. Poznań, 1938. Vol. I. Pl. XXIX, i, j; Segall B. Zur griechischen Goldschmiedekunst des 4. Jh. Chr.: Eine griechische Schmuckgruppe in Schmuckmuseum Pforzheim. Wiesbaden, 1966. Taf. 5; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 305; Scythian Art. Pl. 230; Грач Н.Л. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба: (две реконструкции) // Античная тюретика. Л., 1986. С. 83–84, 86; GBS. P. 273–274, Cat. N 163.*
- ¹⁰³ Грач Н.Л. Гребень и ожерелье... С. 86.
- ¹⁰⁴ GBS. P. 273–274, Cat. N 163.
- ¹⁰⁵ ГЗ. С. 188, кат. № 121.
- ¹⁰⁶ Грач Н.Л. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба: (две реконструкции). С. 86.
- ¹⁰⁷ ОАК за 1865 г. Табл. II, 5; *Ruxer M.S. Historja Naszyjnika Greckiego. Pl. XXIX, 2; Segall B. Zur griechischen Goldschmiedekunst... Taf. 5; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 306; ГЗ. С. 191, кат. № 123; Саверкина И.И. Греческие ожерелья на рубеже классики и эллинизма // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001. С. 95–96, рис. 1.*
- ¹⁰⁸ ОАК за 1865 г. С. 48.
- ¹⁰⁹ *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... Abb. 43 c.*
- ¹¹⁰ ГЗ. С. 191, кат. № 123.
- ¹¹¹ Саверкина И.И. Греческие ожерелья... С. 95–103. Приводятся все мнения. ГЗ, кат. № 30, 53.
- ¹¹² Саверкина И.И. Греческие ожерелья... С. 102.

- ¹¹³ ОАК за 1865 г. Табл. III, 21; ГЗ. С. 195, кат. № 130; GBS. P. 277, Cat. N 165.
- ¹¹⁴ ГЗ. С. 114–115, кат. № 66.
- ¹¹⁵ ОАК за 1865 г. Табл. II, 9; Артамонов М.И. Сокровища... С. 70, 77, рис. 147; ГЗ. С. 195, кат. 129; Александр Великий: Путь на Восток. С. 91, кат. № 28; GBS. P. 278–279, Cat. N 168.
- ¹¹⁶ ОАК за 1865 г. Табл. II, 7, 8; АДЖ. С. 12, табл. XI, 1–2; Артамонов М.И. Сокровища... С. 70, 76, рис. 145, 146; ГЗ. С. 194–195, кат. № 127, 128; GBS. P. 278, Cat. N 166, 167.
- ¹¹⁷ Артамонов М.И. Сокровища... С. 78, рис. 149.
- ¹¹⁸ Там же. С. 77, рис. 148.
- ¹¹⁹ Там же. С. 78, рис. 150.
- ¹²⁰ ОАК за 1865 г. Табл. III, 4; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 308; Scythian Art. Pl. 207; ГЗ. С. 270–271, кат. № 204, 205 (карточки написал Ю.П. Калашник).
- ¹²¹ Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги... С. 39, табл. 21.
- ¹²² Ср.: Scythian Art. Pl. 144, 203; ГЗ. С. 142–143, кат. № 85.
- ¹²³ ОАК за 1865 г. Табл. II, 6; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 279; Scythian Art. Pl. 234; Deppert-Lipitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 190, Abb. 139; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 342, TA 124, Abb. 16, 4; ГЗ. С. 192–193, кат. № 124; GBS. P. 275–276, Cat. N 164.
- ¹²⁴ Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могила. С. 138.
- ¹²⁵ GBS. P. 275–276, Cat. N 164.
- ¹²⁶ Deppert-Lipitz B. Griechischer Goldschmuck. S. 190, Abb. 139.
- ¹²⁷ ГЗ. С. 193, кат. № 124.
- ¹²⁸ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 342. TA 124.
- ¹²⁹ Неверов О.Я. Металлические перстни... С. 23.
- ¹³⁰ ОАК за 1865 г. Табл. III, 23; Segall V. Zur griechischen Goldschmiedekunst... Taf. 37, 4; Артамонов М.И. Сокровища... Рис. 142, 143; Неверов О.Я. Металлические перстни... С. 23; ГЗ. С. 193, кат. № 125.
- ¹³¹ ОАК за 1865 г. Табл. III, 24; Segall V. Zur griechischen Goldschmiedekunst... Taf. 37, 1; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 280, рис. 144; Неверов О.Я. Металлические перстни... С. 23; ГЗ. С. 194, кат. № 126.
- ¹³² Кирилин Д.С. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 186, рис. 7.
- ¹³³ Мозолевский Б.М. Скифский эпос. Київ, 1983, рис. 92, 93.
- ¹³⁴ Неверов О.Я. Металлические перстни... С. 20; Он же. Античные перстни (VI в. до н.э. – IV в.): Каталог временной выставки. Л., 1978. С. 6–7, кат. № 25, 26; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 282, 283.
- ¹³⁵ Schefold K. Untersuchungen zu den Kertscher Vasen. Berlin, 1934. N 396. Taf. IV, 1, 2; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 271, Anm. 2387 (приведены различные мнения).
- ¹³⁶ БЦ. С. 288–289.
- ¹³⁷ ГЗ. С. 184, рис. 57.
- ¹³⁸ Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 298; Scythian Art. Pl. 200, 201; Treister M. The Phalerae from Bolshaya Bliznitsa // ТС. СПб., 2000. Вып. 3: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тез. докладов. С. 109–111.
- ¹³⁹ Артамонов М.И. Сокровища... С. 79, рис. 151; Scythian Art. Pl. 217; GBS. P. 281, Cat. N 172.
- ¹⁴⁰ ОАК за 1865 г. С. IV–V; I–II; ОАК за 1866 г. С. 5, табл. I, II; АДЖ. С. 13–14; Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 301–303; Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги. С. 39, табл. 21.
- ¹⁴¹ У М.И. Артамонова веночек назван лавровым (Сокровища... С. 73).
- ¹⁴² Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // ТОИПК ГЭ. Л., 1941. С. 150–151, рис. 18. Шлем хранился в Керченском музее древностей: Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926. С. 14.
- ¹⁴³ Артамонов М.И. Сокровища... С. 73. Ритон из Семибратнего кургана, о котором пишет Артамонов, имеет наконечник в виде не грифона, а крылатого козла, см. рис. 27, 28, примеч. 59.
- ¹⁴⁴ Его иногда называют склепом № 4.
- ¹⁴⁵ Артамонов М.И. Сокровища... С. 71–72, табл. 286–290.
- ¹⁴⁶ Ростовцев М.И. Эллино-скифский головной убор // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 69–101; Рябова В.А. Женское погребение из кургана Денисова Могила // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 47–51; Scythian Art. Pl. 217.
- ¹⁴⁷ Рябова В.А. Женское погребение... С. 51.
- ¹⁴⁸ Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 315 (стленгида, серьги, ожерелье).
- ¹⁴⁹ Там же. С. 72, табл. 295; Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство... Кат. № 65; Scythian Art. Pl. 255, 256.
- ¹⁵⁰ Артамонов М.И. Сокровища... С. 72, 79, рис. 152.
- ¹⁵¹ Там же. С. 72, табл. 281; Неверов О.Я. Металлические перстни... С. 20.
- ¹⁵² Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 299.
- ¹⁵³ ОАК за 1869 г. С. 9, № 34. Табл. I, 31; From the Lands of the Scythians: Catalogue. N.Y., 1975. P. 107. N 62.
- ¹⁵⁴ Грач Н.Л. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близица // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. С. 36–39 (приведена литература). (САИ; Вып. Г1-11); Соколов Г.И. Терракоты кургана Большая Близица // Вопросы искусствоведения. М., 1997. Вып. XI (2/97). С. 400–420; Ходза Е.Н. Терракоты // Музы и маски: Каталог выставки. СПб., 2005. Кат. № 57–65.
- ¹⁵⁵ Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близица и Гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. Т. VII. Л., 1962. С. 46, сл.
- ¹⁵⁶ Alexandrescu P. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman // Studii Clasice. București, 1966. VIII. P. 75, sv.
- ¹⁵⁷ Соколов Г.И. Терракоты... С. 418–419.
- ¹⁵⁸ Его иногда называют склепом № 5.
- ¹⁵⁹ См. примеч. 91.
- ¹⁶⁰ ГЗ. С. 180–181, кат. № 115.
- ¹⁶¹ Там же. С. 181, кат. № 116.
- ¹⁶² Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 309; ГЗ. С. 182, кат. № 117; Александр Великий: Путь на Восток. С. 92, кат. № 30.
- ¹⁶³ Артамонов М.И. Сокровища... Табл. 313; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 342. TA. 125. Taf. 21, 2; ГЗ. С. 182–183, кат. № 118. У Артамонова и Пфром-

- мера даны неправильные инвентарные номера.
- ¹⁶⁴ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 342. TA 125.
- ¹⁶⁵ ГЭ. С. 182, кат. № 118.
- ¹⁶⁶ Силантьева П.Ф. Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 52.
- ¹⁶⁷ ОАК за 1865 г. Табл. III, 37; Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // ТОИКАМГЭ. Л., 1945. Т. I. С. 89.
- ¹⁶⁸ ОАК за 1882–1888 гг. Табл. VII.
- ¹⁶⁹ Scythian Art. Pl. 177.
- ¹⁷⁰ Неверов О.Я. Античные инталли... С. 87, кат. № 25.
- ¹⁷¹ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1907 году. С. 46–47.
- ¹⁷² Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 374–375, примеч. 77.
- ¹⁷³ Виноградов Ю.А. О датировке центрального погребения в кургане Малая Близница // БФ. СПб., 2002. Ч. II. С. 177–179.
- ¹⁷⁴ Он же. Хронология кургана Малая Близница // БФ. СПб., 2004. Ч. I. С. 273.
- ¹⁷⁵ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 269–274, FK 127–133.
- ¹⁷⁶ См. примеч. 156; Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы. С. 136, 138.
- ¹⁷⁷ См. примеч. 157.
- ¹⁷⁸ Ростовцев М.И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. СПб., 1913. Вып. 49. С. 17; БЦ. С. 214, 288–289.
- ¹⁷⁹ См. примеч. 85.
- ¹⁸⁰ Архив ИИМК. Р I. 1882 г. Д. 569. Л. 8–10; Ф. 1. Оп. 1. 1882 г. Д. 18; ОАК за 1882–1888 гг. С. XX–XXXI; 47–73, табл. III–V; VI, 5; БЦ. С. 284–285, рис. 51; Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. S. 294, Taf. 84; Соколовский Н.И. Античные деревянные саркофаги... С. 29–31, табл. 12, 3, 13 (в книге приведены все мнения и литература); Он же. Деревообрабатывающее ремесло... С. 280, табл. 2; GBS. P. 71, fig. 10, 1; 10, 2.
- ¹⁸¹ Соколовский Н.И. Античные деревянные саркофаги... С. 30, примеч. 100.
- ¹⁸² Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 262. FK 120.
- ¹⁸³ Рассуждения о месте изготовления: Соколовский Н.И. Античные деревянные саркофаги... С. 30.
- ¹⁸⁴ АДЖ. С. 35–36, табл. XVII, 3–6; Соколовский Н.И. Античные деревянные саркофаги... С. 39–40, табл. 20, 7–10; Он же. Деревообрабатывающее ремесло... С. 236, табл. XXXVI, 2; Власова Е.В. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004. С. 164, ил. 4.
- ¹⁸⁵ Архив ИИМК. Ф. 1. 1868 г. Д. 40. Л. 7, 12; 1869 г. Д. 4; 1870 г. Д. 23; 1871 г. Д. 16. Л. 1–39; 1872 г. Д. 30. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 20. АДЖ. С. 30–69 (на с. 69 приводится литература), табл. XII–XXIV; Власова Е.В. Курган... С. 158–174. В последней статье есть иллюстрации значительной части находок и ссылки на вышедшие до 2004 г. издания о Васюринской горе; в данной статье эти ссылки даваться не будут. GBS. P. 283.
- ¹⁸⁶ Лиман называют Цокур, Цукур и Цукурский.
- ¹⁸⁷ Савостина Е.А. Боспорские склепы: (типология, эволюция, историческая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 6, 11.
- ¹⁸⁸ АДЖ. С. 35–49.
- ¹⁸⁹ Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 41. Л. 42; Тизенгаузен В.Г. Новейшие археологические раскопки на Таманском полуострове // Древности: ТМАО. М., 1870. Вып. 2. С. 45.
- ¹⁹⁰ Эрнштедт Е.В. Монументальная живопись ... С. 253.
- ¹⁹¹ См.: Steingraber S. Catalogo ragionato della Pittura Etrusca. Milano, 1985. Nr. 161; Idem. Etruskische Wandmalerei. Stuttgart; Zürich, 1985. Nr. 161.
- ¹⁹² Давыдова Л.И. Живопись Этрурии и Боспора — два примера погребальных росписей // Этруски и Средиземноморье: Випперовские чтения — 1990. М., 1994. Вып. 23. С. 261–267.
- ¹⁹³ Власова Е.В. Персидский чепрак в боспорском склепе: (О росписи свода склепа Большого Васюринского кургана) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1997. С. 22–24; Она же. О склепе большого Васюринского кургана // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы 6-го археологического семинара. Краснодар, 1998. Ч. 1. С. 15–18; Она же. Курганы Васюринской горы // БФ. СПб., 2004. Ч. 1. С. 277–279; Она же. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове. С. 160–163.
- ¹⁹⁴ Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 206–222.
- ¹⁹⁵ Хранятся в Керчи.
- ¹⁹⁶ Ростовцев М.И. Пиксида расписного склепа кургана Васюриной горы. Одесса, 1912. С. 16; АДЖ. Табл. XVII, 1–2; Власова Е.В. Курган... С. 164, ил. 6.
- ¹⁹⁷ АДЖ. С. 41, табл. XVIII, 3–14; XIX; XX, 1–2; Власова Е.В. Курган... С. 164–166, ил. 9–13, 15.
- ¹⁹⁸ Беглова Е.А. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. М., 2002. Вып. 3. С. 160.
- ¹⁹⁹ Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 50–66, рис. 8; 10, 2; Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 237–245.
- ²⁰⁰ GBS. P. 284–285, Cat. N 173, 174.
- ²⁰¹ Deppert-Lipitz B. Griechischer Goldschmuck. S. 235–236, Abb. 171; S. 274, Abb. 209.
- ²⁰² Мордвинцева В.И. Стилистические группы фаларов III–I вв. до н.э. // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001. С. 162–163.
- ²⁰³ LIMC. VIII. Triton-Tritones. 12, 23, 24, 59, 82, 95; CVA [U.S.A. Fasc. 27]. 45. Pl. 231; Deppert-Lipitz B. Griechischer Goldschmuck... S. 268–269. Abb. 202; ГЭ. С. 82–83, кат. № 37.
- ²⁰⁴ Билимович Э.А. Зеркало из Артюховского кургана // ТГЭ. Л., 1962. Т. VII. С. 137–139; Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 89–90; рис. на с. 31.
- ²⁰⁵ Александр Великий: Путь на Восток. С. 173, кат. № 152.
- ²⁰⁶ Максимова М.И. Львиные псевдоскарабеи // ТГЭ. Л., 1962. Т. VII. С. 127–131.
- ²⁰⁷ Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. S. 331.
- ²⁰⁸ Максимова М.И. Львиные псевдоскарабеи. С. 130, примеч. 5.

- ²⁰⁹ ОАК за 1870–1871 гг. С. XXXV.
- ²¹⁰ Неверов О.Я. Античные камни в собрании Эрмитажа. Л., 1988. С. 181, кат. № 495, 497; Власова Е.В. Курган... С. 170, ил. 36.
- ²¹¹ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 43, 127, сл.
- ²¹² Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. С. 23.
- ²¹³ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1914 г. Д. 22. Л. 199–200, 203–204; ОАК за 1912 г. С. 48–50; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 году // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 22–33, табл. 5–26; *Pharmakowsky V. Archäologische Funde im Jahre 1911. Rußland* // АА. 1912. S. 334–336, Nr. 5, Abb. 19; *Idem. Archäologische Funde im Jahre 1912. Rußland* // АА. 1913. S. 178–188, Abb. 1–20; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 290–292; БЦ. С. 132–135, рис. 21–22; *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* S. 262. FK. 161–163; ГЗ. С. 178–179.
- ²¹⁴ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 22; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 290.
- ²¹⁵ Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского... С. 93, № 3.
- ²¹⁶ ГЗ. С. 179, кат. № 113.
- ²¹⁷ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 23, рис. 5.
- ²¹⁸ ГЗ. С. 178, рис. 54; С. 179, кат. № 113. См. литературу.
- ²¹⁹ *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* S. 262. FK 161.
- ²²⁰ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 32–33, рис. 26а, б.
- ²²¹ ГЗ. С. 178.
- ²²² Шкорпил В.В. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // ИАК. 1914. Вып. 51. С. 119–128.
- ²²³ *Pharmakowsky V. Archäologische Funde...* S. 178–179, Abb. 1–3; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 24–27, рис. 6–9; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 291.
- ²²⁴ *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* FK 162.
- ²²⁵ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 26, рис. 9.
- ²²⁶ *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* S. 43, 312. НК 121.
- ²²⁷ *Pharmakowsky V. Archäologische Funde...* S. 178, Abb. 3; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 26, рис. 8; Higgins R. *Greek and Roman Jewellery*. L., 1980. P. 171; Цветаева Г.И. Сокровища причерноморских курганов. М., 1968. С. 85; Неверов О.Я. Античные камни... С. 40, кат. № 10; *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* FK 162.
- ²²⁸ Неверов О.Я. Античные камни... С. 40, кат. № 10.
- ²²⁹ *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* FK 162.
- ²³⁰ *Pharmakowsky V. Archäologische Funde...* S. 178, Abb. 3; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 23, рис. 7; *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* FK 162.
- ²³¹ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 27; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 291.
- ²³² Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 27; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 291–292.
- ²³³ *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* FK 163.
- ²³⁴ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 29, рис. 13.
- ²³⁵ Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского... С. 93, № 4.
- ²³⁶ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 29, рис. 14; *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* S. 286, Taf. 6, 5; ГЗ. С. 179, кат. № 114.
- ²³⁷ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 32, рис. 25.
- ²³⁸ Там же. С. 31, рис. 24.
- ²³⁹ *Pfrommer M. Italien—Makedonien—Kleinasien: Interdependenzen spätklassischer und frühhellenistischer Toreutik* // JdI. 1983. 98. S. 243.
- ²⁴⁰ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 31, рис. 21.
- ²⁴¹ Там же. С. 31, рис. 22.
- ²⁴² Там же. С. 30–31, рис. 15–23; БЦ. С. 134–135, рис. 21–22; Максимова М.И. Артюховский курган. С. 74–75, рис. 23А.
- ²⁴³ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 30, рис. 15; БЦ. С. 134, рис. 21.
- ²⁴⁴ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 30, рис. 16.
- ²⁴⁵ Там же. С. 31, рис. 19; БЦ. С. 135, рис. 22.
- ²⁴⁶ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 30, рис. 17; БЦ. С. 134, рис. 21.
- ²⁴⁷ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 31, рис. 18; БЦ. С. 134, рис. 21; ГЗ. С. 178, рис. 53.
- ²⁴⁸ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 31, рис. 23.
- ²⁴⁹ Фармаковский Б.В. Аканфова ветвь на серебряном сосуде с Таманского полуострова: Сборник статей в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 669, сл., рис. 1–3; Шкорпил В.В. Отчет о раскопках ... в 1912 году. С. 30, рис. 20; БЦ. С. 134, рис. 21; Античное художественное серебро... С. 22, кат. № 16 (указана вся литература); ГЗ. С. 178, рис. 53.
- ²⁵⁰ БЦ. С. 134–135, рис. 21–22.
- ²⁵¹ Античное художественное серебро... С. 22–25, кат. № 15–18.
- ²⁵² Трейстер М.Ю. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуаша: (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э.) // БФ. СПб., 2002. Ч. II. С. 180–186.
- ²⁵³ Там же. С. 180.
- ²⁵⁴ Там же. С. 180.
- ²⁵⁵ Там же. С. 181.
- ²⁵⁶ Там же. С. 181.
- ²⁵⁷ Там же. С. 184.
- ²⁵⁸ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 292.
- ²⁵⁹ *Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie...* S. 286. FK 161–183.
- ²⁶⁰ См.: Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати эллинистической эпохи в районе Боспора Киммерийского // БФ. СПб., 1999. С. 196–197.
- ²⁶¹ Архив ИИМК. Ф. 1. 1879 г. Д. 4. Л. 1–49; 1879 г. Д. 6. Л. 40–44; Р. 1. 1879 г. Д. 568; ОАК за 1878–1879 гг. С. XI, XLIV–LI; ОАК за 1880 г. С. XI. С. 1; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 273–275; Савоквасов Д.Я. Могилы русской земли. СПб., 1908. С. 158; Максимова М.И. Артюховский курган (указаны архивные документы и литература; даны иллюстрации и размеры всех хранящихся в Эрмитаже вещей, приводятся мнения о датировке и месте их изготовления)

- и аналогии, поэтому в данной статье даны сноски только на эту книгу и на литературу после ее выхода); Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // БФ. СПб., 2002. Ч. 1. С. 274–279; GBS. P. 287.
- ²⁶² Архив ИИМК. Альбом рисунков Ф.И. Гросса за 1879 г. Л. 17 об.; Максимова М.И. Артюховский курган. С. 7, рис. 1.
- ²⁶³ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 9–16, 142–148; рис. 2.
- ²⁶⁴ Там же. С. 129–130, рис. 58.
- ²⁶⁵ Там же. С. 129.
- ²⁶⁶ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 129, примеч. 529; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. Табл. VII, 76.
- ²⁶⁷ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 129.
- ²⁶⁸ Там же. С. 136.
- ²⁶⁹ Там же. С. 130, 136.
- ²⁷⁰ Там же. С. 9, 17–18, 142–144.
- ²⁷¹ Александр Великий: Путь на Восток. С. 175, кат. № 155.
- ²⁷² GBS. P. 288. Cat. N 175.
- ²⁷³ Ibid. P. 289. Cat. N 176; Александр Великий: Путь на Восток. С. 176, кат. № 156.
- ²⁷⁴ Александр Великий: Путь на Восток. С. 174, кат. № 154.
- ²⁷⁵ Кунина Н.Э. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. С. 75, 259, кат. № 59. Указаны все предыдущие издания.
- ²⁷⁶ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 10, рис. 2; С. 11–12, 19, 144–146.
- ²⁷⁷ Александр Великий: Путь на Восток. С. 176, кат. № 157.
- ²⁷⁸ Античное художественное серебро... С. 35, кат. № 38.
- ²⁷⁹ Там же. С. 35–36, кат. № 40.
- ²⁸⁰ Там же. С. 36, кат. № 42.
- ²⁸¹ Там же. С. 36, кат. № 43.
- ²⁸² Билимович Э.А. Зеркало из Артюховского кургана. С. 133–139.
- ²⁸³ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 10, рис. 2; С. 12, 16–17, 147–148.
- ²⁸⁴ Неверов О.Я. Металлические перстни... С. 21.
- ²⁸⁵ Античное художественное серебро... С. 36, кат. № 41.
- ²⁸⁶ Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 434.
- ²⁸⁷ Античное художественное серебро... С. 35, кат. № 39.
- ²⁸⁸ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 98.
- ²⁸⁹ Она же. О дате Артюховского кургана // СА. 1960, № 3. С. 46–58; Она же. Еще раз о дате Артюховского кургана // СА. 1967, № 2. С. 240–242; Она же. Артюховский курган. С. 7–9. В этих работах приводятся все другие мнения.
- ²⁹⁰ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 262–263.
- ²⁹¹ Ibid. S. 263–266.
- ²⁹² Ibid. S. 266.
- ²⁹³ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 23–24.
- ²⁹⁴ Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1885 г. Д. 23. Л. 7; ОАК за 1870–1871 гг. С. IX–XII, XXXI–XXXIII; ОАК за 1882–1888 гг. С. LXXXII; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 550–551.
- ²⁹⁵ ОАК за 1875 г. С. 21; Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Пг., 1918. № 37. Табл. II, 4, 7, 8; III, 4.
- ²⁹⁶ ОАК за 1870–1871 гг. С. X; Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889. Вып. 1. С. 111. Указано, что «венчик с изображением Гелиоса (рис. 48)». На самом деле, это рис. 50 на с. 41.
- ²⁹⁷ Рабинович Б.Э. Шлемы скифского периода. С. 163, рис. 28.
- ²⁹⁸ Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области... С. 46, сл., табл. II, 4, 7–8; Он же. Скифия и Боспор. С. 550–551.
- ²⁹⁹ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 80–81, 84.
- ³⁰⁰ Там же. С. 8–9, примеч. 19.
- ³⁰¹ Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати... 1999. С. 197.
- ³⁰² Архив ИИМК. Ф. 1. 1900 г. Д. 194; 1895 г. Д. 293. Л. 210 об.–211; ОАК за 1900 г. С. 104–109, рис. 190–214; А.С. Фалары Южной России // ИАК. 1909. 29. С. 19–23, 30–36, рис. 1–36 (в этой статье и в ОАК за 1900 г. упоминается и воспроизведена значительная часть находок, поэтому далее в сносках эти издания указываться не будут); Марти Ю.Ю. Сто лет ... С. 38, 80; Боровкова В.Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999. С. 83; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 260. FK 114.
- ³⁰³ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 43, 312. НК 122.
- ³⁰⁴ Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. СПб., 1995. Вып. 32. С. 98, 103, № 11; Кунина Н.Э. Античное стекло в собрании Эрмитажа. С. 75, 259, кат. № 59. Указаны все предыдущие издания.
- ³⁰⁵ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 80–81, примеч. 293.
- ³⁰⁶ Там же. С. 84, примеч. 299.
- ³⁰⁷ Там же. С. 80–82, 84, № 4–6.
- ³⁰⁸ Там же. С. 81, примеч. 293.
- ³⁰⁹ Там же. С. 80–81, 84.
- ³¹⁰ Strong D.E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. L., 1966. P. 109, 111; Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство... Табл. 101; Античное художественное серебро... С. 40, кат. № 48. Рис. на обложке и на с. 43; Александр Великий: Путь на Восток. С. 28, рис. 14.
- ³¹¹ Strong D.E. Greek and Roman Gold... P. 109, 111.
- ³¹² Горбунова К.С., Саверкина И.И. Искусство... Табл. 101; Античное художественное серебро... С. 40, кат. № 48.
- ³¹³ А.С. Фалары Южной России. С. 20, № 2.
- ³¹⁴ Рабинович Б.Э. Шлемы скифского периода. С. 160–161, табл. XXIV.
- ³¹⁵ Там же. С. 162, табл. XXV.
- ³¹⁶ Там же. С. 163.
- ³¹⁷ Там же. С. 161, 164.
- ³¹⁸ Мнения приведены: Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати... С. 198; Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 260.
- ³¹⁹ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. С. 557; Он же. Курганные находки Оренбургской области... С. 35, 43–46 (о сходстве с Буеровой могилкой).
- ³²⁰ Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie... S. 260.
- ³²¹ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 80–82, 84; Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров... С. 98.
- ³²² Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов: (По материалам раскопок 1930-х гг.) // МИА. 1959. № 69. С. 154–238.

Памятники глиптики (искусства резьбы на твердых минералах и металле) в этот регион Северного Причерноморья стали регулярно попадать в результате греческой колонизации. По-видимому, первыми и наиболее ранними изделиями здесь были иранские и греко-персидские работы, а также работы мастеров Ионии. В дальнейшем ареал мастерских значительно расширился и включил Этрурию, Египет, собственно Грецию. Очевидно, в этом регионе во второй половине V в. до н.э. функционировала мастерская знаменитого хиосского резчика Дексамена, а в римскую эпоху заказчики обращались в местные мастерские Европейского Боспора.

В некотором роде это «элитарное искусство» — резьба печатей и престижных украшений, благодаря благодатному влиянию эллинизации этого отдаленного уголка античной ойкумены, входит в обиход и местного населения — синдов, меотов и т.д. О том, как встречали сами греки метрополии и колоний эти миниатюрные изделия художественного ремесла, свидетельствует их поэзия. Платон, в юности писавший стихи, оставил описание геммы в манере Дексамена Хиосского, лучшие работы которого относятся к анималистическому жанру:

Пятеро бродит коров на этой крошечной яшме,
Словно живые, резцом врезаны в камень они.
Кажется, вот разбредутся, но нет — золотая оправа
Тесным схватила кольцом крошечный пастбищный луг¹.

В другой стихотворной миниатюре поэт словно соревнуется в краткости с резчиком-миниатюристом:

Этих на гемме увидев бычков и зеленую яшму,
Скажешь ты: дышат бычки и зеленеется луг².

Если в скифских степях скифские и сарматские кочевники могли унижать каждый палец произведением резчика и ювелира, то под влиянием греков-колонистов синды и меоты, чья культура отмечена чертами эллинизации, использовали печать по назначению. Об этом говорят оттиски на глине (керамические сосуды, ткацкие грузила). Надписи, сопровождающие изображение или начертанные сами по себе резцом, выражают чувства того, кто дарил ценный предмет близкому человеку.

72 предмета глиптики из Азиатского Боспора хранятся в Эрмитаже. Самая ранняя по времени поступления находка из предметов глиптики относится к 1818 г. Гемма была найдена в гробнице вблизи Фанагорийской крепости (рис. 1). Она представляет собой цилиндр из обесцвеченного камня на золотой подвижной дужке. На гемме конца IV в. до н.э. изображены Дионис и Менада (инв. № Т.1818.12)³. Датировка цилиндра подтверждается золотой монетой Филиппа Арридея, найденной вместе с ним.

Восемь золотых перстней-печатей происходит из находок в курганах Таманского полуострова. Наряду с идиллическими сценками, где изображены женщина у лутерия, девушка, играющая с собачкой⁴, Афродита, показывающая Эроту действие любовного ромбос⁵, некоторые изображения поражают странными сочетаниями. Такова женщина-цикада, играющая на кифаре (рис. 2; инв. № ББ.39), или смелое соединение в одном существе петуха и грифона в агрессивной позе (рис. 3; инв. № Т.1870.66). Датировка — IV в. до н.э.⁶

К эллинистической эпохе относится многочисленная группа бронзовых перстней с портретами царей династии Птолемеев. Эти перстни, по всей видимости, выполнялись в Александрии и служили боспорским торговцам и

Рис. 1. Цилиндр на золотой дужке:
Дионис и Менада. Конец IV в. до н.э.
Камень, золото

Рис. 2. Перстень: женщина-цикада
с лирой. IV в. до н.э. Золото

Рис. 3. Перстень: грифон-петух.
IV в. до н.э. Золото

Рис. 4. Перстень: Серапис и Исида.
III в. до н.э. Бронза

кораблям своеобразным свидетельством их личной близости к правящему лицу, своего рода таможенным удостоверением. Ни в одном районе древнего мира нет такого числа подобных находок — в Эрмитаже их хранится до 50 экземпляров.

Из Фанагории происходит перстень из этой серии с парным изображением Сераписа и Исида (рис. 4; инв. № Т.1872.52). На другом бронзовом перстне III в. до н.э., найденном в Горгиипии, предстает портрет Арсинои II (рис. 5; инв. № Гп.1881.8)⁷.

Торговое назначение предмета, обеспечивавшее беспошлинный проход чужеземного корабля, объединялось с культом птолемеевской царицы, носившей эпитеты «Спасительница, Навархида» и т.п.

Поэт Посидипп посвятил храму Арсинои II соответствующую эпиграмму:

В храм Филадельфовой славной жены Арсинои-Киприды
Морем и сушей нести жертвы спешите свои...
Добрый молящимся путь посылает богиня и море
Делает тихим для них даже в середине зимы⁸.

Другой бронзовый эрмитажный перстень такого же происхождения сохранил портрет Птолемея III Эвергета (рис. 6; инв. № ПАН.1850)⁹. Один золотой перстень I в. до н.э. из Фанагории несет на щитке лишь надпись и не имеет вовсе никакого изображения. Надпись гласит: «χαρά τῆι φορούυηι» — «на радость той, что носит!»¹⁰.

Подлинным шедевром глиптики является фанагорийский скарабеонд из коричневой яшмы с подвижной золотой дужкой второй половины V в. до н.э.¹¹ На яшме вырезаны изображения цапли и кузнечика и надпись Δεξαμενός — имя мастера. Если бы мы даже не имели подтверждения авторства в виде надписи, то манера Дексамена Хиосского все равно красноречиво говорила бы сама за себя. В Пантикапее была найдена вторая подписная его гемма: здесь цапля мчится в небесах, выражая приход весны. Некогда Феогнид писал об этой жалобно кричащей птице: «Вестницы милой весны, вестницы сельских работ».

У Дексамена Хиосского было еще одно свойство: раз выбрав животное, он его представляет то в покое, то в стремительном движении. Таков мчащийся скакун, сбросивший седока, на гемме из Пантикапея¹². Стоящий конь, бьющий копытом в нетерпении, хранится в Бостоне¹³. Фанагорийская цапля словно воплощает личное наблюдение художника: робкое животное кем-то напугано. Оно выпускает из лап кузнечика, свою добычу, и поворачивает шею в сторону помехи. Сам материал — пестрая коричневая яшма с золотистыми «пяточками» полупрозрачного халцедона — видится нам не случайным парафразом зарослей тростника в пойме Кубани, где таится пугливая птица, а золотые блики — это те блики солнца на воде, в камышах, где всегда царит полумрак.

Выдвинутое некогда нами предположение о пребывании этого мастера в Северном Причерноморье, подкрепляется повторениями его работ, которые вышли из-под резца его местных учеников. Так, халцедоновая гемма из

Рис. 5. Перстень: Арсиноя II.
III в. до н.э. Бронза

Рис. 6. Перстень: Птолемей III.
I в. до н.э. Бронза

Рис. 7. Сердолик в золотом медальоне: женщина с цветком. III в. до н.э.

Рис. 8. Сардоникс-камея в золотом перстне: Эрот ловит бабочку. III в. до н.э.

Феодосии являет собой упрощенный вариант фанагорийской подписной работы Дексамена¹⁴.

Грифон, терзающий коня, на золотом перстне из некрополя Нимфея очень близок эрмитажному свободолюбивому скакуну¹⁵. Летящая цапля на золотом перстне из Пантикапея — откровенная копия, выполненная учеником по подписной гемме Дексамена¹⁶, так же, как золотые перстни с летящей уткой из кургана Чертомлык и уткой, выронившей рыбу, из некрополя Пантикапея повторяют работу Дексамена, хранящуюся в Британском музее¹⁷.

Примерно в III в. до н.э. происходит типологический сдвиг в материалах глиптики — на место печатей типа цилиндра, многогранника, скарабеоида приходят печати из выпуклых цветных камней (халцедона, граната, сердолика), снабженных не вращающейся дужкой, а вмонтированные в неподвижную перстневую оправу. Таковы гранаты из некрополя Фанагории (инв. № Т.1856.3, Т.1875.21, Т.1852.99, Т.1910.10). Иногда подобные геммы оправлялись в золотые медальоны, и их носили непосредственно на груди (*ταμῖα τῶν μαστῶν*) или на одежде как подвески (инв. № Т.1856.1), как например, сердолик с изображением сидящей женщины (рис. 7; инв. № Т.1845/46.63). Наконец, появляются камеи из стекла или граната (например, инв. № Т.1852.94).

Артюховский курган, раскопанный в 1878–1879 гг. между хутором сотника Артюхова и горой Цымбалкой на Тамани, в гряде курганных погребений, дал очень богатый и информативный материал по глиптике. Здесь был найден золотой перстень III–II вв. до н.э. с фигуркой Геракла¹⁸, восемь перстней без резьбы, из которых наиболее интересен перстень с фигурой Артемиды¹⁹ (инв. № Арт.54) и роскошный перстень в виде ступни, на которой в технике «перегородчатой инкрустации» дана семистрочная надпись: *Ἐγῆσιος Ματτίσιαι* — «Гестией [даровал] Маммии»²⁰ (инв. № Арт.53). В той же технике изображен цветок²¹ (инв. № Арт.13).

Наиболее эффектен перстень с камеей из сардоникса. Здесь александрийский мастер изобразил Эрота, который охотится за бабочкой. Агатова вставка имеет продольное отверстие, так что гемма вторично получила перстневую оправу во II в. до н.э. вместо прежней движущейся дужки III в. до н.э.²² (рис. 8; инв. № Арт.55). Два золотых перстня имеют железные вставки в гнездах на жуковине²³ (инв. № Арт.56, Арт. 84). Неизвестно,

Рис. 9. Сердолик в золотом медальоне: женщина с цветком. I в. до н.э.

Рис. 10. Агат в золотом перстне: портрет Нерона. I в. н.э.

была ли здесь резьба. Л. Стефани считал, что подобные перстни служили в качестве талисманов²⁴. Можно отметить, что имя Гестией неоднократно встречено в списке победителей в играх из Горгиипии; неоднократно встречается и имя Маммии²⁵. Общую дату произведений глиптики из Артюховского кургана подтверждают золотые монеты III в. до н.э. фракийского царя Лисимаха и боспорского царя Перисада²⁶. По мнению М.И. Максимовой, гробницы Артюховского кургана, откуда происходят геммы, были сооружены во II в. до н.э.²⁷

Из Ахтанизовского кургана происходит золотой медальон I в. до н.э. с сердоликовой геммой: стоящая женщина с цветком²⁸ (рис. 9; инв. № Ахт.7). Из погребения некрополя Фанагории, раскопанного в 1852 г., происходит агатовая инталья в золотом перстне с изображением императора Нерона (рис. 10; инв. № Т.1852.92), которая была изготовлена в I в. в Италии²⁹. В кургане Васюринской горы были найдены сердоликовый львиный псевдоскарабей с печатью: бык у дерева³⁰ (инв. № Вас.30) и две камен-амулета: одна, представляющая собой фалл в золотой оправе, другая — кулак с кукишем из того же материала (инв. №№ Вас.48, 49; III в. до н.э.)³¹. Видимо, оба этих амулета выполнены в Пантикапее, так как похожий предмет был найден в керченском некрополе в 1853 г.³² Роскошный медальон с гранатовой камеей происходит из Зеленского кургана³³. Вставка-камея, окруженная пастовыми стеклянными пальметками и кабошонами из гранатов, являет собой голову юного Сатира в фас с маской льва в виде головного убора (рис. 11; инв. № Зел.6). Золотой статер Александра Великого и панафинейская амфора 320 г. до н.э. дают дату для медальона: конец IV в. до н.э.

Около Цукурского лимана в 1864 г. А.Е. Люденко продолжил раскопки кургана Большая Близница, начатые И.Е. Забелиным. Помощником Люденко был В.Г. Тизенгаузен. Этот курган IV в. до н.э. был украшен живописью: на своде склепа II была изображена в фас голова Персефоны-Коры (вот почему позже было высказано предположение о захоронении здесь жриц элевсинского культа). В склепе I в саркофаге, украшенном резной слоновой костью, покоилась женщина в богатом ритуальном уборе. Пальцы левой руки жрицы украшали четыре золотых перстня, а точнее два перстня, печать в виде фигурки льва на подвижной дужке (львиный псевдоскарабей) со статуей

Рис. 11. Камень: Сатир в маске льва. Гранат в золотом медальоне. Конец IV в. до н.э.

Артемиды на щитке, и золотой скарабей с Афродитой и Эротом, завязывающим ей сандалию, на щитке (инв. № ББ.37, 40)³⁴.

Из склепа III происходит восьмиугольная халцедоновая печать на подвижной дужке с изображением персидского царя в единоборстве со львом, увенчиваемого символом Ахурамазды³⁵ (рис. 12; инв. № ББ.123). Золотая монета Александра Великого дает дату погребения: конец IV в. до н.э.

В раскопанном поблизости кургане Малая Близница, который оказался ограблен, была найдена печать-скарабеоид из обесцвеченного камня на подвижной золотой дужке. Она изготовлена в V в. до н.э. На ней в манере Дексамена Хиосского изображен кузнечик (инв. № Мал.Б.7)³⁶. В Семибратних курганах, которые исследовал в 1875–1878 гг. В.Г. Тизенгаузен, были обнаружены остатки богатых наборов серебряных сосудов, иранских и греческих. Произведения глиптики также указывают на восточные мастерские: иранские и ионийские. Великолепен золотой перстень из Ионии. На его щитке вырезана пантера, терзающая оленя (инв. № СБр.VI.8)³⁷. Две печати на вращающейся дужке тоже должны быть отнесены к работам ионийских мастеров. На одной изображена на горном хрустале дикая свинья (инв. № СБр.VI.7)³⁸, на второй вырезан на халцедоне медведь (рис. 13; инв. № СБр.III.1)³⁹.

Рис. 12. Восьмиугольная печать: персидский царь сражается со львом. Халцедон на золотой дужке. Конец IV в. до н.э.

Рис. 13. Скарабеоид: медведь. Халцедон на золотой дужке. V в. до н.э.

Рис. 14. Скарabeонд; грифон.
Халцедон без оправы. IV в. до н.э.

Рис. 15. Перстень: танцовщица. IV в.
до н.э. Стекло

Рис. 16. Перстень: Артемида.
Гранат в золотом перстне

В кургане Карагодеуашх (ст. Крымская) было найдено 5 произведений мастеров глиптики — один золотой перстень с изображением женщины на стуле с лирой (Музы?) и четыре скарabeонда из стекла с изображением Афины (инв. № Ку.1881.1), бородатой головы в диадеме (инв. № Ку.1881.1/16), воина (инв. № Ку.1881.1/14) и льва (инв. № Ку.1881.1/15). Все они датируются концом IV — началом III в. до н.э.

В кургане в ст. Курджипской (в Прикубанье) были найдены как вещи позднеклассической эпохи, так и предметы II—III вв. Это великолепный халцедоновый скарabeонд с изображением грифона (рис. 14; инв. № Ку.1896.120), стеклянный скарabeонд IV в. до н.э. с изображением льва (инв. № Ку.1896.121) и стеклянный перстень с внутренним золочением и танцовщицей, исполняющей танец *калаθίσκος* (рис. 15; инв. № Ку.1896.122)⁴⁰.

В Горгиппии первая находка геммы в 1859 г. была случайной. Это сердолик в золотом перстне, на котором вырезан дионисийский символ — Сатир с пантерой (инв. № ПАН.1010)⁴¹. На золотом перстне с гранатовой вставкой предстает Артемида с луком в руке (рис. 16; инв. № Гп.2).

Золотой перстень III в. до н.э. с изображением Афродиты и Эроса был обнаружен в 1881 г. в одном из курганов Анапы (инв. № Гп.1881.57)⁴². В анапском «кургане с деревянным саркофагом» были найдены иранские и греко-персидские печати на подвижной золотой дужке. Первая из них — цилиндр из халцедона с изображением персидского царя перед богиней Анаит, стоящей на льве (рис. 17; инв. № Гп.1882.55)⁴³. Вторая — греко-персидский четырехгранник из сердолика. На каждой его стороне — изображение: а) персидский воин с луком; б) грек, играющий с собачкой; в) танцовщица; г) бой петухов (рис. 18. инв. № Гп.1882.56)⁴⁴. Греческая гемма на выпуклом халцедоне с золотой дужкой была найдена в том же году в кургане «у кирпичного завода». На ней вырезан Аполлон с луком и птицей в руках (рис. 19; инв. № Гп.1881.82)⁴⁵.

К описанной выше группе бронзовых перстней с царскими портретами Птолемеев относятся две находки, сделанные в 1881 г. в «городском кургане в Анапе» (перстень с портретом Птолемея III; инв. № В.2174⁴⁶; а также см. рис. 5 — перстень с портретом Арсиноя II; инв. № Гп.1881.8⁴⁷). Редкая в Прикубанье гемма — этрусский скарabeй с изображением Геракла, сидя-

Рис. 17. Цилиндр (халцедон)
на золотой дужке: царь перед богиней,
стоящей на льве, III в. до н.э.

Рис. 18. Четырехгранник (сердолик)
на золотой дужке: персидский воин,
грек с собакой, танцовщица,
бой петухов. III в. до н.э.

Рис. 19. Халцедон на золотой дужке: Аполлон с луком и птицей

Рис. 20. Скарабей из обесцвеченного камня без оправы: Геракла у источника

Рис. 21. Скарабеид без оправы: юноша на корточках дразнит петуха кузнечиком. I в. н.э. Яшма

щего у источника, была найдена в 1881 г. в «кургане у кирпичного завода» (рис. 20; инв. № Гп.1881.66)⁴⁸. Одна стеклянная гемма-скарабеид была найдена в начале XX в. в Танаисе. На ней изображена голова Аполлона (инв. № ТЕ.1909.47)⁴⁹.

Упомянем также и случайные находки с Таманского полуострова, не имеющие точных археологических паспортов. Это, прежде всего, яшмовый скарабеид в манере Дексамена Хиосского с изображением юноши на корточках, который дразнит петуха кузнечиком (рис. 21; инв. № Ж 7095)⁵⁰. Известно, что гемма найдена в 1915 г. «на территории кубанского войска» (т.е. казачьих станиц). Это и халцедоновая печать чечевицеобразной формы с отверстием на выделенном выступе вверху: юноша у трофея. Эта гемма-амулет I в. составляла, возможно, декор сбруи боевого коня⁵¹ (рис. 22; инв. № Ж 370). Это также плоский гранат в серебряной оправе с кольцом для подвешивания, который изготовлен около середины I в. до н.э. Он происходит из раскопок на Таманском полуострове в 1868 г. Двойной рог изобилия — эмблема Клеопатры VII⁵² (рис. 23; инв. № Т.1864.4).

Рис. 22. Медальон из халцедона (от ожерелья): юноша у трофея. I в. н.э.

Рис. 23. Гранат с ободком (серебро?): двойной рог изобилия. I в. до н.э.

Итак, сравнительно небольшая эрмитажная коллекция из 72 предметов искусства глиптики, сформированная за срок немногим меньше 100 лет (с 1818 по 1915 г.), охватывает 600 лет бытования этих миниатюрных памятников, унесенных их владельцами в могилу как нечто самое дорогое и трогательно ценимое при жизни. Внимательному зрителю сегодня они способны поведать о многих сторонах художественной, религиозной, политической и даже семейной жизни людей, населявших азиатскую часть Боспора.

- ¹ Греческие эпиграммы. М.; Л., 1935. С. 246.
- ² Греческая эпиграмма. Л., 1993. С. 46.
- ³ До 1853 г. гемма находилась в Публичной библиотеке, после чего вместе с рисунками находки, выполненными Ф.Г. Солищевым, поступила в Эрмитаж. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX века). СПб., 2002. С. 274, сл.; *Furtwängler A.* Die antiken Gemmen. В., 1900. Bd. II. S. 133.
- ⁴ Рис. 66 в статье Е.В. Власовой, с. 228.
- ⁵ *Неверов О.Я.* Античные перстни (VI в. до н.э. — IV в.). Л., 1978. № 24—26; ил. на с. 5—7.
- ⁶ Там же. № 36; ил. на с. 5.
- ⁷ *Неверов О.Я.* Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 172, табл. III.
- ⁸ Греческие эпиграммы. С. 57—58. В строках поэта упомянут строитель святилища «наварх Калликрат».
- ⁹ *Неверов О.Я.* Портретные геммы... С. 168, табл. III.
- ¹⁰ *Он же.* Античные перстни... № 111.
- ¹¹ *Он же.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. № 19; рис. 11 в статье Е.В. Власовой, с. 205.
- ¹² Там же. № 22.
- ¹³ *Неверов О.Я.* Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 57, рис. 1.
- ¹⁴ Там же, рис. 6.
- ¹⁵ Там же. С. 58, рис. 1.
- ¹⁶ ГЭ. Инв. № П. 1841/42.23; *Неверов О.Я.* Дексамен Хиосский и его мастерская. С. 58, рис. 2.
- ¹⁷ *Неверов О.Я.* Дексамен Хиосский и его мастерская. С. 58, рис. 5, 4.
- ¹⁸ *Он же.* Античные перстни... № 89; *Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979. С. 65. Инв. № Арт.105.
- ¹⁹ *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 66, № 7.
- ²⁰ Там же. С. 67—68, № 12; рис. 19.
- ²¹ Там же. С. 68, № 11; рис. 19; рис. 120 в статье Е.В. Власовой, с. 249.
- ²² *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 66—67, № 10; рис. 19.
- ²³ Там же. С. 66, № 8, 9; рис. 19.
- ²⁴ ОАК за 1876 г. Табл. II. Перстень из кургана Ак-Бурун на гряде Юз-Оба в Пантикапее.
- ²⁵ КБН. № 1137, 281, 427, 460, 797; *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 67.
- ²⁶ *Максимова М.И.* Артюховский курган. С. 51, рис. 7; *Фролова Н.А.* Каталог монет царей династии Спартокидов II в. до н.э.: (Гигиенонта, Спартока, Перисадов) // ВДИ. 2007. № 4. С. 70—113.
- ²⁷ Там же. С. 7—9.
- ²⁸ ИАК. 1909. Вып. 29. С. 21, рис. 18, 20.
- ²⁹ *Неверов О.Я.* Античные перстни... № 114. Рис. на с. 12.
- ³⁰ *Максимова М.И.* Львиные псевдоскарабеи // ТГЭ. 1962. Т. VII. С. 127—131; рис. 106 в статье Е.В. Власовой, с. 243.
- ³¹ *Неверов О.Я.* Античные камни в собрании Эрмитажа: Каталог. Л., 1988. № 495, 497. Рис. 107, 108 в статье Е.В. Власовой, с. 243.
- ³² Там же. № 496. Инв. № П.1853.33.
- ³³ Там же. № 10.
- ³⁴ Рис. 60 в статье Е.В. Власовой, с. 225.
- ³⁵ Иран в Эрмитаже: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 31, рис. 14.
- ³⁶ *Неверов О.Я.* Античные инталии... № 25; рис. 91 в статье Е.В. Власовой, с. 236.
- ³⁷ *Он же.* Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья: (опыт классификации): Античная торефика. Л., 1986. С. 19—20; рис. 13 в статье Е.В. Власовой, с. 205.
- ³⁸ *Он же.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. С. 84, № 17; рис. 12 в статье Е.В. Власовой, с. 205.
- ³⁹ Там же. № 47.
- ⁴⁰ ОАК за 1896 г. С. 63, рис. 300; *Галанина Л.К.* Курджипский курган. Л., 1980. С. 89, табл. VI.
- ⁴¹ *Reinach S.* Antiquités du Bosphore Cimmérien. P., 1892. P. 56, pl. XV.
- ⁴² ОАК за 1882—1888 гг. С. 39, табл. II, 3.
- ⁴³ Иран в Эрмитаже. С. 30, № 7.
- ⁴⁴ *Неверов О.Я.* Античные инталии... № 44.
- ⁴⁵ ОАК за 1881. С. XII.
- ⁴⁶ *Неверов О.Я.* Портретные геммы... С. 167, табл. I, 6.
- ⁴⁷ *Неверов О.Я.* Портретные геммы... С. 168, табл. III, 2.
- ⁴⁸ Культура и искусство Этрурии: Каталог выставки. Л., 1972. № 236.
- ⁴⁹ ИАК. 1910. Вып. 39. С. 118, рис. 26.
- ⁵⁰ *Неверов О.Я.* Античные инталии... № 32.
- ⁵¹ ОАК за 1870—1871 гг. Табл. VI, 32.
- ⁵² Арсиноя или Клеопатра: Каталог выставки / ГЭ. СПб., 2002. Кат. № 15.

ДРЕВНОСТИ ПРИКУБАНЬЯ РИМСКОЙ ЭПОХИ

И. П. ЗАСЕЦКАЯ

Археологические материалы из Прикубанья римской эпохи, хранящиеся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, представлены находками из погребальных памятников и поселений. К последним относятся коллекции предметов, обнаруженных на поселениях и городищах первых веков нашей эры у ст. Усть-Лабинской Краснодарского края, состоящие в основном из керамической посуды местного изготовления, рыболовных принадлежностей — крючков и грузил, а также предметов сельского хозяйства — железных серпов, мотыг, каменных зернотерок. Эти памятники принадлежали оседло-земледельческим меотским племенам, издревле населявшим области плодородных земель Прикубанья. В степной же полосе обитали кочевники-скотоводы, сарматы и аланы, которые оставили многочисленные курганные могильники.

Наибольший интерес в собрании древностей Эрмитажа представляют коллекции так называемой зубовско-воздвиженской группы I в. до н.э. — I в. н.э. и «Золотого кладбища» I—II вв. н.э., которые содержат многочисленные и разнообразные находки местного и импортного происхождения.

Памятники зубовско-воздвиженской группы названы так по наиболее известным и богатым захоронениям, которые были обнаружены около ст. Воздвиженской и Зубовского хутора¹. В хранении Эрмитажа комплексы подобного рода представлены находками из курганов, открытых Н.И. Веселовским у ст. Ярославской (1896), у г. Армавира (1902—1903) и на Лысой горе (1914), а также у Зубовского хутора (раскопки местного жителя Забродина, 1899).

Все перечисленные погребальные памятники расположены на левом берегу Кубани, но не представляют собой единой курганной группы, а напротив, происходят из разных достаточно удаленных друг от друга мест. Некоторые из них являются впускными захоронениями в более ранние курганы, другие совершены под индивидуальными насыпями. Для данного типа погребений характерны могилы в виде широких прямоугольных ям, в которых погребенные покоились на спине в вытянутом положении, головой, как правило, на запад. Некоторые могилы имели деревянные перекрытия, в кургане Большой погребенный лежал в деревянном гробу. Почти во всех захоронениях рядом с могилой на древнем горизонте или в насыпи кургана были обнаружены находки: золотые украшения, детали конской упряжи, предметы, символизирующие высокий статус умершего, которые Н.И. Веселовский рассматривал как особый род тризны, совершенный родственниками². Однако не исключено, что это жертвоприношения или посмертные дары, принесенные соплеменниками знатным родичам.

Погребальный инвентарь в памятниках зубовско-воздвиженской группы отличается сравнительным многообразием и богатством. В мужских захоронениях обязательно присутствуют предметы, характерные для воина-всадника: конское снаряжение, оружие — мечи, копья, наконечники стрел, доспехи — панцири и кольчуги. В могиле кургана № 1 у Зубовского хутора панцирь лежал отдельно с левого бока от погребенного, в кургане же Острый у ст. Ярославской панцири были надеты на умерших. Кроме того, здесь был обнаружен «громadных размеров свернутый панцирь», вероятно, конский. Из мужских погребений происходят также золотые браслеты, декоративные поясные бляхи, бронзовые культовые котлы, жезлы — символы власти, импортная металлическая и стеклянная посуда.

В женских погребениях значительную часть составляют украшения — браслеты, серьги, фигурные фибулы, ожерелья из разнообразных стеклянных бус, а также зеркала и туалетные сосудики. Так, например, в кургане № 2

Зубовского хутора, где была похоронена знатная женщина, найдены три алебастровых сосудика, заполненных белой меловидной массой.

Особое место в эрмитажной коллекции занимают находки разного рода амулетов, происходящих как из мужских, так и из женских захоронений. Наибольшее число амулетов найдено в женском погребении кургана Большой: на груди в составе ожерелья янтарная фигурка льва, у пояса, справа, головка кабана из гешира, зеркало, медальоны, пронизи-скарабеи, яйцеобразная глиняная погремушка, слева две свинцовые зоо- и антропоморфные фигурки, подвеска из рога и раковины. У воина в кургане Острый справа на поясе лежали 7 подвесок из клыков кабана, бронзовый ажурный колокольчик, глиняный кружок, костяная проколка-подвеска, сточенный лошадиный зуб; у левого бока — две ручки серебряного канфара. Все эти предметы, несомненно, играли роль оберегов.

Важное значение имеют также находки импортной металлической и стеклянной посуды, свидетельствующие о широких связях местных племен с Римом и Восточным Средиземноморьем. Особый интерес представляет серебряная фиала из кургана № 1 у Зубовского хутора. Фиала относится к изделиям греческих мастеров V — начала IV в. до н.э. Вопрос, как попала она в погребение сарматского знатного воина I в. до н.э. — I в. н.э., до сих пор не решен.

Наибольшей известностью в археологической литературе пользуются материалы из курганных могильников так называемого «Золотого кладбища», которые хранятся в собрании Эрмитажа в Санкт-Петербурге и в Историческом музее в Москве³.

«Золотое кладбище» — погребальный памятник римской эпохи в Прикубанье — представляет собой цепь древних курганов, протянувшихся узкой полосой вдоль правого берега р. Кубани от ст. Казанской до Тифлисской и уходящих далее на запад за ст. Усть-Лабинскую. Открытие этого археологического комплекса также принадлежит профессору Петербургского университета Н.И. Веселовскому, который в течение 1901—1902 гг. раскопал около сотни курганов. Обнаруженные в них погребения были совершены в земляных склепах-катакомбах, состоящих из коридора-дромоса и камеры и, как правило, размещавшихся в западной поле насыпи кургана. Несмотря на ограбления могил в древности, в них были найдены разнообразные предметы: вооружение, конское снаряжение, стеклянная, глиняная и металлическая посуда, культовые предметы и украшения костюма. Значительную часть находок составляют золотые декоративные изделия, что и послужило основанием назвать древнее кладбище «Золотым».

Судя по единообразию погребального обряда и инвентаря, «Золотое кладбище» представляет собой единый в культурно-историческом отношении памятник. К нему примыкают также пять катакомб, раскопанных на левом, противоположном берегу Кубани у ст. Некрасовской, расположенной напротив ст. Усть-Лабинской. Прежде всего обращает на себя внимание большое количество мужских погребений с наступательным оружием, оборонительными доспехами и конским снаряжением, что свидетельствует о принадлежности погребенных воинов к определенному роду войск катафрактариям — тяжеловооруженной коннице, которая, как сообщают античные авторы, вербовались из аристократической верхушки общества⁴. Их высокий социальный статус подтверждается сравнительным богатством погребального инвентаря. Большинство умерших похоронены в парадной одежде, расшитой золотыми бляшками, с дорогими украшениями — гривнами, браслетами, перстнями, а также с различного рода импортными изделиями как из самого Рима, так и его западных

и восточных провинций. Это серебряная и бронзовая посуда из Южной Италии, стекло, бусы, керамические предметы из Малой Азии и Средиземноморья. Влияние римской культуры на местное население можно видеть и в распространении украшений полихромного стиля, проволочных фибул-застежек, бронзовых канделябров. Неслучайно поэтому Н.И. Веселовский пришел к выводу о принадлежности «Золотого кладбища» «отуземившимся» римлянам⁵. Однако эта гипотеза, справедливо опровергнута в свое время М.И. Ростовцевым, в дальнейшем не была поддержана ни одним из исследователей.

Наряду с указанными признаками влияния Рима в погребениях «Золотого кладбища» вполне ярко выступают черты варварской культуры: прежде всего обряд погребения и характер вооружения, а также присутствие зооморфной керамики, вещей, исполненных в сарматском зверином стиле, наличие тамгообразных знаков на вещах. Например, на ручке серебряной чаши римского производства процарапан тамга, вероятно, знак владельца, происходящего из знатного сарматского рода. Подобные родовые и династические знаки были широко распространены в Северном Причерноморье в первые века нашей эры как среди кочевников, так и у населения античных городов Боспорского царства⁶. Таким образом, в похороненных на «Золотом кладбище», скорее всего, следует видеть не «отуземившихся» римлян, а «романизованных» варваров.

«Золотое кладбище» в целом датируется I — началом III в. н.э., однако основу его составляют захоронения второй половины I — первой половины II в. н.э. Это время отмечено, с одной стороны, наивысшим расцветом Римской империи, подчинившей себе народы Европы и Ближнего Востока, а с другой, господством в Приазовье аланских племен, которые представляли реальную угрозу римским владениям в Малой Азии. При определенной политической ситуации, и особенно в отдаленных районах, Рим, как следует из письменных источников, содержал за регулярную плату «дружины» союзников из местных варварских племен. Поэтому вполне возможно, что «Золотое кладбище» могло быть оставлено представителями именно такой наемной дружины, которая служила своего рода заслоном от нападения воинствующих соседей — кочевников южнорусских степей⁷.

В собрании Эрмитажа «Золотое кладбище» представлено несколькими коллекциями находок из могильников у станиц Тифлисской (курганы № 20 раскопки 1902 г.; № 1—7 — 1908 г.); Усть-Лабинской (курганы № 29, 38, 41, 42, 45, 46 — раскопки 1902 г.) и Некрасовской (курганы № 1—5 — раскопки 1905 г.)⁸. В составе эрмитажных коллекций присутствуют все упомянутые выше категории вещей, характеризующие «Золотое кладбище». Наибольший интерес представляют уникальные предметы, такие как бронзовый таз с рельефным медальоном, канделябр с фигурой сирены, а также единичные находки — ситечко-цедилка римско-провинциальной работы, костяные накладки лука или, например, золотой флакончик для ароматических веществ, культовые накладки в виде древа жизни и фигурок животных, составляющие единую композицию.

Зубовско-воздвиженская группа

В эрмитажном собрании материалы этой группы представлены находками из наиболее известных памятников, таких как, например, курганы у ст. Ярославской и Зубовского хутора.

Курган Острый был расположен у ст. Ярославской на левом берегу р. Кубани. В результате раскопок Н.И. Веселовского в 1896 г. были обнаружены

два погребения — основное и впускное. Наибольший интерес представляет не ограбленное впускное захоронение сарматской культуры I в. до н.э. — I в. н.э. На глубине 1 м в прямоугольной могиле лежали два костяка в железных панцирях. На голове одного из них, как отмечает Н.И. Веселовский, был надет железный шлем, украшенный гладкой золотой пластинкой (шлем не сохранился). Кроме того, рядом с погребенными находился больших размеров панцирь, вероятно, конский. Обнаруженные в кургане археологические находки, поступившие сначала в Археологическую комиссию, а затем в 1898 г. в Императорский Эрмитаж, в настоящее время хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (коллекция № 2233).

В состав коллекции входят: золотые браслеты, золотой наглазник с изображением фигурки лежащего оленя, стеклянная и металлическая импортная посуда, бронзовый котел, различные амулеты — колокольчик, кабаньи клыки, зуб лошади, ручки от серебряного канфара, а также зеркало, лежащее на груди одного из погребенных. Погребальный инвентарь указывает на то, что здесь были похоронены знатные воины, а может быть, и военачальники, о чем свидетельствует находка жезла — символа власти.

Наибольший интерес представляет зеркало и золотой наглазник (инв. № 2233 / 4 и 23). Наглазник изготовлен в виде двух кружков, вырезанных из тонкой золотой пластины с оттиснутой фигуркой лежащего оленя, вокруг ободок-«веревочка». Кружки соединены узкой пластинкой, продетой сквозь щелевидные прорезы, концы пластинки загнуты с оборотной стороны (длина 9,1, диаметр 3,6 см.) (рис. 1)⁹. В мотиве, представленном на изделии сарматской культуры I в. н.э., усматривается скифская традиция в передаче образа оленя, обычно он изображался в позе сидящего или лежащего животного с поджатыми передними и задними ногами.

Зеркало, относящееся к эллинской культуре I в. до н.э., гладкое, литое, дисковидной формы (диаметр 18,2 см), имевшее в древности либо крышку, либо футляр, от которых сохранились два фрагмента серебряной обкладки с рельефным изображением тритонов — они исполнены в эллинистическом художественном стиле раннеримской эпохи. Обкладки сделаны в технике басмы (рис. 2)¹⁰.

Курганы у Зубовского хутора

Хутор Зубов находился в 20 км от ст. Тенгинской, на территории бывшей Кубанской области, между реками Большим и Малым Зеленчуком и Кубанью. В 1899 г. местным жителем были раскопаны четыре кургана, два из которых дали особенно интересные находки. Значительная часть их была приобретена Императорским Эрмитажем в 1904 г. В настоящее время они составляют одну из ценнейших коллекций сарматских древностей Прикубанья в собрании Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (инв. № 2234/1–79).

Наибольшим богатством и разнообразием погребального набора вещей отличается захоронение знатного воина в Зубовском кургане № 1. О высоком социальном статусе погребенного свидетельствует находка воткнутого в насыпь кургана железного жезла длиной 1,80 м, заканчивающегося наверху головой оленя с ветвистыми рогами. О знатном происхождении умершего говорят и найденные с ним предметы: золотые украшения костюма, браслеты,

Рис. 1. Наглазник. I в. н.э. Золото. Ст. Ярославская, курган Острый, 1896 г.

Рис. 2. Бронзовое зеркало (а); два фрагмента серебряной декоративной обкладки (б–в); прорисовка серебряной обкладки (г). I в. до н.э. Ст. Ярославская, курган Острый, 1896 г.

бляхи и наконечники пояса, а также находки кинжала с золотой отделкой, детали конской сбруи, золотые бляхи, исполненные в сарматском полихромном зверином стиле, импортные стеклянная чаша и бронзовая кружка. Рядом с покойным лежал кольчатый панцирь, отделанный в некоторых местах бронзовыми чешуйками, и два серебряных фалара. Из этого захоронения происходит глиняный кувшин местного изготовления и типичный для кочевнической культуры бронзовый котел.

Самой же замечательной находкой является серебряная фиала греческой работы V–IV вв. до н.э. (инв. № 2234/18). Фиала в виде плоской чаши (диаметр 21 см) с округлой выпуклостью в центре, украшенной изображением свернувшейся в кольцо змеи с поднятой вверх головой (рис. 3, а, б, в, г).

Рис. 3. Фиала с греческой надписью: а — общий вид, б — голова оленя, в — змея, z — надпись. V — начало IV в. до н. э. Серебро. Zubovskiy khutor, kurgan № 1, 1899 г.

Вокруг выпуклости — декоративный ободок. По краю фиалы, с внутренней стороны расположены 13 голов оленей, изображенных в фас, с запрокинутыми назад рогами и мордой, обращенной к центру. С наружной стороны имеется гравированная греческая надпись: «Я принадлежу Аполлону-Предводителю, что в Фасиде». По характеру письма надпись относится к концу V и самому началу IV в. до н.э. Содержание же надписи указывает, что чаша являлась обетным даром богу Аполлону и находилась в святилище или храме, расположенном в городе Фасиде, лежащим в устье реки с тем же названием (ныне р. Рион). Чаша не случайно украшена головками оленя, ибо такой мотив имел непосредственное отношение к культу Аполлона. Каким же образом греческая культовая чаша попала в могилу варварского воина, похороненного в Прикубанье, пока остается загадкой¹¹.

Яркими примерами варварской сарматской культуры I в. до н.э. — I в. н.э. из находок кургана № 1 являются железный меч (инв. № 2234/17) и золотые бляшки (инв. № 2234/25). Меч короткий двулезвийный с брусковидным прямым перекрестием и округлым навершием, которые украшены инкрустацией из золотых узких полосок, исполненной в технике «на сечки» (частично утрачен, длина сохранившейся части 28,5 см, ширина перекрестия 6,5 см) (рис. 4, а, б). Узор на навершии, вероятно, воспроизводит рога оленя. На рукояти — три серебряных штифта с золотыми круглыми шляпками. Zubovskiy меч является уникальной находкой, и прямых аналогий ему неизвестно. Но своеобразная для сарматского времени техника орнамента находит аналогии в оружии скифской эпохи. Так, в знаменитых

Рис. 4. Меч: а — лицевая сторона, б — оборотная сторона. I в. до н.э.— I в. н.э. Железо, инкрустация золотом. Зубовский хутор, курган № 1, 1899 г.

происходит и единственная находка в «Золотом кладбище» — костяные накладки лука.

В погребении были найдены серебряные сосуды римского производства, золотая бляшка сарматского звериного стиля, оригинальный набор амулетов из каменных пронизей, а также редкая находка необычайно высокого (78 см) глиняного чернолощеного кувшина местного прикубанского производства (инв. № 2239/49). Кувшин с туловом грушевидной формы на кольцевом поддоне, узким горлом с отогнутым венчиком со сливом. В верхней части и в основании горла — концентрические желобки. Ручка трехствольная с имитацией шарнирного устройства и тремя рельефными отростками, спускающимися по плечикам. По обеим сторонам ручки, на горле, два налепа. Кроме того, на плечиках две симметрично расположенные петельки-ручки с округлыми налепами с двух сторон и двумя рельефными отростками — имитация зооморфных изображений. Кувшин сделан на гончарном круге, на поверхности черное лощение (рис. 6).

Кувшин относится к так называемой зооморфной керамике, характерной чертой которой является наличие ручки в виде фигуры животного. В первые века нашей эры подобная керамика имела широкое распространение на пространстве от Северного Причерноморья, включая Прикубанье и Кавказ, до Средней Азии, бытуя одновременно как у кочевников, так и у оседло-земледельческих племен. Зооморфные ручки, как свидетельствуют этнографические данные, служили оберегами, защищая содержимое сосуда от враждебных сил. Наряду с довольно реалистичными фигурками животных часто встречаются схематичные изображения, с трудом поддающиеся отождествлению их с конкретным видом. Именно такого рода «образ» мы имеем на усть-лабинском кувшине. Как зооморфные элементы можно рассматривать, например, налепы, имитирующие глаза, и усообразные отростки, возможно, задние ноги животного. В то же время здесь налицо черты, заимствованные из металлической посуды. Например, имитация трехствольной ручки с шарнирным соединением¹⁴.

В этом же погребении найдена бляшка от одежды сарматского полихромного звериного стиля I в. н.э. (инв. № 2239/1) (рис. 7; 8, 1). Бляшка круглая

Рис. 6. Кувшин со стилизованной зооморфной ручкой. Глина. Ст. Усть-Лабинская, курган № 29, 1902 г.

(диаметр 2,7 см) со схематичным изображением фигуры козла, вписанной в круг. Животное лежит на левом боку, голова с запрокинутыми назад рогами и торчащими ушами передана строго в фас и занимает центральное положение в композиции. По обеим сторонам головы симметрично расположены передние конечности, согнутые в локте и поднятые вверх. Тело показано в профиль с одной задней (правой) ногой, также согнутой в колене и вытянутой вперед. Фигура украшена вставками в углубленных гнездах. Каплевидными вставками светло-голубой пасты выделены мышцы плеча, бедра и уши, а глаза обозначены вставками граната в круглых гнездах. Бляшка состоит из золотой обкладки с оттиснутым на ней изображением козла и бронзового пластинчатого основания. Между ними мастикообразное вещество, заполняющее рельеф и всю внутреннюю часть бляхи в целом¹⁵. Бляшка относится к серии предметов сарматского полихромного звериного стиля I в. н.э., представленных бляшками от одежды и мелкими фаларами от уздечных ремней с изображением фигуры козла, вписанной в круг, или свернувшегося по кругу хищника кошачьей породы.

В собрании Эрмитажа хранится еще одна аналогичная усть-лабинской золотая бляшка с изображением фигуры лежащего козла, происходящая из кургана № 2 Тифлисского могильника — раскопки Н.И. Веселовского 1908 г. (инв. № 2238/2). Ее отличительными признаками является наличие ложных вставок в виде рельефных выпуклостей, а также орнамента из поперечных бороздок, имитирующих шерсть на ногах и хвосте и неровную поверхность рогов (рис. 8, 2)¹⁶. Предположение В.И. Мордвинцевой, что на бляшках и конских фаларах изображение фигуры козла соответствует мотиву свастики, представляется сомнительным. Подробное исследование на эту тему дано в работах И.П. Засецкой, посвященных проблемам «полихромного сарматского звериного стиля»¹⁷.

Оригинальной находкой в кургане № 29 является бронзовый канделябр южно-италийского происхождения I в. до н.э. — I в. н.э. (инв. № 2239/52) (рис. 9). Канделябр высотой 38 см состоит из четырех частей и светильника: треножника в виде ног хищника с круглым пластинчатым диском, низкого цилиндра (высотой 3 см), украшенного овами, подставки воронкообразной формы с орнаментом из каннелюр, скульптурной фигуры сирены с воронкообразной чашечкой на голове, стоящей на пучке остроконечных листьев. Светильник литой на низком кольцевом поддоне с вытянутым рожком, вокруг отверстия бортик. Рожок украшен валютообразными выступами и гравированным орнаментом из пальметок, волют и лепестков. К петлеvidной

Рис. 7. Бляшка в сарматском полихромном зверином стиле. I в. н.э. Золото. Ст. Усть-Лабинская, курган № 29, 1902 г.

Рис. 8. Бляшки с изображением фигуры козла: 1 — из кургана № 29, ст. Усть-Лабинская, 2 — из кургана № 2, ст. Тифлисская. I в. н.э.

Рис. 9. Канделябр с фигурой сирены. I в. до н.э. — I в. н.э. Бронза. Ст. Усть-Лабинская, курган № 29, 1908 г.

ручке светильника припаяна ажурная пластина со стилизованным растительным узором¹⁸.

Д.С. Герцигер справедливо предполагает, что этот памятник был составлен из разнородных частей. Фигура сирены слишком массивна по сравнению с подставкой, на которую она опирается, и, вероятно, первоначально сирена служила навершием высокого канделябра. Остальные же части этого изделия находят многочисленные аналогии среди италийской бронзы I в. до н.э. — I в. н.э. Находка канделябра является ярким доказательством взаимосвязи кочевников Прикубанья с Римом¹⁹.

Могильник у ст. Некрасовской расположен на левом берегу р. Кубани, напротив ст. Усть-Лабинской. В 1905 г. Н.И. Веселовским здесь были раскопаны пять курганов (№ 1–5). Находки из этих погребальных памятников хранятся в собрании Государственного Эрмитажа и составляют одну из коллекций древностей Прикубанья Отдела археологии Восточной Европы и Сибири (коллекция № 2244/1–54). Как и в других захоронениях «Золотого кладбища», в некрасовских погребениях найдены разнообразные предметы, в том числе и золотые нашивные бляшки геометрических форм, пронизки-трубочки, стеклянные бусы, амулеты, оружие — наконечники стрел, панцири, а также импортные изделия.

Особого внимания заслуживает бронзовый таз италийской работы с декоративным медальоном I в. до н.э. — I в. н.э. (инв. № 2244/24) (рис. 10). Таз неглубокий на низком кольцевом поддоне (диаметр 51 см, высота 12,5 см). На дне с внутренней стороны рельефный медальон, воспроизводящий сцену гибели Полиника, смертельно раненного братом Этиоклом в сражении у Фив. Умирающего поддерживает молодая женщина, рядом с поднятым кверху мечом в руке стоит богиня мщения Эринния. Вокруг медальона рельефный «жемчужный» обруч и бордюр растительного орнамента. Таз литой, точеный на токарном станке, рельеф отлит вместе с ним. Некрасовский таз представляет собой весьма оригинальный экземпляр художественной бронзы южноиталийской работы. По стилистическим особенностям и орнаментальным мотивам, продолжающим художественные традиции эпохи эллинизма, таз относится к кругу декоративных изделий раннеримского времени, к периоду расцвета культуры и искусства Римской империи²⁰.

Могильник у ст. Тифлисской. Наибольшим богатством и разнообразием погребального инвентаря характеризуются захоронения в катакомбах Тифлисского могильника. В 1902 г. Н.И. Веселовским было раскопано 20 курганов, материал из которых в основном поступил в Исторический музей Москвы (курганы № 1–19) и лишь находки из кургана № 20 были переданы в Императорский Эрмитаж²¹. В 1908 г. Н.И. Веселовский продолжил раскопки на Тифлисском могильнике. В результате им были исследованы еще семь курганов²². Обнаруженные в них предметы также поступили в Эрмитаж (в настоящее время эти материалы хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири).

При условии, что почти все курганы «Золотого кладбища» были ограблены в древности, большое значение имеет единственный уцелевший не тронутый грабителями курган № 15 на Тифлисском могильнике, материалы которого дают полное представление о высоком социальном статусе похороненных на этом кладбище знатных воинов. На погребенном из кургана № 15 были найдены золотые украшения: гривна, браслет, цепь, бляшки, пронизки, золотые медальоны и подвески со вставками полудрагоценных камней алман-

Рис. 10. Таз с рельефным медальоном.
I в. до н.э. — I в. н.э. Бронза.
Ст. Некрасовская, курган № 3,
1905 г.

дина, халцедона и бирюзы (рис. 11). Отсюда также происходят предметы вооружения (кинжал, наконечник копья, панцирь), детали конского снаряжения, каменные точила, серебряные и бронзовые импортные сосуды, железный канделябр. Уникальной находкой является навершие в виде литой фигуры кабана, которое могло быть знаком римского штандарта. Вещи из этого погребального комплекса хранятся в Государственном Историческом музее в Москве²³.

В эрмитажном собрании несомненный интерес представляют находки из женского погребения в кургане № 20, в котором большую часть сохранившихся здесь предметов составляют разнообразные амулеты. Среди них — амулеты-пронизки и подвески из египетского фаянса в виде скарабея, а также фигурок льва и лягушки, лежащих на прямоугольной и овальной подставке, амулет-подвеска в виде сдвоенных цилиндров (инв. № 2237/12, 14–16) (рис. 13). Родиной таких подвесок был Египет, который во все времена славился массовым выпуском изделий из фаянса. В Северном Причерноморье подобные амулеты появляются еще в VI в. до н.э., но широкое распространение они получили в римскую эпоху, начиная со второй половины I в. до н.э. и особенно в I–II вв. н.э. в результате расширившихся торговых связей со Средиземноморьем. Египетские амулеты из кургана № 20 типологически относятся к поздней группе изделий²⁴.

К амулетам также относятся бронзовый миниатюрный котелок (инв. № 2237/17) и две бронзовые ажурные подвески (инв. № 2237/19–20). Литая подвеска в виде котелка (высота 3,4 см) имитирует культовые сарматские котлы (рис. 12). Если в памятниках кочевников южнорусских степей, в том числе и на Кубани, подобные находки представлены лишь единичными экземплярами, то амулеты-котелки были широко распространены в Сибири, и в частности в таштыкской культуре Хакасско-Минусинской котловины. Здесь они представлены десятками находок и встречены вместе с миниатюрными сосудиками, подражающими глиняным черпакам и ковшикам. О назначении таких подвесок существует несколько мнений. Обычно их считают амулетами или моделями-заменителями подлинных котлов, сделанных специально для погребения. Л.Р. Кызласов определяет их как символ власти, родовитости, знатности. Показательно, что котелок-подвеска из эрмитажной коллекции происходит из богатого женского погребения представительницы местной племенной знати²⁵.

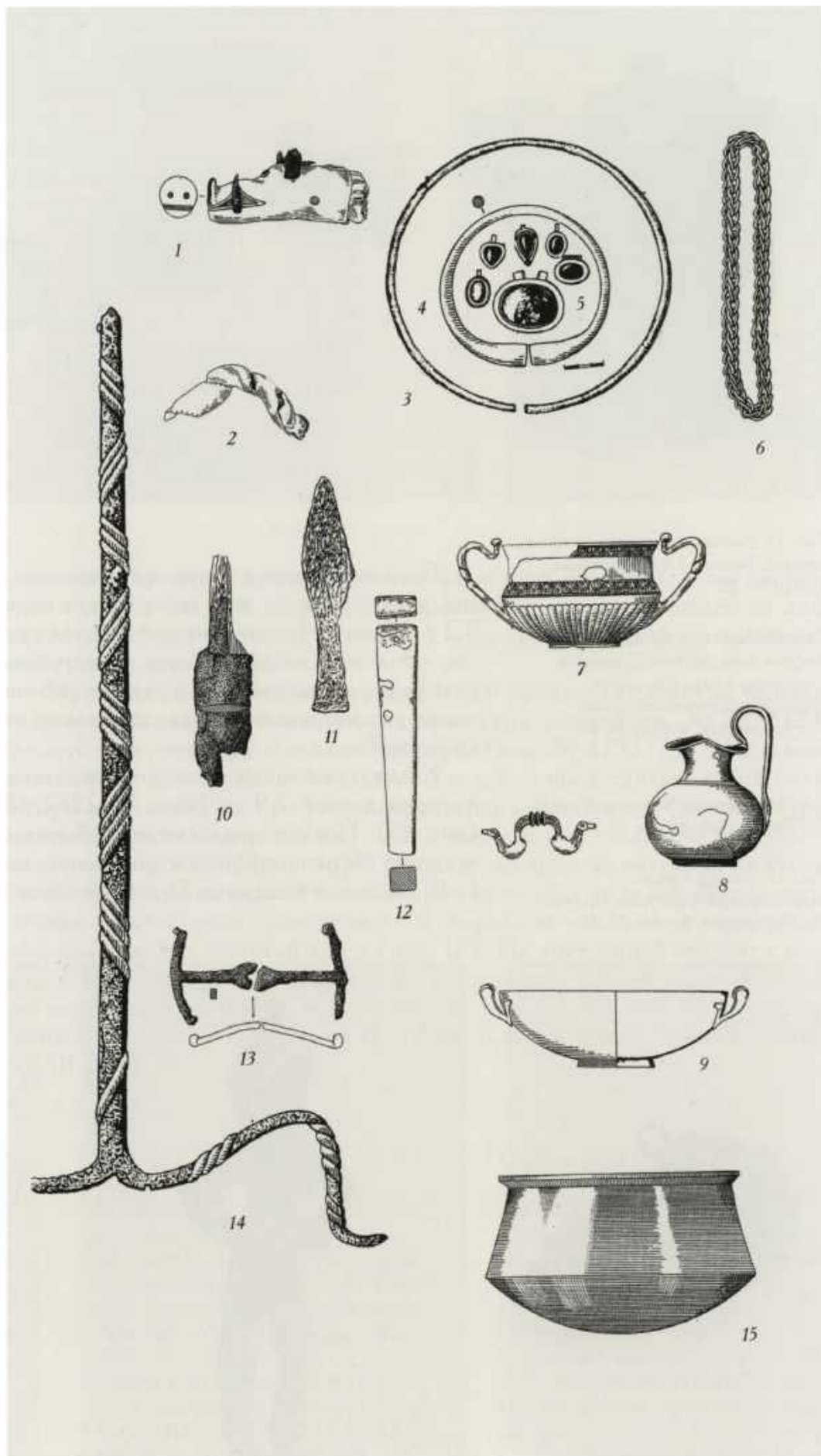

Рис. 11. Погребальный инвентарь из захоронения знатного воина или военачальника. Ст. Тифлисская, курган № 15

1 — бронзовая фигура кабана, 2 — кожаная обкладка от рукояти нагайки (?); 3, 4, 6 — золотые гривна, браслет и цепь; 5 — золотые подвески со вставками сердолика и алмандинов; 7 — серебряный канфар; 8, 9, 15 — бронзовые таз, кувшин, котелок; 10, 11 — железные меч и наконечник копья, 12 — каменное точило, 13 — железные удила с частью псалив, 14 — железный канделябр

Рис. 12. Амулет в виде миниатюрного котелка. Бронза. Ст. Тифлисская, курган № 20

Рис. 13. Амулеты: пронизки в виде фигурок льва, лягушки, скарабея и подвеска в виде сдвоенных цилиндров. Египетский фаянс. Ст. Тифлисская, курган № 20

Рис. 14. Ажурные амулеты. Бронза. Ст. Тифлисская, курган № 20

Рис. 15. Амулет в виде антропоморфной фигурки. Бронза. Ст. Тифлисская, курган № 20

Бронзовые литые ажурные подвески биконической и округлой формы, украшенные по всей поверхности выступами (размеры: 5,6 × 3,8 см; 3,2 × 3,3 см). На одной из них имеется круглая петля (рис. 14). В комплексах «Золотого кладбища» это единственные находки такого рода. Аналогичные предметы найдены в ряде погребений Северного Кавказа и Крыма и также рассматриваются исследователями как амулеты культово-магического свойства²⁶.

К амулетам также относятся подвеска в виде литой антропоморфной фигурки длиной 7,9 см (инв. № 2237/18). На оборотной стороне петля (рис. 15). Прямые аналогии данной подвеске не известны, однако миниатюрные антропоморфные изображения имели широкое распространение в I–III вв. н.э. в Северном Причерноморье и рассматривались исследовате-

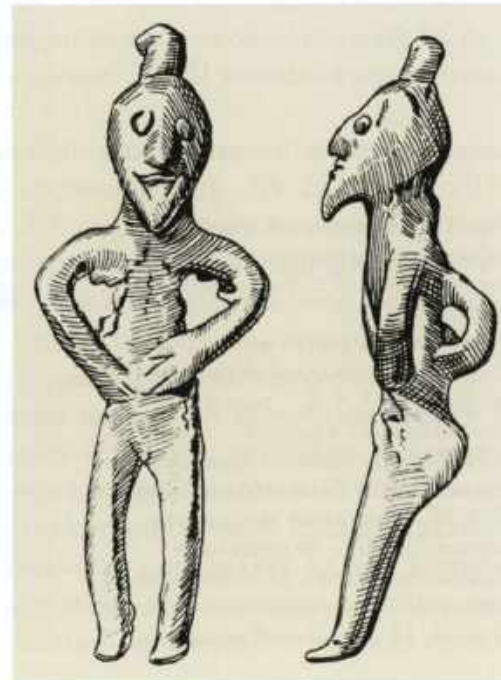

Рис. 16. Часть фигурного красноглиняного сосуда в виде женской головки. I в. н.э.
Ст. Тифлисская, курган № 20

Рис. 17. Курильница. Глина.
Ст. Тифлисская, курган № 20

лями как амулеты-обереги. Такого же характера, очевидно, и две свинцовые сидящие фигурки антропо-зооморфного вида, происходящие из женского погребения в кургане Большой у г. Армавира зубовско-воздвиженской группы памятников²⁷.

Из женского погребения кургана № 20 происходят золотые бляшки, ожерелья из разноцветных бус, глиняная курильница (инв. № 2237/24) и часть фигурного красноглиняного сосуда (инв. № 2237/25). Последний относится к греко-римской культуре I в. н.э. и представляет собой рельефную женскую головку с узким воронкообразным горлом (высота сохранившейся части сосуда 8,9 см) — она выполнена в традициях греческого искусства терракоты (рис. 16)²⁸. Упомянутая выше курильница из кургана № 20 является редким экземпляром подобных изделий. Курильница лепная сероглиняная трапециевидной формы на высокой четырехугольной полый ножке высотой 12 см (рис. 17). На внутренней стороне следы сажи. Курильницы подобной формы встречаются крайне редко. Близкие по конструкции находки происходят из Танаиса, где они были обнаружены в культовом помещении II—III вв. н.э. и в могиле первой половины III в. н.э.²⁹

¹ Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — II в. н.э.) // Тр. ГИМ. М., 1989. Вып. 70. С. 71—141.

² Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902 г. М., 1905. Т. I. С. 370.

³ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

⁴ Тацит. 1. 79; Юстин. XII. 2. 3; XXII. 5. 83.

⁵ Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области... С. 369—372.

⁶ Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959; Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.

⁷ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 36—40.

⁸ Там же. Кат. № 310—349, 387, 427—457, 477—479, 481—498, 503—532, 549—560.

⁹ ОАК за 1896 г. СПб., 1998. С. 58, рис. 283; Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа... Кат. № 20, табл. I, 20; Эрмитаж: музей и коллекции: Каталог выставки в Липецком областном краеведческом музее 2002 г. СПб., 2001. С. 48. Пятыешева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956. С. 29—41; Погребова Н.В. Позднеантичные городища на Нижнем Днепре // МИА. 1957. № 64. С. 150; Чернопицкий М.П. Курганы

- с погребением «жрицы» на Кубани // СА. 1985. № 3. С. 253, рис. 2.
- ¹⁰ ОАК за 1896 г. С. 57, рис. 280 а, б; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа... Кат. № 6, табл. II, 6.
- ¹¹ ИАК. 1901. Вып. 1. С. 99–100; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребение зубовско-воздвиженского типа... С. 84, табл. XII, 120.
- ¹² ИАК. 1901. Вып. 1. С. 97; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа... С. 116, табл. XI, 124; Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб., 2001. Кат. № 146; С. 70–71, кат. № 6, 7.
- ¹³ ИАК. 1901. Вып. 1. С. 95, рис. 2а–2; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа... Кат. № 119 (здесь неверно указан материал вставок).
- ¹⁴ *Скалон К.М.* Изображение животных на керамике сарматского периода // ТОПИК. Л., 1941. Т. 1. С. 195; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 27, рис. 8; *Виноградов В.Б.* К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник МГУ. М., 1961. С. 43; *Абрамова М.П.* О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2. С. 69.
- ¹⁵ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... Кат. № 329, табл. 35.
- ¹⁶ Там же. Кат. № 540, табл. 55.
- ¹⁷ *Мордвинцева В.И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003. С. 93, рис. 37; *Засецкая И.П.* Два мотива в сарматском зверином стиле — свернувшийся по кругу хищник кошачьей породы и вписанная в круг фигура козла (I — начало II в. н.э.). // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 82–84, рис. 6, 7; Она же. О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля // ВДИ. 2006. № 2. С. 110–111.
- ¹⁸ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... Кат. № 339, рис. 14.
- ¹⁹ *Герцигер Д.С.* Античные канделябры в собрании Эрмитажа // ТГЭ. Л., 1984. Вып. XXIV. С. 88, 97–99, табл. V, 20.
- ²⁰ *Неверов О.Я.* Художественное ремесло эпохи Римской империи (I в. до н.э. — IV в. н.э.): Каталог выставки. Л., 1980. С. 39, кат. № 92.; *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 29–30, рис. 11, 12; кат. № 516.
- ²¹ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 53–62, табл. 20–34.
- ²² Там же. С. 76–77, табл. 55, 56.
- ²³ Там же. Кат. № 261–284, табл. 27–29.
- ²⁴ Там же. С. 20, кат. № 314; табл. 33; *Пиотровский Б.Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1. С. 20–27; *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г 1–12. С. 25.
- ²⁵ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 23, кат. № 315; табл. 33; *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 79–81, 91.
- ²⁶ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 23, кат. № 313; табл. 33; *Высотская Т.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 148, рис. 46, 1–2; *Богданова Н.А.* Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С. 84.
- ²⁷ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 23, кат. № 316; табл. 33; Они же. Погребения зубовско-воздвиженского типа... Табл. X, 88; *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1982. Вып. Г 1–12. Табл. 41, 1–16; *Зубарь В.М., Мещериков В.Ф.* Некоторые данные о верованиях населения Херсонесса // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 101–102.
- ²⁸ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... Кат. № 321, табл. 33.
- ²⁹ *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище»... С. 28, кат. № 327; табл. 34; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 290; *Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 78–79, табл. 19, 1.

Часть XVI

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

Глава 1

ПАМЯТНИКИ
ГРЕЧЕСКОГО
И РИМСКОГО
ПЕРИОДОВ

Д. В. ЖУРАВЛЕВ

A faint, large-scale decorative pattern is visible in the background of the page, consisting of intricate, swirling lines that resemble a stylized floral or scrollwork design. It is centered and occupies most of the lower half of the page.

Государственный Исторический музей — одно из крупнейших в России хранилищ античных древностей¹. Основанный в 1872 г. музей был призван «собирать и хранить разнообразные памятники древности и старины, которые в своей совокупности представляли бы собой наглядную и по возможности во всех частностях полную картину прошлой жизни как русского народа, так и народов, когда-либо обитавших в пределах Российской империи»². В структуре экспозиции музея для античности были выделены залы Б и В, а зал А показывал проникновение христианства на территорию Причерноморья. Для оформления зала Б изначально И.К. Айвазовскому была заказана картина с видами Керченского пролива с берегами Европейского и Азиатского Боспора. Наряду с памятниками Европейского Боспора, Херсонеса и Ольвии значительная часть собрания Исторического музея происходит и с территории Азиатского Боспора (Таманский полуостров).

До середины XX в. существовал значительный дисбаланс между коллекциями, происходящими с европейской и азиатской частей Боспорского царства. Основные материалы поступали в музей из Керчи³. Еще М.И. Ростовцев писал, что «история северной части Тамани... для нас — книга за семью печатями»⁴. Потребовались усилия многих ученых, и прежде всего работы Н.И. Сокольского на Фонталовском полуострове, чтобы археологические материалы для изучения истории Таманского полуострова стали доступны для исследователей. Если поступления памятников в Исторический музей с территории Таманского полуострова в конце XIX — первой половине XX в. были спорадическими, то масштабные раскопки 50-х — 70-х годов XX в. обогатили музей уникальной коллекцией, которая по праву считается одной из наиболее важных и полных не только в России, но и в мире.

Одними из первых в Исторический музей поступили коллекции из *Горгиппии и ее округа*. Среди них — небольшая коллекция из раскопок Н.И. Веселовского в окрестностях Анапы в 1894 г. (инв. № 33616), 1898 г. (инв. № 42405), 1901 г. (инв. № 42382). Коллекция состоит из глиняных сосудов, фрагментов терракотовых статуэток, светильников, глиняных и гипсовых наклепов на саркофаги.

Из Анапы происходят два эллинистических скульптурных памятника, приобретенных у Рудковской в Новороссийске. Это фрагментарное мраморное надгробие воина (инв. № 15703) и мраморная женская статуя (инв. № 15704) (рис. 1)⁵. Статуя изображает женщину в длинном хитоне; поверх хитона, через левое плечо, перекинут длинный гиматий, закрывающий руки по кисти. Левая рука на животе, правая согнута в локте, кисть у подбородка (голова утрачена). Высота скульптуры 114,5 см; размеры постамента 40 × 41 см. Отдельные предметы из Анапы относятся к собраниям графини П.С. Уваровой (инв. № 50987) и известного коллекционера и мецената П.И. Щукина. Из коллекции С.И. Чижова в Исторический музей поступил чернофигурный лекиф (инв. № 55765), приобретенный в Тамани.

Из ст. Натухаевской происходит мраморный монументальный архитрав с фризом I—II вв. н.э. — вероятно, деталь общественной или культовой постройки (инв. № 78607)⁶. Коллекция из раскопок Ю.А. Кулаковского в ст. Раевской (инв. № 34405) включает как античные, так и средневековые предметы, среди которых особо представительны изделия из железа: предметы вооружения, стремяна, обрывки кольчуг, ножницы.

Интересная коллекция была передана в Исторический музей в 1982 г. из КГБ СССР (инв. № 105658). В составе коллекции — золотой погребальный венчик (рис. 2) и три пары серег (рис. 3). Согласно информации, полученной

Рис. 1. Статуя женщины. Эллинизм. Мрамор. Горгиппия

Рис. 2. Венок с изображением женского божества. II в. н.э. Золото. Горгиппия

Рис. 3. Серьги. II в. н.э. Золото. Горгиппия

из документов следствия, эти вещи происходили из хищнических раскопок в Анапе или в ее окрестностях. Золотой погребальный венок в виде узкой ленты с замочком в виде петли и крючочка, со вставленными в отверстия трилистниками с тисненными остевыми линиями украшен прикрепанным в центре круглым медальоном. На круглом медальоне в низком рельефе представлено тисненное изображение бюста богини в хитоне с ожерельем с амфоровидными (?) подвесками, колчаном за правым плечом и двумя полуфигурками эротов по сторонам. Внизу под изображением бюста богини видны фигурки животных: собаки (или волка) и копытного. Рассматриваемый венок относится к сравнительно редкому варианту погребальных украшений. Типологически ближайшей параллелью ему является венок из горгиппийского склепа II/1975, украшенный в центре аналогичным образом закрепленной прямоугольной пластиной с тисненным изображением бюста женского божества⁷.

Д.В. Журавлев и М.Ю. Трейстер, полностью опубликовавшие этот комплекс, предположили, что поступившие в музей предметы принадлежали инвентарю богатого погребения, хронологически близкого к захоронению в склепе II/1975 некрополя Горгиппии, которое может датироваться временем не позднее второй четверти — середины II в. н.э. Учитывая богатство комплекса, его датировку и обстоятельства приобретения музеем, можно предположить, что он происходит из грабительских раскопок некрополя Горгиппии конца 1970-х или начала 1980-х годов. Не исключено, что это часть инвентаря монументального склепа, раскопанного в Анапе в 1978 г., ограбленного незадолго до этого — в 1973 г. Этот погребальный комплекс был исследован в Анапе на пересечении улиц Горького и Владимирской, неподалеку от склепа 1975 г. Здесь была открыта гробница из тесаных известняковых плит с каменным саркофагом внутри⁸.

Крупное собрание из столицы Азиатского Боспора — *Фанагории*, хранящееся в ГИМ, состоит из целого ряда коллекций. Отдельные материалы поступили еще в 1869 г. в собрание Румянцевского музея, а оттуда в Исторический музей. Среди этих находок в ГИМ представлены материалы раскопок В.Г. Тизенгаузена в 1869 г. (инв. № 54746), а также К.К. Герца в

1859 г. Из этих раскопок, в частности, происходит форма для изготовления щитка позднеантичного светильника, бронзовое зеркало и некоторые другие находки. Несколько предметов было передано из Кабинета изящных искусств Московского университета. Наиболее интересны среди них материалы из раскопок К.К. Герца в 1859 г. курганного некрополя (инв. № 86901). В частности, в ГИМ хранится расписная керамика из курганов № 5, 10, 26, 30. Эти предметы впервые были упомянуты в «Указателе памятников Исторического музея»⁹.

Из раскопок основателя Исторического музея И.Е. Забелина также происходит небольшая коллекция фанагорийских древностей (инв. № 19782, 19789–19931)¹⁰. Среди них коллекция светильников от VI в. до н.э. до IV в. н.э., среди этих светильников боспорские многорожковые светильники, производство которых было налажено в Пантикапее в I в. до н.э.¹¹, а также красноглиняные имитации, возможно, фанагорийского производства (рис. 4). Наряду с керамическими изделиями в собрании есть ряд хорошо сохранившихся терракотовых статуэток, алебастровые алабастры. Коллекция расписной керамики представлена серией лекифов. Среди позднеантичных материалов — несколько фрагментов краснолаковой керамики фокейского производства с клеймами на дне.

В 1936–1937 гг. под руководством А.П. Смирнова и В.Д. Блаватского была создана Фанагорийская экспедиция, материалы раскопок которой были полностью переданы в Исторический музей (инв. № 78410 и 79530). Помимо городища раскопки велись и на Фанагорийском некрополе. Эта коллекция насчитывает около 20 000 единиц хранения. По существовавшей в 1930-е годы практике в основной фонд музея брались практически все находки. В настоящий момент все эти коллекции доступны для изучения, комплексы восстанавливаемы, необходимо лишь сопоставление их с полевой документацией.

В коллекции представлены керамика, бронзовые и железные изделия, фрагменты мраморной скульптуры, костяные изделия, штукатурка, монеты. Из раскопок ГИМ происходит также коллекция архитектурных деталей¹². Значительно собрание керамических клейм на амфорных ручках и черепице. Редкой находкой является глиняное грузило II–III вв. н.э. с изображением стоящих Эрота и Психеи (рис. 5), на котором юноша нежно обнимает девушку за плечи¹³. Этот сюжет, взятый из знаменитого произведения Апулея

Рис. 4. Многорожковые светильники. I в. до н.э. Фанагория

Рис. 5. Грузило с изображением стоящих Эрота и Психеи. II–III вв. н.э. Глина. Фанагория

Рис. 6. Накладка в виде барельефной головы силена. I в. до н.э. Кость. Фанагория

Рис. 7. Гирьки. VI—V вв. до н.э. Свинец. Фанагория

«Метаморфозы» (Апул. 4—6), был широко представлен в различных памятниках античного времени: фресковой живописи, на щитках светильников, в терракотовой пластике и ювелирном деле¹⁴. О мастерстве фанагорийских ремесленников говорит костяная накладка в виде барельефной головы силена вправо (рис. 6)¹⁵, размерами 6,2 × 4,4 см. В центре — отверстие для крепления. Эта накладка может быть датирована I в. до н.э.

Довольно редкими находками являются и три свинцовые гирьки (рис. 7) различного веса¹⁶. Первая из них, квадратной формы в 1/4 аттической после-солонической мины, весом 106,9 г, датируется V в. до н.э. В центре — изображения двух букраниев, расположенных рогами в разные стороны и надписью... РІКΛ... вокруг них. Вторая гиря квадратной формы в 1,5 хиосско-родосской мины, весом 562,4 г, относится к VI в. до н.э. И наконец, третья гиря пирамидальной формы со сквозным отверстием в верхней части, весом 221,4 г, точной датировки не имеет.

В 1939 г. в раскопках Фанагории принимал участие отряд под руководством сотрудника ГИМ Н.В. Пятъшевой (инв. № 80387). Среди ее находок (4343 предмета) — многочисленные керамические клейма, граффити и дипинти на сосудах, фрагмент мраморного карниза, золотой погребальный веноч. В послевоенные годы раскопки в Фанагории продолжились под руководством М.М. Кобылиной. В ГИМ хранится коллекция из раскопок «Суворовской Фанагории» в 1950 г. (инв. № 83425). В ней представлены чернолаковая керамика, стеклянные сосуды, меч. Из раскопок на южном некрополе Фанагории происходит, в частности, уникальный свинцовый котел (Т.В. Блаватская, 1951 г. (инв. № 83813)). В архиве музея также хранится полевая документация этих исследований.

В 1960 г. Н.И. Сокольским в окрестностях Фанагории был исследован курган, материалы из тризны которого были переданы в ГИМ (инв. № 98131). В этой коллекции значительное количество керамики эллинистического времени. Отметим небольшую коллекцию из случайных находок на городище, переданную в дар агрономом совхоза «Фанагория» И.В. Потатувым (инв. № 102367). В коллекции представлены бронзовая позднеантичная пряжка, фрагменты терракотовых статуэток, бусы. Еще одна случайная находка — скарабен и другие украшения из египетского фаянса и терракотовые статуэтки — была передана в ГИМ в 1986 г. Э.А. Малкуджаном.

Материалы из другого крупнейшего города на Азиатском Боспоре — Гермонассы — представлены в Историческом музее несколькими собраниями.

Небольшая коллекция происходит из сборов А.С. Башкирова в Гермонассе (инв. № 83710). Более крупное собрание составляют материалы раскопок И.Б. Зеест в 1957 г. (инв. № 95774). В основном коллекция состоит из фрагментов керамики, среди которой довольно много ионийской, а также аттической краснофигурной. На некоторых сосудах есть граффити. Из этой коллекции происходит также много клейм и фрагментов терракотовых статуэток. Уникальна печь для выпекания лепешек VI в. до н.э. в виде купола высотой до 1 м с отверстиями в нижней и верхней части.

Из некрополя Гермонассы в ГИМ хранятся несколько коллекций. Первая — раскопки Б.А. Рыбакова в 1953 г. (инв. № 90486). Среди этих материалов наибольший интерес вызывает тмутараканский средневековый красноглиняный кувшин с граффити — долговыми записями (рис. 8)¹⁷. Другая коллекция представлена материалами из раскопок Н.П. Сорокиной в 1955 г. (инв. № 86964)¹⁸. В составе этих коллекций — керамика, терракотовые статуэтки, бронзовые и железные изделия. Из могилы 2 происходит аттический краснофигурный скифос с изображением двух сов в окружении ветвей лавра на противоположных сторонах. Этот сосуд высотой 8,5 см и диаметром 10 см. датируется второй—третьей четвертью V в. до н.э.¹⁹ В 1956 г. (инв. № 95068) и 1957 г. (инв. № 95775) Н.П. Сорокина продолжила исследование некрополя. Всего в Историческом музее хранятся материалы 38 погребений. Интересно, что значительная часть этих могил относится к VI—V вв. до н.э.

Одним из наиболее уникальных памятников, хранящихся в собрании ГИМ, несомненно, является мраморный так называемый «таманский саркофаг» (рис. 9) конца IV — III в. до н.э.²⁰ В январе 1916 г. он был открыт местными жителями, которые в поисках сокровищ раскапывали курганы. По их словам, зафиксированным местным археологом-любителем, казачьим старшиной В.В. Соколовым, «открыв склеп, они нашли большой мраморный саркофаг, а возле него две вазы: одну чернолаковую, с каннелюрами и золотым растительным орнаментом на горле, а другую красной глины, расписанную

Рис. 8. Красноглиняный кувшин с граффити. X в. Тмутаракань

Рис. 9. Таманский саркофаг. Конец IV—III в. до н.э. Мрамор. Тамань

акварелью»²¹. Саркофаг был вскрыт, а обнаруженный инвентарь расхищен. К счастью, об этом узнал директор Керченского музея В.В. Шкорпил, который распорядился сперва засыпать склеп, но потом решил его доисследовать. При вскрытии саркофага там были найдены «разбросанные по всему дну кости двух скелетов. Среди костей найдена костяная рукоятка ножа, украшенная на лицевой стороне 18-ю кружочками, глиняный шарик со следами позолоты, золотая подвесочка в виде кисточки около одного сантиметра длиной, и звездочка в один сантиметр в диаметре, с дырочкой посередине»²². С соответствующими предосторожностями саркофаг был извлечен из склепа и доставлен в Тамань, где 20 февраля 1916 г. был установлен в ограде местной церкви.

Ввиду «невозможности по переживаемым нашим отечеством обстоятельствам»²³ (Первая мировая война) саркофаг не был доставлен в столицу, а был надолго оставлен в Тамани. До немецкой оккупации Таманского полуострова он оставался в Тамани. Германское командование планировало вывезти таманский саркофаг в Германию, для чего 14 июля 1943 г. он был доставлен через пролив в Керчь. Ящик с ценным грузом был подготовлен к вывозу, но

остался в Мелек-Чесменском кургане, а крышка Таманского саркофага оказалась разбитой на множество кусков. События развивались стремительно, и вскоре Керчь была освобождена от оккупантов. После осмотра саркофага членами Правительственной комиссии было принято решение вывезти его в Москву, в Государственный Исторический музей. Летом 1944 г., когда еще шла Великая Отечественная война, молодой сотруднице Исторического музея Н.В. Пятышевой удалось организовать доставку саркофага в Москву. В 1945 г. после реставрации саркофаг занял свое место в постоянной экспозиции Исторического музея.

В ГИМ были переданы материалы раскопок Д.Б. Шелова на *Западно-Цукурском поселении* (инв. № 83812), расположенном к западу от Цукурского лимана²⁴. Среди важнейших достижений Д.Б. Шелова было выявление локальной группы краснолаковой керамики, которая была продукцией мастерских, «находившихся, если не в самом поселении, то во всяком случае не дальше Гермонассы»²⁵.

Крупная коллекция происходит из раскопок *Тузлинского некрополя* (инв. № 49472). Этот памятник еще в XIX в. привлек пристальное внимание как исследователей, так и «счастливчиков». Вот как описывает К.К. Гёрц первые грабительские раскопки на Тузле. «В первой половине XIX века на Тузле жил казак пограничной стражи Осташев. Однажды дети его, пасшие стадо, заметили, что бывшая при них собака погналась за каким-то зверьком и затем неожиданно скрылась в отверстии одного кургана. Любопытство побудило детей пробраться в это же отверстие и привело их в подземную комнату, среди которой стоял большой белый закрытый сундук, а по сторонам его белые куклы. Из последних они взяли себе несколько штук. Куклы оказались, по рассказам, терракотовыми статуэтками. Событие это очень долго держалось втайне, но когда, спустя долгий промежуток времени, тайна открылась, то уже не могли найти места, где была дыра»²⁶. Хищнические раскопки некрополя продолжались и в более позднее время. В.Н. Глазов, который проводил раскопки некрополя в 1913 и 1916 гг., писал: «На Тузле произошел обвал берега и обнажилась незаполненная землею катакомба, стены которой были выбелены известью. В катакомбе стояло в два ряда шесть деревянных гробов, украшенных резьбой и раскрашенных краской. Костяки лежали в них в шелковых узорчатых одеждах. Грабители все это истоптали, а гробы выбросили в море. Один из грабителей достал куски одежды и продал их в Керчь за 25 р.»²⁷.

Раскопки некрополя в разные годы велись Ф.И. Гроссом, К.Е. Думбергом, В.Н. Глазовым и другими исследователями. Самые большие раскопки были проведены В.В. Шкорпиллом, который исследовал в 1911 и 1913 гг. более 140 могил. Согласно существовавшей практике, Императорская археологическая комиссия распределяла находки из Тузлинского некрополя между Эрмитажем и Историческим музеем; некоторые предметы поступали в Керченский и Одесские археологические музеи. В результате некоторые комплексы оказались разбросанными по разным собраниям. Часть коллекций Керченского музея после войны оказалась депаспортизирована.

Исследованию материалов Тузлинского некрополя была посвящена специальная монография Н.П. Сорокиной, которая ввела в научный оборот значительную часть инвентаря некрополя²⁸. Среди материалов, хранящихся в настоящее время в Историческом музее, представлены несколько чернофигурных лекифов. Два аттических лекифа (рис. 10) имеют на плечиках небрежное изображение петуха между двумя листьями. На тулове первого

Рис. 10. Лекифы чернофигурные с изображением сражающихся гоплитов, Геракла с палицей в руке и кентавра. Мастер Петуха. Конец VI в. до н.э. Тузлинский некрополь

Рис. 11. Скифос краснофигурный с изображением совы. Вторая—третья четверть V в. до н.э. Тузлинский некрополь

(высота 13,4 см, диаметр 6,2 см) — изображение сражающихся гоплитов. По сторонам от них две стоящие фигуры в гиматиях²⁹. Второй сосуд (высота 13,4 см, диаметр 6,2 см) представляет Геракла с палицей в руке и кентавра, по сторонам которых изображены две стоящие фигуры в гиматиях³⁰. Эти сосуды изготовлены мастером Петуха в конце VI в. до н.э.

Среди значительного количества чернолаковой и краснофигурной керамики необходимо в первую очередь выделить аттический скифос (рис. 11) с изображением совы, подобный обнаруженному в некрополе Гермонассы, и фигурный сосуд, изображающий Афродиту Пандемос (рис. 12) на козле³¹. Ойнохоя с изображением Афродиты Пандемос, закутанной в покрывало, сидящей в позе амазонки верхом на козле, имеет высоту 12,3 см, максимальную ширину 9 см. На голове женщины — повязка с бантом на затылке. Волнистые волосы надо лбом, расчесанные на прямой пробор, двумя круто закрученными локонами обрамляют лицо. Фоном женской фигуры служит слегка вогнутое, с волнистым краем, полукруглое обрамление. Сохранились следы грунтовки под краску; оборотная сторона фигурного сосуда покрыта черным лаком. Изображение Афродиты Пандемос (Всенародной) верхом на козле, изготовленное Скопасом, стояло в одном из святилищ Элиды, на Пелопоннесе, о чем сообщает Павсаний (VI. 25. 3). По мнению ряда исследователей, в основу этой композиции была положена устоявшаяся к IV в. до н.э. иконография «богини на козле» второй четверти V в. до н.э., воспроизведенная на монете Элиды³². Сосуд из собрания Исторического музея был изготовлен, скорее всего, в Аттике в V — начале IV в. до н.э.

Здесь же были найдены несколько так называемых «финикийских» сосудов (рис. 13), изготовленных в технике сердечника³³. Первый из них, обнаруженный в гробнице № 208, — амфориск с туловом яйцевидной формы, с высоким горлышком, край отогнут, двумя вертикальными ручками, на низкой конической ножке. Ярко-голубая обводка по краю, тулово украшено зигзагообразным орнаментом желтого и голубого цвета между поясками из голубых и желтых нитей³⁴. Высота 6,8 см.; максимальный диаметр тулова 4,15 см. Второй сосуд аналогичной формы³⁵ из могилы 202 имеет несколько большие размеры. Эти сосуды, относящиеся к V в. до н.э., были изготовлены в одном из центров Восточного Средиземноморья.

В начале 1950-х годов работы на Таманском полуострове вела *Синдская экспедиция* под руководством В.Д. Блаватского (инв. № 100969). Материалы этих разведок и раскопок были переданы в ГИМ. Среди них находки с поселений Кукурузное поле, Верхне- и Нижне-Карабетовские и Яхново³⁶. В основном эти материалы представлены фрагментами керамики, а также терракотовыми статуэтками, светильниками, металлическими изделиями. Здесь же хранятся материалы его раскопок к западу от оз. Бугаз (инв. № 83819). Среди этих находок выделяется позднеантичная лепная курильница (рис. 14) на высокой ножке³⁷. Подобные курильницы могли использоваться и как курильницы, и как осветительные приборы, где в качестве топлива служил животный жир.

Наибольшее количество таманских древностей поступило в собрание Исторического музея из раскопок Н.И. Сокольского. Созданная им *Таманская археологическая экспедиция* ИА АН СССР вела раскопки на многих памятниках полуострова, и именно ему принадлежит честь открытия таких уникальных памятников, как так называемые «Батарейки», крепость у Ахтанизовского лимана, многолетние раскопки в Керах и т.п. С 1959 г. в составе экспедиции работал отряд Государственного Исторического музея под руководством Н.П. Сорокиной. Часть находок передавалась в Исторический музей непосредственно после раскопок, а часть долгие годы хранилась в подвалах Института археологии (на ул. Ферсмана). В начале 1990-х годов остро встал вопрос о возможной гибели этих коллекций, и они по договору с дирекцией Института археологии были переданы в ГИМ³⁸.

Рис. 12. Сосуд фигурный: Афродита Пандемос на козле. V – начало IV в. до н.э. Атика (?). Тузинский некрополь

Рис. 13. Сосуды «финикийские». V в. до н.э. Стекло. Тузинский некрополь

Рис. 14. Светильник-курильница. V–VI вв. н.э. Глина. Бугазское городище

Наиболее представительна коллекция ГИМ, происходящая из города Кепы. В собрании музея представлены материалы из раскопок разных лет: 1957 г. — инв. № 96195; 1958 г. — инв. № 97044; 1959–1960 гг. — инв. № 98131 и т.п.

Из раскопок в Кечах Н.И. Сокольским в Исторический музей были переданы уникальные для Северного Причерноморья памятники скульптуры, такие как архаический курос (рис. 15)³⁹ или Афродита Таманская (рис. 16)⁴⁰, ставшая символом античного собрания Исторического музея. Наиболее ранней является мраморная голова статуи куроса — юноши с открытым лицом, прямым носом; глаза посажены горизонтально; лоб высокий; голова увенчана сложной прической, поверх которой — повязка. Она была изготовлена в 530–510 гг. до н.э., возможно, в Милете. Высота головы 11,8 см, максимальная ширина 7,5 см.

Одним из наиболее интересных объектов, открытых Таманской экспедицией, было святилище Афродиты⁴¹. Из этого комплекса в Исторический музей поступила не только знаменитая Афродита Таманская, но и ряд других интересных находок: обломки мраморных статуй, мраморные ковш (рис. 17) и акротерий, фрагменты надписей, обломок мраморного лутерия с посвящением Афродите (рис. 18). Лишь некоторые из найденных Н.И. Сокольским предметов попали в Таманский музей, например, терракотовая статуэтка раба, присевшего рядом с фонарем-лантерной, ошибочно интерпретированная как «отдыхающий рыбак»⁴².

Из металлических памятников, найденных в Кечах, отметим бронзовую курильницу в виде миниатюрного алтарика (рис. 19)⁴³. Бронзовый литой алтарик на высокой цилиндрической ножке, укрепленной на прямоугольном постаменте на низких ножках, увенчан прямоугольной площадкой, обрамленной с каждой стороны тремя отогнутыми лепестками (часть утрачена). Размеры: высота 11,5 см, постамент 6,4 × 6,1 см. Подобные курильницы датируются III–IV вв. н.э.; аналогии им известны на территории Египта⁴⁴. В Историческом музее хранится значительное количество разнообразных керамических сосудов, в том числе фрагментов архаической керамики: ионийской (в том числе стиля Фиккелура (рис. 20) милетского производства), родосской, хиосской, аттической. Специальные публикации кепской керамики

Рис. 15. Голова куроса. 530–510 гг. до н.э. Мрамор. Кепы

Рис. 16. Афродита Таманская. II в. до н.э. Мрамор. Кепы

Рис. 17. Ковш. Мрамор. Кепы

отсутствуют, за исключением статьи О.Н. Усачевой о рельефной посуде⁴⁵. Еще один фрагмент рельефной керамики (рис. 21), не вошедший в публикацию О.Н. Усачевой, представляет эротическую сцену — юношу и сидящую на нем девушку спиной к партнеру⁴⁶.

Большой научный интерес представляет группа эллинистических клейм IE на сосудах и светильниках, изготовленных из местной кепской глины⁴⁷. Некоторые представляли собой изображение канфара, по обеим сторонам которого располагались буквы I и E (рис. 22); на других буквы были даны в лигатуре (рис. 23). Расшифровать их помогла находка граффито IEPON («священный») на чернолаковом канфаре (рис. 24) из тризны кепского кургана № 14, по форме идентичного изображенным на клеймах⁴⁸. По концентрации находок этих клейм выделяется район святилища Афродиты в Кепях, а также район по западному краю верхнего плато городища (раскопы А, З, К). Интересно отметить, что подобные клейма были найдены не только в Кепях, но и в комплексе Таманского толоса, а также в расположенном к северо-востоку от него архитектурном ансамбле, очевидно, связанном с толосом. Одна находка

Рис. 18. Лутерий с посвящением Афродите. Фрагмент. Мрамор. Кепы

Рис. 19. Курильница в виде миниатюрного алтарика. III–IV вв. н.э. Бронза. Кепы

Рис. 20. Сосуд милетский стиля Фиккелюра. Фрагмент. VI в. до н.э. Кепы

Рис. 21. Сосуд рельефный с изображением эротической сцены. Фрагмент. II в. до н.э. Кепы

Рис. 22. Клеймо кепское с изображением канфара, с буквами IE по обеим сторонам. Глина. Кепы

Рис. 23. Клеймо кепское с лигатурой IE. Глина. Кепы

подобного клейма известна и из Фанагории (раскопки 1937 г.)⁴⁹. Судя по всему, эти клейма можно связывать с местным керамическим производством, в числе продукции которого были сосуды, изготавливаемые для культовых целей.

Раскопками Н.И. Сокольского были получены важные данные и о местной коропластике. В ГИМ хранятся несколько форм для оттиска лицевой стороны терракотовых статуэток, изображающих Эрота и Психею⁵⁰. Первая из них — терракотовая форма для оттиска изображения танцующего Эрота (рис. 26, вверху), высотой 14,5 см (ГИМ, оп. Б-2029)⁵¹. Эрот движется вправо, верхняя часть тела откинута назад, голова запрокинута и слегка повернута влево. Правая рука протянута вперед, левая поднята вверх, за спиной — развернутое крыло. На левую руку наброшен гиматий, образующий фон фигуре. Это изделие кепской мастерской датируется II—I вв. до н.э.

Рис. 24. Граффито IEPON на чернолаковом канфаре. Кепы

Рис. 25. Формы для оттиска терракотовых изображений Эрота. II—I вв. до н.э. Кепы

К тому же времени относится и форма для оттиска изображения Эрота с факелом (рис. 26, внизу) высотой 15,2 см⁵². Эрот изображен в легком наклоне вперед, левая нога поставлена на камень. Бедра опоясывает гиматий, наброшенный на левую руку и придерживаемый внизу правой. В левой руке Эрот держит высокий цилиндрический предмет на ножках (факел), поставив его на колено. За спиной — поднятое вверх правое крыло.

Упомянем и другую интересную находку, происходящую из позднеантичных слоев городища. Это четырехугольная пластина с изображением бегущего оленя (рис. 25), размерами 9,7 × 8,8 см, датирующаяся III—IV вв. н.э. (инв. № 98131, оп. Б-1261, № 573). На одной стороне пластины — рельефное изображение бегущего оленя с ветвистыми рогами, голова повернута назад; во рту оленя — длинная изгибающаяся линия (возможно, змея?), идущая до края изображения. В левом верхнем углу композиции — орнамент в виде двух косых крестов, заключенных в квадратные рамки; под ними — остатки изображения дерева (?). Вся композиция обрамлена рельефной рамкой из мелких треугольников, ограниченных с внутренней стороны линией. На оборотной стороне пластины — вырезанная форма для изготовления сходного изображения оленя, отличающегося лишь более грубыми контурами и большими размерами, с той же лентой (змеей?) изо рта⁵³. Такое же изображение оленя оттиснуто на грузиле из Фанагории⁵⁴.

Курганный некрополь Кеп исследовался Н.И. Сокольским в 1961—1963 гг. В обобщающей статье Я.М. Паромова, посвященной курганному некрополю Кеп, дана краткая информация об истории исследования и результатах раскопок, а также приведено суммарное описание находок без их подробного рассмотрения⁵⁵. Из этих курганов происходит большое количество керамики различного времени, металлические изделия, бусы, а также ювелирные изделия (рис. 27). К сожалению, большая часть материалов из раскопок некрополя до сих пор не опубликована: в настоящее время полностью изданы только материалы кургана № 17 (18), исследованного Н.П. Сорокиной в 1977—1978 гг.⁵⁶ Здесь были открыты несколько погребений, содержащих разнообразный и интересный материал.

Рис. 26. Пластина с изображением оленя. III—IV вв. н.э. Глина. Кепы

Рис. 27. Подвеска в золотой оправе с дужкой. Середина — конец IV в. до н.э. Халцедон. Кепы, курган I, погребение 2

Рис. 28. Венок с золотыми листьями. II в. до н.э. Кепы, курган 17(18)

Рис. 29. Бляшки в форме восьмилучевых розетт и индикация с изображением мужской головы вправо. II в. до н.э. Золото. Кепы, курган 17(18)

Рис. 30. Монета. Пантикапей. 200–110 гг. до н.э. Серебро. Кепы, курган 17(18)

В погребении девочки был найден венок с 18 золотыми листьями (рис. 28) лавра, закрепленными по три на серебряном обруче, концы которого соединены и обвязаны раскованной проволокой из медного сплава (инв. № 104747, оп. Б-1879, № 1)⁵⁷. На пластинах листьев тиснением обозначена долевая прожилка. Диаметр обруча 15,0 см. Вес 45,6 г. Этот венок относится ко второй половине II в. до н.э.

М.И. Максимова, отметив ряд различий венков из памятников Боспора с экземплярами с территории других регионов античного мира, пишет о локальной ремесленной традиции в изготовлении подобных погребальных украшений⁵⁸. По ее мнению, «способ изготовления подобных венков настолько прост, что любой местный кустарь, немного знакомый с обработкой золота, мог сделать их в короткий промежуток времени между смертью человека и погребением». Нет никаких сомнений, что подобно аналогичным изделиям из Артюховского кургана венок из собрания ГИМ был изготовлен специально для погребальных целей. На это указывают как отсутствие листьев в затылочной части венка, так и способ крепления листьев, которые могут поранить кожу живого человека, поскольку места соединения с ободом имеют острые шипы и проволочные петли. Вероятно, находки венков в могилах свидетельствуют о посмертной героизации умершего⁵⁹. Отметим, что в отличие, например, от сходных венков из Артюховского кургана⁶⁰ кепский был найден не на голове, а на груди погребенной девочки. Возможно, это было связано с тем, что он происходит из погребения ребенка, еще не достигшего определенного возраста и не прошедшего обряда инициации.

Из других изделий из благородных металлов особенно интересны золотые бляшки в форме восьмилучевых розетт (рис. 29) и индикация с изображением мужской головы вправо (инв. № 104747, оп. Б-1879, № 2, 4, 5)⁶¹. Отсюда же происходит серебряная пантикапейская монета (рис. 30) (инв. № 104747, оп. Б-1879, № 10). На л.с. — голова Аполлона в венке, в профиль вправо, на о.с. — лук в горите. Легенда ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ и монограмма ΠΟ (?). Такие монеты датируются 200–110 гг. до н.э.⁶²

Необычна находка поясной пряжки со стержнем-«язычком» (рис. 32). Дисквидная литая пряжка немного вогнута. В центре пряжки сделано круглое отверстие. С одной из сторон сделано еще одно отверстие трапециевидной формы (вероятно, оно служило для продевания конца ремня). Поверхность

Рис. 31. Детали костяной шкатулки.
II в. до н.э. Кепы, курган 17(18)

Рис. 32. Поясная пряжка со
стержнем-язычком. II в. до н.э.
Бронза. Кепы, курган 17(18)

пряжки украшена поясами гравированных изображений в виде бегущей спирали, геометрического и растительного орнамента. Пряжка дополняется литым стержнем биконической формы — «язычком», который оформлен двумя окончаниями ромбовидной формы, украшенными гравированными линиями по периметру. В центральной части между ними имитирована перевязь. Обратная сторона «перевязи» оформлена в виде петли для продевания ремня. Диаметр пряжки 7,3 см, длина язычка 7,7 см. Пряжка, как и весь комплекс в целом, датируется второй половиной II в. до н.э. Возможно, что стержень-«язычек», в котором был закреплен край ремня, продевался в центральное отверстие пряжки и фиксировался на ее лицевой поверхности горизонтально или вертикально. Никаких аналогий пряжке обнаружить не удалось. Можно только заметить, что близкие по стилю гравированные орнаменты известны на ряде предметов позднеэллинистического времени⁶³, что может свидетельствовать о местном (т.е. причерноморском), а не импортном производстве данной пряжки.

Уникальны в Причерноморье и части костяных обкладок (рис. 31) и других деталей от деревянной шкатулки или ларца (инв. № 104748, оп. Б-1884, № 15). В их числе в собрании ГИМ представлены: восемь фрагментарных полуколонок, или пиястр (высота 7,5 см, ширина 1,1–1,2 см); семь капителей пиястр коринфского ордера (высота и ширина 1,4–1,5 см); две миниатюрные фигурки, одна из которых сохранилась фрагментарно. Первая фигурка изображает стоящего анфас персонажа, правая рука на груди придерживает складки плаща; нижняя часть утрачена (высота 2,3 см). Вторая фигурка изображена в профиль, руки полусогнуты и сомкнуты перед грудью. За спиной Эрота — расправленное крыло (высота 3,5 см). Обратная сторона фигурок плоская, имеет насечки для лучшего крепления на стенки (при помощи клея). Сохранилось множество костяных пронизей — шарниров со сквозным отверстием. Длина 0,8–2,8 см, диаметр 0,7–1,0 см. Реконструируются три линии шарниров, сохранившаяся длина которых (с учетом утрат) примерно равна (18,2; 15,2 и 19,0 см). Это дает возможность предполагать, что у шкатулки были три откидные крышки, т.е. она могла быть трехъярусной. Об этом, вероятно, свидетельствует и костяная пластина, имеющая длину 19 см (очевидно, она крепилась на крышке или обрамляла нижнюю или верхнюю часть длинной стенки шкатулки). Шарниры крепились поочередно к крышке

шкатулке и к ее корпусу при помощи небольших деревянных штырьков, один из которых сохранился⁶⁴.

Среди большой серии терракотовых статуэток отметим одну — юноша и девушка на ложе (рис. 33) (инв. № 10748, оп. Б-1884, № 16)⁶⁵. Высота статуэтки 10,2 см, высота постамента 2,1 см. Возлежащий на ложе обнаженный юноша, облокотясь о подушку и придерживаясь правой рукой за спадающую на заднем фоне ткань, целует сидящую у него в ногах девушку. На голове юноши шапочка с валиком, низ торса прикрывает гиматий. На девушке безрукавный хитон, подпоясанный под грудью, волосы разделены на волнистые пряди и уложены на затылке в пучок. Эта статуэтка напоминает изделия малоазиатского производства, в частности из некрополя Мирины, и может быть датирована второй половиной II в. до н.э.⁶⁶ Более ранним временем (концом IV в. до н.э.) датируется подобная статуэтка, открытая в разоренной каменной гробнице в Фанагории⁶⁷.

Грунтовый некрополь Кеп, раскопанный Н.П. Сорокиной, является одним из наиболее интересных и важных памятников Таманского полуострова. Здесь было изучено более 400 погребальных комплексов, материал из которых был полностью передан в ГИМ. К сожалению, материалы этого некрополя до сих пор полностью не опубликованы, но эта работа ведется сотрудниками ГИМ и Института археологии РАН. Однако даже введенный в научный оборот материал дает представление о богатстве некрополя и важности его материалов для изучения материальной культуры Таманского полуострова в античное время⁶⁸.

Среди находок представлена большая серия терракотовых статуэток, большая часть которых вошла в соответствующий том Свода археологических источников⁶⁹. В их числе очень редкая «погремушка» (рис. 34), изображающая Эрота (инв. № 100428, оп. Б-1527)⁷⁰. Эрот лежит на спине, подложив под голову согнутую в локте левую руку. На сгибе локтя — венчик с лентами, в правой руке — удлиненный предмет (жезл/факел). За спиной — крыло, правая нога в расстегнутых анаксиридах вытянута, левая согнута в колене и подтянута вверх. Справа от Эрота — брошенный на ложе гиматий. Размеры колыбели 12,9 × 8,2 см, высота 5,4 см. Эта терракотовая композиция принадлежит к изделиям кепской мастерской и датируется I в. до н.э. — I в. н.э. Подобные изделия получили в науке название «погремушек», поскольку внутри их перекатывается маленький глиняный шарик. Впрочем, они вряд ли были детскими игрушками, а скорее всего играли роль апотропеев. Другая статуэтка из погребения 380/16 высотой 10 см представляет собой изображение мальчика с петухом (рис. 35) на прямоугольном постаменте (инв. № 100118, оп. Б-1503). Обнаженный ребенок стоит на широко расставленных ногах, обеими руками отталкивая петуха, пытающегося клюнуть его в лицо. Эта статуэтка также местная и относится ко второй половине II—I в. до н.э.⁷¹

В склепе 243 была найдена мраморная эллинистическая голова богини (рис. 36) — Афродиты или Артемиды (инв. № 98447)⁷². В собрании музея хранится и значительное количество стеклянных сосудов из погребений некрополя⁷³, в том числе замечательная кружка в виде головы Диониса (рис. 37)⁷⁴. Голова Диониса обрамлена локонами и украшена листьями плюща и гроздьями винограда. Верхняя часть сосуда увенчана цилиндрическим горлом, к которому с оборотной стороны прикреплена ручка. Кружка происходит из одной из мастерских центра античного стеклоделия — Сирии — и датируется серединой — второй половиной II в. н.э.

Рис. 33. Юноша и девушка на ложе. Статуэтка. Вторая половина II в. до н.э. Терракота. Кепы, курган 17(18)

Рис. 34. «Погремушка» с изображением Эрота. I в. до н.э. — I в. н.э. Терракота. Кепы, некрополь

Рис. 35. Мальчик и петух. Статуэтка. Вторая половина II—I в. до н.э. Терракота. Кепы, некрополь

Рис. 36. Голова богини. II в. до н.э. Мрамор. Кепы, некрополь

Рис. 37. Кружка в форме головы Диониса. Сирия, II в. н.э. Стекло. Кепы, некрополь

Рис. 38. Подвеска — голова льва. V в. до н.э. Золото. Кепы, некрополь

Рис. 39. Святильник краснолаковый.
I в. н.э. Кепы, некрополь

Рис. 40. Известняковая эсхара.
III—II вв. до н.э. Кепы, некрополь

Рис. 41. Лекиф чернофигурный с изображением проводов воина. По форме — группа Фанилиса Е, по росписи — группа гоплита, покидающего дом. 520—510 гг. до н.э. Кепы, некрополь

Несколько погребений, материал из которых хранится в Историческом музее, относится к позднеантичному периоду истории городища⁷⁵. Среди материалов некрополя — амфоры⁷⁶, разнообразная керамика VI в. до н.э. — III в. н.э., предметы вооружения⁷⁷, ювелирные украшения (рис. 38), бусы, амулеты⁷⁸, святильники (рис. 39), большое количество гипсовых украшений саркофагов. Из надгробных памятников, обнаруженных в некрополе, большой интерес представляет группа антропоморфных надгробий⁷⁹, а также целая серия известняковых эсхар и трапедз⁸⁰. Одна из таких эсхар (рис. 40) (инв. № 97998, оп. Б-1288, № 283)⁸¹ представляет собой известняковый блок четырехугольной формы с отверстием в нижней части, увенчанный треугольным фронтоном. Нижняя и верхняя части эсхары обрамлены рельефным бордюром по краю. Эсхара имеет следующие размеры: высота 43,2 см, ширина 27 см, высота фронтона 20 см, и датируется III—II вв. до н.э.

Среди керамических сосудов из кепского некрополя (рис. 41) можно выделить чернофигурный лекиф (инв. № 100118, оп. Б-1503)⁸². На плечиках сосуда изображена пальметта между двумя фигурами в гиматиях. На тулове изображены проводы воина (гоплит, окруженный четырьмя мужскими фигурами в гиматиях, с копьями в руках). Этот аттический сосуд по форме относится к группе Фанилиса Е, а по росписи — к группе гоплита, покидающего дом⁸³. Сосуд был изготовлен в 520—510 гг. до н.э.

В Историческом музее хранятся и другие коллекции из раскопок Н.И. Сокольского, в частности кургана Бугазский, а также материалы исследований на Лысой горе (инв. № 95774) и в Кучугурах (раскопки 1966 г.).

Небольшая коллекция с вершины горы Бориса и Глеба неподалеку от ст. Ахтанизовская включает в себя надгробие и барабан колонны с 16 каннелюрами (инв. № 95933). Значение этих материалов велико, так как они были получены Н.И. Сокольским при исследовании часовни XIX в.⁸⁴, которая была расположена на месте античного храма Артемиды Агротеры, упомянутой в надписи IV в. до н.э. (IOSPE II. № 344), с которым К.К. Гёрц связывал здание, открытое в 1818 г.⁸⁵ В настоящее время совместная археологическая экспедиция ГИМ и Германского археологического института проводит геомагнитные исследования в районе вершины горы с целью поисков фундаментов античного храма.

В Историческом музее хранится коллекция из крепости у Ахтанизовского лимана, частично раскопанной Н.И. Сокольским в 1963 г. (инв. № 99531). Наиболее интересные памятники, обнаруженные в этой крепости, — известняковые надгробия, которые дали возможность Н.И. Сокольскому говорить о существовании особой, синдской скульптуры⁸⁶. Эти надгробия были вторично использованы при строительстве оборонительных сооружений. Большая часть этих горельефных скульптурных изображений, датируемых IV—III вв. до н.э., хранится в фондах Исторического музея⁸⁷.

Одно из надгробий (рис. 42) — в виде фигуры тяжеловооруженного воина в шлеме, панцирном доспехе; в левой руке воина щит, правой он опирается на колонку⁸⁸. Размеры: высота 67 см, максимальная ширина 28 см, толщина 19 см. Второе надгробие (рис. 43) представляет задрапированную мужскую фигуру, изображенную по колено⁸⁹. Размеры: высота 63 см, максимальная ширина 28 см, толщина 14 см. Еще одно надгробие (рис. 44) было изготовлено в виде мужской полуфигуры, одетой в кафтан с длинными рукавами, с плеч

Рис. 42. Надгробие в виде фигуры воина. IV—III вв. до н.э. Известняк. Крепость у Ахтанизовского лимана

Рис. 43. Надгробие в виде задрапированной мужской фигуры. IV—III вв. до н.э. Известняк. Крепость у Ахтанизовского лимана

Рис. 44. Надгробие в виде мужской полуфигуры. IV–III вв. до н.э. Известняк. Крепость у Ахтанизовского лимана

спускается складками плащ; высота 115 см.; максимальная ширина 52,5 см, толщина плиты 15–18 см⁹⁰.

Значительная коллекция происходит из раскопок крепости *Батарейка I* (инв. № 98131). Эта крепость, к настоящему моменту почти полностью разрушенная водами Динского залива, была исследована Н.И. Сокольским в 1960 г. Здесь были открыты руины сырцовых стен, сохранившиеся до 3,7 м высоты, и часть помещения, погибшего в огне пожара⁹¹. Из материалов, переданных в ГИМ, большой интерес представляет набор краснолаковой посуды, в том числе тарелок с клеймом *planta pedis*, относящийся к горизонту пожара (конец I – начало II в. н.э.). Здесь же найдено значительное количество столовой и лепной посуды (рис. 45). Второй горизонт жизни поселения (позднеантичное время) также представлен керамическими сосудами, грузилами, светильниками и другим бытовым инвентарем.

Материалы, переданные в ГИМ из раскопок крепости *Батарейка II* (инв. № 98131) Н.И. Сокольским в 1962–1965 гг., дают важную информацию о жизни сельского населения Азиатского Боспора. В помещениях, погибших в огне пожара рубежа I–II вв. н.э., были обнаружены керамические сосуды, металлические орудия труда, рыболовные сети и т.п.⁹² Интересна также коллекция, относящаяся к позднеантичному периоду существования городища, среди которой выделяются светильники разнообразной формы⁹³. Один из этих лепных светильников (рис. 46) представляет собой переходный вариант от светильников, топливом для которых служил животный жир, к восковым свечам, для которых в верхней части светильника сделано специальное отверстие. Подобного рода комбинированные осветительные приборы, которые можно отнести к

V–VI вв. н.э., очень редки. Здесь же найдена верхняя часть известняковой стелы с закругленным верхом. На стеле вырезан крест с расширяющимися лучами, вогнутыми на концах. Крест вписан в окружность с заглубленным фоном. Вокруг этой окружности идут небольшие круглые высверленные углубления; такое же углубление имеется в центре креста⁹⁴. Размеры: сохранившаяся высота 22,5 см, ширина 18 см, толщина 11 см. Эта стела относится ко времени не ранее конца VI в. н.э.

Первые материалы из городища у пос. *Ильич* поступили в Государственный Исторический музей из разведок Д.Б. Шелова 1949 г. (инв. № 83463). Подавляющее большинство находок относится к первым векам нашей эры⁹⁵. Основные материалы происходят из раскопок Н.И. Сокольского, который включил Ильичевское городище в программу исследования Таманской экспедиции с 1962 г. Большая часть материалов, хранящихся в ГИМ, представлена керамическими формами позднеантичного времени: амфорами, кувшинами (рис. 47), очажными подставками (рис. 49), светильниками и т.п. Из интересных находок можно отметить глиняный штамп для изготовления ритуальных хлебцев (?) с изображением птицы с распростертыми крыльями и грузило округлой формы с изображением человеческой фигуры (рис. 48)⁹⁶.

Рис. 45. Керамический комплекс.
I–II вв. н.э. Крепость Батарейка I

Рис. 46. Свещильник. V–VI вв. н.э.
Глина. Батарейка II. Раскопки
Н.И. Соколовского

Рис. 47. Кувшин краснолаковый
со штампованным орнаментом.
V в. н.э. Пос. Ильич

Рис. 48. Штамп для изготовления
ритуальных хлебцев (?)
с изображением птицы, грузило
с изображением человеческой фигуры.
V–VI вв. н.э. Глина. Пос. Ильич

Рис. 49. Очажная подставка.
V–VI вв. н.э. Глина. Пос. Ильич

Рис. 50. Надгробие с изображением сцены заgrabной трапезы. I в. н.э. Известняк. Пос. Ильич

Из Ильичевского городища также происходит известняковое надгробие с изображением сцены заgrabной трапезы (рис. 50)⁹⁷. Стела увенчана треугольным фронтоном с розеткой, рельефы и надпись помещены в едином прямоугольном углублении. На рельефе изображен мужчина, заdrapированный в плащ, возлежащий на ложе, опираясь на левую руку, головой вправо. Перед ложем стоит круглый трехногий столик с сосудами. Слева от столика слуга с полотенцем, перекинутым через левую руку. Надпись в две строки: Θρακίδα β χαιρε («Тракид (сын Тракида), прощай»). На рельефе сохранились следы раскраски синим цветом. Размеры: высота 91 см, ширина 45 см, толщина 20 см. Этот рельеф может быть датирован I в. н.э.

Определенный интерес представляет и коллекция материалов из Патрея. Первые материалы, поступившие в музей из этого памятника, происходили из раскопок А.С. Башкирова в 1951 г. (инв. № 83710). Среди этих материалов в Историческом музее, в частности, хранится костяная пластинка с изображением обнаженной фигуры юноши (рис. 51)⁹⁸; голова утрачена. В нижней части ног — отверстие для крепления. Размеры: 9,5 × 2,7 см. Часть патрейских материалов из собрания ГИМ происходит из раскопок Н.И. Сокольского в 1969 г., а 5 предметов — из раскопок А.П. Абрамова в 1990 г. (инв. № 111711).

Интересный предмет поступил в музей после раскопок Б.Г. Петерса святилища Деметры и Кору Береговой 4. Этот многорожковый светильник (рис. 52) был передан в ГИМ А.А. Завойкиным, который продолжил исследования на этом поселении. Светильник типа «короны» представляет собой многоярусный многорожковый осветительный прибор⁹⁹. Это, безусловно,

лишь модель осветительного прибора, ибо использовать его функционально совершенно невозможно. В одних случаях сквозные отверстия слишком узки (если даже протащить через них фитиль, гореть он не будет из-за отсутствия доступа воздуха), в других — отверстия в рожках только намечены, но не достигают резервуара с топливом, в третьих — отверстия рожков не только не доходят до резервуара, но впущены в массив его черепка, проходя насквозь корпус светильника, а сам «резервуар» не имеет необходимой глубины (достаточной для удержания масла) и обозначен чисто символически. Наряду с факелом другими важнейшими осветительными приборами, характерными для Элевсинского культа, были многорожковые светильники, которые обнаружены в большинстве святилищ Деметры и Персефоны. Наиболее близкие нашему экземпляры в святилище на Майской горе, неподалеку от Фанагории¹⁰⁰, а также в святилище Деметры в Нимфее на Европейском Боспоре¹⁰¹, из святилищ Деметры в Силенунте (Сицилия) и на Крите. Следы горения на них встречены достаточно редко, что дало возможность авторам публикаций предположить их votивный характер¹⁰².

В собрании ГИМ хранятся уникальные материалы, открытые экспедицией Н.И. Сокольского у поселка *За Родину* в так называемых Таманском

Рис. 51. Пластинка с изображением обнаженной фигуры юноши. Кость. Патрей

толосе и доме Хрисалиска¹⁰³. Наиболее ранними из исследованных сооружений были остатки архитектурного комплекса второй четверти III — середины II в. до н.э., включавшего круглое в плане здание (толос), возведенное в центральной части большого перистильного двора, ограниченного с четырех сторон длинными строениями с внутренними портиками-галереями. Во второй половине II в. до н.э. на его развалинах возникает крепость, окруженная валом и рвом. Ее доминантой был большой укрепленный дом, по надписи, найденной у порога, названный резиденцией Хрисалиска. Крепость, по мнению Н.И. Сокольского, погибла при пожаре в конце I в. до н.э. во время карательной экспедиции Полемона. После пожара она вновь возродилась и в перестроенном виде существовала до начала II в. н.э. Материалы Таманского толоса и дома Хрисалиска предварительно были опубликованы Н.И. Сокольским, но в настоящий момент необходимо ввести в научный оборот все материалы этого уникального памятника, в первую очередь его керамического комплекса, которые позволяют скорректировать дату гибели резиденции.

Из толоса происходит большая коллекция архитектурных деталей¹⁰⁴, несколько мраморных фрагментов скульптуры¹⁰³ и мраморные солнечные часы (рис. 53) (инв. № 109756) из помещения VI¹⁰⁶. Солнечные часы состоят из двух фрагментов трапециевидной формы¹⁰⁷. Каждый из фрагментов расчерчен циркульным орнаментом. Обращает на себя внимание различная высота двух мраморных плит, что, очевидно, объясняется дефицитом мрамора как поделочного материала и использованием двух имевшихся в наличии у мастера кусков привозного сырья. Датируются часы в пределах III—II вв. до н.э.

Из находок в доме Хрисалиска (инв. № 103991) широко известны плита с надписью, упоминающей владельца усадьбы — Хрисалиска, а также вторая плита с изображением богини Тихе¹⁰⁸. Из этого же комплекса происходит уникальный набор терракотовых статуэток¹⁰⁹, среди которых наибольшее внимание привлекает полихромная курильница в виде головы жертвенного быка (рис. 54)¹¹⁰ (инв. № 103991, оп. Б-1763)¹¹¹. Голова животного увенчана курильницей в виде невысокого широкого конусовидного калафа, декорированного изображением солнечного диска и полумесяца. Большие рога и длинные

Рис. 52. Светильник многорожковый. IV—III вв. до н.э. Глина. Пос. Береговой 4

Рис. 53. Солнечные часы III—II вв. до н.э. Мрамор. Таманский толос

Рис. 54. Курильница полихромная в виде головы жертвенного быка. I в. до н.э. Глина. Дом Хрисалиска

уши торчат в стороны. Морда переходит в мощную шею, расширяющуюся в подставку; на шее пластично показаны две толстые складки. Две цепи гирлянд в виде круглых небольших прилепов, окаймляя глаза животного сверху, соединяются к носу треугольником, концы спускаются вдоль шеи под ушами. Глаза быка широко открыты, ноздри вздернуты. Рога животного сверху венчаются солнечным диском. Курильница была покрыта белой грунтовкой и раскрашена: красно-коричневые рога, голубая гирлянда, розовая кожа животного, черные круги солнечных дисков и обводка ушей. Курильница представляет собой великолепный образец боспорской коропластики I в. до н.э.

Для всего Северного Причерноморья уникальна находка пергамского скифоса с аппликативными рельефами (рис. 55)¹¹². Аппликативные рельефы обычно изображают эротические сюжеты. Этот сосуд может датироваться первой половиной I в. до н.э. Керамический комплекс «дома Хрисалиска» дал возможность выделить специальную группу позднеэллинистической столовой посуды — боспорскую сигиллату¹¹³. Здесь было обнаружено множество деревянных, металлических и костяных предметов¹¹⁴.

Все исследования на этом памятнике велись лишь в наиболее выразительной части древнего укрепления или «городища». К сожалению, исследователями, включая Н.И. Сокольского, было оставлено без внимания заметное издали «городище» в западной части более раннего неукрепленного сельского поселения. В 1982 г. оно было исследовано О.Н. Усачевой и Я.М. Паромовым¹¹⁵, а в 2006 г. — Д.В. Журавлевым¹¹⁶. По всей видимости, это поселение включало в себя и архитектурный комплекс эллинистического времени, открытый Н.П. Сорокиной¹¹⁷. Из этого памятника, который был назван исследовательницей Румынский 2, а по Археологической карте Я.М. Паромова получил наименование За Родину 7, происходит большое количество находок эллинистического времени, в том числе штукатурка с граффити (рис. 56). Раскопки велись в течение четырех полевых сезонов, а материалы были полностью переданы в ГИМ (1976 г. — инв. № 103991; 1977 г. — инв. № 104749; 1978 г. — инв. № 104755; 1979 г. — инв. № 105099).

Представлены в собрании ГИМ и отдельные случайные находки, например, верхняя часть стелы (рис. 57)¹¹⁸, украшенная розеттами (три на лицевой стороне и по одной с боковых); над ней размещен профилированный карниз, увенчанный акротерием. Декор акротерия включает семь листьев аканфа

Рис. 55. Скифос с аппликативными рельефами. Пергам, I в. до н.э. Глина. Дом Хрисалиска

Рис. 56. Штукатурка с граффити.
III–II вв. до н.э. Пос. «За Родину 7»

в нижней части, из которых вырастают два толстых побега, оканчивающихся волютами; на сходящихся частях побегов изображена шишка пинии. За побегами изображена пальметта из листьев, за шишкой пинии рельефно показан побег аканфа. В середине верхней части пальметты изображен цветок. Высота 73 см, максимальная ширина 56 см, высота акротерия 55 см, ширина 17 см. Этот акротерий датируется IV в. до н.э.

Другим примером случайных находок может быть верхняя часть известняковой плиты (надгробия?) с изображением семисвечника — меноры (рис. 58)¹¹⁹. По краю плиты сделан рельефный бордюр, в верхней части, над менорой, — прямоугольная выемка. Слева от меноры — рог (шофар), справа — пальмовая ветвь. Над семисвечником проходит рельефная полоса, от которой

вниз отходят по три короткие черты по обе стороны меноры. Сохранившаяся высота 51 см, ширина 41 см, толщина 11 см. Нижняя часть плиты утрачена. Скорее всего, эта плита датируется позднеантичным временем.

Из случайных находок 1906 г. в районе ст. Голубицкой происходят две большие плиты из меди (весом ок. 15 кг каждая) (инв. № 45806), переданные Императорской археологической комиссией в 1909 г.¹²⁰ Из ст. Архипо-Осиповка происходит финикийская бусина с изображением человеческого лица (рис. 59), изготовленная в технике сердечника и датируемая V в. до н.э. (инв. № 61929, оп. Б-469)¹²¹.

Одной из уникальных находок, хранящихся в фондах Исторического музея, является рельеф четырехугольной формы, представляющий собой изображение двух мужчин (актеров?), несущих изображение Диониса¹²². Уникальность этого произведения глиняной скульптуры настолько очевидна, что на нем необходимо остановиться подробнее. Оба персонажа одеты в короткие хитоны, из-под которых видны опущенные вниз фаллы. Левый изображен идущим влево, с широко расставленными ногами. Лицо сатира с большими ушами, широко открытыми глазами, мясистым носом и сжатыми губами обрамлено волосами, усами и длинной острой бородой. Сохранилась раскраска лица персонажа — черная (усы и борода), розовая (губы) и местами — белая. Вторым мужчиной, в маске актера трагедии или древней комедии с оттопыренным левым ухом, изображен стоящим, ноги изображены в профиль. Большая часть его лица утрачена. Оба мужчины держат на скрещенных руках (правый актер сжимает кистью правой руки свое левое предплечье) сидящую фигуру человека или его изображение (по всей видимости, Диониса). Сидящий задрапирован в длинный гиматий, скрывающий его ноги. Из-под плаща видны только ступни ног. Левая рука лежит на коленях, правая, как и верхняя часть изображения, утрачена.

Точное место находки этого рельефа неизвестно. По странному стечению обстоятельств рельеф в течение длительного времени хранился в ГИМ без инвентарного номера, и всякий доступ исследователей к нему был закрыт. Вполне вероятно, что рельеф является случайной находкой на Таманском полуострове (не исключено, что в Керах) и был обнаружен или скорее приобретен у местных жителей Н.И. Соколовским или Н.П. Сорокиной в 1960-е—1970-е годы. Наиболее близкой аналогией публикуемому рельефу является небольшая терракотовая композиция эллинистического времени из Керчи (собрание Е.Р. Запорожского, инв. № 27332), хранящаяся в Государственном Историческом музее¹²³. Этот рельеф также представляет собой двух актеров, несущих Диониса.

Рис. 57. Акротерий. IV в. до н.э.
Известняк. Таманский полуостров

Рис. 58. Стела с изображением
меноры. Позднеантичное время.
Известняк. Таманский полуостров

Рис. 59. Бусина с изображением
человеческого лица. V в. до н.э.
Стекло. Архипо-Осиповка

Назвать точную дату изготовления рельефа пока не представляется возможным, но аналогии изображениям сатиров и общая хронология расцвета греческой архитектурной терракоты и терракотовой скульптуры крупных форм¹²⁴ уводят нас в последнюю четверть VI—V в. до н.э. Ряд изображений на вазах также дают близкие аналогии отдельным деталям рельефа, в первую очередь сатиров¹²⁵. В пользу предложенной датировки может свидетельствовать и недавняя ольвийская находка полихромной терракотовой плитки V в. н.э. с рельефным изображением жрицы Афродиты¹²⁶. Несомненно, что рельеф из собрания Исторического музея является уникальным свидетельством существования культа Диониса и праздников, ему посвященных на Азиатском Боспоре, и существенно дополняет ряд известных к настоящему времени источников.

В последние годы ГИМ возобновил археологические исследования на Таманском полуострове. В музее созданы и активно работают две экспедиции. Первая — Таманская — под руководством Г.А. Ломтадзе ведет раскопки укрепленной «батарейки» Ахтанизовская 4. Вторая — Боспорская — под руководством Д.В. Журавлева ведет раскопки поселения Голубицкая 2, а также проводит разведочные работы на территории Таманского полуострова, в основном сосредоточившись вокруг Ахтанизовского лимана. Все материалы из этих работ поступают на постоянное хранение в Государственный Исторический музей.

В целом в коллекции ГИМ находятся многие важнейшие памятники античной и позднеантичной эпохи с территории Таманского полуострова. Часть

этих материалов уже увидела свет, другая ждет скорейшей публикации. Еще в 1914 г. М.И. Ростовцев писал, что с изданием «каталогов больших собраний южно-русских древностей, хранящихся в Эрмитаже, в Историческом музее в Москве, в Одессе, Киеве, Херсоне, Керчи, Херсонесе, Тифлисе... появится, наконец, надежда, что мы когда-нибудь серьезно заглянем в классическое прошлое России и сумеем из этого материала... создать настоящую полную политическую и культурную историю нашего классического юга»¹²⁷. Хочется надеяться, что вскоре это пожелание великого русского ученого будет исполнено. В этом нынешнее поколение хранителей Исторического музея видит свою задачу.

- ¹ Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва) // ВДИ. 1993. № 4. С. 242–258; Sorokina N., Zhuravlev D. Collections of Artefacts from Classical Centres on the North Coast of the Black Sea in the Collection of the State Historical Museum (Moscow) // Ancient Civilisation from Scythia to Siberia. 1997. Vol. 4, 2. P. 158–186.
- ² Императорский Российский Исторический музей: Указатель памятников. М., 1893. С. IX, § 1.
- ³ Журавлев Д.В. Коллекции из Керчи в собрании Государственного Исторического музея // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 95–99.
- ⁴ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 301.
- ⁵ На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в Государственном Историческом музее. 30 мая – 15 августа 2002 г. М., 2002. № 358.
- ⁶ Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекции памятников... Рис. 1, б.
- ⁷ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 183, сл., рис. 55; с. 214; Treister M.Yu. The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations) // ACSS. 2003. 9, 1–2. P. 53, ff., fig. 8.
- ⁸ Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю. Инвентарь богатого Горгиппийского (?) склепа II в. н.э. в собрании Государственного Исторического музея // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 184–196; Treister M., Zhuravlev D. Grave-goods from a Rich Tomb in Gorgippia (?) Dating from the 2nd Century AD and Now in the Collection of the State Historical Museum (Moscow) // ACSS. 2006. XII, 3–4. P. 273–289.
- ⁹ Императорский Российский Исторический музей... М., 1893. С. 485.
- ¹⁰ Сорокина Н.П. И.Е. Забелин и античные коллекции ГИМ // И.Е. Забелин: 170 лет со дня рождения. 1992. С. 3–10. (Тр. ГИМ; Вып. 81, ч. II).
- ¹¹ Журавлев Д.В. Позднеллинистические многорожковые светильники Боспора // ДБ. 2001. Вып. 4. С. 131–149; Он же. О керамическом производстве Боспора в позднеллинистическое время // Antiquitas aeterna: Поволжский антропологический журнал. 2005. № 1. С. 235–254; Zhuravlev D., Zhuravleva N. Bosporan Late Hellenistic Multinozzled Lamps // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. 2002. P. 1–12. (BAR International Series. 1019).
- ¹² См., например: Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекции памятников... Рис. 1, 2, 4.
- ¹³ Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1955. № 56. Рис. 22, б; Любовь и Эрос в античной культуре: Каталог выставки в ГИМ. М., 2006. С. 50, № 47.
- ¹⁴ Любовь и Эрос... С. 50–53, № 45–50.
- ¹⁵ Кобылина М.М. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории // ВДИ. 1938. № 2 (3). Рис. 8; Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XVI. Табл. I, 1; На краю ойкумены... № 295.
- ¹⁶ Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // АИБ. Симферополь. 1962. [Т.] II. С. 27, № 53; с. 56, № 24; На краю ойкумены... № 351–353.
- ¹⁷ Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X – начала XII в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Руси. М., 1998. С. 178–180.
- ¹⁸ Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 46–52.
- ¹⁹ На краю ойкумены... № 23. Подробнее об этих скифосах: Тулушева О.В. Аттические скифосы с изображением совы // Введение в храм. М., 1997. С. 136–147.
- ²⁰ Пятышева Н.В. Таманский саркофаг. М., 1949.
- ²¹ Соколов В.В. Курганы «Лысой горы» близ Тамани и находки в них // ИТУАК. Симферополь, 1919. Вып. 56. С. 61.
- ²² Там же. С. 62; Гладкий И. Хищнические раскопки близ станицы Таманской. Екатеринодар, 1916. С. 14.
- ²³ ИАК. 1918. Вып. 65. С. 167.
- ²⁴ Шелов Д.Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 96–99; Он же. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 159–165.
- ²⁵ Он же. Раскопки Западно-Цукурского поселения... С. 162.
- ²⁶ Гёрц К. Историческая топография Таманского полуострова. СПб., 1870. С. 67.
- ²⁷ Цит. по: Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 7.
- ²⁸ Там же. Табл. I–III.
- ²⁹ Шкорпил В.В. Отчет о работах в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 73; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. С. 19–20, табл. I, 2; На краю ойкумены... № 12.

- ³⁰ Шкорпил В.В. Отчет... С. 28; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. С. 19–20, табл. I, 3; На краю ойкумены... № 13; Конь и всадник: Взгляд сквозь века: Каталог выставки в ГИМ. М., 2003. С. 9, № 3.
- ³¹ Шкорпил В.В. Отчет... С. 37, рис. 17; Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. Табл. X, 3; Она же. Религия и коропластика в античности: (фигурные сосуды из собрания ГИМ) // Тр. ГИМ. 1997. Вып. 91, № 18. На краю ойкумены... № 30.
- ³² Вальдгауер О.Ф. Афродита Урания и Афродита Пандемос // ЗРАИМК. 1922. Вып. II. С. 225; Сорокина Н.П. Религия и коропластика... С. 58.
- ³³ Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. Табл. III.
- ³⁴ Шкорпил В.В. Отчет... С. 65; На краю ойкумены... № 104.
- ³⁵ Шкорпил В.В. Отчет... С. 63; На краю ойкумены... № 106.
- ³⁶ Блаватский В.Д. Третий год работ в Синдике // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 88–95; Он же. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 118–129.
- ³⁷ Блаватский В.Д. Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51. Рис. 60, I.
- ³⁸ Новые поступления в отдел археологических памятников ГИМ 1988–1994 // Археологический сборник. 1998. С. 171. (Тр. ГИМ; Вып. 96).
- ³⁹ Соколовский Н.И. Курсы из Кеп // СА. 1962. № 2. С. 134–141; Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. Табл. I; Соколов Г.И. Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973. № 9; Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху: Каталог выставки. М., 1983. Кат. № 416; На краю ойкумены... № 355.
- ⁴⁰ Соколовский Н.И. Святилище Афродиты в Кечах // СА. 1964. № 4. С. 101, рис. 10; Кобылина М.М. Античная скульптура... Табл. XV; Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекция памятников... Рис. 2, I; На краю ойкумены... № 362; Любовь и Эрос... № 19.
- ⁴¹ Соколовский Н.И. Святилище Афродиты... С. 101–118.
- ⁴² Там же. Рис. 5, 6. Подробнее см.: Журавлев Д.В. Об одном виде осветительных приборов: лампы в Северном Причерноморье? // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XIII. С. 162–171.
- ⁴³ Соколовский Н.И. Раскопки в Кечах в 1959 г. // КСИА 1961. Вып. 86. С. 62; На краю ойкумены... № 335.
- ⁴⁴ Христиане на Востоке: Искусство мелькитов и инославных христиан: Каталог выставки в ГЭ. СПб., 1998. С. 167, № 230.
- ⁴⁵ Усачева О.Н. Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 1978. Вып. 56. С. 100–107.
- ⁴⁶ Любовь и Эрос... С. 127, № 134.
- ⁴⁷ Соколовский Н.И. Керамическая мастерская в Кечах // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 265–270; Сорокина Н.П. Так называемые «кепские» клейма эпохи эллинизма и их расшифровка // Археологический сборник. 1998. С. 26–31. (Тр. ГИМ; Вып. 96).
- ⁴⁸ Сорокина Н.П. Так называемые... Рис. 1, 3.
- ⁴⁹ Там же. Рис. 2, 7.
- ⁵⁰ Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. Табл. 12. (САИ; Вып. Г1-11).
- ⁵¹ Соколовский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ: 1963–1964 гг. М., 1966. Рис. 4, 2, 3; Соколовский Н.И. Святилище Афродиты... С. 109, рис. 7, 3, 4; Николаева Э.Я. Терракоты... С. 16, табл. 12, 3; На краю ойкумены... № 237.
- ⁵² Николаева Э.Я. Терракоты... С. 16, табл. 12, 5; На краю ойкумены... № 238.
- ⁵³ На краю ойкумены... № 73.
- ⁵⁴ Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 89, рис. 25, 3.
- ⁵⁵ Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. М., 2003. Вып. 6.
- ⁵⁶ Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. 2006. С. 12–46. (Тр. ГИМ; Вып. 159).
- ⁵⁷ Рождение Олимпийских Игр. С. 27, 94. Кат. № 170; Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы... Рис. 5, 2.
- ⁵⁸ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 44.
- ⁵⁹ Ekroth G. The Sacrificial Rituals of Greek Hero-Cults. Liège, 2002. Kerpos Suppléments 12. P. 77.
- ⁶⁰ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 14.
- ⁶¹ Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы... Рис. 5, 7.
- ⁶² Там же. Рис. 5, 1.
- ⁶³ Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. Табл. XVII, 6; Зайцев Ю.П., Мордвинова В.И. Варварские погребения 2 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. Рис. 8, 3.
- ⁶⁴ Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы... Рис. 11, 12.
- ⁶⁵ Усачева О.Н. Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА. 1983. Вып. 174. Рис. 2, 14; Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы... Рис. 15, 4; Любовь и Эрос... № 135.
- ⁶⁶ Winter Fr. Die Typen der figurlich Terracotten. Bd. I–III. Berlin; Stuttgart, 1903. Bd. III. Taf. 232, 3; Higgins R.A. Greek Terrakottas. L., 1967. Pl. 54A; Mrogenda U. Die Terrakottfiguren von Myrina: Eine Untersuchung ihrer möglichen Bedeutung und Funktion im Grabzusammenhang // Europäische Hochschulschriften. Frankfurt am Mein, 1996. Reihe 38, Archäologie, Bd. 63. S. 160–161, Taf. 4 (100/13). См. также терракоту с изображением двух сидящих на ложе девушек: Burn L., Higgins R. Catalogue of Greek Terracottas in the British Museum. L., 2001. Vol. III. Pl. 49, 2274.
- ⁶⁷ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. М. 1974. Табл. 22, I. (САИ; Вып. Г1-11).
- ⁶⁸ Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1959–1960 гг. // КСИА.

1963. Вып. 91. С. 98–106; Она же. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 101–107.
- ⁶⁹ Сорокина Н.П. Терракоты из некрополя Кеп // Терракотовые статуэтки. Ч. IV. Табл. 13–14.
- ⁷⁰ На краю ойкумены... № 234; Журавлев Д.В. Терракотовая «погремушка» из могильника Бельбек IV // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII. Рис. 3, 1.
- ⁷¹ На краю ойкумены... № 263.
- ⁷² Сорокина Н.П. Новые памятники античного искусства // Археология и культура Северного Причерноморья. Л., 1968. С. 278; Культура и искусство... Кат. № 417; На краю ойкумены... № 360.
- ⁷³ Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов V в. до н.э. на Таманском полуострове // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 76–88. Кепские бальзамарии были изданы в специальной работе: Кунина Н.Э., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. Л., 1973. Т. XIII. С. 146–177.
- ⁷⁴ Сорокина Н.П. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп // СА. 1968. № 4. С. 181–189.
- ⁷⁵ Сорокина Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969. С. 124–130.
- ⁷⁶ Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. н.э. // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 297–306.
- ⁷⁷ Они же. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 234–240.
- ⁷⁸ Они же. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н.э. // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы международной археологической конференции. СПб., 2001. Ч. 1. С. 133–139.
- ⁷⁹ См., например: Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы... Рис. 7; Усачева О.Н. Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 96–98.
- ⁸⁰ Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Погребальный обряд. 1997. С. 47–61. (Тр. ГИМ; Вып. 93).
- ⁸¹ Там же. № 1; На краю ойкумены... № 366.
- ⁸² На краю ойкумены... № 11.
- ⁸³ Размеры: высота 21,5 см, диаметр 11,8 см.
- ⁸⁴ Сокольский Н.И. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // СА. 1957. № 1. С. 244–246.
- ⁸⁵ Гёру К. Историческая топография... С. 153–156.
- ⁸⁶ Сокольский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре // КАМ. М., 1966; Он же. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 86–96.
- ⁸⁷ На краю ойкумены... № 368–370.
- ⁸⁸ Сокольский Н.И. Новые памятники... Рис. 35, 1; На краю ойкумены... № 368.
- ⁸⁹ Сокольский Н.И. К вопросу...; На краю ойкумены... № 369.
- ⁹⁰ Сокольский Н.И. К вопросу... Рис. 1; На краю ойкумены... № 370.
- ⁹¹ Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка // СА. 1963. № 1. С. 179–191.
- ⁹² Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 108–115, рис. 42, 43.
- ⁹³ Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 116–128, рис. 47.
- ⁹⁴ На краю ойкумены... № 380.
- ⁹⁵ Шелов Д.Б. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 228–231.
- ⁹⁶ Журавлев Д.В. Боспор в средние века // Сокровища ойкумены: Великое переселение. М., 2005. Рис. на с. 20–21.
- ⁹⁷ На краю ойкумены... № 377; Диатроптов П.Д. Два неопубликованных рельефа с изображением «загробной трапезы» из собрания ГИМ // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII. С. 239. Рис. 2.
- ⁹⁸ На краю ойкумены... № 299.
- ⁹⁹ Журавлев Д.В., Завойкин А.А. Светильники из святилища элевсинских богинь «Береговой 4» // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Т. I. С. 191–199; Они же. Свет и светильники в элевсинских таинствах: (по материалам святилища «Береговой 4») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Святилища и сакральные объекты: VIII Боспорские чтения. Керчь, 2007. С. 106–113; Они же. Светильники из святилища Береговой 4 // ДБ. 2007. Вып. 11. Zavoikin A., Zhuravlev D. Lamps from the Sanctuary of Eleusin Goddesses in Kimmerian Bosphorus // Lychnological Acts 1: Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon; Geneva, 29.IX – 4.X.2003). Montagnac, 2005. P. 309–312. (Monographies Instrumentum; Vol. 30).
- ¹⁰⁰ Марченко И.Д. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1962. Табл. VI, 3.
- ¹⁰¹ Худяк М.М. Работы Нимфейской экспедиции 1939 года // ТОАМГЭ. Л., 1945. Вып. I. С. 162, табл. XX, 1–2; Он же. Из истории Нимфея. Л., 1962. Табл. 46, 3.
- ¹⁰² Rutkowski D. Lampes sacrées de Gortyne // Études et travaux. Warszawa, 1983. XIII. P. 324; Williams H. Secret Rites of Lesbos // Archaeology. 1994. 4. P. 38; Parisinou E. The Light of the Gods: The Role of Light in Archaic and Classical Greek Cult. L., 2000. P. 140.
- ¹⁰³ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- ¹⁰⁴ Там же. Рис. 37, 38.
- ¹⁰⁵ Там же. Рис. 43, 44.
- ¹⁰⁶ Там же. Рис. 42, 4; АГСП. С. 86. Табл. XLVII, 15; На краю ойкумены... Рис. 381.
- ¹⁰⁷ Размеры: 37,5 × 21,7 × 8,2 и 34 × 32,7 × 39 см.
- ¹⁰⁸ Сокольский Н.И. Таманский толос... Рис. 30, 31.
- ¹⁰⁹ Там же. Рис. 55–58.
- ¹¹⁰ Там же. С. 94, рис. 56; Кобылина М.М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 98, рис. 43; АГСП. Табл. СХХIII, 6; Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекции памятников... Рис. 5, 6; На краю ойкумены... № 270.
- ¹¹¹ Размеры: высота 14,7 см, диаметр 8,3 см, диаметр постамента 9,6 см.
- ¹¹² Журавлев Д.В. Позднеэллинистический пергамский скифос с аппликативными рельефами из дома Хрисалис-

- ка // ВДИ. 1995. № 3. С. 72–79; Zhuravlev D. A Skyphos from the House of Chrysaliskos and Pergamene Pottery Import in the Bosporan Kingdom // Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Χρονολογικά προβλήματα. Κλειστά Συνολα – Εργαστήρια. Πρακτικά. Αθήνα, 2000. Ρ. 269–272.
- ¹¹³ Сокольский Н.И. Таманский толос... Рис. 48, 50, 51; Zhuravlev D. Terra Sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic Region (a Short Bibliographical Survey) // ACSS. 2002. Vol. 8. N 3–4, fig. 6; Домжалъски К., Журавлев Д.В. Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 89–92; Журавлев Д.В. О керамическом производстве Боспора... С. 235–254.
- ¹¹⁴ Сокольский Н.И. Таманский толос... Рис. 46, 47.
- ¹¹⁵ Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. С. 648–650. № 214. (Работа депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992); Он же. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Вып. 1. С. 218.
- ¹¹⁶ Журавлев Д.В. Отчет о работах Боспорской археологической экспедиции ГИМ в районе станиц Ахтанизовской, Голубицкой и Старотитаровской Темрюкского района Краснодарского края в 2006 г. // Архив ИА РАН.
- ¹¹⁷ Сорокина Н.П. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре // Причерноморье в эллинистическую эпоху: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985. С. 374–382.
- ¹¹⁸ Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекции памятников... Рис. 4, 3; На краю ойкумены... № 372.
- ¹¹⁹ На краю ойкумены... № 383.
- ¹²⁰ Отношение Археологической комиссии от 3 июня 1909 г. № 957.
- ¹²¹ На краю ойкумены... № 107.
- ¹²² Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Терракотовый рельеф V в. до н.э. с изображением «несения Диониса» с Таманского полуострова (предварительная информация) // БФ. СПб., 2007.
- ¹²³ На краю ойкумены... С. 62, № 212.
- ¹²⁴ Moustaka A. Grossplastik aus Ton in Olympia // Olympische Forschungen. В.; N.Y., 1993. Bd. XXII. Taf. 33–35.
- ¹²⁵ Hamdorf F.W. Dionysos/Bacchus: Kult und Wandlungen des Weingottes. München, 1986. Abb. 41, 42, 47, 51, 52; Carpenter Th.H. Dionysian Imagery in Archaic Greek Art: Its Development in Black-Figure Vase Painting. Oxf., 1986. Pl. 8; 9; 13; 14; 17 и др.; Isler-Kerényi C. Dionysos nella Grecia arcaica: Il contributo delle immagini. Pisa; Roma, 2001. Fig. 102, 103; Carpenter Th.H. Dionysian Imagery in Fifth-Century Athens. Oxf., 1997. Pl. 9B, 11A, 14A-B, 15A-B и др.
- ¹²⁶ Крапивина В.В. Ботрос святилища Афродиты в Ольвии // БФ. 2002. Ч. II. С. 26; Она же. Новые данные о культе Афродиты в Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. 2006. С. 195, рис. 3. (Тр. ГИМ; Вып. 159).
- ¹²⁷ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. С. VII–VIII.

Глава 2

ПАМЯТНИКИ
СКИФО-САРМАТСКОГО
ВРЕМЕНИ
И РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

К. Б. ФИРСОВ

Государственный исторический музей в Москве (до 1917 г. — Императорский Российский исторический музей имени Александра III) располагает значительным собранием древностей, происходящих с археологических памятников скифо-сарматского времени и раннего Средневековья, найденных на обширной территории Евразии. Эти коллекции, начало формирования которых относится к 1872 г. — году основания Исторического музея, — насчитывают к настоящему времени более 50 000 предметов VII в. до н.э. — VII в. н.э.¹

В первые десятилетия существования музея образование фонда скифо-сарматских памятников происходило главным образом благодаря исследованиям и дарам ученых и частных лиц. Материалы из их раскопок передавались в музей в основном из Императорской Археологической комиссии (ИАК) по специальным отношениям, причем иногда одну и ту же коллекцию делили между Эрмитажем и Историческим музеем². Такая же практика существовала в ИАК и в отношении античных памятников, коллекции которых дробились между несколькими музеями³.

Другим способом пополнения фондов в этот период были покупки отдельных предметов и коллекций у частных лиц и на торгу. Нередко археологическое собрание музея увеличивалось благодаря коллекциям, переданным из других учреждений и общественных организаций, таких как музей в Поречье, Императорское Московское археологическое общество, Московский Публичный и Румянцевский музеи, откуда происходит значительное количество вещей скифо-сарматского времени⁴.

С 20-х годов XX в. и по настоящее время основным источником новых поступлений в музей по этому периоду являются материалы, полученные в результате работ археологических экспедиций ГИМ и других учреждений, а также некоторое количество даров и покупок.

Среди фонда древностей скифского и сарматского времени особо выделяется представительная группа коллекций, происходящих из Прикубанья (бывшая Кубанская обл., современный Краснодарский край). Эти памятники, многие из которых являются эталонными для данного региона Северного Причерноморья, имеют важное научное значение и характеризуют материальную культуру населения юга Восточной Европы в различные периоды — с VII в. до н.э. по III в. н.э. и в раннем Средневековье. Эта значительная часть скифо-сарматского фонда насчитывает около 70 коллекций, состоящих более чем из 5000 предметов из золота, драгоценных и полудрагоценных камней, серебра, бронзы, железа, глины, кости, стекла, египетского фаянса, горного хрусталя, сердолика, гагата, халцедона и других материалов, среди которых большое количество изделий, выполненных в зверином стиле, а также замечательных образцов древнего ювелирного искусства.

Большая часть прикубанских коллекций поступила в ГИМ из Императорской Археологической комиссии. В основном это памятники, исследованные профессором Петербургского университета Н.И. Веселовским, который с 90-х годов XIX в. до 1917 г. производил раскопки многочисленных курганов на Кубани. С его именем связано исследование таких важных памятников скифского и сарматского времени, как курганы у станиц Костромской, Воронежской, Ульского аула, курганов «Золотого кладбища» и других, материалы из которых хранятся в Государственном историческом музее и Государственном Эрмитаже. К сожалению, отсутствие тщательной фиксации деталей погребальных сооружений и обряда и низкий уровень полевой методики, применяемой Н.И. Веселовским, значительно снижают ценность его работ⁵.

Среди других фондообразователей прикубанской коллекции ГИМ необходимо назвать, помимо учреждений и организаций, следующих исследователей и частных лиц: Г.Д. Филимонова, В.И. Сизова, А.С. Уварова, П.С. Уварову, Е.Д. Фелицына, В.М. Сысоева, В.Л. Тимофеева, А.В. Владимирова, Н.Н. Ерамова, вещи из раскопок, случайных находок или собраний которых пополнили фонд музея. Более поздние поступления чрезвычайно интересных прикубанских памятников из случайных находок связаны с дарами частных лиц. Интересно, что прикубанский фонд ГИМ с небольшими перерывами продолжает пополняться до сих пор. Так, например, в 2007 г. в дар музею от частного лица было передано бронзовое навершие скифского времени с железными шариками внутри из Краснодарского края (ГИМ 111939. Оп. Б 2068).

Отдельно следует упомянуть работы Кубанской экспедиции ГИМ и Сарматской Северо-Кавказской экспедиции ИИМК и ГИМ в 1947–1949 гг. под руководством выдающегося исследователя сарматской культуры К.Ф. Смирнова, благодаря исследованиям которого в музей поступило большое количество находок V в. до н.э. – VII в. н.э. с Пашковского городища и могильников.

* * *

Наиболее крупными по размерам и одними из самых ранних памятников прикубанской коллекции ГИМ являются два надгробных обелиска предскифского времени (VIII–VII в. до н.э.) – так называемые оленные камни – из раскопок Н.И. Веселовского у ст. Усть-Лабинской⁶ в 1903 г. (ГИМ 45313. Оп. Б 285) и Зубовского хутора⁷ в 1899–1900 гг. (ГИМ 41851. Оп. Б 1631). Это массивные изваяния (высотой до 2,28 м) с двухсторонним оформлением поверхности различными углубленными и рельефными схематическими изображениями. Среди них опоясывающие линии, топоры, мечи, серьги, ожерелье из ромбических фигур, наклонные параллельные линии, предмет прямоугольной формы, украшенный орнаментом из треугольников, кольчатых фигур и

Рис. 1. Удила и псалий. VIII–VII вв. до н.э. Бронза. Ст. Переправная

Рис. 2. Шлем «кубанского» типа. VII–VI вв. до н.э. Бронза. Кубанская область

Рис. 3. Удила со стремечковидными окончаниями. VII–VI вв. до н.э. Бронза. Курган у ст. Костромской

Рис. 4. Пластина с изображением оленя и двух грифонов, нападающих на козла. VI–V вв. до н.э. Золото. Ульский аул, курган 1

изогнутых лент, а также изображения животных: фигурки стоящих куланов в круглых медальонах, сцена нападения двух собак на кабана, стоящие олени, лошадь в круглом медальоне и другие⁸. Комплекс вещей, найденных вместе с камнями (ГИМ 45313, 48478. Оп. Б 285. Ст. Усть-Лабинская), характеризуется как переходный от предскифского периода к скифскому и датируется VII в. до н.э.⁹

К этому же времени относится случайная находка в 1959 г. у ст. Переправная Псебайского района бронзовых удил с двукольчатыми концами и псаля с тремя петлями на стержне, шляпкой на одном конце и изогнутой лопастью — на другом¹⁰ (длина псаля — 16,5 см) (рис. 1) (ГИМ 96717. Оп. Б 1106. Дар С.М. Губина). Такие же удила и псаля имеются и в других прикубанских собраниях, находящихся в ГИМ¹¹.

В коллекции музея хранится несколько бронзовых шлемов VII–VI вв. до н.э. так называемого «кубанского» типа. Это массивные литые шлемы полусферической формы с выемкой спереди для верхней части лица, коротким заостренным наносником, рельефным валиком на лобной части и отверстиями для крепления нащечников. Они происходят из Майкопа¹² (размеры: 17,7 × 18,3 × 22 см). (ГИМ 43895. Оп. Б 205. Покупка 1904 г.); Кубанской обл. (ближе неизвестно)¹³ (размеры: 16,1 × 16,6 × 24,5 см) (рис. 2) (ГИМ 66856. Оп. Б 474. Из Государственного музейного фонда). Большинство находок таких шлемов сделано в Прикубанье и местом их изготовления считается Северный Кавказ¹⁴. Большой интерес представляет бронзовый шлем из собрания Н.Н. Ерамова (Майкоп)¹⁵ (ГИМ 48520. Оп. Б 155). Он, вероятно, является результатом переделки из коринфского шлема, для которых характерна сильно выступающая назад развитая затылочная часть¹⁶.

К памятникам скифского времени Северного Причерноморья VII–VI вв. до н.э. относится знаменитый курган у ст. Костромской из раскопок Н.И. Веселовского 1897 г.¹⁷ Часть этого комплекса, в частности, золотая массивная бляха в виде оленя, находится в Гос. Эрмитаже. В 1904 г. ИАК передала в Исторический музей ряд предметов из кургана (ГИМ 40492. Оп. Б 186): бронзовые чешуйки от панциря, бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы с шипом, низки пастового бисера белого и голубого

Рис. 5. Псалии с окончаниями в виде пальметт. V в. до н.э. Бронза. Майкоп

Рис. 6. Псалии с окончаниями в виде птичьих голов. V в. до н.э. Бронза. Майкоп

Рис. 7. Колчаный крюк, украшенный стилизованным изображением фигуры животного. V в. до н.э. Бронза. Майкоп

цвета, лепной сосуд и фрагменты сосудов. Интересную серию составляют остатки уздечного снаряжения лошадей, имеющие аналогии в памятниках этого периода юга Восточной Европы¹⁸: несколько бронзовых и железных удила со стремечковидными окончаниями (длина — около 20 см) (рис. 3) и железные удила с загнутыми в петли концами.

Близкого характера вещи VI—V вв. до н.э. имеются в коллекции из раскопок Н.И. Веселовского в 1898 г. двух курганов у Ульского аула¹⁹ (ГИМ 42405. Оп. Б 192). Из кургана 1 происходят железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел, фрагменты двух бронзовых сосудов, железные двусоставные удила с петлями на концах, железные двудырчатые псалии с окончаниями в виде «шишечки» или в виде стилизованной головки хищной птицы. Здесь найдены также фрагменты греческих чернофигурных сосудов с изображениями многолепестковой пальметты, частично сохранившихся фигур воинов из сцены битвы, гирлянд чередующихся пальметок и вертикальных лепестков, расположенных на плетенке и т.п. Интересен фрагмент статуэтки из глины в виде головы человека (скифа?) в высоком головном уборе (размеры: 4,5 × 2 × 1,5 см). Среди находок особенно выделяется золотая тисненая прямоугольная пластина с изображением оленя и двух грифонов, нападающих на козла, — возможно, украшение колчана²⁰ (рис. 4). Пластина длиной 17,3 см и шириной 6,3 см имеет дырочки по краям для крепления. Из кургана 2 в ГИМ также хранятся принадлежности конского убора: железные удила с двудырчатыми стержневидными псалиями, псалии S-видной формы с раскованными пластинчатыми окончаниями и «шишечкой» на конце, многочисленные бронзовые литые бляшки, пронизи и колечки от узды различных типов и форм, бронзовые конические колокольчики с вертикальной прорезью и другие предметы.

В 1903 г. Исторический музей приобрел 135 предметов из г. Майкопа, относящихся в основном к деталям конского снаряжения V в. до н.э. (ГИМ 43489. Оп. Б 204). Среди них замечательные бронзовые бляхи — украшения конского убора, сделанные в зверином стиле²¹, бронзовые псалии с окончаниями в виде пальметт и птичьих голов (длина — 16—20 см) (рис. 5, 6), а также бронзовый колчаный крюк, украшенный стилизованным изображе-

нием фигуры животного²² (длина — 9 см) (рис. 7), бронзовое дисковидное зеркало²³, золотые и стеклянные бусины.

Большая коллекция материалов V—IV вв. до н.э. происходит из курганов № 15—19 у станицы Воронежской, раскопанных Н.И. Веселовским в 1903 г.²⁴ (ГИМ 48478. Оп. Б 286). В ее составе предметы вооружения (мечи, наконечники копий, фрагменты панциря, наконечники стрел), конской упряжи (удила, псалии, налобники, нащечники), украшения (бусы, браслеты, серьги), глиняные, металлические и стеклянные сосуды и их фрагменты. Из кургана № 17 заслуживает внимания крышка чернофигурной леканы с изображением двух колесниц и всадника с копьем. Чрезвычайно интересен комплекс конского снаряжения из кургана № 19. В его состав входит большое количество бронзовых украшений оголовья коней (наносники/налобники (длина — 5—5,4 см), бляхи и пронизи различных типов, ворворки), многие из которых выполнены в зверином стиле (рис. 8), а также бронзовые и железные удила и псалии²⁵.

Рис. 8. Украшения конского оголовья. IV в. до н.э. Бронза. Ст. Воронежская, курган 19

Рис. 9. Наконечники дротиков. V—III вв. до н.э. Железо. Ст. Вознесенская, грунтовый могильник

Рис. 10. Псалии, выполненные в зверином стиле. IV в. до н.э. Бронза. Ст. Вознесенская и г. Майкоп

Рис. 11. Налобник конский в виде стилизованной головы оленя. IV в. до н.э. Бронза. Ст. Вознесенская, грунтовый могильник

В 1962 г. в музей поступила коллекция предметов из грунтового могильника V—III вв. до н.э., найденных при разработке карьера кирпичного завода у ст. Вознесенской Лабинского района Краснодарского края²⁶ (ГИМ 97896. Оп. Б 1255. Дар В.П. Вербицкого). В ее составе: оружие (железные мечи, длинные наконечники дротиков (длина — 57 см; рис. 9) и копий), предметы конского убора, сделанные в зверином стиле (бронзовые Г-образные двухдырчатые псалии с загнутыми концами, оформленными в виде стилизованных копыт животного (длина — 15 см) (рис. 10), наносники/налобники в виде стилизованной головы оленя (длина — 5,1 см) (рис. 11), уздечные бляхи), украшения (бронзовые браслет и перстень) и посуда (фрагмент бронзового сосуда, глиняные миски, кувшины, горшки, украшенные орнаментом)²⁷.

Прекрасный образец античной торевтики IV—III вв. до н.э. происходит из ст. Мариинской Кубанской обл. (ГИМ 4240. Оп. Б 164). Это серебряное позолоченное фигурное блюдо (случайная находка казаков) имеет чеканный растительный и антропо-зооморфный орнамент на дне, в центре которого расположена восьмилепестковая розетка²⁸ (размеры: диаметр — 21,6 см, высота — 4 см) (рис. 12).

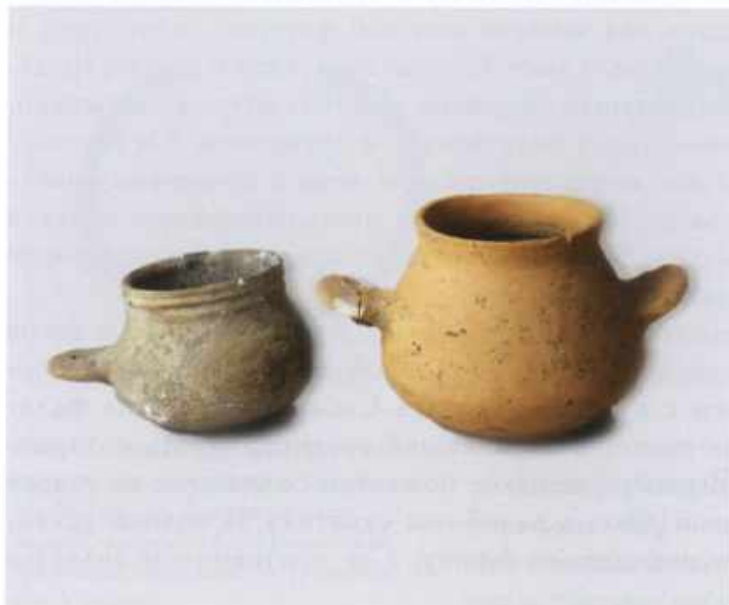
В 40-х годах XX столетия материалы Государственного исторического музея, характеризующие культуру меотского и раннесредневекового населения Прикубанья, пополнились находками из Пашковского городища и могильников, исследованных К.Ф. Смирновым в 1947–1949 гг.²⁹ (ГИМ 82341. Оп. Б 831; ГИМ 82812. Оп. Б 847; ГИМ 83158. Оп. Б 861). Коллекции содержат большое количество предметов, найденных в Пашковских могильниках № 3/4, относящихся к VI—III вв. до н.э., а также к могильнику № 1, датирующемуся более поздним временем. В музее хранятся также материалы, полученные при изучении Пашковского городища № 1 и Хорольского городища. Могильники меотского времени представлены лепной и гончарной керамикой — в частности, красноглиняными и сероглиняными гончарными сосудами с округлым туловом и дном с горизонтальными ручками-выступами (размеры: высота — 8–11 см, диаметр венчика — 8,4–9,4 см) (рис. 13), а также сосудами и кувшинами на поддоне с округлым

Рис. 12. Блюдо фигурное.
IV–III вв. до н.э. Серебро, позолота.
Ст. Мариинская

Рис. 13. Сосуды гончарные с округлым туловом. VI–III вв. до н.э. Глина.
Ст. Пашковская, грунтовый могильник № 3, погребения 1 и 4

Рис. 14. Сосуды. VI–III вв. до н.э.
Глина. Ст. Пашковская, грунтовые могильники № 3/4, погребение 5

туловом и невысоким узким воронковидным горлом с широкой ленточной ручкой или без нее (размеры: высота — 18 см, диаметр венчика — 5,7 см, диаметр дна — 6,3 см) (рис. 14). В коллекции находятся также раннеэллинистические амфоры, оружие (копья с узким и длинным пером остролистной формы, мечи с брусковидным навершием и без металлического перекрестия (рис. 15), железные втульчатые наконечники стрел), украшения (бронзовые круглопроволочные браслеты (диаметр — 6–7 см), стеклянные синие глазчатые бусы бочонковидной формы и подвески пирамидальной формы (рис. 16) и другие предметы³⁰.

Пашковский могильник № 1 — пока единственный полноценный археологический источник по истории протоадыгского населения Нижней Кубани в начале Средневековья. Раскопки этого памятника дали богатый материал, важный для понимания культурной и этнической истории населения Нижней Кубани в V–VII вв. н.э. В коллекции ГИМ имеется более 500 предметов из могильника, среди которых украше-

ния и предметы личного убора (бронзовые и серебряные гривны, браслеты, фибулы, поясные наборы и пряжки (рис. 17), подвески, бусы из различных материалов (рис. 18)), предметы туалета и быта (бронзовые зеркала, ножницы, пинцеты, туалетный набор, ножи), глиняные сосуды и другие вещи³¹.

В Историческом музее хранится весьма представительная и разнообразная коллекция памятников сарматского времени, найденных в Прикубанье. Среди них выделяется своей значимостью комплекс II–I вв. до н.э. из Северского кургана¹⁵, раскопанного в 1881 г. казаками и доследованного действительным членом Императорского Московского археологического общества, ученым секретарем Исторического музея В.И. Сизовым (ГИМ 544–579, 4228–4239, 4889–4892. Оп. Б 224). В кургане был найден большой золотой фалар с рельефным изображением мифологической сцены, относящейся к культу Диониса: возможно, сцены борьбы Диониса и Афины

Рис. 15. Наконечники копий и меч.
VI—III вв. до н.э. Железо.
Ст. Пашковская, грунтовые
могильники № 3/4, погребение 1

Рис. 16. Браслеты и бусы.
VI—III вв. до н.э. Бронза, стекло.
Ст. Пашковская, грунтовый
могильник № 3, погребение 4

с гигантами (размеры: диаметр — 14,2 см, толщина — около 2 мм) (рис. 19). Фалар в виде большого плоского диска. С левой стороны показан безбородый мужчина, скачущий на пантере с высунутым языком. Шея и грудь животного обвиты плющом. Шерсть передана короткими черточками. Всадник правой рукой держится за шею пантеры. Он в короткой одежде, подпоясанный наборным поясом. На ногах узкие штаны, заправленные в низкие мягкие сапожки, украшенные бусами. Круглая голова поверженного врага с открытыми глазами и подстриженными в кружок волосами лежит на земле, покрытой веткой плюща. Центральная женская фигура в шлеме со спиральным узором. Женщина одета в короткую тунику, подпоясанную наборным поясом, и в платье до пят, под которым видны длинные штаны. В правой руке женщины орнаментированный круглый щит.левой рукой она держит за длинные волосы бегущего обнаженного мужчину. В его руке круглый предмет. Правую руку он поднял над шлемом женской фигуры. Левую руку и ноги мужчины обвила змея, которая кусает его в правую грудь. Вся композиция снизу окружена толстым жгутом, возможно, змеей с орнаментом в виде чешуек и кружочков. От его концов отходят две ветви виноградной лозы с гроздьями винограда и листьями. Под жгутом две многолепестковые розетки и три пальметки. Вся поверхность фалара, являющаяся фоном сцены, покрыта точками³³.

На северском фаларе, вероятно, показаны образы богов синкретической религии, в которой воедино слились восточные религиозные идеи с культом Диониса-Сабазия. Слева на фаларе Дионис, скачущий на пантере, поразивший гиганта, голова которого лежит под его ногами. В центре женское божество со шлемом на голове и круглым щитом в правой руке, а левой она схватила за волосы убегающего мужчину. Богиня напоминает Афины, а ее противником является гигант³⁴.

Рис. 17. Гривна, браслеты, фибулы, пряжки, зеркало, цепочка, бусина. V–VII вв. н.э. Бронза, серебро, железо, халцедон. Ст. Пашковская, грунтовый могильник № 1, погребение 5, тайник

В погребении открыты замечательные стеклянные кубки в золотой оправе (рис. 20) — два целых, фрагменты от третьего и золотые оправы верхней и нижней части сосудов (диаметр — 10,5 и 9,5 см) (рис. 21). Оправы представляют собой зубчатые обручи, спаянные из двух полосок листового

Рис. 18. Бусины. V–VII вв. н.э.
Стекло, янтарь, горный хрусталь,
египетский фаянс, халцедон.
Ст. Пашковская, грунтовый
могильник № 1, погребение 5, тайник

золота. Каждый зубчик выпуклый и обрамлен тонкой крученой проволокой. По середине обруча идет сканный шнурок из трех проволок. К нижним гладким проволокам припаяны круглые петельки, к которым подвешены плетеные цепочки с золотыми полыми шариками на концах. У одной оправы таких цепочек 26, у другой – 25. От зубчатого обруча спускаются вниз 6 зуб-

Рис. 19. Фалар с рельефным изображением мифологической сцены. II—I вв. до н.э. Золото. Ст. Северская, курган

Рис. 20. Канфар стеклянный в золотой оправе с подвесками на цепочках. II—I вв. до н.э. Стекло, золото, гранаты, сердолик, эмаль. Ст. Северская, курган

Рис. 21. Оправа верхней части сосуда с подвесками на цепочках. II—I вв. до н.э. Золото. Ст. Северская, курган

чатых золотых пластинок, припаянных с внутренней стороны на равных расстояниях друг от друга. Вдоль каждой пластинки посередине идет гладкая проволочка.

Кубки двуручные из литого зеленоватого прозрачного стекла, по форме напоминающие древнегреческие канфары. У первого кубка бортик, ручки и поддон оправлены тонкими листами золота (размеры: высота — 9,4 см, диаметр венчика — 10,5 см, диаметр поддона — 7,8 см) (рис. 20). Сосуд с невысоким кольцевым поддоном, расширяющимся книзу. Оправа бортика состоит из неширокой золотой ленты, нижний край которой вырезан в виде зубчиков. Сверху и снизу она охвачена поясками из трех золотых проволочек. Между ними находятся треугольные прорезы, обрамленные по бокам кручеными проволочками в виде восьмерок. Между прорезями расположены попеременно 11 полусферических зерневых репьев и 10 неграненых гранатов овальной и миндалевидной формы, различной величины, в золотых гнездах. Выше зубчиков над сканным шнурком идет более толстая гладкая золотая проволока с круглыми петельками, к которым прикреплены золотые плетеные цепочки, снабженные бусами из сердолика, а на концах — золотыми дутыми шариками. Всего цепочек было 36, три из них не сохранились. Верх золотой оправы ручек также украшен полусферическими репьями и сканным узором в виде ряда спиралек и зубчиков по бокам. Золотые сканные шнурки охватывают ручки сосуда у их основания сверху и снизу, а также в двух местах посередине. Оправа поддона снизу имеет рельефный узор в виде розетки с восемью узкими перистыми лепестками; вокруг розетки — ребристый валик. Ячейки сканных узоров были, вероятно, заполнены

Рис. 22. Фибула-брошь (золото, бронза, стекло, гранаты), скоба или ручка с чеканным растительным орнаментом (золото), бляхи с рельефным изображением грифона (золото). II—I вв. до н.э. Ст. Северская, курган

Рис. 23. Оправа верхней части ритона. II—I вв. до н.э. Золото. Ст. Северская, курган

цветной эмалью. Второй кубок меньшего размера и немного отличается от первого.

Здесь же найдена золотая фибула-брошь на бронзовой основе с большой стеклянной выпуклой овальной вставкой в центре, окруженной шестью вставками в зубчатых гнездах (размеры: диаметр — 6 см, наибольшая высота — 0,9 см) (рис. 22, внизу). Три из них каплевидной формы — из зеленоватого стекла, три других из граната — овальные. Между вставками растительные узоры из тонких витых проволочек.

В каменной гробнице также были обнаружены: золотая гладкая оправа в виде раструба, фрагмент серебряной поясной пряжки, серебряный массивный предмет в виде рога барана, два золотых статера боспорского царя Перисада и другие предметы. Здесь же найдены золотая плоская скоба или ручка с чеканным растительным орнаментом (размеры: длина — 12 см, ширина — 10 см) (рис. 22, вверху), бляхи из массивного золота с рельефным изображением грифона в центре (диаметр — 3,7 см) (рис. 22, слева и справа), золотая цилиндрическая оправа верхней части ритона с рельефным изображением четырех грифонов (размеры: диаметр верхний — 6,8 см, диаметр нижний — 6,2 см, высота — 7 см) (рис. 23).

К памятникам зубовского-воздвиженского типа I в. до н.э. — начала II в. н.э. в Среднем Прикубанье, названным так по местонахождению наиболее ярких и близких между

Рис. 24. Фибула-брошь (II–I вв. до н.э.), фибула-брошь со вставкой геммы с резным изображением Афины, медальон, пряжка, бусины (I–III вв. н.э.). Золото, сердолик, агат, бронза, стекло

Рис. 25. Фалар с рельефным изображением сцены терзания козла. I в. до н.э. – I в. н.э. Серебро. Ст. Воздвиженская, курган

собой комплексов, относится ряд коллекций из раскопок Н.И. Веселовского, хранящихся в ГИМ. В первую очередь, это материалы из богатых погребений у ст. Воздвиженской и на участке Харина в ауле Хатажукаевском, а также из курганов на территории бывшего имения Зиссерманов и у Геймановского поселка между реками Кубань и Зеленчук (курган «Острый»)³⁵. Из последнего происходит золотая овальная фибула-брошь II–I вв. до н.э., украшенная сканью, золотыми напаянными колпачками и стеклянными вставками в центре³⁶ (размеры: 5 × 3,7 см) (рис. 24).

Для данного типа захоронений характерны могилы в виде широких прямоугольных ям, в которых погребенные лежали на спине вытянуто, головой на запад. Нередко в насыпях курганов или на древней дневной поверхности вблизи могил отмечаются находки даров: золотых украшений, символов власти, деталей конского снаряжения³⁷.

Коллекция предметов из большого кургана у станицы Воздвиженской, в котором Н.И. Веселовский в 1899 г. раскопал ряд разновременных захоронений с богатейшим погребальным инвентарем, до сих пор является украшением собрания ГИМ³⁸. Вещи из впускного погребения этого кургана I в. до н.э. – I в. н.э. хранятся в скифо-сарматском фонде музея

Рис. 26. Бляшки, наконечник поясного набора, фибула-брошь. I в. до н.э. — I в. н.э. Золото, сердолик, стекло. Ст. Воздвиженская, курган

Рис. 27. Браслет и гривна. I в. до н.э. — I в. н.э. Золото. Ст. Воздвиженская, курган

(ГИМ 42418. Оп. Б 252). Это сосуды: сероглиняный гончарный кувшин, лепная цилиндрическая курильница, алебастровый флакон с двумя ручками в виде фигурок лежащего животного, фрагменты серебряного канфара, поверхность которого украшена фигурами всадников и растительным орнаментом, и литой стеклянный канфар с двумя ручками II—I вв. до н.э., близкий подобным кубкам из Северского, Зубовского курганов и других. В погребении было найдено бронзовое зеркало, много предметов вооружения — кинжал с прямым перекрестием и кольцевым навершием, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, наконечник дротика римского типа — пилум (длиной 0,85 м), а также части комбинированного панциря — железные и бронзовые панцирные пластины и куски кольчуги.

Из кургана происходят два парных круглых серебряных фалара (диаметр — 13,3 см) (рис. 25) с рельефным изображением козла, стоящего в профиль, которого терзает шестиглавое чудовище-гибра: четыре морды вгрызаются в тело козла, две впиваются в две другие шеи. По краю диск окружен двумя рубчатыми полосками, между которыми расположены выпуклые кружки. Далее изображено круглообразно-выгнутое тело чудовища, покрытое орнаментом из насечек в виде плетеной косы. Козел изображен с бородой и поднимающимися вверх загнутыми рогами, украшенными параллельными полосками³⁹.

К конскому снаряжению относятся железные удила с псалиями нескольких типов. Это колесовидные псалии и псалии с двумя отверстиями прямоугольной формы и концами, оформленными в виде буквы S, украшенные золотыми накладками. К колесовидному псалию прикипел также фрагмент стержневого псалия, заканчивающегося трезубцем. Среди прочего инвентаря погребения — два длинных железных ритуальных ножа, два точильных камня, два бронзовых котла: большой, на поддоне, с двумя ручками с выступами и изящный маленький, близкий по форме первому, со сливом и дополнительной петельчатой ручкой. В могиле было найдено большое количество круглых

и фигурных в виде амфорок на подставках золотых штампованных бляшек (длина — 1,2; 1,8 см) (рис. 26), фибула-брошь овальной формы из тонкого листового золота с сердоликовой вставкой в центре, украшенная узором в виде елочки и веревочки (размеры: 3,6 × 2,8 см) (рис. 26), золотой наконечник поясного набора трапециевидной формы со стеклянными вставками голубого стекла, украшенный сканью и зернью (размеры: 3,5 × 1,6–2,5 см) (рис. 26), железная пряжка с золотой накладкой, золотые спиральный браслет в 2,5 оборота из круглой в сечении проволоки (диаметр — 7,6 см) и массивная гривна из круглого в сечении дрота с расширяющимися несомкнутыми концами (диаметр — 14,5 см) (рис. 27).

В кургане второй половины I–II вв. н.э. на участке И.Г. Харина в ауле Хатажукаевский⁴⁰ (раскопки Н.И. Веселовского, 1899 г.) (ГИМ 42418, 42512, 42428. Оп. Б 196, 252, 253) было обнаружено много украшений — бусы из гешира, стекла, сердолика, золотые пронизи от ожерелья, нашивные бляшки, серьги, фибула в виде зайца, спаянная из двух половинок и украшенная зернью, с двумя кубическими подвесками на цепочках, и золотая булавка с полусферической головкой и четырьмя цепочками с круглыми пластинчатыми подвесками. Из этого комплекса происходят бронзовое зеркало, литой бронзовый котел на высокой ножке с двумя вертикально расположенными дуговидными ручками, с тремя выступами, одной петлеобразной ручкой и с рельефным тамгообразным знаком на тулове (размеры: высота — 36,5 см, диаметр — 43 см) (рис. 28), ритуальный сосудик из гешира, гончарный кувшин с зооморфными стилизованными ручками, а также амулеты из египетского фаянса и камня. К последним, вероятно, относится и большой бронзовый массивный колокольчик со следами преднамеренного повреждения (диаметр — 11 см) (рис. 29). Каменный боевой обушной топор был положен у пояса умершей, вероятно, чтобы подчеркнуть ее высокое социальное положение. Интересны бронзовые литые кольца, украшенные скульптурными головками животных (козлов, мулов) и столбиками (диаметр — 6 см) (рис. 30), а также бронзовая ойнохоя итальянского производства с узким невысоким горлом с отогнутым краем, на кольцевом поддоне; ее ручка сверху моделирована в виде трилистника, а нижний конец оформлен в виде рельефного изображения маски — головы Силена⁴¹ (размеры: высота — 17 см, диаметр верхний — 10 см, диаметр дна — 9 см) (рис. 31).

Рис. 28. Котел. I–II вв. н.э. Бронза. Аул Хатажукаевский

Рис. 29. Колокольчик. I–II вв. н.э. Бронза. Аул Хатажукаевский

Рис. 30. Кольца, украшенные скульптурными головками животных. I–II вв. н.э. Бронза. Аул Хатажукаевский

Рис. 31. Ойнохоя. I в. н.э. Бронза. Аул Хатажукаевский

Рис. 32. Наконечники копий I—II вв. н.э. Железо. Ст. Казанская, курган 17

Рис. 33. Удила и псални. I—III вв. н.э. Железо, плакировка золотом, серебро

Рис. 34. Гривна, браслет, цепочка, оправы от нагрудного украшения. I—III вв. н.э. Золото. Ст. Тифлисская

Наряду с группой погребений зубовского-воздвиженского типа Н.И. Веселовский в 1901—1906 гг. проводил систематические раскопки на могильниках, расположенных вдоль правого берега р. Кубани от станицы Казанской до Тифлисской и далее на запад за ст. Усть-Лабинскую, которые известны под общим названием «Золотое кладбище» (I — начало III вв. н.э.). Здесь было раскопано около сотни курганов, многие из которых оказались ограблены в древности. Тем не менее в них были обнаружены многочисленные и разнообразные предметы, в том числе значительное количество золотых ювелирных изделий, что дало повод Н.И. Веселовскому назвать это кладбище «Золотым». В отличие от погребений зубовского-воздвиженского типа, захоронения на «Золотом кладбище» были совершены не в прямоугольных ямах, а в катакомбах. Большинство найденных здесь захоронений характеризуются однообразием погребального обряда и близостью вещевых комплексов, что указывает на их принадлежность к единому культурно-историческому кругу. Эти находки представляют собой ценный материал по истории Прикубанья сарматского времени, первых веков нашей эры⁴².

В Государственном историческом музее хранится значительная коллекция материалов из раскопок «Золотого кладбища»⁴³. Это комплексы из курганов № 1—20, 22, 24, 32 у ст. Казанской, курганов № 34, 36, 40—52 между ст. Казанской и Тифлисской раскопок 1901 г.⁴⁴ (ГИМ 42380—382. Оп. Б 189), курганов № 22, 23, 26, 28 у ст. Ладожской раскопок 1902 г.⁴⁵ (ГИМ 48478. Оп. Б 209), курганов № 1, 2, 4—18 у ст. Тифлисской раскопок 1902 г.⁴⁶ (ГИМ 48478. Оп. Б 207), курганов № 29—38, 43—44, 46, 47 у ст. Усть-Лабинской раскопок 1902 г.⁴⁷ (ГИМ 48478. Оп. Б 277), кургана № 5 раскопок 1905—1906 гг.,

Рис. 35. Фибула-брошь. I–III вв. н.э. Золото, сердолик. Ст. Усть-Лабинская

курганов № 2, 3, кургана у кирпичного завода у ст. Некрасовская раскопок 1906 г.⁴⁸ (ГИМ 48858. Оп. Б 216).

Из предметов вооружения и конского снаряжения в коллекции присутствуют массивные длинные копья листовидной формы — наступательное оружие катафрактариев (длина — 44 см) (рис. 32), мечи с прямым перекрестием и кольцевидным навершием и мечи без металлического навершия, железные трехлопастные втульчатые и черешковые наконечники стрел, костяные накладки от лука. Оборонительные доспехи представлены, в основном, фрагментами комбинированных панцирей, состоящих из пластин-чешуек и кольчуги. К конскому снаряжению относятся кольчатые удила с колесовидными псалями, удила с лопастевидными, кольцевидными и стержневидными псалями, железные, бронзовые и серебряные кольца и зажимы (длина псаля — 13,5 см, длина секции удил — 8,5 см) (рис. 33).

В курганах «Золотого кладбища» найдено большое количество украшений, амулетов и предметов личного убора. Среди них много штампованных нашивных золотых бляшек разнообразных форм и мотивов — украшений одежды. Из богатых захоронений происходят золотые гривны, золотые и бронзовые браслеты (рис. 34), золотые и железные перстни со вставками, золотые серьги, медальоны (рис. 24), миниатюрные подвески, амулеты-цилиндрики, цепочки (рис. 34). Фибулы в основном представлены обычными проволочными застежками, но выделяются римская фигурная бронзовая фибула в виде стилизованной фигурки льва, держащего в лапах голову животного, шарнирная дужковая фибула с эмалью, а также золотые фибулы-броши, в том числе овальная брошь из кургана 32 у ст. Усть-Лабинской со вставкой геммы из сердолика с резным изображением Афины (размеры: 3 × 2,5 см) (рис. 35). Края фибулы моделированы в виде выпуклых лепестков, обрамленных с лицевой стороны тонкой рубчатой проволокой. Афина изображена в профиль, с копьем в левой руке и со щитом у правой ноги.

Рис. 36. Ожерелья из бус. I–III вв. н.э. Стекло, сердолик, гешир, янтарь, халцедон. Ст. Усть-Лабинская

Рис. 37. Подвески-амулеты.
I—III вв. н.э. Египетский фаянс.
Ст. Усть-Лабинская

Рис. 38. Поясные бляхи с
зооморфными изображениями.
Золото, бронза, бирюза, паста.
Ст. Тифлисская, курган 10; станица
Ладожская, курган 28; станица
Усть-Лабинская, курган 35

Бусы составляют наиболее многочисленную группу украшений, они выполнены из золота, стекла, сердолика, гешира, египетского фаянса, янтаря, металла, кости и других материалов (рис. 36, 37).

В ряде погребений «Золотого кладбища» обнаружены золотые поясные бляхи (ст. Тифлисская, курган 10; ст. Ладожская, курган 28, ст. Усть-Лабинская, курган 35), относящиеся к изделиям с зооморфными изображениями сарматского звериного стиля, для которого характерны своеобразная стилизация и орнаментальность в трактовке тела и головы животных, а также широкое применение цветных вставок, преимущественно бирюзы или пасты голубого цвета. Круглые бляхи украшены изображениями свернувшихся по кругу животных — пантеры или тигра и крылатого кошачьего хищника (диаметр — 2,5; 2,7; 3,5—4 см) (рис. 38). На аркообразной бляхе воспроизведена сцена борьбы двух хищников кошачьей породы (размеры: 2,9 × 2,8 см).

Пряжки и наконечники ремней — многочисленная и разнообразная группа изделий из золота, серебра и бронзы, из которых наиболее интересны фигурные золотые проволочные пряжки со щитком и круглыми стеклянными вставками (размеры: длина — 5,1 см, щиток — 2,2 × 1,3 см) (ст. Казанская и Тифлисская, курган 21) (рис. 24) и серебряная пряжка с фигурной рамкой и квадратным щитком с овальной вставкой альмандина II—III вв. н.э. В погребениях второй половины I в. н.э. — II в. н.э. встречаются бронзовые литые кольца, украшенные изображениями животных или мужских голов. В одном из курганов найдено массивное литое бронзовое навершие в виде головы кабана со втулкой (длина — 8,5 см) (рис. 39). Клыки, уши и гребень кабана железные, глаза показаны вставками зеленого стекла в круглых углублениях.

В нескольких курганах «Золотого кладбища» были найдены канделябры, вероятно, местного происхождения. Железные канделябры сделаны из стержня, нижний конец которого раскован на три отростка. Согнутые и расставленные в стороны отростки образуют подставку в виде трех ног. Сверху на стержне помещался све-

Рис. 39. Навершие массивное в виде
головы кабана. I—III вв. н.э. Бронза,
серебро, железо, стекло.
Ст. Тифлисская, курган 15

Рис. 40. Канделябр со скульптурным навершием в виде головки козла с подвеской. Бронза. Ст. Казанская, курган 3

тильник чашеобразной формы. Бронзовый канделябр из коллекции состоит из трех отдельно изготовленных частей — треноги, стержня и скульптурного навершия в виде головки козла с подвеской (ст. Казанская, курган 3) (размеры: высота — 36 см, ширина — 22,4 см) (рис. 40). Подобные треножки известны только из памятников Северного Кавказа⁴⁹. Помимо вышеупомянутых канделябров, в ГИМ хранится еще несколько экземпляров таких предметов, происходящих из Прикубанья.

В коллекции из «Золотого кладбища» находится большое количество разнообразной посуды. Большую группу составляет глиняная посуда, найденная почти во всех захоронениях. Это керамика местного производства нескольких категорий: гончарные кувшины, кружки, горшки, миски, нередко украшенные орнаментом (размеры: высота — 48 см, диаметр венчика — 16 см, диаметр дна — 12 см) (рис. 41). Интересны кувшины с зооморфными ручками (рис. 42 и 44). В нескольких погребениях были обнаружены небольшие лепные сосудики цилиндрической или трапециевидной формы с отверстиями в стенке — курильницы (ст. Тифлисская, курган 18) (размеры: 4,5 × 4,8 см) (рис. 43). К этой же группе относится оригинальный сосуд в виде мисочки с миниатюрным горшочком внутри (размеры: высота — 5,6 см, диаметр венчика — 13,4 см, диаметр дна — 3 см) (рис. 44, в центре).

Импортная глиняная посуда представлена красноглиняной узкогорлой амфорой, краснолаковой тарелкой, а также фигурным красноглиняным сосудом малоазиатского производства в виде лежащей фигуры барана на прямоугольной подставке (ст. Тифлисская, курган 9) (размеры: длина — 22 см, высота — 27 см) (рис. 45). Такие сосуды неоднократно встречались в памятниках Северного Причерноморья⁵⁰. К фигурным сосудам местного происхождения относятся сероглиняные сосуды в виде стилизованного изображения стоящей птицы с желобчатым горлом со сливом и зооморфной ручкой (ст. Тифлисская, курган 18) (размеры: высота — 14 см, длина — 16 см) (рис. 46) и в виде цилиндрического бочонка с зооморфными ручками (ст. Усть-Лабинская, курган 32) (длина — 29 см) (рис. 47).

Металлическая посуда представлена бронзовыми и серебряными изделиями, в основном, импортного происхождения. Это бронзовые тазы различных типов южноиталийского производства с чашеобразной формой тулова с полыми стенками на низком кольцевом поддоне, с ручками петлеобразной формы и фигурными атташами в виде головок змеи, лани или собаки, или фигурок дельфинов. Еще один таз I в. н.э. украшен тонким гравированным рисунком из меандрового узора и пальметок. Бронзовый кувшин типа ойнохой I в. н.э. с приземистым округлым туловом и вертикальной, выступающей над краем ручкой, имеет овальнообразный атташ, украшенный рельефным изображением бегущего Амура. Импортные котелки I в. н.э. южноиталийского производства, кованные из тонкого бронзового листа, также найдены в курганах Прикубанья. Они имеют профилированный венчик, прямые расширяющиеся книзу стенки, отделяющиеся от округлой нижней части резкой гранью, и железный обруч под венчиком, к которому прикреплялись железные ручки⁵¹.

Серебряная посуда представлена различного рода канфарами, чашами и их деталями. Канфар I в. до н.э. — I в. н.э. приземистых пропорций на низком кольцевом поддоне с двумя литыми ручками из кургана 15 у ст. Тифлисская имеет чашеобразную нижнюю часть тулова, резко переходящую в широкое низкое горло с отогнутым краем. Канфар украшен каннелюрами и декоративными бордюрами из гравированных полос (размеры: высота — 6,1 см, диаметр тулова — 9,1 см, диаметр дна — 4 см) (рис. 48). Серебряные чаши из

Рис. 41. Сосуд гончарный. I—III вв. н.э. Глина. Ст. Казанская, курган 13

Рис. 42. Кувшины. I—III вв. н.э. Глина. Ст. Усть-Лабинская, ст. Ладожская, Кубанская область (ближе неизвестно)

Рис. 43. Куриальницы. Глина. Ст. Тифлисская, ст. Пашковская

Рис. 44. Сосуды и куриальница. I—II вв. н.э. Глина. Хумари, ст. Тифлисская, ст. Владимирская

Рис. 45. Сосуд фигурный в виде лежащей фигуры барана. I—II в. н.э. Глина. Ст. Тифлисская, курган 9

Рис. 46. Сосуд фигурный в виде птицы. I–III вв. н.э. Глина. Ст. Тифлисская, курган 18

Рис. 47. Сосуд фигурный в виде боченка. I–II вв. н.э. Глина. Ст. Усть-Лабинская, курган 32

коллекции — гладкие округлой формы с ручками в виде птичьих фигурок были распространены в период с середины I в. до н.э. — I в. н.э.⁵² (ст. Тифлисская, курган 18; ст. Казанская и Тифлисская, курган 43) (размеры: диаметр — 11 см, высота — 4,3 см; длина ручки — 5,3 см) (рис. 49 и 50). Еще одна чаша — сильно профилированная на кольцевом поддоне с пластинчатой ручкой, украшенной продольными бороздками (ст. Усть-Лабинская, курган 32) (размеры: высота — 4 см, диаметр — 10 см) (рис. 51).

Рис. 48. Канфар. I в. до н.э. — I в. н.э. Серебро, позолота. Ст. Тифлисская, курган 15

Рис. 49. Чаша. I в. до н.э. — I в. н.э. Серебро. Ст. Тифлисская, курган 18

Стеклянная посуда достаточно разнообразна: скифосы с фигурными ручками на низком кольцевом поддоне, флаконы с шарообразным туловом и перетяжкой на тулове (ст. Усть-Лабинская, курган 32) (размеры: высота — 5,5 см, диаметр тулова — 4,4 см) (рис. 52), бальзамарий, тарелка из мраморовидного стекла и амфора с вертикальными каннелированными ручками южноиталийского производства I в. н.э. В качестве туалетных сосудиков для хранения румян и белил использовались небольшие цилиндрические корбочки с крышкой — пиксиды, изготовленные на токарном станке из кости и дерева. Бронзовый литой котел первых веков н.э. с полусферическим за-

Рис. 50. Ручка сосуда в виде птицы. I в. до н.э. — I в. н.э. Серебро. Между ст. Казанской и Тифлисской, курган 43

Рис. 51. Чаша. I в. до н.э. — I в. н.э. Серебро. Ст. Усть-Лабинская, курган 32

Рис. 52. Флакон. I—II вв. н.э. Стекло. Ст. Усть-Лабинская, курган 32

Рис. 53. Котел с ручками в виде козлов. I—III вв. н.э. Бронза. Ст. Казанская, курган 6

Рис. 54. Кувшин. II в. до н.э. — II в. н.э. Глина. Ст. Владимирская

мкнутым туловом на высоком поддоне с зооморфными ручками в виде стилизованных фигурок козлов, ручками-петельками и веревочным пояском найден в кургане 6 у ст. Казанской (размеры: высота — 34,5 см, диаметр верхний — 17,5 см) (рис. 53). Котел имеет ряд аналогий в сарматских памятниках I — начала II в. н.э.⁵³

Среди прочих предметов из «Золотого кладбища», хранящихся в ГИМ, отметим алебастровые туалетные сосудики с зооморфными ручками, бронзовые зеркала, железные и каменные топоры, металлические детали деревянных шкатулок, различные хозяйственные инструменты, орудия труда и предметы быта: железные ножи, шилья, оселки, пряслица и многие другие.

Еще одна примечательная коллекция сарматского времени поступила в ГИМ в 1958 г. Это вещи из могильника у ст. Владимирской⁵⁴ Лабинского района (ГИМ 95946. Оп. Б 1085. Дар Л.М. Чувалжанова), найденные в земляных склепах II в. до н.э. — II в. н.э. В составе коллекции стеклянный канфар, близкий по форме кубку из кургана у ст. Воздвиженской, бронзовые зеркала-подвески с ручкой-петелькой, бронзовые пряжка и браслет, бусы из стекла и янтаря, фрагмент железного меча, наконечник копья, фрагменты золотых нашивных бляшек и несколько гончарных керамических сосудов с орнаментом⁵⁵ (размеры: высота — 26 см, диаметр горла — 11,3 см) (рис. 54, 44).

В целом, коллекция памятников скифо-сарматского времени из Прикубанья, хранящихся в Государственном историческом музее, является одной из наиболее представительных как по объему собранных материалов, так и по научному значению представленных комплексов. Большая их часть входит в круг важнейших памятников VII в. до н.э. — VI в. н.э., исследованных в этом регионе Северного Причерноморья.

¹ Гущина И.И., Фирсов К.Б. Памятники скифо-сарматского времени в собрании Государственного исторического музея: Каталог коллекций: 1883—2001 гг. (в печати).

² Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Античные и скифо-сарматские коллекции в Историческом музее // На краю Ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в Государственном историческом музее. М., 2002. С. 17—19.

³ Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного исторического музея (г. Москва) // ВДИ. 1993. № 4. С. 242—243.

⁴ Каталог отделения древностей / Московский Публичный и Румянцевский музеи. М., 1905.

⁵ Мелюкова А.И. Краткий очерк истории изучения скифов // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 36. (Археология СССР).

⁶ ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 67—70, рис. 121.

⁷ ОАК за 1900 г. СПб., 1902. С. 38—40.

⁸ Членова Н.А. Оленные камни как исторический источник: (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984. С. 7—14, 26; Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. С. 51—53, 134—135, табл. X, 1, 2.

⁹ Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. С. 82—85, рис. 8.

¹⁰ Конь и всадник: Взгляд сквозь века: Каталог выставки в Государственном историческом музее. М., 2003. С. 24, кат. 31.

¹¹ Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР: (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. № XVIII. С. 62—63, рис. 7, 2.

¹² Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // Труды Отдела истории

первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1941. Вып. 1. С. 114—115. Табл. IX.

¹³ Рабинович Б.З. Шлемы... С. 114, табл. VIII; Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968. С. 74—98, рис. 43, 1; Фирсов К.Б. Мир варваров // На краю Ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в Государственном историческом музее. М., 2002. С. 103, кат. 480; Конь и всадник... С. 37, кат. 65; Рождение Олимпийских игр: Каталог выставки. М., 2004. С. 63, кат. 98; Im Zeichen des Goldenen Greifen: Königscräber der Scythen. München; Berlin; London; New York, 2007. S. 47, Abb. 17.

¹⁴ Рабинович Б.З. Шлемы... С. 99—171; Черненко Е.В. Скифский доспех. С. 74—98.

¹⁵ Рабинович Б.З. Шлемы... С. 135, табл. XII, 2.

¹⁶ Черненко Е.В. Скифский доспех. С. 91. Рис. 49, 1.

¹⁷ ОАК за 1897 г. С. 11, 198.

- ¹⁸ Иессен А.А. К вопросу... С. 82, рис. 20.
- ¹⁹ ОАК за 1898 г. С. 30, рис. 42; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 334; Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д1-4. С. 33; Черненко Е.В. Скифские лучники. К., 1981. С. 31–32.
- ²⁰ ОАК за 1898 г. С. 30, рис. 42, 43.
- ²¹ Фирсов К.Б. Мир варваров... Кат. 487; Конь и всадник... С. 36, кат. 64.
- ²² Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 102, кат. 489.
- ²³ Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 97, кат. 483.
- ²⁴ ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 71–75.
- ²⁵ Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 105, кат. 484; Конь и всадник... С. 36, кат. 61.
- ²⁶ Гущина И.И. Находки скифского времени из Прикубанья // СА. 1970. № 1. С. 241–242.
- ²⁷ Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 104–105, кат. 485, 486, 512, 513; Конь и всадник... С. 36, 43, кат. 62, 63, 88.
- ²⁸ Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 108, кат. 514.
- ²⁹ Смирнов К.Ф. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 151–155, рис. 48, 49; Смирнов К.Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской // МИА. М.; Л., 1958. С. 272.
- ³⁰ Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 103, кат. 467–479, 481, 482.
- ³¹ Смирнов К.Ф. О некоторых итогах... С. 155–159, рис. 50а, б, 51.
- ³² Смирнов К.Ф. Северский курган // Тр. ГИМ: Памятники культуры. М., 1953. Вып. XI. С. 7–42; Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 104, 106, кат. 495–502.
- ³³ Смирнов К.Ф. Северский курган... С. 14–15.
- ³⁴ Смирнов К.Ф. Северский курган... С. 32–37, табл. VIII; Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 185, 188.
- ³⁵ Гущина И.И. К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных захоронений в курганах Прикубанья, исследованных Н.И. Веселовским в 1900 г. // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 92–98, рис. 1, 2.
- ³⁶ Гущина И.И. К вопросу... С. 95, рис. 2, 10.
- ³⁷ Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 71–72. (Тр. ГИМ; Вып. 70).
- ³⁸ ОАК за 1899 г. СПб., 1902. С. 41–42, 44–45, рис. 65–81; Гущина И.И., Попова Т.Б. Воздвиженский курган – памятник III тысячелетия – I в. до н.э. // Ежегодник ГИМ. 1965–1966. М., 1970. С. 71, 74–90, рис. 16–20; Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения... С. 88, 96–101, кат. 27–50; табл. III, 27–29, 32, 40; IV; V; VI, 37–38.
- ³⁹ Гущина И.И., Попова Т.Б. Воздвиженский курган... С. 82–83, рис. 18.
- ⁴⁰ ОАК за 1899 г. С. 47–50, рис. 82–97.
- ⁴¹ Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения... С. 79, 81–82, 87–88, 101–105, кат. 51–70; табл. III, 51–58, 66, 70; VI, 67–69; VII; Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 111, 113, кат. 515, 516, 533, 550, 551; Конь и всадник... С. 44, кат. 91.
- ⁴² Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения... С. 72, 88–89; Гущина И.И., Засецкая И.П. К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье (по материалам раскопок Н.И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, 1992. С. 45; Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье // Российская археологическая библиотека. СПб., 1994. Вып. 1. С. 5.
- ⁴³ Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения... С. 71–134; Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 5–170; Фирсов К.Б. Мир варваров... С. 107–115, кат. 515–516, 521–532, 534–549, 552–560, 562, 564–573; Конь и всадник... С. 7, 44, кат. 89, 90.
- ⁴⁴ ОАК за 1901 г. СПб., 1903. С. 71–79, 81–85, рис. 136–158, 162, 164, 165, 167, 168, 186.
- ⁴⁵ ОАК за 1902 г. СПб., 1904. С. 75–77, рис. 161, 162.
- ⁴⁶ ОАК за 1902 г. С. 65–73, рис. 134–155.
- ⁴⁷ ОАК за 1902 г. С. 77–82, 84–85, рис. 169–178, 186–188, 190–192.
- ⁴⁸ ОАК за 1905 г. СПб., 1908. С. 75; ОАК за 1906 г. СПб., 1909. С. 92–93, рис. 118.
- ⁴⁹ Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры // Скифский мир. Киев, 1960. С. 158, рис. 11; Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 35.
- ⁵⁰ См., например: Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н.э. – V в. н.э. // САИ. М., 1970. Вып. Д1-27. С. 19; Мелюкова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. 1962. № 1. С. 201, рис. 5.
- ⁵¹ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 29–30.
- ⁵² Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 32.
- ⁵³ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище»... С. 31.
- ⁵⁴ Гущина И.И. Находки из Краснодарского края // СА. 1962. № 2. С. 206.
- ⁵⁵ Фирсов. Мир варваров... С. 107. Кат. 508–511.

Часть XVII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
ИСКУССТВ
им. А.С. ПУШКИНА

Глава 1

АНТИЧНЫЕ
ДРЕВНОСТИ
ТАМАНСКОГО
ПОЛУОСТРОВА

С. И. ФИНОГЕНОВА

АНТИЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

С. И. ФИНОГЕНОВА

Значительную часть своего собрания античных подлинников ГМИИ им. А.С. Пушкина пополнил благодаря археологическим раскопкам, проводимым в Северном Причерноморье, в частности на Таманском полуострове. В разные годы Музей вел там исследование трех греческих городов: Фанагории, Тирамбы и Гермонассы, из которых Фанагория была первым объектом археологических интересов, привлечшим внимание музейных специалистов. Еще до начала регулярных раскопок в Фанагории в результате разведочных работ, проводимых Л.П. Харко в 1929 г. на Тамани, в Музей поступил ряд экспонатов, среди которых особый интерес заслуживает фрагмент мраморной головы женского божества римской работы, восходящей к греческому оригиналу V в. до н.э.¹ (инв. № 1753а) (рис. 1). Это один из первых археологических памятников, поступивших в Музей с Таманского полуострова.

С 1936 г., когда началось систематическое исследование городища *Фанагории* и окружающих его некрополей, ежегодно в Музей стали поступать античные памятники, одни из которых были ординарными и не заслуживающими особого внимания, другие — высокохудожественными произведениями искусства. Но и те, и другие были одинаково ценны, так как помогали воссоздать истинную картину жизни города, его историю и культуру от истоков возникновения до трансформации в период раннего Средневековья. Археологические раскопки Фанагории дали многочисленные памятники искусства, культуры и быта. Наиболее многочисленную часть этой коллекции составляют работы античных вазописцев, к сожалению, в подавляющем большинстве представленные в обломках, как и всякий археологический материал.

Среди фрагментов аттических чернофигурных и краснофигурных ваз особый интерес представляют обломки халкидского чернофигурного кратера (возможно, амфоры) второй половины VI в. до н.э. из раскопок некрополя 1939 г.² (рис. 2; инв. № Ф-230). Характер глины, четкость формы сосуда и особенности росписи (контур рисунка, обилие белой краски и пурпура) — художественные приемы, свойственные халкидской керамике. На фрагментах вазы изображены голова воина-гоплита в шлеме с перьями и часть большого щита, прикрывающего его фигуру. В росписи помимо черного лака использованы пурпур, белая краска и врезанная линия, подчеркивающая отдельные детали рисунка. Это единственный экземпляр халкидской вазы в ГМИИ.

В музейной коллекции чернофигурной керамики из Фанагории практически нет. Подавляющее большинство расписной керамики представлено фрагментами краснофигурных сосудов аттического производства. Особенно активным становится импорт аттической керамики на Боспор и в частности в Фанагорию с конца V—IV в. до н.э. — время расцвета города. Одним из образцов такой привозной керамики является фрагмент кратера с изображением дионисийской сцены, найденный в 1939 г.³ (рис. 3; инв. № Ф-275). В центре изображен силен, подносящий блюдо с виноградом сидящей перед ним Ариадне. За спиной силен видна стоящая менада. Роспись изобилует деталями, передающими многочисленные складки одежды, рисунок ткани, богатство головного убора и дополнена белой краской.

Сосудов, относящихся к так называемому «роскошному» стилю, который можно считать верхом изящества и мастерства античной вазописи, в Фанагорию ввозилось достаточно много. Они выделяются из общей массы обилием декоративных деталей, подчеркнутым вниманием к элементам одежды и прически. Так, на фрагменте крышки леканы конца V — начала IV в. до н.э. (инв. № Ф-993) представлена сцена, имевшая место в гиникейоне (рис. 4).

Рис. 1. Голова женского божества. Фрагмент. V в. до н.э. Мрамор

Сохранилась часть торса молодой женщины, стоящей перед фематерием и держащей в руке кусок ткани. Слева от него видна часть головы другой женщины с пышной прической. Художник тщательно выписал струящиеся складки легкой ткани, изящно завязанный поясок хитона, детально прорисованы локоны прически и головного убора. Н.М. Лосева, анализируя этот фрагмент, отнесла его роспись к кругу вазописца Мидия⁴.

Фрагмент другого глубокого килика имеет роспись на внешней и внутренней сторонах (инв. № Ф-98)⁵. На внешней стороне между двумя пальметтами помещена фигура мужчины, идущего рядом с женщиной. К сожалению, скол не позволяет дать более полное описание. По центру дна аккуратно процарапано слово ГРОГППО — вероятно, имя владельца. Более выразительно смотрится рисунок на внутренней стороне килика, где в медальоне изображены двое обнявшихся

шагающих юношей, один из которых держит, по-видимому, тирс (рис. 5). Тонкой, уверенной линией прочерчена мускулатура тел, пальцы рук, складки развевающихся за их спинами плащей. Глина и манера росписи позволяют отнести килик к аттическим изделиям второй половины V в. до н.э.

Первой половиной IV в. до н.э. датируют фрагменты двух крышек лекан. На одной из них (инв. № Ф-996) представлена голова амазонки в головном уборе, орнаментированном тройными точками (рис. 6)⁶. Необычна форма крышки: в центре внешней стороны она имеет широкий кольцевой выступ с небольшим конусом, внутри — круглое углубление, как у рыбного блюда. Вторая крышка леканы (инв. № Ф-884) расписана более бегло⁷. Сюжет, возможно, относится к серии дионисийских: бегущая вправо женщина с куском ткани в левой руке обернулась к персонажу, преследующему ее. В правой части фрагмента помещена фигура крылатого Эрота с тирсом в руке. Небрежность росписи, отсутствие четких контуров, многочисленные пятна лака, заменяющие детали орнамента, — все это датирует фрагмент второй половиной IV в. до н.э.

Рис. 2. Кратер халкидский чернофигурный. Фрагмент. Вторая половина VI в. до н.э.

В некрополе Фанагории неоднократно находили краснофигурные арибаллические лекифы аттического производства. Так, в одной из могил Западного некрополя в 1938 г. был найден миниатюрный сосуд с изображением лежащей лани (рис. 7; инв. № Ф-123)⁸, а на случайно найденном в 1949 г. другом экземпляре была изображена голова Гермеса в шляпе с перьями (инв. № Ф-452)⁹. Это одни из немногих лекифов, сохранившихся целиком; большинство из них, к сожалению, во фрагментах.

Как в городских слоях, так и в некрополях Фанагории неоднократно находили рыбные блюда. Целые экземпляры из раскопок знаменитых курганов, расположенных близ Фанагории, хранятся в Государственном Эрмитаже, но в собра-

Рис. 3. Кратер краснофигурный с дionисийской сценой. Фрагмент. Конец V — начало IV в. до н.э.

Рис. 4. Лекана краснофигурная со сценой в гиникее. Часть крышки. Конец V — начало IV в. до н.э.

Рис. 5. Дно краснофигурного килика. Вторая половина V в. до н.э.

Рис. 6. Лекана краснофигурная с головой амазонки. Фрагмент крышки. Вторая половина IV в. до н.э.

Рис. 7. Лекиф аттический с лежащей ланью. IV в. до н.э.

нии ГМИИ есть несколько фрагментов рыбных блюд, которые по качеству росписи также заслуживают внимания. Основные сюжеты на них представлены изображениями рыб или различных морских животных, гораздо реже представлены фигурами людей. На одном фрагменте рыбного блюда, найденном в 1955 г. в слое IV в. до н.э., изображена фигура молодой женщины в легком хитоне, стоящая на колеснице и правящая лошадьми (инв. № Ф-883¹⁰; рис. 8). Рисунок, выполненный тонкой линией в свободной манере, принадлежит руке талантливого мастера и по тонкости и четкости линий, тщательной прорисовке складок одежды близок традициям аттических ваз «роскошного» стиля конца V — начала IV в. до н.э.

К числу уникальных для Фанагории находок относится небольшой фигурный сосуд-амфориск в виде миндального ореха (рис. 9; инв. № Ф-994)¹¹. Черным лаком покрыты лишь небольшое узкое горлышко и две маленькие ручки. На тулове — множество мелких углублений, передающих неровность скорлупы ореха. Опираясь на известные аналогии, Н.М. Лосева датирует его IV в. до н.э.¹²

Рис. 8. Часть краснофигурного рыбного блюда с изображением богини на колеснице. IV в. до н.э.

Рис. 9. Амфориск в виде миндального ореха. IV в. до н.э.

В IV в. до н.э. одним из самых распространенных типов сосудов на Боспоре являются пелики. Среди них выделяется группа со сложными мифологическими сюжетами на лицевой стороне: изображения фантастических грифов, амазонок, аримаспов, голов коней и ланей. Чаще всего эти персонажи представлены в сценах сражений. На обратной стороне обычно помещаются две мужских фигуры, закутанные в плащи. Изготовленные в Аттике, они расписывались с расчетом на вкусы боспорских жителей, среди которых были очень популярны вышеперечисленные сюжеты. В историю античной вазописи они вошли под названием «боспорских пелик»¹³. В собрании ГМИИ имеются два целиком сохранившихся экземпляра второй половины IV в. до н.э. (инв. № Ф-856, 857; рис. 10, 11). На лицевых сторонах крупным планом нарисованы головы амазонок на фоне конских протом, на обратных — традиционный сюжет: двое юношей, задрاپированных в плащи, стоят друг перед другом. Стиль изображения на обеих вазах довольно небрежный. В отличие от них точностью рисунка и тщательностью прорисовки деталей отличается

Рис. 10. Пелика боспорская. Вторая половина IV в. до н.э.

Рис. 11. Пелика боспорская. Вторая половина IV в. до н.э.

Рис. 12. Пелика краснофигурная с изображением головы грифона. Фрагмент. Середина IV в. до н.э.

Рис. 13. Кувшинчик и килик с росписью жидкой светлой глиной по лаку, III в. до н.э.

ся изображение на небольшом фрагменте пелики, найденном в 1955 г.¹⁴ Сохранилась только обращенная вправо голова орлиноголового грифона с раскрытым клювом (инв. № Ф-882; рис. 12). Вверху проходит декоративная полоска из ов, отделяющая горло от тулова. Художнику удалось передать агрессивный характер грифона.

В начале V в. до н.э. одновременно с привозными изделиями стала изготавливаться расписная керамика местного фанагорийского производства, сделанная по их образцам, и ею снабжались все города Азиатского Боспора.

С III в. до н.э. аттический импорт в Фанагории встречается реже, почти прекратились поступления аттических краснофигурных vaz. Меняется характер расписной аттической керамики: по манере декора, выполненного светлой жидкой глиной по черному лаку, они относятся к керамике так называемого «западного склона Афинской агоры». В собрании Музея имеются килик, небольшой кувшинчик и крышка леканы с росписью, выполненной жидкой глиной по лаку (инв. № Ф-925, Ф-1322, Ф-1487; (рис. 13)).

Рис. 14. Стенки сосудов фанагорийского производства с клеймами. IV в. до н.э.

Бесспорным фактом фанагорийского производства посуды является не только характер глины, из которого она изготовлена, но и ее клеймение. На одном мерном сосуде было оттиснуто клеймо с изображением канфара и двух букв ФА, на другом — профильное изображение головы сатира, воспроизводящая, по определению А.Н. Зографа, боспорский монетный тип¹⁵, и также две буквы ФА (рис. 14; инв. № Ф-207). В 1964 г. в северо-западной части фанагорийского городища на территории «Керамика» было открыто несколько обжигательных печей IV в. н.э.¹⁶, но, судя по многочисленным фрагментам керамического шлака, развалам печей, отдельным бракованным экземплярам и сосудам, изготовленным из местной глины, керамическое производство в городе было известно и в более раннее время.

Раскопки городских слоев дали возможность проследить характер городской архитектуры. В 1939, 1940 и 1948 гг. в Фанагории были открыты мощные фундаменты большого общественного здания, скорее всего храма IV в. до н.э., на западной окраине в 1936—1938 гг. были обнаружены остатки другого общественного сооружения, возможно, гимнасия¹⁷.

В Фанагории неоднократно находили остатки богатых общественных сооружений и, конечно, среди находок обнаруживали архитектурные детали: фрагменты ионийской капители, мраморные карнизы, барабаны и базы колонн¹⁸. Эти находки свидетельствуют о наличии в городе ордерных построек. Большинство из них, судя по материалу, были местного производства. При открытии остатков героона, расположенного за чертой города, наряду с различными архитектурными деталями была обнаружена мраморная ножка жертвенного стола (инв. № Ф-96; (рис. 15)¹⁹. Ее поверхность была украшена тонкой резьбой, изображающей круто закрученные волюты, розетты и растительные побеги. Сохранились остатки росписи желтой и красной красками. В 1939 г. в Фанагории был открыт дом II в. до н.э., стены которого были покрыты цветной расписной штукатуркой. В Музей были привезены наиболее крупные фрагменты, среди которых есть куски, воспроизводящие большие квадраты, окрашенные в красный и желтый цвета, отдельные фрагменты, имитирующие пестрый мрамор, обломки разделительных полос, расписанные растительным орнаментом или лесбийским кимматием²⁰.

Привозные изделия, выполненные из камня, на Боспоре встречаются редко. Тем ценнее находка трех мраморных рельефов с изображением хоровода нимф²¹ (рис. 16). Два из них были найдены в относительной близости от Фанагории (инв. № Ф-1305, Ф-1571). Третий обнаружен в районе ст. Тамань (инв. № Ф-1306). Несмотря на столь значительный разброс мест находок, есть основание утверждать, что все три принадлежат одному памятнику, на что указывают идентичность размеров, единство сюжета и своеобразная архаизирующая манера исполнения.

Сообщения древних авторов о существовании на территории Таманского полуострова святилищ Афродиты²², находки нескольких посвященных плит (КБН 1041, 1043, 1045), изображения богини в памятниках коропластики — все это свидетельства той особой роли, которую играл здесь ее культ. Образ этой богини сохранился в многочисленных статуэтках, на фанагорийских монетах, в вотивных предметах в виде летящих голубей. Тем не менее скульптурные изображения богини на Тамани единичны. Одно из них представляет обнаженный торс богини, высеченный из мрамора (рис. 17; инв. № Ф-1604)²³. Судя по кромке у правого края фигуры, этот памятник является частью скульптурной композиции римского времени, по-видимому, одним из многочисленных подражаний Афродите Книдской Праксителя. Другой женский торс,

Рис. 15. Ножка жертвенного стола. III в. до н.э. Мрамор

Рис. 16. Рельефы с изображением хоровода нимф. Мрамор

Рис. 17. Торс Афродиты. II—I вв. до н.э. Мрамор

принадлежащий небольшой мраморной фигурке эллинистического времени, вероятно, также изображает Афродиту (инв. № Ф-1313; рис. 18)²⁴. По качеству исполнения он уступает вышеописанному, однако попытки скульптора передать прозрачность тонкой ткани, рельефность складок гиматия относят ее к числу неординарных работ, возможно, местного скульптора. О существовании в Фанагории монументальных статуй свидетельствует фрагмент мраморной женской ступни, обутой в сандалию в натуральную величину (инв. № Ф-304; рис. 19)²⁵. Внимание, которое уделил скульптор отделке деталей — ажурное переплетение ремешков, создающих ромбовидный узор, тщательная шлифовка поверхности, раскраска (сохранились следы красной краски), — все это позволяет думать, что деталь принадлежала скульптуре, изображающей богиню, скорее всего Афродиту, которая всегда представлялась в нарядной, красивой одежде.

Одним из первоклассных образцов аттической работы IV в. до н.э. является мраморный акротерий, бывший завершением надгробного памятника²⁶ (рис. 20). Он был найден в 1950 г. в насыпи кургана близ поселка Сенной

Рис. 18. Афродита. Фрагмент Статуэтки. Мрамор

Рис. 19. Женская ступня. Фрагмент статуи. Мрамор

(инв. № II а 935). Композиция из растительных мотивов, воспроизводящая узкие слегка загнутые внутрь листья пальметты, на фоне которых помещены причудливо изогнутые побеги аканфа, позволяют сравнить его с изящным цветком. Выполненный с большим мастерством и тонкостью, он является одним из шедевров зала античных подлинников в Музее. Тот же сюжет, но в местном исполнении представлен на другом акротерии IV в. до н.э., вырезанном из керченского известняка (инв. № Ф-862²⁷; рис. 21). Резчик пытался воспроизвести общепринятую схему акротерия, но плоскостность рельефа, сухость и графичность линий лишь отдаленно передают облик греческого образца.

В погребальных памятниках наиболее ярко отражено своеобразие местного стиля. Они представлены двумя различными типами: статуями и рельефными стелами. На иконографию первых в значительной степени воздейство-

Рис. 20. Акротерий. Третья четверть IV в. до н.э. Мрамор

Рис. 21. Акротерий местной работы. IV в. до н.э. Известняк

Рис. 22. Голова бородатого мужчины. Первая половина IV в. до н.э. Известняк

вали традиции погребальных памятников местных племен. Одним из самых ранних скульптурных произведений является голова бородатого мужчины первой половины IV в. до н.э. (инв. № Ф-940²⁸; (рис. 22). Судя по остроконечному головному убору (башлыку), это была статуя, изображающая воина. Местные традиции ярко выражены и в четырех женских статуях-полуфигурах, передающих художественные вкусы жителей Азиатского Боспора. Почти все они построены по одной схеме: одна рука согнута в локте и прижата к груди, другая опущена вниз, с головы спускается покрывало, если это женская скульптура, или край плаща, если мужская. Сильные повреждения часто не дают возможности определить этнические особенности изображенных²⁹ (инв. № Ф-862; рис. 23).

Второй тип надгробного памятника, появившегося в эллинизме и существовавшего до первых веков нашей эры, представлен прямоугольной плитой, увенчанной рельефным фронтоном с акротериями на углах и розеткой в центре. Боковые стороны, как правило, оформлены пилястрами с дорическими капителями. В углубленное поле помещено изображение. Это или поколенная мужская или женская фигура, или фигуры в полный рост, или всадник, скачущий на коне, или сцена заупокойной трапезы, или многофигурные композиции, в которых центральное место отведено женщине, сидящей на троне в позе скорби в окружении слуг (инв. № Ф-609³⁰; рис. 24).

Среди множества надгробных плит, хранящихся в Музее, особое место занимает двухстороннее надгробие, поставленное, как сообщает надпись, вырезанная в нижней части, некоему Агафу³¹ (инв. № Ф-373; рис. 25). На лицевой стороне в углубленных полях помещены два рельефа: на одном изображен возлежащий на ложе мужчина, перед которым стоит столик с едой, умершего окружают слуги — сцена заупокойной трапезы, на нижнем рельефе — два всадника в парадных одеждах с развевающимися за спиной плащами, стоящие друг перед другом. На другой стороне — два всадника в геральдической позе. Многие из названных фанагорийских погребальных стел характерны только для Азиатского Боспора, что говорит о выработанном на Тамани местном скульптурном стиле.

Рис. 23. Надгробие мужчины в плаще. III—II вв. до н.э. Известняк

Рис. 24. Надгробие женщины. III в. н.э. Известняк

Рис. 25. Стела Агафа I—II вв. н.э.
Известняк

Рис. 26. Бусина с изображением
Медузы Горгоны. I в. до н.э. — I в. н.э.

В собрании ГМИИ наряду с монументальными памятниками имеется много предметов миниатюрного характера: бусы, пронизи, перстни, геммы, амулеты, подвески и, конечно, монеты. Почти все они происходят из раскопок некрополей, в том числе и некрополя Фанагории. Практически нет ни одного женского погребения, где бы не было бус. Отлитые из стекла, стеклянной пасты, вырезанные из сердолика, гагата, реже из горного хрусталя, они часто соседствуют в одном наборе. Особое удивление вызывают миниатюрные пронизи, выполненные в наборной технике, на поперечном срезе которых можно рассмотреть какое-либо изображение, например, лицо Медузы Горгоны, бывшее, вероятно, амулетом (инв. № Ф-1062; рис. 26). Тем же целям служили и миниатюрные амулеты в виде подвесок и пронизей, выполненные из голубого фаянса. Это фигурки Гарпократа, черепах, лежащих львов, крокодилов, скарабеев, фаллические изображения и т.д. Было высказано мнение, что они египетского происхождения и проникли в Северное Причерноморье в конце эллинизма, в I в. н.э.³²

Раскопки некрополя Фанагории, проводимые с 1937 по 1965 г., пополнили коллекцию Музея не-

сколькими десятками бронзовых перстней, некоторые из них имеют изображения на щитке. Наиболее интересны перстни с портретами Птолемеев и их жен (инв. № Ф-1091, 1191; рис. 27), которые, как и фаянсовые амулеты, в III в. до н.э. были привезены из Египта³³. Раскопки Фанагории обогатили собрание Музея немногочисленной, но интересной коллекцией резных камней. К сожалению, большинство из них относится ко времени, когда в античном обществе мода на инталии стала почти повсеместной, а стремление к скорейшему удовлетворению возросшего спроса сказалось на качестве резьбы: она становится беглой и небрежной, а изображения — схематичными и угловатыми. Но о некоторых печатях, происходящих из Фанагории, следует упомянуть особо. Это перстень-скарабеоид из голубовато-серого халцедона (сапфирина) конца IV в. до н.э. греко-персидского круга с изображением женской фигуры в восточных одеждах, в подвижной золотой оправе (инв. № Ф-1138³⁴; рис. 28). Необычайной выразительностью и четкостью резьбы отличается камень с изображением стоящего петуха, держащего в клюве муху (инв. № -1610³⁵). Прямыми короткими штрихами резчику удалось создать выразительный образ гордой и воинственной птицы. Но на многих геммах из-за беглой и небрежной резьбы изображения кажутся не только малохудожественными, но и уродливыми (инв. № Ф-1606, 1611; рис. 29, 30)³⁶.

С достаточной долей уверенности можно говорить, что камнерезная мастерская была и на Боспоре, в частности в Пантикапее. Для большинства инталий, происходящих из боспорской мастерской, характерна эскизная и схематичная резьба. Примером может служить гранатовая гемма на овальном кобошоне I в. до н.э. — I в. н.э. с изображением Гигиен, найденная в некрополе Фанагории (инв. № Ф-535; рис. 31).

Весь приведенный выше материал, конечно, лишь небольшая часть тех памятников, которые поступили в Музей из раскопок в Фанагории.

Тирамба расположена в 20 км восточнее Фанагории, на Южном берегу Азовского моря. Систематическое изучение памятника началось в 1959 г. силами археологической экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина под руководством А.К. Коровиной³⁷. Городище к моменту начала его исследования практически было смыто Азовским морем, поэтому раскопки велись в основном на некрополе, который на 1,5–2 км тянется вдоль побережья. Погребальный

Рис. 27. Перстень с изображением одного из правителей династии Птолемеев. III в. до н.э. Бронза

Рис. 28. Перстень с резным халцедоном в подвижной оправе. Конец IV в. до н.э. Золото, халцедон

Рис. 29. Инталя с изображением Деметры I–II вв. н.э. Сердолик

Рис. 30. Инталя с изображением Афродиты с зеркалом. III в. н.э. Сердолик

Рис. 31. Инталя с изображением Гигиен. I в. до н.э. — I в. н.э. Гранат, сердолик

инвентарь в общих чертах повторяет материал фанагорийского некрополя. Самые ранние могилы датируются V в. до н.э., и их раскопки пополнили музейную коллекцию древнего оружия. В могилах были найдены мечи двух типов: акинаки с коротким лезвием, сердцевидным перекрестием и брусковидным навершием и мечи с длинными лезвиями (до 0,57 см), имеющие волютообразные навершия³⁸. Помимо мечей в могилах были обнаружены втульчатые наконечники копий и наконечники стрел. Это оружие, характерное для синдо-меотского мира, несомненно местного производства.

Среди предметов, найденных в некрополе Тирамбы, имеется прекрасно сохранившийся кольцевой аск V в. до н.э., единственный в музейной коллекции (инв. № Ф-1492; рис. 32). К числу редких предметов относится небольшой амфориск из так называемого финикийского стекла (инв. № Ф-1263; рис. 33), который так же, как и фанагорийский алабастр (инв. № Ф-1060), того же производства. Они являются единственными изделиями этой сложной техники Таманско-

го полуострова. К редким находкам относится небольшое донце сероглиняной чернолаковой чаши с рельефным изображением, которое было изготовлено отдельно и прикреплено к донцу глубокой чаши (инв. № Ф-1077³⁹; рис. 34). В круглом медальоне представлены Исида и Серапис, разделенные жезлом. Подобные сосуды, получившие условное название каленских, или были привезены в Тирамбу, возможно, из эллинистического Египта, или были изготовлены в Северном Причерноморье специально для приверженцев египетских культов, которых было немало на Боспоре.

Уникальны для Тамани и некоторые стеклянные изделия. В одном из склепов первых веков нашей эры, раскопанном в 1969 г., были найдены стеклянная кружка — модий (инв. № Ф-1105) и стеклянный стакан (инв. № Ф-1106; рис. 35). Среди инвентаря некрополя иногда встречаются изделия из серебра

Рис. 32. Аск ионийский втульчатый. V в. до н.э. Глина. Из некрополя Тирамбы

Рис. 33. Амфориск. V в. до н.э. «Финикийское» стекло

и золота. В Тирамбе их было немного: это листочки от золотого погребального венка, мелкие золотые бусинки, три золотые сережки из перекрученной плоской ленточки, золотые перстни рубежа нашей эры. На одном перстне имеется гранатовая вставка — два Амура, из которых один привязан к колонне, а второй, с факелом в руке, стоит напротив (инв. № Ф-1161)⁴⁰; рис. 36). Камень вставлен в оправу из золотой фольги с серным заполнением внутри. Все это создает впечатление массивности и богатства, но совершенно неприемлемо для ежедневного употребления. Подобные перстни, вероятно, имели чисто погребальное назначение. С технической точки зрения интерес представляет сердоликовая вставка в перстень, на которой представлен коленопреклоненный юноша с пальмовой ветвью в левой руке (инв. № Ф-1605; рис. 37)⁴¹. Особенность этой геммы в том, что она сделана в стиле a globolo, когда изображение

Рис. 34. Дно чернолаковой чаши с рельефным изображением Исиды и Сераписа, II в. до н.э.

Рис. 35. Кружка-модий и стакан. I в. н.э. Стекло. Из некрополя Тирамбы

Рис. 36. Перстень с гранатовый инталей. I в. до н.э. — I в. н.э. Золото

Рис. 37. Гемма с изображением коленопреклоненного юноши с пальмовой ветвью в левой руке

выполняется круглым резцом, оставляющим на камне небольшие полусферические углубления. Эта техника, появившись в Этрурии, позже была воспринята римскими резчиками в первых веках н.э., причем только на территории Древней Италии. Углублениями отмечены отдельные части тела (пятки, коленные локтевые суставы), но в ряде мест на теле они как бы случайны, что указывает на непонимание резчиком этого стиля и наводит на мысль о неумелом подражании.

В женских захоронениях почти повсеместно встречены бусы из стекла, стеклянной пасты, сердолика, гагата. Особым изяществом и тонкостью работы отличается одно ожерелье в виде амфоровидных подвесок, вырезанных из гагата (Т-67, п/о № 54; рис. 38).

Рис. 38. Ожерелье. I в. до н.э. — I в. н.э. Гагат

Рис. 39. Акротерий. III в. до н.э. Известняк. Из Тиранбы

Рис. 40. Килик чернолаковый с изображением Диониса и Ариадны из Гермонассы. Начало V в. до н.э.

Рис. 41. Килик чернофигурный с шагающими козлами. Фрагмент. 500 г. до н.э.

Рис. 42. Часть глубокого чернофигурного килика. Первая четверть V в. до н.э.

Рис. 43. Горло амфоры чернофигурной с двойной полосой пальметт. Конец VI в. до н.э.

Из Тирамбы, как и из Фанагории, происходит акротерий прекрасной сохранности, вырезанный из плиты известняка (инв. № Ф-1304⁴²; рис. 39). Основные элементы его декора придерживаются устойчивой схемы: на фоне пальмовых листьев помещено изображение листьев аканфа и туго скрученных волют, как бы вырастающих из основания памятника. Акротерий отличают строгость пропорций, четкость линий и симметрия, что позволяет видеть в нем работу греческого скульптора.

Гермонасса — второй по значимости город на Азиатском Боспоре. Регулярные раскопки ГМИИ им. А.С. Пушкина начал в 1971 г.⁴³ Археологический материал, который происходит из Гермонассы, огромен. Упомянем самые интересные памятники, дающие наиболее полное представление о городе, его культуре и об определяющей роли, которую играла Гермонасса в истории Азиатского Боспора.

Самый ранний и массовый материал представлен в коллекции Музея фрагментами привозных изделий: амфорами и расписной керамикой первой половины — середины VI в. до н.э. Амфоры различных центров всегда доми-

Рис. 44. Амфоры панафинейские. Фрагменты. Начало IV в. до н.э.

Рис. 45. Кратер краснофигурный. Фрагмент. 450—440 гг. до н.э. Из Гермонассы

Рис. 46. Дно килика краснофигурного с изображением возлежащей мужской фигуры. Конец VI в. до н.э.

нируют среди находок, причем наиболее многочисленны хиосские, фасосские и круга Фасоса⁴⁴. С IV в. до н.э. наряду с видоизменившимися хиосскими (колпачковыми) многочисленны гераклейские, синопские, книдские, косские амфоры. Из Гермонассы в Музее хранится большое количество амфорных клейм, представляющих почти все перечисленные центры⁴⁵.

Ранняя расписная керамика представлена в Музее родосско-ионийскими чашами: киликами, орнаментированными по плечам точечными розетками или группой палочек-лучей, чередующихся с кружками, тарелками и блюдами, украшенными в центре розетками, а по краю — поясом меандра.

Многочисленную группу в Музее составляют фрагменты сосудов из Клазомен (Малая Азия), представленные преимущественно амфорами и ойнохоями. К сожалению, это в основном небольшие фрагменты с характерным чешуйчатым орнаментом, относящиеся к третьей четверти VI в. до н.э. Сосудов с сюжетными изображениями, за исключением известной гидрии с петухами (см. т. 1, с. 514, рис. 6), в Музее мало. В целом архаической керамики из Гермонассы в Музее немного, и объясняется это тем, что в период поступления раскопчного материала экспедиция исследовала участки, где не было

Рис. 47. Горло ритона краснофигурного. 470–460 гг. до н.э.

Рис. 48. Край килика краснофигурного глубокого. Конец V в. до н.э.

Рис. 49. Стенка скифоса краснофигурного. Конец V в. до н.э.

раннего слоя. Самые ранние образцы архаической керамики происходят из раскопок, исследованных позже, и в настоящее время они являются частью коллекции Таманского музея.

В конце VI – начале V в. до н.э. в Гермонассе начинает поступать аттическая керамика: чернофигурные и краснофигурные амфоры, кратеры, килики. В Музее один из самых ранних экземпляров представлен фрагментарным киликом начала V в. до н.э. (ТмГс-02, п/о 154⁴⁶; рис. 40). На сохранившейся стороне между двух пальметт изображены две возлежащие фигуры: в одной, по-видимому, можно видеть Диониса, в другой – Ариадну. Рисунок выполнен достаточно небрежно, в росписи использованы гравировка, подчеркивающая складки одежды, и раскраска пурпуром. Выразителен рисунок на фрагменте другого чернофигурного килика 500 г. до н.э. с шагающими козлами (инв. № Ф-1591⁴⁷; рис. 41). Детали рисунка переданы резьбой, белой краской и пурпуром. Роспись некоторых чернофигурных сосудов можно связать с именами известных вазописцев или их круга, например, несколько фрагментов глубоких чернофигурных киликов и лекифов первой четверти V в. до н.э., расписанных в манере, типичной для мастерской мастера Хаймона⁴⁸;

Рис. 50. Блюдо чернолаковое. IV в. до н.э.

Рис. 51. Сосуд нонийский двуручный. V в. до н.э.

Рис. 52. Чаша нонийская светлоглиняная с отпечатком перстня на дне. V в. до н.э.

рис. 42). Горло амфоры конца VI в. до н.э. с двойной полосой пальметт по стилю росписи можно связать с группой ваз, расписанных художником Леагром (инв. № Ф-1379⁴⁹; рис. 43). Особо следует отметить, что в Гермонассе найдены три фрагмента чернофигурных сосудов, которые могли принадлежать панафинейским амфорам начала IV в. до н.э. На одном из них (инв. № Ф-1525) изображена голова атлета в профиль с повязкой победителя, на двух других — часть статуи Афины на высоком постаменте (ТмГн-83, п/о № 18, 19⁵⁰; рис. 44).

Наряду с прекрасными экземплярами сосудов, расписанными в чернофигурной технике, в Гермонассе было найдено большое количество фрагментов краснофигурной керамики, многие из которых относятся к школам известных вазописцев, чьи работы находятся в различных музеях мира. Так, из раскопок 1968 г. происходят фрагменты аттического краснофигурного кратера 450—440 гг. до н.э. (инв. Ф-1372)⁵¹ с изображением сцены продажи ткани или шерсти. Роспись, видимо, относится к кругу мастера так называемой «Луврской кентавромахии»⁵²; рис. 45), роспись на дне килика конца VI в. до н.э. с возлежащей мужской фигурой (инв. № Ф-1410; рис. 46) принадлежит руке мастера Пифоса⁵³. Роспись горла ритона 470—460 гг. до н.э. с изображением двух девушек и бегущего юноши⁵⁴ сделана талантливым греческим мастером, имя которого вызывает разногласия у исследователей⁵⁵ (инв. № Ф-1374; рис. 47). Среди фрагментов краснофигурных сосудов в Музее есть экземпляры так называемого «роскошного» стиля, например, стенка глубокого килика конца V в. до н.э. (инв. № Ф-1568), отличительной чертой которого является особое внимание к деталям одежды и прически. На стенке килика изображены две женщины, одна из них подает другой фиалу (рис. 48). Среди привозных изделий в Музее есть фрагменты ваз с изображениями, на которых художники пытались подражать талантливым вазописцам «роскошного» стиля. Так, на одной стенке скифоса (инв. № Ф-897; рис. 49) представлена женская фигура в хитоне, его многочисленные складки, небрежно переданные хаотичными обрывочными линиями, далеки от тех изящных тонких прорисовок, которые присутствуют в высокохудожественной росписи. Повязка на голове также нарисована небрежно, но с претензиями на нарядность, для чего дополнительно использована белая краска.

Рис. 53. Дно чернолаковой каленской чаши с рельефным изображением Пана. III–II вв. до н.э.

Рис. 54. Светильник эллинистический кувшинчикового типа. I в. до н.э. — I в. н.э.

Рис. 55. Конусовидный предмет. V в. до н.э.

В Музее широко представлена аттическая чернолаковая керамика V–IV вв. до н.э., среди которой преобладают фрагменты киликов, скифосов, тарелок, солонок, рыбных блюд. Особый интерес вызывает большое чернолаковое блюдо, разделенное внутри невысокими бортиками на пять секторов, своего рода менажница, аналогии которой пока еще не найдено (инв. № Ф-1401; рис. 50). В коллекции Музея имеется несколько архаических сосудов, привезенных в Гермонассу из восточноионийских центров. Например, ионийский двуручный сосуд V в. до н.э. (инв. № Ф-1603; рис. 51)⁵⁶ с полосами лака по тулову и горлу и множество мисок, расписанных внутри полосами белой и красной краски. На дне небольшой светлоглиняной чашки ионийского происхождения имеется отпечаток металлического перстня с бегущей пантерой (инв. № Ф-1564; рис. 52).

В 1980 г. были найдены два дна сероглиняных чернолаковых чаш с рельефными медальонами от так называемых «каленских» чаш, подобные той, что была обнаружена в Тирамбе (инв. № Ф-1523, Ф-1524⁵⁷; рис. 53). На одном из них представлен Пан с тирсом и гроздью винограда, на другом — уже известный по находке в Тирамбе рельеф с Исидой и Сераписом; гермонасский экземпляр отличается большей смазанностью рельефа, что, возможно, произошло из-за забитости штампа. В 2006 г. было найдено еще одно донышко с изображением Пана (хранится в Таманском музее). Наличие идентичных изделий, возможно, является одним из доказательств изготовления этого типа керамики в каком-то из центров Северного Причерноморья, о чем уже высказывалось предположение⁵⁸.

К бытовым предметам можно отнести светильники, которые в большом количестве имеются в коллекции Музея. Их в Гермонассе было найдено не менее 50 экземпляров. Самые ранние относятся к началу V в. до н.э., многие из них аттического производства, среди них есть группа «коринфского» типа в виде открытой уплощенной чаши со слегка загнутыми внутрь краями и небольшим конусовидным выступом или втулкой в центре⁵⁹. Аттические чернолаковые светильники с вытянутым носиком с горизонтальной ручкой и закрытым вместилищем появились в Гермонассе в конце V–IV в. до н.э. (инв. № Ф-1371). В эллинистическое время употреблялись светильники так называемого «кувшинчикового» типа с орнаментом по плечикам или гладкие,

Рис. 56. Статуя правителя Горгиппии Неокла. 187 г. н.э. Мрамор

Рис. 57. Рельеф со сценой сражения (Амазономахия), IV в. до н.э. Известняк

типичные для Боспора (рис. 54). Для конца эллинистического времени и первых веков нашей эры характерны краснолаковые небольшие светильники со щитками, украшенными рельефными изображениями (инв. № Ф-1394, 1408).

Среди находок из Гермонассы, представленных в Музее, имеются четыре глиняных предмета конца VI — начала V в. до н.э. в виде слегка изогнутых конусов, расширяющихся книзу, на выгнутой стороне расположена петлевидная ручка. Верхняя часть этих предметов оформлена широким горизонтальным краем. Большинство из них внутри полые и сквозные, но некоторые имеют перемычку (ТмГс-84, п/о 157; рис. 55). Несмотря на то что они неоднократно привлекали внимание исследователей, об их назначении до их пор нет единого мнения. В научную литературу они и вошли под названием конусовидные предметы или просто конусы. Интересно, что по широкому краю одного из них еще до обжига по сырой глине было процарапаны четыре буквы, которые исследователи связывают с критским диалектом⁶⁰.

В Музее имеется богатая коллекция монет. Их очень много было найдено в слоях, начиная с IV в. до н.э. Среди них несколько фанагорийских денежных знаков и единичные монеты Амиса и Тиры.

Поступления археологического материала из раскопок Гермонассы прекратились в 1991 г., когда по приказу Министерства культуры РФ весь найденный на памятнике материал должен был передаваться в фонд Таманского археологического музея. Поступления из Фанагории прекратились еще раньше. В 1965 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина провел там последние раскопки, затем работы на памятнике продолжались силами Института археологии АН СССР, в последние годы весь материал из раскопок также поступает

Рис. 58. Плита с двумя воинами.
Середина IV в. до н.э. Мрамор

в Таманский археологический музей. В Тирамбе раскопки не ведутся с 1970 г., и материал в Музей с этого памятника больше не поступал.

В коллекции Музея имеются уникальные экспонаты, занимающие особое место среди основной массы других памятников. Прежде всего это мужская статуя из мрамора из Горгииппии, верхняя часть которой была найдена в 1939 г., нижняя в 1940 г.⁶¹ (рис. 56). Согласно греческой надписи на плите, найденной близ нее, статуя была поставлена в 187 г. н.э. правителю города Неоклу (инв. № II I a 817). Статуя размером 2,385 м представляет Неокла, одетого в длинный хитон и плащ. Одежда и поза воспроизводят облик римских тогатусов, но тип лица и гривна на шее скорее передают облик местного жителя. Н.А. Сидорова высказала мнение, что скульптура была изготовлена малоазийским мастером, возможно, в Горгииппии⁶².

В 1983 г. в 15 км от Фанагории в поселке Юбилейное I были найдены многочисленные фрагменты из местного керченского известняка с рельефными изображениями⁶³. После склейки камней стало видно, что этот фрагмент составляет часть большого рельефа IV в. до н.э. (высота 1,30 м, ширина 1,50 м, наибольшая толщина 0,5 м) с многофигурной и многоплановой композицией, изображающей сцену сражения (инв № Ф-1570; рис. 57). Иконографические показатели, особенности в передаче облика участников битвы позволяют считать его работой местных мастеров, использовавших излюбленный для Северного Причерноморья сюжет — амазономахию, что не исключает, однако, и воспроизведения реального исторического события. Подробному анализу этого рельефа посвящен специальный сборник, в котором приняли участие видные ученые искусствоведы⁶⁴. В 1985 г. там же была найдена плита с изображением двух воинов в натуральную величину⁶⁵. Плита является надгробием середины IV в. н.э., изготов-

лена аттическим скульптором (рис. 58). Открытие этой уникальной находки можно считать подлинным научным событием. К этому мнению присоединяются многие отечественные и зарубежные исследователи.

Таким образом, благодаря раскопкам, проводимым на Таманском полуострове, Музей менее, чем за сто лет, пополнил свою коллекцию разнообразными памятниками античной культуры. В количественном отношении этот материал значительно уступает многим музеям мира, однако в его составе есть уникальные произведения искусства, которые расширили наши представления о культуре народа, жившего в Северном Причерноморье с VI в. до н.э. по IV в. н.э.

Наряду с привозными работами мастеров метрополии, выполненными в античных традициях, на Тамани были найдены памятники, характеризующие вкусы негреческого населения, что наиболее ярко проявилось в ряде надгробных памятников, отражающих этнические особенности боспорских жителей.

- ¹ Харко А. П. Экспедиционная деятельность Музея изящных искусств // Жизнь музея. 1930. № 1. С. 1, с.
- ² Блаватский В. Д. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 205, рис. 6, 3.
- ³ Онайко Н. А. Краснофигурный фрагмент из Фанагории // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 122–126, рис. 51.
- ⁴ Лосева Н. М. Краснофигурная керамика Фанагории из раскопок 1938–1962 гг. // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 90–91.
- ⁵ Лосева Н. М. Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории // КСИИМК. 1948. Вып. XXII. С. 59–61; CVA. V. Pl. 16, 3.
- ⁶ Лосева Н. М. Краснофигурная керамика... С. 91, рис. 4, 5; CVA. V. Pl. 23, 1.
- ⁷ Лосева Н. М. С. 91, рис. 5, 4; CVA. V. Pl. 21, 4.
- ⁸ Блаватский В. Д. Раскопки некрополя Фанагории / С. 91. Рис. 5, 4; CVA. V. Pl. 21, 4; fig. 4, 4; Лосева Н. М. Краснофигурная керамика... С. 86, рис. 3, 4.
- ⁹ Лосева Н. М. Краснофигурная керамика... С. 86, рис. 3, 1.
- ¹⁰ Там же. С. 88–89, рис. 2, 1.
- ¹¹ Там же. С. 91, рис. 3, 2.
- ¹² Там же. С. 91, рис. 3, 2.
- ¹³ Кобылина М. М. Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19. С. 136–170.
- ¹⁴ Лосева Н. М. Краснофигурная керамика... С. 85, рис. 2, 3; CVA. VI. Pl. 29, 1.
- ¹⁵ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 177.
- ¹⁶ Кобылина М. М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИИМК. 1967. Вып. 109. С. 124.
- ¹⁷ Кобылина М. М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 29–32.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ Блаватский В. Д. Раскопки некрополя Фанагории... С. 191–195; Кобылина М. М. Фанагория. С. 40–41, рис. 10, 2.
- ²⁰ Блаватский В. Д. Фанагорийская стенная роспись // МИА. 1956. № 57. С. 168–170.
- ²¹ Античная скульптура в собрании ГМИИ. М., 1987. С. 86–89, № 47–49.
- ²² Страбон. XI. 5. 1 / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964.
- ²³ Случайная находка 1989 г. Ранее не публиковалась.
- ²⁴ Случайная находка 1960 г. Ранее не публиковалась.
- ²⁵ Найдена в 1940 г. Ранее не публиковалась.
- ²⁶ Кобылина М. М. Фанагория. С. 61, рис. 19; Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956. С. 122, рис. 37; Марченко И. Д. Акротерий из Фанагории // Труды ГМИИ. М., 1960. С. 103–114; Античная скульптура... С. 42, № 8.
- ²⁷ Не опубликован.
- ²⁸ Кобылина М. М. Скульптурный портрет из Фанагории // СА. 1962. № 2. С. 209; Коровина А. К. Группа надгробных стел Таманского полуострова // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 100, рис. 1.
- ²⁹ Коровина А. К. Группа надгробных стел... С. 104, рис. 13.
- ³⁰ Там же. С. 104, рис. 13; Античная скульптура... С. 192, № 127.
- ³¹ Кобылина М. М. Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа // ВДИ. 1948. № 4. С. 85; Античная скульптура... С. 212, № 147.
- ³² Коровина А. К. Фаянсовые подвески из некрополя Тирамбы и Фанагории // ВДИ. 1972. № 1. С. 104–111.
- ³³ Коровина А. К. Перстни из некрополя Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 140–146; Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2. С. 164, рис. 1.
- ³⁴ Никулина Н. М. Перстни из Фанагории // СА. 1964. № 3. С. 192–195.
- ³⁵ Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1993. № 44.
- ³⁶ Там же. № 34, 91.
- ³⁷ Коровина А. К. Тирамба (город и некрополь): Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 гг. // СГМИИ. 1968. Вып. IV. С. 54–84.
- ³⁸ Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970 гг.) // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 5–6, рис. 6.
- ³⁹ Коровина А. К. Тирамба... С. 61, рис. 6, 2.
- ⁴⁰ Финогенова С. И. Резные камни из Тирамбы и Тиритаки // История и культура античного мира. М., 1977. С. 22.
- ⁴¹ Каталог собрания античных гемм... С. 22, № 11.
- ⁴² Коровина А. К. Акротерий из Тирамбы // История и культура античного мира. М., 1977. С. 83–85.
- ⁴³ Коровина А. К. История исследования Таманского городища // СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 27–31.
- ⁴⁴ Коровина А. К. Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002. Прил. II. С. XLI–XLII, табл. 38, 39.
- ⁴⁵ Там же. С. XLIII–LIII, табл. 39–50.
- ⁴⁶ Финогенова С. И. Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. 2006. Вып. 9. С. 345–346, табл. 3, 1.
- ⁴⁷ Коровина А. К. Гермонасса... С. 40, рис. 15.
- ⁴⁸ Там же. С. XII, табл. 9, 9.
- ⁴⁹ Там же. С. XI, табл. 8, 5.
- ⁵⁰ Там же. С. XIII, табл. 10, 1, 6; CVA VI. Pl. 1, 1, 6.
- ⁵¹ Там же. С. 47, рис. 22.
- ⁵² По поводу датировки и определения художника кратера среди исследователей нет единого мнения: И. Р. Пичикян датирует его 460–450 гг. до н.э., приписывая авторство росписи художнику Гермонаксу (Пичикян И. Р. Две краснофигурные вазы из Гермонассы // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 131–134, рис. 6, 7). Н. А. Сидорова относит его к кругу мастера «Луврской кентавромахи», датируя 450–440 гг. до н.э. (CVA. IV. Pl. 26, 1–3).
- ⁵³ Коровина А. К. Гермонасса... Прил. II. С. XVII, табл. 14, 1.
- ⁵⁴ Там же. С. 47, рис. 23.
- ⁵⁵ По поводу авторства и датировки ритона существуют разногласия: И. Р. Пичикян датирует его 460–450 г. до н.э., найдя сходство рисунка с работами вазописца Алкимаха (Пичикян И. Р. Две краснофигурные вазы... С. 126–130, рис. 1–3). Н. А. Сидорова датирует ритон 470–460 гг. до н.э., связывая его с мастером Диптена (CVA. IV. Pl. 37, 1–3).
- ⁵⁶ Коровина А. К. Гермонасса... Прил. II. С. XXII, табл. 19, 9, 10.
- ⁵⁷ Коровина А. К. Тирамба... С. 61.

- ⁵⁸ Коровина А.К. Гермонасса... Прил. II. С. XXI, табл. 18.
- ⁵⁹ Трейстер М.Ю., Шелов-Коведяев Ф.В. Глиняный конусовидный предмет с граффито из Гермонассы // СГМИИ. 1990. Вып. 10. С. 111–128, рис. 1–7.
- ⁶⁰ Кобылина М.М. Новейшие открытия в области античной скульптуры // Искусство. 1941. № 2. С. 79; Блаватский В.Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. С. 97; Кобылина М.М. Скульптура Боспора // МИА. 1951. № 19. С. 173, рис. 1; С. 175, рис. 2; Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // АГСП. М.; Л., 1955. С. 314–315, рис. 29, 2; Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972. С. 12–13, рис. XXI–XXII.
- ⁶¹ Античная скульптура... С. 117.
- ⁶² См.: Савостина Е.А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани: (предварительные итоги изучения) // СА. 1987. № 1. С. 63–67; Античная скульптура... С. 186–189, кат. № 124.
- ⁶³ Боспорский рельеф со сценой сражения. М.; СПб., 2001.
- ⁶⁴ Савостина Е.А. Античное поселение... С. 58, рис. 5; Она же. Античные рельефы: Уникальные находки археологической экспедиции ГМИИ имени А.С. Пушкина на Тамани. Л., 1986 (буклет выставки-презентации).
- ⁶⁵ Таманский рельеф. М., 1999.

Глава 2

ТЕРРАКОТОВЫЕ
СТАТУЭТКИ
АЗИАТСКОГО
БОСПОРА

Т.А. ИЛЬИНА

В результате многолетних исследований, проводимых археологическими экспедициями Института археологии АН СССР и ГМИИ им. А.С. Пушкина в Фанагории¹, Гермонассе² и Тирамба³ коллекция музея пополнилась значительным количеством терракотовых статуэток, найденных в этих центрах Азиатского Боспора. Основная доля коллекции приходится на терракоты Фанагории. Фигурки были открыты во всех античных слоях городища, на так называемом «Керамике», а также на некрополе⁴, большое количество находок происходит из городской свалки на «Восточном холме»⁵.

Хранящиеся в музее статуэтки иллюстрируют все периоды развития фанаторийской коропластики от архаики до римского времени. Наиболее распространенными типами в конце VI — первой половине V в. до н.э. были изображения земледельческих богинь Деметры и Кору, представленных сидящими на троне и в виде протом⁶. Эти иконографические типы, появившиеся во второй половине VI в. до н.э. на Родосе и Ионии, были завезены переселенцами или попали в качестве импорта на Боспор, а затем получили дальнейшее развитие в местной коропластике. Так, родосская терракота богини на троне (Ф-843, высота 10,3 см; табл. I, 2)⁷, возможно, послужила матрицей для терракот местного производства. Женщина изображена сидящей с опущенными на колени руками, ноги покоятся на невысокой скамеечке. Голову венчает стэфана, поверх нее накинут гиматий, который спадает на плечи до локтя. Большое количество терракот этого типа было открыто на «Керамике» и в городской свалке на «Восточном холме»⁸. Аналогичные статуэтки известны во многих средиземноморских и северопричерноморских центрах⁹. В представленной на терракоте женщине зарубежные исследователи видят богиню плодородия, не связывая изображение с конкретным персонажем¹⁰. Отечественные специалисты, оперируя различными критериями, называют ее Деметрой, иногда Артемидой¹¹. С культом плодородия следует связывать и фигурку Беса (Ф-1420, высота 6,5 см; табл. I, 1)¹². На ионийской терракоте тучный нагой бог изображен сидящим с широко расставленными ногами. Найденная на «Керамике» самосская статуэтка Аполлона (Ф-927, высота 8,0 см)¹³ последней четверти VI в. до н.э. делает возможным предположить почитание в данный период и этого божества. Аполлон представлен в виде куроса. Через левое плечо юноши переброшен гиматий, плотно прилегающий к телу и спадающий вниз плоскими складками.

Открытая в ходе работ 1981–1983 гг., мастерская коропласта¹⁴ значительно расширила наши знания о классическом периоде в местном производстве. Среди находок имеется как готовая, предназначенная для продажи продукция, так и полуфабрикаты, еще не подвергшиеся обжигу. Особый интерес представляют формы иногда с не вынутыми из них оттисками. Преобладают статуэтки стоящих и сидящих девушек в ионийских хитонах (высота 16,0 см, табл. I, 3; высота 15,5 см, табл. II, 1), которые прижимают к груди левую руку с плодом или голубем. Возможно, это изображения Кору или Афродиты. Матрицы для оттиска лицевой стороны профилированы, но без лишней детализации (Ф-934, высота 18,0 см; табл. II, 2, 3). Для тыльной части, наоборот, используются плоские, иногда заглаженные от руки формы (табл. II, 4). В этот период в местном производстве, как и во всем Средиземноморье и Причерноморье, доминируют аттические образы, копируемые местными мастерами. В IV в. до н.э. импорт из Аттики сменяется статуэтками малоазийских центров. Так, явно привозным экземпляром является голова Афины, которую ученые датируют второй половиной IV в. до н.э. (Ф-1292,

Таблица I. Терракотовые статуэтки.
Конец VI—V в. до н.э.

высота 5,0 см; табл. III, 1)¹⁵. Богиня изображена в виде юной девушки с капризно поджатыми губами, в большом шлеме и круглых серьгах.

В целом, терракоты из Фанагории отражают основные черты греческой пластики этого времени. Так, терракотовая голова молодого сатира (Ф-825, высота 5,0 см)¹⁶ изображена с характерным классическим мягким моделированием лица и контрастной светотенью. В этот период заметно повышается качество и местного производства, но фанагорийские коропласты, активно вытесняя импорт с внутреннего рынка, все же продолжают использовать малоазийские сюжеты.

В эллинистический период круг изображаемых персонажей расширяется. Помимо популярных в предшествующий период протом Деметры, Керы и Афродиты (Ф-136, высота 8,5 см)¹⁷, появляются статуэтки сидящей со львом Кибелы (Ф-423, высота 9,0 см)¹⁸, изображения сирены (Ф-1011,

Таблица II. Терракотовая статуэтка и формы. Мастерская коропласта в Фанагории, V в. н.э.

высота 9,0 см)¹⁹. Наряду с терракотами божеств, получают распространение фигурки актеров (Ф-107, высота 7,0 см)²⁰, флейтистов и птиц (Ф-362, высота 10,0 см; Ф-363, длина 7,3 см; Ф-876, длина 4,0 см)²¹. Среди эллинистических статуэток Фанагории, как и других античных центров, большое место занимают изображения горожанок, изящно задрапированных в гиматий с головы до ног. Девушки представлены стоящими и идущими в парах, танцующими. Воспроизводя сюжеты, характерные для мастерских Мирини и Смирны, местные ремесленники идут по пути упрощения технологии производства терракот. Это привело к появлению продукции, отличающейся меньшей рельефностью и детализацией изображений. Снижается, по сравнению с греческим прототипом, выразительность образа. Сохранился фрагмент статуэтки девушки, сидящей на скале (Ф-42, высота 7,0 см)²². Фигура повернута в три четверти влево, наброшенный на бедра гиматий полностью

Таблица III. Терракотовые статуэтки.
Города Азиатского Боспора,
III—II вв. до н.э.

закрывает ноги. Жестко трактованы складки выступающего из-под покрывала хитона.

Интересна гротескная статуэтка сидящей на земле женщины, держащей между коленями сосуд (Ф-837, высота 10,0 см; табл. IV, 2)²³ II в. до н.э. Безрукавный хитон не скрывает дряблость рук, а тонкая ткань одежды обрисовывает сгорбленную спину. Великолепная моделированная статуэтка, выполненная, очевидно, мастерами из Смирны в нескольких профилированных матрицах с последующей доработкой стеклом. Возможно, это миниатюрная копия известной работы Мирона из Смирны — «Пьяная старуха»²⁴.

В 1947 г. в 50 м к востоку от «Керамика» был открыт выброс мастерской коропласта²⁵. Найденные терракоты (чуть менее сотни) и формы, датированные II в. до н.э., демонстрируют высокий уровень, которого достигло в это время местное производство. Сюжетный набор обогащается образами галата

Таблица IV. Терракотовые статуэтки.
Города Азиатского Боспора,
III—II вв. до н.э.

со щитом и всадника на лошади. Самые ранние изображения этих персонажей происходят из выброса мастерской²⁶.

На сохранившихся целиком статуэтках всадник на мчащемся галопом коне преследует зайца. Юноша изображен в кафтане, анаксаридах и развевающимся за спиной плаще (Ф-839, высота 13,5 см; табл. V, 1)²⁷. В правой поднятой руке он, очевидно, сжимал копьё, нацеленное на преследуемое животное. На крупе мчащегося галопом коня детально проработана сбруя с фаларами. Одним из вариантов иконографии воина со щитом является изображение пухлого обнаженного ребенка в плаще, представленного в характерной для этого типа позе (Ф-1040, высота 8,1 см; табл. V, 2). Мальчик стоит подбоченившись, левой рукой опирается на большой овальный щит, ноги перекрещены.

Изображение детей получает широкое распространение в период с I в. до н.э. по I в. н.э. Известны многочисленные варианты фигурок Эрота в виде

Таблица V. Терракотовые статуэтки.
Города Азиатского Боспора,
II—I вв. до н.э.

ребенка, играющего на кифаре, едущего на дельфине или быке, борющегося с гусем или петухом. В терракотовой группе Эрот и Психея (Ф-1421, высота 10,0; табл. III, 4)²⁸, героиня представлена в облике девочки. Дети стоят обнявшись, их тела повернуты друг к другу, ноги перекрещены и изображены мастером фронтально. На голову мальчика надета шапочка с круглым валиком, из-под которой выбиваются кудри волос. Психея изображена полуобнаженной, наброшенный на правое бедро гиматий закрывает ее ноги. В этот период в образе пухлого карапуза представлен не только Эрот, но и Атгис. Интересно его изображение в виде мальчика, дразнящего собачку (Ф-193, высота 12,0 см; табл. III, 2)²⁹. На божестве высокий фригийский колпак, кафтан и анаксариды расстегнуты, левой рукой он прижимает к бедру птицу.

Дети становятся персонажами также ранее известных сюжетов, например изображений горожанок. Так, поздняя эллинистическая статуэтка передает

образ девушки (Ф-1001, высота 10,5 см; табл. IV, 4)³⁰, сидящей в тонком, подчеркивающем прекрасные формы тела, хитоне. Фигура слегка наклонена влево, ноги скрещены. Правой рукой она прижимает к себе гуся, левой придерживает край гиматия, в складках которого лежат фрукты.

В результате исследования в 1958–1959 гг. культового комплекса на Майской горе³¹, расположенной вблизи городища, была открыта фависса, содержащая большое количество (около 1200 фрагментов) терракотовых протом фанагорийского производства. Это открытие сделало возможным проследить развитие этой категории терракот в местной коропластике. Фигурки охватывают период с конца VI по III в. до н.э. Самые ранние изображения восходят к поздним архаическим ионийским протомам — маскам (Ф-1427, высота 12,0 см)³² и датируются концом VI — началом V в. до н.э. Некоторые из них (меньших размеров) (Мг. 1959, № 44, высота 7,5 см)³³ делались до середины V в. до н.э. Во вторую группу входят полуфигуры девушек, задрапированных в гиматий, держащих в правой руке предмет (Ф-1433, высота 13,5 см; Ф-1436, высота 12,0 см)³⁴. Им может быть голубь, заяц, олененок или яблоко. Одновременны им протомы-маски богини с лентой на лбу и прикрывающим голову гиматием (Ф-1426, высота 16,0)³⁵. Терракоты этих типов представляют общепринятый в греческой коропластике образ богини (Афродиты, Кору или Артемиды) и относятся к середине — второй половине V в. до н.э. и вплоть до начала IV в. до н.э. Самые распространенные фигуры воспроизводят беотийский тип (Ф-1429, высота 12,0 см)³⁶ и датируются IV–III вв. до н.э. Все перечисленные категории протом были широко распространены в Греции и Средиземноморье. На Боспоре они найдены в Камыш-Буруне, Нимфее, Пантикапее и Феодосии.

Хранящиеся в музее терракоты Гермонассы можно разделить на три группы. Период конца VI–V в. до н.э. представлен небольшим количеством протом Деметры (Ф-1376, высота 4,6 см; Ф-1512, высота 6,0 см)³⁷ и изображений богини на троне (Ф-1545, высота 11,5 см)³⁸, как ионийского, так и фанагорийского производства. Интересна статуэтка полностью задрапированного в гиматий мужчины (Ф-1574, высота 10,0 см, табл. I, 4), изготовленная из родосской глины и датирующаяся V в. до н.э. Возможно, статуэтка воспроизводит образ Аполлона или приверженца его культа. Статуэтки IV в. до н.э. маловыразительны.

Наиболее многочисленны терракоты эллинистического времени. Среди них полуфигуры Кору (Ф-1519, высота 13,8 см; Ф-1546, высота 6,5 см)³⁹, популярные изображения Эрота и Психеи (ТмГс 1981, № 61, высота 7,0 см)⁴⁰, горожанок (ТмГс 1980, № 131, высота 8,0 см)⁴¹, детей (Ф-1541, высота 2,8 см)⁴² и галатов (Ф-1511, высота 8,0 см)⁴³. Фрагмент статуэтки девушки, плотно задрапированной в гиматий (Ф-1398, высота 10,6 см; табл. IV, 1)⁴⁴, относится к широко известному так называемому «софокловому», типу терракот Танагры. Он копирует позу и манеру драпировки одежды знаменитой статуи философа 330 г. до н.э. Девушка стоит, опираясь на одну ногу, согнутая в локте правая рука заведена за спину, левая опущена на бедро.

В первые века нашей эры наряду с изображениями Афродиты-Анадиомены (Ф-1516, высота 10,4 см)⁴⁵ и богини на троне (Ф-1572, высота 7,5 см)⁴⁶, в Гермонассе были распространены статуэтки с подвесными конечностями, модели театральных марионеток. Терракота представляет юношу с обнаженным атлетическим торсом, в короткой юбочке, завязанной спереди узлом (Ф-1379, высота 8,0 см; табл. V, 4)⁴⁷. На грудь атлета широким валиком спускается повязка, завязанная пышными бантами на

плечах. Левая рука юноши упирается в бок, правая, судя по аналогичным изображениям, поднята вверх. По бокам юбочки проделаны сквозные отверстия для подвешивания ног и фалла. Подобные марионетки воспроизводили танцоров или жонглеров, участвующих в религиозных обрядах, связанных с культом Диониса.

Возможно, с дионисийскими мистериями связана и модель театральной маски силена (Ф-1397, высота 6,6 см; табл. V, 3)⁴⁸. Лесное существо изображено с круглыми навывкате глазами, широким приплюснутым носом и распахнутым ртом. На голове силена скрученная валиком повязка, пышная борода обрамляет подбородок.

В отличие от городища Тирамбы, где была открыта лишь одна терракота — фрагмент протомы IV в. до н.э., из ее некрополя происходят 10 статуэток, датированных I в. до н.э. — I в. н.э. Четыре из них — различные варианты одного и того же типа: девушка, опирающаяся левой рукой на колонну (Ф-998, высота 13,0 см; табл. IV, 3)⁴⁹. На голове девушки шапочка с валиком. Она одета в безрукавный подвязанный под грудью хитон, на левое плечо наброшен гиматий, драпирующий фигуру спереди. В правой опущенной вниз руке девушка держит гроздь винограда, в левой — круглый предмет (плод или шар). Слева у ее ног — ребенок, птица и собачка. Наличие дополнительной опоры в виде колонны, придавало торсу изгиб и большую свободу движения, что изменяло расположение складок одежды и увеличивало декоративность изделия. Изображение девушки у колонны было излюбленным приемом в это время. Эта тенденция прослеживается и в изображении Афродиты-Анадиомены, опирающейся локтем левой руки о герму Приапа (Ф-17, высота 25,0 см)⁵⁰. Богиня без одежды, лишь в наброшенном на плечи гиматии. На голове диадема, шею обрамляет ожерелье, между грудей медальон; запястья, бедра и щиколотки украшены круглыми браслетами. Образ богини, выходящей из воды и выжимающей волосы, созданный живописцем Апеллесом и скульптором Полихармом, был популярен в городах Малой Азии, откуда и проник на Боспор. Зеркальным отображением этой статуэтки является терракота богини с гермой Приапа слева, справа у ног девушки — дельфин (Ф-999, высота 19,0 см; табл. III, 3)⁵¹. Вариацией типа терракот девушки у колонны является статуэтка богини Тихе — на голове корона, фиала и рог изобилия в руке (Ф-1016, высота 23,0 см)⁵². Среди терракот Тирамбы необычной иконографией также привлекает внимание статуэтка девушки, изображенной в торжественной позе в полном вооружении (Ф-1015, высота 9,8 см)⁵³. Очевидно, это изображение Афины. В правой руке она сжимает копье, в левой — большой овальный щит с тремя ромбическими, сильно вытянутыми умбонами. Наброшенный на спину плащ застегнут на груди, на правом обнаженном бедре — круглый браслет.

* * *

Большая часть рассматриваемых статуэток изготовлена из оранжево-желтой или розоватой с блестками хорошо отмученной фанагорийской глины. Качество исполнения терракот и их обработка не одинаковы. При этом для всех статуэток характерно использование двух матриц: профилированной — для оттиска лицевой, не моделированной — для тыльной стороны; иногда голова формована отдельно. Характерной чертой большинства терракот является их рельефность и однофасадность. Некоторые, относящиеся ко II—I вв. до н.э., представлены на прямоугольных постаментах, спереди срезанных вертикально и имеющих округлый контур сзади.

Вопрос о назначении терракотовых статуэток пока остается нерешенным. Мнения резко отличаются друг от друга: им приписывают мифологические сюжеты⁵⁴ или сцены из частной жизни⁵⁵. Очевидно, правы те ученые, которые трактуют их и как произведение искусства, и как объект веры⁵⁶.

Статуэтки были найдены в основном в городских кварталах, но подобные фигурки приносили и в храмы в качестве посвященных даров⁵⁷. Положенные в могилу, они приобретали сакральный смысл и вместе с тем удовлетворяли эстетические потребности жителей греческих городов Азиатского Боспора.

Итак, изучение терракотовых статуэток из Фанагории, Майской горы, Гермонассы и некрополя Тирамбы, которые составляют коллекцию ГМИИ им. А.С. Пушкина, позволяет выявить тенденцию развития фанагорийской коропластики с конца VI в. до н.э. по I в. н.э. — от схематичных архаических изображений богинь на троне к прекрасно моделированным и пластичным статуэткам эллинизма, которые, в свою очередь, сменяются плоскостными изображениями римского времени. Местные мастера проходят длинный путь от слепого копирования родосских, аттических и малоазийских образцов к созданию новых изображений, демонстрируя высокий уровень развития коропластики Азиатского Боспора.

¹ Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5–8, 10–12.

² Коровина А.К. Терракотовые статуэтки Гермонассы // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. М., 1974. Т. IV. С. 39–40 (САИ; Вып. Г I–II).

³ Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 г. // КСИА. 1962. Вып. 89; Тирамба (Итоги археологических раскопок городища и некрополя за 1959, 1961, 1962, 1963 и 1965 гг.) // Археологический сборник / ГМИИ. М., 1967.

⁴ Западный, южный и восточный некрополи были исследованы В.Д. Блаватским в 1936–1940 гг., М.М. Кобылиной и И.Д. Марченко в 1947–1951 гг., А.К. Коровиной в 1965–1966 гг.

⁵ Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 9–62.

⁶ Богиня, сидящая на троне, ГМИИ, инв. Ф-67, 105, 106, 209, 345, 872, 873.

⁷ Кобылина М.М. Фанагория. С. 17, рис. 3, 1; Она же. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. М., 1974. Т. IV. С. 22, табл. 17, 1 (САИ; Вып. Г I–II).

⁸ Богиня, сидящая на троне, ГМИИ, инв. Ф-67, 105, 106, 209, 345, 872, 873.

⁹ Winter Fr. Die Typen der figürlichen Terrakotten. Berlin; Stuttgart, 1903. Bd. I. S. 43, 2.

¹⁰ Higgins R.A. Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. London, 1954. Vol. I. Pl. 22, No. 23.

¹¹ Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев. 1979. С. 37, 38.

¹² Аналогии: Скуднова В.М., Славин Л.М., Клейман И.Б. Описание терракот из Ольвии (города и некрополя) // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. Т. I. С. 52, табл. 30, 7. (САИ. Вып. П I–II).

¹³ Кобылина М.М. Раскопки южного некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. М., 1951. № 19. Рис. 3, 2; М., 1961. Табл. IV, 4; Она же. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 23, табл. 17, 4.

¹⁴ Финогенова С.И. Мастерская фанагорийского коропласта // Тезисы доклада конференции в ИА, посвященной памяти Н.И. Сокольского. М., 1998.

¹⁵ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 26, табл. 24, 1, 2.

¹⁶ Лосева Н.М. Терракотовая голова сатира из Фанагории // МИА. 1956. № 57. С. 176.

¹⁷ Кобылина М.М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 127, рис. 48, 3.

¹⁸ Кобылина М.М. Фанагория. С. 45, рис. 13, 3.

¹⁹ Кобылина М.М. Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967б. № 1. С. 169–175, рис. 1.

²⁰ Кобылина М.М. 1974. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 25, табл. 23, 8.

²¹ Там же. Табл. 23, 5–7.

²² Там же. С. 26, табл. 26, 6.

²³ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. Табл. XXIV, 1–3.

²⁴ Winter Fr. Die Typen der figürlichen Terracotten. Bd. II. S. 468, 8.

²⁵ Кобылина М.М. Терракоты Фанагории местного производства // ВДИ. 1949. № 2. С. 107.

²⁶ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 21, табл. 29, 4.

²⁷ Кобылина М.М. Фанагория. Рис. 24, 1; Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. Табл. XXII, 2.

²⁸ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 28–29, табл. 32, 4.

²⁹ Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Фанагории // Архив ГМИИ. 1939.

³⁰ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 26, табл. 28, 1.

Вопрос о назначении терракотовых статуэток пока остается нерешенным. Мнения резко отличаются друг от друга: им приписывают мифологические сюжеты⁵⁴ или сцены из частной жизни⁵⁵. Очевидно, правы те ученые, которые трактуют их и как произведение искусства, и как объект веры⁵⁶.

Статуэтки были найдены в основном в городских кварталах, но подобные фигурки приносили и в храмы в качестве посвященных даров⁵⁷. Положенные в могилу, они приобретали сакральный смысл и вместе с тем удовлетворяли эстетические потребности жителей греческих городов Азиатского Боспора.

Итак, изучение терракотовых статуэток из Фанагории, Майской горы, Гермонассы и некрополя Тирамбы, которые составляют коллекцию ГМИИ им. А.С. Пушкина, позволяет выявить тенденцию развития фанагорийской коропластики с конца VI в. до н.э. по I в. н.э. — от схематичных архаических изображений богинь на троне к прекрасно моделированным и пластичным статуэткам эллинизма, которые, в свою очередь, сменяются плоскостными изображениями римского времени. Местные мастера проходят длинный путь от слепого копирования родосских, аттических и малоазийских образцов к созданию новых изображений, демонстрируя высокий уровень развития коропластики Азиатского Боспора.

¹ Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С. 5–8, 10–12.

² Коровина А.К. Терракотовые статуэтки Гермонассы // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. М., 1974. Т. IV. С. 39–40 (САИ; Вып. Г I–II).

³ Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 г. // КСИА. 1962. Вып. 89; Тирамба (Итоги археологических раскопок городища и некрополя за 1959, 1961, 1962, 1963 и 1965 гг.) // Археологический сборник / ГМИИ. М., 1967.

⁴ Западный, южный и восточный некрополи были исследованы В.Д. Блаватским в 1936–1940 гг., М.М. Кобылиной и И.Д. Марченко в 1947–1951 гг., А.К. Коровиной в 1965–1966 гг.

⁵ Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19. С. 9–62.

⁶ Богиня, сидящая на троне, ГМИИ, инв. Ф-67, 105, 106, 209, 345, 872, 873.

⁷ Кобылина М.М. Фанагория. С. 17, рис. 3, 1; Она же. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. М., 1974. Т. IV. С. 22, табл. 17, 1 (САИ; Вып. Г I–II).

⁸ Богиня, сидящая на троне, ГМИИ, инв. Ф-67, 105, 106, 209, 345, 872, 873.

⁹ Winter Fr. Die Typen der figürlichen Terrakotten. Berlin; Stuttgart, 1903. Bd. I. S. 43, 2.

¹⁰ Higgins R.A. Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum. London, 1954. Vol. I. Pl. 22, No. 23.

¹¹ Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев. 1979. С. 37, 38.

¹² Аналогии: Скуднова В.М., Славин Л.М., Клейман И.Б. Описание терракот из Ольвии (города и некрополя) // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. Т. I. С. 52, табл. 30, 7. (САИ. Вып. П I–II).

¹³ Кобылина М.М. Раскопки южного некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. М., 1951. № 19. Рис. 3, 2; М., 1961. Табл. IV, 4; Она же. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 23, табл. 17, 4.

¹⁴ Финогенова С.И. Мастерская фанагорийского коропласта // Тезисы доклада конференции в ИА, посвященной памяти Н.И. Сокольского. М., 1998.

¹⁵ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 26, табл. 24, 1, 2.

¹⁶ Лосева Н.М. Терракотовая голова сатира из Фанагории // МИА. 1956. № 57. С. 176.

¹⁷ Кобылина М.М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 127, рис. 48, 3.

¹⁸ Кобылина М.М. Фанагория. С. 45, рис. 13, 3.

¹⁹ Кобылина М.М. Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967б. № 1. С. 169–175, рис. 1.

²⁰ Кобылина М.М. 1974. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 25, табл. 23, 8.

²¹ Там же. Табл. 23, 5–7.

²² Там же. С. 26, табл. 26, 6.

²³ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. Табл. XXIV, 1–3.

²⁴ Winter Fr. Die Typen der figürlichen Terracotten. Bd. II. S. 468, 8.

²⁵ Кобылина М.М. Терракоты Фанагории местного производства // ВДИ. 1949. № 2. С. 107.

²⁶ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 21, табл. 29, 4.

²⁷ Кобылина М.М. Фанагория. Рис. 24, 1; Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. Табл. XXII, 2.

²⁸ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 28–29, табл. 32, 4.

²⁹ Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Фанагории // Архив ГМИИ. 1939.

³⁰ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 26, табл. 28, 1.

- ³¹ *Марченко И.Д.* К вопросу о культах Азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2. С. 101–107.
- ³² Протомы родосского типа Ф-1439, 1441, 1442, 1444. *Марченко И.Д.* Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1962. С. 123, табл. I, 1.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Марченко И.Д.* Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. 1974. Т. IV. С. 33, табл. 39, 2. (САИ; Вып. П-П).
- ³⁵ *Марченко И.Д.* Терракотовые статуэтки Фанагории. С. 34, табл. 38, 6.
- ³⁶ *Марченко И.Д.* Новые данные. С. 123, табл. III, 1.
- ³⁷ *Финогенова С.И.* Терракоты Гермонассы (по материалам раскопок 1968–1981 гг.) // Археология и искусство Боспора. 1992. С. 257–258, ил. 1–4. (СГМИИ; Вып. 10).
- ³⁸ Там же. С. 260–261, ил. 6, 7.
- ³⁹ Там же. С. 263–264, ил. 10, 11.
- ⁴⁰ Там же. С. 269, ил. 14.
- ⁴¹ Там же. С. 270–272, ил. 15–18.
- ⁴² Там же. С. 273–274, ил. 19–21.
- ⁴³ Там же. С. 275, ил. 24.
- ⁴⁴ *Коровина А.К.* Терракоты Гермонассы // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. 1974. Т. IV. С. 40, табл. 46, 6. (САИ; Вып. П-П); *Финогенова С.И.* 1992. Терракоты Гермонассы... Соч. С. 270, ил. 16
- ⁴⁵ *Финогенова С.И.* Терракоты Гермонассы... С. 276, ил. 25.
- ⁴⁶ Там же. С. 277, ил. 29.
- ⁴⁷ Там же. С. 276, ил. 27.
- ⁴⁸ *Коровина А.К.* Терракоты Гермонассы. С. 40, табл. 46, 8; *Финогенова С.И.* Терракоты Гермонассы... С. 276, ил. 26.
- ⁴⁹ *Коровина А.К.* Терракоты Тирамбы // Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова. Т. IV. С. 12–13, табл. 6, 8.
- ⁵⁰ Там же. Табл. 5, 2.
- ⁵¹ Там же. Табл. 6, 5.
- ⁵² Там же. Табл. 5, 1.
- ⁵³ Там же. С. 11, 12, табл. 6, 7.
- ⁵⁴ *Heuzey L.* Les figurines de terre cuite du Musee du Louvre. Paris, 1883.
- ⁵⁵ *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. С. 20.
- ⁵⁶ *Paul E.* Antike Welt in Ton: Griechische und römische Terrakotten in Archäologischen Instituts in Leipzig. Leipzig, 1966. S. 22–27; *Бритова Н.Н.* Греческая терракота. М., 1969. С. 61–100; *Русяева А.С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). Киев, 1982. С. 24.
- ⁵⁷ *Ильина Т.А. Муратова М.Б.* Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2002.

Часть XVIII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ
НАРОДОВ ВОСТОКА

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДСКИФСКОГО И СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

В. Р. ЭРЛИХ

Музей искусства Азии или музей *Ars Asiatica* (такое было первоначальное название), созданный в октябре 1918 г. как первое специализированное учреждение по собиранию, хранению, научному изучению и пропаганде памятников материальной культуры народов Востока, с первых лет своего существования превратился в научный центр по изучению культуры народов Средней Азии и Кавказа¹. Важнейшим этапом в развитии археологической науки в музее стало создание самостоятельного археологического подразделения — Отдела истории материальной культуры и древнего искусства народов Востока². Этот отдел был создан в январе 1981 г. под руководством доктора исторических наук А. М. Лескова в рамках государственной программы по охране и использованию памятников истории и культуры (1976 г.). Летом—осенью 1981 г. вновь созданная Кавказская археологическая экспедиция смогла развернуть ширококомасштабные охранно-спасательные работы как на правом берегу Кубани (ст. Пашковская), так и на левом — на территории Адыгеи у ст. Новосвободной (грунтовый могильник Фарс), у аула Шенджий (позднесредневековая курганная группа), у с. Четук (курганы с погребениями эпохи бронзы и сарматского периода) и рядом с аулом Уляп.

Около аула Уляп были исследованы два кургана-святилища скифского времени, давшие богатые находки. Успех этого сезона predetermined работу экспедиции на несколько лет. Материалы, полученные Кавказской археологической экспедицией за более чем четверть века ее существования, послужили основой кубанской коллекции музея. Весьма представительная часть этой коллекции относится к протомеотскому периоду начала эпохи раннего железа. В нее входят материалы могильника Фарс/Клады у ст. Новосвободной, исследовавшегося в 1981—1983 и 1986 гг.³, и курганного могильника Уашхиту I в 1988 и 2005⁴ гг. (раскопки А. М. Лескова, В. Р. Эрлиха, В. Е. Маслова и С. Б. Вальчака), а также сборы в зоне затопления Краснодарского водохранилища на территории Псекупского и Шишского могильников в Адыгее.

В эту коллекцию входят большие бронзовые сосуды — ситулы, склепанные из бронзового листа и имеющие литые зооморфные ручки. Два из них происходят из элитных протомеотских погребений курганного могильника Уашхиту I, один сосуд найден случайно в районе аула Уляп⁵ (рис. 1). Сосуд высотой 43 см склепан из четырех бронзовых листов, поддон изготовлен отдельно. Ситула имеет две парные литые ручки с выступами в виде ушей животного, крепящиеся верхними концами под венчиком, нижними — к средней части тулова. Подобные сосуды центральнокавказского производства являются характерной особенностью погребений представителей воинской элиты позднейшего предскифского и раннескифского времени. Они встречаются как на Северном Кавказе — могильники Терезе, Нартан, Келермесский и ряд других, так и памятниках Украинской лесостепи — Квитки, Константиновка⁶.

Характерным признаком протомеотской элиты являлись также навершия культовых жезлов, булав, бронзовые боевые молотки как знаки высокого воинского статуса их носителей.

Из погребения могильника Фарс происходит бронзовый скипетр длиной 11,5 см в виде головы хищной птицы (рис. 2, сверху). Он имеет лопасть в виде загнутого клюва и грибовидный обушек. На проухе навершия жезла имеются два симметричных выступа-«глаза». Близкие по форме птицеголовые скипетры, часто несущие на конце клюва дополнительный образ хищника либо лошади, встречаются в синхронных памятниках Центрального Предкавказья

Рис. 1. Котел-«ситула». Конец VIII–VII в. до н.э. Бронза. Аул Уляп, случайная находка

(погребение 14 могильника у Кисловодской мебельной фабрики) и Центральной Европы (клад Прюдь, Синмехай-де-Падуре и другие памятники)⁷.

Из погребения 9 могильника Фарс происходит бронзовый боевой молоток цилиндрической формы (рис. 2, внизу). Он находит аналогии среди синхронных изделий западного варианта кобанской культуры: это молотки, встреченные в могильниках у Кисловодской мебельной фабрики, 2-м Султаногорском, Клин-Яр III⁸. Бронзовое навершие булавы, случайно найденное на территории протомеотского могильника Пшиш, имеет округлую форму и четыре грибовидных выступа (рис. 2, в центре вверху). Близкой аналогией является булава из Краснодарского музея⁹.

Весьма интересно и небольшое (высотой 4,5 см) бронзовое молоточковидное навершие из погребения 36 могильника Фарс (рис. 2, в центре внизу). Оно имеет овальную в сечении втулку, слабо расширяющуюся книзу, на которой есть отверстия для заклепок. Втулка завершается двумя симметричными «рогатыми» выступами. Изделие с двух сторон покрыто гравированными

дуговидными линиями. Все аналогии этому навершию встречены на территории Абхазии: на поселении Холм Верецагина, в могильнике Гуадику, в Красномаяцком могильнике¹⁰. Этот предмет ярко свидетельствует о связях протомеотского населения с носителями территорий колхидской культуры в первой половине VIII в. до н.э.

В двух погребениях курганного могильника Уашхиту I около аула Кабахаль (Республика Адыгея), относящихся к предскифскому времени и принадлежавших представителям протомеотской элиты, обнаружены колесничные упряжки, состоящие из четырех лошадей. В этом издании мы приводим часть упряжного набора из кургана № 1, принадлежащего одной из пристражных лошадей. Он состоит из бронзовых «новочеркасских» удил с двукольчатым окончанием, из двух стержневидных псалиев с тремя отверстиями типа Уашхиту-Жаботин, трех массивных блях, щитки которых украшены рельефным орнаментом в виде солярного знака — «ромба», внутри которого повторяется сходная рельефная композиция; ажурная бляха в виде «мальтийского креста» и браслетообразного кольца из плоской в сечении пластины (рис. 3). Феномен появления в равнинном и предгорном Закубанье (где их известно более всего) в позднейший предскифский период комплексов колесничной упряжи и упряжек колесниц весьма интересен. Безусловно, колесницы в условиях кавказских предгорий не могли получить реального военного значения, а лишь служили знаком принадлежности их владельцев к высшему слою воинской элиты. По нашему мнению, идея колесниц и колесничной упряжи как признак определенного статуса военного вождя и «царя» могла быть заимствована в период походов в Переднюю Азию и Закавказье, совершавшихся с территории Северного Кавказа еще в предскифское время¹¹. Аналогичные колесничные наборы встречаются и в наиболее богатых предскифских комплексах «новочеркасского» и раннежаботинского времени степной и лесостепной Украины и даже в Средней Европе, что свидетельствует о тесных связях местного населения с носителями территорий Северо-Западного Кавказа¹².

К эпохе скифской архаики в коллекции ГМИНВ относятся два навершия, случайно обнаруженных в разных частях Прикубанья. Из ст. Губской Мостовского района Краснодарского края происходит бронзовое навершие с двусторонним изображением типично «скифского» лежащего оленя, с поджатыми ногами, расположенного на шаровидном прорезном бубенце, находящемся на конической втулке (рис. 4, справа)¹³. Это навершие было передано в музей археологом В.И. Марковиным. Наиболее близкое соответствие ему — навершие в виде оленя на коническом бубенце из I Говердовского кургана, хранящееся в фондах Национального музея Адыгеи¹⁴.

В окрестностях хут. Городского Теучежского района Адыгеи было обнаружено бронзовое навершие в виде головки безрогого копытного (мула, лошади либо молодого оленя) на грушевидном прорезном бубенце. Изображение выполнено в технике круглой скульптуры с рельефным обозначением глаз, ушей и пасти животного (рис. 4, слева). Близкими стилистическими и образными аналогиями являются навершия (но без бубенцов) из Келермесского кургана № 1/В¹⁵.

Несомненно, самой значимой и наиболее ценной частью кубанской коллекции ГМИНВ античного времени до сего дня остаются находки, сделанные в 1981–1983 гг. в подкурганных святилищах около аула Уляп. Следует отметить, что этот населенный пункт в левобережье Кубани был известен археологическому миру уже давно. На окраине Ульского аула (так тогда назывался аул Уляп) профессором Петербургского университета Н.И. Веселовским в 1898 и 1908–1910 гг. исследовалась группа курганов скифского времени VII–V вв. до н.э., их материалы поступили в Государственный Эрмитаж и Исторический музей. Наряду со знаменитыми Келермесскими Ульские курганы стали эталонными для архаической скифской культуры.

Всего же на территории Уляпского некрополя в 1981–1982 гг. было обнаружено 7 курганов, содержавших ритуальные комплексы. Содержимое Уляпских курганов прекрасно характеризуют материальную культуру и связи меотской элиты в первой половине IV в. до н.э. Здесь имеются как богатые подношения богам, изготовленные местными мастерами, так и вещи, которые поступили сюда издалека в качестве даров местным вождям.

Рис. 2. Скипетр (могильник Фарс, клады, погр. 35), навершие булавы (устье р. Пшиш, случайная находка), молоточковидное навершие (могильник Фарс, клады, погр. 36), молоток (могильник Фарс, клады, погр. 9). VIII в. до н.э. Бронза

Рис. 3. Набор пристяжной лошади колесницы. Первая половина VII в. до н.э. Бронза. Могильник Уашхиту I, курган 1

Рис. 4. Навершия. VII–VI вв. до н.э. Бронза. Хут. Городской, ст. Губская

Рис. 5. Навершие в виде головы оленя. Фрагмент. V — первая половина IV в. до н.э. Золото, серебро. Аул Уляп, курган I

Рис. 6. Пластины в виде оленей. Первая половина IV в. до н.э. Золото. Аул Уляп, курган I

Высокое мастерство местных ремесленников и ювелиров демонстрируют предметы, выполненные в меото-скифском зверином стиле. К ним можно отнести часть культового навершия в виде фигуры оленя. Это весьма реалистично переданная голова животного, выполненная из дерева и покрытая золотым листом, с рогами из серебра (рис. 5). Древний мастер использует весьма лаконичные художественные средства: вдавленными переданы рот и овальный глаз животного с небольшим завитком-«слезницей». Подобное воплощение образа оленя восходит к местным кубанским прототипам эпохи скифской архаики — оленям из Махошевской и однотипным навершиям из Адыгеи, хранящимся в Краснодарском и Майкопском музеях¹⁶.

Несколько другую трактовку шагающего оленя мы наблюдаем на крупных золотых пластинах из Уляпского кургана № 1. Завитки рогов животных переданы в виде голов хищной птицы. Этот прием, встречающийся в местном меото-скифском искусстве IV в. до н.э., характерен для стиля вещей из курганов у ст. Елизаветинской, раскопанных Н.И. Веселовским в 1913–1917 гг. (далее «елизаветинский» стиль) (рис. 6). По воплощению этого образа близки и золотые нашивные бляхи из курганов № 4 и 5 с односторонним изображением оленя: стоящего, лежащего и идущего в обрамлении квадратной рамки, украшенной «жемчужником» (рис. 7).

Среди зооморфных бляшек-аппликаций, которыми, вероятно, были расшиты ткани, в Уляпских курганах встречены изображения уточки, стоящего льва, а также фигурка копытного с поджатыми ногами и обращенной назад лосяной мордой с одним закрученным рогом-«лосекозла» (рис. 7).

Весьма разнообразны встреченные в курганах № 4 и 5 многочисленные нашивные бляшки-аппликации, украшавшие одежду, в которых используются геометрические и растительные мотивы. В них различимы изображения плюща, пальметты, розетки, встречающиеся в античной орнаментике (рис. 8). Возможно, что часть этих бляшек была изготовлена греками. В то же время в Уляпских курганах мы находим яркое подтверждение тому, что золотые бляшки-аппликации, как и другие украшения из золота, могли делать местные

Рис. 5. Навершие в виде головы оленя. Фрагмент. V — первая половина IV в. до н.э. Золото, серебро. Аул Уляп, курган I

Рис. 6. Пластины в виде оленей. Первая половина IV в. до н.э. Золото. Аул Уляп, курган I

Высокое мастерство местных ремесленников и ювелиров демонстрируют предметы, выполненные в меото-скифском зверином стиле. К ним можно отнести часть культового навершия в виде фигуры оленя. Это весьма реалистично переданная голова животного, выполненная из дерева и покрытая золотым листом, с рогами из серебра (рис. 5). Древний мастер использует весьма лаконичные художественные средства: вдавленными переданы рот и овальный глаз животного с небольшим завитком-«слезницей». Подобное воплощение образа оленя восходит к местным кубанским прототипам эпохи скифской архаики — оленям из Махошевской и однотипным навершиям из Адыгеи, хранящимся в Краснодарском и Майкопском музеях¹⁶.

Несколько другую трактовку шагающего оленя мы наблюдаем на крупных золотых пластинах из Уляпского кургана № 1. Завитки рогов животных переданы в виде голов хищной птицы. Этот прием, встречающийся в местном меото-скифском искусстве IV в. до н.э., характерен для стиля вещей из курганов у ст. Елизаветинской, раскопанных Н.И. Веселовским в 1913–1917 гг. (далее «елизаветинский» стиль) (рис. 6). По воплощению этого образа близки и золотые нашивные бляхи из курганов № 4 и 5 с односторонним изображением оленя: стоящего, лежащего и идущего в обрамлении квадратной рамки, украшенной «жемчужником» (рис. 7).

Среди зооморфных бляшек-аппликаций, которыми, вероятно, были расшиты ткани, в Уляпских курганах встречены изображения уточки, стоящего льва, а также фигурка копытного с поджатыми ногами и обращенной назад лосиной мордой с одним закрученным рогом-«лосекозла» (рис. 7).

Весьма разнообразны встреченные в курганах № 4 и 5 многочисленные нашивные бляшки-аппликации, украшавшие одежду, в которых используются геометрические и растительные мотивы. В них различимы изображения плюща, пальметты, розетки, встречающиеся в античной орнаментике (рис. 8). Возможно, что часть этих бляшек была изготовлена греками. В то же время в Уляпских курганах мы находим яркое подтверждение тому, что золотые бляшки-аппликации, как и другие украшения из золота, могли делать местные

мастера. Это два штампа-матрицы, предназначенные для изготовления золотых бляшек в виде идущей влево пантеры и полых золотых дольчатых бусин (рис. 9).

С большой долей вероятности к работе местных кубанских мастеров сейчас можно отнести и один из ритуальных сосудов, обнаруженных в кургане № 4. Этот золотой сосуд имеет форму рога (рис. 10). В месте перегиба сосуд опоясан широкой пластиной, все поле которой украшено накладками, выполненными из проволоки в виде сдвоенных волют. На основание надет наконечник в виде трубочки, украшенной четырьмя накладными плетеными поясками, завершённый скульптурным изображением головы пантеры с раскрытой пастью. А.М. Лесков относил этот ритон к работе мастеров ахеменидского Ирана, датируя временем не позже V в. до н.э.¹⁷ На это имелись определенные основания. Действительно, форма подобных кубков находит соответствие среди иранских сосудов VI–V вв. до н.э. Определенные параллели имеются и в декоре: это головка пантеры с сердцевидным ухом, которая заставляет

Рис. 7. Бляшки нашивные с зооморфными изображениями. Первая половина IV в. до н.э. Золото. Аул Уляп, ритуальные комплексы курганов 4 и 5

Рис. 8. Бляхи нашивные. Первая половина IV в. до н.э. Золото. Аул Уляп, ритуальные комплексы курганов 1, 4 и 5

Рис. 9. Штампы. Первая половина IV в. до н.э. Бронза. Аул Уляп, курган 5

Рис. 10. Ритон. V — первая половина IV в. до н.э. Золото. Аул Уляп, курган 4

обратиться к искусству Зивие. В то же время настораживает тот факт, что находка подобного сосуда в Прикубанье далеко не уникальна. В хранящейся в Берлине части коллекции Мерля де Массино, так называемом «Майкопском кладе», имеются четыре золотых ритона с наконечниками в виде головок пантер, практически идентичных уляпскому¹⁸.

Фрагменты двух ритонов с аналогичными окончаниями и таким же декором в виде сдвоенных напаянных волют были найдены в 1967 г. в кургане

у ст. Ивановской возле Краснодара¹⁹. Три ритона из «Майкопского клада» декорированы пластиной с повторяющимся штампованным изображением копытного с повернутой назад головой и одним рогом — «лосекозла», таким же, как на уяльских бляхах, о которых говорилось выше²⁰. Кроме того, в Уяльском кургане № 1 обнаружена золотая подвеска в виде головки пантеры. При ее изготовлении была использована та же форма, что и для наконечника ритона, но без последующей доработки деталей. Таким образом, мы сейчас считаем возможным поддержать гипотезу Е.В. Власовой о том, что ритуальные сосуды в виде рога, подобные уяльскому, могли изготавливаться по иранским образцам в одной из мастерских в Прикубанье²¹. В то же время ограничивать существование этой мастерской только серединой V в. до н.э., на наш взгляд, не совсем правомерно. Этому противоречит дата кургана у ст. Ивановской. Золотые украшения из этого комплекса имеют ближайшие параллели в степных курганах Скифии IV в. до н.э. Маловероятно, чтобы все три рога (включая уяльский), были изготовлены в одной мастерской в середине V в. до н.э., но оказались в комплексах IV в. до н.э.

Работе местных мастеров-бронзолитейщиков принадлежат великолепные уздечные детали, выполненные по восковой модели с утратой формы. Именно в них наиболее ярко проявились особенности прикубанского меото-скифского звериного стиля. Некоторые из них, как, например, псалий, заканчивающийся протомой кошачьего хищника с приоткрытой пастью, из кургана № 5 (рис. 11, внизу), бляшки в виде мордочек кошачьего хищника en face (рис. 12, в центре), а также двудырчатые псалии в виде фигурок оленя с поджатыми ногами из кургана № 2 (рис. 12, вверху), находят как стилистические, так и прямые соответствия в произведениях прикубанского звериного стиля V в. до н.э. времени Семибратних курганов. Близкие им параллели имеются в самих Семибратних курганах, в кургане у хут. Шунтук, на золотых пластинках из Прикубанья, из «Майкопский клада»²².

В то же время большинство уяльских зооморфных предметов, выполненных из бронзы, относятся уже к следующему, «елизаветинскому», этапу развития прикубанского звериного стиля. Классическая «елизаветинская» схема хищника с перекрученным туловищем представлена на конском налобнике из кургана № 2 (рис. 12, внизу). Подобные припавшие к земле хищники встречаются во 2-м Тенгинском кургане второй половины IV в. до н.э. и «меотском» святилище в Гиэносе в Абхазии²³. Для меото-скифского искусства «елизаветинского» стиля иногда характерна чрезвычайно сильная трансформация

Рис. 11. Псалии из ритуальных комплексов аула Уяль (в центре из кургана 2, по краям из кургана 5). Первая половина IV в. до н.э. Бронза

Рис. 12. Псалии, бляхи и налобник. Первая половина IV в. до н.э. Бронза. Аул Уяль, курган 2

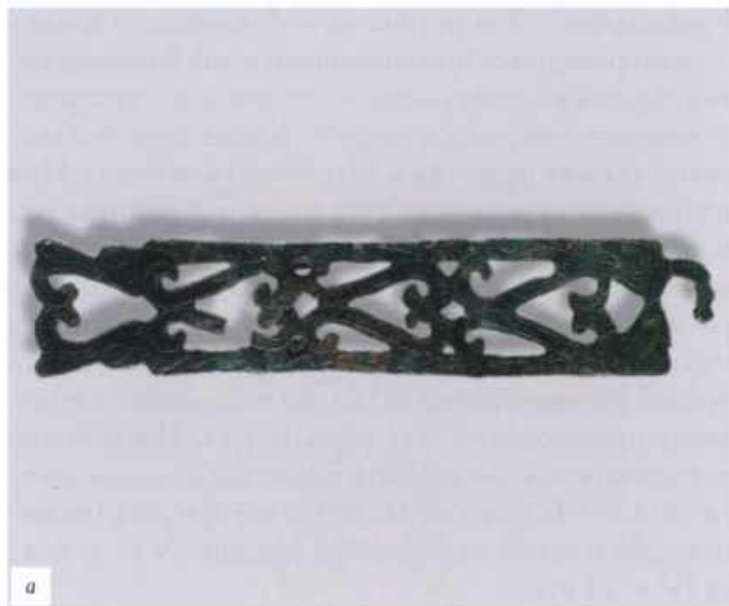

Рис. 13. Налобник (а), псалии (б).
Первая половина IV в. до н.э. Бронза.
Аул Уляп, ритуальный комплекс
кургана 5

зооморфного образа, «расшифровать» который помогает лишь серия сходных вещей, на которых этот образ еще очевиден. Так, прямоугольный ажурный бронзовый налобник из кургана № 5 имеет в основе схематичное изображение антитетической композиции из двух пар оленьих рогов, концы которых превращены в птичьи головы (рис. 13). Близкие аналогии известны среди вещей из жертвоприношений коней в Абхазии (Гиэнос), ст. Гурийской, кургана № 2 у ст. Тенгинской.

Местные бронзолитейщики IV в. до н.э. нередко использовали образы, заимствованные из греческого искусства. Так, например, Г-образные псалии из кургана № 5 имеют протому позднегреческого грифона с гребнем (рис. 13), близкую аналогию мы находим в Кужорских курганах второй половины IV в. возле Майкопа²⁴. Из греческого искусства заимствован и образ гиппокампа, протомой которого украшен другой комплект псалиев из кургана № 5 (рис. 11, сверху).

Подобные заимствования для нас не удивительны, поскольку меотская элита широко пользовалась в своем быту и ритуальной практике произведениями мастеров античного мира. Наиболее ярким примером тому является всемирно известный ритон с протомой Пегаса из кургана № 4 (рис. 14). Серебряный с позолоченными деталями сосуд высотой 37,7 см имеет форму рога, завершающегося полуфигурой крылатого галопирующего вснузданного коня. Верхняя часть высокого тулова сосуда украшена снаружи и изнутри накладными пластинами с орнаментом, включающим мотивы цветов лотоса и пальметт с волютами. Ниже располагался сохранившийся лишь частично накладной орнамент из пальметт и четырех пластинок с изображением Силена (сохранилась только одна). Под ним находится фриз со сценами борьбы богов и гигантов. Сосуд установлен на высокой рюмкообразной ножке, аналогичной ножке аттических киликов. Многократно опубликованный данный ритуальный сосуд до сих пор вызывает дискуссии о времени изготовления и последующей переделки. Так, например, Е.В. Власова полагает, что данный сосуд в форме рога первоначально был без подставки и имел другое окончание. Он был сделан в конце VI в. до н.э., и наиболее архаической его частью являются накладные пластины в виде сложных пальметт с волютами, находящими аналогии в схеме пальметт на акротерии из храма Афины Афайи на

Рис. 14. Ритон в виде фигуры крылатого коня. V — первая половина IV в. до н.э. Серебро, золочение. Аул Уляп, ритуальный комплекс кургана 4

острове Эгина (конец VI — начало V в. до н.э.), а также и профильное изображение Силена, имеющего аналогии в греческой чернофигурной вазописи конца VI в. до н.э. Позже, в середине V в. сосуд подвергся кардинальной переделке. Он приобрел наконечник в виде полуфигуры Пегаса, рюмкообразную ножку и пластину с изображением сцен гигантомахии²⁵.

Несколько другой взгляд на время изготовления этого сосуда у И.В. Ксенофоновой, которая полагает, что он был выполнен в середине V в. до н.э. греческим мастером, предположительно скульптором-монументалистом, работавшим в Афинах²⁶. Сосуд уже изначально был с протомой крылатого коня, однако не со сложенными, а расправленными крыльями, о чем свидетельствует наличие позолоты и оперения с противоположной, сейчас не видимой зрителю стороны. Сосуд подвергся ремонту и некоторой переделке, возможно, вскоре после изготовления. Она заключалась в прикреплении-«стягивании» крыльев к тулову сосуда, в появлении в нижней части тулова ленты с точечным орнаментом, а также в добавлении наиболее важного и интересного элемента декора уляпского ритона — фриза со сценами гигантомахии. Этот фриз, как показала исследовательница, был оттиснут с матрицы, изготовленной для какого-то другого изделия, а не для данного сосуда. Основанием к этому заключению послужил повтор одной сцены — единоборства Гермеса с гигантом, а также незаполненное пространство на позолоченной пластине, имеющееся в одном месте фриза. По мнению И.В. Ксенофоновой, мастер, изготовивший матрицу для этого фриза, находился под впечатлением сцен гигантомахии, изображенных на метопах восточной стороны Парфенона, строительство которого было закончено в 432 г. Приведем также трактовку и греческих богов, изображенных на фризе: Дионис (с махайрой в правой и ножнами в левой руке), Гермес (с мечем-ксифосом в правой и кадудеем в левой руке), Геката с кузнечными щипцами и раскаленной крицей, Геката или Гера с ключом от храма, Зевс с пучком молний в правой руке и снова Гермес (повтор второй сцены).

Подводя итог мнениям исследователей уляпского ритона, можно уверенно сказать, что этот уникальный сосуд был изготовлен и долгие десятилетия служил украшением пиршественного стола в Аттике, где, возможно, неоднократно и ремонтировался. В первой половине IV в. до н.э. он попадает в качестве дара меотскому вождю, который через какое-то время приносит его в жертву своему божеству.

Такими, привезенными издалека дарами местным вождям, являются и встреченные в курганах Уляпа бронзовые тазы и кувшины, изготовленные, очевидно, в одной из мастерских Средиземноморья в V — начале IV в. до н.э.²⁷ Продукцию ахеменидского Ирана либо Малой Азии представляет серебряная фиала из кургана № 1. В Уляпских курганах встречено большое количество расписных греческих сосудов, преимущественно аттического производства. Из кургана № 4 происходят две панафинейские амфоры второй половины V в. до н.э. (рис. 15). На одной из них изображена Афина в шлеме, идущая влево и держащая в одной руке копьё, а в другой щит с изображением Медузы. Вторая сторона этой амфоры несет изображение трех бегущих атлетов. На второй амфоре, хуже сохранившейся, имеется также аналогичное изображение Афины и фрагментарное изображение судьи, награждающего атлета лавровым венком. Находки этих амфор, являвшихся призом победителю Панафинейских игр, в варварских курганах Прикубанья — случаи не уникальные. Территориально и хронологически ближайшей находкой является амфора из Южного кургана 1913 г. у ст. Елизаветинской в правобережье Кубани.

Рис. 15. Амфоры панафинейские. Вторая половина V в. до н.э. Аула Уляп, ритуальный комплекс кургана 4

Рис. 16. Навершие в виде головы оленя. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Некрополь II Тенгинского городища, курган 2

Рис. 17. Навершие в виде головы оленя. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Некрополь II Тенгинского городища, курган 2

Материалы из Уляпа прекрасно дополняются находками из Тенгинских курганов-святилищ, открытых в 2000—2002 гг. экспедицией под руководством автора этих строк. Как и Уляпские курганы, Тенгинские святилища расположены на территории грунтового могильника — некрополя II Тенгинского городища. Жертвенные предметы, обнаруженные в Тенгинских курганах, демонстрируют нам дальнейшее развитие меотской культуры уже во второй половине IV в. до н.э.

О продолжении традиции меото-скифского зооморфного искусства свидетельствует серия бронзовых изделий из курганов № 1 и 2: это украшения конской узды и бронзовые навершия. Четыре бронзовых навершия в виде обособленной головы оленя с рогами, заканчивающимися птичьими головами (рис. 16, 17), обнаружены в ритуальном комплексе на перекрытии конской могилы в кургане № 2. Располагаясь попарно, они, по-видимому, должны были осуществлять сакрализацию пространства, на котором совершались жертвоприношения. Наиболее изящным является ажурное навершие с головой оленя, обращенной влево (рис. 16). Навершие уплощенное профильное имеет втульчатый насад.

Втулка подпрямоугольная в сечении, в ней сохранились остатки древка. Навершие имеет одностороннее изображение обособленной профильной головы благородного оленя с вертикальными рогами, трансформированными в птичьих головы, голову грифона и фигуру грифона. Если внимательно взглянуть в его рога, можно увидеть вписанного в их контур грифона, заимствованного местным художником с изображений на краснофигурных греческих вазах «керченского стиля»²⁸.

Несмотря на продолжение развития крайне схематизированного «елизаветинского» зооморфного стиля, мы наблюдаем появление в местном декоративном искусстве новых, неизвестных в Уляпе, антропоморфных образов. Это

конский налобник в виде фигуры человека в кафтане и расшитых шароварах из кургана № 2 (Рис. 18). Полнофигурное антропоморфное изображение на конском налобнике в целом уникально с точки зрения соотношения иконографии данного изображения с характером украшаемого предмета. Человек представлен стоящим или идущим, одет в кафтан и шаровары. Голова и ступни человека переданы в профиль, туловище — в фас. На голове гравированными линиями показаны пряди волос, причем отходящая назад и спускающаяся на левое плечо прядь моделирована выступом. Имеются три гравированные линии на трапециевидной шее, передающие гривну, возможно, многовитковую. Рельефом моделирован кафтан с прямыми полами, запахнутый и стянутый поясом, переданным двумя гравированными линиями. Кафтан имеет треугольный вырез ворота, который был показан утраченной вставкой из другого металла (вероятно, серебряной или золотой). Последняя крепилась при помощи пяти мелких сквозных отверстий, расположенных внутри треугольной впадины. Поверхность шаровар, широких в бедренно-коленной зоне и суженных у щиколоток, покрыта гравировкой, образующей ромбовидные фигуры. Вероятно, таким образом был передан вышитый орнамент, причем на каждой штанине орнамент разный. Фигурка имеет продольную петлю на обороте для крепления к уздечному ремню. Небольшая вертикальная петелька присутствует и на ее голове, очевидно, она служила для фиксации налобника в вертикальном положении к наносному ремню. Вместе с тем не следует исключать, что петелька на темени передает гребень шлема, а длинный выступ за головой имитирует назатыльник шлема. Отметим, что антропоморфные изображения в целом чрезвычайно редки для меотского искусства «елизаветинского» стиля. В то же время мы можем привести ряд синхронных соответствий в скифском и скифо-меотском искусстве. Такие атрибуты, как треугольный вырез ворота кафтана и трехвитковая гривна, имеются на скифских изваяниях.

Много соответствий тенгинскому изображению мы находим и на человеческих фигурках, представленных на золотом колпачке из кургана Курджипис в Прикубанье²⁹. Они заключаются в ракурсе изображения с передачей головы и ступней в профиль, а туловища в фас, в ниспадающих на плечи прядях волос, которые отчетливо видны у трех из четырех фигур на курджиписком колпачке. И, наконец, в гривнах на шее. У курджиписких изображений они в два витка, а у тенгинского в три. Аналогичны также треугольный вырез ворота и прямые полы кафтана, равно как и пояс, переданный двумя врезными полосками. Он имеется по крайней мере у двух человеческих изображений (державших человеческую голову) на курджиписком колпачке. Все изображения людей также имеют и расшитые штаны, сближает их и определенный примитивизм в передаче человеческих голов. Отметим, что мастер-торевт, наносивший изображение на курджипиский колпачок, использовал приемы графического стиля «типа станицы Елизаветинской»: здесь широко использован «ребрик», которым весь фриз отделен снизу и которым переданы пояс, края кафтана, отрубленные головы и другие детали. При этом дата, предложенная Л.К. Галаниной для курджипиского кургана, — последняя четверть IV в. до н.э. — в целом входит в те хронологические рамки, которыми мы ограничиваем время сооружения Тенгинских курганов.

Наносник из 1-го Тенгинского кургана³⁰ выполнен в виде головы пантеры, терзающей человеческую голову (рис. 19). Плоская часть наносника представляет собой человеческую голову в обрамлении двух пар звериных лап (вторая пара лап не сохранилась, и на их месте имеются следы облома). Лицо человека широкое, с раскрытыми глазами, переданными двумя овальными

Рис. 18. Налобник конский в виде фигуры человека. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Некрополь II Тенгинского городища, курган 2

Рис. 19. Наносник конский в виде хищника, терзающего человеческую голову. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Некрополь II Тенгинского городища, курган 1

рельефными линиями, внутри которых находятся зрачки в виде ромбических выпуклостей. Рельефный нос, слегка расширенный внизу выступает из надбровного выступа — рельефного пояса. Рот передан небольшой овальной выемкой. В нижней части лицо имеет плавное сужение к треугольному подбородку, слегка подчеркнутое насечками с двух сторон, возможно, художник так хотел передать бороду. Рельефными параллельными линиями переданы и пряди волос, доходящие до уровня лба и упирающиеся в опоясывающую голову поперечную линию, ленту или край головного убора. Вероятно, художник так пытался передать прическу или головной убор, или шлем. К голове примыкает трапециевидная пластина, показывающая либо шею человека, либо торс животного. В другой плоскости к человеческой голове находится голова кошачьего хищника — пантеры с приоткрытой пастью и изогнутой дугой шеей, на которой автор рельефно передал шерсть, ухо, миндалевидный глаз. Пасть зверя находится у верхней части головы человека. Плоская часть изделия на обороте имеет петлю для крепления к наносному ремню. Размеры наносника 8,2 × 3,3 см. По своим конструкционным особенностям тенгинский наносник, вероятно, восходит к группе скульптурных наносников и налобников Северного Причерноморья VI—IV вв. до н.э. Некоторые из них имеют и дополнительные изображения (личины) животного на плоской пластине. Так, например, близок тенгинскому наносник из кургана Чмырева могила, на котором имеются изображения в двух плоскостях: скульптурного изображения кошачьего хищника и рельефного изображения звериной личины в обрамлении лап на плоской пластине³¹. Однако мастер тенгинского наносника переосмыслил известные ему прототипы, используя их для своей задачи. Он ввел в композицию человеческое изображение. В Степной Скифии IV в. до н.э. сюжет терзания — пожирания кошачьим хищником человека встречен дважды. На золотой пластине из кургана у с. Архангельская Слобода Херсонской области имеется изображение льва терзающего бородатую человеческую голову. Кроме этой бляшки подобный сюжет встречен на одной из пластин ножен солохского меча, где изображена пантера с раскрытой пастью, обращенной к человеческой руке. Таким образом, мы не отрицаем и возможности, что за

Рис. 20. Накладки на деревянную чашу. Вторая половина IV в. до н.э. Золото. Некрополь II Тенгинского городища, курган 2

сценой терзания человека пантерой стоит какой-то конкретный сюжет мифологии, имеющий скифско-меотские параллели.

На изображениях на золотых накладках на деревянную чашу и золотой ажурной пластине, предположительно части диадемы, из кургана № 2 ощущается влияние сарматского мира, вероятно, исходящее из региона Поволжья и Приуралья.

Очевидно, с Южным Приуральем следует связывать изображение оленя на золотых накладках на полусферическую деревянную чашу из Тенгинского кургана № 2³². На четырех пластинах, оттиснутых с одной матрицы, рельефно представлен лежащий либо скачущий олень с головой повернутой назад (рис. 20). Грудь передана двумя concentрическими окружностями с точкой посередине. Ребра — несколько рельефных полосок. Задняя часть животного имеет изображение головы хищной птицы. Следует отметить, что это первая известная нам находка полусферической чаши с металлическими аппликациями в Прикубанье, где основным культовым сосудом был ритон или рог для питья. Наибольшее стилистическое соответствие олень тенгинской чаши, по нашему мнению, находит у деревянных покрытых золотым листом оленей из кургана № 1 Филипповки: это «худые» животные, тело которых образуют две параллельные линии, подчеркнута переданы ребра, грудь изображена в виде concentрических окружностей³³. Тенгинские курганы датируются в пределах второй половины IV — начала III в. до н.э. Это один из самых поздних памятников меото-скифского периода.

Следующий меото-сарматский период характеризует серия предметов, хранящихся в Кубанской коллекции ГМИНВ и происходящих из Серегинского, Ново-Вочепишйского, Тенгинского и Чернышевского грунтовых могильников, исследовавшихся Кавказской экспедицией музея на территории Адыгеи.

¹ Подробно о деятельности музея с 1918 по 1950 г. и в 1950–1970-е годы можно узнать из недавно опубликованных монографий В.Е. Войтова: *Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока. 1918–1950: Люди, вещи, дела.* М., 2003; *Он же.*

Материалы по истории Государственного музея Востока. 1951–1970: *Люди, вещи, дела.* М., 2006.

² Более подробно деятельность этого Отдела с 1981 по 1999 г. отражена в специальной статье: *Носкова Л.М., Эрлих В.Р., Мкртычев Т.К., Днсп-*

ровский К.А. Археология в Государственном музее Востока // *РА.* 2000. № 3. С. 154–169.

³ *Лесков А.М., Эрлих В.Р.* Могильник Фарс/Клады: Памятник перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. М., 1999.

- ⁴ Материалы кургана 2 могильника Уашхиту планируется передать в фонды Северо-Кавказского филиала ГМИНВ (г. Майкоп).
- ⁵ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство VIII—III вв. до н.э. из курганов Адыгеи. М., 2006. Кат. № 21.
- ⁶ Подробнее см.: Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. С. 34—35.
- ⁷ См.: Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. 1990. № 1; Он же. «Птицеголовые скипетры» предскифского времени: Новые аргументы дискуссии // Материальная культура Востока. М., 2005.
- ⁸ Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры: (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. 1995. Вып. В2-5. Табл. XXII, 5—7; Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. Табл. 11, 18; 13, 1.
- ⁹ Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Бронзовое навершие булавы из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах. Москва; Армавир, 2002. Вып. 8.
- ¹⁰ Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984. С. 21, рис. 8, б; Трапи М.М. Труды Сухуми, 1969. Т. 2. С. 70, табл. IV, 2; С. 131, 204, табл. XXVII, 2.
- ¹¹ Эрлих В.Р. У истоков... С. 86—88.
- ¹² Эрлих В.Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период // МИАР. 1997. № 1.
- ¹³ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 41.
- ¹⁴ Там же. Кат. № 44.
- ¹⁵ Галанина Л.К. Келермесские курганы. М., 1997. Табл. 6, 44; Кат. № 204, 205.
- ¹⁶ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Рис. 7; Кат. № 88; L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe (VI siècle av. J.-C. — IV siècle apr. J.-C.). P., 2001. P. 84, fig. 14.
- ¹⁷ Leskov A. Grabschätze der Adygeen. München, 1990. S. 41.
- ¹⁸ Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. B., 1970. Bd. I. Taf. 35, 1, 2; 36, 1—5.
- ¹⁹ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. Рис. на с. 130, 175.
- ²⁰ Greifenhagen A. Schmuckarbeiten... Taf. 35, 3—5.
- ²¹ Власова Е.В. О рогах для питья из Уляпского кургана № 4 // ТС. СПб., 2002. Вып. 4. С. 139—141.
- ²² Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, 1966. Табл. 60, 61, 126; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 286; Greifenhagen A. Schmuckarbeiten... Taf. 32, 5, 6.
- ²³ Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1. С. 166, 167, рис. 6, 1—4.
- ²⁴ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 92.
- ²⁵ Власова Е.В. О рогах... С. 148, 149.
- ²⁶ Ксенофонтова И.В. Серебряный ритон с протомой Пегаса из IV Уляпского кургана // ВДИ. 1997. № 2.
- ²⁷ Ксенофонтова И.В. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов // РА. 1992. № 4.
- ²⁸ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Уникальные навершия из святилища у станции Тенгинской // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 51—58.
- ²⁹ Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980. С. 45—47, 93. № 51.
- ³⁰ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 128.
- ³¹ Подробнее см.: Эрлих В.Р. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 2002. С. 12—13.
- ³² Эрлих В.Р. «Скифский» культовый набор в меотском святилище // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 236, рис. 4.
- ³³ Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб., 2001. Кат. № 1—5, 21—28.

ПОЗДНЕ- ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ И РИМСКИЙ ПЕРИОДЫ

В.Р. ЭРЛИХ

Вопрос об античном влиянии на местные племена Кубани в позднеэллинистическое и римское время (III в. до н.э. — II в. н.э.) может быть рассмотрен на материалах следующих памятников: Серегинский грунтовой могильник, Тенгинский грунтовой могильник, могильник Четук, грунтовые могильники у хуторов Чернышев и Штурбин, Ново-Вочепшийский грунтовой могильник, курганный могильник Садовый (рис. 1).

Усиление связей Боспорского царства с меотскими племенами способствовало развитию некоторых ремесел в среде кубанских племен, что весьма наглядно проявилось в гончарстве. На рубеже IV—III вв. до н.э. появляются новые керамические формы, подражающие античным образцам¹. Прежде всего это канфары и ойнохойи. Наиболее ранние формы меотских канфаров практически копируют античные. Таков, например, сосуд из Серегинского грунтового могильника (рис. 2). Тулово украшено графическим рисунком, имитирующим каннелюры, ножка оформлена рельефными выступами. Две вертикальные ручки имеют в верхней части площадки-выступы. Размеры сосуда: высота 16 см, диаметр устья 11 см, диаметр ножки 6,1 см. Местный мастер, следуя моде, старался как можно точнее воспроизвести форму античного образца, но, не имея достаточного профессионального навыка и не понимая конструктивных особенностей эллинистической формы, оставляет лишь внешнее сходство с моделью, упрощая декор. В полую ножку сосуда был помещен небольшой камень, создававший эффект «погремушки». Подражая чернолаковому покрытию аттического канфара, местный гончар загладил поверхность сосуда до блеска. В течение последующих двух веков форма

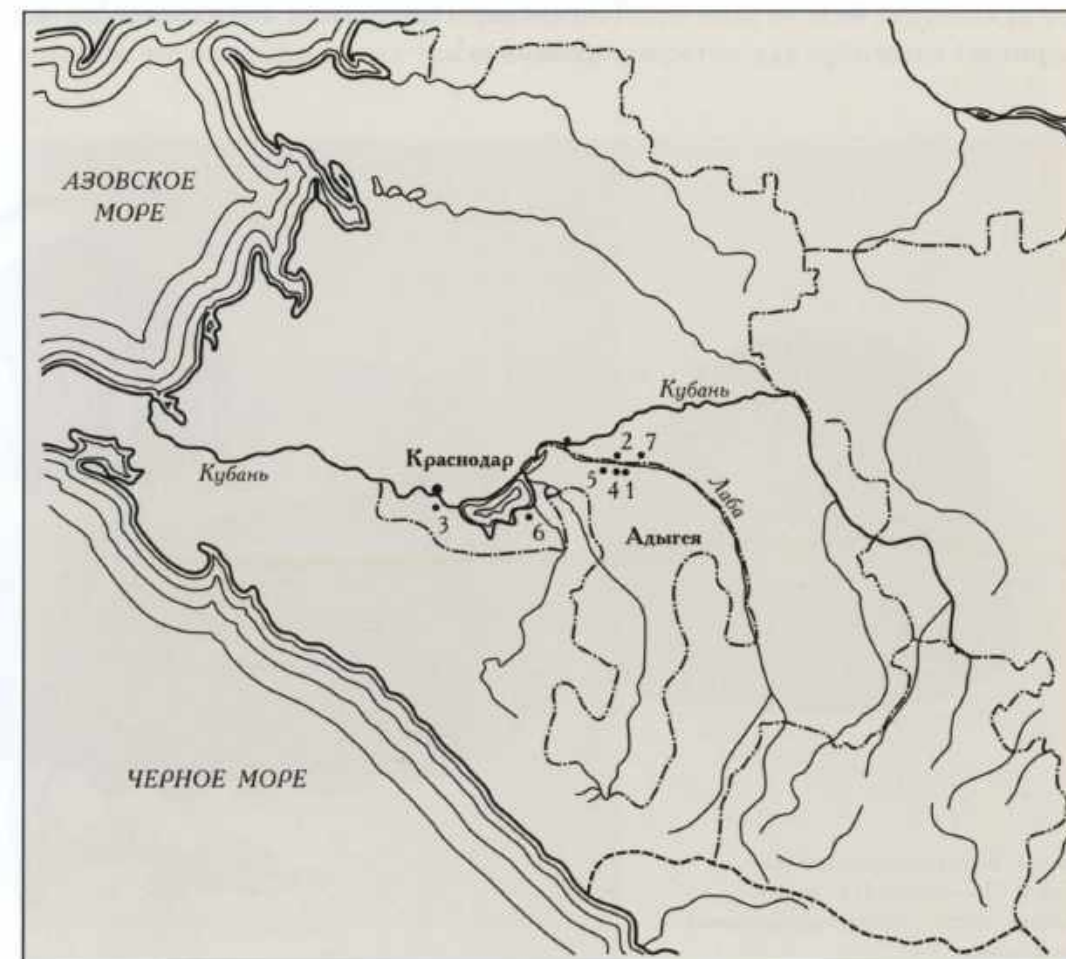

Рис. 1. Карта расположения памятников
1 — Серегинский могильник;
2 — Тенгинский грунтовой могильник; 3 — могильник на оз. Четук; 4 — могильник у хут. Чернышев; 5 — могильник у хут. Штурбин; 6 — могильник у аула Ново-Вечепший; 7 — могильник Садовый у ст. Воздвиженской

Рис. 2. Канфар. Глина. Серегинский могильник

античного канфара развивалась в местной среде меотскими гончарами от сложнопрофилированной, подражающей античному образцу, к упрощенной, имеющей мало общего с прототипом.

В конце IV в. до н.э. существенные изменения происходят в оформлении парадного конского убора. На смену звериному стилю, сложившемуся под влиянием скифской культуры и украшавшему конскую упряжь меотов в VII—IV вв. до н.э., приходит иной стиль в технике пуансона. Предметы конского парадного убора, выполненные в этом стиле, найдены на территории Украины, Таманского полуострова, Ставропольского и Краснодарского краев. Не исключено, что импульсом к смене стиля стал приход к власти на Боспоре династии Спартокидов в 438 г. до н.э., которые, по мнению В.Ф. Гайдукевича, были выходцами из местной, возможно, фракийской среды². Из погребения 140 Тенгинского грунтового могильника происходит парадный

конский убор конца III — начала II в. до н.э., состоящий из бронзового налобника, нагрудника, кабаньего клыка (рис. 3) и крупных стеклянных бусин, украшавших ремни огольвья (рис. 4). Налобник треугольной формы с шумящими колькольчиками-подвесками украшен антропоморфным стилизованным изображением и геометризованным орнаментом, выполненным в пуансонной технике. Длина пластины 16,5 см, высота 7,8 см, высота подвесок 4—4,3 см. Подобные налобники встречены также в погребении 158 Тенгинского грунтового могильника³ и в погребении 15 Новолабинского могильника⁴.

Рис. 3. Конский парадный убор. Конец III — начало II в. до н.э. Бронза, кость. Тенгинский грунтовой могильник

Рис. 4. Бусины конского парадного убора. Конец III – начало II в. до н.э. Стекло. Тенгинский грунтовой могильник

Бронзовый нагрудник из погребения 140 представляет собой пластину неправильной прямоугольной формы размером 40,3 × 17 см, украшенную чеканным пуансонным геометризованным орнаментом и концентрическими гравированными кругами. В нижней части пластины имеются пять полукруглых выступов, к двум из них крепились подвески в виде лунниц, орнаментированные тройными рядами пуансона. Кроме лунниц в нижней части с помощью перекрученных проволочек были прикреплены девять подвесок-колокольчиков. Нагрудники датируются концом IV – серединой II в. до н.э. и происходят с территории Украины (курган у г. Никополь⁵, курган Острый в Донецкой обл.⁶), Ставропольского края (некрополь Татарского городища⁷), Таманского полуострова (конская гробница первого склепа Васюриной горы⁸) и Закубанья (Новолабинский могильник⁹, Тенгинский грунтовой могильник¹⁰).

В коллекции музея хранятся четыре бронзовых шлема. Три из них относятся к шлемам так называемого кубанского типа (два из них происходят из кургана № 3 у оз. Четук, один – из погребения 138 Серегинского грунтового могильника) (рис. 5). Высота шлемов 17–18 см, диаметр основания 21–23 см. Эти шлемы, имеющие куполообразную форму, сделаны из бронзовых листов, соединенных заклепками, дополнены рельефными валиками, проходящими по центру и по краям шлемов; височная область украшена завитками. Время их бытования – конец III – II в. до н.э. Аналогичный шлем происходит из Курганинского могильника в Краснодарском крае¹¹. Исследователи считают, что шлемы подобного типа являлись продукцией местных мастеров, но их форма и декор несут на себе влияние античного мира¹². Четвертый бронзовый шлем относится к типу Монтефартино. Он найден в кургане № 1 Серегинского могильника (рис. 6). Шлем полусферической формы с полым усеченно-коническим навершием, козырек-назатыльник постепенно переходит в узкие поля по всей окружности основания, назатыльник имеет три сквозных отверстия для крепления бармицы.

Рис. 5. Шлемы. Конец III – II в. до н.э. Бронза. Курган № 3 у оз. Четук

Рис. 6. Шлем. Бронза. Курган № 1 Серегинского могильника

По бокам приклепаны две петли для нащечников. Спереди и сзади купола шлема вмятины — следы ударов тупым оружием. Высота 21,5 см, диаметр 19,5 × 20,5 см. Датируется концом I в. до н.э. — третьей четвертью I в. н.э. Наиболее близкая аналогия — шлем из хут. Веселый (Ростовская обл.), датированный второй половиной III — первой половиной II в. до н.э.¹³ Шлем из Серегинского могильника является собой финальный вариант этрусско-италийских шлемов, попадавших в Северное Причерноморье в результате торговых контактов или военных столкновений.

Импортированная посуда представлена стеклянными, керамическими и бронзовыми сосудами. В коллекции музея хранятся стеклянные сосуды из меотских памятников позднеллинистического времени. Стеклянная чаша-фиала из погребения 177 Тенгинского грунтового могильника имеет полусферическое тулово, округлое дно. Сделана в технике навивки на основу стеклянных жгутов (техника «Reticella») из бесцветного прозрачного и желтого непрозрачного стекла. Венчик сделан из жгута синего и белого непрозрачного стекла. Высота 7 см, диаметр устья 13 × 13,5 см (слегка деформирована) (рис. 7). Область распространения подобных чаш на Ближнем Востоке и в Малой Азии весьма широка: от Ирака и Сирии до Турции. Однако наибольшее количество их находок (Reticella-Schalen) происходит из г. Каносы в Южной Италии. Датируются подобные чаши второй половиной II в. до н.э.¹⁴

Из воинского погребения 39 Тенгинского грунтового могильника происходит канфар прозрачного стекла с полусферическим туловом на высокой рюмкообразной ножке. Ручки оформлены выступами-упорами. Высота сосуда 15 см, диаметр устья 13,4 см (рис. 8, 2). Аналогичный кубок был найден в погребении у ст. Новокорсунской в Прикубанье (И.П. Засецкая и И.И. Марченко датируют его второй четвертью I в. до н.э.¹⁵).

В кургане № 3 на оз. Четук был обнаружен стеклянный сосуд-скифос, который характеризуется полусферическим туловом на кольцевом поддоне, ручки сверху украшены плоским трапециевидным выступом, снизу — плос-

ким выступом, снизу — плос-

Рис. 7. Чаша-фиала. Вторая половина II в. до н.э. Стекло. Погр. 177 Тенгинского грунтового могильника

ким овальным выступом. Высота 6,5 см, диаметр 9 см¹⁶ (рис. 8, 1). Аналогии этому сосуду ведут в комплексы у ст. Титоровской и могильника городища 3 у хут. Ленина (раскоп II)¹⁷, датирующихся концом II в. до н.э. Два вышеописанных сосуда из коллекции ГМИНВ выполнены в технике литья в двухсоставной форме под давлением. После отливки поверхность сосуда дополнительно шлифовалась на станке.

Помимо вышеописанных предметов в коллекции ГМИНВ хранится фрагмент стеклянного скифоса из погребения 140 Тенгинского могильника начала II в. до н.э., который является наиболее ранней находкой среди предметов данной категории¹⁸. По мнению И.П. Засецкой и И.И. Марченко, стеклянные литые сосуды служили дипломатическими дарами местным вождям и поступали на Северный Кавказ в связи с военными событиями, в которых участвовали наемники-сираки¹⁹.

Античная керамика найдена в ритуальных комплексах Тенгинского могильника. Из первого ритуального комплекса (погребение 140) происходит набор унгентариев и чернолаковые мисочки (рис. 9). Находки унгентариев в кубанских комплексах довольно редки, в основном в сарматских погребениях правобережья Кубани. И.И. Марченко приводит четыре комплекса из правобережных курганных могильников, где были обнаружены подобные унгентарии²⁰. Один из тенгинских унгентариев покрыт черным лаком с процарапанными горизонтальными полосами, опоясывающими тулово. Аналогичный ему происходит из кургана № 1 погребения 2 Карстового могильника в Прикубанье, датированного первой половиной II в. до н.э. (раскопки А.Н. Гея в 1985 г.)²¹. Три других — красноглиняные, на двух из них — горизонтальные полосы бурого лака. Размеры: высота 17–17,7 см, диаметр тулова 6,5–17 см. Аналогичные унгентарии происходят из слоев эллинистической Ольвии, где они датируются второй половиной III — началом II в. до н.э.²² К этому же времени относит их Г. Томпсон на основании материалов афинской агоры²³. Чернолаковые миски: две с полусферическим туловом и отогнутым краем, одна с загнутым внутрь краем. На внутренней стороне первых двух мисок имеется штампованный орнамент в виде пальметок. В материалах эллинистической агоры такие сосуды датируются 225–175 гг. до н.э.²⁴ Третья миска имеет загнутый внутрь бортик, полусферическое тулово, кольце-

Рис. 8. Скифос из кургана № 3 у озера Чейтук (1), канфар из погр. 39 Тенгинского грунтового могильника (2). Стекло

Рис. 9. Мисочка чернолаковая и унгентарии. Погребение 140 Тенгинского грунтового могильника

вой поддон. Некачественным лаком с металлическим блеском, сохранившимся частично, покрыта внутренняя поверхность и на 2/3 внешняя. Подобные миски встречены в памятниках конца III—II в. до н.э. Северного Причерноморья и Кавказа, в частности в Артюховском кургане²⁵. М.И. Максимова считает, что эти сосуды, как и вышеописанные мисочки с отогнутым краем, были продукцией малоазийских мастеров²⁶.

Бронзовая посуда весьма редка в закубанских комплексах позднеэллинистического времени, поэтому каждая находка представляет большой интерес для ученых. Из Тенгинского грунтового могильника происходят две бронзовые патеры, аналогии которым и центры их производства не известны, одна из

Рис. 10. Ойнохоя из Чернышевского могильника (1), пatera из Тенгинского грунтового могильника (2). Бронза

Рис. 11: Фибула-брошь из погр. 140 Тенгинского грунтового могильника (1), брошь из погребения 177 того же могильника (2). Золото, сердолик

них (погребение 19) сохранилась полностью: тулово в виде низкой открытой емкости с сильно отогнутым широким краем, в центре — круглый выступ (рис. 10, 2). К краю сосуда крепится горизонтальная петлевидная ручка. Высота 1,7 см, диаметр 14,8 см. Еще один бронзовый сосуд этого периода в коллекции музея — таз из кургана № 3 на оз. Четук, датированный II—I вв. до н.э.²⁷

Довольно полно и ярко в фондах ГМИНВ представлена коллекция ювелирных украшений, сделанных мастерами античного мира. В первом ритуальном комплексе (погребение 140) Тенгинского грунтового могильника был найден весьма разнообразный набор ювелирных предметов, изготовленных в разных частях античного мира. Три золотые ромбовидные фибулы-броши с завитками на углах, края оформлены сканью, в центре — сердоликовые вставки. Одна из фибул имела бронзовую иглу (рис. 11, 1), другая — железную, третья — без иглы. Размеры щитков 3—3,5 × 2,4—2,7 см. А.К. Амброз датировал подобные фибулы II—I вв. до н.э.²⁸ И.И. Марченко ограничил дату до II в. до н.э.²⁹ Такой тип фибул-брошей был широко распространен в указанное время в Северном Причерноморье. Работой египетских ювелиров является перстень с портретом Арсиной III (рис. 12). Он имеет плоский щиток овальной формы с углубленным изображением женской головы в профиль. Лицо проработано весьма схематично. Голова опоясана лентой, поддерживающей узел волос на затылке. Шинка перстня плоская. Размеры щитка 2,5 × 2 см, высота перстня 2 см. Это самая восточная находка подобного перстня. Серия перстней так называемого «птолемеевского» типа наиболее многочисленна в материалах Боспора эллинистического времени, а их появление здесь исследователи связывают с деятельностью боспорских торговцев-мореплавателей³⁰ или воинами-наемниками, служившими у царей Египта³¹. Изготовление подобных перстней в Египте было прекращено в конце III в. до н.э.

Весьма разнообразны подвески. Особо интересен овальный медальон со вставкой из прозрачного стекла, на одной стороне которой изображен молодой всадник, одетый в широкие шаровары (рис. 13). Левой рукой он держится за повод, в правой руке — копье. Лицо изображено в профиль, глаз — анфас, волосы до плеч. Лошадь скачет в галопе; четко проработан распушенный приподнятый хвост. Размер медальона 2,6 × 2,1 × 1 см. Стекло вставка предназначалась для перстня, вдоль нее внутри проходит круглый сквозной канал. Позднее этот литик вставили в достаточно грубую золотую оправу медальона, которая сделана из золотой полосы; она имеет неровно загнутые края, по ребру проходит орнамент в сканной технике, в верхней части оправы находится петля, смещенная от центра вбок. По мнению С.Я. Берзиной, стеклянный скарабеоид был сделан в V—IV вв. до н.э. в мастерских Малой Азии, где в ахеменидский период изготавливали геммы из стекла, подражающие более дорогим каменным образцам. Их отливали в форме, штампом делали оттиск с изображением и дорабатывали его резцом. Подобная техника позволяла широко тиражировать печати. Литик с оттиском того же штампа был найден в Ольвии (сейчас хранится в Британском музее)³². Подобные медальоны были очень широко распространены за пределами Малой Азии в III—II вв. до н.э. Для их изготовления местные мастера использовали не только привозные геммы, но и гладкие стеклянные вставки, оправляя их в простые, часто небрежно сделанные рамки, как, например, овальный медальон в золотой оправе со вставкой из зеленого стекла, найденный в погребении II в. до н.э. могильника городища № 3 у хут. Ленина³³.

Рис. 12. Перстень с изображением Арсиной III. Бронза

Рис. 13. Медальон с изображением всадника. Золото, стекло. Погребение 140 Тенгинского грунтового могильника

Не имеют прямых аналогий в известных нам памятниках подвески к серьгам в виде голубя и голубки из горного хрусталя (рис. 14). Изображения птичек отличаются от большинства синхронных изображений большей реалистичностью, детальной проработкой головки и оперения. Фигурка голубя сохранилась полностью, у голубки отбиты клюв и хвост. Грудку и живот голубки обхватывает серебряная проволочка с петлей наверху. Вертикальные каналы, проходящие сквозь тулово птиц, указывают на то, что они изначально использовались в качестве подвесок, вероятно, к серьгам или ожерелью. Высота первой подвески (голубя) 2,2 см, длина 3,5 см, высота второй (голубки) 2,2 см, сохранившаяся длина 2,6 см. Подвески в виде голубей, считавшихся священной птицей Афродиты, сделанные из камня или золота, были весьма популярны в разных областях античного мира³⁴. Однако место производства описанных голубков пока не установлено. Стилистически эти изображения наиболее близки к сердоликовым подвескам в виде голубей из коллекции Музея Бенаки (Benaki Museum, Греция)³⁵, а также к золотым подвескам с эмалевыми вставками на серьгах из Артюховского кургана³⁶. Датируются II в. до н.э.

Среди украшений из меотских могильников позднеэллинистического времени особое место занимают так называемые горгонейоны (рис. 15). Это маленькие керамические диски диаметром 2–2,5 см. На одной стороне имеется штампованное изображение лика Медузы Горгоны, которое покрывалось белой краской и позолотой. Обратная сторона гладкая, с двумя маленькими, соединяющимися дырочками для пришивания. В комплексах меотских могильников их находят в количестве от одного до 15–20. Точное назначение этих дисков не выяснено, предположительно они играли роль амулетов, а образ Медузы Горгоны, связанный с подземным миром, имел отношение к погребальному культу³⁷. Время их появления в памятниках Кубани — вторая половина — конец IV в. до н.э. Во II в. до н.э. эти своеобразные предметы уже не встречаются.

Богатый набор украшений конца II в. до н.э. происходит из погребения жрицы на Тенгинском грунтовом могильнике. Здесь были найдены две сердоликовые геммы в золотых оправках. На одной из них изображен Эрот, гото-

Рис. 14. Подвески. Горный хрусталь. Погребение 140 Тенгинского грунтового могильника

вящийся к нападению (рис. 16, 1). Изображение дано в фас: голова в легком наклоне, руки разведены в стороны, крылья расправлены. В одной руке Эрот держит пучок молний, на запястье другой руки накручена эгида с прикрепленной к ней головой Медузы Горгоны. Размер медальона 2,5 × 1,7 × 0,3 см. Данная гемма — произведение мастера эпохи высокого эллинизма, работавшего при одном из царских дворов эллинистического Востока³⁸. На второй гемме изображен Аполлон-Кифаред (рис. 16, 2). Фигура бога повернута вправо, изображение профильное. Аполлон, стоя, играет на кифаре; на обнаженное тело накинута плащ, застегнутый на шее. Длинные волосы уложены в сложную прическу, локоны спускаются на спину. Голова увенчана лавровым венком. Размер медальона 2,9 × 2 см. Аналогичное изображение Аполлона (с поворотом в другую сторону) вырезано на сердоликовом цилиндре середины II в. до н.э., который хранится в Берлинском музее³⁹.

Из этого же комплекса происходит золотая фибула-брошь с подвесками, использованная для украшения головного убора или прически погребенной женщины. Диск броши разделен на два пояса и украшен сканным орнаментом: во внутреннем — орнамент в виде расходящихся лучей, во внешнем — спиральный; в центре диска приподнятое гнездо с овальной вставкой из белого непрозрачного сильно корродированного стекла. К диску прикреплены 6 ушек, от которых спускаются цепочки с круглыми гладкими дисками. С оборотной стороны припаяна игла. Диаметр большого диска 3 см, размер вставки 1,2 × 0,9 см, диаметр дисков-подвесок 1,3 см (рис. 11, 2). Наиболее близкой аналогией является брошь с четырьмя дисковидными подвесками на цепочках из кургана № 1 объекта 10 Курганинского могильника. Исследователи датировали этот комплекс на основании находки в нем бронзового шлема местного типа второй половиной II в. до н.э.⁴⁰ Брошь с диском меньшего диаметра, с четырьмя цепочками-подвесками была найдена на территории Ново-Вочепшийского могильника, датированного III—I вв. до н.э.⁴¹

Импорты римского времени в памятниках Закубанья не столь многочисленны. Тем не менее, определенные категории этих предметов проникали в районы Закубанья: стеклянная и бронзовая посуда, ювелирные украшения и фибулы, предметы туалета. В коллекции ГМИНВ хранятся стеклянные

Рис. 15. Горгонейоны. Глина. Погребения Серегинского могильника

бальзамарии⁴² и кубок синего стекла⁴³ из Чернышевского могильника. Оттуда же происходит бронзовая ойнохоя — один из образцов италийского производства⁴⁴ (рис. 10, 1). У сосуда сложнопрофилированное трехлепестковое устье, высокое горло, тулово яйцевидной формы на кольцевом поддоне. Высота 20 см, диаметр 11,3 см. К сожалению, литая декоративная ручка этого сосуда была утрачена в древности. Ближайшая аналогия этому сосуду — ойнохойя из могильника городища 1 у ст. Владимирской⁴⁵. Датируются эти предметы I в. н.э.

Многочисленные ювелирные украшения представлены золотыми серьгами работы боспорских мастеров, фаянсовыми амулетами из Египта, латенскими бронзовыми фибулами. Золотые серьги из Тенгинского и Серегинского грунтовых могильников меотской культуры⁴⁶ и из сарматских погребений могильника Садовый⁴⁷ украшают миниатюрные стилизованные изображения лошадиных головок, фигурок козлов и баранов (рис. 17). Несмотря на миниатюрные размеры фигурок (их высота не более 2 см), низким рельефом и сканью подчеркнуты отдельные части тела животных. Подобные серьги были весьма широко распространены среди местных племен в I в. до н.э. — I в. н.э. В погребениях, как правило, находят по одной серьге, в то время как височные колечки встречаются парами. В состав ожерелий и браслетов этого времени часто включали изделия из египетского фаянса. На пронизях изображали скарабеев, львов, лягушек, собак, фаллосы. Большая коллекция подобных пронизей происходит из Чернышевского грунтового могильника I—II вв. н.э.⁴⁸ Е.М. Алексеева считает, что поздняя группа фаянсов, соответствующая римскому периоду, наиболее многочисленна и разнообразна; помимо бирюзового цвета, характерного для более ранних изделий из этого материала, появляются желтые, синие, зеленые, фиолетовые. Увеличивается количество изображений на фаянсах, их популярность в местной среде резко возрастает. В то же время фаянсовые украшения этого периода отмечены огрублением форм и изделий в целом⁴⁹.

Рис. 16. Геммы. Золото, сердолик. Погребение 177 Тенгинского грунтового могильника

Рис. 17. Серьги. Золото. Погребения Серегинского, Тенгинского, Садового могильников

Рис. 18. Фибула из Ново-Вочепшийского могильника (1), фибула из Чернышевского могильника (2). Бронза

Среди импортов римского времени заметное место занимали фибулы. Поступление на Кубань ранних типов латенских бронзовых фибул началось еще во II в. до н.э., подтверждением чему является находка из погребения 163 Ново-Вочепшийского могильника⁵⁰, где была найдена расчлененная среднелатенская фибула с треугольной ножкой и восьмеркообразными петлями на спинке; ее длина 6,1 см (рис. 18, 1). Для Северного Кавказа такая находка уникальна, и аналогии ей в этом регионе пока не известны, подобные фибулы засвидетельствованы в юго-восточном ареале кельтского мира⁵¹.

Из Чернышевского грунтового могильника происходит значительное количество раннеримских фибул, в том числе шарнирная дуговидная фибула типа «Авцисса» с широкой орнаментированной спинкой и надписью «AVCISSA» у ее основания. Длина фибулы 3 см (рис. 18, 2). Комплекс датируется I в. н.э. Еще одна аналогичная фибула из коллекции музея была найдена в Ново-Вочепшийском могильнике. Значительное количество фибул этого же типа происходит из грунтовых могильников правого берега Кубани⁵². Кроме вышеназванных типов в Чернышевском, Серегинском и Тенгинском грунтовых могильниках встречаются лучковые фибулы и сильно профилированные фибулы причерноморских типов, даты которых ограничены I–II вв. н.э.

¹ Анфимов Н.В. Античное наследие в меотской керамике // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 125–129.

² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1948. С. 54–55.

³ Беглова Е.А. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. М., 2002. Вып. 3. С. 157–169, рис. 4, 3.

⁴ Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону, 2006. С. 17, рис. 10, 2.

⁵ Павлуцкий Г. Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде // Археологическая летопись Юга России. М., 1903. С. 37–40; Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 156, рис. 1–3.

⁶ Моруженко А.А., Зарайская Н.П., Санжаров С.Н., Посредников В.А. Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвросиевского, Марьинского, Пер-

шотравневого и Славянского районов Донецкой области в 1983 г. // НА ИА НАНУ. Ф.э. 21381. Киев, 1983. С. 23–24, табл. 14; Simonenko A.V. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. 2001. Bd. 7. S. 217–218, Abb. 13, 5.

⁷ Кудрявцев А.А., Прокопенко Ю.А. Две бронзовые пластины из комплекса предметов конского убора скифского времени из могильника Татарского городища // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1977. С. 13–18; Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Прокопенко Ю.А. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // ДА. 2000. № 2. С. 40–47.

⁸ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Табл. XX, 1, 2.

⁹ Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени...

¹⁰ Беглова Е.А. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // Орус: Междисциплинарные иссле-

дования в археологии. М., 2004. Вып. 3. С. 88–111.

¹¹ Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 217, рис. 36, 2.

¹² Эрлих В.Р. Об одной серии шлемов из Закубанья // РА. 1996. № 3.

¹³ Раев Б.А. и др. Этруско-италийские и кельтские шлемы... С. 127, рис. 38, 1.

¹⁴ Stern E.M. Schlick-Nolte Birgit: Frühes Glas der alten Welt. Verlag Gerd Hatje, 1994. S. 106, 272.

¹⁵ Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 99.

¹⁶ Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985. С. 129, кат. 440, рис. XXI.

¹⁷ Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров... С. 96.

¹⁸ Беглова Е.А. Первый ритуальный комплекс... С. 88–111, рис. 7, 1.

¹⁹ Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров... С. 101.

- ²⁰ Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 44.
- ²¹ Там же. Рис. 73.
- ²² См.: Парович-Пешикан М.Н. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 110, рис. 95, 2.
- ²³ См.: Там же. С. 110.
- ²⁴ Rotroff S. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material: The Athenian Agora. Princeton, 1997. Vol. XXIX. Fig. 60, Cat. 893, 917–918; Fig. 63. Cat. 993, 1020.
- ²⁵ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. Рис. 47.
- ²⁶ Там же. С. 111.
- ²⁷ Сокровища курганов Адыгеи. С. 129, кат. 439, рис. 85.
- ²⁸ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30. С. 33.
- ²⁹ Марченко И.И. Сираки... С. 30.
- ³⁰ Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1. С. 175.
- ³¹ Берзина С.Я. Мероэ и окружающий мир. I–VIII вв. н.э. М., 1992. С. 207.
- ³² Берзина С.Я. Древние геммы Востока: Собрание Государственного музея искусства народов Востока. М., 2007. С. 36–37, кат. № 15. На правах рукописи.
- ³³ Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987. С. 136, кат. 164, рис. XXXIII.
- ³⁴ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 54.
- ³⁵ Greek Jewellery: From the Benaki Museum Collections. Athens, 1999. Kat. № 77, fig. 158, 159.
- ³⁶ Максимова М.И. Артюховский курган. С. 54, арт. 40.
- ³⁷ Малышев А.А. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. Изд-во МГУ, 1993. С. 49–57.
- ³⁸ Берзина С.Я. Древние геммы Востока. С. 66–67, кат. № 31.
- ³⁹ Там же. С. 64–65, кат. № 30.
- ⁴⁰ Raev B., Simonenko A., Treister M. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // JBRGZM. 1991. № 38, fig. 17, 7.
- ⁴¹ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 128, табл. XXXII, кат. № 140.
- ⁴² Там же. С. 154, кат. № 222, 223.
- ⁴³ Там же. С. 158, кат. № 235.
- ⁴⁴ I tesori dei kurgani del Caucaso settentrionale: Catalogo. Roma, 1990. Cat. № 216.
- ⁴⁵ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 156, кат. № 226, табл. XXIX.
- ⁴⁶ Там же. С. 129–130, кат. № 145–147, табл. XXXII.
- ⁴⁷ Беллова Е.А. Погребения зубовско-воздвиженской группы из ст. Воздвиженской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сб. памяти М.П. Абрамовой. М., 2007. С. 376–400.
- ⁴⁸ Шедевры древнего искусства Кубани. С. 148, кат. № 202–204, рис. 61, 62.
- ⁴⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г1-12. С. 27–30.
- ⁵⁰ I tesori dei kurgani del Caucaso settentrionale. Cat. № 231.
- ⁵¹ Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. 1981. № 2. С. 59–61, рис. 2, 13–15.
- ⁵² Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. Вып. 4. С. 222–223.

Часть XIX

ДРЕВНОСТИ
ТАМАНСКОГО
ПОЛУОСТРОВА
В КЕРЧЕНСКОМ
ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНОМ
ЗАПОВЕДНИКЕ

Н. В. БЫКОВСКАЯ

Керченский историко-культурный заповедник правопреемник Керченского музея древностей был открыт в 1826 г. и долгие годы являлся единственным в регионе (не считая Феодосийского) хранилищем античных редкостей¹. Создание в Керчи музея имело целью сохранение памятников древности, расхищение которых началось в связи с промышленным освоением края.

Античные коллекции музея начали формироваться еще в начале XIX в. В основу музейного собрания легла коллекция П. Дюбрюкса. Важнейшим источником пополнения музейного фонда стали археологические раскопки, проводившиеся на территории Керчи и, в менее широких масштабах, на Таманском полуострове. Раскопки Куль-Обы, Большой и Малой Близницы, Юз-Обы, и других всемирно известных памятников, проводившиеся непосредственно Керченским музеем древностей или с его участием, обогатили коллекции Эрмитажа и других музеев интереснейшими памятниками древности. В Керченском же музее традиционно оставались дублетные, «известные в научном отношении», а также тяжелые, а потому не подлежавшие перевозке вещи.

К началу XX в. в Керченском музее древностей из раскопок на азиатской стороне Боспора были собраны находки, не отправленные по тем или иным причинам в распоряжение Императорской Археологической комиссии, а также документы, касающиеся истории археологических исследований в Керчи и на Тамани.

Судьба таманских древностей, хранившихся к началу XX в. в Керченском музее, сложилась по-разному. Золотые украшения из курганных раскопок были похищены в первые годы Советской власти². Невосполнимые потери, выразившиеся в утрате наиболее значимых частей коллекций, почти всего архива и учетной документации, а также практически полной депаспортизации сохранившихся коллекций, Керченский музей понес в годы Великой Отечественной войны³. Утраты военного времени столь масштабны, что в полной мере и по сей день, оценить их не представляется возможным. Несмотря на это, в фондах заповедника и сейчас хранятся сотни вещей, происходящих из разновременных раскопок на Таманском полуострове. Кроме того, в архиве заповедника уцелели некоторые интересные документы, связанные с археологическими исследованиями XIX–XX вв. Благодаря большой работе, проведенной в послевоенные десятилетия сотрудниками музея, удалось определить принадлежность сотен предметов к тем или иным археологическим сборам.

Наиболее изучена и описана лапидарная коллекция, многие памятники которой были опубликованы еще до революции. Обширная библиография позволила в первое послевоенное десятилетие идентифицировать многие памятники. Особую роль сыграл в этом Ю.Ю. Марти. Уже в 1948 г. им были сделаны переводы эпитафий с надгробий эллинистического и римского времени. По памяти и по литературе он восстанавливал паспортные данные, делал описания памятников, необходимые для постановки на учет⁴. Что же касается других музейных коллекций, то применительно к ним работа по депаспортизации довоенных поступлений не может считаться завершённой, прежде всего, ввиду утраты учетной документации.

История археологических изысканий на Таманском полуострове в XIX — первой четверти XX в. неразрывным образом связана с историей Керченского музея древностей. Планомерное изучение античных памятников Таманского полуострова с участием сотрудников Керченского музея древностей было начато в 40-е годы XIX в. Под руководством директоров музея А.Б. Ашика, К.Р. Бегичева, А.Е. Люценко, Ф.И. Гросса, К.Е. Думберга, В.В. Шкорпила

Рис. 1. Статуя Астарты. IV в. до н.э. (?)
Известняк. Ахтанизовский лиман

велись раскопки отдельных курганов, некрополей и городищ в разных частях Таманского полуострова. Керченский музей стал археологической базой, объединившей деятельность целого ряда крупных археологов: Н.П. Кондакова, И.Е. Забелина, В.Г. Тизенгаузена, действовавших по единому плану, выработанному Археологической Комиссией, неразрывно связанной с Керченским музеем⁵.

Вещей, относящихся к раннему периоду исследований на Тамани в первой половине XIX в., в современных коллекциях заповедника чрезвычайно мало. Наибольший интерес среди них представляет скульптура Астар(т)ы (КБН 1015, рис. 1). История ее находки хорошо известна. В 1804 г. хранитель Эрмитажа Е.Е. Кёллер во время своего путешествия по Тамани в местной церкви обратил внимание на памятник царицы Комосарии, состоявший из двух скульптур, мужской и женской, и пьедестала с посвящением⁶. Постамент с надписью в середине XIX в. был отправлен в Эрмитаж, а скульптура Астарты — в Керченский музей древностей, где и хранится в лапидарном собрании. Она выполнена из местного известняка. Богиня одета в длинный хитон с широким поясом на талии. Под мягко задрапированными складками хитона угадываются очертания фигуры: слегка согнутая в колене правая нога, высокая грудь, округлый живот, широкие бедра. Обратная сторона фигуры не обработана, что позволило высказать предположение о том, что скульптура стояла у стены или в нише. Высота скульптуры составляет 1,43 м, ширина — 0,5 м, толщина — 0,15 м. Наряду с традиционной датировкой статуи, предложенной А.П. Ивановой, — вторая половина IV в. до н.э.⁷, существует предположение, что памятник стилистически более близок к «произведениям римских, а не греческих мастеров», что, по-видимому, отражает «боспорское происхождение скульптуры»⁸.

Среди сохранившихся в фондах заповедника находок 60-х годов XIX в., связанных с раскопками курганов, производившихся А.Е. Люценко, чрезвычайно интересен мраморный культовый стол (трапеза) из кургана *Васюринской горы* (рис. 2), датирующийся III в. до н.э.⁹ Найденный в разграбленном склепе стол *in situ* стоял перед саркофагом. Столешница покоится на двух массивных ножках, передняя часть которых выполнена в виде львиных лап. Гладкая поверхность столешницы обрамлена по периметру невысоким бортиком, скошенным внутрь. Внешняя часть столешницы профилирована как простой карниз. С левой стороны столешница имеет пропиал, обработанный с внутренней стороны. Этот желобок, по мнению Ростовцева, был предназначен для стока воды¹⁰. На момент открытия склепа на столешнице имелись следы стоявших на ней бронзовых сосудов разного диаметра, общим числом более двух десятков. Окружности темных окислов от днищ бронзовых сосудов видны на столешнице и сейчас. Обратная сторона столешницы грубо обработана троянкой. По периметру поверхность выровнена, а центральная часть оставлена выпуклой. Такое решение позволяет устойчиво зафиксировать столешницу на массивных ножках. Высота культового стола составляет 0,33 м, длина столешницы 1,11 м.

Рядом с саркофагом находился еще один культовый стол, который вслед за А.Е. Люценко многие исследователи называют скамейкой (рис. 3). Однако по своему назначению это, скорее всего, тоже трапеза. Разность в высоте

обоих столов не превышала десяти сантиметров. Приведенные М.И. Ростовцевым размеры, а также рисунок с изображением столов это подтверждают¹¹. На момент открытия склепа простая гладкая столешница второго культового стола была расколота на две части, и сейчас она считается утраченной. В фондах заповедника сохранились ножки этого стола в виде стилизованных лап. Их высота составляет — 0,26 м, толщина — 0,15 м.

Как известно, в насыпи Второго кургана Васюринской горы были найдены обломки мраморных статуй¹². Среди документов из архива заповедника, относящихся к археологическим раскопкам на Тамани, есть фрагментарно сохранившаяся опись вещей из раскопок Второго кургана Васюринской горы. По всей видимости, опись была составлена перед отправкой вещей в распоряжение Археологической комиссии. По какой-то причине, возможно, из-за боязни повредить более хрупкий груз, часть подготовленных к отправке вещей была оставлена в Керчи. Так, часть находок оказалась в Эрмитаже¹³, а часть — в Керченском музее. В числе оставшихся в Керчи вещей были и фрагменты мраморных статуй.

В упомянутую опись рукой Е.А. Люценко внесены найденные в насыпи с южной и юго-восточной стороны кургана «фрагменты от колоссальной статуи», представляющие «один — часть ступни, обутой в башмак, а другой — часть ноги от колена почти до ступни». Кроме того, в описи значатся «от той же» статуи «сжатая кисть левой руки» и «задняя часть головы, с небольшим отверстием, показывающим, что лицевая часть ее, которой недостает, была прикреплена к ней»¹⁴. В перечне мраморных вещей упоминается также еще один фрагмент от статуи «обыкновенной» величины, представляющей «одно колено с частью ноги»¹⁵.

В более позднем документе — рапорте в Археологическую комиссию от 7 декабря 1898 г. № 166 — К.Е. Думберг, который по поручению комиссии подготовил опись мраморных и известковых статуй, найденных в Керчи, в Феодосии и на Таманском полуострове, упоминает все пять фрагментов с пометкой о том, что один из них, а именно, кисть левой руки, отправлена в

Рис. 2. Культовый стол. III в. до н.э. Мрамор. Васюринская гора

Рис. 3. Ножки культового стола. III в. до н.э. Мрамор. Васюринская гора

Рис. 4. Мужская скульптура.
Фрагмент. III в. до н.э. Мрамор.
Васюринская гора

Рис. 5. Мужская скульптура.
Фрагмент. III в. до н.э. Мрамор.
Васюринская гора

распоряжение Комиссии¹⁶. Именно этот фрагмент, по-видимому, хранится в коллекции Эрмитажа¹⁷.

Несомненный интерес представляют собой обломки, отнесенные А.Е. Люценко к одной «колоссальной статуе». Все они, кроме кисти руки, находятся в фондах заповедника. Не вызывает сомнений принадлежность к комплексу из Васюринского кургана фрагмента мраморной скульптуры, представляющего собой правую голень мужской ноги, на которой видны либо складки облегающего ногу одеяния, либо обвивающие ногу широкие полосы ткани (род эмбальды?)¹⁸ (рис. 4). Длина фрагмента — 0,44 м. Другим упомянутым А.Е. Люценко обломком с большой долей вероятности можно, по нашему мнению, считать часть обуви в закрытую обувь левой ступни на постаменте, высотой 0,15 м, шириной 0,27 м¹⁹. Оба фрагмента не только соразмерны друг другу и выполнены из одной разновидности мрамора, но и стилистически близки друг другу.

Благодаря фотографии, опубликованной М.И. Ростовцевым²⁰, удалось идентифицировать в лапидарной коллекции также фрагмент головы мужской скульптуры (рис. 5). Фрагмент представляет собой затылочную часть головы в головном уборе, из-под которого выглядывают пряди волос, обрамляющие лицо. Высота фрагмента — 38 см, ширина — 25 см, толщина — 17 см. Сохранившиеся в верхней и центральной части пазы для крепления позволяют сделать вывод о том, что голова скульптуры состояла из трех соединенных между собой частей. Не вызывает сомнений факт, что ступня и фрагмент головы действительно представляют собой части одной мужской скульптуры. Учитывая размеры фрагментов, можно представить себе, сколь велики были размеры скульптур или скульптурной композиции, украшавшей либо вход в склеп, либо вершину кургана²¹.

Как уже отмечалось, в Керченском музее в XIX — начале XX в. из различных раскопок довольно часто оставались неудобные для перевозки вещи. Это в полной мере относится к целому ряду надгробий, фрагментов скульптур,

Рис. 6. Надгробный рельеф.
IV в. до н.э. Мрамор. Фанагория

надписей из раскопок И.Е. Забелина и В.Г. Тизенгаузена, случайных находок и приобретений. Большая часть этих памятников была введена в научный оборот В.В. Шкорпилом, В.В. Латышевым и другими исследователями и опубликована в «Корпусе боспорских надписей»²².

Из раскопок И.Е. Забелина на городище Фанагория 70-х годов XIX в. в Керченском заповеднике хранится несколько интересных находок. К классической эпохе относится фрагмент надгробия из мрамора, найденный Забелиным при раскопках в 1870 г.²³ (рис. 6). Сохранившаяся нижняя часть надгробия представляет собой барельеф в виде сидящей в кресле женщины с ребенком на руках. На женщине — хитон, ниспадающий мягкими глубокими складками. Левая рука поддерживает голову ребенка, укрытого краем гиматия (?). Заглаженная оборотная сторона рельефа в римское время была использована для надписи²⁴. Памятник весьма близок к надгробию из собрания Исторического музея, найденному в Ольвии, и, вероятно, относится к той же афинской школе²⁵. Оба памятника сближает и то обстоятельство, что оборотные стороны были использованы для надписей.

По своему содержанию надписи, найденные вблизи Фанагории, носят различный характер. В 1871 г. в музей поступил обломок плиты, разбитый на три части, высотой 0,56 м, шириной 0,30 м, толщиной 0,05 м, с надписью в 27 строк (КБН 1005) (рис. 7). Надпись, по мнению Л.Э. Стефани, поддержанному и другими исследователями, представляет собой устав, касающийся празднования мистерий. По предположению С.А. Жебелева, эти мистерии относились, по-видимому, к Великой Матери, культ которой был распространен на Боспоре. По характеру письма надпись датируется II в. н.э.

В 1911 г. Керченским музеем был куплен обломок плиты (высотой 0,16 м, шириной 0,13 м, толщиной 0,05 м) из белого мрамора с надписью, который, предположительно, был найден на берегу Таманского залива на хуторе Шапырева, недалеко от городища Фанагория (КБН 986) (рис. 8). Надпись относится ко времени правления Рескупорида II и, по мнению В.В. Шкорпила, представляет собой акт об отпуске на волю раба или рабыни.

Из случайных находок, обнаруженных вблизи Фанагории и переданных в Керченский музей, обращает на себя внимание статуя орла из мрамора с отбитым правым крылом (рис. 9). Она была найдена в начале 80-х годов XIX в. также на хуторе Шапырева. Статуя датируется I в. н.э. Ее высота — 0,78 м, ширина — 0,4 м, толщина — 0,28 м. Орел изображен с полураскрытыми крыльями, сильными, широко расставленными лапами, опирающимися на связанные в пучок молнии. Ритмично проработано оперение, четко очерчены лапы орла. Композиционное построение скульптуры идентично изображениям орла на некоторых античных монетах. Не исключено, что орел представляет собой часть скульптурной группы.

К римскому времени относится еще одна мраморная скульптура, найденная на хуторе Шапырева, и переданная в музей в 1892 г. (рис. 10). Скульптура, выполненная римскими мастерами по греческим образцам начала III в. до н.э., представляет собой стоящую женскую фигуру в хитоне, являющуюся, по мнению А.П. Ивановой, изображением Афродиты Урании²⁶.

Целым рядом интересных находок в фондах заповедника представлена *Гермонасса и ее окрестности*. На Тамани в 1926 г. в районе бывшей турецкой крепости, около раскопа Пуленцова, был найден постамент, на верхней плоскости которого хорошо видны углубления для установки скульптуры (КБН 1037) (рис. 11). Высота постамента 0,32 м, ширина 0,60 м, толщина 0,82 м. На боковой стороне постамента сохранилась посвяtitельная надпись: «Демофонт, сын Эгина, посвятил за свою жену Акию Аполлону Врачу при Левконте, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, торетов, дандариев и пессов». Надпись, датирующаяся IV в. до н.э., свидетельствует о том, что культ Аполлона Врача был в этот период распространен не только на европейской, но и на азиатской стороне Боспора. Это подтверждает и найденный в *Фанагории* у хутора Семеняки в 1866 г. еще один постамент с посвяtitельной надписью Аполлону Врачу (КБН 974), также хранящийся в лапидарной коллекции заповедника.

В собрании Керченского заповедника значительную группу памятников, происходящих с Таманского полуострова, составляют надгробия. С Гермонассой связано найденное в 1910 г. в Таманской станице, во дворе частного дома, антропоморфное надгробие из известняка высотой 0,57 м, шириной — 0,34 м (КБН 1071). В верхней части памятника в две строки надпись: «Бакиеон, сын Мосхиона»²⁷ (рис. 12). По характеру письма стела датируется второй половиной III в. до н.э.

Среди надгробных памятников особый интерес представляют стелы первых веков нашей эры, украшенные рельефными изображениями. Они свиде-

Рис. 7. Плита с надписью. II в. н.э. Мрамор. Фанагория

Рис. 8. Плита с надписью (манумиссия). III в. н.э. Мрамор. Фанагория

Рис. 9. Статуя орла. I в. н.э. Мрамор. Фанагория

Рис. 10. Женская статуя. Римская копия с образца. III в. до н.э. Мрамор. Фанагория

тельствуют о существовании местной художественной традиции и являются ярким воплощением особенностей стиля боспорского надгробного рельефа.

Одна из наиболее распространенных на боспорских стелах сцен — сцена трапезы — изображена на верхнем рельефе двухъярусной известняковой стелы II в. н.э., найденной на Тамани и переданной в музей в 1902 г. сотником Н.Д. Щербиной (рис. 13). На нижнем рельефе — всадник, обращенный влево, и мужчина, опирающийся о колонну. Несмотря на довольно условную трактовку человеческих фигур, плоскостность рельефа, мастеру удалось избежать общей статичности сцен. Под рельефом фрагментарно сохранилась надпись: «Протион, сын Камарсаза, прощай»²⁸.

Идея героизации умерших, приобщения их к божеству нашла свое воплощение в сюжете стелы, найденной в «кургане Батарейка» в 1 км от косы Чушка в 1910 г. на частном участке вместе с девятью другими надгробиями II в. н.э. Памятник, высотой 1,11 м, шириной 0,56 м, сделан из мелкозернистого известняка (рис. 14). На рельефе изображены женщина, сидящая в кресле, обращенный к ней всадник, а между ними — фигурка служанки с сосудом в руках. Под рельефом надпись: «Геракон, сын Оригия, прощай»²⁹. Декоративные элементы оформления памятника зрительно усиливают ощущение торжественности перехода в загробный мир. Верхняя часть надгробия украшена фронтоном с розетками и акротериями, а сам рельеф обрамлен аркой и антами.

Этот же сюжет воспроизводится на другом памятнике, обнаруженном в 1910 г. в части Таманской станицы, известной под названием «Крепость» (рис. 15). Плита высотой 0,96 м шириной — 0,59 м и толщиной 0,16 м, по-видимому, использовалась дважды. Некоторое время, по мнению Шкорпила, она находилась в стене здания, воздвигнутого, как следует из надписи, по почещению Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов в 505 г. боспорской эры (208 г. н.э.) (КБН 1053). Обратная сторона плиты украшена тремя крупными розетками и рельефом с сидящей в кресле женской фигурой и всадником перед ней. Ниже сохранилась одна строка надгробной надписи: «Тимола, жена Тимофея, прощай (?)», датирующей I в. н.э.³⁰

С азиатской частью Боспора связан найденный в 1890 г. на Тамани, возле Вознесенской церкви, посвяtitельный мраморный рельеф, датирующийся II в. н.э. (рис. 16). Благодаря председателю Императорской Археологической комиссии А.А. Бобринскому в 1892 г. рельеф был доставлен в Керченский музей. В центре плиты помещена тамга боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора, а по обеим сторонам от нее барельефные изображения двух крылатых Ник. Ники выполнены в зеркальном отображении с ветвью в одной и венком в другой поднятой руке. Высота рельефа составляет 0,77 м, ширина — 0,59 м. Сходство рельефа с другим памятником, известным как плита с надписью Евпатерия, также найденным на Тамани, позволило В.В. Шкорпилу сделать вывод о принадлежности обеих плит к дворцу правителей или «какому-нибудь общественному сооружению города, находившегося на месте теперешней Тамани»³¹.

Большой научный интерес представляют также постамент из белого мрамора с посвяtitельной надписью Афродите Урании IV в. до н.э. (КБН 971), плита со списком имен жителей Гермонассы (КБН 1056), плита III в. до н.э. из Горгииппии со списками победителей спортивных состязаний (КБН 1137), стелы I—II вв. н.э. с рельефами (КБН 1032, 995, 1030), обломки мраморных плит с надписями различного характера (КБН 1058, 1098, 989; 986, 1097, 991).

Рис. 11. Постамент с почитительной надписью. IV в. до н.э. Сланец. Гермонасса

Из раскопок Керченского музея древностей на Таманском полуострове происходят вещи из комплексов, открытых в 1900 г. К.Е. Думбергом у ст. Ахтанизовская и станции Сенной, а также находки из раскопок В.В. Шкорпила 1911 и 1913 гг. на Тузлинском некрополе.

Исследования Думберга на Таманском полуострове в 1900 г. носили охранный характер. Здесь, как и в Керчи, широкий размах приняла деятельность так называемых «счастливчиков». Как следует из отчета К.Е. Думберга за 1900 г., сохранившегося в архиве заповедника³², в августе 1900 г. у Ахтанизовской станицы, по песчаному хребту, тянущемуся от сопки Плевака к горе Цымбала, была случайно открыта каменная гробница, с сокрытым за северной стеной гробницы кладом золотых и серебряных вещей. Большую

Рис. 12. Надгробие антропоморфное. III до н.э. Известняк. Гермонасса

Рис. 13. Стела надгробная. II в. н.э. Известняк. Гермонасса

Рис. 14. Стела надгробная. II в. н.э. Известняк. Курган у пос. Батарейка

часть вещей ему удалось выкупить и представить в Археологическую комиссию.

Собственные археологические изыскания Думберга были не столь удачны. На большой площади, исследованной пробными ямами, траншеями, бурами, удалось обнаружить всего лишь около десяти неразграбленных захоронений. «Нигде я не встречал такого страшного разорения, как на станции Сенной, — писал Думберг в отчете. — Нельзя сказать, чтобы территория древней Фанагории была совершенно истощена. Здесь можно найти еще много, но раскопки должны быть предпринимаемы с большими средствами и продолжаться непрерывно месяцев шесть... Многие из холмиков оказались пустыми, а маленькие курганы совершенно разоренными»³³.

В общей сложности у Ахтанизовки и Сенной было открыто около полутора десятков захоронений: земляные и сырцовые гробницы, покрытые досками, каменные склепы. Найденные в захоронениях костяки головами были ориентированы, в основном, на восток, и лишь в одном случае — на запад, в другом — на юг. В каменной гробнице близ хутора Семеняки Думберг обнаружил трупосожжение с фрагментом леканы, обломками железного стригиля и медной монетой. Большая часть погребальных комплексов из раскопок 1900 г. сохранилась в фондах заповедника.

3 октября 1900 г. у Ахтанизовки была открыта сырцовая гробница (№ 3), покрытая досками. Длина гробницы составляла около 2,15 м, ширина — 1,60 м, глубина — 2,15 м. При частично сохранившемся костяке в районе головы была найдена амфора из красной глины, слева от костяка — солонка и горшочек из серой глины, лекиф с пальметтой, флакон из красной глины, два чернолаковых килика, в ногах трехгранная бронзовая стрела (рис. 17). Судя по чернолаковым сосудам, весь комплекс датируется

Рис. 15. Плита. II в. н.э. Известняк. Ст. Тамань

Рис. 16. Посвятительный рельеф
Тиберию Юлию Евпатору. II в. н.э.
Мрамор. Ст. Тамань

Рис. 17. Керамические сосуды.
IV–III вв. до н.э. Ст. Ахтанизовка

Рис. 18. Кувшин лощеный. Глина.
Станция Сенная

IV–III вв. до н.э. Наряду с импортной чернолаковой посудой в комплексе представлены сосуды местного производства — лепной плоскодонный горшок с биконическим туловом, горлом с отогнутым наружу краем, высотой 5,5 см, диаметром 4,8 см; плоскодонная лепная солонка с расширяющимися кверху стенками, со сквозным отверстием у края, высота солонки — 2,5 см, диаметр — 5 см; а также небольшой красноглиняный флакон высотой 7,8 см.

У станции *Сенной*, 3 октября того же года в сырцово-вой гробнице, покрытой досками, были найдены одноручный кувшин серой глины, два обломка железного меча, пять железных наконечников от стрел, обломки двух железных ножей, три железных щитка от конской сбруи, два круглых бронзовых зеркала с ушками, спекшиеся стрелы со следами древков. Тулово лощеного кувшина украшает геометрический орнамент (рис. 18). В нижней части тулова сохранилась свинцовая заклепка,

аккуратно заглаженная с внешней стороны. Высота сосуда — 29,6 см, диаметр дна — 12 см. Детали конской упряжи выполнены из железа и имеют в диаметре 2,5 см (рис. 19).

В гробнице № 3 у станции *Сенной* была найдена краснолаковая тарелка I в. н.э. на кольцевом поддоне с вертикальным профилированным бортиком (рис. 20). Край тарелки утолщен, отогнут. В центре дна клеймо, обрамленное двумя врезными окружностями. На дне — графито ΔА. Высота тарелки — 2,8 см, диаметр — 14,3 см.

В детском захоронении, вскрытом 21 октября 1900 г., на истлевшем костяке, в районе шейных позвонков находилась бронзовая гривна, четыре мелкие бусы, в ногах глиняный флакон — бальзамарий. В насыпи гробницы был найден свинцовый астрагал (рис. 21). Поделка в виде астрагала, размером 2,7 × 2,0 см, использовалась, вероятно, в качестве игровой биты.

Рис. 19. Детали конской упряжи. I–II вв. н.э. Железо. Ст. Ахтанизовка

Рис. 20. Тарелка краснолаковая. I в. н.э. Станция Сенная

Рис. 21. Игральная бита. I–II вв. н.э. Свиноц. Фанагория

Найденный в 1900 г. у Ахтанизовки и Сенной материал позволил Думбергу сделать вывод о том, что открытый им некрополь располагался неподалеку от «деревни с оседлым полугреческим и полуварварским населением»³⁴.

Хищнические раскопки на территории *Тузлинского некрополя*, побудили Шкорпила предпринять в 1911 и 1913 гг. планомерные раскопки этого памятника. В результате проведенных работ удалось выяснить, что захоронения здесь совершались с VI в. до н.э. по IV в. н.э.³⁵ Одну из главных целей своих исследований Шкорпил видел в том, чтобы дать ответ на вопрос, какому из поселений Таманского полуострова принадлежал этот некрополь³⁶.

Самое крупное собрание вещей из раскопок Шкорпила 1911 и 1913 гг. хранится в Историческом музее. Погребальные комплексы были распределены Археологической комиссией между Эрмитажем, московским Историческим, Керченским и Одесскими музеями³⁷. К сожалению, полные описи находок из раскопок В.В. Шкорпила до наших дней не дошли, поэтому выявление всего найденного им материала, который когда-то был оставлен в Керчи, а также его отождествление с описанными в отчете за 1911 г. погребальными комплексами представляет собой крайне сложную задачу. Утратив часть ценной научной информации, эти вещи, тем не менее, существенным образом пополняют наше представление о материальной культуре азиатской части Боспора.

Материалам из раскопок В.В. Шкорпила на Тузлинском некрополе посвящена работа Н.П. Сорокиной, которая не только описала особенности найденных захоронений в хронологической последовательности, но и систематизировала хранящиеся в Историческом музее разрозненные комплексы предметов из этих раскопок³⁸.

Осмысление всего хранящегося в фондах заповедника материала из раскопок Шкорпила на Тузлинском некрополе 1911 и 1913 гг., введение его в научный оборот представляется делом будущего. Предположительно из сборов Шкорпила 1911 г. в фонды музея попали не только тузлинские находки, но и вещи из раскопок возле одного из хуторов, располагавшегося между мысами Тузлой и Панагией. В этом районе Шкорпиллом было вскрыто более 40 захоронений³⁹.

Широкую датировку захоронений Тузлинского некрополя подтверждают керамические материалы. Керамика рубежа V–IV вв. до н.э. пред-

Рис. 22. Пелика краснофигурная. IV в. до н.э. Коса Тузла

Рис. 23. Лекиф арибаллический краснофигурный. IV в. до н.э. Коса Тузла

ставлена аттическими чернолаковыми сосудами. Особый интерес вызывает краснофигурная пелика с чрезвычайно популярными на Боспоре сюжетами. Пелика, датирующаяся IV в. до н.э., была найдена в 1911 г. при раскопках в земляной гробнице № 57 (12), перекрытой досками, возле правого плеча костяка (рис. 22). На лицевой стороне пелики изображена сцена борьбы амазонки (аримаспа ?) с грифом, а на оборотной — две фигуры юношей, задрапированных в гиматии. Высота пелики — 20,6 см, диаметр тулова — 13,0 см⁴⁰.

Одним из наиболее распространенных типов сосудов в погребальном инвентаре могил IV в. до н.э. были арибаллические лекифы. Среди сосудов, найденных в земляной могиле № 105 (60), покрытой досками и слоем морских раковин, обращает на себя внимание краснофигурный лекиф с изображением ползущего мальчика (рис. 23). Лекиф высотой 7,5 см сильно оббит.

Аттический импорт представлен также значительным количеством киликов. Из раскопок 1913 г. происходит аттический чернолаковый килик IV в. до н.э. на кольцевой подставке (КМАК-184) (рис. 24). Он полностью, за исключением подставки, покрыт лаком. Его высота — 5,3 см, диаметр — 16,0 см. На дне одного из чернолаковых киликов IV в. до н.э. процарапано граффито ΕΡΜΕΣΗ (Гермес ?), дающее представление о сакральных воззрениях населения азиатской части Боспора (рис. 25). Среди киликов из раскопок на Тузлинском некрополе обращает на себя внимание экземпляр достаточно редкой формы, покрытый небрежно нанесенным жидким лаком, на кольцевом поддоне с выделенным вертикальным венчиком. Высота килика — 6,2 см, диаметр — 12,5 см (рис. 26).

Значительно реже, чем килики встречаются канфары, представленные чернолаковым канфаром IV—III вв. до н.э. на высокой двухступенчатой ножке с каннелированной нижней частью тулова (рис. 27). На горле канфара процарапан зигзагообразный орнамент. Высота канфара — 10,5 см, диаметр — 8,2 см.

Разнообразием форм отличаются чернолаковые солонки. Среди них: солонка с вогнутыми стенками и закругленным верхним краем, высотой — 2,8 см, диаметром — 6,5 см; солонка, высотой — 3,1 см, диаметром — 9 см, с выпуклыми стенками и процарапанными в центральной части тулова круговыми бороздками (рис. 28, 29).

Кроме привозных чернолаковых сосудов Тузлинский некрополь представлен в фондах заповедника простой красно- и сероглиняной посудой. В III в. до н.э. широкое распространение получили флаконы или унгвентарии с веретенообразным туловом и отогнутым венчиком. Судя по представленному экземпляру с четко выраженным производственным дефектом, такая керамика производилась в местных керамических мастерских (рис. 32). Высота флакона — 11,8 см, диаметр дна — 2,3 см. К местному производству относится и миниатюрная сероглиняная чаша на кольцевом поддоне, форма которой повторяет привозные аттические сосуды. Чаша, выполненная из грубо вымешанной глины, имеет высоту 2,5 см, диаметр — 8,6 см (рис. 31).

Среди позднеэллинистической керамики — чаша округлой конической формы, покрытая бурым с подтеками лаком. В центре дна — графитто в виде спирали (рис. 30). К этому же времени относится буролаковая тарелка с валикообразным краем, на кольцевом поддоне. В центре дна — декор в виде ок-

Рис. 24. Килик чернолаковый.
IV в. до н.э. Коса Тузла

Рис. 25. Килик чернолаковый
с графитто. IV в. до н.э. Коса Тузла

Рис. 26. Килик чернолаковый.
III в. до н.э. Коса Тузла

Рис. 27. Канфар. IV—III вв. до н.э.
Коса Тузла

Рис. 28–29. Солонки чернолаковые. IV–III вв. до н.э. Коса Тузла

Рис. 30. Чаша буролаковая с граффито. I в. до н.э. Коса Тузла

Рис. 31. Чашечка сероглиняная. Эллинизм. Коса Тузла

Рис. 32. Флакон красноглиняный. III в. до н.э. Коса Тузла

ружности из косых насечек четырьмя штампованными пальметтами в центре. У края тарелки — два отверстия, на внешней стороне стенки граффито в виде косога креста (рис. 33). Диаметр тарелки — 22,8 см, высота — 3 см.

В погребениях первых веков нашей эры из раскопок Тузлинского некрополя из импортной краснолаковой керамики были найдены тарелки на кольцевом поддоне с вертикальными стенками и выступающим бортиком. Центральная часть тарелок украшена клеймами, такими, например, как *planta pedis*, и в виде ромба (рис. 34, 35).

Одной из особенностей погребальных комплексов, найденных в открытых на Тузлинском некрополе погребениях, является незначительное количество терракот. В фондах заповедника удалось обнаружить только одну, вероятно, культовую терракоту из раскопок 1913 г., которая представляет собой стоящую на постаменте фигуру обнаженного юноши с фиалой (?) в левой руке и неясным атрибутом в правой (рис. 36). Лицо юноши передано условно, на обороте терракотовой статуэтки — прямоугольное углубление. Высота статуэтки составляет 8,8 см.

Среди хранящихся в фондах заповедника материалов из Тузлинского некрополя доминируют гончарные керамические сосуды. Среди лепной керамики особый интерес представляет лепной трехрожковый светильник закрытого типа II–III вв. н.э. на высокой конической ножке со следами копоти на рожках (рис. 37). Высота светильника — 12,7 см, диаметр —

Рис. 33. Тарелка буролаковая.
I в. до н.э. Коса Тузла

7,5 см. Этот тип светильников, вероятно, получил наибольшее распространение на азиатской стороне Боспора⁴¹.

Среди выявленных в коллекциях заповедника материалов, найденных на некрополе Тузлы, изделия из металла, в основном, украшения, наконечники стрел, а также бусы составляют незначительное количество. В коллекции раскопки 1913 г. представлены низкой бус с фигурными подвесками из египетского фаянса I–II вв. н.э. Длина подвесок — 1,4–1,5 см (рис. 38).

В 1914 г. исследования на некрополе Тузлы, вероятно, в менее значительных масштабах продолжались. В.В. Шкорпиллом в насыпи одного из курганов были найдены женская статуя-полуфигура на

постаменте и бюст женщины, выполненные из известняка. Статуя-полуфигура изображает женщину в широкой без пояса одежде, намеченной глубокими рельефными бороздками, с покрывалом на голове (рис. 39). В отличие от многих других женских полуфигур, хитон без пояса и направление складок подчеркивает отсутствие этой детали одежды. Лицо широкое, с большими миндалевидными глазами. Несмотря на сколы, угадываются небольшой, но крупный нос и пухлые губы. Из-под покрывала видны зачесанные назад волосы. Левая рука вытянута вперед, в ней, вероятнее всего, женщина держала плод граната. Правая рука придерживает покрывало, безымянный и мизинец правой руки либо согнуты, либо скрыты покрывалом, остальные лежат поверх покрывала. Высота надгробия — 0,64 м, ширина — 0,38, толщина — 0,22 м. Статуя-полуфигура, выполненная из местного материала, возможно, передает портретные черты женщины, принадлежавшей к местному населению.

Второй памятник представляет собой бюст женщины с круглым лицом, миндалевидными, близко поставленными незрячими глазами и узким ртом⁴² (рис. 40). Схематично, как и лицо, передана одежда — покрывало и хитон. Обратная сторона памятника выполнена в виде едва намеченного антропоморфного изображения с горизонтальными плечами. Место находки памятника, а также его общий вид позволяют предположить, что этот памятник мог использоваться для перекрытия могилы. Подобное назначение антропоморфных памятников на азиатской стороне Боспора, и, в частности, на некрополе Тузлы, известно⁴³. Имеются сведения и об использовании антропоморфной скульптуры «с обозначенными чертами лица» в закладе дверного проема между двумя помещениями⁴⁴. Высота памятника составляет 0,39 м, ширина — 0,24 м.

Относительно датировки обоих памятников существуют разные мнения⁴⁵. С нашей точки зрения, предпочтительнее вслед за А.П. Ивановой отнести оба памятника к I–II вв. н.э.⁴⁶

Одним из интереснейших памятников, найденных на территории Таманского полуострова, является знаменитый Таманский саркофаг IV в. до н.э. из кургана на Лысой горе. История его открытия связана с именем Шкорпила. Найденный в 1916 г., саркофаг с большими трудностями был перемещен в ограду местной церкви. К тому времени он уже имел некоторые повреждения. Во всяком случае, в 20-е годы XX в. в Керченском музее оказался один из акротериев крышки саркофага, который некоторое время был выставлен

в залах центрального музея. В годы Второй мировой войны саркофаг был перевезен в Керчь. Инициатива перемещения саркофага принадлежала А. Шевелеву, директору Керченского музея, исполнявшему эту должность в период оккупации. В архиве заповедника сохранилась копия его письма на имя немецкого коменданта Керчи. В документе, датированном 18 сентября 1942 г., Шевелев, отмечая, что музей в Тамани совершенно разрушен писал: «Среди археологического материала различных эпох в музее хранился особый... саркофаг. К счастью, саркофаг сохранился в целости, лишь его крышка разбита на две части. Для дальнейшего сохранения этого ценнейшего памятника древности, его необходимо перевезти в Керченский археологический музей, где ему будут обеспечены соответствующие условия хранения»⁴⁷. Необходимый для проезда на Тамань пропуск Шевелев, по-видимому, получил. Позже, как следует из другой записки, было получено и разрешение

Рис. 34–35. Тарелки краснолаковые с клеймом. I в. н.э. Коса Тузла

Рис. 36. Юноша. Статуэтка. Терракота. Коса Тузла

Рис. 37. Светильник. II–III вв. н.э. Глина. Коса Тузла

Рис. 38. Низка бус с подвесками. I—II вв. н.э. Стеклопаста, лигнит, бронза, египетский фаянс. Коса Тузла

на перемещение саркофага⁴⁸, но перевозка саркофага, назначенная на ноябрь, была перенесена на более позднее время из-за болезни Шевелова. К моменту освобождения Керчи саркофаг находился в ограде Мелек-Чесменского кургана, откуда в 1944 г. его и отправили в Исторический музей. В период военных действий саркофаг получил серьезные повреждения. По сообщению Н.В. Пятышевой, крышка саркофага, доставленная в музей, была расколота на 1570 фрагментов⁴⁹. Сохранившиеся обломки в ходе реставрации удалось соединить, однако, часть фрагментов, к сожалению, была утрачена. Один из акротериев крышки, отбитый при перемещении саркофага с Лысой горы в Тамань, экспонировался до войны в залах Керченского музея древностей. Его местонахождение на сегодняшний день не уста-

новлено. Другой угловой акротерий с отбитым верхом был обнаружен в сентябре 1958 г. у каменной ограды Мелек-Чесменского кургана при рытье ямы (рис. 41). Центральная часть акротерия украшена рельефной пальметтой и иониками, под полочкой видны фрагменты ов. На угловой части пальметта, обращенная вниз. Высота фрагмента составляет 12 см. Сопоставление акротерия из фондов Керченского заповедника с рисунком углового акротерия Таманского саркофага доказывает их полную идентичность⁵⁰. Является ли он тем самым акротерием, который поступил в Керченский музей еще до революции, или это фрагмент, отбитый при перемещениях военного времени с уверенностью сказать невозможно.

В советский период, когда археологические изыскания Керченского музея ограничивались, в основном, территорией Керченского полуострова, количество находок, поступавших из Тамани, резко сократилось. В 1950–1960-е годы, например, в Керченский музей поступали случайные находки, переданные либо жителями Таманского полуострова, либо рыбаками. Из районов прибрежного лова, прилегающих к побережью Анапы и южной части Керченского пролива при тралении дна на борт судов иногда извлекались античные и средневековые амфоры, которые затем передавались в музей. В нумизматическую коллекцию Керченского музея попали несколько десятков эллинистических монет Пантикапея и Фанагории, переданных жителями таманских хуторов и станиц.

Среди нумизматических материалов, происходящих с Таманского полуострова, наибольший интерес представляет клад боспорских статов III в. н.э. (рис. 42). Клад, найденный в сентябре — начале октября в 500–700 метрах к востоку от хут. Батарейка, поступил в Керченский музей в декабре 1958 г. Монеты находились в разбитом глиняном сосуде на глубине около 0,70–0,80 метров. Сосуд представлял собой красноглиняный кувшин с грушевидным туловом с реберчатыми стенками. Горло сосуда оказалось сбитым почти до основания. Обломки сосуда и 198 монет поступили в фонды музея. Все монеты представляют собой боспорские деградированные статовы III в. н.э. Клад содержал монеты с 243 по 278 г. н.э., принадлежащие царям Рескупориду V, Фарсанзу, Савромату IV и Тейрану. По мнению М.Г. Абрамзона, таманский клад боспорских статов имеет огромное значение, поскольку в его состав входят две уникальные монеты, которые позволяют уточнить «историю престолонаследия на Боспоре»⁵¹.

Рис. 39. Женская статуя-полуфигура.
I—II вв. н.э. Известняк. Коса Тузла

Рис. 40. Женский бюст. I—II вв. н.э.
Известняк. Коса Тузла

Рис. 41. Акротерий угловой.
IV в. до н.э. Мрамор

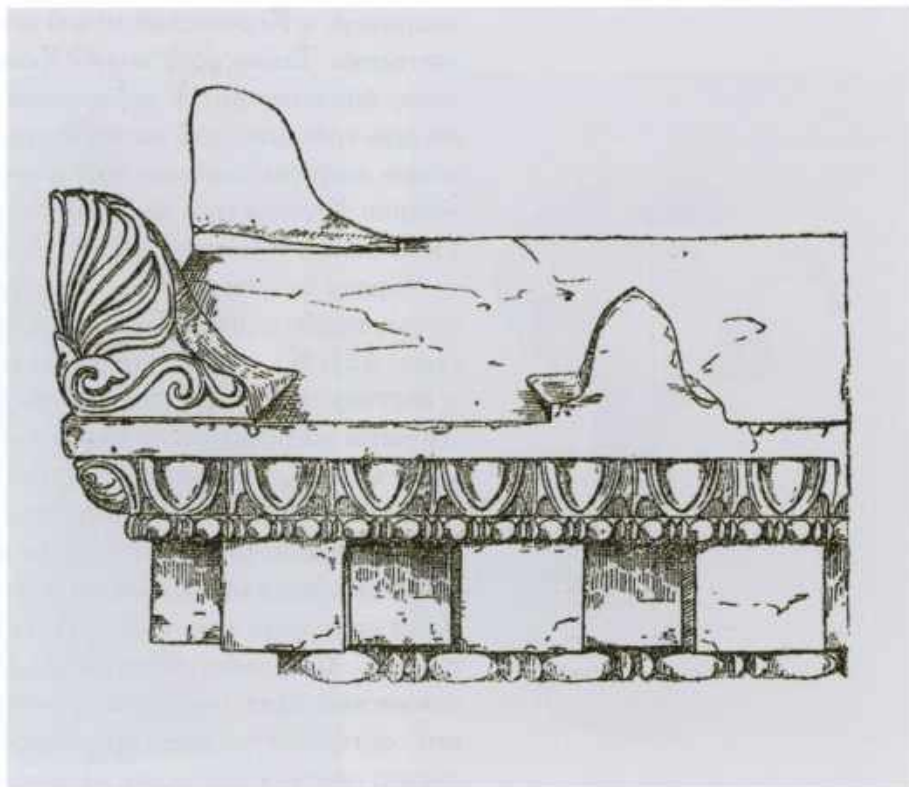

Рис. 42. Статеры: а — Боспор. Тейран. 266 г. н.э.; б — Боспор. Рескупорид V. 276 г. н.э.

Среди эпиграфических памятников, найденных в советский период на Таманском полуострове и поступивших в фонды Керченского музея, наибольший интерес представляет мраморная плита с декретом о включении наемных воинов в списки граждан Фанагории⁵². Плита, датирующаяся I в. до н.э., была найдена местными жителями на берегу Таманского залива в марте 1986 г., а в мае 1987 властями Керчи передана в музей.

Еще в 30-е годы XX в. были начаты систематические археологические исследования Таманского городища, продолженные в 1952–1955 гг. академиком Б.А. Рыбаковым. В работе экспедиции принимали участие и ряд археологов из Института археологии АН СССР и среди них — Т.И. Макарова. В декабре 1961 г. Макаровой в фонды музея были переданы сборы из раскопок Таманского городища (Тмутаракани) 1953–1954 гг. В комплекс предметов входят фрагменты гончарной и лепной керамики позднеантичного и средневекового периодов, каменные и гончарные грузила, графито, черепица и др. — всего около четырех тысяч музейных предметов⁵³.

В целом можно говорить о том, что сохранившиеся в фондах заповедника материалы позволяют сделать вывод о том, что в Керченском историко-культурном заповеднике собран уникальный материал, связанный с археологическими исследованиями на Таманском полуострове. Несмотря на значительные утраты, музейные предметы представляют собой ценный научный материал. Его изучение и публикация должны быть продолжены.

- ¹ Подробнее см.: *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея: (исторический очерк). Керчь, 1926; *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- ² Подробнее см.: *Быковская Н.В.* Коллекция предметов из драгоценных металлов Керченского музея древностей // БИ. 2004. Вып. V. С. 503–513.
- ³ Подробнее см.: *Быковская Н.В.* Фондовые коллекции Керченского заповедника: проблемы и перспективы развития // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. Киев, 2007. С. 17–35.
- ⁴ Архив КИКЗ. Оп. 9. Ед. хр. 141, 142; см. также инвентарную картотеку 1940-х годов, составленную Ю.Ю. Марти (архив КИКЗ).
- ⁵ *Марти Ю.Ю.* Сто лет Керченского музея. С. 25.
- ⁶ См.: *Тункина И.В.* Русская наука. С. 570–572.
- ⁷ *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора: Очерки. Киев, 1961. С. 65–72.
- ⁸ *Матковская Т.А., Зинько Е.А., Иллариошкина Е.В. и др.* Античная скульптура. Киев, 2004. Т. 1. С. 41.
- ⁹ *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 36, табл. XIV.
- ¹⁰ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись. С. 37.
- ¹¹ См.: *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись. С. 36–37; *Власова Е.В.* Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сборник статей. СПб., 2004. С. 164.
- ¹² *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись. С. 44, табл. XXII.
- ¹³ См.: *Власова Е.В.* Курган Васюринская гора. С. 158–174.
- ¹⁴ Архив КИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. 98. Л. 86.
- ¹⁵ Последний из перечисленных фрагментов, представляющий часть правого бедра и колена, датирующийся III–I вв. до н.э., хранится в лапидарной коллекции заповедника (КЛ-1211).
- ¹⁶ Архив КИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. 104. Л. 106.
- ¹⁷ См.: *Власова Е.В.* Курган Васюринская гора. С. 171.
- ¹⁸ *Матковская Т.А., Зинько Е.А., Иллариошкина Е.В. и др.* Античная скульптура. С. 206, кат. 139.
- ¹⁹ Там же С. 213, кат. 146.
- ²⁰ *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись. С. 44, табл. XXII.
- ²¹ По нашим подсчетам, высота мужской скульптуры могла составлять 2,70–3 м.
- ²² КБН. М.; Л., 1965.
- ²³ ИТУАК. Симферополь, 1927. Т. 1 (58). С. 120; КБН, 982.
- ²⁴ См.: КБН, 982.
- ²⁵ Ср.: *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs aus Südrusland. Berlin, 1909. Taf. XI, 156.
- ²⁶ *Иванова А.П.* К вопросу о культе Афродиты в боспорском искусстве // ВДИ. 1950. № 3; *Матковская Т.А., Зинько Е.А., Иллариошкина Е.В. и др.* Античная скульптура. С. 206, кат. 107; с. 173–173.
- ²⁷ *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г. // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 101.
- ²⁸ *Kieseritzky G., Watzinger C.* Griechische Grabreliefs. Taf. LIII, Nr. 725; КБН, 1088.
- ²⁹ *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г. С. 102–103. КБН, 1032.
- ³⁰ *Шкорпил В.В.* Боспорские надписи. С. 110–114; КБН, 1085.
- ³¹ *Шкорпил В.В.* Заметки о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 1910. Вып. 37. С. 28.
- ³² Архив КИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. 104. Л. 177–180.
- ³³ Архив КИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. 104. Л. 178 об.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 7.
- ³⁶ *Шкорпил В.В.* Отчет о работах в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 2.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь.
- ³⁹ *Шкорпил В.В.* Отчет о работах в Керчи и на Таманском полуострове. С. 58–71.
- ⁴⁰ См.: *Кобылина М.М.* Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19. Рис. 6, 4.
- ⁴¹ См.: *Вальдгауэр О.* Императорский Эрмитаж: Античные глиняные светильники. СПб., 1914. Табл. L, 527; светильник и близкий к нему (табл. XLIX, 525), также найдены на Тамани.
- ⁴² См.: *Матковская Т.А., Зинько Е.А., Иллариошкина Е.В. и др.* Античная скульптура. Кат. 51; *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. С. 91–92; *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. С. 46.
- ⁴³ *Молева Н.В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002. С. 37–69.
- ⁴⁴ Там же. С. 53.
- ⁴⁵ См.: *Матковская Т.А., Зинько Е.А., Иллариошкина Е.В. и др.* Античная скульптура. Кат. 48, 51; *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. С. 39–40, 45.
- ⁴⁶ *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. С. 91–92.
- ⁴⁷ Архив КИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. 1053. Л. 12.
- ⁴⁸ Там же. Л. 21, 22.
- ⁴⁹ *Пятышева Н.В.* Таманский саркофаг. М., 1949. С. 33.
- ⁵⁰ Публикуется по: *Пятышева Н.В.* Таманский саркофаг. С. 9.
- ⁵¹ *Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., и др.* Клады античных монет. Киев, 2006. Т. 1. С. 103.
- ⁵² См.: *Виноградов Ю.Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4. С. 14–33.
- ⁵³ См.: *Керамика и стекло древней Тму-таракани. М., 1963.*

Часть XX
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
МУЗЕЙ
РЕСПУБЛИКИ
АДЫГЕЯ

В. Р. ЭРЛИХ

Датой открытия Адыгейского историко-этнографического музея традиционно считают май 1925 г.¹ Инициатором создания музея было Общество изучения Адыгейской автономной области, созданное за год до этого. В 1926 г. музею было выделено здание в г. Краснодаре, где находился центр Адыгейской (Черкесской) автономной области (образована в 1922 г.). Первым директором и фактически единственным сотрудником музея до 1937 г. являлся И.А. Наврузов, который за это время успел собрать большой материал по истории адыгов. С переносом столицы Адыгейской автономной области в 1936 г. в г. Майкоп через два года музей, получивший название Адыгейского областного краеведческого, переехал в столицу Адыгеи. Тогда в его состав вошел и научно-педагогический музей при Майкопском кружке любителей природы, созданный еще в 1907 г.² Во время оккупации Майкопа немцами (август 1942 г. — январь 1943 г.) большая часть фондов погибла, и ценные экспонаты, которые собирал И.А. Наврузов, были утрачены. 23 марта 1993 г. музей преобразован в Национальный музей Республики Адыгея.

В настоящее время археологическое собрание музея насчитывает около 100 000 единиц хранения. И эта коллекция по праву считается одной из богатейших на юге России. Музей обладает богатой палеолитической коллекцией, собранной первым адыгейским профессиональным археологом П.У. Аутлевым. Музей хранит большую часть коллекции, происходящую из курганов в урочище Клады у ст. Новосвободной, раскопки А.Д. Резепкина 1980-х — начала 1990-х годов³. В экспозиции представлены относящиеся к эпохе ранней бронзы (III тыс. до н.э.) уникальная «новосвободненская» каменная гробница с росписью на внутренних стенах камеры (могильник Клады, курган № 28), каменная колонна и резные каменные детали архитектурного декора мегалитического сооружения из «Серебряного» кургана 11 майкопско-новосвободненской общности (рис. 1). К этому же времени относится и не имеющее аналогий золотое ожерелье, состоящее из двух золотых массивных колец, шести рифленых трубочек-пронизей, десяти пронизей бабочковидной формы, откованных из золотого листа (общая длина 37 см). В центральной части нагрудного украшения располагалась пронизь в виде витого стержня с заостренным концом (рис. 2). Из кургана № 11 урочища Клады происходит и небольшая золотая чаша (диаметр 11 см) с невысоким бортиком. Она откована из листового золота и украшена пунсонным орнаментом (рис. 3).

К эпохе поздней бронзы относятся хранящиеся в музее бронзовые двужаловые кельты (высота 7,8–14 см), имеющие гладкую фаску и рельефные валики (рис. 4). Все они были обнаружены при случайных обстоятельствах на левом берегу Краснодарского водохранилища. Подобные кельты характерны для прикубанского очага металлообработки и, вероятно, происходят с территории размытых поселений с бронзолитейным производством.

Значительный материал музея относится к началу раннего железного века и происходит из протомеотских памятников. Это материалы Николаевского могильника (раскопки Н.В. Анфимова), могильника Пшиш I (раскопки А.А. Сазонова), Псекупского могильника (раскопки Н.Г. Ловпаче)⁴, а также из сборов, произведенных в разные годы на левом берегу Краснодарского водохранилища. Это многочисленные предметы бронзовой конской узды и колесничной упряжи, бронзовые, биметаллические и железные кинжалы «кабардино-пятигорского» или «северокавказского» типов.

С территории Псекупского могильника происходит случайно обнаруженный составной бронзовый кинжал с уплощенным грибовидным навершием и перекрестием в виде «свисающих треугольников» с отверстиями (рис. 5, 1).

Рис. 1. Экспозиция «Эпоха бронзы»
в Национальном музее Республики Адыгея

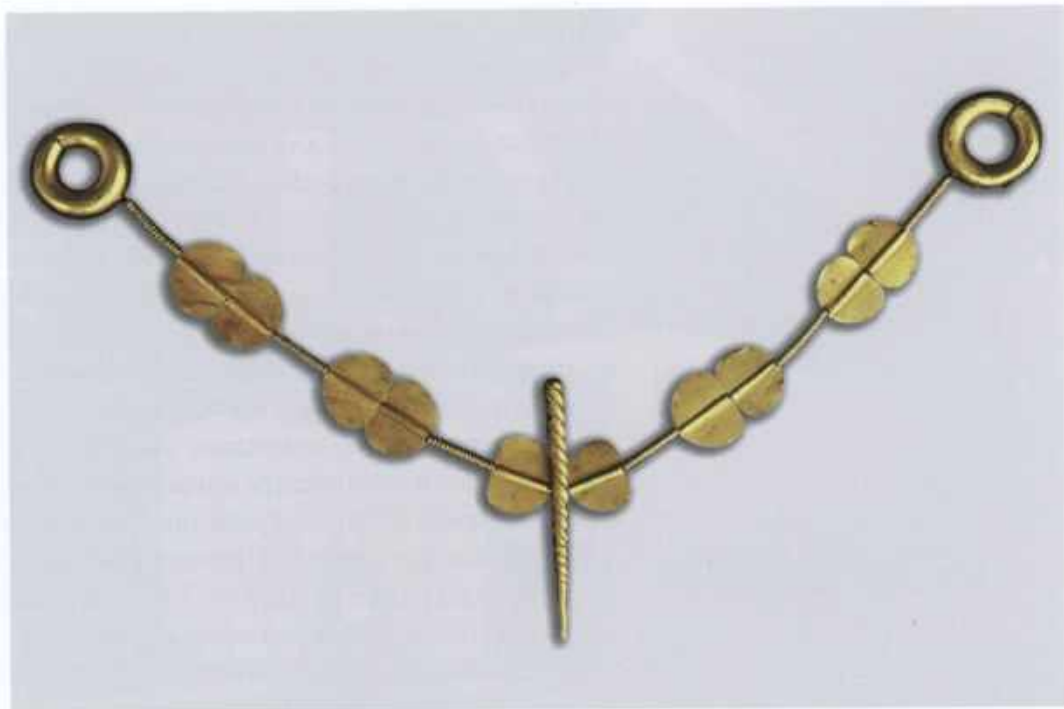
Он имеет тонкий бронзовый клинок, крепившийся к рукояти при помощи двух штифтов, от которых сохранились отверстия. Длина кинжала 25,3 см⁵. Отметим, что способ крепления бронзового клинка к рукояти при помощи штифтов — уникален для кинжалов этого типа. Из этого же памятника происходит найденная случайно бронзовая рукоять (размером 11 × 7 см) биметаллического кинжала (рис. 5, 3), относящегося к этому же типу, с уплощенным грибовидным навершием, ажурным плоским стволом, пятью отверстиями и плоским крестовидным перекрестием, имеющим симметричные отверстия. Железный клинок не сохранился⁶. Известно 14 экземпляров кинжалов этого типа. Из них четыре бронзовых. Девять кинжалов этого типа происходят с территории Северного Кавказа, причем семь обнаружено в ареале кобанской культуры, что, очевидно, указывает на центр их распространения. По форме рукояти псекупским кинжалам близки цельнолитой кинжал из могильника Сержень-Юрт, погребение 70, кинжал из погребения 28 могильника «Мебельная фабрика»⁷. Рукоять кинжала из погребения 83 Николаевского могильника (размеры 12,5 × 7,6 см) относится к другому типу предскифских биметаллических кинжалов (рис. 5, 2). Она имеет грибовидное навершие, овально-уплощенный ствол и крестовидное перекрестие. От железного клинка сохранился небольшой фрагмент верхней части. В рукояти на уровне перекрестия виден след заливки бронзы, фиксирующий черешок рукояти. В верхней части имеется выступ от раскованного железного черенка рукояти. Кинжалы такого типа были широко распространены на Северном Кавказе, встречаются они также в степной и лесостепной части Северного Причерноморья и Средней Европе (тип Головятино-Лейбниц). На Северном Кавказе наиболее близка по форме рукоять биметаллического кинжала из Баксанского ущелья⁸.

Скифская эпоха представлена прежде всего материалами исследованных в 1980-х годах Говердовских и Кужорского курганов (раскопки А.А. Нехаева)⁹.

Из архаического (конец VII — начало VI в. до н.э.) синхронного знаменитым Келермесским курганам I Говердовского кургана происходит серия из четырех бронзовых наверший в виде оленя и грифообразных существ, фрагменты бронзового котла, бронзовые детали конской уздечки и колокольчики¹⁰. Наибольший интерес представляет навершие (высота 24,2 см) с изображением оленя на коническом бубенце (рис. 6). На вершине бубенца помещена объемная фигурка так называемого «летающего» оленя. Он показан в строго профильном ракурсе, с подломленными под туловище ногами и вытянутой вперед шеей¹¹. Таким образом, перед нами изображение классического раннескифского оленя, сопоставимое с изображением на знаменитой пластине из ст. Костромской¹². Близкое навершие, увенчанное изображением оленя, было случайно обнаружено у ст. Губской и передано археологу В.И. Марковину. Ныне хранится в Государственном музее Востока¹³.

К эпохе скифской архаики (вторая половина VII — VI в. до н.э.) можно отнести и костяную бутероль из хут. Грозный Майкопского района (дар Егорова), украшенную изображением свернувшегося в кольцо кошачьего хищника, которое выполнено в низком рельефе (рис. 8). Изображение животного как бы «разложено» на два профиля по двум сторонам изделия. Профильные хищники сливаются шеями и спинами на ребрах бутероли. Подобные изображения находят целый ряд стилистических аналогий, выполненных как в кости, так и в бронзе¹⁴. Однако ближайшей аналогией является наконечник ножен, обнаруженный у хут. Степного возле г. Гудермеса в Чечне¹⁵.

Рис. 2. Ожерелье. III тыс. до н.э. Золото. Могильник Клады, курган 2, погр. 1

Из культового или погребального комплекса в районе аула Туайхабль, размытого водами Краснодарского водохранилища, происходит ручка привозного греческого зеркала (высота 16,1 см), выполненная в виде колонноподобной фигурки Кору, относящая к эпохе греческой архаики (рис. 7). Ноги богини прямые, руки прямоугольно согнуты в локтях (кисти обломаны). Пряди волос ниспадают на грудь. Длинное платье (дорический пеплос) перехвачено поясом, вниз от которого идут вертикальные складки платья. Из-под платья видны ступни. На голове Кору помещен сегментовидный атташ в виде «широкой арки» для крепления к диску зеркала (тип D по L. Congdon). Непосредственно по сторонам головы на атташе прослеживаются рельефные волюты, имитирующие волюты капители колонны ионийского ордера. Кора стоит

Рис. 3. Чаша. III тыс. до н.э. Золото. Могильник Клады, курган 11

на усеченно-коническом вогнутом канелированном пологом постаменте-базе. По декору атташа, «профилированной» базе, драпировке женской фигуры и прическе она наиболее близка ручке зеркала, относящегося к 530–510 гг. до н.э., из Королевского музея искусств в Брюсселе¹⁶.

К V — началу IV в. до н.э. в музейном собрании относится ряд бронзовых предметов, выполненных в зверином стиле, в которых уже проявляется своеобразие кубанского зооморфного искусства этого времени. Для него характерен определенный натурализм в изображении животных, вплоть до изображения животных в форме круглой скульптуры. Еще с довоенного времени в музее хранятся украшения конской уздечки, выполненные в меото-скифском зверином стиле V в. до н.э. из хут. Шунтук¹⁷. Среди этих вещей имеется бляха — конский нащечник — с изображением птицы, ориентированной вправо, когтящей и клюющей рыбу или дельфина (рис. 9). Все детали изображений моделированы в

Рис. 4. Кельты. XI—IX вв. до н.э.
Бронза. Левый берег Краснодарского
водохранилища, случайные находки

Рис. 5. Кинжал составной
(Псекупский могильник).
VIII в. до н.э. Бронза. Рукояти
биметаллических кинжалов
(Николаевский и Псекупский
могильники), VIII в. до н.э.

Рис. 6. Навершие на железном стержне. VII–VI вв. до н.э. Бронза. Хутор Говердовский, курган 1

Рис. 7. Ручка зеркала с кариатидой. Вторая половина VI в. до н.э. Бронза. Аул Тауйхабль, случайная находка

Рис. 8. Бутероль. Вторая половина VII–VI в. до н.э. Кость. Хутор Грозный, случайная находка

Рис. 9. Конский нащечник. Конец V – начало IV в. до н.э. Бронза. Хут. Шунтук

низком рельефе. Интересно, что конская бляшка-нащечник в виде хищной птицы на рыбе, парная имеющейся в музее, происходящая из кургана «Золотая горка» у хут. Шунтук, пропавшая в годы войны из фондов Ростовского музея, была опубликована Б.Л. Луниным¹⁸. Близкая аналогия происходит из могильника Цемдолина в окрестностях Новороссийска¹⁹.

К концу V – началу IV в. до н.э. относится и бронзовое навершие высотой 15,6 см в виде головы оленя, случайно обнаруженное в ауле Хатажук (дар Чамокова) (рис. 10). Шеей животного служит прорезная втулка навершия. В отличие от наверший архаического времени образ оленя передан здесь достаточно натуралистично в виде круглой скульптуры. Отдельно изготовлены и прилиты рога и уши животного. Этому изображению можно привести близкую стилистическую и территориальную аналогию – навершие в виде головы оленя из аула Уляп, выполненного из дерева и покрытого золотым листом, с серебряными рогами²⁰. Однако полной аналогией навершию из Хатажука является сохранившееся несколько лучше навершие, хранящееся в фондах Краснодарского музея-заповедника²¹. Есть основание полагать, что эти два предмета происходят из одного комплекса.

Рис. 10. Навершие в виде головы оленя. Конец V — начало IV в. до н.э. Бронза. Аул Хатажукай

Рис. 11. Конский налобник. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Ст. Кужорская, курган 1

Великолепная серия предметов художественной бронзы, выполненных в технике литья по восковой модели и покрытых графическими изображениями, также нанесенными на модель, происходит из кургана у ст. Кужорской, раскопанного А.А. Нехаевым. Это удила, псалии, налобники и наносники, выполненные в меото-скифском зверином стиле «типа станицы Елизаветинской», для которого характерны многочисленные «зооморфные превращения»²². Среди этих изделий выделяются бронзовые ажурные налобники с односторонним изображением и петель на обороте.

На паре налобников, представляющих собой ажурный щиток с продольной петлей на обороте (высота 16,2 и 8,9), встречена односторонняя композиция, представляющая изображение сдвоенных хищников, поглощающих оленей²³ (рис. 11, 12). Весьма показательна трансформация отдельных деталей изображений в дополнительные зооморфные образы. Так, например, рога оленей переходят в птичьи головы; в них же переходят и хвосты хищников — характерное проявление «елизаветинского» стиля IV в. до н.э., которое условно может быть названо «прикубанским барокко». Подобная композиция характерна и для курганов у ст. Елизаветинской. Она встречена на ажурных пластинах псалиев из курганов № 3 и 4 1913 г. и из кургана № 7 1917 г.²⁴

Из уздечного комплекта 2 происходит налобник длиной 19,8 см с ажурной пластиной, изображающий крылатого хищника²⁵. Хищник показан либо в прыжке с выброшенными вперед передними и вытянутыми назад задними ногами (при рассмотрении в горизонтальном ракурсе), либо летящим со свисающими вниз задними ногами (при рассмотрении в естественном для конского налобника вертикальном ракурсе) (рис. 13). Близкое изображение крылатого хищника на конском налобнике обнаружено было в кургане 1917 г. у ст. Елизаветинской²⁶. В Кужорском кургане встречен не имеющий пока близких соответствий псалий Г-образной формы, с ажурной лопастью в виде головы оленя, обращенной в фас. Пышные рога оленя направлены вверх и трансформированы в сдвоенные симметричные обращенные в противоположные стороны фигуры грифонов, упирающихся раскрытыми ртами в собственные крылья²⁷ (рис. 14). Образ орлиноголового грифона «греческо-

Рис. 12. Конский налобник. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Ст. Кужорская, курган 1

Рис. 13. Конский налобник. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Ст. Кужорская, курган 1

го облика» с гребнем и рогом-выступом на лбу воплощен и в парных псалях S-видной формы (рис. 15)²⁸. Грифоны представлены лежащими в профильном ракурсе. Мастером показаны уплощенные задние лапы, поджатые под живот (длина целого псаля 14,1 см, задняя часть одного грифона обломана). В комплект с этими псалями входил и бронзовый наносник в виде объемной головы и шеи орлиноголового грифона²⁹.

Влияние греческого искусства проявляется и на конском антропоморфном наноснике в виде головы Силена³⁰. Наносник дуговидно изогнутый, с продольной петлей на обороте и односторонним объемным изображением на щитке. Изображение представляет собой композицию из головы Силена и

Рис. 14. Псаляй. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Ст. Кужорская, курган 1

Рис. 15. Псаляй и наносник. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Ст. Кужорская, курган 1

Рис. 16. Наносник. Вторая половина IV в. до н.э. Бронза. Ст. Кужорская, курган 1

сидящей на ней птицей с опущенными крыльями, обрамляющими его голову по сторонам (рис. 16). Антропоморфный персонаж исполнен в высоком рельефе в стиле древнегреческой натуралистической традиции: овальные глаза, дуговидные брови, выпуклый лоб, короткий трапецевидный нос, пухлые губы, дугообразные длинные усы и обрамляющая лицо пышная борода, которая показана продольным рифлением. Птица на голове персонажа имеет овальные глаза, обозначенные углубленной линией, от которой назад отходят углубленные завитки слезницы. Лоб крутым уступом переходит в короткий загнутый клюв с рельефно выделенной восковицей. Шея и туловище птицы покрыты короткими чешуйчатыми полосками, обозначающими рифление; правое крыло птицы обломано. Плечевые и маховые перья обозначены соответственно более короткими и более длинными рельефными полосками. Размеры наносника $6 \times 2,5$ см.

По своему художественному решению изображение Силена довольно близко античным изображением этого персонажа, характерным для IV в. до н.э. Так, например, сходное изображение имеется на атташе серебряного кувшина из «гробницы Филиппа» в Вергине³¹. В то же время сама схема наносника, включающего голову антропоморфного персонажа, выполненную в высоком рельефе, в обрамлении лап (крыльев) животного — представителя нижнего мира, сближает данный предмет с антропоморфным наносником из кургана 1 у ст. Тенгинской³² и, вероятнее всего, восходит к «фракийской» традиции конских наносников. Показательно, что нижняя часть схематизированных «личин» на скифских наносниках, выполненных в духе фракийской традиции, из курганов Козел, Чертомлык, Александрополь, Толстая могила образуют пальметту, центральной частью которой является выступающий нос хищника³³. В случае с кужорским наносником редуцированную пальметту образует «борода» Силена. Голова и шея птицы переданы скульптурно. У нее усилена восковица и не проработан клюв, представляющий загнутый крючок, что, скорее всего, восходит к меото-скифской традиции. Глаз — миндалевидный, имеющий слезницу, более натуралистичен. Глаз птицы скифской традиции — чаще округлый. Глаз и разделку перьев, вероятно,

Рис. 17. Фиала. Конец V — начало IV в. до н.э. Серебро. Село Хамышки

можно отнести к греческой традиции. Упомянем, например, об изображении птиц на среднем фризе пекторали из Толстой могилы, безусловно, являющейся творением греческого ювелира³⁴. Можно полагать, что данный наносник был сделан местным меотским мастером, хорошо знакомым с греческим искусством этого времени, и использовался в типично меотском уздечном наборе IV в. до н.э.

О проникновении в это время на территорию Средней Кубани изделий, изготовленных непосредственно греческими мастерами, свидетельствует ряд хранящихся в музее экспонатов, которые были обнаружены на территории Адыгеи.

Импорт из Греции является серебряная фиала диаметром 15 см (рис. 17). Она была куплена в 1988 г. у жительницы села Хамышки Майкопского района и, очевидно, происходит из разрушенных курганов бассейна р. Белой. Внутренняя поверхность чаши вокруг омфала украшена рельефным орнаментом и сюжетной композицией со сценами дионисийских мистерий. В верхнем поясе изобра-

Рис. 18. Шлем аттический (халкидский). IV в. до н.э. Бронза. Ст. Темнолесская

Рис. 19. Шлем. Атика? III—II вв. до н.э. Бронза. Пос. Апостолиди

жены выполненные гравировкой и чеканкой 12 персонажей — сатиров и менад, — размещенных на фоне лавровых ветвей. Фигуры представлены как в стремительном вакхическом танце, так и спокойно сидящими и играющими на флейте. Ближе к центру сосуда располагаются три орнаментальных фриза, состоящих из цветов и бутонов лотоса, масок Силена и полуов. По мнению И.В. Ксенофоновой, эта фиала по форме, стилистическим и сюжетным особенностям изображений предположительно была изготовлена в Аттике в конце V или начале IV в. до н.э.³⁵

В музее имеется также и аттический (халкидский по Г. Пфулгу)³⁶ шлем IV в. до н.э., происходящий из ст. Темнолесской³⁷. Шлем (высота 31 см) имеет небольшой назатыльник, вырезы для ушей, дуговидные надглазные вырезы и выступ, предохраняющий нос (рис. 18). Нашечники, крепившиеся на шарнирах, не сохранились. Ближайшими территориальными и хронологи-

Рис. 20. Кувшин красноглиняный фигурный в виде Деметры. III—II вв. до н.э. Могильник Апостолиди

Рис. 21. Височная подвеска в виде фигурки лошади. III—I вв. до н.э. Золото. Левый берег Краснодарского водохранилища

Рис. 22. Височные подвески в виде баранов, III—I вв. до н.э. Золото. Левый берег Краснодарского водохранилища

Рис. 23. Головка Пана, деталь шкатулки. I—II вв. н.э. Бронза. Могильник Городской, погр. 2

ческими аналогиями ему являются два шлема, обнаруженные в кургане последней четверти IV в. до н.э. у ст. Курджипской³⁸, что свидетельствует о довольно частом использовании в IV в. до н.э. местной воинской элитой греческого защитного вооружения. Другой греческий шлем (высота 29 см), хранящийся в музее, может быть отнесен к III—II вв. до н.э. Он был обнаружен случайно местными жителями у поселка Апостолиди (Тахтамукаевский район Республики Адыгея) (рис. 19). Шлем имеет спереди выступающий козырек; в верхней части наголовья располагается гребень высотой около 5 см. Он украшен двумя рельефными валиками, проходящими по линии лба, завершающимися волютами по бокам шлема. Нащечники шлема не сохранились, однако они, безусловно, были. Об этом свидетельствуют отверстия в нижней части наголовья. Наиболее близкой по форме аналогией является шлем с о-ва Мелос из коллекции Государственных музеев Берлина³⁹.

К позднеэллинистическому периоду относится хранящийся в музее красноглиняный фигурный кувшин (высота 31,5 см), изображающий богиню Деметру, в одной руке которой находится чаша, а в другой — жезл, заканчивающийся звездой (рис. 20). Сосуд имеет высокое горло в верхней части и рельефную ручку. Он происходит из могильника меото-сарматского времени у поселка Апостолиди⁴⁰.

К этому же времени относятся и золотые украшения, случайно обнаруженные на левом берегу Краснодарского водохранилища. Это височная подвеска в виде полый золотой фигурки лошади с круглыми привесками на цепочках из золотой проволоки (высота 7 см) (рис. 21), а также парные золотые серьги либо височные подвески в виде лежащих баранов (высота каждой 4 см) (рис. 22). Безусловно, эти украшения можно отнести к местной кубанской ювелирной школе, сложившейся еще в IV в. до н.э. Подвески в виде полых фигурок животных достаточно часто встречаются в Прикубанье в богатых погребениях III—I вв. до н.э. Они обнаружены в Серегинском могильнике, в погребении у ст. Раздольной, в районе Пашковского городища и других памятниках. Имеется ряд аналогий и круглым привескам на цепочках⁴¹.

В музее хранится немногочисленный, но чрезвычайно интересный материал первых веков нашей эры, происходящий из богатых всаднических погребений, размытых водами Краснодарского водохранилища. Это, например, стеклянные сосуды для благовоний — бальзамарии (высота 10,2 и 15,3 см),

Рис. 24. Бальзамарии. I–II вв. н.э. Стекло. Могильник у хут. Городского и случайная находка у аула Тауйхабль

Рис. 25. Амфора. I–II вв. н.э. Бронза. Аул Кончукохабль, разрушенное погребение

Рис. 26. Котел. I–II вв. н.э. Бронза. Аул Кончукохабль, разрушенное погребение

датирующиеся II в. н.э. Один из них найден в погребении могильника у хут. Городского, исследованного А.А. Сазоновым⁴²; другой случайно обнаружен археологом А.А. Товом (рис. 24). Из погребения 2 могильника у хут. Городского происходит и полая небольшая бронзовая головка Пана размером 2,6 × 1,5 см, украшавшая крышку деревянной шкатулки (рис. 23)⁴³. Персонаж имеет округлые рожки, косматые брови, свисающие бороду и усы, переданные в рельефе. К этому же периоду относятся и находки из богатого разрушенного погребения, доследованного П.А. Дитлером у аула Кончукохабль в 1960 г.⁴⁴ В его состав входила бронзовая итальянская амфора, ручки которой украшены стилизованным орнаментом, и завершающаяся изображением передней части туловища хищника (волка?) с инкрустированными серебром глазами⁴⁵ (рис. 25). Бронзовая посуда первых веков нашей эры итальянского производства — характерный признак наиболее богатых погребений Прикубанья этого времени. В данном же погребении был обнаружен бронзовый сарматский котел⁴⁶ высотой 42 см на конической ножке (рис. 26). Он имел парные вертикальные ручки с тремя гвоздевидными выступами.

В целом, несмотря на немногочисленность памятников античной эпохи, хранящихся в Национальном музее Республики Адыгея, они существенно дополняют наши знания о древней истории и культуре юга России.

¹ Хакуз С.М., Кудай М.А., Бузаров А.К. История национального музея Республики Адыгея // Национальный музей Республики Адыгея. М., 2007. С. 4–6.

² Графиня П.С. Уварова, жившая в 1917 г. некоторое время накануне эмиграции в г. Майкопе, упоминает в своих мемуарах о существовавших здесь двух музеях. Директором обоих майкоп-

ских музеев был Павел Кондратьевич Перепелицин: «Простой, добрый, честный труженик, который, вероятно, не получил высшего образования, но влюблен в свое дело и всю свою жизнь отдает своим весьма бедно обставленным музеям в надежде, что невзрачная их обстановка привлечет наконец внимание начальства и настанет пора, когда эти музеи принесут пользу насе-

лению и его развитию» (Уварова П.С. Былое: Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005).

³ Материалы этих раскопок опубликованы в Германии: *Rezeplin A.D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasus // *Archäologie in Eurasien*. Rahden/Westf., 2000. Bd. 10.

- ⁴ Анфимов Н.В. Протомеотский могильник у с. Николаевского // СМАА. 1961. Т. II; Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс // ВАА. Майкоп, 1985; Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995; а также другие статьи этого автора.
- ⁵ Ловпаче Н.Г. Могильники... Табл. XV, 1; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006. Кат. № 25.
- ⁶ Ловпаче Н.Г. Могильники... Табл. XV, 3; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 24.
- ⁷ Ссылки на литературу см.: Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... С. 114.
- ⁸ Козенкова В.И. Оружие и конское снаряжение племен кобанской культуры. М., 1995. С. 145, табл. 6.
- ⁹ Нехаев А.А. Отчет Адыгейской археологической экспедиции за 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1; Он же. Отчет Адыгейской археологической экспедиции за 1986 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 14072.
- ¹⁰ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 44–54.
- ¹¹ Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987. Кат. № 23, рис. 18; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 43.
- ¹² Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art: The Legacy of the Scythian World: mid 7th to 3rd Century B.C. Leningrad, 1986. Cat. N 16.
- ¹³ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 40.
- ¹⁴ Подробнее об образе свернувшегося хищника см.: Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 104, сл.
- ¹⁵ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия в VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 47, рис. 3.
- ¹⁶ Congdon L.O.K. Caryatid Mirrors of Ancient Greece: Technical, Stylistic and Historical Consideration of Archaic and Early Classical Bronze Series. Mainz-am-Rhein, 1981. P. 211, № 115.
- ¹⁷ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 82–86.
- ¹⁸ Лукин Б.А. Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станции Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3. С. 216, рис. 6.
- ¹⁹ Малышев А.А., Равич И.Г. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 105, рис. 2, 1. (МИАР; Вып. 3).
- ²⁰ Шедевры... Кат. № 7; с. 37, рис. XXIV.
- ²¹ L'Or des Amazones: Peuples nomads entre Asie et Europe. VI siècle av. J.-C. – IV siècle apr. J.-C. P., 2001. P. 84, 85, fig. 14.
- ²² Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... С. 102–104.
- ²³ Там же. Кат. № 102, 104.
- ²⁴ Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. СПб., 2005. С. 103, табл. 3, 5; С. 105, табл. 4, 6, 7.
- ²⁵ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 101.
- ²⁶ Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art... Cat. N 285.
- ²⁷ Шедевры... Кат. № 23; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 89.
- ²⁸ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 91.
- ²⁹ Там же. Кат. № 105.
- ³⁰ Там же. Кат. № 108.
- ³¹ Andronicos M. Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1999. P. 154–153, fig. 115–116.
- ³² Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 128. Об антропоморфном наноснике из Тенгинской см.: Эрлих В.Р. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 2002. С. 12, 13.
- ³³ Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 113, рис. 3, 6–9.
- ³⁴ Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine. N.Y., 1999. P. 329, Cat. N 172.
- ³⁵ Ксенофонтowa И.В. Серебряная фиала из фондов Национального музея Республики Адыгея // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 150–152.
- ³⁶ По наиболее разработанной схеме греческих шлемов Г. Пфулга, эти шлемы можно отнести к группе халкидских открытых неглубоких шлемов, которые также называют аттическими, поскольку именно они изображались в аттической вазописи. Типология этих шлемов, разработанная Е. Куnze (на шлемах из Олимпии) и Г. Пфулгом, строится на форме нащечников.
- ³⁷ Дитлер П.А. Аттический шлем из станции Темнолесской // СА. 1964. № 1.
- ³⁸ Галанина Л.К. Курждипский курган. Л., 1980. С. 97, 98, кат. № 66, 67.
- ³⁹ Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin. Mainz, 1988. S. 443–445, N 52. (Des Monographien des RGZM; Bd. 14).
- ⁴⁰ НМРА. № 11846/1.
- ⁴¹ Шедевры... С. 134, рис. 60; кат. № 171, 188; I tesory dei kurgani del Caucaso Settentrionale, Roma, 1990. Cat. N 244.
- ⁴² Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городской // ВАА. 1992. С. 244–274.
- ⁴³ Там же. С. 260, рис. 2, 19; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 135.
- ⁴⁴ Дитлер П.А. Комплекс материалов из кургана у аула Кунчукохабль // СМАА. Майкоп, 1972. Т. 3.
- ⁴⁵ Шедевры... Кат. № 228, 229.
- ⁴⁶ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 138.

Часть XXI

АБХАЗСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ

В.Р. ЭРЛИХ

История Абхазского государственного музея восходит к 1915 г., когда в Сухуми образовалось «Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа». Усилиями общества была собрана первая коллекция, состоящая из 610 экспонатов, размещавшаяся в двух комнатах. Открытие музея состоялось в мае 1917 г. В августе 1922 г. было организовано Абхазское научное общество (АБНО), принявшее решение вновь создать музей, используя экспонаты прежнего музея. Активными организаторами вновь создаваемого музея стали М.М. Иващенко и Г.П. Барач. Последний был председателем АБНО и первым директором музея, занимавшим эту должность до 1931 г. В 1927 г. музей был признан государственным учреждением, переведен в систему Народного комиссариата просвещения Абхазской АССР и получил наименование Государственного музея Абхазии.

Формирование археологической коллекции музея связано с именами М.М. Иващенко, А.Л. Лукина, Б.А. Куфтина, Ю.Н. Воронова, Г.К. Шамба — известных археологов, работавших в Абхазии.

Среди многочисленных экспонатов, хранящихся сейчас в Абхазском музее, значительный интерес представляют образцы художественной бронзы кубанского производства. Они происходят из конских ритуальных захоронений¹, обнаруженных на поселении в районе порта г. Очамчира в Южной Абхазии, соотносимого большинством исследователей с Гиэносом, «элинским портом» впервые упомянутым у Псевдо-Скилака (Ps.-Scyl. 81).

В состав этих комплексов входят Г-образные псалии с ажурными пластинами. Все они имеют односторонние гравированные изображения, что характерно для прикубанских псалиев стиля круга Елизаветинской. Псалии в виде головы оленя в профиль с симметричными рогами относятся к комплексу 2 (1984) и комплексам 3 и 4 (1985)². Если у первого комплекта голова оленя видна довольно отчетливо (рис. 1), гравировкой переданы глаз и ухо животного, то у псалиев двух других комплектов, голова животного дана схематично (рис. 2; 4). В качестве аналогии этой схеме можно привести пластину Г-образных псалиев с головой оленя в профиль с симметричными многоярусными рогами из Елизаветинских курганов³. Псалии в виде схематичной головы оленя с симметричными рогами обнаружены также в кургане № 2 некрополя II Тенгинского городища⁴. Симметричные рога оленя, превращенные в фигуры грифонов, однако с головой самого оленя, обращенной в фас, встречены и на гравированной пластине псалия из Кужорского кургана (окрестности г. Майкопа)⁵. Сходная композиция известна и на серии кубанских наверший IV в до н.э. с односторонними изображениями из Анап-кургана (окрестности г. Майкопа)⁶ и на трех найденных в 2001 г. навершиях из кургана № 2 некрополя II Тенгинского городища⁷.

Второй вариант изображений на ажурных пластинах псалиев — голова оленя в профиль с асимметричными рогами, имеющими три отростка, заканчивающихся головками хищных птиц (рис. 3; 9, 3, 4)⁸, — встречен на пластине из второго комплекса 1985 г. Весьма близко этой композиции изображение на псалиях из могильника у хут. Прикубанский⁹. На парных пластинах этих псалиев имеются зеркальные изображения в виде головы оленя с тремя асимметричными отростками рогов; боковые заканчиваются головками хищных птиц, а центральная — головой хищника. Близкие композиции — рога оленя в виде асимметричных трех или четырех отростков встречены на пластинах псалиев из Краснодарского музея (место находки неизвестно), из кургана у ст. Кужорской в окрестностях Майкопа и из Елизаветинских курганов¹⁰. Из кур-

Рис. 1. Псалы. Бронза. Гиэнос, комплекс 3

Рис. 2. Псалы. Бронза. Гиэнос, комплекс 3

Рис. 3. Псалы. Бронза. Гиэнос, комплекс 2

Рис. 4. Псалы. Бронза. Гиэнос, комплекс 4

гана № 3 Семибратней группы происходят пластины в виде асимметричных оленьих рогов, заканчивающихся головами не трех, а четырех хищных птиц¹¹. Еще одна, но более сложная асимметричная композиция имеется на навершии с головой оленя из Тенгинского кургана № 2¹².

К третьему варианту псалиев из Гиэноса можно отнести пластину с тремя отростками рогов, которая одновременно является и головой оленя (лося) и лапой хищной птицы (рис. 5, 2, 3)¹³. Полная аналогия подобным псалиям обнаружена в Елизаветинских курганах, раскопанных Н.И. Веселовским в 1913 и 1917 гг.¹⁴ С.М. Шамба справедливо указал на близкие изображения, встреченные на псалиях, случайно найденных в районе устья р. Келасури и в Алексеевском ущелье (Абхазия)¹⁵.

Обнаруженные в Гиэносе конские налобники также являются продукцией мастерских Кубани. В комплексе 1 (1985) имеется налобник в виде хищника — пантеры, припавшей на передние лапы. Задняя нога животного закинута на спину (рис. 5, 1)¹⁶. С.М. Шамба справедливо привел в качестве аналогии налобник из кургана-святилища № 2 возле аула Уляп¹⁷. Эта схема — хищник с закинутой на спину задней лапой — не столь редка в прикубанском искусстве. Из кургана № 2 у ст. Тенгинской происходят два налобника — пантеры, выполненные в этой же схеме¹⁸. Один из этих налобников покрыт гравировкой, близкой орнаменту на налобниках из Гиэноса и Уляпа. Кроме того, налобники в виде хищника, припавшего на лапы, но без закинутой на спину задней ноги, хранятся в Краснодарском музее («крылатый хищник» по Е.А. Переводчиковой)¹⁹.

Ажурный налобник из комплекса 3 (1984) в виде схематически переданных антитетических головок оленя с рогами, заканчивающимися стилизованными головками хищных птиц (рис. 6)²⁰ находит почти полную аналогию с прикубанскими налобниками из ст. Гурийской (раскопки Н.В. Веселовского в 1914 г., хранится в Государственном Эрмитаже)²¹ и из могильника Лебеди III в правобережье Кубани²². Еще один ажурный налобник, выполненный в этой же схеме, происходит из грунтового могильника у хут. Прикубанского²³. Несколько фрагментов таких налобников этой же схемы из Елизаветинских курганов хранятся в Государственном Эрмитаже²⁴.

Налобник в виде схематично переданной головки оленя с многоярусными вертикальными рогами (рис. 7) встречен в четвертом комплексе конской узды из Гиэноса (1985)²⁵. Подобная композиция, очевидно, являющаяся ее прототипом, обнаружена в наиболее позднем кургане № 3 группы Семибратних курганов, который относится уже к IV в. до н.э.²⁶ Почти полная аналогия этому налобнику из Гиэноса найдена и в кургане № 2 некрополя II Тенгинского городища (Усть-Лабинский район Краснодарского края)²⁷.

Весьма интересен налобник с антитетической сценой терзания из гиэноского комплекса 2 (1985) (рис. 8; 9, 1)²⁸. Симметрия здесь соблюдена лишь для нижней части изделия. Часть предмета утрачена, но, насколько можно судить, здесь в антитетической позе представлены хищник и копытное. Это же мнение высказал и автор первой публикации этого налобника С.М. Шамба²⁹.

В целом антитетические композиции являются одной из характерных черт стиля круга Елизаветинской. В качестве примера сошлемся на композицию из двух хищников на налобнике из Кужорского кургана в окрестностях Майкопа³⁰. Показательно, что на этом налобнике, как и на налобнике из Гиэноса, в композицию включены гравированные изображения головок хищных птиц в средней части. Сложная антитетическая композиция с вертикальной осевой симметрией, изображающая хищников, в пасти которых находятся

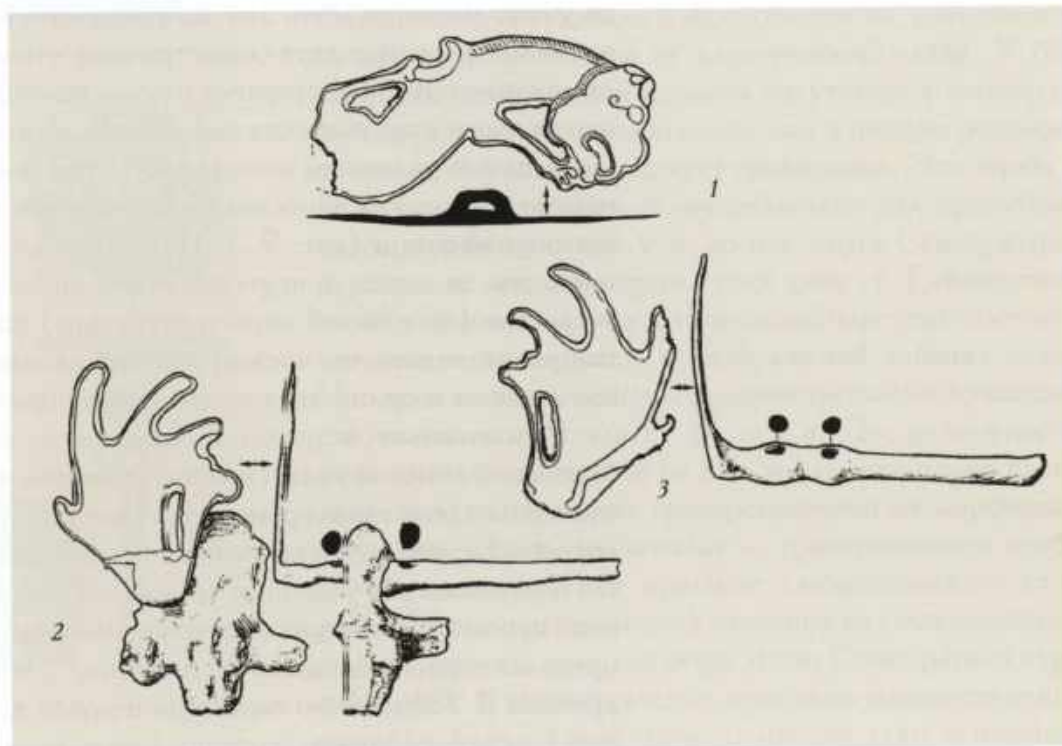

Рис. 5. Уздечный набор лошади:
1 — налобник; 2, 3 — псалии.
Бронза. Гиэнос, комплекс 1
(по: Шамба, 1988)

Рис. 6. Конский налобник.
Бронза. Гиэнос, комплекс 3

Рис. 7. Конский налобник.
Бронза. Гиэнос, комплекс 4

Рис. 8. Конский налобник.
Бронза. Гиэнос, комплекс 2

головы оленей, имеется на пластинах псалиев из Елизаветинских курганов (курган 1917 г.)³¹.

Налобник в виде плоской пластины с расширяющимися концами происходит из гиэносского первого комплекса узды (1984)³². Лицевая сторона в нижней части украшена гравированным изображением головы хищника (волка?), в обрамлении передних лап. В средней части пластины — симметричные изображения птичьих головок. Край пластины украшен гравированным орнаментом в виде кружков и насечек (рис. 10). Этому налобнику близок фрагментарный налобник из кургана № 2 некрополя II Тенгинского городища. Однако последний более примитивен: вместо птичьих головок в средней части у него имеются лишь два завитка и отсутствует образ хищника³³. В то же время изображения двух симметричных птичьих голов на налобнике из Гиэноса напоминают симметричные птичьи головы в центральной части упоминавшихся выше прикубанских налобников с антитетической композицией.

В одном уздечном комплексе с этим пластинчатым налобником был обнаружен и конский наносник, который совмещает изображения крыла и головы хищной птицы (рис. 9, 2; 11)³⁴. Полные аналогии этому изделию пока не известны, но здесь присутствуют все признаки елизаветинского стиля: многократное (по крайней мере трехкратное) повторение образа головы хищной птицы, витиеватость, чрезмерная стилизованность, одновременное совмещение в одном изделии двух зооморфных образов.

Рассматривая в целом комплексы с деталями высокохудожественной бронзовой конской узды Гиэноса, отметим, что все конские захоронения произведены здесь единовременно «примерно на одном горизонте»³⁵. Весь приведенный выше круг кубанских аналогий датируется в пределах IV в. до н.э. В Прикубанье эти уздечные принадлежности встречены в Уляпских и Тенгинских курганах, имеющих античные импорты. Уляпские курганы датируются в пределах первой половины IV в. до н.э.³⁶, в то время как курганы № 1 и 2 некрополя II Тенгинского городища по ряду встреченных здесь импортных вещей (сетчатые лекифы, терракотовые золоченые медальоны) относятся уже ко

второй половине IV либо к самому началу III в. до н.э.³⁷ Если в некоторых курганах Уляпа еще встречаются вещи, выполненные в зверином стиле круга Семибратних курганов³⁸, то художественные бронзы Тенгинских курганов можно отнести к расцвету стиля круга Елизаветинских курганов. К этому же времени, скорее всего, можно отнести и уздечные принадлежности из Гиэноса, датировав их временем, близким к середине IV в. до н.э.

Значительное количество предметов, выполненных в прикубанском зверином стиле, а также единая стилистическая выдержанность всех конских гарнитуров не оставляют сомнения в том, что все эти наборы были сделаны кубанскими мастерами и привезены сюда из Прикубанья. Особенности обряда эти конских ритуальных захоронений свидетельствуют о том, что они были совершены носителями меотской археологической культуры³⁹.

Находки прикубанских вещей, относящихся к середине — второй половине IV в. до н.э. в Гиэносе, не уникальны для территории Абхазии. Псалии и налобник, выполненные в «елизаветинском» стиле, найдены в Алексеевском ущелье и в устье р. Келасур⁴⁰. Узда прикубанского облика происходит из разрушенных комплексов у Агудзеры⁴¹. В Абхазии встречаются меотские мечи, характерные для Прикубанья этого времени (Гуадику, Сухумская гора, Алексеевское ущелье)⁴². Если раньше находки этих предметов объяснялась присутствием «в районе Диоскуриады... значительной скифской этнической прослойки»⁴³, то сейчас достаточно четко можно локализовать происхождение всех этих вещей в Прикубанье.

Искусство Кубани оказывало воздействие и на местных колхидских мастеров. В фондах музея хранятся два уздечных украшения IV в. до н.э., выполненных в виде головок кабанов (рис. 12; 13; 14)⁴⁴. Бронзовая налобная бляха в виде головы кабана, происходит из Алексеевского ущелья (рис. 12;

13, 1). Наиболее близкими прототипами этому образу может являться группа изображений головы кабана V в. до н.э. с территории Боспора: это Семибратние курганы (курган № 4), некрополь Нимфея (курган № 24), а также случайная находка с Таманского полуострова⁴⁵. Однако следует указать и на особенности, которые отличают эти прототипы от алексеевской бляхи. У боспорских изображений кабанов отсутствуют зооморфные превращения, и выполнены они в низком рельефе; кроме того, у них отсутствует гравировка. Эти черты в то же время являются отличительными для прикубанского звериного стиля V в. до н.э. круга Семибратних курганов от последующего стиля типа ст. Елизаветинской⁴⁶. Обращаясь же к алексеевской пластине отметим, что детали, имеющиеся у изображений кабанов V в. до н.э., здесь решены художественными приемами елизаветинского стиля IV в. до н.э. Так, рельефность носа-«пяточка», шерсть на шее и ухо животного переданы дополнительными гравированными зооморфными образами, шерсть на затылке — гравированным «ребриком», характерным приемом елизаветинского стиля⁴⁷. Мастер, изготовивший пластину из Алексеевского ущелья, хорошо знал как вещи эпохи Семибратних курганов, так и хорошо владел приемами елизаветинского стиля. Однако некоторые признаки дают основание

Рис. 9. Уздечный набор лошади:
1, 3, 4 — налобник и псалии.
Бронза. Гиэнос, комплекс 1 (1985 г.);
2 — наносник. Бронза. Гиэнос,
комплекс 2 (1984 г.).
Рис. Н.С. Сурвилло

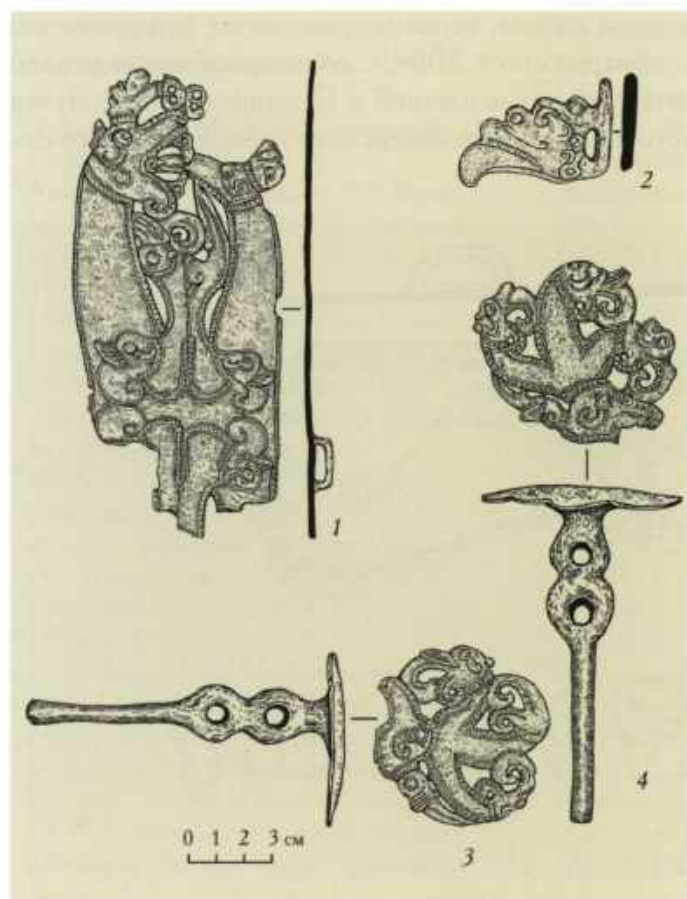

Рис. 10. Конский налобник.
Бронза. Гиэнос, комплекс 1

Рис. 11. Конский наносник.
Бронза. Гиэнос, комплекс 2

Рис. 12. Конский налобник.
IV в. до н.э. Бронза. Алексеевское
ущелье. Разрушенное погребение

полагать, что налобная пластина из Алексеевского ущелья была изготовлена не в Прикубанье, как комплекты узды из Гиэноса, а местным мастером. Подобный «синтез» «семибратнего» образа и его «елизаветинского» художественного решения на собственно прикубанских вещах не известен. К тому же у всех известных изображений кабанов скифского, савроматского, меотского круга подчеркнуто не выделяются зубы зверя⁴⁸. Этот элемент можно считать местной особенностью алексеевского налобника.

Еще одно изображение головы кабана, выполненное также под влиянием елизаветинского стиля, было обнаружено в 2004 г. совместной экспедицией Абхазского института гуманитарных исследований и Государственного музея Востока при раскопках на восточной окраине Эшерского городища⁴⁹. Это не-

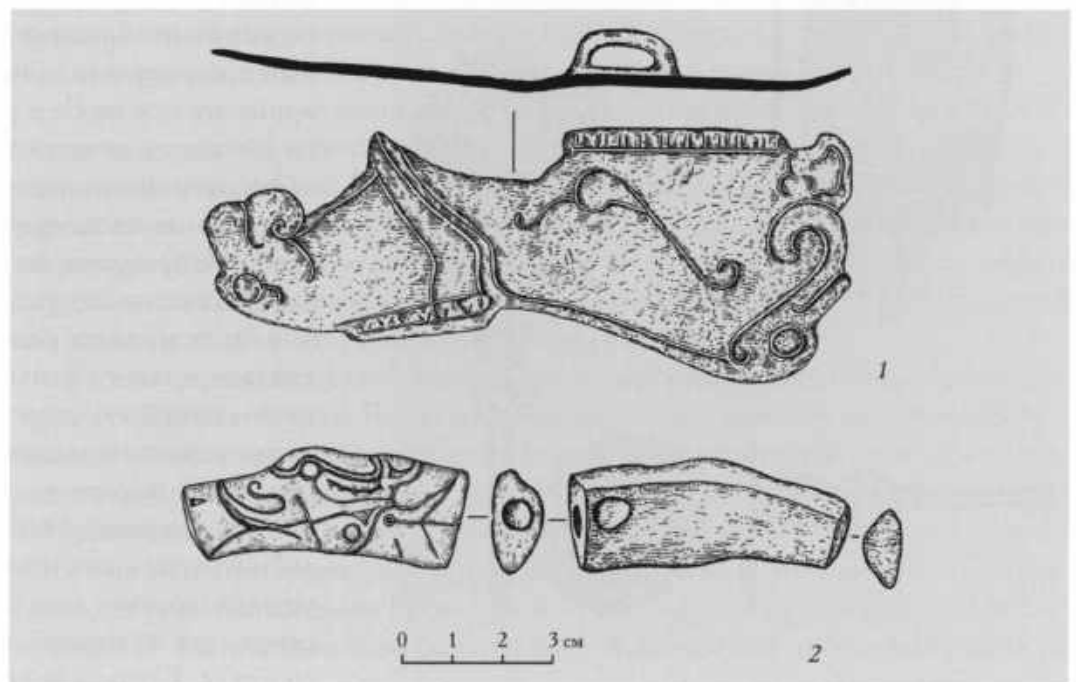

Рис. 13. Узденный набор лошади:
1 — конский налобник. IV в. до н.э.
Бронза. Алексеевское ущелье.
Разрушенное погребение;
2 — Конский наносник. Кабаний
клык. Эшерское городище.
Рис. Н.С. Сурвилло

Рис. 14. Конский наносник. IV в. до н.э. Кабаний клык. Эшерское городище

большой конский наносник, выполненный из кабаньего клыка длиной 5 см, на котором гравировкой нанесены детали изображения животного (рис. 13, 2; 14). Глаз зверя передан кружком с передней и задней изогнутыми слезницами, близкими по форме слезницам «алексеевского кабана». Дуговидными линиями изображены клык и пасть зверя. Показаны также ухо, несколькими прямыми чертами передана шерсть в районе шеи. Изображение кабана из Эшерского городища обнаруживает признаки влияния елизаветинского прикубанского звериного стиля (графичность и односторонность изображения, подчеркнутые слезницы глаза животного)⁵⁰. Вместе с тем для него характерны существенные отличия от елизаветинских оригиналов. Для елизаветинского стиля не типичны как изображения кабанов, так и гравировка на кабаньих клыках. Стилистическая близость «эшерского кабана» с алексеевским свидетельствует о том, что на территории современной Абхазии в IV в. до н.э. существовала собственная линия развития этого образа, возникшая под влиянием кубанского искусства круга Семибратних курганов.

В целом небольшая по численности группа вещей IV в. до н.э., выполненных в меото-скифском зверином стиле, которая хранится в Абхазском государственном музее, ярко свидетельствует о связях этой территории с меотской культурой Кубани и о влиянии кубанской художественной традиции на местное искусство.

¹ Шамба С.М. Гюэнос-I. Сухуми, 1988. С. 32, 33, 55, 57, табл. XVIII—XXIV; Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1. С. 58—172.

² Шамба С.М. Гюэнос-I. Табл. XIX, 8, 9; XXII, 2, 3, 5; Эрлих В.Р. Меотское святилище... Рис. 2, 8, 9; 4, 2—4.

³ Эрлих В.Р. Меотское святилище... С. 165, рис. 5, 3.

⁴ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М., 2006. Кат. № 118, 119.

⁵ Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987. № 23. С. 91, рис. 18; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 89.

⁶ ОАК за 1900 г. С. 37, рис. 96—97.

⁷ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Уникальные навершия из святилища у ст. Тенгинской // КСИА. 2005. Вып. 219. Рис. 1, 2; 3, 4; IV, b, c, d.

⁸ Шамба С.М. Гюэнос-I. Табл. XXI, 2, 3; Эрлих В.Р. Меотское святилище... С. 161, рис. 3, 5, 6.

⁹ Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // III Кубанская археологическая конференция: Тез. докладов. Краснодар; Анапа, 2001. С. 97, рис. 3.

¹⁰ Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4. С. 48, рис. 3, 3; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966. С. 40, рис. 75; Шедевры... С. 90, рис. 17.

¹¹ Переводчикова Е.В. Локальные черты... С. 48, рис. 3, 6.

¹² Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Уникальные навершия... С. 52, рис. 1, 1.

¹³ Шамба С.М. Гюэнос-I. Табл. XX, 2, 3; Эрлих В.Р. Меотское святилище... Рис. 3, 2, 3.

¹⁴ Фонды ГЭ ОВАЕС Ку 1913, 4/154; 1917 1/153; Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э.: (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. 2005. Вып. 37. Табл. 3, 2.

¹⁵ Шамба С.М. Гюэнос-I. С. 55.

¹⁶ Там же. Табл. XX, 1; Эрлих В.Р. Меотское святилище... Рис. 3, 2, 1.

¹⁷ Шамба С.М. Гюэнос-I. С. 56.

¹⁸ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 115, 117.

¹⁹ Переводчикова Е.А. Локальные черты... С. 48, рис. 3, 14.

²⁰ Шамба С.М. Гюэнос-I. Табл. XVIII, 2; С. 160, рис. 2, 7.

²¹ Эрлих В.Р. Меотское святилище... С. 168, рис. 7, 2; Фонды ГЭ ОВАЭС 2501/35.

²² Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Табл. 93, 59. (Археология СССР).

²³ Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. Новый меотский могильник... С. 97, рис. 3.

²⁴ Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение... Табл. 1, 2; 4, 9.

²⁵ Шамба С.М. Гюэнос-I. Табл. XXII, 4; Эрлих В.Р. Меотское святилище... С. 162, рис. 4, 5.

²⁶ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... С. 39, табл. 74.

²⁷ Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 120.

²⁸ Шамба С.М. Гюэнос-I. Табл. XXI, 1; Эрлих В.Р. Меотское святилище... С. 161, рис. 3, 4.

²⁹ Шамба С.М. Гюэнос-I. С. 56.

³⁰ Шедевры... № 9. С. 82, рис. 7; Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство... Кат. № 104.

³¹ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов... Табл. 142; Переводчикова Е.А. Локальные черты... С. 48, рис. 3, 8; Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение... С. 105, табл. 4, 6, 7. Заметим, что полная аналогия елизаветинской композиции с симметричной сценой терзания хищника копытным имеется и на налобни-

- ках из Кужорского кургана: *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство... Кат. № 102, 105.
- ³² *Шамба С.М.* Гюэнос-1. Табл. XVIII, II; *Эрлих В.Р.* Меотское святилище... С. 160, рис. 2, 6.
- ³³ *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство... Кат. № 124.
- ³⁴ *Шамба С.М.* Гюэнос-1. Табл. XVIII, I; *Эрлих В.Р.* Меотское святилище... С. 160, рис. 2, I.
- ³⁵ *Шамба С.М.* Гюэнос-1. С. 57.
- ³⁶ *Ксенофонтова И.В.* Античные импорты Уляпских святилищ // БФ. 2001. Ч. II. С. 124.
- ³⁷ *Эрлих В.Р.* Святилища некрополя II Тенгинского городища в Краснодарском крае // Вестник РГНФ. 2006. № 3. С. 46, 47.
- ³⁸ *Масленицына Е.С.* Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V — IV в. до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989—1990 гг.: Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М., 1992. С. 57—58.
- ³⁹ Подробно см.: *Эрлих В.Р.* Меотское святилище... С. 170—172.
- ⁴⁰ *Воронов Ю.Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев, 1975. С. 228, рис. 9, 3, 7, 15, 16; С. 230, рис. 10, 11, 12.
- ⁴¹ Там же. С. 231, рис. 11.
- ⁴² Там же. С. 223, рис. 5, 15, 19, 22, 25.
- ⁴³ Там же. С. 57.
- ⁴⁴ *Эрлих В.Р., Шамба Г.К.* К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- ⁴⁵ *Scythian Art: The Legacy of the Scythian World—mid 7th to 3rd Century B.C.* Leningrad, 1986. Cat. № 94; Древний город Нимфей: Каталог выставки. СПб., 1999. Кат. № 236; *Vorovka G.* *Scythian Art.* L., 1928. Pl. 17 C, D, E.
- ⁴⁶ *Переводчикова Е.А.* Локальные черты... С. 46—49.
- ⁴⁷ Графический «рубчатый кант» как характерный признак елизаветинского стиля отмечает и *Е.Ф. Королькова* (Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 92).
- ⁴⁸ *Чежина (Королькова) Е.Ф.* Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. 1991. Вып. 31. Табл. 1, I; *Гуляев В.И.* Резная кость из курганов скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. С. 27, рис. 3; Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. Рис. 18, 3; Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985. С. 87, рис. 36.
- ⁴⁹ *Шамба Г.К., Эрлих В.Р., Ксенофонтова И.В., Джопуа А.И.* Работы на Эшерском городище в Абхазии в 2004 г. // АО 2004 г. М., 2005. С. 567, рис. 80.
- ⁵⁰ См.: *Королькова Е.Ф.* Кубанский звериный стиль... С. 92; *Эрлих В.Р.* Меотское святилище... С. 163, 169.

Часть XXII
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
МУЗЕЙ
РЕСПУБЛИКИ
ТАТАРСТАН

Н. А. БУГРОВА, Д. В. ЖУРАВЛЕВ

В фондах Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ) хранится 538 экспонатов различного происхождения, традиционно объединяемых в так называемую «Античную коллекцию». Помимо действительно античных сосудов, терракотовых статуэток, изделий из стекла, камня и бронзы, коллекция включает и предметы, происходящие из раннесредневековых памятников Крыма. Хронологически «Античная коллекция», таким образом, укладывается в рамки второй половины VI в. до н.э. — IX в. н.э.

Формирование «Античной коллекции» началось одновременно с созданием Казанского городского музея в 1895 г.: весьма разнообразная коллекция казанского помещика А.Ф. Лихачева¹, еще в 1891 г. положившая начало музейному собранию, содержала восемь античных предметов. Позднее, в 1903 г., член попечительского совета музея В.И. Заусайлов² приобрел для историко-этнографического отдела музея 478 предметов, происходящих из Темрюка, Херсонеса и Симферополя, большая часть которых относились к эпохе Античности. Последним крупным поступлением античных древностей стала археологическая коллекция Ф.А. Лихачева, сына А.Ф. Лихачева, переданная в дар музею в 1912 г. и включавшая среди прочего 53 античных предмета из Керчи³. Из Казанского музейного фонда в 1920 г. в музей были переданы десять чернолаковых, три стеклянных сосуда и четыре привески из коллекции А.В. Новикова, также происходящие из Керчи. Причерноморская часть коллекции профессора медицины Казанского университета Н.Ф. Высоцкого, поступившая в музей в 1923 г., содержала почти исключительно раннесредневековые вещи из сборов 1902 г. в Севастополе. Наконец, отдельные античные предметы, принадлежавшие ранее Музею древностей Казанского университета, поступили в 1928 г. с коллекцией кабинета истории материальной культуры Восточно-педагогического института. Кроме того, в архиве музея имеется расписка о получении в дар от профессора Казанского университета В.Ф. Смолина чернофигурного лекифа и четырех ручек амфор с клеймами, происходящих из Керчи.

К сожалению, ничего, кроме констатации факта раскопок или приобретения предметов в Темрюке, Керчи и т.д. и их простого перечисления, в документах музея не содержится. Точные данные о происхождении данных предметов с конкретных археологических памятников, равно как обстоятельства их покупки и попадания в то или иное собрание, нам неизвестны. Кроме того, книги поступлений музея дважды переписывались в период 1936—1941 гг., а в инвентарных книгах «Античной коллекции», составленных в 1942 г., под одним номером часто записывались несколько предметов из разных памятников, что привело к утрате и без того скудной информации о происхождении части экспонатов. Достоверно происходящими с территории Азиатского Боспора могут считаться только «предметы из раскопок Темрюка на Азовском море»⁴ из состава покупки В.И. Заусайлова. При этом совершенно очевидно, что эти предметы явно происходят из античных городищ или некрополей Таманского полуострова и были лишь приобретены в Темрюке⁵.

Значительная часть предметов, рассматриваемых ниже, была более или менее подробно опубликована ранее⁶, поэтому мы ограничимся самым общим их обзором.

Наиболее оригинальным предметом коллекции является пелика (высота 27 см, диаметр 17,5 см)⁷ (рис. 1, 2). По форме и визуальным характеристикам глины она чрезвычайно близка аттическим пеликам Керченского стиля второй—третьей четверти IV в. до н.э., но имеет очень своеобразную роспись, имитирующую краснофигурную. Поверхность пелики покрыта черным

Рис. 1. Пелика краснофигурная (лицевая сторона). IV в. до н.э.

Рис. 2. Пелика краснофигурная (оборотная сторона). IV в. до н.э.

составом. На лицевой стороне (рис. 1) весьма грубо изображены сражающиеся всадник со щитом и обнаженный персонаж, вооруженный щитом и дубиной. На оборотной стороне (рис. 2) — две женские фигуры в длинных хитонах. Женщина слева держит сосуд, напоминающий пелику, женщина справа опускает в него некий предмет, возможно, виноградную гроздь. Детали фигур проработаны грубыми мазками кисти тем же составом, что и фон, и обведены графитовым карандашом (!); рисунок чрезвычайно примитивен. На горле с обеих сторон фриз из четырех квадратиков в цвете глины и косой решетки, в основании ручек — пальметки, также выполненные грубой кистью. Не вызывает никаких сомнений, что роспись была сильно обновлена в позднейшее время (рубеж XIX—XX вв.) поверх еще различимых контуров оригинального изображения. В пользу этого говорит близость сюжета лицевой стороны распространенному сюжету амазонмахии⁸. Сложно сказать, каков был первоначальный сюжет росписи пелики: возможно, конная амазонка, сражающаяся с пешим греком⁹.

Широко распространенные с середины V в. до н.э. до конца IV в. до н.э. чернолаковые арибаллические лекифы представлены серией из двенадцати сосудов различных типов: один с изображением женской головки (рис. 3), восемь — с пальметтой (рис. 4), два «сетчатых» (рис. 5) и один лекиф с туловом, украшенным белыми точками. Все эти сосуды аттического производства и датируются IV в. до н.э.¹⁰

Из столовой чернолаковой посуды середины — второй половины IV в. до н.э. в состав покупки Заусайлова входят две небольшие чашечки-«солонки», фрагментированная чаша-блюдо и по четыре фрагментированных килика и канфара с канелированным туловом. Один из канфаров (высота 5,5 см, диаметр 7,1 см)¹¹, подобно пелике, подвергся позднейшей «реставрации»: у него удалены остатки ручек, тщательно заглажены места их крепления, а край утраченного горла горизонтально срезан и подкрашен жидкой черной краской. Наиболее сохранившийся килик (высота 7 см, диаметр 12,1 см)¹² относится к группе сосудов с глубоким туловом (cupkotypes) второй—третьей четверти IV в. до н.э.; он имеет валикообразный венчик и штампованный орнамент на дне. Кроме него, имеется фрагмент венчика канфаро-

видного килика (cup-kantharos), датируемого тем же периодом, и два донца киликов неясного типа.

Довольно представительно собрание терракотовых статуэток В.И. Заусайлова, включающее двадцать пять статуэток, три головы, две маски, пять протом, две марионетки и погремушку. К сожалению, все эти терракоты несут на себе следы «реставрации» XIX в., когда недостающие детали восполнялись фрагментами других статуэток, черепками сосудов и т.п. для придания изделию «товарного вида». Наиболее ранней, по-видимому, является статуэтка Деметры, несущей на плечах Кору (рис. 6). Нижняя часть опилена, а затем догипсована; очевидно, голова принадлежит другой статуэтке. Высота 8,4 см. По стилистике исполнения и деталям она близка статуэтке из Фанагории¹³. Две протомы Деметры, вероятно, относятся к IV в. до н.э. В пределах III—II вв. до н.э. датируются статуэтка, изображающая стоящую женскую фигуру, закутанную в гиматий, статуэтка сидящей женщины и бюст девушки в венке из листьев (рис. 7).

Терракоты позднего эллинизма (II—I вв. до н.э.) отличает разнообразие как культовых, так и жанровых сюжетов. В коллекции имеется два оттиска на пластине популярного в этот период образа Геракла; в такой же технике выполнена сидящая Афродита. Все остальные — полые, выполнены в двух или более формах и имеют отверстия сзади.

Статуэтка Эрота-Аттиса во фригийском колпаке, опирающегося на щит, относится к I в. до н.э. (рис. 8). Высота статуэтки 15,8 см. Очевидно, верхняя часть этой статуэтки принадлежит другой терракоте с тем же сюжетом, поскольку после их соединения возникает отчетливо видная диспропорция туловища и головы. Это широко распространенный тип боспорских статуэток¹⁴.

Еще одна статуэтка представляет мальчика (Эрота) с козленком на плече и птицей у ноги (рис. 9), высотой 14,7 см. Нижняя часть постамента имеет следы доделки. Эта статуэтка входит в группу изображений Эрота-Крифора¹⁵.

Статуэтка мальчика с птицей и собакой (высота 13 см) имеет незначительные доделки на поддоне (рис. 10). Изображения мальчика с собачкой, отличающиеся иконографически, были распространены на Боспоре¹⁶ и входят в группу терракот, представляющих детские изображения¹⁷.

Рис. 3. Лекиф краснофигурный арибаллический с изображением женской головки. IV в. до н.э.

Рис. 4. Лекиф краснофигурный с изображением пальметты. IV в. до н.э.

Рис. 5. Лекиф сетчатый. IV в. до н.э.

Рис. 6. Деметра с Корой на плече.
Статуэтка. IV в. до н.э. Терракота

Рис. 7. Бюст девушки в венке.
Статуэтка. III—II вв. до н.э. Терракота

Рис. 8. Эроть-Аттис со щитом.
Статуэтка. II—I вв. до н.э. Терракота

Рис. 9. Мальчик-криофор. Статуэтка.
II—I вв. до н.э. Терракота

Марионетка (высота 12,5 см, ширина и толщина 4,4 см)¹⁸ изображает актера-мима в легкой набедренной повязке, завязанной спереди узлом (рис. 11). На шее мима перевитая лента-гипофимида, левая рука уперта в бок, правая, согнутая в локте, поднята вверх. Подвесные ноги марионетки утрачены, сохранились отверстия для их крепления. Аналогии марионетке-миму имеются среди позднеэллинистических терракот Пантикапея¹⁹. Как и ряд упомянутых выше памятников, эта марионетка несет следы поздней починки: утрата подола одежды восполнена фрагментом подходящей по диаметру стенки чернолакового (?) сосуда, закрепленным и замаскированным глиняной обмазкой.

Рис. 10. Мальчик (Эрот?) с собакой. Статуэтка. II—I вв. до н.э. Терракота

Рис. 11. Актер-мим. Марионетка. II—I вв. до н.э. Терракота

Рис. 12. Куротрофа. Статуэтка. I в. до н.э. Терракота

Рис. 13. Девушка с цаплей и кистью винограда. Статуэтка. I в. до н.э. Терракота

Среди статуэток позднеэллинистического и римского времени преобладают культовые сюжеты: три фигурки богинь, сидящих на троне, протомы богини. Две терракотовые статуэтки изображают женские фигурки — одна из них представлена со стоящим ребенком у ноги (рис. 12). Этот тип изображения был широко распространен в позднеэллинистическое время на территории Боспора, в том числе и Азиатского²⁰. Вторая статуэтка — девушка с кистью винограда в руках и цаплей, стоящей перед ней, высотой 12,8 см (рис. 13), несомненно, сильно доделана «реставраторами» в конце XIX в. Вся ее нижняя часть, включая изображение цапли, отличается хорошей проработкой деталей и явно относится к Новому

времени. Возможно, изображение цапли было «навешено» неизвестному реставратору XIX в. хорошо известными композициями с изображением девочки с гроздьё винограда и птицей²¹.

Кроме того, в коллекции представлены две рельефные маски с изображением голов мужчины и Медузы Горгоны — плакетки для отделки деревянных саркофагов, и так называемая «погремушка» (рис. 14)²². Погремушка (длина 10,8 см, ширина 5,9 см, высота 3,4 см) имеет вид постели со схематично выполненной рельефной фигуркой спящего человека на верхней плоскости. Обратная сторона предмета гладкая, внутри — глиняный шарик, от которого, собственно, и происходит условное название терракоты. Датируется погремушка II—III вв. н.э.

Близкие по форме погремушки из Средиземноморья относятся как к классическому и эллинистическому времени²³, так и к римскому периоду²⁴. Большинство причерноморских находок терракот близкого облика сосредоточены на Боспоре²⁵. Подобная погремушка была обнаружена на Таганрогском поселении²⁶ и в могильнике Бельбек IV в Юго-Западном Крыму²⁷.

Вообще, боспорские терракотовые погремушки характеризуют схематизм изображения, подчас граничащий с примитивом, и размытые контуры рельефа. Учитывая достаточный вес терракоты, трудно предположить, что она могла использоваться как детская игрушка. Скорее, погремушки с изображением Эрота могли служить в качестве своего рода апотропеев, подобно колокольчикам, своим звоном отгонявших злых духов, и быть связанными с подземным миром.

К римскому времени относятся также фрагмент марионетки — голова мужчины в высоком калафе (?) (I—II вв. н.э.) и марионетка-гротеск с утраченными ногами (II—III в. н.э.) (рис. 15). Последняя (высота 9,1 см) изображает большоголового мужчину в кафтане (?) со сложенными на груди руками, скуластым широконосом лицом, широким ртом и небольшой бородкой. Это одна из широко распространенных групп позднеантичных боспорских статуэток²⁸. Совсем недавно в Керчи была открыта мастерская коропласта, выпускавшая подобные терракоты²⁹.

Рис. 14. Погремушка.
II—III вв. н.э. Терракота

Рис. 15. Марионетка-гротеск.
I—II вв. н.э. Терракота

Рис. 16. Ручка амфоры с клеймом (Родос). Фрагмент. II в. до н.э.

Рис. 17. Ручка амфоры с клеймом (Синопа). Фрагмент. IV в. до н.э.

Рис. 18. Ручка амфоры с клеймом (Синопа). Фрагмент. III в. до н.э.

Рис. 19. Ручка амфоры с клеймом (не определено). Фрагмент

Амфорная тара представлена двумя ножками и пятью фрагментами горловин и ручек с клеймами; на одной из ручек кроме клейма имеется маркировка красной краской. Все клейменные фрагменты были специально выпилены или выколоты из более крупных обломков в позднейшее время, по-видимому, из соображения удобства купли-продажи. Четыре из пяти клейм были прочитаны и интерпретированы В.И. Кацем (Саратов)³⁰:

Родос (рис. 16):
ΜΑΡΣΥΑ
ΥΑΚΙΝΘΙΟΥ

Марсий — фабрикант IV хронологической группы, в настоящее время датируемой второй четвертью II в. до н.э.³¹ Аналогичные клейма опубликованы Д.Б. Шеловым³².

Синопа (рис. 17):
[ΑΡΙΣΤΟΚ]ΛΕΟΥΣ
[ΑΣΤΥΝ]Ο бык, амфора
[ΗΡΑΚΛΕΙ]ΔΟΥ

Наблюдаются разночтения в определении времени бытования клейм астинома Aristoklēs. Н.Ф. Федосеев отнес его к 323 г. до н.э.³³, Н. Коновичи — к рубежу предпоследнего и последнего десятилетий IV в. до н.э.³⁴, И. Гарлан —

Рис. 20. Святильник однорожковый открытый. I—II вв. н.э. Глина

Рис. 21. Святильник краснолаковый с волютами. I—II вв. н.э.

к самому концу этого столетия³⁵. Предпочтительнее выглядит датировка, предложенная Н. Коновичи. Аналогичные клейма происходят из собрания Керченского заповедника (IOSPE 1511), а также из Мирмекия, опубликованное В.И. Пругло³⁶.

Синопа (рис. 18):
 ΕΠΙΔΗΜΟΥ
 ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ канфар
 ΣΤΕΦΑΝΟΥ

Астином *Epidēmos 2 Eriērou* отнесен Н.Ф. Федосеевым к 312 г. до н.э.³⁷. Согласно «высокой» хронологии он датируется либо 90-ми³⁸, либо началом 80-х годов III в. до н.э.³⁹ Последняя датировка наиболее приемлемая на сегодняшний день. Аналогии этому клейму представлены в различных памятниках Северного Причерноморья⁴⁰.

Неопределенное (рис. 19):
 кадуцей
 ΛΕ

По цвету глины это клеймо напоминает синопские, но по изображению, с которым работал В.И. Кац, сделать окончательный вывод затруднительно.

Прочая керамика представлена семью флаконами, семнадцатью святильниками и семью фрагментами амфор. Флаконы двух видов: четыре «веретенообразных» на высокой ножке и три с яйцевидным туловом и плоским дном. Один из «веретенообразных» флаконов⁴¹ покрыт коричневым лаком, два других⁴² имеют на тулове пояски, нанесенные желтой краской; дата этой категории керамики варьирует от конца IV — начала III в. до н.э. (лакированный флакон)⁴³ до II—I вв. до н.э. («веретенообразный» флакон без отделки)⁴⁴.

Определенный интерес представляет коллекция святильников. Наиболее ранний святильник — однорожковый открытый (рис. 20), размерами 5,6 × 4,2 × 2,2 см, изготовленный из светло-коричневой слоистой глины с вклю-

Рис. 22. Святильник краснолаковый, орнаментированный овами. I—II вв. н.э.

Рис. 23. Святильник краснолаковый, орнаментированный рельефными точками. I—II вв. н.э.

Рис. 24. Святильник краснолаковый с изображением мужской фигуры. I—II вв. н.э.

Рис. 25. Святильник краснолаковый с изображением дельфина. I—II вв. н.э.

чениями слюды. Подобные святильники были характерны для Боспора начиная с IV в. до н.э. Большинство святильников, представленных в коллекции — краснолаковые и датируются в пределах I—II вв. н.э. Один из этих святильников, имеющий гладкий щиток, украшен стилизованными волютами, обрамляющими его рожок (рис. 21).

Несколько экземпляров относятся к так называемым «круглым» святильникам причерноморского производства. Для них характерна округлая форма, небольшой по размеру рожок, маленькая петлевидная ручка, про-

Рис. 26. Святильник краснолаковый с изображением виноградного листа. I—II вв. н.э.

филированная обычно одной бороздкой. На некоторых светильниках орнаментированы только плечи — так, одна из ламп украшена орнаментом в виде ов, а отверстие для фитиля имеет сердцевидное обрамление (рис. 22). Другой светильник украшен на плечах лишь рельефными точками (рис. 23), что часто встречается на светильниках из Северного Причерноморья⁴⁵. Несколько светильников имеют различные изображения на щитке — обнаженной мужской фигуры (рис. 24), дельфина (рис. 25) или виноградного листа (рис. 26).

Один светильник является продукцией боспорских (пантикапейских?) мастерских и может датироваться II—III вв. н.э. Длина этого светильника 10,2 см, высота 2,9 см. (с учетом ручки — 4,8 см) (рис. 27).

Из стеклянных изделий в коллекции из покупки В.И. Заусайлова представлены исключительно парфюмерные сосуды для хранения ароматических жидкостей — бальзамарии, массовое изготовление которых началось в I в. н.э.⁴⁶ В коллекции их насчитывается восемь единиц. Один имеет длинное цилиндрическое горло со слабо отогнутым краем, небольшое расширяющееся книзу тулово со скругленным дном; сделан из прозрачного сине-зеленого стекла⁴⁷; подобные датируются I в. н.э.⁴⁸ Четыре бальзамарии с высоким ко-

ническим туловом, вогнутым дном и вытянутым горлом; из них один толстостенный, из прозрачного светло-зеленого стекла, с перехватом на стыке горла и тулова⁴⁹, остальные — с тонкими стенками, плавно переходящими в горло; один⁵⁰ — из аналогичного светло-зеленого стекла, два⁵¹ — из бесцветного. Датируются все они I—II вв. н.э.⁵² Еще один сосуд⁵³ из бесцветного стекла с туловом в виде широкого низкого конуса, вогнутым дном и вытянутым расширяющимся кверху горлом относится ко II—III вв. н.э.⁵⁴

Очевидно, что античные предметы «из Темрюка» не являются материалами направленных раскопок, а приобретены В.И. Заусайловым у антикваров — можно только гадать, непосредственно ли в Тамани, Темрюке, Керчи

Рис. 27. Святильник боспорский сероглиняный. II—III вв. н.э.

или Севастополе, или получены по почте, что довольно широко практиковалось⁵⁵. Предметы предварительно прошли «предпродажную подготовку». На это отчетливо указывают следы подновления, подправки сколов и ремонта, прослеженные на «краснофигурной» пелике, чернолаковом канфаре и терракотовых статуэтках, умышленное откалывание или выпиливание клейменных фрагментов амфор, а также маркировка значительной части предметов надписью «Темрюкь», нанесенной красной масляной краской на донца сосудов и внутреннюю поверхность баз терракот⁵⁶. Безусловно, «Темрюкские древности» из покупки В.И. Заусайлова 1903 г. не представляют собой собрание уникальных предметов, более того, по условиям формирования коллекции они оказались вырванными из археологического контекста и утратили часть научной ценности. Тем не менее, эта составляющая «Античной коллекции» Национального музея Республики Татарстан довольно представительна и разнообразна и сохраняет важное музейное значение.

¹ Лихачев Андрей Федорович (1832–1890), помещик Казанской губернии, краевед, археолог, нумизмат, крупнейший казанский коллекционер; после его кончины коллекция была выкуплена у вдовы братом А.Ф. Лихачева, вице-адмиралом Иваном Федоровичем Лихачевым (1826–1907), и пожертвована городу для устройства публичного музея.

² Заусайлов Василий Иванович (1855–1905), купец I гильдии, потомственный почетный гражданин Казани, археолог и известный казанский коллекционер, член Попечительского совета Казанского городского публичного музея и заведующий Музеем А.Ф. Лихачева – «Лихачевским отделом». Предметы из состава покупки В.И. Заусайлова часто считают происходящими из его коллекции, что неверно: все эти экспонаты (не только археологические находки, но и церковные древности, этнографические материалы и т.д.) приобретались на средства музея и для музея (см.: Книга коллекций историко-этнографического отдела Казанского городского научно-промышленного музея с 1895 г. по 1918 г. // Архив отдела учета НМ РТ. Д. № 12). Собственная коллекция В.И. Заусайлова, в 1909 г. проданная его наследниками Гельсингфорскому музею (ныне – Национальный музей Финляндии), содержала почти исключительно предметы археологии, происходящие с территории Казанской губернии; античные вещи в ней отсутствовали.

³ Об истории этой коллекции см.: Боровкова В.Н. Коллекционеры и тор-

говцы керченскими древностями // Древности Керчи. Керчь. 1999. Вып. 4. С. 47–49.

⁴ Книга коллекций историко-этнографического отдела Казанского городского научно-промышленного музея с 1895 г. по 1918 г. // Архив отдела учета НМ РТ. Д. № 12. Л. 87–88, № 1764–1788.

⁵ Пять керамических сосудов (в основном лепных, местного производства) из состава дара Ф.А. Лихачева, происходящие из Майкопа и Майкопского уезда Кубанской области, требуют дополнительной атрибуции и в данном обзоре не рассматриваются. См.: Книга даров № 1 с 13/X 1893 г. по 9/VI 1919 г.: Архив отдела учета НМ РТ. Д. № 11.1. Л. 43 об.

⁶ Bugrov D.G., Bugrova N.A. The Collection of the Classical Black-glaze Pottery in the Collection of the State Museum of the Republic of Tatarstan // Ancient civilization from Scythia to Siberia. 1999. Vol. 6.1–2. P. 131–154; Бугров Д.Г., Бугрова Н.А. Античная коллекция // Наследие веков: Из собрания Государственного музея Республики Татарстан. Казань. 2000. С. 12–17; Бугров Д.Г., Бугрова Н.А. Коллекция античной расписной и чернолаковой керамики в собрании Государственного объединенного музея Республики Татарстан // ВДИ. 2001. № 2. С. 201–207; Бугрова Н.А. Античная терракота в собрании Национального музея Республики Татарстан // Античность в современном измерении: Тез. докл. Всероссийской научн. конф., посвященной 35-летию науч-

ного кружка «Античный понедельник». Казань. 2001. С. 23–26.

⁷ ГМТР-8272, инв. № АА17-28.

⁸ Сидорова Н.А., Тугушева О.В., Забелина В.С. Античная расписная керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985. № 51; Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. // САИ. М., 1970. Вып. Д1-27. С. 58.

⁹ См. например: Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ: (Пелики, IV в. до н.э., керченский стиль). М., 2000. С. 172, № 90а.

¹⁰ См. например: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980. С. 124, № 150; Онайко Н.А. Античный импорт. С. 15.

¹¹ ГМТР-8289, инв. № АА16-50.

¹² ГМТР-8289, инв. № АА16-50.

¹³ Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. Ч. IV. С. 24, табл. 19. (САИ; Вып. Г1-11).

¹⁴ Кобылина М.М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978. С. 78, № 23; Журавлев Д.В., Ильина Т.А. Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в ГИМ. М., 2002. № 236.

¹⁵ Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэт-

- ки: Пантикапей. М., 1974. Ч. III. Табл. 29, 1, 3, 4. (САИ; Вып. Г1-11).
- ¹⁶ См. например: *Кобылина М.М.* Изображение восточных божеств... С. 79, № 24; *Завойкин А.А.* Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2007. С. 159–162, рис. 1. (Тр. ГИМ; Вып. 159); *Кобылина М.М.* Изображение восточных божеств... С. 79, № 24.
- ¹⁷ *Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея... Табл. 38, 39.
- ¹⁸ ГМТР-5412, инв. № АА28-11.
- ¹⁹ *Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея. С. 43, табл. 53, 4; *Журавлев Д.В., Ильина Т.А.* Терракотовые статуэтки... № 246.
- ²⁰ См. например: *Сокольский Н.И.* Таманский холос и резиденция Хрисалиска. М., 1976, рис. 58, 8, 9.
- ²¹ См. например: *Сокольский Н.И.* Таманский холос... Рис. 58, 4, 13; *Журавлев Д.В., Ильина Т.А.* Терракотовые статуэтки... № 265, 268.
- ²² ГМТР-5412, инв. № АА28-1.
- ²³ *Романовская М.А.* Две терракоты из Ново-Отрадного // СА. 1974. № 1. С. 163–165, рис. 3, 4; *Graepfer D.* Tonfiguren im Grab: Fundkontexte hellenistischer Terrakotten aus der Nekropole von Tarent. München, 1997. Abb. 155.
- ²⁴ *Besques S.* Musée du Louvre: Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite Grecs, Etrusques et Romains. IV–I: Époques hellénistique et romaine. Italie Méridionale – Sicilie – Sardaigne. Paris, 1986. Pl. 55d, D3646; *Gonzenbach V., von.* Die römischen Terracotten in der Schweiz: Untersuchungen zu Zeitstellung, Typologie und Ursprung der mittelgallischen Tonstatuetten. Tübingen, 1995. Bd. A. S. 179–182, taf. 48.
- ²⁵ *Силантьева П.Ф.* Терракоты Пантикапея. С. 36, табл. 49, 2; *Романовская М.А.* Две терракоты... Рис. 2; *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. Рис. 65; Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987. С. 165; *Кубланов М.М., Хришановский В.А.* Некрополь Илурата: раскопки 1984–1988 годов // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Л., 1989. Рис. 15; *Журавлев Д.В., Ильина Т.А.* Терракотовые статуэтки... С. 65, № 233, 234.
- ²⁶ *Копылов В.П., Ларенок П.А.* Таганрогское поселение: (каталог случайных находок у Каменной лестницы, г. Таганрог, сборы 1988–1994) // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. Ростов-на-Дону, 1994. Вып. II. Табл. XII, 1.
- ²⁷ *Журавлев Д.В.* Терракотовая «погремушка» из могильника Бельбек IV // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII. С. 271–287.
- ²⁸ *Марченко И.Д.* Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // Терракотовые статуэтки: Пантикапей. М., 1974. Ч. III. Табл. 54–56. (САИ; Вып. Г1-11); *Журавлев Д.В., Ильина Т.А.* Терракотовые статуэтки... № 247–253.
- ²⁹ *Ермолин А.А.* Мастерская короласта II в.н.э. из Пантикапея // БФ. СПб., 2007. Ч. 1. С. 101–106, рис. 1.
- ³⁰ Выражаем глубокую признательность канд. ист. наук В.И. Кацу, любезно согласившемуся проанализировать клейма, и д-ру ист. наук О.Л. Габелко (Казань), всемерно содействовавшему проведению данного исследования.
- ³¹ *Donald T.A., Finkelsztein G.* Stamped Amphora Handles // Tel Anafa. Final Report I: Ann. Arbor, 1994. P. 215. (JRA; Suppl. 10).
- ³² *Шелов Д.Б.* Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н.э. М., 1975. № 403, 404.
- ³³ *Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 27–48.
- ³⁴ *Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2: Sinope (tuiles timbrées comprises) // Histria. Bucarest; Paris, 1998. Vol. 8. P. 25–33, gr. II C.
- ³⁵ *Garlan Y.* Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope: Présentation et catalogue. Paris, 2004. P. 89–96, 129–130, gr. III C.
- ³⁶ *Пругло В.И.* Синопские амфорные клейма из Мирмекия // КСИА. 1967. Вып. 109. № 10.
- ³⁷ *Fedoseev N.F.* Classification des timbres.
- ³⁸ *Garlan Y.* Les timbres. P. 89–96, 139–140, gr. IV A.
- ³⁹ *Conovici N.* Les timbres. P. 33–38, gr. III C.
- ⁴⁰ IOSPE 3013–3020 (Херсонес – 1 экз., Нимфей – 1 экз.; Мирмекия – 1 экз.; Пантикапей – 5 экз.).
- ⁴¹ ГМТР-5417, инв. № АА17-37.
- ⁴² ГМТР-5417, инв. № АА17-28.
- ⁴³ *Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт... С. 139, табл. XVIII, 226.
- ⁴⁴ *Сорокина Н.П.* Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 34, рис. 17, 3.
- ⁴⁵ См. например: *Chrzanowski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum Moscow. Roma. 1998. Nos. 55, 56. (Studia archaeologica; 94).
- ⁴⁶ См. например: *Сорокина Н.П.* Стеклопосуда // АГСП. М., 1984. Табл. LXX, LXXI.
- ⁴⁷ ГМТР-5423/12.
- ⁴⁸ *Сорокина Н.П.* Стеклопосуда... Табл. LXX, 73.
- ⁴⁹ ГМТР-5423/18.
- ⁵⁰ ГМТР-5423/14.
- ⁵¹ ГМТР-5423/16 и 19.
- ⁵² *Сорокина Н.П.* Стеклопосуда... С. 234, табл. LXX, 74, 76; *Кунина Н.З., Сорокина Н.П.* Стеклопосуда Боспора // ТГЭ. Л., 1972. Т. 13. С. 149, рис. 1.
- ⁵³ ГМТР-5423/13.
- ⁵⁴ *Сорокина Н.П.* Стеклопосуда... С. 234, табл. LXX, 95.
- ⁵⁵ Ср. информацию о предложении Heinrich Messicomer, Wetzikon, близ Цюриха, продать музею Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете коллекцию «вещей каменного века из швейцарских свайных построек» (Протоколы заседаний Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете за 1887 год // ИОАИЭ. Казань, 1888. Т. XXIII, вып. 6. С. XLI).
- ⁵⁶ Маркировка Казанского городского музея всегда наносилась черной тушью, и на части предметов сохранились выполненные в этой технике номера по «Списку приобретений», укладываемые в промежуток от № 1764 до № 1788).

Часть XXIII
МУЗЕЙ
АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСКАМЕРА)

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

В старейшем музее нашей страны хранится немало археологических материалов, поступивших сюда с территории Кубанской области (Краснодарский край). По большей части они представляют собой отдельные находки, в разные годы присланные в Кунсткамеру из районов Адлера, Анапы, Геленджика, Майкопа, Теберды и др. Более многочисленные материалы происходят из раскопок около ст. Константиновской (1910) и ст. Курганной (1907), а также в Ахштырской пещере (1946). Все эти коллекции, однако, в количественном и качественном отношении превосходит собрание древностей, полученное в результате раскопок В.А. Городцова на Елизаветинском городище и некрополе в 1934–1936 гг.¹ Елизаветинское городище, расположенное на правом берегу древнего русла Кубани на сравнительно небольшом расстоянии к западу от Краснодара, представляет собой очень крупный и важный для понимания древней истории региона памятник.

Систематические раскопки на городище и грунтовом некрополе были проведены В.А. Городцовым в 1934–1936 гг., он тогда руководил Кубанской экспедицией, созданной Институтом антропологии, археологии и этнографии АН СССР совместно с Московским отделением Государственной академии истории материальной культуры². В.П. Шилов назвал эти раскопки разведочными³, хотя в результате их проведения был получен по-настоящему огромный археологический материал: в фондах МАЭ хранится более четырех тысяч различных предметов, в основном керамических, но имеются также изделия из стекла, камня, кости, железа, бронзы и золота. С большим сожалением следует признать, что все эти материалы мало знакомы специалистам, изучающим проблемы историко-культурного развития Прикубанья в железном веке, и в научной литературе Елизаветинское городище, по большей мере, известно благодаря расположенному поблизости курганному некрополю IV в. до н.э., в котором Н.И. Веселовским были открыты погребения местной элиты⁴.

По заключению В.А. Городцова, городище существовало в VI–I вв. до н.э., при этом время его расцвета приходится на IV–II вв. до н.э., в начале I в. до н.э. жизнь на поселении прекратилась⁵. В.П. Шилов полагал, однако, что его верхняя хронологическая граница находится несколько выше, вероятнее всего в I в. до н.э.⁶ Оба исследователя согласны в том, что в римскую эпоху Елизаветинское городище уже не существовало. В этом с ними вполне можно согласиться, во всяком случае, в собрании В.А. Городцова нет ни единого керамического предмета, который можно было бы датировать первыми веками нашей эры, к примеру, фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор или краснолаковой посуды. Тем не менее, отдельные поздние находки, очевидно, попавшие в контекст древнего поселения случайно, здесь все-таки имеются⁷.

К их группе принадлежит антропоморфный амулет, вероятнее всего, изготовленный из низкопробного серебра (рис. 1). И.Т. Кругликова датировала подобные находки из Восточного Крыма IV–V вв. до н.э., считая их гуннскими⁸. В.Б. Ковалевская, изучившая амулеты Северного Кавказа, связала их с аланской культурой и датировала VI–IX вв. н.э.⁹ По ее классификации, амулет, найденный на Елизаветинском городище, следует включить в первый (ранний) тип, хронологические рамки существования которого определены в пределах VI – середины VII в. В.Ф. Гайдукевич, публикуя подобную находку из Тиритаки, полагал, что в Восточный Крым амулеты проникли через алано-сарматскую среду Кубани и Кавказа¹⁰. Существующие хронологические атрибуции, однако, позволяют допустить противоположный вектор культурных заимствований, т.е. из Восточного Крыма в Прикубанье¹¹.

Рис. 1. Амулет антропоморфный. VI – середина VII в. н.э. (?). Металл (серебро?). МАЭ

Рис. 2. Статуэтки. Не позднее I в. до н.э. Терракота. МАЭ

Рис. 3. Канфар чернолаковый с росписью в виде гирлянды плюща, нанесенной жидкой глиной. Около 320–310 гг. до н.э. МАЭ

Рис. 4. Чаша двуручная, покрытая внутри красным лаком. II в. до н.э. МАЭ

Можно без преувеличения признать, что материалы, хранящиеся в МАЭ, характеризуют все стороны жизни городища. В.А. Городцов отбирал находки таким образом, что они дают представление об устройстве жилищ этого поселения, состоявших из деревянного каркаса, оплетенного прутьями и с двух сторон обмазанного глиной. Куски глины с отпечатками прутьев и соломы имеются в коллекции. Крыши таких построек, вероятно, покрывались керамическими черепицами, привезенными с Боспора¹²; в коллекции они представлены многими экземплярами, некоторые из них имеют клейма.

Для изучения земледельческой экономики поселения большое значение имеют находки обгоревших зерен культурных злаков. По определению автора раскопок, они представлены зернами пшеницы и проса. Эти наблюдения В.А. Городцова вполне соответствуют результатам современных исследований экономики земледельческих племен Прикубанья. Есть веские основания считать, что меоты прежде всего выращивали мягкую голозерную пшеницу и в несколько меньших объемах просо и ячмень¹³.

Рис. 5. Зеркало с бортиком.
III–II вв. до н.э. Бронза. МАЭ

Рис. 6. «Копоушка медная»
(определение В.А. Городцова).
III–II вв. до н.э. МАЭ

О занятиях населения свидетельствует также большое количество грузил для рыболовных сетей, пирамидальных ткацких подвесок, разнообразных пряслиц и т.д. Рыболовные керамические грузила отличаются крупными размерами, обычно они имеют уплощенную трапециевидную форму.

В одном из раскопов на городище В.А. Городцову посчастливилось обнаружить остатки святилища. В частности, здесь были обнаружены две грубо вылепленных из глины статуэтки и нижняя часть такой статуэтки, изображающие женское божество (рис. 2). Для их оформления характерно отсутствие выделенной шеи, плеч, рук и ног; голова уплощена, нос выполнен за щипом, грудь обозначена небольшими налечами¹⁴. По внешнему виду такие статуэтки очень схожи с глиняными идольчиками первых веков нашей эры, происходящими с территории Восточного Крыма¹⁵, но они явно относятся к более раннему времени (не позднее I в. до н.э.). На основании этих находок можно даже предполагать, что данная художественная традиция распространилась на Восточный Крым из Прикубанья. На Елизаветинском городище было найдено несколько античных терракот, любопытно при этом, что все они изображают женские божества¹⁶.

В фондах МАЭ хранится несколько так называемых «глиняных таблеток» или плиток, отличающихся четырехугольной формой. На всех имеются знаки, прочерченные до обжига, чаще всего кресты. Эти любопытнейшие предметы, как известно, составляют одну из отличительных особенностей культуры меотских племен Прикубанья, однако их назначение до сих пор остается загадочным¹⁷.

Керамические материалы характеризуют местное производство и импорт из различных греческих центров. Местная керамика при этом может быть лепной и гончарной. Лепная посуда изготавливалась в традициях земледельческих племен Прикубанья; она представлена в основном горшками с непрофилированным краем и мисками. Гончарная керамика характеризуется находками серолощенных канфаров, кружек, кувшинов, тарелок, мисок и мисочек. Некоторые из них копируют греческие формы (рыбные блюда, канфары), другие скорее являются результатом творчества местных гончаров. В.А. Городцов неоднократно отмечал, что глина в окрестностях городища является лучшей в Прикубанье, и этим с успехом пользовались мастера-керамисты¹⁸. Античная импортная керамика представлена обломками амфор, кувшинов, тарелок и различных сосудов для питья вина. Нарядная чернолаковая и расписная посуда в составе коллекции не очень многочисленна, но можно говорить о ее ввозе по крайней мере с V в. до н.э. Особенно ценны для изучения торговли с античным миром находки амфорных клейм, которых насчитывается несколько десятков. По определению Б.Н. Гракова, среди них преобладают клейма Родоса и Синопы¹⁹.

В собрании Музея антропологии и этнографии хранится также немало монет, обнаруженных во время работ Кубанской экспедиции. Все они являются пантикапейскими и отличаются сравнительно мелкими номиналами. По определению А.Н. Зографа, основная их часть принадлежит III в. до н.э., лишь одна находка может быть датирована началом II в. до н.э.²⁰ Данное наблюдение было подтверждено в результате дальнейших раскопок²¹; Н.В. Анфимов уточнил даже, что наибольшее количество монет на городище относится к первой половине и середине III в. до н.э., в конце III – первой половине II в. до н.э. их количество резко падает²².

За время исследования грунтового некрополя В.А. Городцовым были раскопаны десятки могил, большинство из которых содержали погребальный

инвентарь. В основном он состоял из керамической посуды (рис. 3, 4), но в некоторых комплексах встречаются железные серпы, предметы вооружения и пр. Автор раскопок предполагал, что на основании этих находок можно выделять погребения воинов, земледельцев, скотоводов и гончаров²³. Некоторые могилы содержали большое количество стеклянных бус, костяные гвоздевидные булавки, бронзовые зеркала (рис. 5), бронзовые боспорские монеты и даже, вероятно, медицинские инструменты (рис. 6). Весь этот богатейший материал, безусловно, заслуживает специального изучения и публикации.

¹ О коллекциях В.А. Городцова, полученных при раскопках других археологических памятников и хранящихся в Государственном Историческом музее, см.: Каталог коллекций В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988. С. 33–62.

² *Городцов В.А.* О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. // СЭ. 1935. № II. С. 71–76; *Он же.* Елизаветинское городище и сопровождающий его могильник по раскопкам 1935 г. // СА. 1936. № I. С. 171–186; *Он же.* Раскопки Елизаветинского городища // Экспедиции Академии наук СССР 1935 г. М.; Л., 1937. С. 287–290. О материалах Кубанской экспедиции, хранящихся сейчас в ГИМ, см.: *Самсонова О.И.* Сокращенный вариант описи архива В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова... С. 67.

³ *Шилов В.П.* Новые данные об Елизаветинском городище по результатам раскопок 1952 г. // СА. 1955. № XXIII. С. 229.

⁴ См.: ОАК за 1913–1915 гг. С. 148, сл.; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 319 сл.; *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Прага; Ленинград, 1966. С. 39–41; *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 125, сл.

⁵ *Городцов В.А.* Станица Елизаветинская, 1936 // Археологические исследова-

ования в РСФСР 1934–1935 гг. М.; Л., 1941. С. 214.

⁶ *Шилов В.П.* Новые данные об Елизаветинском городище... С. 235.

⁷ *Городцов В.А.* Станица Елизаветинская... С. 214.

⁸ *Кругликова И.Т.* Погребение IV–V вв. до н.э. в дер. Айвазовское // СА. 1957. № 2. С. 256–257.

⁹ *Ковалевская В.Б.* Антропоморфные амулеты VI–IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 43, сл.; *Она же.* Северокавказские древности: Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 86, 181, рис. 64, 10, 11. (Археология СССР).

¹⁰ *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 172.

¹¹ *Шелов Д.Б.* Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 244.

¹² *Городцов В.А.* Елизаветовское городище... С. 172, 174–175.

¹³ *Анфимов Н.В.* Земледелие у меот-сарматских племен Прикубанья // МИА. 1951. № 23. С. 144, сл.; *Лебедева Е.Ю.* Результаты исследований палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // БС. 1994. Вып. 5. С. 108, сл.; *Она же.* Палеоботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации // Скифы и сар-

маты в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 91, сл.

¹⁴ См. также: *Городцов В.А.* Станица Елизаветинская... С. 212, рис. 57, 8–10.

¹⁵ *Кругликова И.Т.* Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. С. 108–109, рис. 2, 3; табл. 49, 3–7; 50, 1–6; 51, 1–2. (САИ; Вып. Г1-11); *Шургая И.Г.* Центральный район Илурата // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 106–107, рис. 3, 2–3.

¹⁶ *Городцов В.А.* Раскопки Елизаветинского городища... С. 288.

¹⁷ *Крушккол Ю.С.* Древняя Синдика. М., 1971. С. 72, рис. 16–17.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: *Городцов В.А.* О результатах археологических исследований... С. 72.

²⁰ См.: Там же. С. 75.

²¹ *Шилов В.П.* Новые данные об Елизаветинском городище... С. 248.

²² *Анфимов Н.В.* Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 161.

²³ *Городцов В.А.* О результатах археологических исследований... С. 75; *Он же.* Раскопки Елизаветинского городища. С. 288.

Часть XXIV
«МАЙКОПСКИЕ
СОКРОВИЩА»
В МУЗЕЯХ
ГЕРМАНИИ И США

А. М. ЛЕСКОВ

Сенсационные открытия российских археологов во второй половине XIX в., сделанные при раскопках древнегреческих городов-колоний и курганов скифской знати на Юге России, вызвали огромный интерес во всем мире. Не случайно, что в это время распространяется увлечение археологией и мода на собирательство древностей. Одним из самых крупных в России коллекционеров был француз Мерль де Массоно. Богатый человек с разносторонними интересами, основатель Восточного банка в Париже, он в 1890 г. был приглашен в Россию в качестве руководителя виноградарских хозяйств, принадлежавших царской семье, расположенных на землях Крыма и Северного Кавказа. Массоно поселился в Массандре под Ялтой, но по роду своей работы постоянно разъезжал между крымским и черноморским побережьем Северного Кавказа и прилегающими районами Юга тогдашней России. Если учесть, что с 1880-х годов в Крыму, на Тамани и в районе Майкопа, активно раскапывались богатейшие курганы начиная с эпохи раннего металла (Майкопский курган) и завершая Белореченскими курганами Средневековья и античные города Боспорского царства, то становится понятным его увлечение древностями.

За полтора десятка лет работы в России, Массоно собрал очень крупную коллекцию, состоящую из нескольких тысяч артефактов. Наиболее богато представлены материалы, характеризующие античный период и синхронные ему скифо-сарматские древности, а также раннесредневековые материалы из богатейших керченских склепов (ныне они хранятся в известном Музее античности в Кёльне).

Напуганный революционными событиями 1905–1907 гг., Массоно решает покинуть Россию и продать коллекцию. В 1907 г. часть его коллекции покупает музей древней истории в Берлине (Museum für Vor- und Frühgeschichte). Тогда же еще одну часть коллекции, главным образом вещи древнегреческого происхождения (только расписных амфор было продано 109), купил берлинский музей античной культуры (Antikensammlung). Судя по сохранившейся переписке, в 1907 г. продавцом выступает сам хозяин, а через 6 лет (в 1913 г.), когда Массоно уже вернулся во Францию, в Берлин из Майкопа приезжает некто по имени Карапет и предлагает музею античной культуры купить большое собрание древностей скифской эпохи, происходящей будто бы из царского Чмырева кургана, раскопки которого завершились в 1912 г. Предлагаемая коллекция отличалась, в частности, обилием золотых украшений, выполненных в скифском зверином стиле. Покупка этих вещей превратила берлинский музей античной культуры в крупнейшего на Западе владельца скифских сокровищ, и это всегда служило предметом гордости музея.

Тогда же известный в Европе торговец антиквариатом итальянец Эрколе Канесса приобретает коллекцию древностей, происходящую, по заверениям продавца, из богатого скифского кургана из района Майкопа. В 1915 г., во время подготовки Всемирной выставки в Сан-Франциско, итальянское правительство предлагает Канессе выставить в одном из павильонов, предоставленных Италии для ее экспозиции, свои лучшие экспонаты. В число избранных вещей, наряду с экспонатами ближневосточного, египетского, древнегреческого и римского происхождения, попадает и коллекция из России под названием Майкопские сокровища (Maikop Treasure по каталогу Канессы 1915 г.). Так впервые скифские древности пересекают океан и попадают в США. В 1922 г. Метрополитен Музей (Нью-Йорк) купил в Париже 32 золотые бляшки, 30 из них оказались тождественны берлинским, приобретенным в 1913 г.

В 1930 г. уже упоминавшуюся коллекцию Канессы, («Майкопские сокровища») приобрел музей Археологии и Антропологии Пенсильванского университета в Филадельфии. Для оценки подлинности вещей и научной значимости коллекции, Пенсильванский университет пригласил крупнейшего русского историка античности, археолога и искусствоведа М.И. Ростовцева, бывшего в это время профессором Йельского университета. Ростовцев не только подтвердил подлинность вещей, но и обратил внимание на их бесспорную близость, а также, частично, и тождественность экспонатам берлинского музея античной культуры, которые ему довелось видеть в начале 1920-х годов. Тогда же Ростовцев, учитывая близость скифской части коллекции из берлинского музея античной культуры и собрания Канессы, высказал предположение, что все эти вещи ранее могли принадлежать одному владельцу. При этом Ростовцев допускал, что вещи когда-то единой коллекции могли попасть в руки трех и более новых владельцев (выше отмечалось, что еще одну малую часть этой же коллекции приобрел Метрополитен Музей). Массоно был не только удачливый собиратель, но и опытный бизнесмен. Он прекрасно понимал, что предложить для продажи сразу всю огромную коллекцию — значит сбить цену. Поэтому он принял решение продавать ее по частям.

Все три указанные части коллекции объединяют золотые изделия, типичные для скифского звериного стиля. Четвертая часть интересующей нас коллекции, купленная берлинским музеем *Vor- und Frühgeschichte* в 1907 г., в составе которой не было золотых изделий скифского типа, осталась, видимо, по этой причине обойденной вниманием исследователей. Между тем в составе этой части коллекции Массоно представлены великолепные образцы скифского искусства, выполненные в бронзе.

Более того, среди находок, попавших в музеи античной культуры (Берлин) и Пенсильванского университета (Филадельфия) есть прямые аналогии вещам из Берлинского музея древней истории. Часто их тождественность настолько очевидна, что это позволяет полагать, что они могли происходить из одного комплекса.

В 2001 г. автор этих строк получил грант для подготовки к печати филадельфийской коллекции, купленной музеем при распродаже собрания Канессы. Обработка археологических находок и изучение архивных данных показали неразрывную связь этих материалов с упоминавшимися коллекциями берлинских музеев. Стала ясна необходимость публикации археологической коллекции, некогда принадлежащей Массоно и оказавшейся в музеях США и Германии¹. Сегодня подготовленная монография находится в печати².

Учитывая хронологические рамки академического проекта «Античное наследие Кубани», ниже рассматриваются наиболее интересные находки античного периода (скифо-меотское и сарматское время), оказавшиеся в составе самой большой в мире вывезенной за рубеж коллекции древностей Юга Восточной Европы, ранее принадлежавшей Массоно.

Обращаясь к скифо-меотской части коллекции Массоно, легко заметить, что подавляющее большинство вещей (около 200) относится к V—IV вв. до н.э. и лишь десяток датируется концом VII—VI в. до н.э. Такое соотношение является объективным отражением состояния исследования памятников указанных периодов. И сегодня, несмотря на огромные полевые работы, проведенные на Юге Восточной Европы за последние 50 лет, очевидно, что для более детального изучения скифской и скифо-меотской культуры конца VII—VI в. до н.э. необходимо исследование памятников архаической Скифии.

Значительно лучше изучены памятники V—IV вв. до н.э. Особенно это касается района Керченского и Таманского полуостровов и Закубанья (отсюда происходит не менее 90% артефактов коллекции Массоно), где наряду с многочисленными курганами к этому времени относятся грунтовые могильники, поселения, святилища, городища, оставленные скифами и синдо-меотами. Картину этого археологического Клондайка дополняют десятки городов и поселений древнегреческого Боспорского царства и их некрополи. Изучая коллекцию Массоно, легко заметить, что в центре внимания собирателя были украшения из золота и бронзы, а также драгоценная посуда. Интересно, что если бронзовые украшения, представленные деталями конского убора (псалии, налобники, наносники, различные ременные бляшки) составляли значительную часть покупки в обоих берлинских музеях и в Филадельфии, то изделия из золота и серебра (разнообразные украшения и сосуды и их детали) имеются только в античном собрании Берлина и в Филадельфии. Это означает, что в 1907 г. Массоно продал скифо-меотские изделия только из бронзы, а в 1913 г. — в основном из золота. Среди них оказалось 8 драгоценных сосудов: 5 типов золотых блях-обкладок деревянных чаш (при этом обкладки двух чаш оказались как в Берлине, так и в Филадельфии), 2 золотых рога для питья, и серебряная фиала. Все эти сосуды датируются V в. до н.э.

Известно, что наборы подобной драгоценной посуды встречаются только в могилах или святилищах скифо-меотской знати V—IV вв. до н.э., т.е. она входила в состав богатых комплексов. В этой связи следует обратиться к материалам V в. до н.э., входивших в коллекцию Массоно и хранящихся сейчас в Берлине (музей античной культуры) и в Филадельфии, помня, что обе эти части составляли некогда единое целое. Лучше всего об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся бляхи-обивки от деревянных чаш, наборы одинаковых серег, деталей какого-то сложного золотого украшения, шесть типов золотых бляшек. Не приходится сомневаться в том, что когда-то эти вещи составляли единый комплекс и были проданы одному покупателю — Массоно.

Что еще могло входить в этот комплекс? Изучение драгоценных изделий берлинского собрания с учетом инвентарной описи позволяет отнести к одному комплексу, помимо выше перечисленных вещей, золотую пектораль и 14 золотых цепочек со скульптурной головкой барана на конце. При обилии золотых бляшек (более 300), служивших украшением одежды и/или погребального покрывала, и драгоценных сосудов, очень слабо представлены личные драгоценные украшения — только серьги и пектораль. Это явное несоответствие особенно заметно при сравнении реконструируемого комплекса с многочисленными богатыми погребениями скифо-меотской знати V—IV вв. до н.э. Между тем, в Филадельфии наряду с украшениями, аналогичными берлинским, имеются золотые шейная гривна, перстень, браслет и две фигурные пластины от головного убора. Именно этих личных украшений знатного погребенного недостает реконструируемому комплексу. Бронзовые детали конского убора V в. до н.э., попавшие в музеи античной культуры (Берлин) и в Филадельфию немногочисленны — всего одна ворворка и четыре пары псалиев самой простой формы. Другими словами, в части коллекции Массоно, проданной в 1913 г. в Берлин и Канессе, не содержалось ни конской сбруи, ни оружия, соответствующих высокому статусу погребенного. Только драгоценные украшения и сосуды.

Вывод напрашивается сам по себе — реконструируемый комплекс происходит из богатой женской могилы. Эти находки имеют близкие аналогии в Семибратних курганах на Кубани и Нимфейских — на Керченском полуос-

трове, что свидетельствует об их хронологической близости. При этом бросается в глаза и отличие: в обилии в Семибратних и Нимфейских комплексах греческих вещей сказывается непосредственное соседство с греческими городами Европейского и Азиатского Боспора, а в реконструируемом комплексе имеется только одна бесспорно греческая вещь — серебряная фиала. Отсюда может быть сделан еще один вывод: реконструируемый комплекс происходит из могилы богатой женщины, погребенной, скорее всего, в боковой могиле крупного кургана, находившегося к востоку от Таманского полуострова, видимо где-то в районе Майкопа³.

Уточняя дату реконструируемого комплекса, следует обратиться к наиболее поздним вещам — речь идет о самых массовых находках, представленных тремя сотнями бляшек шести типов. Так, один из типов бляшек — в виде шагающих оленей, представленный 23 экземплярами, имеет ближайшие аналогии в Уляпском святилище, открытом на кургане № 5 начала IV в. до н.э.⁴ Поэтому можно полагать, что наиболее надежной датой для реконструируемого комплекса является последняя четверть V в. до н.э.⁵

Поскольку кроме Семибратних курганов на Кубани не известны богатые погребения V в. до н.э., необходимо подробнее представить артефакты реконструируемого комплекса. Вероятно, наиболее ранним является украшение головного убора, дошедшего до нас в двух частях, видимо, некогда единой пластины, общей длиной 16 см (рис. 1). Скорее всего, это было украшение центральной, налобной части кожаной повязки, где боковые стороны, по-видимому, закрывались покрывалом, т.е. речь идет об украшении женского головного убора. Впрочем, головную повязку могли украшать несколько таких пластин, составляющих диадему. Пластина украшена тремя шестилепестковыми розетками, между которыми размещены листья серповидной формы, имитирующие вертикальным (четыре пары листьев расположены одна над другой) расположением ствол дерева⁶. В отличие от розеток листья, имитирующие дерево, имели эмалевые вставки. Определяя дату этого украшения, следует учитывать, что все известные многочисленные пластины IV в. до н.э. (обычно от головных уборов) имели разнообразную орнаментацию, всегда сделанную штампом. Только пластинам VI—V вв. до н.э. свойственны орнаментальные детали, выполненные в технике филигранны с использованием зерни и цветных вставок⁷. Достаточно внимательного взгляда в сводные работы, по украшениям Скифии⁸, чтобы понять уникальность этой пластины.

Столь же уникальной является и пектораль (нагрудная пластина), имеющая серповидно выгнутую форму с округлыми краями (рис. 2). Все поле пластины украшено растительно-геометрическим орнаментом, выполненным сравнительно высоким рельефом, сочетающимся с цветными вставками из голубой и зеленой пасты. Отсутствие подобных украшений в раннескифских памятниках Северного Причерноморья заставляет обратиться к Западному побережью Черного моря. Здесь, в знаменитом фракийском памятнике середины V в. до н.э. Галематова Могила оказались две (большая и малая) золотые пекторали, которые близки берлинской по серповидной форме, системе крепления к основе и, главное, по принципу орнаментации — так, вся плоскость у большой пекторали из Галематовой Могилы украшена рельефными выпуклинами и розетками⁹. Не противоречит датировке серединой V в. до н.э. и наличие на берлинской пекторали пастовых вставок. В Украине и на Кубани ряд известных памятников конца VI — начала V в. до н.э. содержали вещи, украшенные разноцветными вставками¹⁰, не встречающимися позднее. Не меньший интерес представляет набор золотых деталей, составлявших, видимо,

Рис. 1. Украшение женского головного убора. V в. до н.э. Золото

Рис. 2. Пектораль. V в. до н.э. Золото, пастовые вставки

одно сложное украшение из 14 подвесок в виде цепочек, заканчивающихся с одной стороны колечком, а с другой — полый внутри скульптурной головкой барана (рис. 3) и еще четырех (три из них хранятся в Берлине, одна — в Филадельфии) подвесок, состоящих из квадратной в сечении цепочки, имеющей с одного конца колечко для подвешивания, а с противоположной — шарик, к которому с помощью припаянных колечек крепились три круглые в сечении плетенные цепочки, каждая из которых завершается нераскрытым бутонем 12-лепесткового цветка.

Видимо, все эти 18 подвесок были деталями богатейшей диадемы, вид которой в целом представить довольно сложно. Некоторое типологическое сходство рассматриваемые детали имеют со знаменитой диадемой из Мельгуновского кургана¹¹. Их объединяют украшенные зернью шарики и цилиндрические обоймы, в которых крепились длинные цепочки. Орнаментация зернью обычно в виде равносторонних треугольников типична для памятников VI—V вв. до н.э. Дата деталей нашей диадемы уточняется благодаря объемным головкам баранов: точно такие же головки имеются в нимфейских курганах середины V в. до н.э.¹² Тожественной головкой завершается и золотой ритон из 4-го Семибратнего кургана этого же времени.

К реконструируемому комплексу относятся золотые гривна, браслет и перстень, хранящиеся в Филадельфии. Гривна (рис. 4) согнута из литого прута, постепенно сужающегося к несомкнутым окончаниям. В центральной части она имеет шестигранное сечение, а ближе к окончаниям — круглое. Все известные на сегодня гривны, имеющие граненое сечение, датируются временем не позднее V в. до н.э.¹³ Браслет (рис. 5) согнут из литого дрота, на несомкнутые концы которого надевались втульчатые обоймы, а на них насаживались головки баранов. Основание втулки обмотано филигранным пояском. Сохранилась только одна головка барана, спаянная из двух продольных штампованных половинок. Датировка браслета определяется по многочисленным изображениям аналогичных головок баранов в виде подвесок, окончаний браслетов и рогов для питья V в. до н.э. (Семибратние и Нимфейские курганы)¹⁴. Перстень-печать (рис. 6) с гравированным изображением вправо шагающей Сирены, прижимающей к груди, видимо, музыкальный инструмент типа лиры с одной выделенной продольной струной. Как известно, образ Сирены относится к числу наименее распространенных: она не известна на ан-

Рис. 3. Детали диадемы (?).
V в. до н.э. Золото

тичных монетах и крайне редко встречается на геммах и перстнях¹⁵, и потому дату нашего перстня определить не просто. Пожалуй, ближе всего к нашему экземпляру находится изображение влево стоящей Сирены на золотом перстне из коллекции Поля Гети¹⁶. Этот перстень датирован около 500 г. до н.э. или чуть позднее. Благодаря детально разработанной типологии форм перстней наш экземпляр можно отнести к типу II по Бордману¹⁷ и датировать от середины V в. до н.э. По четко разработанной классификации О.Я. Неворова рассматриваемый перстень объединяет в себе черты, характерные для выделенных им типов II и III и датируется серединой — третьей четвертью V в. до н.э.¹⁸ Видимо, именно середина V в. до н.э. и является реальной датой

Рис. 4. Гривна. V в. до н.э.
Золото

Рис. 5. Браслет. V в. до н.э.
Золото

этого перстня. В таком случае это одно из самых ранних изображений Сирены в Северном Причерноморье.

После украшений обратимся к драгоценным сосудам: серебряной фиале, двум золотым рогам для питья и 21 золотой пластине-обивке, украшавших пять деревянных сосудов. Серебряная с позолотой фиала в виде низкой плоской чаши (рис. 7). В центр ее плоского дна впаян сравнительно высокий омфал, обрамленный рельефным пояском, заполненным прочеканенными листочками. Опубликовавший эту фиалу А. Грайфенхаген датирует ее серединой V в. до н.э. и сравнивает с сосудами из Чмырева кургана¹⁹, не обратив внимания, что чмыревские фиалы, как и другие серебряные и золотые фиалы IV в. до н.э. из богатейших комплексов Скифии и Фракии, орнаментированы значительно богаче, чем описываемая фиала. В этом смысле ближайшей аналогией является фиала из 2-го Семибратнего кургана середины V в. до н.э.²⁰, имеющая, в отличие от более поздних, всего один поясик вокруг омфала, состоящий из рельефных голов бородатых Силенов. Для датировки берлинской фиалы также очень важно выгравированное на ее внутренней стороне изображение стилизованной головы хищной птицы в типично скифском зверином стиле, хорошо известном по золотым бляшкам V в. до н.э.²¹ В связи с этой

Рис. 6. Перстень-печать. V в. до н.э.
Золото

Рис. 7. Фиала. V в. до н.э. Серебро, позолота

гравировкой можно вспомнить, что на различных вещах скифского и меотского типов VI—V вв. до н.э. встречаются гравированные или процарапанные изображения стилизованных голов хищных птиц. Учитывая, что речь идет о вещах не дорогих, массовых (бронзовое зеркало²², костяная поделка в виде гребня²³, вылепленный от руки сосуд²⁴), можно полагать, что эти изображения, скорее всего, были знаком собственности. Позднее V в. до н.э. такие знаки, нанесенные на обычные бытовые изделия, мне не известны.

Оба питьевых рога, судя по сохранившимся трем частям от каждого из них и предложенной реконструкции²⁵, по форме близки друг другу. Различались они только степенью изгиба устья сосуда. Об этом говорит форма устья: у одного (рис. 8) — это пластинчатый обруч одинаковой высоты, у другого (рис. 9) — аналогичный обруч крепился на разновысокий раструб, ясно показывающий, что верхняя часть сосуда могла соединяться с центральным прямым конусом только после его изгиба. Такова форма ритона и из 4-го

Рис. 8. Рог для питья. V в. до н.э. Золото

Рис. 9. Рог для питья. V в. до н.э. Золото

Семибратнего кургана середины V в. до н.э.²⁶ Не менее важными для датировки рогов для питья являются и припаянные на пластинчатые обручи у края сосудов золотые бляшки в виде фигурок лежащих лосей с повернутой назад головой, положенной на спину. Точно такие же бляшки встречены в Малых Семибратних курганах и в 17-ом Нимфейском кургане, также относящихся к V в. до н.э.²⁷ Из пяти деревянных сосудов один был украшен пятью пластинами-обивками, а четыре имели по четыре же обивки. Все 21 обивка (19 — в Берлине, 2 — в Филадельфии) имели одинаковую систему крепления — их верхний край был загнут так, что верхние отверстия на лицевой стороне точно совпадали с отверстиями на обороте. Это значит, что пластина надевалась на прямой край (т.е. все сосуды имели форму открытых чаш, различающихся лишь диаметром и высотой) деревянного сосуда и закреплялась гвоздиками, проходившими через стенку сосуда и загнутый край. Изнутри сосуда гвоздики фиксировались.

Все пять сюжетов, представленные на пяти сосудах разные. Первый из них изображает стилизованную голову хищной птицы в сочетании с античной пальметкой (рис. 10). На втором — сцена, изображающая хищную птицу, держащую в когтях рыбу (рис. 11). Третий представлен в форме задней ноги копытного, скорее всего, оленя (рис. 12), четвертый — в форме задней ноги кабана (рис. 13), а пятый является изображением кошачьего хищника в фас (рис. 14). Все эти наборы пластин-обивок имеют надежные аналогии среди находок на Кубани и в Украине (последние — во Фракии) в различных комплексах V в. до н.э. Среди пяти названных изображений наиболее распространенным является сцена охоты хищной птицы на рыбу. Это сцена представлена и в золоте, и в бронзе и встречается от Центрального Кавказа и Кубани до степей и лесостепей Украины. Однако лучшим качеством исполнения отличаются описываемые бляхи, где очень качественный штамп сочетается с дополнительной проработкой чеканом деталей оперения и лап птицы и рыбьих плавников и хвоста. Наряду со знаменитыми пластинами из 4-го Семибратнего кургана²⁸, берлинские также относятся к лучшим образцам скифского звериного стиля V в. до н.э.

Завершая знакомство с вещами, составляющими реконструируемый комплекс, можно представить два типа бляшек. Один — с изображением в фас львиноголового рогатого грифона с прямо стоящими ушами (рис. 15). Гребень его возвышается над центром головы. Рога с горизонтальными

Рис. 10. Пластина: голова птицы. V в. до н.э. Золото

Рис. 11. Пластина: птица с рыбой в когтях. V в. до н.э. Золото

Рис. 12. Пластина: задние ноги копытного животного. V в. до н.э. Золото

Рис. 13. Пластина: задняя нога кабана. V в. до н.э. Золото

насечками поднимаются надо лбом животного и плавно изгибаясь сходятся в центре. Хотя точные аналогии мне неизвестны, но многочисленные стилистически близкие изображения львиных грифонов с рогами козла и торчащими ушами типичны для искусства Ахеменидов V—IV вв. до н.э., когда влияние греко-персидского искусства особенно заметно в памятниках Кубани²⁹.

Не менее интересны и бляшки в виде ажурной круглой пластинки, на которой двойным рельефом выделены четыре волюты, соприкасающиеся между собой боковыми сторонами (рис. 16). Между округлыми основаниями волют, в центре бляшки расположен рельефно выделенный ромб. Еще четыре таких же ромба размещены между волютами по краю бляшки. Прямую аналогию мы находим в золотых ножнах меча из Келермеса³⁰. Учитывая распространенное мнение о тесной связи изображений на ножнах этого меча с искусством Передней Азии и, в частности, с Урарту³¹, следует отметить, что такое же изображение имеется на урартском дворцовом рельефе VIII в. до н.э.³² Таким образом, и этот тип бляшек восходит к древностям Ближнего Востока.

Рис. 14. Пластина: кошачий хищник. V в. до н.э. Золото

Рис. 15. Бляшка: львиноголовый грифон. V в. до н.э. Золото

Рис. 16. Бляшка: волюты. V в. до н.э. Золото

К V в. до н.э. относится ряд вещей из коллекции Массоно, повествующих, каким образом пополнялись частные коллекции. С сожалением приходится отметить, что скупка краденого³³, столь распространенная у современных «собирателей старины», была популярна и в XIX в. Приведем только два примера. Археологическая Комиссия в 1903 г. купила в Майкопе 14 разных бронзовых бляшек-пуговиц от конской сбруи³⁴, выполненных в скифо-меотском зверином стиле, и передала их в Исторический музей в Москве. Еще четыре бляшки, имеющие прямые аналогии среди упомянутых 14, оказались в филладельфийской части коллекции Массоно (рис. 17). Видимо, все 18 происходят из одного комплекса, разграбленного в начале XX в., и часть его оказалась у Массоно. Другой пример: в берлинской части этой же коллекции хранился (до Второй мировой войны) бронзовый налобник в виде скульптурной головы хищной птицы с оленьими рогами³⁵, абсолютно не отличимый от трех налобников из 4-го Семибратнего кургана, хранящихся в Эрмитаже³⁶. Учитывая сложную форму этих налобников и их уникальность, можно полагать, что налобник из Берлина и третий налобник из Эрмитажа составляли вторую пару и были частью комплекса снаряжения коня в 4-м Семибратнем кургане.

В Берлине имеется еще одна пара аналогичных налобников (отличается от отмеченных лишь мелкими деталями), которые, скорее всего, также происходят из Семибратних курганов (рис. 18). Во всяком случае, ни в одном другом памятнике скифского времени Украины и Северного Кавказа аналогии таким налобникам не встречены. Зная о многократных грабежах Семибратних курганов еще до, а также и во время раскопок В.Г. Тизенгаузена (1875–1876 и 1878 гг.), нет оснований удивляться наличию в коллекции Массоно столь знаковых вещей.

Обращаясь к вещам IV в. до н.э., следует отметить, что среди них оказались подделки, о которых сообщалось в печати³⁷. Это и вынуждает, хотя бы кратко, рассмотреть две золотые так называемые «диадемы». Одна из них состоит из полукруглого в плане литого прута и надетых на него четырех сложных «цветков» (рис. 19). Каждый из них составлен из основы в виде круглой пластины, края которой небрежно надрезаны, имитируя пяти-

Рис. 17. Бляшки-пуговицы от конской сбруи. V в. до н.э. Бронза

Рис. 18. Налобники — детали конской сбруи. V в. до н.э. Бронза

семилепестковые розетки. Наличие в этой пластине нескольких сквозных отверстий, никак не связанных с другими деталями «цветков», убеждают нас в том, что все эти отверстия были пробиты до использования пластин в качестве основы «цветков». К этой основе крепились розетки, имеющие в центре отверстие, куда в свою очередь вставлялась трубочка с закрепленной на ней маленькой шестилепестковой розеткой. Длина трубочек свидетельствует о том, что все эти «цветки» в древности (до соединения с пластинами-основаниями) составляли часть от сложных подвесок, типичных для богатейших памятников, тесно связанных с искусством античного Боспора IV в. до н.э.³⁸ Ясно, что плоские основы этих «цветков» никакого отношения к розеткам

не имеют. Они не известны ни в городах Боспора, ни в скифо-меотских памятниках. Скорее всего, они были вырезаны из некогда единого листа, служившего, например, обивкой какого-то деревянного сосуда. Установить, была ли это дилерская работа российских продавцов или самого Канессы, приобретшего вещи между 1913 и 1915 гг., когда они впервые были выставлены в Сан-Франциско, невозможно. Смонтировав отмеченным способом все четыре «цветка», «мастер» начала XX в. припаял к их основе петли и надел на обломок круглого в сечении золотого прута сравнительно малого диаметра с утоншающимися концами (сохранился один из них). Форма и сечение этого прута позволяют считать его частью гривны сарматского времени (II в. до н.э. — II в. н.э.).

Итак, если отбросить новодел и непрофессиональный монтаж каждого из «цветков», то речь должна идти не о диадеме, которую Канесса считал скифской работой под греческим влиянием (Scythian workmanship, Greek influence), а о деталях нескольких сложных розеток IV в. до н.э. и части гривны сарматской эпохи. Так же неубедительна и вторая «диадема» (рис. 20). Ее основу смонтировали путем наложения и склейки коротких сторон четырех лент, небрежно вырезанных из тонкой пластины. По краям «диадемы» и в ее центре размещаются три «цветка». Каждый из них составлен из округлой пластинки, в центре которой расположена шестилепестковая розетка. При этом две розетки имеют выпуклые лепестки, а третья — вогнутые. Разное количество

Рис. 19. «Диадема». Подделка. Золото

Рис. 20. «Диадема». Подделка. Золото

отверстий и их расположение на каждой из розеток показывает, что ранее они крепились на неизвестных нам украшениях. Таким образом, и здесь речь идет не о «диадеме», а о четырех лентах, трех круглых пластинках неизвестного времени и трех розетках двух разных типов IV в. до н.э., которые не позже 1915 г. соединили в одно «произведение древнего искусства».

Среди многочисленных находок IV в. до н.э. в коллекции Массоно наибольший интерес представляют антропоморфные изображения, выполненные местными мастерами из золота и бронзы. Таковы две золотые бляшки из филладельфийской части коллекции. Одна из них — в виде тонкой пластинки подпрямоугольной формы, на которой неглубоким штампом нанесено изображение змееногой богини, считающейся, согласно легенде, дошедшей до нас в изложении Геродота (IV, 8–10), прародительницей скифов (рис. 21). Не случайно, что этот образ широко представлен на золотых бляшках и налобниках из царских курганов IV в. до н.э. (Куль-Оба, Большая Близица, Цимбалова и Толстая могилы)³⁹. Эти вещи, отличающиеся от филладельфийской бляшки, несопоставимо более высоким уровнем художественного воплощения (не случайно они так широко распространены в скифо-меотском ареале) изготавливались в мастерских городов Боспорского царства. Однако спрос, видимо, превышал предложение, и поэтому не случайно появляются местные подражания, к числу которых и относится филладельфийская бляшка.

В этой связи стоит отметить удивительное сходство в трактовке крыльев на рассматриваемой бляшке и на бронзовом навершии бесспорно местной работы, обнаруженном в Александропольском скифском царском кургане IV в. до н.э.⁴⁰ Так же местным, достаточно примитивным подражанием является и вторая упомянутая выше неполностью сохранившаяся штампованная золотая бляшка, с изображением всадника на коне, скачущем вправо (рис. 22).левой рукой всадник управляет конем, а в согнутой в локте и поднятой вверх правой руке — держит дротик (?), как бы готовясь к метанию. К сожалению, фрагментарность бляшки не позволяет точно определить, воспроизводилась ли здесь сцена охоты скифского воина на зайца, расположенного в переднем нижнем углу, как на бляшках из кургана Куль-Оба⁴¹. Следует, однако, напомнить, что Д.С. Раевский, специально изучавший сюжеты скифского искусства и его семантику, убедительно показал, что сцена охоты на зайца в общеиранских верованиях была связана с культом плодородия во всех его проявлениях и воспринималась как эквивалент богатства, успеха и могущества⁴².

Рис. 21. Бляшка в виде змееногой богини. IV в. до н.э. Золото

Рис. 22. Бляшка в виде всадника. IV в. до н.э. Золото

Рис. 23. Фигурка всадника.
IV в. до н.э. Бронза

Рис. 24. Фигурка всадника.
IV в. до н.э. Бронза

Рис. 25. Фигурка всадника.
IV в. до н.э. Бронза

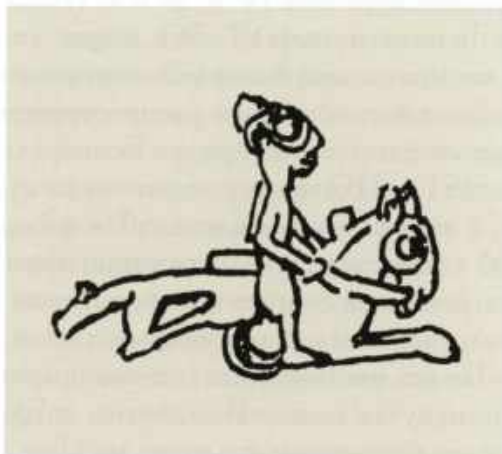

Рис. 26. Фигурка всадника.
IV в. до н.э. Бронза

Переходя к рассмотрению бронзовых антропоморфных поделок, следует отметить, что всего находок 12, и 11 из них относятся к берлинской части коллекции Массоно. Девять оказались в Музее античной культуры и еще две — в Музее древней истории. Девять вещей античного собрания Музея античной культуры при разной степени сохранности представляют собой фигурки всадников на скачущих конях (рис. 23–25) (еще одна такая же фигурка имеется в Эрмитаже). Четыре полностью сохранившиеся фигурки, дошедшие до нас в подлинниках или в зарисовках и фотографиях, объединяет один воинский аксессуар: слева на поясе каждый из всадников имеет горит скифского типа, хорошо известный по многочисленным произведениям греко-скифской торевтики IV в. до н.э. Пятая, частично сохранившаяся фигурка всадника с дротиком (или копьем) в поднятой правой руке (рис. 26), хорошо известна по золотым бляшкам из курганов скифской знати того же IV в. до н.э. Точно так же среди драгоценного инвентаря в богатых воинских погребениях часто встречаются *in situ* золотые шейные гривны, в том числе многовитковые⁴³. Такими гривнами украшены шеи всадников, изображенных на двух статуэтках. Этнокультурная общность наших всадников подтверждается и единственной общей для них деталью костюма — речь идет о шлемах конусовидной/остроконечной формы. Подчеркнем, что один из воинов на золотом колпачке из Курджипского кургана (IV в. до н.э.)⁴⁴ изображен в шлеме конусовидной формы — это наиболее близкая аналогия шлемам рассматриваемых нами всадников.

Все отмеченные детали статуэток свидетельствуют о том, что автор изобразил скифских конных воинов с типичным набором вещей IV в. до н.э.

Примитивный характер этих статуэток указывает на то, что перед нами образцы местного варварского искусства. В этой связи следует заметить, что при всей примитивности исполнения статуэток лица всех всадников близки между собой и передают один антропологический тип. Простое сравнение этих лиц с немногими известными на сегодня изображениями скифов, изготовленными на интересующей нас территории местными скифскими или меотскими мастерами, убеждают в том, что статуэтки из коллекции Массоно были сделаны в другой художественной традиции. Еще в начале 30-х годов XX в. М.И. Ростовцев, изучая богатейшие бронзы Луристана, обратил внимание, что более архаичные луристанские бронзы синхронизируются с позднешеттскими памятниками, а сравнительно поздние — с позднеассирийскими и раннеперсидскими древностями. Именно в поздней группе луристанских бронз Ростовцев находил близкие параллели произведениям раннескифского звериного стиля⁴⁵. В начале 1990-х годов М.Н. Погребова и Д.С. Раевский, подвергнув детальному анализу большинство образов животных, характеризующих начальный этап развития скифского звериного стиля и отметив вклад искусства Передней Азии (прежде всего ассирийского и урартийского) пришли к выводу, что «одним из основных источников репертуара воспринятых этим (раннескифским. — А.Л.) искусством анималистических образов, равно как и способов их воплощения, явилась культура луристанских бронз»⁴⁶. Дополняя выводы Погребовой и Раевского, подчеркнем, что искусство Луристана сыграло столь же важную роль и в воплощении антропоморфных образов в местном скифо-меотском искусстве, в чем убеждают, в частности, статуэтки конных всадников из коллекции Массоно. Напомним, что еще Ф. Гончар, изучая кавказские фигурки всадников, обратил внимание на близость одной из наших статуэток (из собрания Эрмитажа, впервые опубликованную Ростовцевым⁴⁷) к изображениям всадников, типичных для Кобанской культуры Кавказа⁴⁸. Изучение антропоморфных поделок из коллекции Массоно и сравнение их с находками из Луристана и горных районов Кавказа убеждает в их несомненной близости.

В этой связи, естественно, возникает вопрос — где и кем могли изготавливаться интересующие нас статуэтки? В них прослеживаются два начала: 1) местное, скифское, отразившееся в аксессуарах (гориты, многовитковые гривны, конусовидные по форме головные уборы) и 2) импортное, луристанское (кобанское?), отразившееся в антропологическом типе всадников. Известно, что изучаемые нами статуэтки были найдены на Кубани⁴⁹ и что местный мастер, изготавливая абсолютно реалистическую во всех деталях фигурку, не мог изобразить лицо скифского воина в чуждом ему стиле. Также нельзя себе представить, чтобы серия (не менее девяти предметов) достаточно примитивных по исполнению миниатюрных фигурок из бронзы была изготовлена в Иране и привезена на Кубань в качестве импорта. Как правило, импортные произведения прикладного искусства, встреченные в памятниках Северного Причерноморья скифской эпохи, отличаются высокий художественный уровень и соответственно цена, так как они изготавливались из золота или серебра. Скорее всего, речь должна идти о работе какого-то приехавшего или привезенного издалека мастера, в творчестве которого отразилось его авторское видение и реалии нового для него окружения. Только таким образом, сочетая антропологические особенности людей далекого региона с этнографическими аксессуарами, знакомыми аборигенам, иноземный мастер мог найти покупателей своих поделок, служивших, видимо, для ритуальных целей.

Рис. 27. Антропоморфная поделка.
IV в. до н.э. Бронза

В этой же части берлинской коллекции Массоно оказалась еще одна не полностью сохранившаяся литая ажурная поделка в виде незамкнутого кольца, внутри которого размещалась человеческая фигурка (рис. 27). И хотя левые рука и нога фигурки почти не сохранились, нет сомнений, что не дошедшая до нас часть была аналогична уцелевшей. Итак, стоящая человеческая фигурка изображена *en face*, между чуть согнутыми в коленях ногами и поднятыми вверх, согнутыми в локтях руками размещены головки (по одной с каждой стороны) хищных птиц. Голова человека с огромными, круглыми, выпуклыми глазами, торчащими большими ушами, узким длинным носом и чуть приоткрытым ртом очень похожа на головы выше описанных всадников и передает антропологический тип, уже знакомый нам по материалам Луристана. При этом луристанского типа фигурка сочетается со стилизованным изображением головы хищной птицы, абсолютно типичной для скифского звериного стиля V–IV вв. до н.э. и не известной в искусстве древнего Ирана. Не случайно, что наряду с ранее рассмотренными статуэтками, М.И. Ростовцев, впервые публикуя и эту поделку⁵⁰, подчеркивает разнообразие связей луристанских бронз с произведениями скифского искусства. Он приводит нашей поделке ряд убедительных аналогий среди изображений луристанских богов, обычно изображаемых во взаимодействии с животными. В основном это ажурные кольца — детали конского убора или головки булавок, где боги представлены стоящими *en face* с согнутыми в локтях и поднятыми в верх руками⁵¹. Стилистическое сходство описанных бронзовых поделок из коллекции Массоно, в которых неразрывно сочетаются два различных стиля — луристанский и скифский — найденные к тому же в одном, сравнительно небольшом регионе, позволяют думать, что они изготовлялись в одной мастерской и, не исключено, одним и тем же мастером, который сумел соединить местное, современное ему искусство скифского звериного стиля с более древними традициями антропоморфных образов, свойственных луристанским бронзам. Только понимая суть изображаемого, покупатели могли проявить интерес к подобным изделиям.

Еще одним, пожалуй, наиболее ярким образцом, демонстрирующим неразрывную связь между скифо-меотским и древневосточным искусством, является частично сохранившаяся бронзовая ажурная пластина из коллекции Берлинского Музея древней истории. Благодаря находке в архиве Музея старой фотографии 1920-х годов, удалось идентифицировать уцелевшую часть упомянутой пластины с ее полным изображением — стоячая мужская фигура в полный рост, держащая в каждой руке по фантастическому монстру (рис. 28). Вытянутые вдоль человеческого тела одинаковые фигуры монстров, завершаются стилизованным изображением голов хищных птиц (вверху), прижатых к человеческой голове, и львиными головами (внизу), на которых стоят ноги человека. Эта пластина демонстрирует уже знакомое нам сочетание прикубанского варианта скифо-меотского звериного стиля (головы монстров) и кобанского искусства горного Кавказа (фигурка человека), в котором трактовка антропоморфных изображений связывается с искусством Луристана. Сравнение этой пластины с многочисленными изображениями тематически близких сцен, широко распространенных в искусстве Луристана, убеждает в том, что перед нами изображение божества. Его могущество демонстрируется в прямом противостоянии с монстрами, головы которых, согласно понятному скифам «зоологическому коду», символизируют небо (хищные птицы) и подземное царство (львы) в системе скифской трехчленной модели мира, где само божество символизирует землю, мир живых. Раевский убедительно показал, что в ряде случаев образ хищной птицы, как и образ любого хищника, может восприни-

Рис. 28. Антропоморфная пластина.
IV в. до н.э. Бронза

маться как символ подземного мира. Значит, эта бляха может рассматриваться и как иллюстрация восприятия мироздания на бинарной основе — как противостояние мира живых миру мертвых, света — тьме, добра — злу. Такое восприятие еще более подчеркивает могущество божества, попирающего ногами головы львов. Решая вопрос о месте изготовления анализируемой бляхи, следует отметить, что обе фигуры монстров одинаковы, и каждая напоминает псалий, на концах которого размещены головы хищников. Псалии такой формы типичны для Кубани IV в. до н.э. Имеются они и в коллекции Массоно. Тонкая гравировка, подчеркивающая детали тела и голов монстров и придающая некоторую объемность фигуре божества, как и композиционное решение сцены, где геральдическая поза львиных голов и смотрящие друг на друга головы хищных птиц, характерны для кубанского варианта скифо-меотского звериного стиля IV в. до н.э.⁵² Центр пластины занимает человеческая фигура, выполненная в кобанском стиле, но, учитывая отмеченное выше влияние кобанского искусства на скифо-меотское, можно полагать, что анализируемая пластина, скорее всего, была изготовлена на Кубани. И, если запись в инвентарной книге музея верна, и эта пластина была действительно найдена в Грузии, то сегодня, после удивительных находок меотских памятников IV в. до н.э. в Абхазии⁵³, этому не приходится удивляться. Более того, находка этой пластины в Грузии, возможно, является первым свидетельством контактов местного населения с меотами, появившимися в это время в Абхазии. Напомним, что в V—IV вв. до н.э. территория Закавказья входила в состав могущественной персидской империи Ахеменидов. И появление в Абхазии меотов, где они напрямую соседствовали с носителями культуры ахеменидского Ирана и с местным населением, испытывавшим иранское воздействие уже более ста лет, должно было привести к еще большему распространению на Северном Кавказе и далее — в степях Северного Причерноморья — иранского влияния. Следует подчеркнуть, что, если в памятниках V в. до н.э. сравнительно часто встречаются прямые иранские импорты (Семибратние курганы), то в IV в. до н.э. иранское влияние отражается в произведениях искусства, изготовленных не только местными мастерами (кобанцами, меотами, скифами), но и в греческих городах Северного Причерноморья. Этому конечно способствовало сложение так называемого греко-персидского стиля, но нельзя недооценивать и изменившиеся под иранским влиянием вкусы скифо-меотской знати — главных покупателей драгоценных украшений, что и вынуждало греческих ювелиров освоить, например, массовое производство ажурных изделий. В это время распространяются новые сюжеты и позы изображаемых животных, новые орнаментальные детали. Эти изменения сказались и на изображении человека. Очевидная потребность в антропоморфных изображениях, связанных, прежде всего, с удовлетворением религиозных нужд, привела к появлению изделий местных мастеров. И, если в собственно Скифии видно явное влияние греческих мастеров (находка в Александропольском кургане на вершиях с изображением богини Кибелы⁵⁴), то меотская антропоморфная пластика формировалась в иных традициях. Так, в разграбленном кургане близ станции Тульской под Майкопом⁵⁵ была найдена золотая пластинка с изображением в фас крылатого божества с разведенными в разные стороны руками. В каждой руке божество держит льва за передние лапы. О многочисленных подобных композициях, наиболее распространенных в искусстве Луристана, уже говорилось выше.

Отмечая уникальность рассматриваемой бляхи из коллекции Массоно, обратим внимание на ее тематическую близость к золотой ажурной пластине из кургана Соболева Могила в Днепропетровской области Украины. В цен-

тре этой пластины изображен в полный рост мужчина, сжимающий в руках головы двух грифонов и стоящий на их змеевидных туловищах⁵⁶. Видимо, в IV в. до н.э., в период расцвета Скифии на Юге Украины и Синдо-Меотского государства на Кубани, было политически актуально и идеологически востребовано изображения человека, символизирующего божество (а, возможно, и наоборот — божество в образе человека), доминирующего над всеми противостоящими силами, представленными в виде монстров. Подобные изображения, конечно, символизируют и неразрывную связь царской власти с божественным покровительством.

Обращаясь к еще одной бляшке из коллекции Массоно, прежде всего следует указать на интереснейшую находку В.Р. Эрлиха, который в 2000—2001 гг. на Кубани исследовал подкурганное меотское святилище IV в. до н.э. Среди принесенных в жертву коней оказались детали конской узда, в том числе уникальный бронзовый наносник (или налобник?) в виде ажурной пластины, изображающей фигуру мужчины в полный рост⁵⁷. Мужское тело правильных пропорций с длиной шеей венчает повернутая вправо голова, закрытая маской кошачьего хищника (судя по длинной гриве, видимо, маска изображает голову льва). Условность неестественного сочетания тела человека и головы животного подчеркивается и наличием петли на вершине маски, которая возможна на маске, но не на человеческой голове. Ясно, что мастер, изготовивший эту фигурку, и не пытался ввести некий новый образ в миропонимание своих соплеменников, а, наоборот, подчеркивал его (образа) искусственность, временность, связанную, видимо, с конкретным хорошо знакомым людям обрядовым действием⁵⁸. После знакомства с этой находкой, нельзя было не обратить внимания на одну из бляшек коллекции Массоно (Берлинский музей древней истории). Как известно, бронзовые изделия, выполненные в скифском зверином стиле украшаются изображением животного или какой-то части его тела (чаще всего головы). Если же, например, бляшки сделаны в виде профильной рельефной фигурки животного, то, как правило, за счет четко выделенных деталей (лап, хвоста, рогов), зверь вполне узнаваем (пусть и в обобщенном виде — птица, травоядное или хищник). В этом смысле среди десятков бронзовых поделок из коллекции Массоно привлекающая мое внимание бляшка заметно выделяется (рис. 29). Она имеет волкоподобную голову, за которой по верхней линии изогнутого туловища расположены два вертикальных шипа. Будь шипы расположены ближе к ушам, их можно было бы принять за гриву, свойственную изображениям головы грифона в скифо-меотском искусстве V—IV вв. до н.э. Больше ничего сходного туловище этой фигурки с животными не имеет. Более того, общий контур фигуры от шеи и до кончиков ног, особенно учитывая форму и длину ног по отношению к верхней части туловища, убеждает в том, что эта бляшка воспроизводит профильную фигуру сидящего человека с согнутыми в коленях ногами. Хотя я и называю эту фигуру профильной, но она сделана так, что видны обе ноги. (К сожалению, эта бляшка не сохранилась, и ее описание дается на основании старой фотографии и ее рисунка в инвентарной книге, на котором четко выделены пальцы ног). Сильно изогнутое тело и опущенная шея с головой, на которую надета большая маска хищника с вытянутой мордой, изображают сидящего человека с положенной на колени головой (в маске).

Находка двух поделок местной работы, каждая из которых изображает человека в звериной маске, позволяет говорить о доселе неизвестном явлении в духовной жизни меотов IV в. до н.э. Мне не известны условия находки только что рассмотренной бляшки, но обнаруженный В.Р. Эрлихом

Рис. 29. Антропоморфная бляшка. IV в. до н.э. Бронза

в святилище наносник на жертвенном коне, позволяет думать, что и бляшка из коллекции Массоно происходит из комплекса, связанного с каким-то религиозным обрядом. К сожалению, ни один письменный источник, повествующий о меотах, не помогает понять, при исполнении каких обрядов люди надевали маски, изображающие головы животных. И хотя письменные источники о жизни соседей меотов (скифы, сарматы) более информативны, но и они не содержат сведений об обрядах, где бы участвовали люди в масках.

Нельзя ли связать происхождение интересующих нас фигурок с местными протомеотскими или раннескифскими памятниками VIII—VI вв. до н.э., в которых они не встречаются? Несколько изображений человеческих фигур (все без масок), которые происходят из келермесских курганов раннескифского времени, были проанализированы Д.С. Раевским, который

убедительно доказал, что эти «изображения выполнены в безусловно инокультурной — древневосточной или ионийской — манере»⁵⁹. Иная картина наблюдается у кавказских соседей меотов Кубани. Часто человеческие статуэтки встречаются в Дагестане и в памятниках кобанской культуры⁶⁰. Среди последних только одна статуэтка (женская) изображена в самой простой маске, в которой лишь проделаны отверстия для глаз и рта⁶¹. Заметно чаще антропоморфные статуэтки в масках встречаются в Армении и Грузии⁶². К сожалению, авторы публикаций не дают подробного описания как самих статуэток, так и их масок и только иногда отмечают, что маски имеют вид медвежьей, птичьей, овечьей головы. При этом подавляющее большинство этих фигурок (в масках и без них) были найдены при исследовании различных святилищ. Видимо, появление антропоморфной пластики в меотском обществе явилось результатом достаточно длительных и разнообразных связей между местными племенами и племенами, обитавшими в горах Кавказа и в Закавказье. Выше уже отмечался вклад кобанского искусства в антропоморфную пластику меотов Кубани. Вместе с тем нельзя забывать и об упоминавшихся статуэтках в масках из святилищ Закавказья и о широко распространенных в передневосточных цивилизациях настенных рельефах с изображением крылатого божества в облике человека, но в звериной маске. Прежде всего мы имеем в виду известные ассирийские и хеттские рельефы IX—VIII вв. до н.э.⁶³ Эти божества, например, в ассирийских дворцах служили оберегами царского благополучия. Видимо, аналогичную миссию исполняли и хеттские рельефы. И здесь вновь следует вспомнить Ростовцева, сблизившего между собой искусство Луристана, хеттов и скифов⁶⁴.

Такое сходство, проявившееся во многих сферах духовной культуры и, прежде всего, в искусстве, могло сформироваться только в результате киммеро-скифских походов на Ближний Восток в VIII—VII вв. до н.э. Судя по письменным источникам, вторгнувшиеся с Севера боевые отряды кочевников за почти столетнее пребывание в странах Малой Азии и Ближнего Востока, в процессе их военных и мирных контактов с народами региона, конечно, познакомились с материальной и духовной культурами Мидии, Ассирии, Урарту, Лидии, Ионии и т.д. Религиозные верования и связанные с ними церемонии, обряды, культы, ярко отразившиеся в искусстве региона — все было подчинено главной идее: всемогущие боги через своих избранников, царей и жрецов, осуществляют свою власть над людьми, определяют их судьбу при жизни и после смерти. Естественно, что ираноязычным киммерийцам и скифам были

ближе и понятнее обычаи и верования родственных им иранских народов. Благодаря хронографам Ассирии, Урарту, сведениям Геродота, а также археологическим материалам, определяется зона вторжения и дальнейшего перемещения киммерийских и скифских племен по территории Ближнего Востока. Так, двигавшиеся по берегу Черного моря в Малую Азию киммерийцы, сталкиваются здесь с поздне-хеттским царством, Лидией и Ионией. В то же время киммерийцы воюют и с Урарту и с Ассирией. Главной зоной многолетних контактов прошедших по берегу Каспийского моря скифов с местными племенами была территория современных Западного Ирана и Восточной Турции. Речь, прежде всего, идет о территории южного Прикаспия (Иранский Азербайджан) и далее к Югу, где расположены современные провинции Курдистан и Луристан. В свою очередь западными соседями этих районов, заселенных древними иранцами, были государства Урарту и, южнее, в междуречьи Тигра и Евфрата, размещалась Ассирия.

Именно Урарту и Ассирия явились странами, где неоднократно пересекались военные пути-дороги киммерийцев и скифов. Многочисленные войны, в которых этнически родственные племена киммерийцев и скифов нередко были союзниками, сменялись мирными периодами, когда опыт и достижения древневосточных цивилизаций можно было с успехом внедрять в свою жизнь. Естественно, наиболее ярко это проявляется в материальной культуре и, прежде всего, в военном деле — именно в эпоху киммеро-скифских походов у кочевников, пришедших из Причерноморья, появляются боевые колесницы, запряженные парами и четверками коней, формируется скифский оборонительный доспех, появляются шлемы, панцири и боевые пояса. Значительность изменений в духовной сфере проявилась в появлении разнообразного прикладного искусства, неизвестного кочевникам Причерноморских степей до их вторжения в Малую Азию и на Ближний Восток.

Следующим важным событием в истории древнего Востока, отразившимся на материальной и духовной культуре населения Северного Причерноморья и прежде всего Кубани, явилось создание персидской империи Ахеменидов. В середине I тыс. до н.э. Закавказье являлось одной из провинций империи, власть которой распространялась на весь Ближний Восток и доходила до границ Египта. Такое политическое объединение (пусть и недолговечное) не могло не сказаться на экономических и культурных контактах между разноэтничными племенами и народами, вошедшими в состав персидской империи. Именно в V в. до н.э. наибольшее количество ахеменидского импорта проникает в Закавказье и далее на северо-западный Кавказ, в район Майкопа и затем по течению реки Кубани в район Таманского полуострова. Именно здесь расположены знаменитые Семибратние курганы V в. до н.э., в которых были погребены представители синдо-меотской знати. Значительную часть драгоценных изделий из этих курганов составили вещи, изготовленные в ахеменидском и смешанном греко-персидском стиле (последние могли быть сделаны и в мастерских греческих городов Боспорского царства). Видимо, тогда же на Кубань, как и за два столетия до этого, попадают не только вещи, но и идеи, связанные, в частности, с распространением различных культовых церемоний, способствующих успеху в разных сферах человеческой деятельности. Думаю, что оседлые земледельческие племена меотов, имевшие достаточно тесные длительные отношения с греками Боспорского царства, в V в. до н.э. были более восприимчивы к идеям древневосточных цивилизаций, чем кочевники причерноморских степей, куда, как известно, вернулись уцелевшие участники скифских походов. Не случайно, что именно в Закубанье было от-

крыто более 20 святилищ, начиная с VIII и до II в. до н.э.⁶⁵, обогативших археологию Юга Восточной Европы поистине уникальными находками.

Несравнимо беднее представлена в коллекции Массоно сарматская эпоха — всего 20 вещей. В основном это обычные для этого периода золотые украшения (многовитковые гривны, согнутые из трубок небольшого диаметра, бусы, части сложных подвесок в виде цепочек с дисками или шариками на одном из концов). Среди находок раннесарматского времени наиболее интересными являются пара фаларов из Музея античной культуры и один фалар из Музея древней истории в Берлине, служившие украшением коня. Вытянуто-овальная пара фаларов служила налобниками (рис. 30), а круглый в плане с выпуклой центральной частью фалар относится, по классификации В.И. Мордвинцевой, к числу наплечных (рис. 31). Разнятся фалары по материалу (пара имеет бронзовую основу, обтянутую серебряной пластиной, а одиночный фалар сделан из серебра с позолотой) и орнаментацией. Две поперечные выпукло-вогнутые рельефные линии с загнутыми к центру окончаниями делят поверхность фалара на две равные части, каждую из которых украшает рельефная семилепестковая пальметта, идущая от центра фалара к его краям. Четко выделенный рельеф местами подчеркнутый поперечными насечками делает пару фаларов весьма выразительной. Судя по своду фаларов сарматского времени⁶⁶, близких аналогов публикуемым фаларам нет. Более того, из 114 фаларов, изданных Мордвинцевой, лишь 5 — овальные по форме, т.е. аналогичны описываемым. Три из них обнаружены на Кубани и еще два фалара происходят с Нижнего Подонья. При этом только фалары из двух комплексов (Федуловский клад и гробница у ст. Ахтанизовская) имеют общие элементы в орнаментации с описываемыми фаларами. Исходя из датировок этих памятников⁶⁷, наиболее надежной датой для описываемых фаларов будет III—II вв. до н.э.

Иначе выглядит одиночный фалар. Его уплощенная периферия украшена пуансоном, врезным и рельефным орнаментами, оттеняющими выпуклую центральную плоскость, почти полностью занятую изображением протомы коня. Шея и часть груди коня изображены в профиль, голова и нога с выделенным копытом — чуть анфас. Пышная грива и красивая голова с миндалевидным глазом, нервной ноздрей и едва приоткрытым ртом демонстрируют достаточно высокий уровень работы мастера, сделавшего этот фалар. Сопоставление его с фаларами

Рис. 30. Фалар. III—II вв. до н.э.
Бронза, серебро с позолотой

Рис. 31. Фалар. III—II вв. до н.э.
Бронза, серебро с позолотой

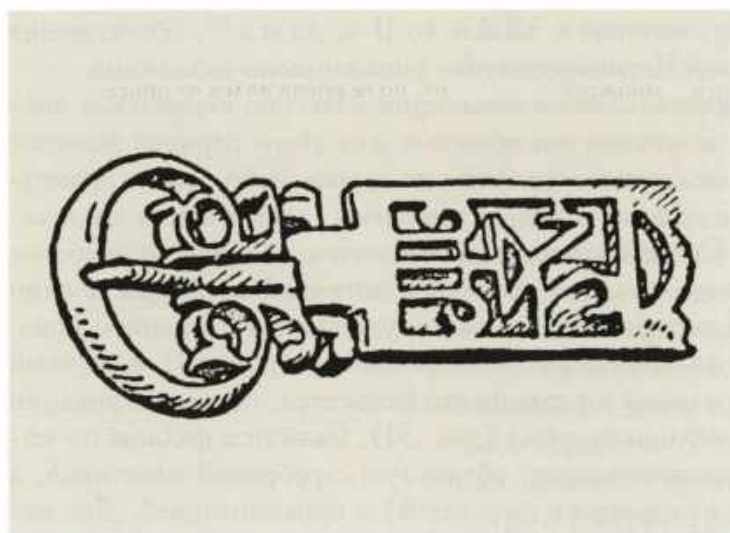

Рис. 32. Поясная пряжка.
II в. н.э. Бронза

Рис. 33. Поясная пряжка.
II в. н.э. Бронза

из пропавшего Таганрогского клада, впервые опубликованного А.А. Спицыным⁶⁸, не оставляет сомнения, что один из шести таганрогских фаларов уцелел и сейчас хранится в Берлинском Музее⁶⁹ древней истории. Известный ростовский торговец древностями Ф.С. Романович, к которому, по словам А.А. Спицына, попал этот клад, видимо, продал его, и к 1907 г. описываемый фалар оказался у одесского коллекционера П. Маврогордато. Не ясно только — когда и кем этот фалар оказался приписанным к Майкопу. Именно так он фигурирует в инвентарной книге. Судя по специальной литературе, надежной датой для Таганрогского клада⁷⁰, а, значит, и для фалара, является II в. до н.э. Мордвинцева относит этот клад к группе «Причерноморский графический стиль» и считает, что большинство фаларов этого стиля было изготовлено в мастерских греческих городов Северного Причерноморья⁷¹.

Среди вещей позднесарматского времени наиболее показательны шесть бронзовых поясных пряжек. Как убедительно показал М.Ю. Трейстер, они изготовлялись на Боспоре и подражали римским образцам⁷². Часть из них производили в царских мастерских. Отсюда понятно наличие на двух из этих пряжек царского знака Тиберия Юлия Евпатора, правившего на Боспоре с 154 по 170 г. (рис. 32). Еще две пряжки, где в прямоугольной рамке размещаются выполненные высоким рельефом фигура льва (сохранившаяся пряжка) (рис. 33) и сфинкса (пропавшая) являют собой типичный образец греческой работы. Так их рассматривал и Ростовцев⁷³.

В целом, характеризуя коллекцию Массоно, подчеркну, что две трети этого собрания составляют вещи, характеризующие скифскую эпоху. Более половины из них выполнены в скифо-меотском зверином стиле. По своему богатству эта часть собрания Массоно сопоставима с крупнейшими коллекциями скифских древностей из центральных музеев России.

Надеюсь, что на фоне великолепных открытий, сделанных на Кубани в последние десятилетия, вводимая в науку коллекция Массоно, откроет новые перспективы в изучении далекого прошлого огромного Кавказско-Причерноморского региона, сыгравшего важную роль в развитии древних цивилизаций Старого Света.

- ¹ Отдельные находки имеются также в Британском Музее в Лондоне и в Музее Чернуски в Париже
- ² Издательство Музея Археологии и Антропологии Пенсильванского университета, Филадельфия, США.
- ³ Для установления места, где мог располагаться курган, содержащий реконструируемый комплекс, необходима специальная работа в архивах начала XX в. (между 1908 г. (среди вещей, проданных Массоно в 1907 г. не было артефактов из реконструируемого комплекса) и 1912 г.). Именно в этот период был раскопан какой-то курган, где грабителям обнаружили, видимо, неграбленную в древности боковую могилу (центральные могилы, как правило, содержали мужские захоронения). К сожалению, никакой информации о раскопках или о разграблении богатого кургана в научных или научно-популярных журналах того времени не публиковалось. Единственная надежда — просмотреть донесения, поступавшие в полицейские управы кубанской области из уездов, расположенных между городами Тамань и Майкоп — в таких донесениях часто сообщалось о грабительских раскопках, о конфискации находок или о покупке их для музеев.
- ⁴ Leskov A. Grabschätze der Adygeen. München, 1990. Kat. Nr. 107, Abb. 156.
- ⁵ Детальное изучение всех находок V–IV вв. до н.э. показало, что в состав коллекции Массоно наряду с реконструируемым комплексом V в. до н.э. кубанского происхождения входил и комплекс вещей из богатого скифского кургана второй половины IV в. до н.э., типичного для степной Скифии (учитывая тематику данного издания, эти материалы здесь не рассматриваются). Возвращаясь к реконструируемому комплексу, отметим, что все 6 типов бляшек представлены в нем в количестве от 12 до 236 штук каждый, т.е. имела место продажа в одни руки серии одинаковых бляшек, и поэтому уже не имеющих особой коллекционной ценности. Убежден, что любой коллекционер, приобретя по одной-две бляшки каждого из представленных типов, этим бы и ограничился и не стал бы еще и еще раз покупать вещи уже имеющиеся в его коллекции. Только стремление и редкая возможность пополнить свою коллекцию комплексом вещей из одной могилы могло соблазнить коллекционера купить множество одинаковых бляшек. Эта догадка хорошо подтверждается наблюдением над другими вещами, имеющими массовое происхождение. Все они, будь то золотые бляшки (например, в филадельфийской части коллекции М. де Массоно имеется 15 типов различных золотых бляшек, но все они представлены одним-двумя экземплярами) или бронзовые детали конского убора (налобники, нащечники, наносники и т.д.) имеются в одном-двух экземплярах. В таком количестве они никогда найдены, и проданы в богатейшую археологическую коллекцию артефактов из памятников юга России и Украины.
- ⁶ Конечно же, напрашиваются семантические размышления о сочетании древа (точнее двух деревьев) жизни, размещенных между тремя солярными знаками в виде шестилепестковых розеток. Ведь нельзя исключать, что реконструируемое богатое женское погребение V в. до н.э. принадлежало жрице, о чем и мог свидетельствовать ее головной убор.
- ⁷ См. находки Феттерсфельде: *Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Berlin, 1970. Bd. I. Taf. 42, 2; 43, 2, 3.
- ⁸ Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4–5; Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. 1978. М., 1989. Табл. 42. (Археология СССР).
- ⁹ Венедиков И., Герасимов Т. Тракийское искусство. София, 1973. № 215.
- ¹⁰ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966. Рис. 18, 23; табл. 66, 75. *Scythian Gold: Catalogue of Exhibition*. New York, 1999. P. 157. Cat. 47.
- ¹¹ Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Табл. 44, 1.
- ¹² *Vickers M. Scythian Treasures in Oxford*. Oxford, 1979, Plate VI, f; XVIII, e.
- ¹³ Петренко В.Г. Украшения Скифии... С. 41 и сл., табл. 28, 1, 2; 29, 7.
- ¹⁴ Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 113; *Vickers M. Scythian treasures in Oxford*. Plate VI, a; XVIII, e.
- ¹⁵ Среди античных перстней Эрмитажа (не менее 500) нет изображений Сирены, а из 1648 перстней Британского Музея только на трех нанесена Сирена, но ее образ далек от описываемого (*Marshall F.H. Catalogue of the finger rings — Greek, Etruscan and Roman in the Department of antiquities, British Museum*. London, 1907. Nos. 20, 35, 302, pl. I; VIII).
- ¹⁶ *Spier J. Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections the J. Paul Getty Museum*. Malibu, 1992. No. 46.
- ¹⁷ *Boardman J. Greek Gems and Finger Rings*. L., 1970. P. 212–214, fig. 217, II.
- ¹⁸ Неверов О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья // *Античная торевтика*. Л., 1986. С. 19.
- ¹⁹ *Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd. I. P. 56, Taf. 29, 1, 2.
- ²⁰ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Рис. 53.
- ²¹ Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // *Скифия и Кавказ*. Киев, 1980. С. 108, рис. 47, 2; *Scythian Gold...* P. 165, No. 52, 53.
- ²² Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991. С. 30, 31, рис. 1А.
- ²³ Скудная В.М. Скифские памятники Нимфея // СА. 1954. № XXI. С. 306–317, рис. 3.
- ²⁴ Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985. С. 81, кат. № 179, рис. 31, 32.
- ²⁵ Из-за отсутствия переходных частей, соединяющих прямой конус с устьем, реконструкция берлинского музея не кажется достаточно убедительной.
- ²⁶ Анфимов Н.В. Древнее Золото Кубани. С. 113.
- ²⁷ ОАК за 1880 г. СПб., 1882. С. 96–97, табл. IV; Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Табл. 102, 105.
- ²⁸ Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Табл. 118, 120–122.
- ²⁹ Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. М., 1994. Рис. 181, 293–296, 448; *Mitchel T.C. The Oxus Treasure from the British Museum*. London; Zürich, 1989. P. 38, No. 11.
- ³⁰ Галанина Л.К. Келермесские курганы. Л., 1999. Табл. 9, 1.
- ³¹ Пиотровский Б.Б. Ванское царство. М., 1959. С. 251 и сл.

- ³² *Calmeyer P.* Iconographie und Stil urartaischer Bildwerke. München, 1976. Abb. 43 в каталоге выставки «Urartu».
- ³³ Имеется в виду скупка вещей современными «коллекционерами» у грабителей, раскапывающих древние памятники. Судя по ассортименту древностей в антикварных салонах Западной Европы и США, к сожалению, сегодня продолжают вестись грабительские раскопки на Юге России и Украины.
- ³⁴ ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 169, рис. 331 и 332.
- ³⁵ Мне он известен по зарисовкам в инвентарной книге, по фото 1925 г. из архива Музея Vor- und Frühgeschichte в Берлине, а также по публикации (*Schmidt H.* Skytischer Pferdegeschirrschmuck aus einem Silberdepot unbekannter Herkunft // *Prähistorische Zeitschrift.* 1927. XVIII. Taf. 9, 1, 9).
- ³⁶ *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. С. 36, рис. 65; табл. 129.
- ³⁷ From the Lands of the Scythians: Catalogue of the Exhibition / The Metropolitan Museum of Art. N.Y., 1975. P. 158, 8.
- ³⁸ *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Табл. 221–223 (подвески из Куль-Обы), табл. 304, 309, 315 (Павловский курган), 326–328 (из Феодосии).
- ³⁹ *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Табл. 186, 230, 308. *Мозолевский Б.М.* Товста Могила. Киев, 1979. С. 39, рис. 23. Точная копия золотой бляшки из Большой Близицы имеется в берлинской части коллекции Массоно. См.: *Greifenhagen A.* Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. P. 39, Taf. 16, 1.
- ⁴⁰ *Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 70, рис. 15.
- ⁴¹ *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Табл. 253.
- ⁴² *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 62–63.
- ⁴³ *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Скифские курганы Герроса IV в. до н.э. Киев, 2005. С. 333, табл. 14, 1; 22, 2.
- ⁴⁴ *Галанина Л.К.* Курджипский курган. Л., 1980. С. 93, № 51.
- ⁴⁵ *Rostovtzeff M.* Some Remarks on the Luristan Bronzes // *Jahrbuch für Prähistorische und Ethnografische Kunst.* 1931. Bd. 6. S. 46–56.
- ⁴⁶ *Позребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 159.
- ⁴⁷ *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 40, pl. V, 5.
- ⁴⁸ *Honcar F. von.* Ross und Reiter im urgeschichtlichen Kaukasus // *Jahrbuch für Prähistorische und Ethnografische Kunst.* 1936. Bd. 11. S. 50, Taf. 14, 1–9.
- ⁴⁹ В статью Ростовцева (Some Remarks on the Luristan Bronzes), к сожалению, вкралась досадная опечатка. В подписи под иллюстрациями (табл. V, 6) вместо Кубань напечатано Кобан. Ф. Гончар в цитированной статье отмечает, что статуэтки найдены на Тамани.
- ⁵⁰ *Rostovtzeff M.* Some remarks on the Luristan Bronzes. Pl. I, 3.
- ⁵¹ Там же. Pl. I, 1, 4, 5, 7, 9; pl. V, 5. См. также: *Moorey P.R.S.* The Art of Ancient Iran in the Catalogue of the Los Angeles County Museum of Art, "Ancient Bronzes, Ceramics, and Seals". Los Angeles County Museum of Art, 1981. Cat. Nos. 125, 154, 155, 341, 343, 352, 385, 386, 444.
- ⁵² Каталог выставки «Шедевры древнего искусства Кубани». М., 1987. С. 82, 85, кат. № 9, 14; *Галанина Л.К.* Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. // АСГЭ. 2005. Вып. 37. Рис. 1, 4.
- ⁵³ *Эрлих В.Р.* Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1. С. 158–172.
- ⁵⁴ *Артамонов М.И.* Антропоморфные божества. С. 57–87, рис. 17.
- ⁵⁵ *Манцевич А.П.* Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 23–38, рис. 7, 11.
- ⁵⁶ *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы Скифского Герроса. С. 178–179, табл. 17, 3.
- ⁵⁷ *Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство VIII–III вв. до н.э. из курганов Адыген. М., 2006. С. 140, кат. 121.
- ⁵⁸ Странно, что А.Р. Канторович и В.Р. Эрлих, детально описав костюм, не обратили внимание на очевидное наличие маски на представленной фигурке.
- ⁵⁹ *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. С. 94.
- ⁶⁰ *Абакаров А.И., Даудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 64–66; *Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984. С. 83, 84.
- ⁶¹ *Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа. С. 73, рис. XXV.
- ⁶² *Есаян С.А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976. С. 225–244; *Пицхеллаури К.Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979. С. 50–59.
- ⁶³ См., например: *Crawford V.E., Harper P.O., Pittman H.* Assyrian Reliefs and Ivories in the Metropolitan Museum of Art. N.Y., 1980. P. 24, fig. 16; *Rostovtzeff M.* Some Remarks on the Luristan Bronzes. Pl. 5, 13.
- ⁶⁴ *Rostovtzeff M.* Some remarks on the Luristan Bronzes. P. 53–55.
- ⁶⁵ *Эрлих В.Р.* «Скифский» культовый набор в меотском святилище // Четвертая Кубанская Археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 323–326.
- ⁶⁶ *Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. Rahden, 2001.
- ⁶⁷ Ibid. S. 71–73.
- ⁶⁸ *Спицын А.А.* Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29. С. 27 и сл., рис. 51–57.
- ⁶⁹ Не зная о том, что этот фалар хранится в Берлине, *Мордвинцева*, вслед за *Спицыным* и *К.Ф. Смирновым* (см.: *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 74 и сл., рис. 29) публикует его в прорисовках, где, к сожалению, допущены неточности.
- ⁷⁰ Подробнее см.: *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства. С. 74, 75 (с библиографией).
- ⁷¹ *Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren. S. 64.
- ⁷² *Трейстер М.Ю.* Местные подражания деталям римского военного костюма // РА. 2000. № 3. С. 118 и сл.
- ⁷³ *Rostovtzeff M.I.* Bronzeschellen aus Südrußland // *Prähistorische Zeitschrift.* 1931. Bd. 22. S. 46–55, Taf. 1, 5, 6.

- Абаев В.И. ПΑΝΤΙΚΑΠΑΙΟΝ // Исследования в честь акад. Д. Дечев. София, 1958.
- Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979.
- Абрамзон М.Г. Классификация монетных кладов Азиатского Боспора в свете новых данных // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных): Тез. докл. конф. 29–30 июня 2000 г. М., 2000.
- Абрамзон М.Г., Горлов Ю.В. Два «синдских» диобола, найденные в Фанагории // РА. 1998. № 3.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э. из Таманского музея: (предварительное сообщение) // VI чтения памяти проф. В.Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения: Тез. докл. 21–22 мая 1999 г. М., 1999.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1999. № 3.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Фадеевский клад бронзовых боспорских монет IV–I вв. до н.э. // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 1999. Вып. VII.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Второй клад медных пантикапейских монет III в. до н.э. из ст. Старо-Нижне-Стеблиевской // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2000. Вып. VIII.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад бронзовых монет конца I в. до н.э. – II в. н.э. (Анапа, 1978) // РА. 2000. № 3.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад золотых боспорских статеров II в. н.э. с Краснобатареиного городища // ВДИ. 2000. № 4.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад золотых боспорских статеров II–III вв. н.э. из ст. Казанской // ВДИ. 2000. № 4.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Раевский клад медных пантикапейских монет II в. до н.э. // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2000. Вып. IX.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на юге России: (по материалам Краснодарского края). М., 2002.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Куматырский клад бронзовых монет VI–I вв. до н.э. // РА. 2002. № 3.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванова О.А. Клады античных монет: Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника: Нумизматическая коллекция. Киев, 2006. Т. 1.
- Абрамов А.П. Амфоры VI–V вв. до н.э. из раскопок Патрея: (раскопки 1985–1986 гг.) // Древности Кубани: Мат-лы семинара. Краснодар, 1987.
- Абрамов А.П. Новые данные о торговых связях Боспора в VI–V вв. до н.э. // ОИБ. М., 1992.
- Абрамов А.П. Античные амфоры: Периодизация и хронология: // БС. 1993. Вып. 3.
- Абрамов А.П. Классификация и периодизация амфор второй половины VI – первой половины V в. до н.э. // РА. 1993. № 4.
- Абрамов А.П. Патрей: раскопки 1990–1991 гг. // БС. 1994. Вып. 4.
- Абрамов А.П. Городище Патрей: Периодизация и топография // Патрей: Материалы и исследования. М., 1999. Вып. 1.
- Абрамов А.П. Триаконтеры в Причерноморье: (тезисы) // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. М., 1999.
- Абрамов А.П. Западная граница Патрейского городища // ДБ. М., 2000. Вып. 3.
- Абрамов А.П. История исследования Патрея // Патрей: Материалы исследования. М., 2004. Вып. 2.
- Абрамов А.П. Патрей // Патрей: Материалы и исследования. М., 2005. Вып. 2.
- Абрамов А.П. Патрейское городище // Патрей: Материалы исследования. М., 2005. Вып. 2.
- Абрамов А.П. Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея // ДБ. 2006. Вып. 9.
- Абрамов А.П., Болдырев С.И. «Клады» 1998 г. из Патрея // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 2001. Ч. 1.
- Абрамов А.П., Васильев А.Г., Копейкин В.В., Морозов П.А. Модификация георадаров для морских подводных работ // ДБ. 2003. Вып. 6.
- Абрамов А.П., Васильев А.Г., Копейкин В.В., Морозов П.А. «Киммерийский вал»: Новые данные // ДБ. 2004. Вып. 7.
- Абрамов А.П., Масленников А.А. Амфоры V в. до н.э. из раскопок поселения на мысе Зюк // СА. 1991. № 3.
- Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. М., 1993. Вып. 2.
- Абрамов А.П., Сазонов Ю.С. Комплекс амфор второй четверти V в. до н.э. из Патрея // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Абрамов А.П., Сазонов Ю.С. Керамика трех подводных комплексов Патрея // БС. 1992. Вып. 1.
- Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. (Тр. ГИМ; Вып. 54).
- Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.
- Акимов В.О. Монетные находки с городища Патрей 1993–1996 гг. // Патрей: Материалы и исследования. М., 2005. Вып. 2.
- Алексеев А.Ю. Хронология Скифии второй половины IV в. до н.э. // АСГЭ. 1987. Вып. 28.
- Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // Археологический сборник. СПб., 1991. Вып. 31.
- Алексеев А.Ю. Скифская хроника: (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992.
- Алексеев А.Ю. «Страна скифов» царя Партатуа на Северном Кавказе? (к хронологии и локализации) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. докл. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992.
- Алексеев А.Ю. Великая Скифия или две Скифии? Тенденции исторического развития Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. // Скифия и Боспор: Мат. конф. памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.

- Алексеев А.Ю. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи // Между Азией и Европой: Кавказ в IV—I тыс. до н.э.: Мат-лы конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М., Келермес: (1990 г. — курган № 31) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. (МИАР; № 3).
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. (САИ; Вып. Г1-12).
- Алексеева Е.М. Раскопки некрополя Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1982. Т. I.
- Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1983. Т. 2.
- Алексеева Е.М. Культы Горгиппии // СА. 1986. № 4.
- Алексеева Е.М. К изучению коропластики Горгиппии // КСИА. 1987. Вып. 191.
- Алексеева Е.М. Раннее поселение на месте Анапы (VI—V вв. до н.э.) // КСИА. 1990. Вып. 197.
- Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991.
- Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Алексеева Е.М. Анапа: Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. — III в. н.э.) // ДБ. 2003. Вып. 6.
- Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгиппии. М., 2007.
- Амброс А.К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1996. (САИ; Вып. Д1-30).
- Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986.
- Андреев Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье: (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1.
- Андреев Ю.В. Раннегреческий полис: (гомеровский период). СПб., 2003.
- Андроникос М. Царские гробницы в Вергине: (Из истории раскопок) // ВДИ. 1990. № 1.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1987.
- Античное художественное серебро: Каталог выставки / ред. Н.Л. Грач; Гос. Эрмитаж. Л., 1985.
- Античные государства Северного Причерноморья / ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М., 1984.
- Анфимов И.Н. Новые находки бронзовых античных шлемов IV—III вв. до н.э. на Северо-Западном Кавказе // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Анфимов И.Н. Могильник протомеотской культуры хутора Казазово // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.
- Анфимов И.Н. Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н.э. из Восточного Приазовья (станция Старонижнестеблиевская) // ВДИ. 1991. № 1. С. 75.
- Анфимов Н.В. Новые данные к истории азиатского Боспора: (Семибратнее городище) // СА. 1941. № 7.
- Анфимов Н.В. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. 1947. Вып. XVI.
- Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // СА. 1949. № XI.
- Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из станицы Старо-Нижнестеблиевской // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV.
- Анфимов Н.В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // МИА. 1951. № 23.
- Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23.
- Анфимов Н.В. Раскопки Семибратнего городища // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
- Анфимов Н.В. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией // ВДИ. 1952. № 4.
- Анфимов Н.В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI.
- Анфимов Н.В. Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. LI.
- Анфимов Н.В. Основные этапы развития меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Анфимов Н.В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. № XXVIII.
- Анфимов Н.В. Протомеотский могильник у с. Николаевского // СМАА. Майкоп, 1961. Вып. II.
- Анфимов Н.В. Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2.
- Анфимов Н.В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М., 1967.
- Анфимов Н.В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. (МИА; № 177).
- Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры могильник у хут. Кубанского // Скифский мир. Киев, 1974.
- Анфимов Н.В. Религиозные верования у меотов // Сборник трудов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977.
- Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир: Межвуз. сб. Орджоникидзе, 1981.
- Анфимов Н.В. Античное влияние в меотской керамике // ПАК. Москва, 1986.
- Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
- Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. 1988. № 4.
- Анфимов Н.В., Пьянков А.В. Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.
- Анфимов Н.В., Шарафутдинова Э.С. Поселение Красногвардейское на Кубани — новый памятник кобьяковской культуры // СА. 1982. № 3.
- Аптекарев А.Э. Клад монет из пос. Приморский и некоторые вопросы денежного обращения Боспора в последней четверти IV—III вв. до н.э. // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. Вып. I.

- Аптекарев А.З. Новый клад пантикапейских монет II в. до н.э. из Краснодарского края // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар, 2002. Вып. 2.
- Аптекарев А.З. «Синдские» монеты — проблема принадлежности остается // *Мат-лы V Боспорских чтений*. Керчь, 2004.
- Аптекарев А.З. Клад памятных стартеров Котиса III из Темрюкского района Краснодарского края // *Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады*. Краснодар, 2005.
- Аптекарев А.З., Козенкова В.И. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // *СА*. 1986. № 3.
- Арзаманов Г.Ф. Архаическая капитель из Тамани // *ВДИ*. 1989. № 4.
- Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
- Арсеньева Т.М. Танаис // *АГСП*. М., 1984.
- Арсеньева Т.М., Бётгер Б., Виноградов Ю.Г. Новые исследования в Танаисе // *ВДИ*. 1996. № 1.
- Арсеньева Т.М., Бётгер Б., Виноградов Ю.Г. Новые исследования в Танаисе // *ВДИ*. 1996. № 3.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Новые данные о фортификации Танаиса // *ДБ*. 2004. Вып. 7.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Оборонительные укрепления Танаиса (по материалам раскопок 2003—2004 гг.) // *ДБ*. 2006. Вып. 10.
- Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, 1966.
- Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.
- Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
- Аханов А.А. Геленджикские подкурганые дольмены // *СА*. 1961. № 1.
- Аханов А.А. Древняя стоянка в Геленджике. // *СА*. 1961. № 3.
- Ашик А.Б. Воспорское царство. Одесса, 1849.
- Балонов Ф.Р. Святилище скифской эпохи в Адыгее: (интерпретация курганов на р. Уль) // *Скифо-сибирский мир*. Новосибирск, 1987.
- Бандуровский А.В. К вопросу о торгово-обменных связях лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья с античными городами Северного Причерноморья // *БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. СПб., 2001. Ч. 2.
- Басовская Н.И., Долгоруков В.С., Кузнецов В.Д., Шавырина Т.Г., Яйленко В.П. Исследования в Фанагории // *АО за 1977 г.* М., 1978.
- Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии*. Нальчик, 1985. Вып. 2.
- Башкиров А.С. Новости археологических исследований за лето 1926 г. на Таманском полуострове // *Бюллетени Керченской Археологической конф.* Керчь, 1926.
- Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // *Тр. этнографо-археологического музея I Московского гос. ун-та*. 1927. № 3.
- Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // *Тр. секции археологии РАНИОН*. 1928. Вып. III.
- Башкиров А.С. Отчет об археологических исследованиях на Таманском полуострове в 1949 г. // *Архив ИА РАН*. Р-1. № 374.
- Башкиров А.С. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг. (на территории древнего города Патрея) // *Учен. зап. Ярославского гос. пед. ин-та*. Ярославль, 1957. Вып. XXII (XXXII).
- Башкиров А.С. Тамань: (исторический очерк) // *Новый Восток*. 1958. № 8.
- Башкиров А.С. Из истории Патрея III—I вв. до н.э. (по материалам Таманской археологической экспедиции 1949—1951 гг.) // *ЗООА*. 1967. Т. 2 (35).
- Башкиров А.С., Мурыгина Н.Ф., Никонов И.Е. Отчет о раскопках древнего города Патрея (1961—1962 гг.) // *Проблемы экономического и политического развития стран Европы*. М., 1964. (Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина; № 217).
- Беглова Е.А. Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // *Меоты — предки адыгов*. Майкоп, 1989.
- Беглова Е.А. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // *Материальная культура Востока*. М., 2002. Вып. 3.
- Беглова Е.А. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. М., 2004.
- Беглова Е.А. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника // *Материальная культура Востока*. 2005. Вып. 4.
- Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А. Протомеотские древности в Закубанье // *МИАР*. М., 1997. № 1.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Древнейшая фортификация меотской культуры // *VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы»*: Тез. докл. Ростов-на-Дону, 1998.
- Безуглов С.И. К реконструкции состава донских кладов боспорского золота // *ДА*. № 2. 2000.
- Белинский И.В. Сосуд с картой из курганной группы Займо-Обрыв-I // *ИАИАИАНД в 1988 г.* Азов, 1989.
- Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы // *ВДИ*. 1967. № 1.
- Белова Н.С. К находке надписи IPE, II, 8 // *СА*. 1968. № 3.
- Белова Н.С. Посвятительная надпись из Кеп // *ВДИ*. 1970. № 2.
- Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // *ВДИ*. 1984. № 2.
- Берзин Э.О. Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н.э. // *ВДИ*. 1958. № 1.
- Берзин Э.О. Из истории производства клеймной черепицы на Боспоре // *СА*. 1959. № 4.
- Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // *СА*. 1961. № 1.
- Берзина С.Я. Производство гипсовых изделий на Боспоре // *АИБ*. 1962. Т. II.
- Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблемы интерпретации // *Древности Кубани*. 1998. Вып. 7.
- Бертъе-Делагард А.Л. Поправки общего каталога П.О. Бурачкова. М., 1907.
- Бертъе-Делагард А.Л. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до Р.Х. // *НС*. М., 1911. Вып. I.
- Бертъе-Делагард А.Л. Материалы для весовых исследований монетных сис-

- тем древнереческих городов и царей Сарматии и Тавриды // ИС. М., 1913. Вып. II.
- Бертье-Делазард А.А.* О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ИС. М., 1913. Вып. II.
- Берхин И.П.* О месте производства фаларов «Федуловского клада» // СГЭ. 1962. Вып. 22.
- Беспалый Е.И.* Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1.
- Беспалый Е.И., Парусимов И.Н.* Комплексы переходного и раннескифского времени на Нижнем Дону // СА. 1991. № 3.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Бессонова С.С.* Скифские погребальные комплексы, как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
- Блаватская Т.В.* Надпись Агафа из Фанагории // ВДИ. 1946. № 4.
- Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959.
- Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2.
- Блаватская Т.В.* Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2.
- Блаватский В.Д.* Греческая скульптура. М.; Л., 1939.
- Блаватский В.Д.* Раскопки Фанагории в 1936–1937 гг. // МИА. 1940. № 3–4.
- Блаватский В.Д.* Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4.
- Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Тр. ГИМ. 1941. № 16.
- Блаватский В.Д.* Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. № 1.
- Блаватский В.Д.* Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н.э. // ВДИ. 1946. № 1.
- Блаватский В.Д.* Античная архитектура Северного Причерноморья // ВИА. М., 1948. Т. II, ч. 2.
- Блаватский В.Д.* О посадке боспорской конницы // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX.
- Блаватский В.Д.* Античная культура в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV.
- Блаватский В.Д.* О строительном деле Фанагории // ДИСИФ МГУ. 1950. № 9.
- Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19.
- Блаватский В.Д.* Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
- Блаватский В.Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Блаватский В.Д.* История античной расписной керамики. М., 1953.
- Блаватский В.Д.* Арханчешский Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. II. М., 1954. (МИА; № 33).
- Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
- Блаватский В.Д.* О происхождении Боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями // СА. 1955. № XXIV.
- Блаватский В.Д.* Третий год работ в Синдике // КСИИМК. 1955. Вып. 58.
- Блаватский В.Д.* Фанагорийская стенная роспись // Фанагория. М., 1956. (МИА; № 57).
- Блаватский В.Д.* Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70.
- Блаватский В.Д.* Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.
- Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 1962. № 103.
- Блаватский В.Д.* О рабах-меотах // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Блаватский В.Д.* Сцена инвеституры на карагодеуашском ритоне // СА. 1974. № 1.
- Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985.
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т.* Полис и миграции греков // ПГКСВП. Тбилиси, 1979.
- Блаватский В.Д., Кузищин В.И.* Подводные разведки древней Фанагории // Вестн. АН СССР. 1959. № 1.
- Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
- Болдырев С.И.* О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 1999. Вып. 2.
- Болдырев С.И., Завойкин А.А.* Реформа Левкона I // ТД VIII ВНК. 2000.
- Болдырев С.И., Завойкин А.А., Суларев Н.И.* Монеты с Берегового 4: проблемы хронологии и интерпретации // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников: Мат-лы конф. СПб., 2004. Ч. 2.
- Болтунова А.И.* Описание Иберии в «Географии» Страбона // ВДИ. 1947. № 4.
- Болтунова А.И.* К надписи IOSPE II. 400 // ВДИ. 1954. № 1.
- Болтунова А.И.* Подпись под статуей из Горгиппии // СА. 1958. № 38.
- Болтунова А.И.* К истории Танаиса (по данным эпиграфики) // Klio: Beiträge zur alten Geschichte. Berlin; Wiesbaden, 1964. Bd. 42.
- Болтунова А.И.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3.
- Болтунова А.И.* Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // Eirene. 1968. № 7.
- Болтунова А.И.* Раскопки Порфмня // АО 1968 г. М., 1969.
- Болтунова А.И.* Надписи Горгиппии: (Из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1.
- Болтунова А.И.* Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1.
- Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д.* Археологические исследования последних лет в Фанагории // Тр. Отд-ния историко-филологических наук. 2006. М., 2007.
- Борисова В.С., Молев Е.А.* Монеты с легендой АПОЛ и политическая история Боспора // Мшца: Сб. статей памяти В.Д. Жигунина. Казань, 2002.
- Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?) / Под ред. Е.А. Савостиной М.; СПб., 2001.
- Боузек Я.Г.* Эмпории во Фракии, их значение в системе этнокультурных отношений и их параллели в других странах периферии греческого мира // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-на-Дону, 2006.
- Бочкарев В.С.* Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Кавказа // Между Азией и Евро-

- пой: Кавказ в IV—III тыс. до н.э.: Мат-лы конф., посвященной 100-летию А.А. Иессена. СПб., 1996.
- Бочкарев В.С., Бестужев Г.Н., Бианки А.М., Трифонов В.А. Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
- Брабич В.М. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // КСИИМК. 1956. Вып. 66.
- Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н.э. М., 1963.
- Брашинский И.Б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. 1963. Вып. 65.
- Брашинский И.Б. Экономические связи Синопы IV—II вв. до н.э. // Античный город. М., 1963.
- Брашинский И.Б. О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов // ВДИ. 1965. № 1.
- Брашинский И.Б. Понтийское пиратство // ВДИ. № 3. 1973.
- Брашинский И.Б. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. М., 1973. Вып. 133.
- Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.
- Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 1984.
- Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. Новые проблемы греческой колонизации // ПГКСВП. Тбилиси, 1979.
- Брюляк И.В. Ранние кочевники в Европе: X—V вв. до н.э. Кишинев, 2005.
- Бугров Д.Г., Бугрова Н.А. Античная коллекция // Наследие веков: Из собрания Государственного музея Республики Татарстан. Казань, 2000.
- Бугров Д.Г., Бугрова Н.А. Коллекция античной расписной и чернолаковой керамики в собрании Государственного объединенного музея Республики Татарстан // ВДИ. 2001. № 2.
- Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1980.
- Бузескул В.П. Изучение древностей северного побережья Черного моря с точки зрения греческой и мировой истории. Киев, 1927.
- Буйских А.В. Новая капитель из Пантикапея: (к проблеме развития архитектуры ионического ордера на Боспоре) // ВДИ. 2007. Вып. XVI.
- Бурачков П.О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884.
- Бутиягин А.М. Хронология Семибратних курганов и история Синдикки // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: Тр. тематической науч. конф. СПб., 1996.
- Бутиягин А.М. Земляночное строительство на архаическом Боспоре: (генезис и развитие) // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 1.
- Бутиягин А.М. Колонизация Боспора Киммерийского // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья: Мат-лы науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича. СПб., 2005.
- Вальдгауэр О.Ф. Античные глиняные светильники. СПб., 1914.
- Вальдгауэр О.Ф. Афродита Ураима и Афродита Пандемос // ИРАИМК. 1922. Вып. 2.
- Вальчак С.Б. К вопросу о датировке комплекса из Черногородского кургана // РА. 1994. № 2.
- Вальчак С.Б. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплексы с трехплетельчатыми псалмиями: (классификация и хронология) // Древности Евразии, М., 1997.
- Вальчак С.Б. Работы Кубанского отряда в Республике Адыгея // АО за 2005 г. М., 2006.
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черногородовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1996. Вып. 2.
- Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья: Studia Pontocausica. Краснодар, 1993. Т. 1.
- Васильев А.Н. Боспорские надписи как исторический источник: (О понятии «Боспор» на Боспоре в IV в. до н.э.) // ВДИ. Л., 1985. Т. XVII.
- Васильев А.Н. Проблемы политической истории Боспора V—IV вв. до н.э. в отечественной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Васильев А.Н. К вопросу о сопоставительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986.
- Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Васильев А.Н. Одрисский династ во главе Боспора? // БФ: греческая культура на периферии античного мира: Мат-лы междунар. науч. конф. 1999.
- Васильев В.М. Греческая фортификация Северного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Вахтина М.Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
- Вахтина М.Ю. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор: Мат-лы конф. памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.
- Вахтина М.Ю. О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуаш // БФ: греческая культура на периферии античного мира: Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 1999.
- Вахтина М.Ю. Греческая столовая керамика VI в. до н.э. из раскопок Немировского городища в Побужье // ΣΥΣΣΤΙΤΑ: Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000.
- Вахтина М.Ю. О североионийских элементах в изобразительной системе электоровой обкладки келермесского зеркала // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2001. Ч. 2.
- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. науч. конф. СПб., 2001. Ч. 1.

- Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4.
- Вдовиченко И.И. Расписная керамика Семибратнего городища // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII—I вв. до н.э. СПб., 2006.
- Верлинский А.А. К боспорской просопографии: стоик Сфер // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Веселов В.В. Древние городища в районе Сипягино: (К вопросу о местонахождении Парфения и Порфмия) // АИБ. Симферополь, 1952. Т. I.
- Веселовский Н.И. Случайная находка близ Новороссийска // ИАК. 1904. Вып. 11.
- Вильямс Д., Огден Д. Греческое золото. СПб., 1995.
- Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
- Виноградов В.Б. Локализация Ахардея и сиракского союза племен // СА. 1966. № 4.
- Виноградов В.Б., Дударев С.А. К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н.э.: из Предкавказья // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 23.
- Виноградов Ю.А. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI—III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.
- Виноградов Ю.А. О полисах на Боспоре // Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: Экономика, политика, культура: Мат-лы конф. Севастополь, 1992.
- Виноградов Ю.А. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. Вып. 9.
- Виноградов Ю.А. О ритонах из кургана Карагодеуашх // ПАВ. 1993. Вып. 6.
- Виноградов Ю.А. Некоторые вопросы интерпретации погребений варварской знати в районе Боспора Киммерийского // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994.
- Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // РА. 1995. № 3.
- Виноградов Ю.А. О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья: Мат-лы конф. Севастополь, 1995.
- Виноградов Ю.А. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // ТС. 1998. Вып. 1.
- Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum+. 1999. Вып. 3.
- Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати эллинистической эпохи в районе Боспора Киммерийского // БФ: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Виноградов Ю.А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΤΙΓΙΑ: Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000.
- Виноградов Ю.А. Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // ТС. 2000. 3: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н.э.): Тез. докл. междунар. конф. Тамань, Россия, 9—16 октября 2000 г. / научн. ред. С.А. Соловьев, Г.Р. Цецхладзе. СПб., 2000.
- Виноградов Ю.А. Две Скифии и скифы царские // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. II.
- Виноградов Ю.А. О двух победах Нептолема на Боспоре Киммерийском // ANAXAPΣIΣ. Севастополь, 2001.
- Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002.
- Виноградов Ю.А. О датировке центрального погребения в кургане Малая Близница // БФ. 2002.
- Виноградов Ю.А. Особенности и историческое значение объединения Археанактидов на Боспоре Киммерийском // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире: Сб. научных статей. СПб., 2002.
- Виноградов Ю.А. Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3.
- Виноградов Ю.А. «Там закололся Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI—I вв. до н.э.). М., 2004.
- Виноградов Ю.А. Хронология кургана Малая Близница // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников / ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2004. Ч. 1.
- Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Виноградов Ю.А. Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // БФ: Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Виноградов Ю.А. Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н.э. // Из истории античного общества. 2007. Вып. 9—10.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху: Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3.
- Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1: Становление и развитие полиса.
- Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. № 1. 1987.
- Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. 1991. № 4.
- Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Виноградов Ю.Г. Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.
- Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. № 1.
- Виноградов Ю.Г. Визит эвбейца в Фанагорию // ВДИ. 2001. № 1.
- Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп: (Процесс ин-

- теграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII.55) и вотивной эпиграмме из Лабри-са) // ВДИ. 2002. № 3.
- Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Оливия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.
- Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма: Мат-лы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985.
- Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М., 1999.
- Винокуров Н.И. Акклиматизация винограда и начальный этап развития виноградарства в Северном Причерноморье // БИ. Симферополь, 2001. Вып. I.
- Винокуров Н.И. Античный социум: культ вина и винограда // БИ. Симферополь, 2002. Вып. II.
- Власова Е.В. Скифский рог // Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Власова Е.В. Семибратние курганы // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. II.
- Власова Е.В. Семибратние курганы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2001.
- Власова Е.В. Сосуды в форме рога из Семибратних курганов // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001.
- Власова Е.В. О рогах для питья из Уляпского кургана № 4 // ТС. 2002. Вып. 4.
- Власова Е.В. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2002. Вып. 4.
- Власова Е.В. Семибратние курганы: Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005.
- Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока: 1918–1950: Люди, вещи, дела. М., 2003.
- Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока: 1951–1970: Люди, вещи, дела. М., 2006.
- Воронов А.А., Паромов Я.М. Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Архитектурное наследие. 1990. № 37.
- Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // ПИФК. 2001. Вып. X.
- Габелко О.А., Завойкин А.А. Еще раз о вифино-понтийско-боспорской эре // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. I.
- Габелко О.А., Завойкина Н.В., Шавырина Т.Г. «Стела Омпсалака» и фиасы Фанагории в первые века н.э. // АМА. Саратов, 2006. Вып. 12.
- Габуев Т.А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999.
- Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его окружи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003. (Археология).
- Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи: По раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг. // ИГАИМК. М.; Л., 1934. Вып. 80.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. М.; Л., 1955.
- Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре // Боспорские города. М.; Л., 1958. Т. II: Работы Боспорской экспедиции 1948–1953 гг. / под ред. В.Ф. Гайдукевича и Т.Н. Книпович. (МИА; № 85).
- Гайдукевич В.Ф. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях // СА. 1958. Т. XXVIII.
- Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
- Гайдукевич В.Ф. Боспор и Аркадия // ЗОАО. 1960. Т. I.
- Гайдукевич В.Ф. Боспор и Танаис в до-римский период // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.; Л., 1963.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорские города: Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л., 1981.
- Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. № XV.
- Галанина Л.К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962.
- Галанина Л.К. О датировке и происхождении золотой гривны из Курджипского кургана в Прикубанье // СГЭ. Л., 1973. Вып. 36.
- Галанина Л.К. Курджипский курган: Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н.э. Л., 1980.
- Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 24.
- Галанина Л.К. К вопросу о взаимоотношениях скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского могильника) // СА. 1985. № 3.
- Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с местами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3.
- Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа: (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л., 1985.
- Галанина Л.К. Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Л., 1991. Вып. 31.
- Галанина Л.К. К вопросу о кубанском очаге меотской культуры // ВДИ. 1997. № 3.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I.
- Галанина Л.К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. СПб., 2003. Вып. 36.
- Галанина Л.К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. СПб., 2005.
- Галанина Л.К., Алексеев А.Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Л., 1990. Вып. 30.
- Галанина Л.К., Лесков А.М. Ульские курганы как исторический источник // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тез. докл. СПб., 1996.
- Гарбузов Г.П. Структура древнего землеустройства Таманского полуострова // РА. 2003. № 3.
- Гарбузов Г.П. Признаки древнего землеустройства в районе Центральной

- гряды Таманского полуострова // ДБ. 2005. Т. 8.
- Гарбузов Г.П. Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова // ДБ. 2006. Т. 9.
- Гарбузов Г.П., Лисецкий Ф.Н., Голуцов П.В. Древняя система землеустройства у пос. Гаркуша (Таманский полуостров) // ДБ. 2004. Т. 7.
- Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000.
- Гей А.Н. Исследования древних памятников Западного Кавказа: (о работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.) // КСИА. М., 2005. Вып. 219.
- Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова // Герц К.К. Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 1.
- Герц К.К. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г.: Преимущественно по неизданным источникам // Герц К.К. Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 2.
- Гладкий И. Хищнические раскопки близ станции Таманской. Екатеринодар, 1916.
- Голенко В.К. Еще раз о типологии раннего серебра Боспора // У Понта Эвксинского: Памяти П.Н. Шульца. Симферополь, 2004.
- Голенко К.В. Монеты из случайных находок в Патрее (1947–1950) // ВДИ. 1952. № 3.
- Голенко К.В. Клад (второй) монет, найденный в 1951 г. в Патрее // СА. 1957. № 2.
- Голенко К.В. Второй Патрэйский клад (1951 г.) // НЭ. 1960. Т. 1.
- Голенко К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. 1960. Т. II.
- Голенко К.В. Монеты из случайных находок в Патрее в 1951 г. // НЭ. 1963. Т. IV.
- Голенко К.В. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времен Митридата VI в боспорских находках // Православный Палестинский сборник. 1964. № 11 (74).
- Голенко К.В. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. // ВДИ. 1965. № 4.
- Голенко К.В. Монеты из находок в Патрее // НС. 1968. Вып. 3.
- Голенко К.В. Заметки о медных боспорских монетах III в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 3.
- Голенко К.В. Таманский клад монет 1970 г. // Кlio. 1972. Bd. 54.
- Голенко К.В. Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове // История и культура античного мира. М., 1977.
- Голенко К.В. Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской чеканке III в. н.э. // НЭ. 1978. Т. XII.
- Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. Т. VII.
- Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.
- Горбунова К.С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Горлов Ю.В. К истории изучения Фанагории IV в. до н.э. // ПАК. М., 1986.
- Горлов Ю.В. Палеогеография азиатского Боспора // 20 лет музею М.Ю. Лермонтова в Тамани: Сборник. Тамань, 1996. Раздел II: Тамань археологическая.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Опыт предварительной дешифровки аэрофотоснимков Семибратнего городища // ПИФК. 1999. Вып. 8.
- Горлов Ю.В., Поротов А.В., Требелева Г.В. Юго-западное побережье Таманского полуострова в античную эпоху // ДБ. 2006. Вып. 9.
- Городцов В.А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года // СА. 1936. № 1.
- Горончаровский В.А. Новые данные для изучения боспорской хоры VI–II вв. до н.э. // Древнее Причерноморье: Тез. докл. конф. Одесса, 1991.
- Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия первых веков н.э. // ANAXAPΣIΣ. Севастополь, 2001.
- Горончаровский В.А. Новые данные о Семибратнем городище на Кубани // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
- Горончаровский В.А. Между империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003.
- Горончаровский В.А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. // ВДИ. 2003. № 3.
- Горончаровский В.А. Проблемы хронологии Семибратнего городища // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб. 2004. Ч. 2.
- Горончаровский В.А. Исследование Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2004 гг. // The Black Sea Area in the System of the Hellenistic World: The 11th International symposium on the ancient history and archaeology of the Black Sea area. Vani. 26–29 September 2005. Tbilisi, 2005.
- Горончаровский В.А. Семибратнее городище (Лабрит): итоги и перспективы исследования // Stratum +. 2003–2004. № 3 (2005).
- Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. СПб., 2006.
- Горончаровский В.А. Исследование южной части Семибратнего городища (Лабриса) в 2001–2005 гг. // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского (1928–2004). СПб., 2007.
- Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.
- Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
- Грантовский Э.А. Индоиранские касты у скифов: XXV Междунар. конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов: «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: (история и культура). М., 1981.
- Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // ВДИ. 1994. № 4.
- Грантовский Э.А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез наро-

- дов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984.
- Грацианская Л.И. Место политической истории Боспора в «Географии» Страбона // ДГ СССР. 1975 г. М., 1976.
- Грацианская Л.И. «География» Страбона: Проблемы источниковедения // ДГ СССР. 1986 год. М., 1988.
- Грач Н.А. Бронзовое зеркало из Таманского погребения: (раскопки 1868 г.) // ТГЭ. 1962. Вып. VII.
- Грач Н.А. О Горгиипе и некоторых династических особенностях правления Спартокидов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Грач Н.А. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. (САИ; Вып. П1-11).
- Грач Н.А. Древнейшее винодельческое сооружение на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979.
- Григорьев Д.В. Военно-политическая история и военное дело Боспора в VI—II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Григорьев Д.В. К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э. // ПИФК. 1998. Вып. 5.
- Григорьев Д.В. О некоторых вопросах военного дела Боспора // БФ: Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Григорьев Д.В. Об отдельных проблемах в изучении денежного кризиса на Боспоре в III в. до н.э. // ДБ. М., 2006. Вып. 10.
- Гриневиц К.Э. Городища Тамани: Опыт методологии исторической науки. Севастополь, 1926.
- Гуляев В.И. Резная кость из курганов скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.
- Гущина И.И. Находки скифского времени из Прикубанья // СА. 1970. № 1.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — II в.н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы / ред. М.П. Абрамова. М., 1989. (Тр. ГИМ; Вып. 70).
- Гущина И.И., Засецкая И.П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Даньшин Д.И. Население Фанагории в I в. до н.э. — IV в. н.э. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1.
- Денисова В.И. Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л., 1981.
- Десятчиков Ю.М. Появление катафрактариев на Боспоре // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. МГУ, 1968.
- Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4.
- Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
- Десятчиков Ю.М. Арифари, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977.
- Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С. Патрей // АГСП. М., 1984.
- Диамант Э.И. Новые данные о Пуленцовском кладе золотых монет // НС. 1971. Вып. 4.
- Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001.
- Диатроптов П.Д. Два неопубликованных рельефа с изображением «загробной трапезы» из собрания ГИМ // БИ. Симферополь; Керчь. 2004. Вып. VII.
- Дитлер П.А. Могилиник в районе поселка Колосовка на реке Фарс // СМАА. Майкоп, 1961. Вып. 2.
- Дитлер П.А. Комплекс материалов из кургана у аула Кунчукохабль // СМАА. Майкоп, 1972. Вып. 3.
- Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 10757, а, б.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Долгоруков В.С. Фанагорийская винодельня I—II вв. до н.э. // КСИА. 1976. Вып. 145.
- Долгоруков В.С. Курганы Боспора // АГСП. М., 1984.
- Долгоруков В.С. Семибратнее городище // АГСП. М., 1984.
- Долгоруков В.С. Фанагория // АГСП. М., 1984.
- Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197.
- Долгоруков В.С., Колесников А.Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1.
- Долгоруков В.С., Сокольский Н.И., Сорокина Н.П., Стручалина Р.А. Работы Таманской экспедиции // АО 1970 г. М., 1971.
- Доманский Я.В. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья // АСГЭ. Л., 1970. Вып. 12.
- Домжальски К., Журавлев Д.В. Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Мат-лы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
- Дубовская О.Р. О некоторых критериях отбора раннескифских погребений циркуммеотийского региона // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989.
- Дубовская О.Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990. № 4.
- Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноголовской культуры // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.
- Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6.
- Дубовская О.Р., Подобед В.А. Об одном типе украшений черноголовского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей: (энеолит-бронзовый век): Мат-лы междунар. конф. Донецк, 1996. Ч. II.
- Дударев С.А. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
- Дударев С.А. Взаимодействие племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы. Армавир, 1999.

- Думберг К.Е. Раскопки гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 году // ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.
- Думберг К. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. 1901. Вып. 1.
- Думберг К.Е. Раскопки в г. Керчи и на Таманском полуострове // ИАК. СПб., 1902. Вып. 2.
- Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних укреплений, некогда существовавших на берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук, включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. IV.
- Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / ред. Г.И. Зайцева, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеев, К.В. Чугунов, Е.М. Скотт. СПб., 2005.
- Ельницкий Л.А. О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья // ВДИ. 1964. № 1.
- Емец И.А. Греко-варварские религиозные взаимовлияния на Боспоре Киммерийском. М., 2002.
- Емец И.А., Петерс Б.Г. Эпиграфические материалы из Патрея // Древности. М., 1992. Вып. 3.
- Ждановский А.М. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э. — III в. н.э.: (По материалам курганных погребений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен: (По материалам курганных погребений среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990.
- Ждановский А.М. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.
- Ждановский А.М., Марченко И.И. К вопросу о периодизации раннего железного века Прикубанья // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989.
- Ждановский А.М., Марченко И.И. К древней истории крестьянства Северо-Западного Кавказа // Из истории Северо-Западного Кавказа: Сб. статей. Ейск, 1990.
- Ждановский А.М., Марченко И.И. Проблемы периодизации и хронологии раннего железного века Прикубанья // Археология и этнография Северного Кавказа: Сб. научных трудов. Краснодар, 1998.
- Ждановский А.М., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Погребальный обряд сарматов Закубанья: (По раскопкам 1984 г. и дореволюционным материалам) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Жебелев С.А. Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.
- Жебелев С.А. Фиас навклеров в Горгипии // ИГАИМК. 1934. Вып. 104. (Переиздано: Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953).
- Журавлев Д.В. Позднеэллинистический пергамский скифос с аппликативными рельефами из дома Хрисалиска // ВДИ. 1995. № 3.
- Журавлев Д.В. Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // ДБ. М., 2001. Вып. 4.
- Журавлев Д.В. Коллекция из Керчи в собрании Государственного Исторического музея // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: Сб. научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002.
- Журавлев Д.В. Терракотовая «погремушка» из могильника Бельбек IV // БИ. Симферополь; Керчь. 2004. Вып. VII.
- Журавлев Д.В. Боспор в средние века // Сокровища ойкумены: Великое переселение. М., 2005.
- Журавлев Д.В. О керамическом производстве Боспора в позднеэллинистическое время // Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. 2005. № 1.
- Журавлев Д.В. Об одном виде осветительных приборов: лампы в Северном Причерноморье? // БИ. Симферополь; Керчь. 2006. Вып. XIII.
- Журавлев Д.В. Отчет о работах Боспорской археологической экспедиции ГИМ в районе станиц Ахтанисовской, Голубицкой и Старотитаровской Темрюкского района Краснодарского края в 2006 г. // Архив ИА РАН.
- Журавлев Д.В., Завойкин А.А. Светильники из святилища элевсинских богинь «Берегового 4» // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников: Мат-лы конф. СПб., 2004. Ч. 1.
- Журавлев Д.В., Завойкин А.А. Свет и светильники в элевсинских таинствах (по материалам святилища «Береговой 4») // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Святилища и сакральные объекты: VIII Боспорские чтения. Керчь, 2007.
- Журавлев Д.В., Завойкин А.А. Светильники из святилища Береговой 4 // ДБ. М., 2007. Вып. 11.
- Журавлев Д.В., Ильина Т.А., Ломтадзе Г.А., Сударев Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. (Тр. ГИМ; Вып. 159).
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Терракотовый рельеф V в. до н.э. с изображением «несения Диониса» с Таманского полуострова: (предварительная информация) // БФ. СПб., 2007.
- Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю. Инвентарь богатого горгиппийского (?) склепа II в. н.э. в собрании Государственного Исторического музея // ДБ. 2005. Вып. 8.
- Завойкин А.А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории // РА. 1992. № 3.
- Завойкин А.А. Периодизация торговых связей по керамической таре и вопросы истории Фанагории: вторая половина VI—V вв. до н.э. // ОАИБ. М., 1992.
- Завойкин А.А. Керамическая тара из Фанагории VI—III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- Завойкин А.А. «Βόσπορος Κιζιέρως» — «Βόσπορος» — Diod. XII. 31.1: (опыт источниковедческого анализа) // ПИФК. 1994. Вып. 1.
- Завойкин А.А. О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 1995. Вып. 6.
- Завойкин А.А. Киммериды — полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 1997. Вып. 4, ч. 1.
- Завойкин А.А. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагория // ДБ. 1998. Вып. 1.

- Завойкин А.А. Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3.
- Завойкин А.А. Периодизация истории Киммериды // ДБ. 1999. Т. 2.
- Завойкин А.А. Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // ДГВЕ. 1996–1997 гг. М., 1999.
- Завойкин А.А. Проблема локализации Киммериды // ДГВЕ. 1996–1997 гг. М., 1999.
- Завойкин А.А. Спарток и Перисад, дети Левкона: Некоторые проблемы боспорской хронологии // ПИФК. 1999. Вып. VIII.
- Завойкин А.А. Афины – Боспор – Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Международные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000.
- Завойкин А.А. Боспор: Пантикапей и территориальное государство // ТС. 2000. Вып. 3: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тез. докл. междунар. конф. Тамань, Россия, 9–16 октября 2000 г. / Научн. ред. С.Л. Соловьев, Г.Р. Цецхладзе. СПб., 2000.
- Завойкин А.А. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo XII. 2, 7) // ДБ. 2000. Т. 3.
- Завойкин А.А. Сатир, сын Перисада, и его сын Перисад: (Заметки по династической истории Спартокидов) // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики: Тез. докл. конф. М., 2000.
- Завойкин А.А. Боспор: территориальное государство и полис // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. I.
- Завойкин А.А. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Вып. 4.
- Завойкин А.А. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. Вып. 5.
- Завойкин А.А. ΤΩ ΩΘ: образы и символы Матери и Дочери в святилище элевсинских богинь на «Береговом 4» // БФ: погребальные памятники и святилища: Мат-лы междунар. конф. СПб., 2002. Ч. 1.
- Завойкин А.А. Керамические вотивы на святилище «Береговой 4» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Мат-лы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- Завойкин А.А. ΘΘε: двойственность и троищность на святилище элевсинских богинь («Береговой 4») // ДБ. 2003. Вып. 3.
- Завойкин А.А. «Время Клеофона фассосского» на Боспоре // Мат-лы V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
- Завойкин А.А. «Две Синдики» // ДБ. 2004. Вып. 7.
- Завойкин А.А. Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III в. до н.э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
- Завойкин А.А. О времени присоединения к Боспору Синдской Гавани // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. I.
- Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города») // ДБ. М., 2004. Suppl. I.
- Завойкин А.А. Две любопытные особенности культа «богини, сидящей на троне» // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В.С. Ольховского. М., 2005.
- Завойкин А.А. Кризис «первой половины» V в. до н.э. на Боспоре: (состояние проблемы двадцать лет спустя) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь, 2005.
- Завойкин А.А. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // БИ. Керчь; Симферополь, 2005. Вып. VIII.
- Завойкин А.А. Аристотель, Кл. Элиан и Спартокиды (Левкониды) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: Мат-лы научн. конф., Казань, 5–7 октября 2006 г. М., 2006.
- Завойкин А.А. Два сюжета в комплексе терракот из святилища элевсинских богинь (Береговой 4) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. (Тр. ГИМ; Вып. 159).
- Завойкин А.А. Кризис «первой половины» V в. до н.э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. № 4.
- Завойкин А.А. Об институте династических имен Спартокидов // ДБ. 2006. Т. 10.
- Завойкин А.А. Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография // ВДИ. № 3. 2006.
- Завойкин А.А., Болдырев С.И. Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // БС. 1994. Вып. 4.
- Завойкин А.А., Масленников А.А. Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI–V вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Οἶκος. Керчь, 2006.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999–2000 гг.: (Предварительная информация) // Патрей: Материалы и исследования. М., 2004. Вып. 2.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I–II // ДБ. 2006. Вып. 9, 10.
- Завойкина Н.В. Надписи из района Патрейского городища // Патрей: Материалы и исследования. 2005. Вып. 2.
- Завойкина Н.В. Частные сообщества городов Боспорского царства в I – первой половине III в. н.э. (по материалам эпиграфики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Завьялов С.Л. Клад пантикапейских медных монет III–II в. до н.э. из Анапского района Краснодарского края // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11–15 апреля 2005 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 2005.
- Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985.
- Зайцев Ю.П. Аргот – супруг царицы Комосарии: (к реконструкции династийной истории Боспора и крымской Скифии) // ТС: Греки и варвары на Киммерийском Боспоре в VII–I вв. до н.э. СПб., 2000.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Варварские погребения II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к V междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических ре-

- конструкций // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 2.
- Засецкая И.П. Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 1966. Вып. 7.
- Засецкая И.П. О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля // ВДИ. 2006. № 2.
- Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. 1995. Вып. 32.
- Захаров В.А. Клад пантикапейских монет из совхоза «Правобережный»: (предварительная публикация) // ВДИ. 1979. № 3.
- Захаров Е.В. Клады времени Митридата VI Эвпатора, найденные на поселении Гаркуша I // Патрей: Материалы и исследования. 2005. Вып. 2.
- Захаров Е.В. Монеты I в. до н.э. с поселения Гаркуша I (Патрей) // ДБ. 2006. Вып. 10.
- Захаров Н.А. Краснодарское городище: (Общий обзор обследования и работ на нем) // Материалы по археологии юго-востока России. Ростов-на-Дону, 1928.
- Захаров Н.А. Древнее название реки Кубани // Изв. Гос. русского географического общества. Л., 1930. Т. 62, вып. 1.
- Захаров Н.А. Вопрос о монетах «неизвестного» народа // ВДИ. 1937. № 1.
- Зеест И.Б. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией // МИА. 1951. № 19.
- Зеест И.Б. Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 1954. Вып. 51.
- Зеест И.Б. Раскопки Гермонассы // КСИИМК. 1955. Вып. 58.
- Зеест И.Б. Раскопки Гермонассы // КСИИМК. 1959. Вып. 74.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
- Зеест И.Б. Архаические слои Гермонассы // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Зеест И.Б. Рельеф из Гермонассы с изображением Геракла // КАМ. М., 1966.
- Зеест И.Б. Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 4.
- Зеест И.Б. К вопросу о городской планировке Гермонассы // История и культура античного мира. М., 1977.
- Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках // Бюллетень Керченской конференции археологов СССР. 1926. Вып. 3.
- Зограф А.Н. Античные золотые монеты Кавказа: Археологические работы на новостройках 1932–1933 гг. // ИГАИМК. 1935. Вып. 110.
- Зограф А.Н. Монеты из раскопок Боспорской экспедиции 1932–1934 гг. // МИА. 1941. № 4.
- Зограф А.Н. Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ. Л., 1945. Т. I.
- Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского и Лизимаха из керченских находок // ТОАМГЭ. 1945. Т. I.
- Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. М.; Л., 1951. Вып. 16.
- Зограф А.Н. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // АГСП. М.; Л., 1955.
- Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб., 2001.
- Зубарев В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным письменной традиции // ДБ. 1999. Вып. 2.
- Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Зубарь В.М. Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // БФ: греческая культура на периферии античного мира: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 1999.
- Зубарь В.М. Некоторые аспекты истории Северо-Западной Таврики в конце VI – на рубеже IV–III вв. до н.э. // ПИФК. 2003. Вып. XIII.
- Зубарь В.М. Из истории северо-западной Таврики рубежа IV–III – середины II в. до н.э. // ПИФК. 2004. Вып. XIV.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху: Очерки социально-экономической истории // БИ. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. XII.
- Иванова А.П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.
- Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора: Очерки. Киев, 1961.
- Иванчик А.И. О происхождении «киммерийской» топонимии Боспора // V Международный конгресс по фракологии: (Античная балканистика 6): Тез. докл. М., 1988.
- Иванчик А.И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996.
- Иванчик А.И. Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4.
- Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001.
- Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история / Pontus Septentrionalis. Москва; Берлин, 2005. Т. III.
- Иванчик А.И. Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Кн. 1.
- Иванчик А.И. Скифский фольклор и античная литература: (К источникам Herod. I, 103–104; IV 11–12) // Studia iranica et alonica: Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovic Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. Rome, 1998.
- Иванчик А.И., Петерс Б.Г. Греческая надпись из раскопок Патрея в 1986 г. // ВДИ. 1988. № 2.
- Иссен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
- Иссен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. М., 1951. № 23.
- Иссен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. № XVIII.
- Иссен А.А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М., 1954.
- Ильина Ю.И. Ранняя восточно-греческая керамика на Боспоре // ТС. СПб., 2000. Вып. 3.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Илюков А.С., Лукьяшко С.И. Новые памятники скифского времени

- на Нижнем Дону // *Донские Древности*. Азов, 1994. Вып. 2.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Казаманова Л.Н.* Монеты из раскопок Гермонассы в 1955–1956 гг. // *НЭ*. 1960. Т. II.
- Казаманова Л.Н., Кропоткин В.В.* «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса // *ВДИ*. 1961. № 1.
- Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
- Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.
- Каменеуцкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 1989. (Археология СССР).
- Каменеуцкий И.С.* Греки и меоты // *БФ: Греческая культура на периферии Античного мира*. СПб., 1999.
- Каменеуцкий И.С.* Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар, 2000.
- Каменеуцкий И.С.* О скифах на Кубани // *Третья Кубанская археологическая конференция*. Краснодар; Анапа, 2001.
- Каменный век и энеолит Прикубанья*. М., 1965.
- Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Уникальные навершия из святилища у станицы Тенгинской // *КСИА*. 2005. Вып. 219.
- Канторович А.Р., Эрлих В.Р.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи VIII–III века до н.э. М., 2006.
- Капошина С.И.* Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века нашей эры // *Античное общество: Тр. конф. по изучению проблем античности* / ред. Т.В. Блаватская и др. М., 1967.
- Карейша Д.В.* Разрытия курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // *ЗООИД*. Одесса, 1844. Т. 1.
- Карейша Д.В.* Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсониса (1845–1846): Извлечения из отчета Д.В. Карейши // *Журнал Мин-ва внутр. дел*. 1846. Т. 16, № 11.
- Карелин А.А., Молчанов А.А.* Клад надчеканенных оболов Асандра: (К истории денежного обращения на Боспоре в I в. до н.э.) // *Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция*. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.: Тез. докл. М., 1999.
- Картер Д.К.* Хора Метапонта в Лукании и Херсонеса в Таврике // *Античные полисы и местное население Причерноморья*. Симферополь, 1995.
- Карышковский П.О.* К истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // *ВДИ*. 1957. № 2.
- Карышковский П.О.* Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье // *ЗООА*. 1960. Т. 1.
- Карышковский П.О.* Новые материалы к истории денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // *ВДИ*. 1960. № 3.
- Карышковский П.О.* К вопросу о причинах и характере денежного кризиса на Боспоре в первой половине III в. до н.э. // *ВДИ*. 1961. № 4.
- Карышковский П.О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья. II: О начальной дате денежного кризиса на Боспоре III в. до н.э. // *ВДИ*. 1964. № 1.
- Карышковский П.О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья // *ВДИ*. 1964. № 2.
- Карышковский П.О.* О начальной дате денежного кризиса на Боспоре // *ВДИ*. 1964. № 3.
- Карышковский П.О.* К вопросу об обращении статов в лисимаховского типа в Причерноморье // *НС*. Тбилиси, 1977.
- Кастанаян Е.Г.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // *МИА*. 1959. № 69.
- Кац В.И.* Амфоры Колхиды: миф и реальность // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 2001.
- Кац В.И., Федосеев Н.Ф.* Керамические клейма «боспорского эмпория» на Елизаветовском городище // *АМА*. 1986. Вып. 6.
- Качарава Д.Д., Квирквелия Т.Г.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи: (малый энциклопедический справочник). Тбилиси, 1991.
- Кашаев С.В.* Некрополь около поселения Артющенко-2 // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Мат-лы V Боспорских чтений*. Керчь, 2004.
- Кашаев С.В.* Некрополь поселения Артющенко-2: (работы 2004 г.) // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Мат-лы VI Боспорских чтений*. Керчь, 2005.
- Кашаев С.В.* Общеполитическая ситуация в Северном Причерноморье в V в. до н.э. и материалы некрополя Артющенко-2 // *БФ*. СПб., 2005.
- Кашаев С.В.* Ранние погребения некрополя Артющенко-2 // *Четвертая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, 2005.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В.* Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // *БФ: греческая культура на периферии античного мира: Мат-лы междунар. научн. конф.* СПб., 1999.
- Кашовская Н.В., Кашаев С.В.* Новые иудейские надгробия с Таманского полуострова // *Мат-лы Восьмой ежегодной междунар. междисциплинарной конф. по иудаике*. М., 2001. Ч. 1.
- Кашовская Н.В., Кашаев С.В.* О еврейской надгробной надписи из архива ИИМК // *Мат-лы Тринадцатой ежегодной междунар. междисциплинарной конф. по иудаике*. М., 2006.
- Келер К.* Общая типология и хронология коринфских транспортных амфор // *Греческие амфоры: Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире*. Саратов, 1992.
- Кёне Б.* Описание музеума князя В.В. Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, равно как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб., 1857. Т. I.
- Кереньи К.* Элевсин: архетипический образ матери и дочери. М., 2000.
- Кинжалов Р. В.* Об одной серебряной чаше, хранящейся в Эрмитаже // *Изв. АН Арм. ССР*. 1955. № 9.
- Кирилин Д.С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья* / ред. В.Ф. Гайдукевич. Л., 1968.

- Кисель В.А. Шедевры ювелиров древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
- Кисель В.А. «Огненный» напиток скифов // Сб. научных трудов в честь А.В. Виноградова. СПб., 2007.
- Кияшко В.Я., Коренько В.А. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. 1976. № 1.
- Клейн Л.С. Происхождение скифов царских по археологическим данным // СА. 1963. № 4.
- Клейн Л.С. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // ВДИ. 1975. № 4.
- Клепиков В.Н. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- Клочко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифинок // Древности степной Скифии / ред. А.И. Тереножкин. Киев, 1982.
- Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VI—III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982.
- Клочко Л., Васина З. Новые материалы для реконструкции скифских головных уборов // Ювелирное искусство и материальная культура: Тез. докл. участников Двенадцатого colloquium (3—10 апреля 2003 г.) / ред. Н. Захарова. СПб., 2003.
- Кнауэр Э.Р. Некоторые соображения о стеле с воинами // Таманский рельеф. М., 1999.
- Книпович Т.Н. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря // ИГАИМК. 1927. Вып. 5.
- Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
- Кобылина М.М. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории // ВДИ. 1938. № 2 (3).
- Кобылина М.М. Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа // ВДИ. 1948. № 4.
- Кобылина М.М. Терракоты Фанагории местного производства // ВДИ. 1949. № 2.
- Кобылина М.М. Фанагорийская экспедиция 1947 г. // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII.
- Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19.
- Кобылина М.М. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / под ред. В.Д. Блаватского и Б.Н. Гракова. М., 1951. (МИА; № 19).
- Кобылина М.М. Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху / под ред. В.Д. Блаватского и Б.Н. Гракова. М., 1951. (МИА; № 19).
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
- Кобылина М.М. Скульптура Боспора // МИА. 1951. № 19.
- Кобылина М.М. Раскопки Фанагории // КСИИМК. 1953. Вып. 51.
- Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1956. № 57.
- Кобылина М.М. Фанагорийский склеп // КСИА. 1957. Вып. 70.
- Кобылина М.М. Новые данные о фанагорийских винодельнях // КСИА. 1959. Вып. 74.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- Кобылина М.М. Скульптурный портрет из Фанагории // СА. 1962. № 2.
- Кобылина М.М. Исследования Фанагории в 1959—1960 и 1962 гг. // СА. 1963. № 4.
- Кобылина М.М. Культура Фанагории досарматского периода // Античный город. М., 1963.
- Кобылина М.М. Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг. // КСИА. 1963. Вып. 95.
- Кобылина М.М. Керамическое производство Фанагории в IV в. н.э. // СА. 1966. № 3.
- Кобылина М.М. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Кобылина М.М. Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967. № 1.
- Кобылина М.М. Тиамба (городище и некрополь): итог археологических работ экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961—1963 и 1965 годы // СГМИИ. 1968. Вып. IV.
- Кобылина М.М. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Кобылина М.М. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. 1970. Вып. 124.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // Терракотовые статуэтки. М., 1970. Ч. I—II. (САИ; Вып. Г1-11).
- Кобылина М.М. Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки с городища в совхозе «Залив» Близница // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. (САИ; Вып. Г1-11).
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. (САИ; Вып. Г1-11).
- Кобылина М.М. Изображение восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 1978.
- Кобылина М.М. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 1983. № 2.
- Кобылина М.М. Некрополь Фанагории: (раскопки 1964—1965 гг.) // СГМИИ. М., 1987. Вып. VIII.
- Кобылина М.М. Фанагория. М., 1989.
- Коваленко С.А. О начале монетной чеканки на Боспоре // БФ. СПб., 2005.
- Ковальчук А.В. Комплекс керамических клейм конца IV — первой половины III в. до н.э. из Патрея // Патрей: Материалы и исследования. М., 2005. Вып. 2.
- Ковальчук А.В. Черепица с именем Афродиты из Кеп // БФ. СПб., 2007.
- Кожухов С.П., Эрлих В.Р. Археологические разведки левого берега Краснодарского водохранилища // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч. II.
- Козенкова В.И. Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и в средние века / ред. В.И. Марковин. М., 1980.

- Козенкова В.И. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. 1981. № 3.
- Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3.
- Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры: (систематизация и хронология): Западный вариант // САИ. М., 1995. Вып. В2-5.
- Козенкова В.И. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. (МИАР; № 6).
- Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А. Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Краснодар, 2001.
- Козюменко Е.В., Парусимов И.Н. Работы Приморского отряда Новочеркасской экспедиции // ИАИАИАНД. 1989 год. Азов, 1990. Вып. 9.
- Колбасина Л.А., Раскатова Т.В., Терехова В.П., Соколова Р.М., Шишилов А.В. Новороссийский государственный исторический музей-заповедник. Новороссийск, Б.г.
- Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском царстве // ВДИ. 1953. № 4.
- Кондрашев А.В. Находки древних якорей у Кавказских берегов // Древности Кубани: (Мат-лы научно-практической конф.). Краснодар, 1991.
- Конь и всадник: Взгляд сквозь века: Каталог выставки в ГИМ / под ред. А.П. Мошинского. М., 2003.
- Копейкин В.В., Морозов П.А. Георадар в археологических исследованиях // Патрей: Материалы и исследования. М., 2005. Вып. 2.
- Копылов В.П. Погребения раннескифского времени в устье Маныча // ИАИАИАНД. 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.
- Копылов В.П. Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья: (вопросы хронологии и политической истории) // ВДИ. 2003. № 1.
- Копылов В.П. Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII—VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском: VII—I вв. до н.э.: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 2006.
- Копылов В.П., Васильев А.Д. Боспор и скифы дельты Дона // Вопросы истории и археологии Боспора: Межвуз. сб. научных трудов. Воронеж; Белгород, 1991.
- Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2.
- Коровина А.К. Некрополь около мыса Панагии // АИБ. Симферополь, 1962. Т. 2.
- Коровина А.А. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 году // КСИА. 1962. Вып. 89.
- Коровина А.К. Некрополи Синдики VI—II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964.
- Коровина А.К. Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Коровина А.К. Группа надгробных стел Таманского полуострова // СГМИИ. 1968. Вып. IV.
- Коровина А.К. Тирамба (городище и некрополь): Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1959, 1961—1963 и 1965 годы // СГМИИ. 1968. Вып. 4.
- Коровина А.К. Терракотовые статуэтки Гермонассы // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. (САИ; Вып. Г1-11).
- Коровина А.К. Акротерий из Тирамбы // История и культура античного мира. М., 1977.
- Коровина А.А. Местные и эллинические традиции в погребальном обряде населения Фанагории и Тирамбы в эллинистическую эпоху // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май, 1980 г.: Тез. докл. Ереван, 1980.
- Коровина А.А. Местные черты погребального обряда в ранних могилах некрополя Тирамбы // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации: (Мат-лы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981.
- Коровина А.К. Винодельни Гермонассы // КСИА. 1987. Вып. 191.
- Коровина А.К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964—1965 гг.) // СГМИИ. 1987. Вып. 8.
- Коровина А.К. Перстни из некрополя Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. 1987. Вып. 8.
- Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966—1970) // СГМИИ. 1987. Вып. 8.
- Коровина А.К. История исследования Таманского городища // СГМИИ. 1992. Вып. 10.
- Коровина А.К. Гермонасса: Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- Королькова Е.Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. 1995. Вып. 32.
- Королькова Е.Ф. Звериный стиль в оформлении гривен скифо-сарматской эпохи // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001.
- Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналоги // АСГЭ. 2001. Вып. 35.
- Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. 2003. Вып. 36.
- Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций / ред. А.К. Гаврилов, Н.А. Павличенко, Д.В. Кейер, А.В. Карлин. СПб., 2004.
- Кошеленко Г.А. Древнегреческий полис // Античная Греция. М., 1983. Т. I: Становление и развитие полиса.
- Кошеленко Г.А. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // ДБ. 1999. Вып. 2.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора: (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // ОАИБ. М., 1992.
- Кошеленко Г.А., Усачева О.М. Глон і Кепи // Археологія. Київ, 1992. № 3.
- Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. М., 1961. Вып. Г4-4.
- Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.). М., 1970. (САИ; Вып. Д1-27).
- Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
- Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н.э. // КАМ. 1966.
- Кругликова И.Т. Раскопки Горгиппии // КСИА. 1966. Вып. 108.

- Кругликова И.Т. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.
- Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгиппии // ВДИ. 1967. № 2.
- Кругликова И.Т. Бронзовый бюст Изиды из Горгиппии // КСИА. 1971. Вып. 128.
- Кругликова И.Т. Горгиппия в период Спартокидов // ВДИ. 1971. № 1.
- Кругликова И.Т. Мраморная голова Афродиты из Горгиппии // Новое в археологии. М., 1972.
- Кругликова И.Т. Терракоты из Горгиппии // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. (САИ; Вып. Г1-11).
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кругликова И.Т. Синдская гавань, Горгиппия, Анапа. М., 1975.
- Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954—1964 гг. // Горгиппия. Краснодар, 1982. Т. 2.
- Кругликова И.Т., Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1967—1972 гг. // Горгиппия: Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1980. Т. 1.
- Кругликова И.Т., Цветаева Г.А. Раскопки в Анапе // КСИА. 1963. Вып. 95.
- Крушкол Ю.С. Ранние монеты Пантикапея как исторический источник // ВДИ. 1950. № 1.
- Крушкол Ю.С. Раскопки Древнего Патрея 1949 г. // ВДИ. 1950. № 2.
- Крушкол Ю.С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. из Государственного исторического музея // СА. 1951. № XV.
- Крушкол Ю.С. Раскопки Древнего Патрея в 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2.
- Крушкол Ю.С. Монеты с монограммами из Патрейского клада 1950 г. // ВДИ. 1952. № 3.
- Крушкол Ю.С. Первый патрейский клад 1950 г. // КСИИМК. 1956. Вып. LXVI.
- Крушкол Ю.С. Монеты из раскопок Патрея 1949—1951 гг. // ВДИ. 1958. № 3.
- Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971.
- Крушкол Ю.С. Терракоты из античного сооружения близ Горгиппии (хутор Рассвет) // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. (САИ; Вып. Г1-11).
- Крушкол Ю.С. Клад бронзовых монет времени Митридата VIII из селения Сукко Анапского района // ВДИ. 1978. № 4.
- Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий С.Д., Щеглов О.М. Про зерновой потенциал античных держав Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 1991. № 1.
- Крыкин С.М. Новые терракоты всадников из Фанагории // КСИА. 1987. Вып. 191.
- Ксенофонтова И.В. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов // РА. 1992. № 4.
- Ксенофонтова И.В. Серебряный ритон с протомой Пегаса из IV Уляпского кургана // ВДИ. 1997. № 2.
- Ксенофонтова И.В. Античные импорты Уляпских святилищ // БФ: Матлы междунар. научн. конф. СПб., 2001. Ч. 2.
- Ксенофонтова И.В. Античные импорты из Ульских курганов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века: Резюме докл. XI междунар. научн. конф. 31 мая — 5 июня 2003 г. Ростов-на-Дону, 2003.
- Ксенофонтова И.В. Серебряная фиала из фондов Национального музея Республики Адыгея // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005.
- Кубланов М.М. О местной историографии на Боспоре: (Горгиппийский каталог победителей) // ВДИ. 1954. № 4.
- Кубланов М. К истории Азиатского Боспора: (Новые археологические материалы с полуострова Фондон) // СА. 1959. № XXIX—XXX.
- Кузнецов В.Д. Кепы: ионийская керамика // СА. 1991. № 4.
- Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. Вып. 204.
- Кузнецов В.Д. Раскопки в Кехах 1984—1989 гг. // ОИБ. М., 1992.
- Кузнецов В.Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. Вып. 6.
- Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1.
- Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. Вып. 4.
- Кузнецов В.Д. Полис на Боспоре (эпоха архаики) // ДБ. 2001. Вып. 4.
- Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2004. Вып. XIV: В честь 70-летия профессора Г.А. Кошеленко.
- Кузнецов В.Д. Клазоменская керамика из Фанагории // ДБ. М., 2005. Вып. 8.
- Кузнецов В.Д. Уникальные открытия на Таманском полуострове // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. Т. 1.
- Кузнецов В.Д. Фанагория: новые исследования // КСИА. 2005. Вып. 219.
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.
- Кузнецов В.Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1.
- Кузнецов В.Д. Тамга Савромата II из Фанагории // ДБ. 2007. Вып. 11.
- Кузнецов В.Д. Фанагория // Кубанский сборник. 2007. Вып. II (23).
- Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2.
- Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Колесников А.Б. Предварительные замечания о портовых сооружениях в Фанагории // ДБ. 2006. Вып. 9.
- Кузнецов В.Д., Латарцев В.Н., Латарцева Е.Е., Амеликин А.О. Подводные исследования в Фанагории в 1999—2002 гг. // ДБ. 2003. Вып. 6.
- Кузнецова Т.М. Греко-скифские отношения в период архаики // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992.
- Кузнецова Т.М. Скифы в период архаики // Юбилейные международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Железноводск, 1998.
- Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
- Кулаковский Ю.А. К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове // ВВ. 1895. № 2.
- Кулаковский Ю.А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в.: (По поводу изъяснения надписи Евпатерия) // ВВ. 1896. № 3.

- Куликов А.В. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // ПИФК. 1995. Вып. 2.
- Куликов А.В. К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // БИ. 2001. Вып. III. Культура и искусство Причерноморья в античную эпоху: Каталог выставки. М. 1983.
- Кунин В.Э. Монетный клад с Таманского полуострова: (Информационное сообщение) // АИБ. Симферополь, 1962. Ч. II.
- Кунина Н.Э., Сорокина Н.П. Стекло-бальзамии Боспора // ТГЭ. Л. 1973. Т. XIII.
- Ладынин И.А. Еще раз о перстне "птолемеевского типа" из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э. // ДБ. 2007. Вып. 11.
- Лазаревский Я.М. Курганы Таманского полуострова // ИРАО. 1861. Т. II.
- Лалин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности // ЗРАО. 1887. Т. IV.
- Лаппо-Данилевский А. Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до н.э. // Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Древности Южной России: Курганы Карагодеуашх. СПб., 1894. (МАР; Вып. 13).
- Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Древности Южной России: Курганы Карагодеуашх. СПб., 1894. (МАР; Вып. 13).
- Латышев В.В. Scythica et Caucasia: Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1900. Т. 1; СПб., 1904—1906. Т. 2.
- Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике. I: Надпись времен императора Юстиниана, найденная на Таманском полуострове // ВВ. 1894. № 1.
- Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России // МАР. 1895. № 17.
- Латышев В.В. ПОНТИКА: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.
- Лауэнштейн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996.
- Лебедева Е.Ю. Результаты исследования палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // БС. 1994. Вып. 5.
- Левин И.С. Комплекс керамики середины III в. н.э. из Патрея // БС. 1994. Вып. 4.
- Левинская И.А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.
- Левинская И.А., Тохтасьев С.Р. Из новейшей истории боспорской эпиграфики // ВДИ. 2005. № 4.
- Левченко Н.В. Эпизод правления Савромата I // ДГВЕ. М., 1999.
- Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. М., 1971. № 177.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады: Памятник перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. М., 1999.
- Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., Марченко И.И. Раскопки курганов у ст. Нововеличковская в 1998 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Краснодар, 2001.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен и Боспор // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Хронология и планиграфия грунтового могильника Старокорсунского могильника городища № 2 // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские реплики древнегреческих канфаров // БФ: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 2.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения VI—V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Стекло-сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани / ред. И.И. Марченко. Краснодар, 2003. Вып. 3.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. Вып. 4.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6.
- Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. // ВДИ. 1991. № 1.
- Ловпаче Н.Г. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // ВАА. Майкоп, 1981.
- Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс // ВАА. Майкоп, 1985.
- Ловпаче Н.Г. Могильник Кочипэ (Восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1991.
- Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.
- Ломтадзе Г.А. Находки из нескольких комплексов Патрея // БС. 1994. Вып. 4.
- Ломтадзе Г.А. Гераклеийские амфоры из подводных комплексов Патрейского городища // Тезисы докладов: 1-я Московская межвузовская конференция. М., 1995.
- Ломтадзе Г.А. Два амфорных комплекса IV в. до н.э. из затопленной части Патрея // БИ. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. VIII.
- Лосева Н.М. Терракотовая голова сатира из Фанагории // МИА. 1956. № 57.
- Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999.
- Лунин Б.А. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. 1939. № 3.

- Лунин Б.В. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у станицы Даховской // Изв. Ростовского областного музея краеведения. 1940. Вып. 2.
- Лысенко Н.Н. Скифо-сарматские этнические взаимоотношения в эпоху исторического заката Великой Скифии // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростова-на-Дону, 2006.
- Любовь и Эрос в античной культуре: Каталог выставки в ГИМ / под ред. Д.В. Журавлева. М. 2006.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. СПб., 2006.
- Люценко А.Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Тр. III Междунар. съезда ориенталистов. СПб., 1876. Т. I.
- Люценко Е.Е. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах, частью в Новороссийском крае (на юге России): Рукопись // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 28. Д. 22. 1880.
- Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.
- Максименко В.Е. Сарматы на Дону: (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. 1998. Вып. 6.
- Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Вып. XXI.
- Максимова М.И. Ритон из Келермеса // СА. 1956. Вып. XXV.
- Максимова М.И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. 1957. № 4.
- Максимова М.И. Миф о похищении Ганимеда в передаче боспорского мастера // КСИА. 1965. Вып. 103.
- Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Мальшев А.А. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. М., 1992.
- Мальшев А.А. Античный импорт на Северном Кавказе (по материалам Прикубанья VI—I вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Мальшев А.А. Боспор и Прикубанье во второй половине V — середине III в. до н.э. // ДБ. 2000. Вып. 4.
- Мальшев А.А. Золото Кубани // Родина. 2005. № 1.
- Мальшев А.А., Равич И.Г. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. (МИАР; Вып. 3).
- Мальшев А.А., Трейстер М.Ю. Погребение зубовско-воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // БС. 1994. Вып. 5.
- Мальмберг В. Памятники греческого и варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх // Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Древности Южной России: Курган Карагодеуашх. СПб., 1894. (МАР; Вып. 13).
- Манцевич А.П. О пластине из кургана Карагодеуашх // АСГЭ. 1964. Вып. 6.
- Манцевич А.П. Находка в Запорожском кургане: (к вопросу о Сибирской коллекции Петра I) // Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии / ред. А.П. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М., 1976.
- Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987.
- Манцевич А.П. Об одном источнике по проблеме афино-боспорской торговли // Scripta Grigoriāna: Сб. в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003.
- Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Куда и зачем плавал Декея? // Закон и обычай гостеприимства в античном мире: Докл. конф. М., 1999.
- Марковин В.И. Бронзовое навершие из Прикубанья // СА. 1971. № 4.
- Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М. 1997.
- Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа: мистика, научные мнения и перспективы дальнейшего его изучения // РА. 2000. № 4.
- Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронзы Кавказа. М. 1997. (Археология).
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула, 2003.
- Марти Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГИМК. 1934. Вып. 104.
- Марченко И.Д. О художественной обработке металла на Боспоре // Памятники искусства. 1947. Вып. 2.
- Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория. М., 1956. (МИА; № 57).
- Марченко И.Д. К вопросу о культурах Азиатского Боспора // ВДИ. 1960. № 2.
- Марченко И.Д. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ им. А.С. Пушкина: Сб. статей. М., 1962.
- Марченко И.Д. Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95.
- Марченко И.Д. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. 1971. № 2.
- Марченко И.Д. Терракоты из святилища на Майской горе (Блевака) // Терракотовые статуэтки. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. М., 1974. (САИ; Вып. Г1-11).
- Марченко И.Д. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М., 1977.
- Марченко И.И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
- Марченко И.И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.
- Марченко И.И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э. — III в. н.э. (по материалам курганных могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Марченко И.И. Сираки Кубани: (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.
- Марченко И.И. Царь Гатал и Прикубанье // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994.

- Марченко И.И. На заре цивилизации // История Кубани с древнейших времен до конца XX в. Краснодар, 2004.
- Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. О локализации меотского племени фатеев // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар; Анапа, 2001.
- Марченко К. К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища // СА. 1974. № 2.
- Марченко К. К. Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1.
- Марченко К.К. Боспорское поселение на Елизаветовском городище // ОАИБ. М., 1992.
- Марченко К.К. Греческие поселения в Северо-Восточном Приазовье // БФ: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Масленицына Е.С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V—IV в. до н.э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989—1990 гг.: Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М., 1992.
- Масленников А.А. Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов // СА. 1976. № 3.
- Масленников А.А. К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. М., 1977.
- Масленников А.А. Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н.э. // СА. 1978. № 1.
- Масленников А.А. Население боспорского государства в VI—II вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников А.А. Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н.э. // СА. 1985. № 1.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках нашей эры. М., 1990.
- Масленников А.А. Скифы на Боспоре в III—I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
- Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.
- Масленников А.А. Греки и варвары на границах Боспора: (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // ДГВЕ. 1996—1997 гг. М., 1999.
- Масленников А.А. Варвары, греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем // ДБ. 2001. Вып. 4.
- Масленников А.А. «Царская» хора Боспора на рубеже V—IV вв. до н.э.: (к вопросу о локализации) // ВДИ. 2001. № 1.
- Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.
- Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994.
- Махортых С. В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Мачинский Д.А. Скифия и Боспор: От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор: Мат-лы конф. памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.
- Медведев А.П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Сарматы и Скифия: Сб. научн. докл. III междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» Азов, 1997.
- Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // СА. 1992. № 3.
- Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X — начала XII в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Руси. М., 1998.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д1-4.
- Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976.
- Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. 1931. № 1.
- Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 году // СГАИМК. 1932. № 7—8.
- Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. 1980. № 1.
- Мирошина Т.В. Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА. 1983. Вып. 174.
- Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ, 1979.
- Молев Е.А. Митридат Евпатор: Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.
- Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Молев Е.А. Аспургиане у Страбона // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. 1995.
- Молев Е.А. Политическая история Боспора VI—IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997.
- Молев Е.А. Спарток и первые Спартокиды на Боспоре // АМА. 1999. Вып. 10.
- Молев Е.А. К вопросу о «соправительстве» на Боспоре в IV в. до н.э. // 175 лет Керченскому музею древностей: Мат-лы конф. Керчь, 2001.
- Молев Е.А. О правлении царя Спартока VI на Боспоре в середине II в. до н.э. // БФ: Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Молева Н.В. Тандем «заяц-собака» в изобразительном искусстве древней Греции и Северного Причерноморья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2003.
- Монахов С.Ю. Амфоры Клазомен и «круга Клазомен» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. конф. Ростов-на-Дону, 1996.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII—II вв. до н.э. Саратов, 1999.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003.
- Мордвинцева В.И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье: (II в. до н.э. — II в. н.э.). Симферополь, 2007.
- Мошкова М.Г. История изучения савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР).
- Музы и маски: Театр и музыка в античности: Античный мир на петербургской сцене: Каталог выставки / ред. А.А. Трофимова, Е.Н. Ходза; Гос. Эрмитаж. СПб., 2005.
- Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1981.
- Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. 1994. (Археология).

- Муральт Э.Г.* Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского // Зап. СПб. Археологическо-нумизматического общества. СПб., 1850. Т. II.
- Мурзин В.Ю.* Скифская арханка Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Мурзин В.Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
- Мурзин В.Ю., Черненко Е.В.* О локализации «Царства Ишкуза» // Проблемы сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. областной конф., посвященной 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989.
- На краю ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в Государственном историческом музее. 30 мая — 15 августа 2002 г. / под ред. Д.В. Журавлева. М., 2002.
- Надель Б.Н.* Боспорские манумиссии и греческое право // Listy Filologické. 1968. Т. 91, № 3.
- Неверов О.Я.* Митридат-Дионис // СГЭ. 1973. Вып. 37.
- Неверов О.Я.* Группа эллинистических перстней в собрании Эрмитажа: (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1.
- Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.
- Неверов О.Я.* Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1976. Т. XVII.
- Неверов О.Я.* Античные перстни (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Л., 1978.
- Неверов О.Я.* Нерон-Юпитер и Нерон-Гелиос // Художественные изделия античных мастеров / ред. С.П. Борисковская. Л., 1982.
- Неверов О.Я.* Металлические перстни эпохи арханки, классики и эллинизма из Северного Причерноморья: (опыт классификации) // Античная торевтика. Л., 1986.
- Неневоля И.И., Волошинов А.А.* Два комплекса IV в.н.э. на могильнике Краснозерье // Поздние скифы Крыма / ред. И.И. Гушин, Д.В. Журавлев. М., 2001. (Тр. ГИМ; Вып. 118).
- Нестеренко Н.Д.* Клады Горгиппии // КСИА. 1981. Вып. 168.
- Нестеренко Н.Д.* Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 2.
- Нефедкин А.К.* Стратегия сарматов в I—IV вв. н.э. по свидетельствам античных источников // БФ: Греческая культура на периферии Античного мира. СПб., 1999.
- Нефедкин А.К.* Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н.э. — V в. н.э. // Militaria Antiqua. СПб.; М., 2004. Вып. V.
- Нехаев А.А.* Раскопки курганов в Кореновском и Динском районах Краснодарского края // АО 1977 г. М., 1978.
- Нечитайло А.А.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Николаева Э.Я.* Терракоты города Кеп // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. (САИ; Вып. Г1-11).
- Николаева Э.Я.* Раскопки терм в Кепях // КСИА. 1975. Вып. 143.
- Николаева Э.Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156.
- Николаенко Т.Д.* Женская мраморная головка с Таманского полуострова // БС. 1993. Вып. 2.
- Никонов И.Е.* Светильники Патрея // Проблемы экономического и политического развития стран Европы. М., 1964. (Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина).
- Никулина Н.М.* Памятники античной глиптики из Фанагории // СА. 1965. № 2.
- Новичихин А.М.* Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1995. Вып. 1.
- Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Новичихин А.М.* Об этнической принадлежности курганных погребений раннескифского времени в Западном Закубанье // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII—I вв. до н.э.: М-лы междунар. науч. конф. Тамань, 2000 г. СПб., 2006.
- Носкова Л.М., Эрлих В.Р., Мкртычев Т.К., Днепровский К.А.* Археология в Государственном музее Востока // РА. 2000. № 3.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии: (VII—III вв. до н.э.). М., 1991.
- Ольховский В.С.* Первый Разменный курган у станицы Костромской // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 1995. Вып. 1.
- Ольховский В.С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.А.* Скифские изваяния VII—III вв. до н.э. М., 1994.
- Онайко Н.А.* Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2.
- Онайко Н.А.* Арханчский Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Онайко Н.А.* Погребение воинов у поселка Мысхако // КСИА. 1983. Вып. 174.
- Онайко Н.А., Дмитриев А.В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2.
- Османова С.Р.* Археологические памятники на затопленной части Патрейского городища // Патрей: Материалы и исследования. 1999. Вып. 1.
- Паллас П.С.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. 13.
- Паромов Я.М.* Приемы изучения эволюции систем расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древности Кубани. Краснодар, 1990.
- Паромов Я.М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М. (ИНИОН РАН № 47103 1.10.1992).
- Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографических исследований Таманского полуострова // БС. 1992. Вып. 1.
- Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Патрея // БС. М., 1993. Вып. 3.
- Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Таманского полуострова // БС. М., 1993. Вып. 3.

- Паромов Я.М. Археолого-топографический план Фанагории // БС. М., 1993. Вып. 2.
- Паромов Я.М. Ахтанизовская «батарея» (укрепленное поселение на Таманском полуострове) // БС. М., 1994. Вып. 4.
- Паромов Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
- Паромов Я.М. К истории виноделия на Боспоре // Памятники старины: концепции, открытия, версии: Памяти В.Д. Белецкого. Санкт-Петербург; Псков, 1997. Т. 2.
- Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Вып. 1.
- Паромов Я.М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. 2000. № 7.
- Паромов Я.М. Курганный некрополь Гермонассы // ДБ. 2002. Вып. 5.
- Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. 2003. Вып. 6.
- Паромов Я.М. Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. М., 2004. Вып. 7.
- Паромов Я.М. Ледовые походы скифов // БФ: проблема соотношения письменных и археологических источников: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 2005.
- Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI—V вв. до н.э.) // ДБ. 2006. Вып. 10.
- Паромов Я.М., Сударев Н.И. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») // ДБ. 2000. Вып. 3.
- Парусимов И.Н. Раннескифский комплекс у г. Азова // Мат-лы конф., посвященной 100-летию со дня рождения Т.М. Минаевой. Ставрополь, 1996.
- Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1926—1959. Вып. I—VIII.
- Переводчикова Е.В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.
- Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2.
- Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. 1987. № 4.
- Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. М., 1994.
- Переводчикова Е.В. Скифский звериный стиль Прикубанья и Филипповские курганы // Liber Archaeologicae: Сб. статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар; Ростов-на-Дону, 2006.
- Передольская А.А. Фанагорийские фигурные вазы. Л., 1937.
- Передольская А.А. К вопросу о хтоническом культе Геракла на Боспоре // ТГЭ. 1958. Т. II.
- Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и Гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. Л., 1962. Т. VII.
- Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3.
- Петерс Б.Г. Археологические раскопки в Феодосии // Проблемы античной культуры: Докл. XIV междунар. конф. антиковедов соц. стран «Эйрене». Ереван, 1979.
- Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Петерс Б.Г. О работах Михайловской экспедиции (1963—1983 гг.) // КСИА. 1985. Вып. 182.
- Петерс Б.Г. Охранные научные работы Патрейской экспедиции ИА АН СССР в 1988 году // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М., 1989.
- Петерс Б.Г. Итоги работы Патрейской экспедиции ИА АН СССР в 1985—1989 годах // Древности Кубани: (Мат-лы научно-практической конф.). Краснодар, 1991.
- Петерс Б.Г. Исследования городища Патрей в 1985—1989 годах // Мат-лы IV научн. конф. ВНАН. М., 1992.
- Петерс Б.Г., Чухина Е.В. Стекланные изделия из раскопок Патрея // РА. 1994. № 4.
- Петерс Б.Г., Чухина Е.В. Костяные изделия из раскопок Патрея 1985—1989 гг. // РА. 1995. № 2.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. (САИ; Вып. Д4-5).
- Петренко В.Г. Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье // КСИА. 1980. Вып. 162.
- Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР).
- Петренко В.Г. Краснознаменский могильник: Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва; Берлин; Бордо, 2006. (Степные народы Евразии; Вып. III).
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004.
- Пиотровский А.И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // ИРАИМК. М.; Л., 1924.
- Пиотровский Б.Б. Скифы и Древний Восток // СА. 1954. № 19.
- Пичикян И.Р. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н.э. // ВДИ. 1975. № 1.
- Пичикян И.Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984.
- Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло Древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнева С.А. Фанагория // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV—VIII века. М., 2003. (Археология).
- Погрехова М.Н., Раевский, Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
- Подосинов А.В. Овидий в Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста // ДГ СССР. 1983 г. М., 1985.
- Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. М., 1986.
- Подосинов А.В. Ориентация древних карт: (с древнейших времен до раннего средневековья) // ВДИ. 1992. № 4.
- Покровский М.В. Городища и могильники Среднего Прикубанья // Тр. Краснодарского государственного педагогического ин-та. Краснодар, 1937. Т. VI, вып. 1.

- Полин С.В. Письменные источники о сарматском завоевании Северного Причерноморья // Проблемы истории и археологии древнего населения Украины. Киев, 1989.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Поначевный М.О. Географический очерк Босфорского царства // Кубанский сборник: Тр. Кубанского обл. стат. комитета / изд. под ред. Е.Д. Фелицина. Екатеринодар, 1891. Том II.
- Поротов А.В., Горлов Ю.В., Гаибов В.А., Мюллер К., Фуаш Э. Археолого-палеогеографическое изучение Таманского полуострова // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского: Тез. докл. М., 1999.
- Потапов В.В. Черноговорские погребения в низовьях левого берега Дона // ДА. Ростов-на-Дону, 1999. Вып. 1.
- Придик Е.М. Анадолийский клад золотых статеров 1895 г. // ИАК. 1902. Вып. 3.
- Придик Е.М. Два серебряных ритона из коллекции Эрмитажа // ЗООИД. 1912. Т. XXX.
- Пругло В.И. К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. 1974. № 3.
- Пругло В.И. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // История и культура античного мира. М., 1977.
- Прушевская Е. В. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. Пг., 1917. Вып. 63.
- Прушевская Е.О. Анапский клад пантикапейских медных монет // ТОНГЭ. Л., 1945. Т. I.
- Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: (публикация комплексов). М., 2001.
- Пьянков А.В. Кубань в эпоху средневековья // История Кубани с древнейших времен до конца XX в. Краснодар, 2004.
- Пьянков А.В., Пономарев В.П. Несколько археологических находок из окрестностей г. Абинска (Западное Закубанье) // Историко-археологический альманах. Москва; Армавир, 2002. Вып. 8.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник протомеотского времени Казазаво 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // МИАР. М., 1997. № 1.
- Пьянков А.В., Хачатурова Е.А. Бронзовое навершие булавы из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах. Москва; Армавир, 2002. Вып. 8.
- Пятышева Н.В. Таманский саркофаг // Памятники культуры / ГИМ. М., 1949. Вып. 2.
- Пятышева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса: (конец IV в. до н.э. — IV в.н.э. М., 1956. (Памятники культуры; Вып. 18).
- Рабинович Е.Г. Афродита Урания и Афродита Пандемос // Античность и Византия. М., 1975.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
- Раевский Д.С. Ранние скифы, среда обитания и хозяйственно-культурный тип: (Мат-лы к конференции «Древний мир, проблемы экологии», 18–20 сентября 1995 г., г. Москва). М., 1995.
- Рассадин С.Е. Племена и народы «заскифского» Севера и Северо-Востока: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Минск, 1999.
- Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954.
- Рогов Е.Я. Укрепленные поселения Таманского полуострова // БФ: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
- Розанова Н.П. К вопросу о местонахождении Апатура // ВДИ. 1951. № 2.
- Розанова Н.П. Эллинская надпись из раскопок Патрея 1949 г. // СА. 1958. № 2.
- Розанова Н.П. Золотые перстни с геммами и греческими надписями из Пантикапея и Фанагории // СГМИИ. 1968. Вып. IV.
- Ростовцев М.И. Боспорское царство и южнорусские курганы. М., 1912.
- Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 1913. Вып. 49.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России: Атлас. СПб., 1913. Т. I: Описание и исследование памятников; Текст. СПб., 1914.
- Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. Т. XXXII.
- Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа // Древности. М., 1916. Т. XXV.
- Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. (МАР; Вып. 37).
- Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.
- Ростовцев М.И. Птолемей II Египетский и Перисад II Боспорский // Сборник, посвященный П.Н. Милокову. Париж, 1929.
- Ростовцев М.И. Исследования по истории Скифии и Боспорского царства. Т. II, гл. VI: Государство и культура Боспорского царства. 1: Государство и социальный строй эпохи Спартокидов // ВДИ. 1989. № 2.
- Русяева А.С. Боспорская царица Камасария // БИ. Керчь, 2002. Вып. II.
- Русяева А.С. Феб Аполлон на Боспоре // Мат-лы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
- Русяева А., Одрин А. Торговые и культурные приоритеты Милета в Северном Причерноморье в VI в. до н.э. // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб. 2001. Ч. 2.
- Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. М., 1979.
- Рысин М.Б. Закубанье в эпоху средней бронзы (по материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.
- Рябкова Т.В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Рябкова Т.В. Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. СПб., 2005. Вып. 37.
- Рябкова Т.В. К вопросу об этнокультурной принадлежности курганов Келермеса // Liber Archaeologicae: Сб. статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар, 2006.
- Саверкина И.И. Роскошные серьги в Эрмитаже и в других музеях //

- Античное Причерноморье. СПб., 2000.
- Саверкина И.И. Греческие ожерелья на рубеже классики и эллинизма // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2001.
- Савостина Е.А. Об архитектурных фрагментах из Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1980. Т. I.
- Савостина Е.А. Боспорские склепы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- Савостина Е.А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2.
- Савостина Е.А. Античность и варвары: возможность сопоставления культур // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1993. Ч. II.
- Савостина Е.А. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Армавир, 1995. Вып. 1.
- Савостина Е.А. Греческая торевтика на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора // БФ. СПб., 1999.
- Савостина Е.А. Стела с двумя воинами: археологический аспект // Таманский рельеф. М., 1999.
- Савостина Е.А. Скульптура Боспора: «Архаический след» в хронологии локального стиля // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 2004. Ч. 1.
- Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городской // ВАА. Майкоп, 1992.
- Сазонов А.А. Поселение Курджипиское — новый памятник протомеотской культуры // Археологические раскопки на Кубани в 1989—1990 гг. Ейск, 1992.
- Сазонов А.А. Отчет об исследовании могильника Пшиш в 1994 г. // Архив ИА РАН Р-1. № 18979, 18980.
- Сазонов А.А. Поселение с бронзолитейной индустрией эпохи поздней бронзы на реке Пшиш в Теучежском районе Адыгеи // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. VII междунар. научн. конф. Ростов-на-Дону, 1994.
- Сазонов А.А. Относительная и абсолютная хронология протомеотского могильника Пшиш I // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX Крупновские чтения): Тез. докл. М., 1996.
- Сазонов А.А. Могильник Чишко: поздние протомеоты и раннескифские древности // XX юбилейные междунар. «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1998.
- Сазонов А.А. О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*, Kraków, 2004.
- Сазонов А.А. Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Сазонов А.А. Хаджохские курганы — некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2000.
- Салов А.И. Клад боспорских монет, найденный в станице Фанталовской // ВДИ. 1965. № 2.
- Салов А.И. Клад боспорских монет из пос. Виноградный // НЭ. 1974. Т. XI.
- Салов А.И. Клад III—IV вв. с Шумречки (Анапский район) // СА. 1975. № 3.
- Салов А.И., Смирнова Т.М. Новые находки в Анапе // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Сапрыкин С.Ю. Золотая пластина из Горгиппии // ВДИ. 1983. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI—IV вв. до н.э. // Из истории античного общества. Горький, 1983.
- Сапрыкин С.Ю. Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. 1986. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. 1991. № 2.
- Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1.
- Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006.
- Сапрыкин С.Ю. Новая митридатовская катойкия на Боспоре // ВДИ. 2006. № 2.
- Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
- Свенцицкая И.С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени: (по материалам Малой Азии) // ВДИ. 1985. № 4.
- Свенцицкая И.С. Человек и мир в восприятии греков эллинистического и римского времени // Эллинизм: восток и запад. М., 1992.
- Сидоренко В.А. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
- Силантьева П.Ф. Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. 1976. Т. 17.
- Силантьева П.Ф. Филигранные бусы классической эпохи из некролей Боспора // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху / ред. К.С. Горбунова. Л., 1979.
- Скобелев Д.А. К вопросу о находках снарядов пращи на юго-западе Краснодарского края // *Parabellum*. 2003. № 4.
- Скржинская М.В. «Перипл Понта Евксинского» анонимного автора // Исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
- Скржинская М.В. Посвящение боспорян в элевсинские таинства // Северное Причерноморье в античное время: Сб. научн. трудов: К 70-летию С.Д. Крыжицкого. Киев, 2002.
- Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1.
- Смекалова Т.Н. Значение изучения монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // ДБ. 2000. Вып. 3.
- Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А., Дюков Ю.Л. Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдов // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. СПб. 2007.
- Смирнов К.Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып. 162.

- Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. (Памятники культуры; Вып. 11).
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Смирнов Ю.А. Тафология: Попытка системного подхода // Человек и его природное окружение в древности и средневековье: Мат-лы совещания 25–26 января 1983 г. М., 1985.
- Смирнова Г.И. Новые исследования поселения Магала // АСГЭ. Л., 1972. Т. 14.
- Смирнова Н.В. Наместники Горгиппии // ДБ. 2001. Вып. 4.
- Смирнова Н.В. Частные микросообщества Боспора: полтора века исторического поиска // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 2001. Вып. X.
- Смирнова Н.В. Новые надписи из Горгиппии и Патрея // ДБ. 2002. Вып. 5.
- Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станции Таманской // ИТУАК. 1919. Вып. 56.
- Соколов В.В. Курганы «Лысой горы» близ Тамани и находки в них // ИТУАК. Симферополь, 1919. Вып. 56.
- Соколов Г.И. Античное Причерноморье: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973.
- Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства. М., 1999.
- Соколовский Н.И. Боспорские мечи // МИА. М., 1954. № 33.
- Соколовский Н.И. Военное дело Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
- Соколовский Н.И. О боспорских щитах // КСИИМК. 1955. Вып. 58.
- Соколовский Н.И. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // СА. 1957. № 1.
- Соколовский Н.И. Раскопки в Кепях в 1959 г. // КСИА. 1961. Вып. 86.
- Соколовский Н.И. Курсы из Кеп // СА. 1962. № 2.
- Соколовский Н.И. Кепы // Античный город. М., 1963.
- Соколовский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippiopolitana: Studia archaeologica. Sophia, 1963.
- Соколовский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1963. № 1.
- Соколовский Н.И. Святилище Афродиты в Кепях // СА. 1964. № 4.
- Соколовский Н.И. Раскопки в северо-западной части Таманского полуострова // АО 1965 г. М., 1966.
- Соколовский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 1965. Вып. 100.
- Соколовский Н.И. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.
- Соколовский Н.И. К вопросу о синдской скульптуре // КАМ. М., 1966.
- Соколовский Н.И. Исследования северо-западной части Таманского полуострова // АО 1966 г. М., 1967.
- Соколовский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Соколовский Н.И. Синдская скульптура // Античное общество. М., 1967.
- Соколовский Н.И. Керамическая мастерская в Кепях // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Соколовский Н.И. О гончарном производстве в азиатской части Боспора // КСИА. 1969. Вып. 116.
- Соколовский Н.И. Виноделие в азиатской части Боспора // СА. 1970. № 2.
- Соколовский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Соколовский Н.И. Фанагорийский склеп // КСИА. 1972. Вып. 130.
- Соколовский Н.И. Земляной склеп в поселке Сенная // КСИА. 1973. Вып. 133.
- Соколовский Н.И. Культ Афродиты в Кепях конца VI–V в. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4.
- Соколовский Н.И. Крепость аспургин на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143.
- Соколовский Н.И. Новые раскопки в Кепях // Actes de XIIe Conférence d'Etudes Classiques «Eirene» 1972. București; Amsterdam, 1975.
- Соколовский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
- Соколовский Н.И., Сорокина Н.П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957–1963 гг. // Ежегодник ГИМ. М., 1966.
- Соколовский Н.И., Стручалина Р.Ф. Раскопки Патрея // АО 1968 г. М., 1969.
- Соколовский Н.И., Стручалина Р.А., Голенко К.В. Третий Патрейский клад // АМА. М., 1975. Вып. 2.
- Соколовский Н.И., Шелов Д.Б. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Проблемы истории Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1959.
- Сокровища курганов Адыгеи: Каталог выставки. М., 1985.
- Соловьев С.А. Хора Гермонассы: итоги и исследования // ТС. СПб., 2002. Вып. 4.
- Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Сорокина И.А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. 1985. № 3.
- Сорокина И.А. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополя. Москва, 1989.
- Сорокина И.А. Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.
- Сорокина И.А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар. 2001.
- Сорокина Н.П. Античная архитектурная терракота: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.
- Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь // Памятники культуры. М., 1957. (Тр. ГИМ; Вып. 26).
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 гг. // КСИА. 1961. Вып. 83.
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1959–1960 гг. // КСИА. 1962. Вып. 91.
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95.
- Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1962–1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109.
- Сорокина Н.П. Новые памятники античного искусства // Археология и культура Северного Причерноморья. Л., 1968.
- Сорокина Н.П. Новый памятник античного искусства // Древняя история и культура Средиземноморья и Северного Причерноморья. Л., 1968.
- Сорокина Н.П. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп // СА. 1968. № 4.
- Сорокина Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспеди-

- ции Государственного исторического музея. М. 1969.
- Сорокина Н.П. Новые находки стеклянных сосудов V в. до н.э. на Таманском полуострове // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
- Сорокина Н.П. Архитектура античных государств Северного Причерноморья // ВИА. 1973. Т. II.
- Сорокина Н.П. Терракоты из некрополя Кеп // Терракотовые статуэтки. М., 1974. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров. (САИ; Вып. Г1-11).
- Сорокина Н.П. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове // АМА. 1977. Вып. 3.
- Сорокина Н.П. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре // Причерноморье в эллинистическую эпоху: Мат-лы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985.
- Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности: (фигурные сосуды из собрания ГИМ) // Тр. ГИМ. М., 1997. Вып. 91.
- Сорокина Н.П. Так называемые «кепские» клейма эпохи эллинизма и их расшифровка // Археологический сборник. М., 1998. (Тр. ГИМ; Вып. 96).
- Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного исторического музея (г. Москва) // ВДИ. 1993. № 4.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Некоторые особенности некрополя Кеп в VI—V вв. до н.э. // ТС: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н.э.): Тез. докл. междунар. конф. СПб., 2000. Вып. 3.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Детские погребения Северного Причерноморья VI—III вв. до н.э. // Stratium+. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 3.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI—V вв. до н.э. // ДБ. 2001. Вып. 4.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Предметы, связанные с культами и магией из погребений кепского некрополя VI—II вв. до н.э. // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. археологической конф. СПб., 2001. Ч. 1.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Оружие из некрополя Кеп // ДБ. 2002. Вып. 5.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Способы обращения с телом в некрополе Кеп // БФ. СПб., 2002.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI—III вв. н.э. // ДБ. 2003. Вып. 6.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI—II вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Мат-лы V Боспорских чтений. Керчь, 2004.
- Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Погребальный обряд. М. 1997. (Тр. ГИМ; Вып. 93).
- Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР).
- Столба В.Ф. Второй Эльтигенский клад боспорского серебра второй половины V в. до н.э. (IGCH 1004) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 20—25 апреля 1998 г.: Тез. докл. СПб, 1998.
- Стоянов Р.В. Погребенные в скорченном положении в греческих некрополях Причерноморья: Состояние проблемы и перспективы ее решения // БФ: Погребальные памятники и святлица. СПб., 2002.
- Строкин В.А. АПОΛ(лония) Боспорская или храм АПОΛ(лона)? // ДБ. 2007. Вып. 11.
- Стручалина Р.А. Раскопки Патрея // АО 1969 г. М., 1970.
- Стручалина Р.А. Некоторые итоги раскопок городища Патрей // АМА. Саратов, 1972. Вып. 1.
- Стручалина Р.А. Амфоры патрейского производства // АМА. Саратов, 1974. Вып. 2.
- Стручалина Р.А. Светильники в форме головы Силены из Патрея // АМА. Саратов, 1977.
- Сударев Н.И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // БС. 1994. Вып. 4.
- Сударев Н.И. Создание базы данных по античному грунтовому некрополю Фанагории // Базы данных в археологии. М., 1995.
- Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея // ДБ. 1998. Вып. 1.
- Сударев Н.И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. 1999. Вып. 2.
- Сударев Н.И. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI—III вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Мат-лы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
- Сударев Н.И. Кремация на Боспоре в VI—II вв. до н.э. // БФ: Проблемы хронологии и датировки. СПб., 2004.
- Сударев Н.И. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI—II вв. до н.э. // ДБ. 2004. Вып. 7.
- Суриков И.Е. Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Сысоев В.М. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г. // Материалы по археологии Кавказа. М., 1904. Т. IX.
- Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987. (Памятники культуры Кубани).
- Таскаев В.Н. Итоги и перспективы подводных археологических исследований в Таманском заливе // Боспорский сборник. 1992. Вып. 1.
- Таскаев В.Н. Подводные исследования в Таманском заливе // АО 1994 г. М., 1995.
- Таскаев В.Н. Подводные исследования в Таманском заливе // АО 1995 г. М., 1996.
- Таскаев В.Н. Подводные исследования в Таманском заливе // АО 1996 г. М., 1997.
- Таскаев В.Н. Подводная археология и палеографическая реконструкция Древнего Патрея // Патрей: Материалы и исследования. 1999. Вып. 1.

- Таскаев В.Н. Подводные исследования на затопленной части Нижнего города Патрея // ПИФК. 1999. Вып. VII.
- Таскаев В.Н. Подводные исследования Патрея // VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения. М., 1999.
- Таскаев В.Н. Подводные исследования на затопленной части Нижнего города Патрея // АО 1998 г. М., 2000.
- Таскаев В.Н., Османова С.Р. Подводные исследования в Таманском заливе: История и перспективы развития // Изучение памятников морской археологии. СПб., 1995.
- Таскаев В.Н., Османова С.Р. Античный Патрей: Итоги подводных исследований // Патрей: Материалы и исследования. 2001. Вып. 3.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Терехова Н.Н. К вопросу о происхождении черного металла из могильника Фарс/Клады // Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М., 1999.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э. М., 2000.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе: Две культурно-исторические традиции // Материальная культура Востока. М., 2002.
- Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. Древнейшие стальные изделия на Северо-Западном Кавказе: (к проблеме культурных контактов в предскифское время) // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*, Kraków, 2004.
- Терещенко А.И. О монетах с надписью ΣΙΝΔΩΝ // *Stratum+*. 1999. Вып. 6.
- Терещенко А.Е. Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI—V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
- Тетебу де Мариньи Я.В.Э. Находки древности на Абхазском берегу и около Кубани // ЗООИД. 1844. Т. 1.
- Тешев М.К. Могильник Псыбе — новый памятник поздней бронзы на Северном Кавказе // СА. 1983. № 4.
- Тиханова-Клименко М.А. Греческая надпись с Таманского полуострова // Сборник статей в честь С.А. Жебелева. Б.м., 1926.
- Тов А.А. Протомеотский могильник Чишко близ аула Тауыхабль в Теучежском районе // Меоты — предки Адыгов. Майкоп, 1989.
- Толочко И.В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э. — V в. н.э.): Опыт сравнительного изучения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Толстиков В.П. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1976. № 1.
- Толстиков В.П. Фортификация античного Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства: (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3.
- Толстиков В.П. Эллинистические элементы в фортификационных системах Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма: Мат-лы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982. Тбилиси, 1985.
- Толстиков В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. М., 1992. (СГМИИ им. А.С. Пушкина; Вып. 10).
- Толстиков В.П. Костюм и вооружение на Таманской стеле с воинами // Таманский рельеф. М., 1999.
- Толстиков В.П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспоро-скифских отношений в VI—V вв. до н.э. // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 1.
- Толстой И.И. АПАТОРО на памятнике Де ла Мотрэ // ЖМНП. 1909. Май.
- Тохтасьев С.Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2.
- Тохтасьев С.Р. Киммерийская топонимия. I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- Тохтасьев С.Р. Апатур: История боспорского святилища Афродиты // ВДИ. 1986. № 2.
- Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. I: ΠΑΤΟΥΣ, ΠΑΤΡΑΣΥΣ, ΠΑΤΡΑΕΥΣ // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986.
- Тохтасьев С.Р. О дорийском компоненте в составе населения Горгии первой половины III в. до н.э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: Тез. докл. Севастополь, 1988.
- Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. II: Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Тохтасьев С.Р. Античная литературная традиция о киммерийцах // Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.
- Тохтасьев С.Р. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. 1993. № 2.
- Тохтасьев С.Р. Вотив царицы Комосарии // ПАВ. 1994. Вып. 8.
- Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвячительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hyperboreus: Studia classica. Petropoli*, 1998. Vol. 4, Fasc. 2.
- Тохтасьев С.Р. ΒΟΣΠΟΡΟΣ // БФ: Греческая культура на периферии античного мира: Мат-лы конф. СПб., 1999.
- Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах и синдском государстве // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 1.
- Тохтасьев С.Р. Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Мат-лы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- Тохтасьев С.Р. ΣΙΝΔΙΚΑ // ТС. 2002. Вып. 4.
- Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I: (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3.
- Тохтасьев С.Р. ΣΑΥΡΟΜΑΤΑΙ — ΣΥΡΜΑΤΑΙ — ΣΑΡΜΑΤΑΙ // ХС. Севастополь, 2005. Вып. XIV.
- Тохтасьев С.Р. К политической истории Боспора III в. до н.э. // ДБ. 2006. Вып. 10.
- Тохтасьев С.Р., Финогенова С.И. Новые данные о культе Афродиты в

- Гермонассе // *Hyperboreus: Studia classica. Petropoli. 2003. Vol. 9, Fasc. 1.*
- Трапи М.М. Труды. Сухуми, 1969. Т. 2.
- Требелева Г.В. Боспорская конница в первые века нашей эры // ПИФК. 2003. Вып. XIII.
- Требелева Г.В. Организация обороны Тамани во II — середине III в. н.э.: Историческое моделирование на основе ГИС-технологий // ПИФК. 2006. Вып. XVI/1.
- Трейстер М.Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгишии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3.
- Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.
- Трейстер М.Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора в VI—V вв. до н.э. // *Eirene: Studia Graeca et Latina. 1988. T. V, Pt. 25.*
- Трейстер М.Ю. Заметки по поводу дискуссии «Сарматы в I в.н.э.: новейшие открытия» // ВДИ. 2001. № 4.
- Трейстер М.Ю. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуаша: (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э.) // БФ. СПб., 2002.
- Трейстер М.Ю. Колесница из 1-го Васюринского кургана Васюринской Горы: (еще раз к вопросу о боспорско-египетских отношениях в эллинистическую эпоху) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Периоды дестабилизации, катастроф / ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2005.
- Трейстер М.Ю. Сарматские войны Фарнака Боспорского: (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // БФ: Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Трейстер М.Ю. Гарнитур украшений из погребения № 1 Старшего Трехбратнего кургана // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в VII—I вв. до н.э.: Мат-лы междунар. конф., Тамань, Россия 9—16 октября 2000 г. / ред. С.А. Соловьев. СПб., 2006.
- Трейстер М.Ю. Фалары из станицы Успенской: (к вопросу о времени появления больших наплечных фаларов эллинистического времени) // ДБ. 2006. Вып. 10.
- Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская I в.н.э. в Северном Причерноморье: (к находке из сарматского погребения в Петриках) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. (Тр. ГИМ; Вып. 159).
- Трейстер М.Ю., Шелов-Ковалев Ф.В. Глиняный конусовидный предмет с граффито из Гермонассы // СГМИИ. 1992. Вып. 10.
- Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы: (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
- Трубачев О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4.
- Трубачев О.Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4.
- Тулушева О.В. Аттические скифосы с изображением совы // Введение в храм. М., 1997.
- Тульпе И.А. Некрополи для детей // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998.
- Тункина И.В. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII — первой четверти XIX вв. // БС. 1993. Вып. 2.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях: (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- Туровский Е.Я. К вопросу о внешней политике греческих государств Причерноморья в IV—III вв. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья: Мат-лы междунар. научн. конф. Севастополь, 1995.
- Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII — первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Усачева О.Н. Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры // КСИА. 1975. Вып. 143.
- Усачева О.Н. Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 1978. Вып. 56.
- Усачева О.Н. Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп // КСИА. 1983. Вып. 174.
- Усачева О.Н. Кошеленко Г.А. Об одной загадке боспорской историографии // РА. 1994. № 3.
- Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Кепы // АГСП. М., 1984.
- Усачева О.Н., Сорокина Н.П. Ритуальные каменные памятники из кепского некрополя на Таманском полуострове // Погребальный обряд: Археологический сборник. М., 1984. (Тр. ГИМ.; Вып. 93).
- Фармаковский Б.В. Новейшая датировка Карагодеуашского кургана // ИТУАК. 1913. Вып. 50.
- Фармаковский Б.В. Арханческий период в России // МАР. Пг., 1914. № 34.
- Фармаковский Б.В. Три полихромные вазы. Пг., 1921.
- Федосеев Н.Ф. Благодеяния Евмела // Античные полисы и местное население Причерноморья. Симферополь, 1995.
- Федосеев Н.Ф. Переправа через Боспор Киммерийский // Проблемы археологии и истории Боспора: К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996.
- Федосеев Н.Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // АИБ. 1999. Т. III.
- Фиалко Е.Е. Греческие калафы из скифских могил // Международные отношения. 2002. Вып. X.
- Финогенова С.И. Резные камни из Тирамбы и Тиритаки // История и культура античного мира. М., 1977.
- Финогенова С.И. Настенные росписи и мозаичные полы пантикапейского пританея // ПАК. М., 1986.
- Финогенова С.И. Терракоты Гермонассы // СГМИИ. 1992. Вып. 10.
- Финогенова С.И. Система росписи помещения I в. до н.э. в Гермонассе // ТС. СПб., 1998.
- Финогенова С.И. К вопросу о границах и планировке античной Гермонассы // ТС. СПб., 2000. Вып. 3.
- Финогенова С.И. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2.
- Финогенова С.И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 2005. Вып. 8.
- Финогенова С.И. Арханческая керамика из раскопок Гермонассы последних лет // ДБ. 2006. Вып. 9.
- Формозов А.А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1.

- Фролова Н.А. О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. // СА. 1970. № 4.
- Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. // Горгиппия. Краснодар, 1982. Т. I.
- Фролова Н.А. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ. 1981. № 1.
- Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. Т. 6.
- Фролова Н.А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. // НС ГИМ. М., 1983. Ч. 8.
- Фролова Н.А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э.: (по поводу выхода книги В.А. Анохина «Монетное дело Боспора». Киев, 1986) // ВДИ. 1988. № 3.
- Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4.
- Фролова Н.А. К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // Проблемы исследования античных городов: Тез. конф. М., 1989.
- Фролова Н.А. Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. 1989. Т. 15.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // ОАИБ. М., 1992.
- Фролова Н.А. О проблеме чеканки монет с легендой АПОЛ // БК. 1995. Вып. 5.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н.э. // РА. 1996. № 2.
- Фролова Н.А. Уникальный клад боспорских монет III в. до н.э. – 238 г. н.э. из древней Горгиппии (Анапа, 1987) // ВДИ. 1996. № 2.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). М., 1997. Ч. I–II.
- Фролова Н.А. Монеты из раскопок Горгиппии // ПИФК. 1997. Вып. 4, ч. 1.
- Фролова Н.А. Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985 гг.) // ПИФК. Москва; Магнитогорск, 1998. Вып. 6.
- Фролова Н.А. Ранние монеты Фанагории (конец V – начало IV вв. до н.э.) // ТД IX ВНК. СПб., 2001.
- Фролова Н.А. Корпус монет синдов (первая половина – конец V в. до н.э.) // ВДИ. 2002. № 3.
- Фролова Н.А. Кизикины из собрания Государственного исторического музея // ВДИ. 2004. № 4.
- Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н. Клад боспорских медных монет (I – середина IV в. н.э.), найденный в Керчи в 1995 г. // ВДИ. 2001. № 3.
- Фролова Н.А., Николаева Э.Я. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. 1978. Т. 39.
- Фролова Н.А., Савостина Е.А. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1998. № 1.
- Фролова Н.А., Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Кеп 1958–1963 гг. // НС. 1965. Вып. 2.
- Функ Б. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Эпюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Хабихт Х. Афины: История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
- Хакуз С.М., Кудай М.А., Бузаров А.К. История национального музея Республики Адыгея // Национальный музей Республики Адыгея. М., 2007.
- Харалдина З.Е., Новичихин А.М. Античные коллекции Анапского музея // ВДИ. 1994. № 2.
- Харко Л.П. Экспедиционная деятельность Музея изящных искусств // Жизнь Музея. 1930. № 1.
- Харко Л.П. Фрагмент фриза с изображением гигантов из станицы Таманской // СА. 1941. № VII.
- Харко Л.П. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК. 1946. Вып. 13.
- Харко Л.П. Нумизматическая хроника // ВДИ. 1949. № 1.
- Харко Л.П. Монетные находки в Фанагории // СГМИИ. 1968. Вып. IV.
- Хачатурова Е.А. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев // Тайны терракоты: Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 1987.
- Хачатурова Е.А. Античные коллекции Кубанского войскового музея // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994.
- Хачатурова Е.А. Серебряный наплечный седельный фалар из Темрюкского музея // Международные отношения. 2002. Т. X.
- Хачатурова Е.А., Вальчак С.Б., Пьянков А.В., Эрлих В.Р. Новый комплекс предскифского времени из Западного Закубанья // Третья Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар; Анапа, 2001.
- Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей. СПб., 1884.
- Хойновский И.А. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Київ, 1896. Вып. I.
- Хохоровски Я. Скифские набеги на территорию Средней Европы // РА. 1994. № 4.
- Христиане на Востоке: Искусство мельников и инославных христиан: Каталог выставки в ГЭ. СПб., 1998.
- Хуит М.А. Клад статов боспорских царей Рискупорида V и Фарсанза // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Краснодар, 2004. Вып. 5.
- Цветашева Г.А. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий // Новое в советской археологии. М., 1965.
- Цветашева Г.А. Керамическое производство Боспора // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. М., 1966. (САИ; Вып. Г1-20).
- Цветашева Г.А. Раскопки некрополя Горгиппии в 1964 г. // КСИА. М., 1967. Вып. 109.
- Цветашева Г.А. Сокровища Причерноморских курганов. М., 1968.
- Цветашева Г.А. Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1968. № 1.
- Цветашева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.
- Цецхладзе Г.Р. О полисном статусе городов античного Боспора // ДГВЕ 1996–1997 гг. М., 1999.
- Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Черненко Е.В. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древ-

- ности / ред. В.А. Ильинская. Киев, 1973.
- Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ / ред. А.И. Тереножкин. Киев, 1980.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Черненко Е.В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов: Сборник научных трудов АН УССР / Ин-т археологии. Киев, 1984.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984.
- Чуистова Л.И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // АИБ. Симферополь, 1962. Вып. II.
- Шавырина Т.Г. Раскопки некрополя Фанагории в 1978 г. // КСИА. 1983. Вып. 174.
- Шавырина Т.Г. Раскопки западного некрополя Фанагории // ДБ. 2000. Вып. 3.
- Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984.
- Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II — памятник эпохи поздней бронзы — начала раннего железа // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.
- Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.
- Шарафутдинова Э.С. О социальной градации в протомеотском погребальном обряде // КСИА. 1991. Вып. 203.
- Шарафутдинова Э.С. Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Кавказа // Между Азией и Европой: Кавказ в IV—I тыс. до н.э.: Мат-лы конф., посвященной 100-летию А.А. Иессена. СПб., 1996.
- Шауб И.Ю. Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // Мат-лы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: (Тезисы). Тбилиси, 1979.
- Шауб И.Ю. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. 1987. Вып. 191.
- Шауб И.Ю. Некоторые аспекты культа Диониса на Боспоре в IV в. до н.э. // БФ: греческая культура на периферии античного мира: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 1999.
- Шауб И.Ю. О культе Деметры на Боспоре // БФ: Проблема соотношения письменных и археологических источников: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 2005.
- Шевченко Н.И. Политика Боспора и варвары Прикубанья в I в. до н.э. // ТС. 2000. Вып. 3.
- Шевченко Н.Ф. Городище эпохи раннего железного века в Восточном Приазовье // Первая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989.
- Шевченко Н.Ф. Еще раз о сарматах в степях Прикубанья // Вторая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1993.
- Шевченко Н.Ф. Строительные традиции у меоты // Армавирский краеведческий музей: Историко-археологический альманах. М., 1995. Вып. 1.
- Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки / ред. А.М. Лесков, В.Л. Лапушнян. М., 1987.
- Шелов Д.Б. Кизикские статеры на Боспоре // ВДИ. 1949. № 2.
- Шелов Д.Б. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII.
- Шелов Д.Б. Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н.э. с надчеканками // КСИИМК. 1952. Вып. XLIII.
- Шелов Д.Б. Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1953. № 1.
- Шелов Д.Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. 1953. Вып. LI.
- Шелов Д.Б. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // МИА. 1954. № 33.
- Шелов Д.Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. 1955. Вып. LVIII.
- Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
- Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н.э. М., 1956.
- Шелов Д.Б. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1960. Т. I.
- Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса // МИА. 1961. № 98.
- Шелов Д.Б. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. // НЭ. 1962. Т. III.
- Шелов Д.Б. Монетные находки на Майской горе // НЭ. 1963. Т. IV.
- Шелов Д.Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I вв. до н.э. // НЭ. 1965. Т. V.
- Шелов Д.Б. Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг. // НЭ. 1966. Т. VI.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н.э. М., 1970.
- Шелов Д.Б. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Шелов Д.Б. Махар — правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1.
- Шелов Д.Б. Еще раз о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н.э. // СА. 1981. № 2.
- Шелов Д.Б. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации: Мат-лы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-1979. Тбилиси, 1981.
- Шелов Д.Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2.
- Шелов Д.Б. История античных государств Северного Причерноморья // АГСП. М., 1984.
- Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI—IV вв. до н.э. // ДГ СССР. 1984 г. М., 1985.
- Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1.
- Шилов В.П. О расселении меотских племен // СА. 1950. № 4.
- Шкорпил В.В. Археанактиды // ИТУАК. 1918. Вып. 54.
- Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1911 г. // ИАК. 1912. Вып. 45.
- Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. 1914. Вып. 54.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56.

- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 1916. Вып. 60.
- Шкорпил В.В. Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 1917. Вып. 63.
- Шкорпил В.В. Раскопки в г. Керчи и в Кубанской области в 1913–1915 гг. // ОАК 1913–1915. СПб., 1918.
- Шнюков Е.Ф., Соболевский Ю.В., Гнатенко Г.И., Науменко П.И., Кутний В.А. Грязевые вулканы Керченско-Таманской области. Киев, 1986.
- Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
- Шургая И.Г. Вопросы боспоро-египетской хлебной конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1973. Вып. 138.
- Щеглов А.Н. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира // Эллинизм и Причерноморье: Мат-лы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985.
- Щелинский В.Е. Древнейшие раннепалеолитические местонахождения Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Щукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблема ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир: Мат-лы III Археологического семинара / ред. Б.А. Раев. Новочеркасск, 1992. Ч. 1.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Эрлих В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. 1990. № 1.
- Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
- Эрлих В.Р. Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада // РА. 1994. № 2.
- Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.
- Эрлих В.Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период. // МИАР. М., 1997. № 1.
- Эрлих В.Р. Булавки с кольцевидным навершием из Закубанья и их позднесрубные прототипы // Древности Кубани. Краснодар, 2000. Вып. 16.
- Эрлих В.Р. Относительная и абсолютная хронология Ульских курганов // ТС.: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). СПб., 2000.
- Эрлих В.Р. Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени: (к постановке проблемы) // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб., 2001. Ч. 2.
- Эрлих В.Р. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва, 2002.
- Эрлих В.Р. Переход от бронзового к железному веку на Северо-Западном Кавказе: (к постановке проблемы). Части I–II // РА. 2002. № 3, 4.
- Эрлих В.Р. Украшения из Тенгинских святилищ // БФ: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. 2.
- Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. № 1.
- Эрлих В.Р. «Птицеголовые скипетры» предскифского времени: Новые аргументы к дискуссии // Материальная культура Востока. М., 2005.
- Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
- Эрлих В.Р. «Скифский» культовый набор в меотском святилище // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и докл. Краснодар. 2005.
- Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: (протомеотская группа памятников), М., 2007.
- Эрлих В.Р., Вальчак С.Б. Протомеотские погребения могильника Пшиш I: (раскопки 2004 г.) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6.
- Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е. Исследование кургана 2 могильника Уашхиту I в Адыгее // АО 2005 г. М., 2007.
- Эрлих В.Р., Кожухов С.П. Об основных этапах развития меотской культуры Закубанья // Античная цивилизация и варварский мир: (Мат-лы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1992. Ч. 1.
- Эрлих В.Р., Шамба Г.К. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Юрченко Т.В. К вопросу по истории формирования этнографической коллекции Краснодарского музея-заповедника // Музеи в современных условиях: Мат-лы Северо-Кавказской научно-практической конф. по проблемам музейного дела. Краснодар, 1995.
- Яблонский А.Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1.
- Яйленко В.П. Заметки по греческой лексике и ономастике // История и культура античного мира. М., 1977.
- Яйленко В.П. Древнегреческая колониационная практика // ПГКСВП. Тбилиси, 1979.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э.: (по данным эпиграфических источников) // М., 1982.
- Яйленко В.П. Новые надписи Горгиппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985.
- Яйленко В.П. Одна боспорская эпитафия // ПАК. М., 1986.
- Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.
- Яйленко В.П. О корпусе византийских надписей в СССР // ВВ. 1987. Т. 48.
- Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990.
- Яйленко В.П. Поход Савромата I на Азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990.
- Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых бос-

- порских надписях // Женщина в античном мире: Сборник статей. М., 1995.
- Яйленко В.П. Призрак боспорского Сатира в Ольвии и тени ольвинополитов да митридатовых солдат в Западном Крыму: комментарий к эпиграфическим видениям // Тез. докл. VI Чтений памяти В.Д. Блаватского. М., 1999.
- Яйленко В.П. Вторая фанагорийская проксения // ДБ. 2001. Вып. 4.
- Яйленко В.П. Опистограф из Фанагории со строительной надписью и эпитафией фнасога // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва; Магнитогорск, 2002. Вып. XII.
- Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 2004. Вып. 7.
- Яйленко В.П. Магические надписи Боспора // ДБ. 2005. Вып. 8.
- Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э.: (локализация и политическая история) // ПАВ. 1993. Вып. 6.
- Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Abramov A.P. Patraeus // Ancient Greek colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II.
- Abramzon M. A hoard of silver coins of 6–4 centuries B.C. from Tyramba (the Taman Peninsula) // XIII Congreso internacional de Numismática. Resúmenes de les comunicaciones. Madrid, 2003.
- Abramzon M.G., Frolova N.A. A Hoard of Silver Coins of 6–4 Centuries B.C. from the Taman Peninsula // RN. 2004. 160.
- Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. A Hoard of Bosphoran Gold Staters of the 2 Century AD from the City-site Krasnobatareinoye // ACSS. 2001. Vol. 7. № 3–4.
- Abramzon M.G., Gorlov Yu. V. Two staters of Philip III Arrhidaeus found in Phanagoreia // ACSS. 1996. Vol. 3.
- Albanien: Schätze aus dem Land der Skipetaren / Hrsg. A. Eggebrecht. Mainz, 1988.
- Alexeev A. Die Kurgane von Kelermes in ihrem historischen Kontext // Reiternomadische Eliten der eurasischen Steppe: Der Skythenkongress. [Berlin, 2007].
- Alekseeva E.M. Gorgippia: Geschichte einer griechischen Polis an der Stelle der heutigen Stadt Anapa // Das Bosphoranische Reich: Der Nordosten des Schwarzen Meeres in der Antike / Hrsg. J. Fornasier, B. Böttger, Mainz, 2002.
- Alekseyeva E.M. Gorgippia: A Bosphoran Polis in Ancient Sindike // Expedition. 1994. V. 36, Nos. 2–3.
- Alexandrescu P. Le symbolisme funéraire dans une tombe de la péninsule de Taman // Studia Clasice. București, 1966. VIII.
- Aly W. Strabon von Amaseia: Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographika. Bonn, 1957.
- Amandry P. Collection Hélène Stathatos: Les bijoux antiques. Strasbourg, 1953.
- Amix D.A. The Attic Stelai. Pt. III // Hesperia. 1958. 27.
- Anderson G.C. The Eastern Frontier under Augustus // CAH. Cambridge, 1934. Vol. X.
- Andronicos M. Vergina: The Royal Tombs. Athens, 1984.
- Andronicos M. Vergina: The royal tombs and the ancient city. Athens, 1999.
- Anochin V.A. Die Pontische Expedition der Perikles und der Kimmerische Bosphorus (437 v. Chr.) // Stephanos numismatikos: Edith Schönert-Geiss zum 65. Berlin, 1998.
- Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria / ed. I. Marazov. N.Y., 1998.
- Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikensmuseums Berlin. Mainz, 1988. Bd. 14. (Die Monographien des RGZM).
- Arafat K., Morgan C. Athens, Etruria and the Heuneburg: Mutual Misconceptions in the Study of Greek-barbarian Relations // Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies / ed. by I. Morris. Cambridge, 1994.
- Arsen'eva T.M., Böttger B., Vinogradov J.G. Griechen am Don: Die Grabungen in Tanais 1994 // Eurasia Antiqua. Mainz am Rhein, 1995. Bd. 1.
- Artamonow M.I. Goldschatz der Skythen. Prag, 1970.
- Avram A. Modes de contacts entre Grecs et Gètes à Histria à l'époque archaïque // Sur les traces des Argonautes. Actes du 6e symposium de Vani / ed. par O. Lordkipanidzé et P. Lévêque. Besançon, 1996.
- Babelon E. Traite des Monnaies grecques et romaines. Paris, 1901–1907. P., 1901. T. I.
- Baldwin Brett A. Catalogue of Greek coins. Museum of Fine Arts. Boston, 1955.
- Barron J.P. The Silver Coinage of Samos. London, 1996.
- Bees N. Corpus der griechisch christlichen Inschriften von Hellas: Inschriften von Peloponnes. Athen, 1941. Bd. i: Isthmos-Korinthos.
- Beglova Je. Kopflos und gefesselt – Bestattungen der ganz anderen Art: Ein Ritualkomplex mit menschlichen Opfergaben aus der Grabstätte von Tenginskaja // Antike Welt. 2002. H. 3.
- Berezanskaya S., Klochko V. Das Gräberfeld von Hordeevka // Archäologie in Eurasien, Berlin, 1998. Bd. 5.
- Bernhard-Walcher A., Gschwanthler K., Kriller B., Kugler G.J., Oberleitner W. Meisterwerke aus der Antikensammlung des Kunsthistorischen Museums in Wien. Mainz, 1996.
- Blanck I. Studien zum griechischen Halbschmuck der archaischen und klassischen Zeit: Diss. Mainz. Köln, 1974.
- Blawatsky W.D. Il periodo del Protoellinismo sul Bosphoro // Atti del settimo congresso Internazionale di Archeologia classica. Roma, 1961. III.
- Blawatsky W.D. Les cultes des empereurs romaines en Bosphore // Mélanges archéologie et d'histoire offerts à André Piganiol. P., 1966. III.
- Blavatsky W. Zur Herkunft der bosphoranischen Archaianaktiden // Klio. 1970. Bd. 52.
- Blok J.H. The Early Amazons: Modern and Ancient Perspectives of a Persistent Myth. Leiden; New York; Köln, 1995 (Religions in the Graeco-Roman World; 120).
- Boardman J. The Greeks Overseas: Their Early Colonies and Trade. L., 1980.
- Boardman J. Silver is White // RA. 1987.
- Boardman J. The Trade Figures // OJA. 1988. 7.
- Boardman J. Trade in Greek Decorated Pottery // OJA. 1988. 7.
- Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. L., 1994.
- Boardman J. Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. 2nd ed. L., 2001.
- Boffo L. La conquista persiana della città greche d'Asia Minore // Rendiconti dell'Accademia dei Lincei. Ser. VII, 26/1.
- Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg; Paris, 1916.

- Boltrik Ju.V., Fialko E.E.* Der Oguz-Kurgan: Die Grabanlage eines Skythenkönigs der Zeit nach Ateas // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 1991. Bd. 18.
- Bordea G.R.* Le tresor de Marasesti // Academie des sciences Socialiste de Roumanie. Dacia. Bucarest, 1974. XVIII.
- Boshnakov K.* Pseudo-Skymnos (Semos von Delos ?) (Palingenesia 82). Stuttgart, 2004.
- Bouzek J.* The Position of the Pistiros Fortifications in the Development of the Ancient Poliorcetics and Stonecutting Techniques // Pistiros I: Excavations and Studies. Prague, 1996.
- Bowersock G.W.* Augustus and the Greek World. Oxford, 1965.
- Bowersock G.W.* Fiction as History: Nero to Julian. Berkeley; Los Angeles; London, 1994.
- Braund D.* Neglected Slaves // ВДИ. 2005. № 4.
- Bravo B.* Le commerce des céréales chez les Grecs de l'époque archaïque // Trade and Famine in Classical Antiquity / ed. by P. Garnsey, C.R. Whittaker. Cambridge, 1983.
- Brentjes B.* Waffen der Steppenvölker.-I: Dolch und Schwert im Steppenraum vom 2. Jahrtausend v.Chr. bis in die alttürkische Zeit // AMI. 1993. Bd. 26.
- Bresson A.* La construction d'un espace d'approvisionnement: les sites égéennes et le grain de mer Noire // Une koiné pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire (VIIe s. a.C. – IIIe s. p.C.). Textes réunis par A. Bresson, A. Ivantchik et J.-L. Ferrary. Bordeaux, 2007.
- Brill's New Pauly.* Chronologies of the Ancient World: Names, Dates and Dynasties / ed. by W. Eder and J. Renger. Leiden; Boston, 2007.
- Brüder Egger.* Auktions-Katalog. Wien, 1914. XLVI.
- Brzezinski R., Mielczarek M.* The Sarmatians, 600 BC – AD 450 // Men-at-Arms, 2002.
- Burn L., Higgins R.* Catalogue of Greek Terracottas in the British Museum. L., 2001. Vol. III.
- Burnett A., Amandry M., Ripolles P.P.* Roman Provincial Coinage. L.; P., 1992. Vol. I.
- Burstein S.M.* The War between Heraklea Pontica and Leucon I of Bosphorus // Historia. 1974. Bd. 23, H. 4.
- Butyagin A.M.* Painted Pottery from the Early Levels of Myrmekion (1992 field season) // Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum / ed. by J. Boardman, S.L. Solovyov, G.R. Tsetskhladze. Leiden; Boston; Köln, 2001.
- Calame C.* Myth et histoire dans l'Antiquité grecque: La création symbolique d'une colonie. Lausanne, 1996.
- Carpenter R.* The Greek Penetration of the Black Sea // AJA. 1948. 52.
- Carpenter Th.H.* Dionysian Imagery in Archaic Greek Art: Its Development in Black-figure Vase Painting. Oxford. 1986.
- Carpenter Th.H.* Dionysian Imagery in Fifth-Century Athens. Oxford, 1997.
- Cartledge P.* «Trade and Politics» Revisited: Archaic Greece // Trade in the Ancient Economy / ed. P. Garnsey, K. Hopkins, C. Whittaker. L., 1983.
- Chaikovskiy S.M., Rimar P.O., Strokova L.V., Starchenko O.V.* Museum of Historical Treasures of Ukraine. Kiev, 2004.
- Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968. Vol. I.
- Chochorowski J.* Ekspansja kimmerska na tereny Europy Środkowej. Krakow, 1993.
- Christien-Trégaro J.* Les Péloponnésiens et la mer Noire // Sur les traces des Argonautes: Actes du 6e symposium de Vani ed. O. Lordkipanidze, P. Lvêque. P., 1996.
- Chryssanthaki K.* Les trois fondations d'Abdère // REG. 2001. 114.
- Chryssanthaki K.* Reconsidering the History of Abdera // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony: Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera / ed. by A. Moustaka, E. Skarlatidou, V.-C. Tzannes, Y. Ersoy. Thessaloniki, 2004.
- Chuvin P.* La mythologie grecque du premier homme à l'apothéose d'Héraclès. Paris, 1992.
- Cicala L.* L'edilizia domestica di Elea in età tardo arcaica: problemi di analisi e definizione // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer: Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr. / Hrsg. von F. Krinzing. Wien, 2000.
- Cicala L.* Le tecniche edilizie ad Elea in età tardo arcaica // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer: Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr. / Hrsg. von F. Krinzing. Wien, 2000.
- Chr. / Hrsg. von F. Krinzing.* Wien, 2000.
- Clarke E.-D.* Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. P., 1812. I.
- Clinton K.* Myth and Cult: The Iconography of the Eleusinian Mysteries. Stockholm, 1992.
- Coja M.* Les fortifications grecques dans les colonies de la côte ouest du Pont Euxin // La fortification dans l'histoire du monde grec: Actes du Colloque International / Éd. par P. Leriche et H. Tréziny. P., 1986.
- Congdon L.O.K.* Caryatid Mirrors of Ancient Greece: Technical, Stylistic and Historical Consideration of Archaic and Early Classical Bronze Series. Mainz-am-Rhein, 1981.
- Contre Démosthène 43) // Le IVe siècle av. J.-C.: Approches historiographiques: Études réunies par P. Carlier. P., 1996.*
- Cook R., Dupont P.* East Greek Pottery. L.; N.Y., 1998.
- Corssen P.* Die Sybille in VI: Buch der Aeneis // Sokrates. N.F. 1913. 1.
- Couillon P.* Pseudo-Skylax: le Périples du Pont-Euxin: Texte, traduction, commentaire philologique et historique (Ausonius – Scripta Antiqua 8). Bordeaux, 2004.
- Crawford M.* Roman Republican Coinage. I–II. Cambridge, 1974. I.
- Cumont F.* À propos de Sabazius et du judaïsme // Musée Belge. 1910. 14.
- Cumont F.* Les mystères de Sabazius et le judaïsme // CRAI. 1905.
- Dal Mille al Mille: Tesori e popoli dal mar Nero.* Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995. Milano, 1995.
- Damerji M.S.B.* Gräber assyrischen Königinnen aus Nimrud // JbRGZM. 1998. Bd. 45, Teil 1.
- Danner P.* Megara, Megara Hyblaea and Selinus: The Relationship between the Town Planning of a Mother City, a Colony and a Sub-Colony in the Archaic Period // Urbanization in the Mediterranean in the 9th to 6th Centuries BC // ed. by H.D. Andersen, H.W. Horsnæs, S. Houby-Nielsen, A. Rathje. Copenhagen, 1997.
- Daumas M.* Des cabires Thébains aux grands dieux de Samothrace: Aspects d'une recherche sur un culte à mystères // RA. 1997.
- Davies J.K.* Wealth and the Power of Wealth in Classical Athens. Salem, 1984.
- Delivorrias A.* (ed.), Ελληνικά κοσμηματα. Από τις Συλλογές του Μουσείου Μπενάκη. Athens, 1999.

- Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz, 1985.
- Derin Z., Muscarella O.W. Iron and Bronze Arrows // Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998. Roma, 2001. VI: Documenta Asiana / ed. Altan Çilingiroğlu, Mirjo Salvini.
- Despini A. Greek Art: Ancient Gold Jewellery. Athens, 1996.
- Detienne M. The Gardens of Adonis: Spices in Greek Mythology, Atlantic Highlands (New Jersey), 1977.
- Diels G., Schramm E. Exzerpte aus Philons Mechanik 7, 8 // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften (philologisch-historische Klasse). 1919. Nr. 12.
- Diels H. Chronologische Untersuchungen über Apollodors Chronika // RhM. 1876. 31.
- Dietler M. Consumption, Cultural Frontiers, and Identity: Anthropological Approaches to Greek Colonial Encounters // Confini e frontiera nella grecità d'occidente: Atti del trentasettesimo convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto, 1999.
- Dietler M. Greeks, Etruscans, and Thirsty Barbarians: Early Iron Age Interaction in the Rhône Basin of France // Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology / ed. by T.C. Champion. L., 1989.
- Dietler M. The Iron Age in Mediterranean France: Colonial Encounters, Entanglements, and Transformations // Journal of World Prehistory. 1997. Vol. 111, No. 3.
- Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Amsterdam, 1986 (reprint 1952).
- Domaradzki M. An Interim Report on Archaeological Investigations at Vreten-Pistiros, 1988–1994 // Pistiros I: Excavations and Studies. Prague, 1996.
- Dougherty C. The Poetics of Colonization: From City to Text in Archaic Greece. New York; Oxford, 1993.
- Drews R. The Greek Accounts of Eastern History. Washington, 1973.
- Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843. Vol. 5.
- Ducrey P. La muraille est-il un élément constitutif d'une cité // Sources for the Ancient Greek City-State / ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1995. (Acts of the Copenhagen Polis Centre; Vol. 2).
- Dupont P. Classification et détermination de la provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros. Rapport préliminaire // Dacia. NS. 1983. 27.
- Dupont P. Amphores archaïques de Grèce propre en mer Noire: État de la question // Il mar Nero. 1995/96. 2.
- Dupont P. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est // La Parola del Passato. 1982. 37.
- Dupont P. L'habitat grec du Pont-Euxin: Quelques pierre d'achoppement // Habitat et urbanisme dans le monde grec de la fin des palais mycéniens à la prise de Milet (494 av. J.-C.). Toulouse, 2002 (Pallas; 58).
- Dupont P. Trafics méditerranéens archaïques: quelques aspects // Die Ägäis und das westliche Mittelmeer: Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. V. Chr. // Hrsg. von F. Krinzinger. Wien, 2000.
- Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien: Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1983.
- Ekroth G. The Sacrificial Rituals of Greek Hero-Cults // Kernos Suppléments 12. Liège 2002.
- Entre Asie et Europe: L'or des Sarmates: Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995. Abbaye de Daoulas, 1995.
- Fabricius W. Theophanes von Mytilene und Quintus Dellius als Quellen der Geographie des Strabon. Straßburg, 1888.
- Faklaris P. Περιτραχήλιον // Αρχαιολογικόν Δελτίον. A., 1985 (1991). T. 40.
- Figueira T.J. Aegina: Society and Politics. Salem, 1981.
- Finigenova S.I. Hermonassa // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II / ed. by D.V. Grammenos and E.K. Petropoulos.
- Fontenrose J.E. Didima: Apollo's oracle, cult and companions. Los Angeles; London, 1988.
- Formigli E., Heilmeyer W.-D. Tarentiner Goldschmuck in Berlin (130/131. Winckelmannsprogramm der archäologischen Gesellschaft zu Berlin). Berlin, 1990.
- Fornasier J. Das Pectorale aus der Tolstaja Mogila – Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion // Zur graeco-skythischen Kunst. Münster, 1997. Bd. 4.
- Fornasier J. Tanais in hellenistischer Zeit – Ein Bestandteil des Bosphorischen Reiches? // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Мат-лы междунар. конф. СПб., 2001. Ч. 1.
- Fouache E., Müller Ch., Gorlov Yu., Gaibov V. Archéologie du paysage dans la Péninsule de Taman (Russie du Sud) // Cité et territoire – II. IIème colloque européen. Béziers, 1997.
- Fouache E., Müller Ch., Gorlov Yu., Gaibov V., Porotov A. Geoarchaeological Study of the Taman Peninsula and the Kouban Delta (Black Sea, Sea of Azov, Russia) // Geoarchaeology of the Landscapes of Classical Antiquity: International Colloquium, Ghent 23–24 October 1998. Leiden, 2000.
- Foxhall L. Cargoes of the Heart's Desire. The Character of Trade in the Archaic Mediterranean World // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / ed. N. Fisher, H. van Wees. L., 1998.
- Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. I.
- Fritze H. Die Elekronprägung von Kyzikos // Nomisma. 1912. Heft VII.
- Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus. A.D. 69–238. Oxford, 1979. (BAR. International Series; 56).
- Frolova N.A. Towards a History of Bosphoran Coinage (1 century B.C.) // ACSS. 1996. 3. 2–3.
- Frolova N. Finds of coins from ancient Gorgippia // Colloquia Pontica. Leiden; Boston; Köln, 2001. Vol. 6: North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies.
- Frolova N.A. A Corpus of the Sindian Coins (First Half of the Vth – Late Vth Century BC) // ACSS. 2002. Vol. 8.
- Frolova N.A. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosphoros (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. V. Chr.). Berlin, 2004.
- Frolova N., Ireland S. A Hoard of Bosphoran Coins in the Period Third Century BC to AD 238 from Ancient Gorgippia // NC. 1995.
- Frolova N.A., Ireland S. The Coinage of the Bosphoran Kingdom // BAR Inter. Series 1102. Oxford, 2002.

- From the Lands of the Scythians. N.Y., 1975. (Bulletin of the Metropolitan Museum of Art; V. 32.5, 1973/74).
- Gajdukevič V.F. Das Bosporianische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.
- Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986.
- Gardiner-Garden J.R. Dareios' scythian expedition and its aftermarth // *Klio*. 1987. Bd. 69/2.
- Gardiner-Garden J.R. Herodotos' Contemporaries on Skythian Geography and Ethnography. Bloomington, 1987. (Papers on Inner Asia; 10).
- Garland R. The Greek Way of Death. N.Y., 1985.
- Garnsey P. Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World; Responses to Risk and Crisis. Cambridge, 1988.
- Geffcken J. Timaios' Geographie des Westen. Berlin, 1892.
- Gelsdorf F. Wie nannten die Römern ihre Löffel? // *Das Rheinische Landesmuseum Bonn*. 1987. H. 3.
- Gerkan A. Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung. Milet // *Wiegand Th. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899*. Berlin, 1925. Band I, Heft 8.
- Gernet L. Anthropologie de la Grèce antique. P., 1968.
- Gerring B. Sphragides: Die gravierten Fingerringe des Hellenismus. Oxford, 2000. (BAR; Intern. Ser., Vol. 848).
- Ghirshman R. Perse, Protoiraniens, Médes, Achemenides. P., 1963.
- Gill D.W.J. The Distribution of Greek Vases and Long Distance Trade // *Proceedings of the 3rd Symposium on Ancient Greek and Related Pottery*. Copenhagen, 1988.
- Gill D.W.J. Pots and Trade: Spacefillers or Objets d'Art? // *JHS*. 1991. 111.
- Gill D.W.J. Positivism, Pots and Long-distance Trade // *Classical Greece: Ancient Histories and Modern Archaeologies* / ed. I. Morris. Cambridge, 1994.
- Gli ori di Taranto in età ellenistica / ed. E.M. De Juliis. Milano, 1984.
- Gold aus Kiew: 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine: Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien / Hrsg. W. Seipel. Wien, 1993.
- Gold der Skythen: Schätze aus der Staatlichen Eremitage / Hrsg. R. Busch. St. Petersburg; Neumünster, 1993.
- Gold der Steppe" Archäologie der Ukraine / Hrsg. R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel. Schleswig, 1991.
- Golenko K. Le trésor d'antoniniani de Kerch // *RN*. 1973. 6 Ser. T. 15.
- Golenko K., Karyszkowski P. The Gold Coinage of King Pharnaces of the Bosphorus // *NC*. 1972. 7 series. 12.
- Golenko K.V. Pontic Currency of the Period of Mithridates VI on the Bosphorus // *Numismatic Circular*. 2003. April. Vol. CXI. No 2.
- Gorman V.B. Miletos, the Ornament of Ionia: A History of the City to 400 B.C.T. Ann Arbor, 2001.
- Goroncharovski V. The Semibratnee City-site (Labrys): Results of Research 2001–2005 // *Hyperboreus*. 2006. Vol. 12, Fasc. 2.
- Gough M. A Fifth Century Silver Reliquary from Isauria // *Byzantinoslavica*. 1958. T. 19.
- Grace V. Samian Amphoras // *Hesperia*. 1971. 40.
- Graham A.J. Abdera and Teos // *JHS*. 1992. 112.
- Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. Chicago, 1983.
- Graham A.J. The Date of the Greek Penetration of the Black Sea // *Bulletin of the Institute of Classical Studies / University of London*. 1958. 5.
- Gras M., Tréziny H. L'espace urban mégarien, histoire d'une redécouverte // *Mégara Hyblaea 5: La ville archaïque: L'espace urban d'une cité grecque de Sicile orientale*. Rome, 2004. (MEFRA; Suppl. 1/5).
- Greaves A.M. Miletos. A History. L.; N.Y., 2002.
- Greco E. Greek Colonisation in Southern Italy: A Methodological Essay // *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Leiden; Boston, 2006. Vol. 1 / ed. by G.R. Tsatsikhaladze.
- Greenwell W. The Electrum Staters of Cyzicus // *NC*. 1887. VIII.
- Grégoire H. Recueil des inscriptions grecques-chrétiennes d'Asie Mineure. Chicago, 1980. Fasc. 1.
- Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Berlin, 1970. Bd. I.
- Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Berlin, 1975. Bd. II.
- Grose D.F. The Syro-Palestinian Glass Industry in the Later Hellenistic Period // *MUSE*. 1979. V. 13.
- Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. Bd. II.
- Guyot P. Eunuchen als Sklaven und Freigelassene in der griechisch-römischen Antike. Stuttgart, 1980.
- Guzzo P.G. Case a Sibari // *Ricerche sulla casa in Magna Grecia e in Sicilia* / A cura di F. D'Andria e K. Mannino; Università di Lecce. 1996. (Archeologia e storia; 5).
- Hackens T. Catalogue of the Classical Collection: Classical Jewelry / Museum of Art, Rhode Island; School of Design. Providence, 1976.
- Hägg T. The Novel in Antiquity. Oxford, 1983.
- Hahn I. Foreign Trade and Foreign Policy in Archaic Greece // *Trade and Famine in Classical Antiquity* / ed. P. Garnsey, C.R. Whittaker. Cambridge, 1983.
- Hall J.M. Ethnic Identity in Greek Antiquity. Cambridge, 1997.
- Hamdorf F.W. Dionysos/Bacchus: Kult und Wandlungen des Weingottes. München. 1986.
- Hansen M.H. Introduction // *An Inventory of Archaic and Classical Poleis* / ed. by M.H. Hansen and Th.H. Nielsen. Oxford, 2004.
- Hansen M.H. Poleis and City-States, 600–323 B.C.: A Comprehensive Research Programme // *From Political Architecture to Stephanus Byzantius: Sources for the Ancient Greek Polis* / ed. by D. Whitehead. Stuttgart, 1994. 15. (Papers from the Copenhagen Polis Centre; 1).
- Hansen M.H. The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // *The Development of the Polis in Archaic Greece* / ed. by L.G. Mitchell and P.J. Rhodes. L.; N.Y., 1997.
- Hansen M.H. ΠΟΛΙΤΕΙΑΣ ΠΟΛΙΣ ΛΕΓΕΤΑΙ (Arist. Pol. 1276a23): The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // *Introduction to an Inventory of Poleis* / ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1996. (Acts of the Copenhagen Polis Centre; Vol. 3).
- Hansen M.H. The Polis as an Urban Centre: The Literary and Epigraphical Evidence // *The Polis as an Urban Centre and as a Political Community* / ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1997. (Acts of the Copenhagen Polis Centre; Vol. 4).
- Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970.
- Harris D. The Treasures of the Parthenon and Erechtheion. Oxford, 1995.
- Head B. Historia Numorum. Oxford, 1911.

- Heinen H. Mithridates VI. Eupator und die Völker des Nördlichen Schwarzmeerraums // Hamburger Beiträge zur Archäologie. 1991. 18.
- Heinen H. Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums: Festschrift Heinrich Chantaine. Paderborn, 1994.
- Heinen H. Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos // Z.P.E. 1999. 124.
- Hellmann M.-Ch. Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque, d'après les inscriptions de Délos. P., 1992.
- Heritage Recovered: The Lydian Treasure. Istanbul, 1996.
- Herrmann P. Teos und Abdera im 5. Jahrhundert v. Chr.: Ein neues Fragment der Teiorum Dirae // Chiron. 1981. 11.
- Higgins R. Greek and Roman Jewellery. 2nd ed. L., 1980.
- Higgins R.A. Greek Terrakottas. L., 1967.
- Hockmann O. Naval et other Graffiti from Nymphaion. // ACSS. Leiden, 1999. Vol. 5/4.
- Hodge A.T. Ancient Greek France. L., 1998.
- Hoepfner W., Schwandner E.-L. Haus und Staat im klassischen Griechenland. B., 1986.
- Hoffmann H., von Claer V. Antiker Gold- und Silberschmuck: Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg. Mainz, 1968.
- Horedt K. Die dakischen Silberfunde // Dacia. 1973. T. XVII.
- I Tesory dei Kurgani del Caucaso Settentriionale: Catalogo. Roma, 1990.
- Iliescu O. Tesaurul de Stateri de la Dakoi // Caie selective Academiei RPR. 1963. 8.
- Im Zeichen des Goldenen Greifen: Königsgräber der Scythen. München; Berlin; London; New York, 2007.
- Imhoof-Blumer F. Griechisches Münzen. München, 1890.
- Ireland S., Frolova N.A. Two hoards of Bosporan cpins of the 1 century BC from the ancient settlement of Poljanka (Kerch) // Hermathene. 1999. 166.
- Isaac B. The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986.
- Isler-Kerényi C. Dionysos nella Grecia arcaica: Il contributo delle immagini. Pisa; Roma, 2001.
- Ivantchik A. La légende «grecque» sur l'origine des Scythes (Herodote 4.8–10) // Origines gentium: Textes réunis par V. Fromentin et S. Gotteland). Bordeaux, 2001.
- Ivantchik A. The Scythian «rule over Asia»: the Classical Tradition and the Historical Reality // Ancient Greeks: West and East / ed. G.R. Tsetschladze. Leiden; Boston; Köln, 1999.
- Ivantchik A. Une légende sur l'origine des Scythes (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythikos logos* d'Hérodote // REG. 1999. 112.
- Jackson M. Jewellery Evidence and the Lowering of South Italian Ceramic Chronology // AWE. 2004. V. 3.
- Jackson M. Hellenistic Gold Eros Jewellery. Technique, Style and Chronology. Oxford, 2006. (BAR Intern. Ser.; V. 1510).
- Jacobson E. The Art of the Scythians: The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World. Leiden; New York; Köln, 1995.
- Jacoby F. Hellanikos // RE. 1912. 8.
- Jacquemin A. Oikiste et tyran: fondateur-monarque et monarque-fondateur dans l'Occident grec // Ktema. 1993. 18.
- Jaemson M.H. Excavations at Porto Cheli and Vicinity // Hesperia. 1969. Vol. XXXVIII.
- Jeanmaire H. Dionysos: Histoire du culte de Bacchus. P., 1978
- Johns C. The Jewellery of Roman Britain: Celtic and Classical Traditions. L., 1996.
- Johnston A.W. Greek Vases in the Marketplace // Looking at Greek Vases / ed. T. Rasmussen, N. Spivey. Cambr., 1991.
- Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases // Greece and Rome. 1974. 21.
- Johnston A.W. Trademarks on Greek Vases. Warminster, 1979.
- Jones C.P. Culture and Society in Lucian. 1986.
- Jourdan-Annequin C. Héraclès aux portes du soir. Mythe et histoire. P., 1989.
- Kačarava D., Kvirkvélia G., Lordkipanidzé O. Les contacts entre les Grecs et les populations locales de la mer Noire: Chronologie et typologie // La mer Noire: Zone de contacts: Actes du VIIe Symposium de Vani / ed. par O. Lordkipanidzé et P. Lévêque. P., 1999.
- Kalashnik Yu. Greek Gold: From the Treasure Rooms of the Hermitage. Zwolle, 2004.
- Aus den Schatzkammern Eurasiens / Hrsg. M. Karabelnik. Zürich, 1993.
- Kharaldina Z.Ye., Novichikhin A.M. Ancient Collections of the Anapa Museum // ACSS. 1996. V. 3, Nos. 2–3.
- Kobylyna M.M. Divinités orientales sur le littoral Nord de la Mer Noire. Leiden, 1976.
- Kohler E.L. The Lesser Phrygian Tumuli. Philadelphia, 1995. Part 1: The Inhumations (The Gordion Excavations (1950–1973) Final Reports Vol. II; University Museum Monograph, No. 88).
- Köhler U. Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes // Abhandlungen der Berliner Academie. Berlin. 1869. H. 2.
- Koškówna S. Antike Werkzeuge zur Produktion metallener Juwelierzeugnisse aus der nördlichen und westlichen Schwarzmeerküste // Archeologia Warszawa. 1978. T. XXIX.
- Koškówna S. Remarques sur les sources archéologiques antiques relatives a la production d'orfèverie sur les rivages septentrionaux et occident de la Mer Noire // Études sur l'orfèverie antique: Studies in Ancient Jewelry / ed. T. Hackens. Louvain-la-Neuve, 1980. (Publication d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Université Catholique de Louvain; V. XIV. Aurifex. V. 1.)
- Koshelenko G.A., Kuznetsov V.D. Colchis and Bosphorus: Two Models of Colonisation? // New Studies on the Black Sea Littoral / ed. by G.R. Tsetschladze. Oxford, 1996.
- Koshelenko G.A., Kuznetsov V.D. Greek Colonisation of the Bosphorus // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology / ed. by G.R. Tsetschladze. Stuttgart, 1998.
- Kossack G. Von den Anfängen des Skytho-iranischen Tierstils // Skythika. München, 1987.
- Koukoulis-Chrysanthaki Ch. The Archaic City of Abdera // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony: Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera / ed. by A. Moustaka, E. Skarlatidou, V.-C. Tzannes, Y. Ersoy. Thessaloniki, 2004.

- Kourouniotis K.* Eleusis: A Guide of the Excavations and the Museum. Athenes, 1936.
- Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. L., 1976.
- Kraay C.M.* The Archaic Owls of Athens: Classification and Chronology // NC. 6th ser. 1956. XVI.
- Kretschmer P.* Inder am Kuban // Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Klasse: Anzeiger. 1943. 80.
- Ksenofontova I.V., Zajtseva N.G.* A Silver Rhyton with the Protome of Pegasus from the 4th Ulyap Barrow // ACSS. 1997. V. 4, No. 4.
- Künzl S.* Römisches Tafelsilber – Formen und Verwendung // Das Haus lacht vor Silber. 1997.
- Kühmann H.* Beiträge zur hellenistisch-römischen Toreutik. I // JbRGZM. 1958. Bd. 5.
- Kurts D.C., Boardman J.* Greek Burial Customs. L., 1971.
- Kühmann-Kusel H.* Thessalischer Goldschmuck im Hamburger Museum für Kunst und Gewerbe // Athenische Mitteilungen. 1925. Bd. 50.
- Kuznecov V.D.* L'organisation du territoire du Bosphore asiatique // Territoires des cités grecques: Actes de la table ronde internationale / ed. par M. Brunet. P., 1999. (BCH; Suppl. 34).
- Kuznetsov V.D.* Phanagoria and its Metropolis // Talanta. 2000–2001. XXXII–XXXIII.
- Kuznetsov V.D.* Archaeological Investigations in the Taman Peninsula // North Pontic Archaeology: Recent Discoveries and Studies / ed. by G.R. Tsatskheladze. Leiden; Boston; Köln, 2001.
- Kuznetsov V.D.* Kepoi–Phanagoria–Taganrog // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II / ed. by D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos.
- Kyrieleis H.* Bildnisse der Ptolemäer. Berlin, 1975. (Archäologische Forschungen; Bd. 2).
- L'Or des Amazones: Peuples nomades entre Asie et Europe (VI siècle av. J.-C. – IV siècle apr. J.-C). P., 2001.
- Labaree B.W.* How the Greeks Sailed into the Black Sea // AJA. 1957. 61.
- Lacroix L.* Héraclès, héros voyageur et civilisateur // Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques de l'Académie royale de Belgique. Serie 5, 1974. 60.
- Laffineur R.* Collection Paul Canelpoulos (XV): Bijoux en or grecs et romains // BCH. 1980. T. 104.
- Laffineur R.* L'orfèvrerie rhodienne orientalisante. P., 1978.
- Lagos C.* Two Second Century BC Bronze Hoards from the Black Sea // NC. 2000. Vol. 160.
- Lanckoronski C.L.* Städte Pamphyliens und Pisidiens. Berlin, 1890–1892. Tl. I–II.
- Lang F.* Archaische Siedlungen in Griechenland. Struktur und Entwicklung. Berlin, 1996.
- Lawall M.* Ceramics and Positivism Revisited: Greek Transport Amphoras and History // Trade, Traders and the Ancient City / ed. H. Parkins and Ch. Smith. L.; N.Y., 1998.
- Lemos A.A.* Archaic Pottery of Chios: The Decorated Style. Oxford, 1991. Vol. I: Text.
- Leschhorn W.* «Gründer der Stadt»: Studien zu einem politisch-religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984.
- Leskov A.* Treasures from the Ukrainian Barrows: Latest Discoveries. Leningrad, 1972.
- Leskov A.M.* Die skythische Kurgans: Antike Welt Sondernr. Zürich, 1974.
- Leskov A.M.* Grabschätze der Adygeen: Neue Entdeckungen im Nordkaukasus. München, 1990.
- L'or des Thraces: Trésors de Bulgarie / ed. V. Fol; Musée Jacquemart-André. Paris, 2006.
- Lohmann H.* Agriculture and Country Life in Classical Attica // Agriculture in Ancient Greece: Proceedings of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 16–17 May, 1990 / ed. by B. Wells. Stockholm, 1992.
- Loukopoulou L.D.* Contribution à l'histoire de la Thrace Propontique durant la période archaïque. Athènes, 1989.
- Luschey H.* Die Phiale: Bleicherode am Harz, 1939.
- Maier F.G.* Griechische Mauerbauinschriften. Heidelberg 1959. Tl. I; 1961. Tl. II.
- Malkin I.* What's Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. 63.
- Malkin I.* Religion and Colonization in Ancient Greece. Leiden, 1987.
- Malkin I.* Inside and Outside: Colonization and the Formation of the Mother City // Apoikia: Scritti in onore di G. Buchner / ed. B. d'Agostino e D. Ridgway. Napoli, 1994.
- Marčenko K.K.* Die Siedlung von Elizavetovka – ein griechische-barbarisches Emporium im Don-Delta // Klio. 1986. Bd. 68, Hft. 2.
- Marcotte D.* Ps.-Scymnos, Circuit de la Terre. Géographes grecs. P., 2000. Vol. I.
- Marshall F.H.* Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities British Museum. L., 1911.
- Martin R.* Rapports entre les structures urbaines et les modes de division et d'exploitation du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. P., 1973.
- Martin R., Metzger H.* La religion grecque. P., 1976.
- May J.M.F.* The Coinage of Abdera. L., 1966.
- McGing B.C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Oxford, 1980.
- Melber J.* Über die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyäns // Jahrbücher für classische Philologie. 1885. Suppl. 14.
- Meriçboyu Y.A.* Antikçağ' de Anadolu takilari. Istanbul, 2001.
- Meritt B.D., Wade-Gary H.T., McGregor M.F.* The Athenian Tribute Lists. Cambridge (Mass.), 1939.
- Meritt B.D., West A.B.* The Athenian Assessment of 425 B.C. Ann Arbor, 1934. Vol. 1.
- Metdepenninghen C.* La relation entre l'art urartén au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermès et de Melgounüv // Iranica Aniqua. 1997. T. 32.
- Mette H.J.* Sphairopoia: Untersuchungen zur Kosmologie des Krates von Pergamon. München, 1936.
- Metzner-Nebelsick C.* Die frühzeitliche Trensentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // Regensburger Beiträge zur Prähistorischen Archäologie. 1994. Bd. 1.
- Metzner-Nebelsick C.* Die Urnfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien – eine Region im Spannungsfeld zwischen Osthallstattkreis, karpatenländisch-balkanischer Eisenzeit und Steppenkultur // Die Osthallstattkultur: Ak-

- ten des Internationalen Symposiums. Budapest, 1996.
- Meyer-Schlichtmann C.* Die pergamenische Sigillata aus der Stadgrabung von Pergamon. Berlin, 1988. (Pergamenische Forschungen; Bd. 6).
- Mielczarek M.* Armies grecques, scythes et sarmates du littoral septentrional de la Mer Noire dans la collection du Musée de l'Armée Polonaise à Varsovie // Monumenta Antiqua Orae Septentrionalis Ponti Euxini Reperta. Torun, 1995. Vol. I.
- Mielczarek M.* The so-called Krasnodar Hoard and Some Problem relating to Bosphoran Coinage of the Third Century BC // XII Internationaler Numismatischer Kongress. Berlin, 1997. Berlin, 2000. Bd. 1: Akten.
- Miller S.* Two Groups of Thessalian Gold. Berkeley; Los Angeles, 1979.
- Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Mitchell S.* The Cult of Theos Hypsistos between Pagan, Jews and Christian // Pagan Monotheism in Late Antiquity / ed. by P. Athanassiadi and M. Frede. Oxford, 1999.
- Mollard-Besques S.* Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs et romains. P., 1963. T. II: Myrina.
- Mordvinceva V.I.* Sarmatische Phaleren. Rahden, 2001. (Archäologie in Eurasien; Bd. 11).
- Mordvinceva V.I., Treister M.* Zum Verhältnis "griechischer" und "barbarischer" Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. // Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet: Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13. – 15. Februar 2003 / Hrsg. F. Fless, M. Treister. Rahden, 2005.
- Morel J.-P.* Greek Colonization in Italy and in the West: (Problems of Evidence and Interpretation) // Crossroads of the Mediterranean / ed. T. Hackens, N.D. Holloway, R.R. Holloway. Louvain; La-Neuve; Providence, 1983.
- Morel J.-P.* La céramique comme indice du commerce antique: (Réalités et interprétations) // Trade and Famine in Classical Antiquity / ed. P. Garnsey, C.R. Whittaker. Cambridge, 1983.
- Morgan C.* Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phana-goria. Leiden; Boston, 2004.
- Morgan C., Coulton J.J.* The Polis as Physical Entity // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community / ed. by M.H. Hansen. Copenhagen, 1997. (Acts of the Copenhagen Polis Centre; 4).
- Morris I.* Archaeology and Archaic Greek History // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence / ed. by N. Fisher and H. van Wees. 1998.1.
- Morris I.* Burial and Ancient Society. Cambridge, 1987.
- Morris I.* Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge, 1996.
- Moustaka A.* Grossplastik aus Ton in Olympia. Berlin; New York, 1993. (Olympische Forschungen; Bd. XXII).
- Mroghenda U.* Die Terrakottafiguren von Myrina: Eine Untersuchung ihrer möglichen Bedeutung und Funktion im Grabzusammenhang. Frankfurt am Mein. 1996. (Europäische Hochschulschriften; Reihe 38: Archäologie. Bd. 63).
- Musche B.* Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden; New York; København; Köln, 1988.
- Mylonas G.* Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princeton, 1961.
- Nadel B.* The Kaisarion Inscription from Taman // Historia testis. Mélanges... T. Zawadzki. Fribourg, 1989.
- Nawroth M.* Der Goldfund von Vetersfelde: vom Schwarzen Meer in die Lausitz // Im Zeichen des Goldenen Greifen: Königs Gräber der Skythen. München; Berlin; London; New York, 2007.
- Nieswandt H.* Zum sog. Pegasos-Rhyton aus Kurgan 4 von Aul Uljap. I. Formgebung // Boreas. 1997. Bd. 20.
- Nippel W.* The Construction of the "Other" // Greeks and Barbarians / ed. by Th. Harrison. Edinburgh, 2002.
- Noak F.* Eleusis. Berlin; Leipzig, 1927. Bd. I–II.
- Noll R.* Zwei römerzeitliche Grabfunde aus Rumänien in der Wiener Antikensammlung: Mit einem Exkurs, Goldene Herkuleskeulen // JbRGZM. 1984. Bd. 31.
- Noonan T.S.* The Grain Trade of Northern Black Sea in Antiquity // AJPh. 1973. Vol. 94, 3.
- Noy D.* Foreigners at Rome. Swansea, 2002.
- Ogden D.* Greek and Roman Necromancy. Princeton; Oxford, 2001.
- Olbrycht M.J.* Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker bei Strabon: Zur Geschichte und Eigenart der Völker in nordostpontischen und nordkaukasischen Raum in 2. – 1. Jh. v. Chr. // Klio. 2001. Bd. 83.
- Olbrycht M.* Mithridates VI. Eupator, der Bosphoros und die sarmatische Völker // Kimmerowe, Scytowe, Sarmaci. Krakow, 2004.
- Oleson J.P.* Herod and Vitruvius: Preliminary Thoughts on Harbours Engineering at Sebastos, the Harbour of Caesarea Maritima // Harbour Archaeology: Proceedings of the First International Workshop on Ancient Mediterranean Harbours / ed. by A.Raban. Oxford, 1985. (BAR; 257).
- Oleson J.P., Branton G.* The Technology of King Herod's Harbour // Caesarea Papers: Sraton's Tower, Herod's Harbour, and Roman and Byzantine Caesarea / ed. by R.L. Vann. 1992. (JRA; Suppl. 5).
- Oliver A.Jr.* Silver for the Gods: 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo, 1977.
- Ondejová I.* Les bijoux antiques. Prague, 1975.
- Orlandos A.* Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs. P., 1966. I.
- Oro: Il misterio dei Sarmati e de gli Sciti / eds. J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova. Milano, 2001.*
- Owens E.J.* The City in the Greek and Roman World. London; New York, 1991.
- Ózet M.Y.* The Tomb of a Noble Woman from the Hekatomid Period // Hekatomid Caria and the Ionian Renaissance: Acts of the Intern. Symposium at the Dept. of Greek and Roman Studies, Odense University, 28–29 Nov. 1991 / ed. J. Isager. Odense, 1994. (Halicarnassian Studies; V. 1).
- Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südliche Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1803. Bd. II.
- Parisinou E.* The Light of the Gods. The Role of Light in Archaic and Classical Greek Cult. L., 2000.
- Parke H.W.* Oracles of Apollo in Asia Minor. L., 1985.
- Pearson L.* Early Ionian Historians. Oxford, 1939.
- Petolescu C.M.* The Treasure of King Koson. Bucharest, 1992.

- Petrescu-Dîmbodîța M.* Depozitele de bronzuri din România. Bucuresti, 1977.
- Pfeiler-Lippitz B.* Späthellenistische Goldschmiedearbeiten // Antike Kunst. 1972. Jg. 15, H. 2.
- Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 1993.
- Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen, 1990. (Istanbuler Forschungen; Bd. 37).
- Phillips R.J.* The Sources and Method of Polyaeus: Diss. Boston, 1970.
- Picchelauro K.* Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgian // Archäologie in Eurasien. Berlin, 1996. Bd. 4.
- Pick B.* Die Münzkunde in der Altertumswissenschaft. Stuttgart; Gotha, 1921.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian art: The legacy of the Scythian world: mid 7th to 3rd century B.C. Leningrad, 1986.
- Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. Oxford, 1999.
- Platz-Horster G.* Altes Museum Antiker Goldschmuck: Eine Auswahl der ausgestellten Werken. Berlin, 2001.
- Platz-Horster G., Nagler A.* Die Goldfunde von Majkop // Im Zeichen des goldenen Greifen: Königsgräber der Skythen: Begleitbuch zur Ausstellung im Martin-Gropius-Bau Berlin / Hrsg. von H. Parzinger u. W. Menghin. Berlin, 2007.
- Pochitonov E.* Nové datování pocladu antichich minci z nalezu na ostrově Prinkipo // Numismatický sborník. Praha, 1968.
- Polignac F., de.* Cults, Territory and Origin of the Greek City-State. Chicago; London, 1995.
- Polignac F. de.* Forms and Processes: Some Thoughts on the Meaning of Urbanization in Early Archaic Greece // Mediterranean Urbanization, 800–600 BC. / ed. by R. Osborne and B. Cunliffe. Oxford, 2005.
- Popovič I.* Roman Jewelry in the Form of Hercules Symbols in the Central Balkans // Starinar. 1998. V. 49.
- Preisendanz K.* Die griechischen und lateinischen Zaubertafeln // Archiv für Papyrusforschung. 1928. 9; 1935. 11.
- Raban A.* καισαρεία ἡπρὸς Σεβαστὸν λιμένι: Two Harbours for Two Entities // Caesarea Papers: Sraton's Tower, Herod's Harbour, and Roman and Byzantine Caesarea / ed. by R.L. Vann. 1992. (JRA; Suppl. 5).
- Raev B.A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. (BAR. Intern., ser.; V. 278).
- Raev B.A., Simonenko A.V., Treister M.Y.* Etrusco-Italic and Celtic Helms in Eastern Europe // JbRGZM. 1991 (1996). Bd. 38, Teil. 2.
- Raoul-Rochette D.* Antiquités grecques de Bosphore Cimmérien. P., 1822.
- Reardon B.P.* The Form of Greek Romance. Princeton, 1991.
- Redfield J.* Notes on a Greek Wedding // Arethusa. 1982. 15.
- Regling K.* Der griechische Goldschatz von Prinkipo // ZfN. 1931. XLI.
- Reinach S.* Antiquités du Bosphore Cimmérien. P., 1892.
- Reinach T.* Mithridates Eupator, König von Pontos. Leipzig, 1975.
- Rezepekina A.D.* Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Rahden (Westf.), 2000. Bd. 10.
- Riha E., Stern W.B.* Die römischen Löffel aus Augst und Kaiseraugst. Augst, 1982. (Forschungen in Augst; Bd. 5.)
- Rizzo F.P.* Sulla Chronologia della vita di Ellanico // Athenaeum. 1965. 43.
- Rohde E.* Studien zur Chronologie der griechischen Literaturgeschichte // Rohde E. Kleine Schriften. Tübingen; Leipzig, 1901. Bd. I.
- Rohde E.* Psyche: Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. 3. Aufl. Tübingen; Leipzig, 1903. Bd. I.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- Rostovtzeff M.* The Bosporan Kingdom // CAM. 1930. Vol. VIII.
- Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus. Berlin, 1931.
- Rotroff S.I.* Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, 1997. (The Athenian Agora; V. XXIX).
- Ruiz-Montero C.* The Rise of the Greek Novel // The Novel in the Ancient World / ed. G. Schmeling. Mnemosyne. Leiden; New York; Köln, 1996. Suppl. 159.
- Rutkowski D.* Lampes sacrées de Gortyne // Études et travaux. Warszawa. 1983. XIII.
- Ruxer M.S., Kubczak J.* Naszynik grechi w okresach hellenistycznym i rzymskim. Warsaw; Poznań, 1972.
- Samarti-Grego E., Trilla J.* Nuevos datos la historia y topografía de las murallas de Emporion // Madrider Mitteilungen. 1992. 33.
- Samašev Z.* Die Fürstengräber des Siebenstromlandes // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München; Berlin; London; New York, 2007.
- Santrot J. (ed.).* Arménie: Trésors de l'Arménie ancienne des origines au IVe siècle. P., 1996.
- Saprykin S.Ju.* Eumeles' Boon Callatians // TC. 2000. Вып. 3.
- Saprykin S.Ju.* Chora and Polis in the Kingdom of Bosporus in the Classical and Hellenistic Periods // Chora und Polis. München, 2004.
- Saprykin S.Ju.* The Chora in the Bosporan Kingdom // Surveying the Greek Chora. Black Sea Region in a Comparative Perspective / ed. by P.G. Bilde and V.F. Stolba. Aarhus, 2006. (Black Sea Studies; 4.)
- Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A.* Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors (Parti) // ACSS. 1996. Vol. 3, 1.
- Sarianidi V.I.* Baktrisches Gold. Leningrad, 1985.
- Savostina E.A.* Les kourganes du Bosphore // Le dossiers d'archéologie. 1993. No. 188.
- Scegllov A.* Le commerce du blé dans le Pont septentrional (seconde moitié du VII–V. siècle) // Le Pont–Euxin vu par les Grecs: Sources écrites et archéologie. Besançon, 1990.
- Schaefer A.* Die Regierungszeit des Königs Paerisades von Bosporus // RhM. 1883. Bd. XXXVIII.
- Schefold K.* Attische Silberschale // RM. 1931. Bd. 46.
- Schefold K.* Der skythische Tierstil in Südrussland // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1938.V. XII.
- Scheich Ch.* Ein Stiet- und Löwenkopfanhänger aus Gold aus dem Artemision von Ephesos // Der Kosmos der Artemis von Ephesos / Hrsg. U. Muss. Wien, 2001. (Österreichisches Archäologisches Institut. Sonderschriften; Bd. 37.)
- Schelov D.* Der römische Import im Unterdon- und Wolgagebiet in den ersten Jahrhunderten u. Z // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968.
- Shelov D.B.* Coinage of the Bosporus VI–II centuries B.C. Oxford, 1978.
- Schiltz V.* Deux gorytes identiques en Macédoine et dans le Kouban // Revue archéologique. 1979. Fasc. 2.

- Schiltz V. Die Skythen und andere Steppenvölker. München, 1994.
- Schiltz V. Les Scythes et les nomades des steppes. 8 siècle J.-C. — 1 siècle après J.-C. P., 1994.
- Schwarzmaier A. Die Gräber in der Großen Blizniza und ihre Datierung // JdAI. 1996. Bd. 111.
- Scythian Gold: Treasures from Ancient Ukraine / ed. E.D. Reeder. N.Y., 1999.
- Seltman C.T. Athens: its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924.
- Sevinç N., Rose C.B. A Child's Sarcophagus from the Salvage Excavations at Gümüşçay // Studia Troica. 1999. V. 9.
- Sevinç N., Treister M. Metalwork from the Dardanos Tumulus // Studia Troica. 2003. V. 13.
- Seyrig H. Monnaies Hellénistiques de Byzance et Calcedone // Essay in Greek Coinage, Presented to Stanley Robinson. Oxford, 1968.
- Shelov D.B. Le royaume pontique de Mithridate Eupator // JdS. 1982. Juillet — décembre.
- Shönert-Geiss E. Die Münzprägung von Byzantion. Berlin; Amsterdam, 1970. Teil I: Autonome Zeit.
- Simonenko A.V. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. 2001. Bd. 7.
- Skarlatidou E. The Archaic Cemetery of Abdera // Thracia Pontica. Sofia, 1986. III.
- Snodgrass A.M. An Archaeology of Greece: The Present State and Future Scope of a Discipline. Berkeley; Los Angeles; London, 1987.
- Snodgrass A.M. Archaeology and the Study of the Greek City // City and Country in the Ancient World / ed. J. Rich and A. Wallace-Hadrill. L.; N.Y., 1991.
- Snodgrass A.M. The Hoplite Reform and History // JHS. 1965. Vol. 85.
- Sorokina N., Zhuravlev D. Collections of Artefacts from Classical Centres on the North Coast of the Black Sea in the Collection of the State Historical Museum (Moscow) // Ancient Civilisation from Scythia to Siberia. 1997. V. 4.2.
- Sourvinou-Inwood C. «Reading» Greek Culture: Texte and Images, Rituals and Myths. Oxford, 1991.
- Starr Ch.G. Athenian coinage. Oxford, 1970.
- Starr I. Queries to the Sungod: Divination and politics in Sargonid Assyria // State Archives of Assyria. Helsinki, 1990. Vol. IV.
- Stephani L.E. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Saint-Petersbourg, 1854. T. II.
- Stephens S.A., Winkler J.J. Ancient Greek Novels: The Fragments. Princeton, 1995.
- Stern E. Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres in Lichte archeologischer Forschung // Klio. 1909. Bd. IX.
- Stolba V.F. 1998. ΣΑΜΜΑΣ: Zur Prägung eines bosporanischen Tyrannen // Stephanos numismatikos: Edith Schönert-Geiss zum 65. Berlin, 1998.
- Strong D.E. Greek and Roman Gold and Silver Plate. L., 1966.
- Stupperich R. Romisches Silbergeschirr der mittleren bis späten Kaiserzeit in Germanien // Das Haus lacht vor Silber. 1997.
- Sulimirski T. The Ziviye Find and the Background of its Significance in the Development of Scythian Art // Bulletin Institute of archaeology. L., 1978. 15.
- Swoboda H.S., Keil F., Knoll F. Denkmäler aus Lykaonien, Pamphylien und Isaurien. Prague, 1936.
- The Treasures of Nomadic Tribes. Tokyo, 1991.
- Themelis P. Macedonian Dedications on the Acropolis // The Macedonians in Athens 322–229 B.C.: Proceedings of an International Conference held at the University of Athens, May 24–26, 2001 / eds. O. Palagia, S.V. Tracy. Oxford, 2003.
- Thompson M.A. A Hoard of Bosphorus Electrum. Commemorative Studies in Honor of Theodore Leslie Shear // Hesperia. 1949. Supplem. VIII.
- Thompson M., Mørholm O., Kraay C.M. An Inventory of Greek Coin Hoards. N.Y., 1973.
- Die Thraker: Das goldene Reich des Orpheus / ed. R. Echt. Bonn, 2004.
- Toker A., Öztürk J. Metal Vessels: Museum of Anatolian Civilizations. Ankara, 1992.
- Tokhtas'ev S. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus: Studia classica. Petropoli, 1996. Vol. 2, Fasc. 1.
- Tokhtas'ev S.R. The Bosphorus and Sindike in the Era of Leukon I: New Epigraphic Publications // ACSS. 2006. 12.
- Tolstikov V.P. L'apport de la fortification à l'histoire du Bosphore antique // La fortification dans l'histoire du monde grec: Actes du Colloque international Valbonne, décembre 1982 / ed. par P. Leriche et H. Tréziny. P., 1986.
- Tonkova M. Hellenistic Jewellery from the Colonies on the West Black Sea Coast // Archaeology in Bulgaria. 1997. V. 1, No. 1.
- Treister M. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // New Studies on the Black Sea Littoral / ed. G. Tsetskhladze. Oxford, 1996. (Colloquia Pontica; V. 1.)
- Treister M. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae) // Ancient Greeks West and East / ed. G.R. Tsetskhladze. Leiden, 1999.
- Treister M. The Workshop of the Gorytos and Scabard Overlays // Cat. San Antonio 1999.
- Treister M. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. Leiden; Köln; Boston, 2001. (Colloquia Pontica. V. 8.)
- Treister M. Jewellery and Related Finds from a rich 1st Century AD Sarmatian Burial from the Crimea // AWE. 2002. V. 1, No. 2.
- Treister M. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road Art and Archaeology. 2002. V. 8.
- Treister M. Metal Vessels from Dardanos // I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia: Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi / ed. A. Giunilia-Mair. Montagnac, 2002. (Instrumentum Monographies, 21.)
- Treister M. Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery // ACSS. 2002. V. 8.
- Treister M. The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 excavations) // ACSS. 2003. V. 9, No. 1–2.
- Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and Related finds from Karagodeuashkh // AWE. 2003. V. 2, No. 1.
- Treister M. Cloisonné-and champlevé-decoration in the Gold work of the Late Hellenistic-Early Imperial Periods // Acta Archaeologica. 2004. V. 75, No. 2.

- Treister M.* Polychrome Necklaces from the Late Hellenistic Period: (On the Question of the Origin of Necklaces with Butterfly-shaped Pendants) // ACSS. 2004. V. 10, No. 3–4.
- Treister M.* On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the «Ampsakos School» // ACSS. 2005. V. 11, No 3–4.
- Treister M., Zhuravlev D.* Grave-goods from a Rich Tomb in Gorgippia (?) Dating from the 2 century AD and now in the Collection of the State Historical Museum (Moscow) // ACSS. 2006. V. 12, No 3–4.
- Treister M.* Late Hellenistic Polychrome Necklaces // *Common Ground: Archaeology, Art, Science, and Humanities, Proceedings of the XVI International Congress of Classical Archaeology* / eds. A. Brauer, A.A. Donohue, C. Mattusch. Oxford, 2006. (Oxbow Monograph; V. XX).
- Treister M.* The Toreutics of Colchis in the 5th – 4th centuries BC.: Local Traditions, Outside Influences, Innovations // ACSS. 2007. V. 13, No 1–2.
- Tréziny H.* L'urbanisme archaïque des villes ioniennes: un point de vue occidental // REA. 2006. Tome 108, No. 1.
- Tsetsckhladze G.R.* The Silver Phiale Mesomphalos from the Kuban (Northern Caucasus) // OJA. 1994. V. 13, No. 2.
- Tsetsckhladze G.R.* A Survey of the Major Urban Settlements in the Kimmerian Bosphoros (with a discussion of their status as poleis) // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis* / ed. by Th.H. Nielsen. Stuttgart, 1997. (Papers from the Copenhagen Polis Centre. 4).
- Tsetsckhladze G.R.* Trade on the Black Sea in the Archaic and Classical Periods: Some Observations // *Trade, Traders and the Ancient City* / ed. H. Parkins and Ch. Smith. L.; N.Y., 1998.
- Tsetsckhladze G.R., Kuznetsov V.D.* On the Cult of Aphrodite in Kepoi // *Periplus: Papers on Classical Art and Archaeology presented to Sir John Boardman* / ed. by G.R. Tsetsckhladze, A.J.N.W. Prag, A.M. Snodgrass. L., 2000.
- Tsetsckhladze Gocha R.* Greek Colonization of the Black Sea Area, Stages, Models, and Native Population // *The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / ed. Gocha R. Tsetsckhladze. Stuttgart, 1998.
- Tuplin Chr.* Satyros and Athens: IG, II² 212 and Isocrates 17.57 // ZPE. 1982. Bd. 49.
- Tyrrell W.B.* Amazons: A Study in Athenian Mythmaking. Baltimore; London, 1984.
- Ustinova Y.* The Supreme Gods of the Bosphoran Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Köln, 1999.
- Verbanck-Pierard A.* Le double culte d'Héraklès: légende ou réalité? // *Entre homes et dieux: Le convive, le héros, le prophète* / ed. par A.-F. Laurens. P., 1989.
- Vermaseren M.J.* Cybele and Attis: The Myth and Cult. L., 1977.
- Vian F.* Répertoire des gigantomachie figurées dans l'art grec et romain. P., 1951.
- Vian F.* La guerre des géants. Le myth avant l'époque hellénistique. P., 1952.
- Vickers M.* Scythian and Thracian Antiquities in Oxford. Oxford, 2002.
- Vickers M.* Was ist Material wert? Eine kleine Geschichte über den Stellenwert griechischer Keramik // *Antike Welt*. 2004. Jg. 35, H. 2.
- Vickers M., Gill D.* Artful Crafts: Ancient Greek Silverware and Pottery. Oxford, 1994.
- Vidal-Naquet P.* Le chasseur noir. Formes de pensée et formes de société dans le monde grec. P., 1981.
- Villard G., Vallet F.* Megara Hyblaea V. Lampes du VII siècle et chronologie des coupes ioniennes // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1955. Vol. 67.
- Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Poleis der nördlichen Schwarzmeer-gebietes im 5. Jh. v. Chr. // *Chiron*. 1980. Bd. 10.
- Vinogradov Yu.G.* Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, Caucasus and Central Asia (1985–1990) // ACSS. 1994. V. I, No 1.
- Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Mainz, 1997.
- Vinogradov Yu.* The Greek Colonisation of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / ed. by G.R. Tsetsckhladze. Stuttgart, 1998. (Historia Einzelschriften; 121).
- Vinogradov Ju.G.* Der Staatsbesuch der 'Isis' im Bosphoris // ACSS. 1999. Vol. 5, No 4.
- Vinogradov Y.G.* The Visit of an Euboean to Phanagoria // *Talanta*. 2000–2001. Vol. XXXII–XXXIII.
- Vinogradov Ju.G., Wörle M.* Die Söldner von Phanagoreia // *Chiron*. 1992. 22.
- Vinogradov Ju.G., Zolotarev M.I.* Worship of the Sacred Egyptian Triad in Chersonesus (Crimea) // ACSS. 1999. Vol. 5, No 4.
- Vlasova E.V.* The Scythian Drinking Horn // *Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum* / eds. J. Boardman, S. Solovyov, G. Tsetsckhladze. Leiden; Boston; Köln, 2001. (Colloquia Pontica. V. 7).
- Vokotopoulou I.-K.* (Hrsg.), Makedonen die Griechen des Nordens: Sonderausstellung 11.3.1994–19.6.1994: Forum des Landesmuseum Hannover. Athen, 1994.
- Völker-Janssen W.* Kunst und Gesellschaft an den Höfen Alexanders d. Gr. und seiner Nachfolger. München, 1993. (Quellen und Forschungen zur antiken Welt; Bd. 15.)
- Vollkommer R.* Herakles in the Art of Classical Greece. Oxford, 1988. (Oxford University Committee for Archaeology. Monograph No 25.)
- Gutschmid A. von.* Die beiden ersten Bücher des Pompejus Trogus // *Kleine Schriften*. Leipzig, 1894. Bd. V.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Memoriae obliteratae // *Hermes*. 1876. 11.
- Waddington W.H.* Trouvailles de Saida et de Marmora // *RN*. 1865.
- Waldbaum J.* From Bronze to Iron. Göteborg, 1978.
- Waldhauer O.* Die antiken Sculpturen der Ermitage. Berlin; Leipzig, 1931.
- Waşowich A.* Le système de défense des cités grecques sur les côtes septentrionales de la mer Noire // *La fortification dans l'histoire du monde grec: Actes du Colloque international Valbonne, décembre 1982* / éd. par P. Leriche et H. Tréziny. P., 1986.
- Webster T.B.L.* Potter and Patron in Classical Athens. L., 1972.
- Werner J.* Herkuleskeule und Donaramulett // *JbRGZM*. 1964. Bd. 11.
- Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // *Historia*. 1955. Bd. IV, Ht. 4.
- Whitehouse R.D., Wilkins J.B.* Greeks and Natives in South-East Italy: Approaches to the Archaeological Evidence // *Comparative Studies in Archaeology* / ed. by T.C. Champion. L., 1989.

- Widawski M.* The Exchange of Coins in the Bosphoran State in the 3-rd century B.C. // PNN. 1990. V.
- Will E.* La Grèce archaïque // Deuxième conférence Internationale d'histoire économique. P., 1965. V. I: Trade and Politics in the Ancient World.
- Williams D.* Identifying Greek Jewellers and Goldsmiths // The Art of the Greek Goldsmith: Proceedings of the international conference, London, 4–6 October 1994 / ed. D. Williams. L., 1998.
- Williams D.* Refiguring Attic Red-figure: A review article // RA. 1996.
- Williams D.* The Kyme Treasure // Ancient Jewelry & Archaeology / ed. A. Calinescu. Bloomington; Indianapolis, 1996.
- Williams D.* Three Groups of Fourth Century South Italian Jewellery in the British Museum // RM. 1988. Bd. 95.
- Williams H.* Secret Rites of Lesbos // Archaeology. 1994. 4.
- Winter Fr.* Die Typen der figurlich Terracotten. Berlin; Stuttgart, 1903. Bd. 1–III.
- Wiseman T.P.* Lying Historians: Seven Types of Mendacity // Lies and Fiction in the Ancient World / edd. C. Gill & T.P. Wiseman. Exeter, 1993.
- Worley L.J.* Hippias: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare). Boulder; San Francisco; Oxford, 1994.
- Young R.* Three Great Early Tumuli. Philadelphia, 1981. (The Gordion Excavations Final Reports; V. 1. University Museum Monograph, No. 43).
- Zahn R.* Hellenistischer Goldschmuck // Antike Denkmäler. 1929. Bd. 4.
- Zavoikin A., Zhuravlev D.* Lamps from the Sanctuary of Eleusin Goddesses in Kimmerian Bosphorus // Lychnological Acts 1: Acts of the 1 International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon–Geneva, 29.IX – 4.X.2003). Montagnac, 2005. (Monographies Instrumentum; Vol. 30).
- Zhuravlev D.* A Skyphos from the House of Chrysaliskos and Pergamene Pottery Import in the Bosphoran Kingdom // Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Χρονολογικά προβλήματα. Κλειστά Συνολα – Εργαστήρια. Πρακτικά. Αθήνα, 2000.
- Zhuravlev D.* Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survey) // ACSS. 2002. Vol. 8.
- Zhuravlev D., Zhuravleva N.* Bosphoran Late Hellenistic Multinozzled Lamps // Fire, Light and Light Equipment in the Graeco-Roman World. 2002. (BAR. International Series; 1019.)
- Zograph A.N.* The Tooapse hoard // NC. 1925. V.
- Zwei Gesichter der Eremitage: Die Skythen und ihr Gold / Hrsg. L. Barkova, Ju. Kalašnik. Bonn, 1997.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Андрей Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Алексеева Екатерина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН

Беглова Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея народов Востока

Бугрова Наталья Александровна — заведующая отделом фондовых информационных технологий Национального музея Республики Татарстан

Быковская Наталья Владимировна — заместитель директора по научно-фондовой работе Керченского историко-культурного заповедника

Виноградов Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, заведующий отделом истории античной культуры ИИМК РАН, член-корреспондент Германского археологического института

Власова Елена Валерьевна — научный сотрудник отдела античного мира Государственного Эрмитажа

Ганбов Васиф Абидович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН

Галанина Людмила Константиновна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Государственного Эрмитажа

Галут Ольга Васильевна — заведующая отделом фондов Анапского археологического музея-заповедника

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея, член-корреспондент Германского археологического института

Засецкая Ирина Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Ильина Татьяна Анатольевна — старший научный сотрудник отдела искусства и археологии античного мира ГМИИ им. Пушкина

Ильиных Любовь Анатольевна — директор Темрюкского историко-археологического музея

Лесков Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор Пенсильванского университета (США)

Малышев Алексей Александрович — кандидат исторических наук, начальник отдела истории РГНФ, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН

Мельникова Ирина Николаевна — директор Анапского археологического музея-заповедника

Неверов Олег Яковлевич — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник античного отдела, хранитель античных резных камней Государственного Эрмитажа

Устаева Эльвира Радифовна — старший научный сотрудник, заведующая фондами Таманского музейного комплекса

Финогенова Светлана Ильинична — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела искусства и археологии античного мира ГМИИ им. Пушкина

Фирсов Кирилл Борисович — главный хранитель отдела археологических памятников Государственного Исторического музея

Хачатурова Евангелина Анатольевна — заведующая отделом археологии Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Шевченко Николай Федорович — старший научный сотрудник Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Шишлов Александр Владимирович — заведующий отделом археологии Новороссийского музея-заповедника

Эрлих Владимир Роальдович — доктор исторических наук, заведующий сектором археологии Кавказа Государственного музея народов Востока

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Андрей Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Алексеева Екатерина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН

Беглова Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея народов Востока

Бугрова Наталья Александровна — заведующая отделом фондовых информационных технологий Национального музея Республики Татарстан

Быковская Наталья Владимировна — заместитель директора по научно-фондовой работе Керченского историко-культурного заповедника

Виноградов Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, заведующий отделом истории античной культуры ИИМК РАН, член-корреспондент Германского археологического института

Власова Елена Валерьевна — научный сотрудник отдела античного мира Государственного Эрмитажа

Гайбов Васиф Абидович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН

Галанина Людмила Константиновна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Государственного Эрмитажа

Галут Ольга Васильевна — заведующая отделом фондов Анапского археологического музея-заповедника

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея, член-корреспондент Германского археологического института

Засецкая Ирина Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Ильина Татьяна Анатольевна — старший научный сотрудник отдела искусства и археологии античного мира ГМИИ им. Пушкина

Ильиных Любовь Анатольевна — директор Темрюкского историко-археологического музея

Лесков Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор Пенсильванского университета (США)

Малышев Алексей Александрович — кандидат исторических наук, начальник отдела истории РГНФ, научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН

Мельникова Ирина Николаевна — директор Анапского археологического музея-заповедника

Неверов Олег Яковлевич — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник античного отдела, хранитель античных резных камней Государственного Эрмитажа

Устаева Эльвира Радифовна — старший научный сотрудник, заведующая фондами Таманского музейного комплекса

Финогенова Светлана Ильинична — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела искусства и археологии античного мира ГМИИ им. Пушкина

Фирсов Кирилл Борисович — главный хранитель отдела археологических памятников Государственного Исторического музея

Хачатурова Евангелина Анатольевна — заведующая отделом археологии Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Шевченко Николай Федорович — старший научный сотрудник Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

Шишлов Александр Владимирович — заведующий отделом археологии Новороссийского музея-заповедника

Эрлих Владимир Роальдович — доктор исторических наук, заведующий сектором археологии Кавказа Государственного музея народов Востока

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- AA – Archaeologischer Anzeiger. Berlin
AAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Sibiria. Leiden
AJA – American Journal of Archaeology. Princeton
AJPh. – American Journal of Philology. Baltimore
AMI – Archäologischen Mitteilungen aus Iran. Berlin
AWE – Ancient West & East. Leuven
BAR – British Archaeological Reports. Oxford.
BCH – Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris
CAH – The Cambridge Ancient History. Cambridge
CIRB – Corpus Inscriptiones Regni Bosporani (= КБН)
CRAI – Académie française des Inscriptions et Belles-Lettres. Comptes-rendus. Paris
CVA – Corpus Vasorum Antiquorum
FGrHist – Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker
IG – Inscriptiones Graecae. Berlin
IOSPE I, II – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latyshev. Petropoli, 1916 (I); 1890 (II)
JbRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz
JDA – Jahrbuch des Deutschen archäologischen Instituts
JdS – Journal des Savants. Paris
JHS – Journal of Hellenic Studies
JRA – Journal of Roman Archaeology
K–W – G. von Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909
LIMK – Lexikon Iconographicum Mythologiae Classicae, Zürich, 1981–1994
LPGN – P.M. Fraser, E. Matthews (eds.), A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford, 1987–2005. V. I–IV.
Michel – Michel Ch. Recueil d'inscriptions grecques. Bruxelles, 1900
NC – Numismatic Chronicle. London
OGIS – Dittenberger W. Orientis Graeci inscriptiones selectae. Leipzig. 1903–1905. Vol. 1–2.
OJA – Oxford Journal of Archaeology. Oxford
PNN – Polish Numismatic News. Warszawa
RA – Revue archéologique, Paris
RE – Pauly – Wissowa – Kroll. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
REA – Revue des Études Anciennes. Bordeaux
REG – Revue des Études Grecques. Paris
RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz
RhM – Rheinische Museum für Philologie. Köln
RM – Römische Mitteilungen. Roma
RN – Revue Numismatique
RV – Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1927. Bd. IX
WZ – Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe
ZfN – Zeitschrift für Numismatik. Berlin
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn
ABY – Археологічні відкриття в Україні. Київ

Список принятых сокращений

- АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. (Археология СССР)
- АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа
- АИБ – Археология и история Боспора. Симферополь
- АМА – Античный мир и археология. Саратов
- АО – Археологические открытия. Москва
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
- БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь
- БС – Боспорский сборник. Москва
- БФ – Боспорский феномен: Материалы международной конференции. Санкт-Петербург
- ВАА – Вопросы археологии Адыгее
- ВВ – Византийский временник. Москва
- ВДИ – Вестник древней истории. Москва
- ВИ – Вопросы истории
- ВИА – Всеобщая история архитектуры. Москва
- ВКАЭ – Восточно-Крымская археологическая экспедиция Института археологии
- ВССА – Вопросы скифо-сарматской археологии. Москва
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ГМВ – Государственный музей Востока. Москва (с 1992 г.)
- ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
- ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока. Москва (до 1992 г.)
- ГЭ – Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург
- ДА – Донская археология / Ростовский государственный университет
- ДБ – Древности Боспора. Москва
- ДБК – Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854. + Атлас
- ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. Москва
- ДГ СССР – Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. Москва
- ДИСИФ – Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета
- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
- ЗОО – Записки Одесского археологического общества. Одесса
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
- ЗРАО – Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
- ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург; Петроград
- ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград
- ИИАО – Из истории античного общества. Нижний Новгород
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- ИНИОН РАН – Институт научной информации общественных наук Российской академии наук
- ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань

Список принятых сокращений

- ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры. Петроград
- ИРАО – Известия императорского Русского Археологического общества. Санкт-Петербург
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
- КАМ – Культура античного мира
- КБН – Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград, 1965
- КБН-Альбом – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004
- КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
- КИКЗ – Керченский историко-культурный заповедник
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград
- ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
- МАЭ – Музей археологии и этнографии (Кунсткамера)
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
- МИАР – Материалы и исследования по археологии России
- МОДА – Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / Учебно-методический комплекс. Отв. ред. О.Л. Габелко. Казань, 2000–2002. Ч. 1–2.
- НА КФ ИА НАНУ – Научный архив Крымского филиала Института Археологии Национальной академии наук Украины
- НМ РА – Национальный музей Республики Адыгея. Майкоп
- НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан. Казань
- НС – Нумизматика и сфрагистика. Москва
- НО – Надписи Ольвии. Л., 1968
- НС ГИМ – Нумизматический сборник Государственного Исторического музея
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
- ОАИБ – Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992
- ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург
- ОАМ – Одесский археологический музей
- ОАВЕС ГЭ – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
- ПАК – Проблемы античной культуры: Тезисы докладов Крымской научной конференции. Симферополь, 1988
- ПГКСВП – Проблемы греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья. Тбилиси
- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск
- РА – Российская археология. Москва
- РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
- РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РАО – Русское археологическое общество
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
- РОМК – Ростовский областной музей краеведения
- СА – Советская археология. Москва
- САИ – Свод археологических источников. Москва

Список принятых сокращений

- СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва
СГУ – Саратовский государственный университет
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург
СМАА – Сборник материалов по археологии Адыгеи
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург
ТД ВНК – Тезисы докладов ... Всероссийской нумизматической конференции
ТОАМГЭ – Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа
ТОНГЭ – Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
ТОИПК ГЭ – Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
Тр.ГИМ – Труды Государственного исторического музея. Москва
ТС – Таманская старина
ФКМ – Феодосийский краеведческий музей
ХС – Херсонесский сборник. Севастополь

Научное издание

**АНТИЧНОЕ
НАСЛЕДИЕ
КУБАНИ**

В трех томах

Том III

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии РАН,
Ученым советом
Института всеобщей истории РАН*

*Заведующая редакцией Е.Ю. Жолудь
Редакторы И.В. Ключкина, М.М. Леренман
Художник Э.А. Эрман
Художественный редактор В.Ю. Яковлев
Технический редактор Т.А. Резникова
Корректоры А.Б. Васильев, Г.В. Дубовицкая,
Е.А. Желнова
Компьютерная верстка Н.В. Мелковой
Компьютерная графика Л.А. Дроновой, С.Г. Ковалевой,
Е.Ю. Костылевой, М.А. Октябрьского, О.Б. Черняк*

Подписано к печати 14.11.2010
Формат 70 × 90 ¹/₈
Гарнитура Академическая
Печать офсетная. Усл.печ.л. 84,2
Усл.кр.-отт. 339,9. Уч.-изд.л. 57,5
Отпечатано в ООО «ЛД-ПРИНТ»
Тираж 1500 экз. Тип. зак. 3021.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Издательство «Северный паломник»
127018 Москва, ул. Трифоновская, 2
npilgrim@mail.ru

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
- 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

**Магазины "Академкнига" с указанием книжнических отделов
и "Книга-почтой"**

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
- 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой");
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
- 220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
www.akademkniga.by
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
- 127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
- 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
- 105062 Москва, Б. Спасопланинцевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
- 630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
- 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
- 199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
- 634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

ISBN 978-5-02-037389-1

9 785020 373891

